

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

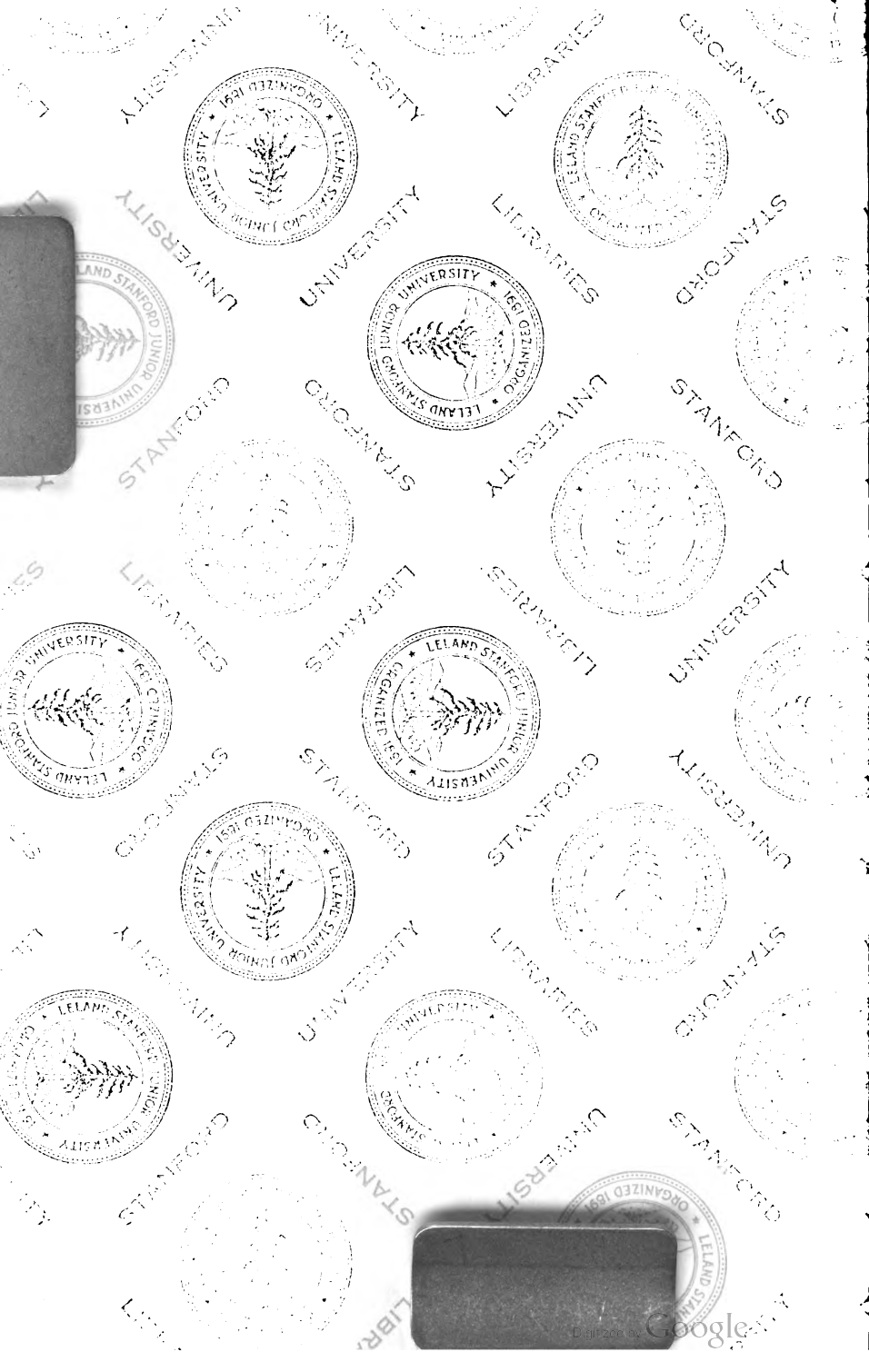
О программе Поиск книг Google

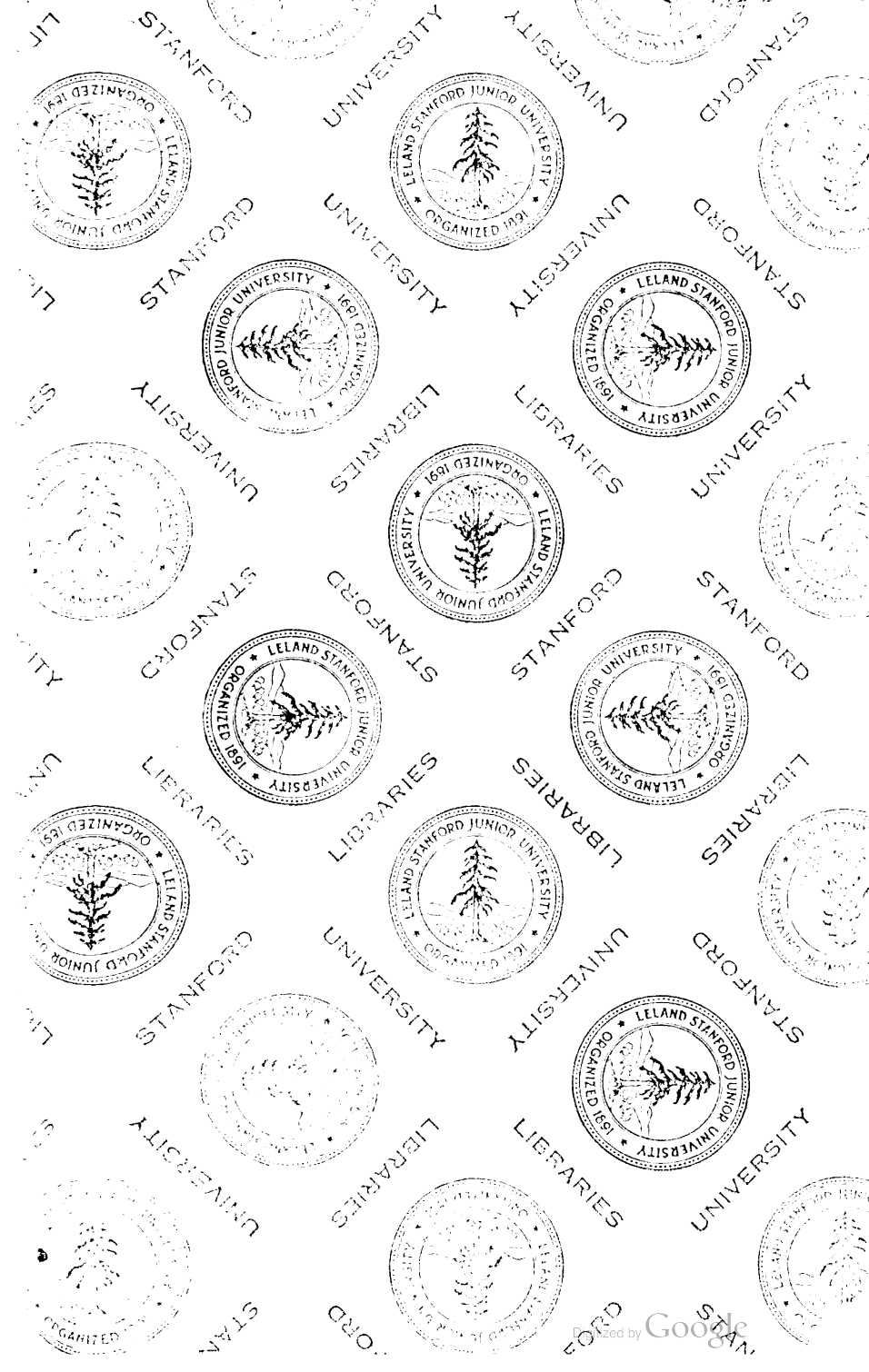
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Stanford University Libraries

3 6105 210 175 555

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

№ 9-й. СЕНТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Редакція и главная контора журнала: Поварской пер., д. № 5.
1884.

Типографія и Хромолитографія А. Траншеля. Стремянная, № 12.

MF18

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ВЪ 1884 ГОДУ (ГОДЪ ТРЕТІЙ).

Журналъ издается подъ прежней редакціей и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, безъ предварительной цензуры.

Въ журналъ, за время его изданія, принимали участіе: проф. И. Е. Андреевскій, С. А. Бердяевъ, П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, П. Биковъ, И. Ф. Василевскій (Буква), Е. А. Вернеръ, Володинъ, д-ръ А. С. Венгусъ, проф. В. П. Давескій, И. Н. Денисовъ, Ю. Г. Зависницкій, проф. А. Захаровскій, д-ръ Ивинъ, проф. А. Ф. Кистяковскій, Е. П. Карновъ, баронъ Н. А. Корфъ, А. В. Круловъ, Н. С. Курочкинъ, проф. Ф. Леонтовичъ, П. Лытневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Н. Мизантропъ, Н. Минскій, В. О. Михневичъ, В. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Неруцъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. Н. Никитинъ, Оммулевскій, Л. И. Пальминъ, М. Л. Песковъ, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, проф. В. И. Сергеевичъ, Д. И. Стахневъ, В. Стоюнинъ, Л. Н. Трефолевъ, В. В. Чуйко и др.

„Наблюдатель“ выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книжка отъ 20—25 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:		За полугодіе:	
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургъ	13 р.	Съ доставкою въ С.-Петербургъ	7 р.
Съ перес. въ другія мѣста Имперіи	14 р.	Съ пер. въ другія мѣста Россіи	8 р.
Съ пересылкою за границу	16 р.	Съ пересылкою за границу	9 р.

Гг. подписчики (не заграничные), высылающіе 16 р. с., получаютъ, — кромѣ того ваго экземпляра „Наблюдателя“, — „Сборникъ иностранныхъ романовъ“, ред., въ которомъ помѣщены три романа: 1) Вакалавръ, Жюль Валлеса; 2) Станъ, Э. Гонкура и 3) Эгоистъ, Вернера.

Книгопродавцамъ 50 к. уступки. Принимающіе подписку разсрочку или по полугодіямъ не пользуются уступкою.

Гг. служащимъ дѣлается разсрочка по третямъ, за поручительствомъ казначеевъ.

РАЗСРОЧКА ПЛАТЫ ПО ТРЕТЯМЪ ДЛЯ ГГ. СЛУЖАЩИХЪ:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою	6 р.	5 р.	3 р.
Съ перес. за гран.	8 р.	5 р.	3 р.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Варской переулочъ, д. № 5), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Иногородные подписчики адресуются исключительно: въ Главную Контору „Наблюдателя“. Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣмъ, какъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Экземпляры журнала за 1883 г. выписываются по номинальной цѣнѣ.

ПРИЗРАКИ СЧАСТЬЯ.

Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Въ первомъ дѣйствіи.

Крафтъ, Осипъ Самуиловичъ,—богатый желѣзнодорожникъ.

Маріанна,—его дочь.

Вратскій, Владиміръ Александровичъ,—сановное лицо.

Князь Курбатовъ, Борисъ Алексѣевичъ,—его племянникъ, инженеръ, лужащій у Крафта.

Березинъ,—товаръ щъ Курбатова по училищу.

Филатовъ,—желѣзнодорожникъ.

Филатова,—его жена.

Нейховецкій,—молодой офицеръ.

~~Притѣинъ,—генералъ.~~

Баронъ Лаузицъ.

Баронесса Лаузицъ.

Ульинъ, Василій Ивановичъ.

~~Пантеосъ, Архипъ Архиповичъ.~~

Минскій, молодой чиновникъ, дипломатъ.

Раутенбергъ.

Лакей у Крафта.

Зябкина.

Гости, прислуга у Крафта.

Дѣйствіе пьесы происходитъ въ Петербургѣ, въ наши дни.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Зала-гостинная у Крафта. Въ глубинѣ дверь. Справа дверь въ столовую и въ кабинетъ Крафта. Слева въ другую гостинную. Прихотливо разбросанная мебель. Слева, въ глубинѣ за аркой, рояль. Богатая обстановка,—вечернее освѣщеніе.

Лакеи спуютъ изъ столовой въ переднюю. Изъ столовой выходятъ: Филатовъ и Крафтъ.

I.

Филатовъ и Крафтъ; потомъ баронесса Лаузицъ, Раутенбергъ и Прыткинъ; позже Зябкина, Филатова, Нейховецкій Ульинъ, баронъ Лаузицъ, Пантеораки и другіе гости.

Филатовъ (*выходя изъ столовой съ Крафтомъ*). Нѣтъ, батюшка, увольте ради Бога; ничего не могу, ни капли!

Крафтъ. Вѣдь это особенный ликеръ; ~~это новая комбинація; а еще въ Петербургѣ ни у кого нѣтъ...~~ мнѣ прямо съ парохода...

Филатовъ. Да хоть-бы прямо съ облаковъ,—не могу! (*Входятъ Баронесса Лаузицъ, Раутенбергъ и Прыткинъ*).

Баронесса Лаузицъ. Очень спорятъ наши финансовые тузы

Филатовъ. Помилуйте, тутъ ужь не до финансовъ, ваше превосходительство, явите вашу воинственную распорядительность, здѣсь убійство готовится...

Крафтъ. Не хочетъ попробовать моего ликера.

Прыткинъ. ~~Ликеръ хорошъ!~~

Филатовъ. Да вѣдь есть мѣра всему, и моему желудку тоже! Осипъ Самуиловичъ задаетъ намъ такіе обѣды, послѣ которыхъ, то и гляди, что ножки протянешь. ~~(и я вѣдь васъ понимаю, вы хитрили, вы вѣдь это меня такъ пичкаете нарочно, чтобъ уморить конкурента... вы моей смерти хотите, чтобъ отбить у меня съверную вѣтвь желѣзной дороги... ха, ха, ха!.. не уступлю, батюшка, ни что не уступлю!~~

Крафтъ. Вотъ какъ клеветы-то слагаются на нашего бражелѣзнодорожника!

Раутенбергъ. И за какой обѣдъ такая неблагодарность: обѣдъ тончайшій, гастрономическій...

Прыткинъ. Обѣдъ хорошъ.

Филатовъ. Не беспокойтесь, Крафтъ его вернетъ съ избишкомъ... Вѣдь известно, зачѣмъ это желѣзнодорожное гостепріимство дѣлается,—чтобъ нужныхъ людей собирать... все вѣдь съ разетомъ, ха, ха, ха!..

Баронесса Лаузицъ. Chemin de fer oblige, какъ noble oblige.

Раутенбергъ. Вы ужасный конкурентъ, Семень Кузьмичъ, воюете съ врагомъ въ его собственномъ домѣ.

Крафтъ. Ничего, я такихъ враговъ люблю, они играютъ открытыми картами. (*Входятъ: Зябкина, Филатова и Нейховецкій*).

Зявкина. (*Протягивая объ руки Крафту*) Мерсі, нашъ дорогой озяинь!

Крафтъ. О! mesdames, я долженъ благодарить васъ за то, что вы украсили собой мою убогую трапезу!

Филатова. Toujours galant, Крафтъ. У него всегда въ запасъ асковое слово и блестящій комплиментъ. (*Нейховецкому*) Вотъ-бы амъ съ кого примѣръ брать, Нейховецкій, а то вы стали такой небезный, такой... (*Беретъ его подъ руку*).

Нейховецкій (*ей тихо*). Mon amie, неловко... такъ... при сѣхъ...

Филатова (*ему тихо*). Я съ вами еще браниться буду—вы мнѣ змѣнять начинаете. (*Входятъ: Ульинъ, баронъ Лаузицъ, Пантеораки нтъсколькo гостей*).

Ульинъ. Здѣсь, господа, была гостинная стараго графа...

Крафтъ. Что вы такое рассказываете?

Ульинъ. Я показываю вашъ домъ. Я вѣдь его очень хорошо аль, когда онъ принадлежалъ графу Корсунскому... я вѣдь у графа ль свой человекъ.

Филатова. Ахъ, это любопытно! Мы вѣдь сегодня здѣсь почти а новосельѣ. Всего мѣсяцъ, кажется, какъ вы сюда переѣхали?

Крафтъ. Два мѣсяца.

Баронъ Лаузицъ. Но вы ничего тутъ не передѣлываете, ажется, и обои еще стары...

Ульинъ. Здѣсь все какъ было при графѣ. Обратите вниманіе а карнизъ: какъ красиво гербы графовъ Корсунскихъ сливаются б орнаментомъ!

Пантеораки. Владѣнья аристократовъ крови переходятъ въ уки аристократовъ денегъ,—вотъ она, превратность судьбы!

Филатовъ. Гербы-то бы надо снять, Крафтъ,—пока еще насъ ть вами въ графское достоинство не возвели.

Крафтъ. Зачѣмъ?.. они мнѣ жить не мѣшаютъ, это хорошій екоративный мотивъ.

Зявкина (*тихо Филатовой*). И льстятъ самолюбію; павлиньи ерья, ma chère...

Раутенбергъ. Иной-бы радъ и павлиньему перу, Анна Пав овна, да не ужъетъ его достать.

Зявкина. Ну, ужъ не я—избавьте... (*про себя*) Шпіонъ против ный, все подслушиваетъ!

Филатова. Да и преступленья я тутъ никакого не вижу...

гербы—это такъ красиво! я ужасно люблю гербы... (Нейховецкій, какой у васъ гербъ?)

Нейховецкій. У меня—пѣтухъ.

Филатова. Ха, ха... пѣтухъ... что-же это должно означать?

Нейховецкій. А, право, я самъ не знаю.

Зявкина. Вѣроятно, князю предназначено быть большимъ любителемъ курь... и любимцемъ ихъ.

Ульинъ. Пѣтухъ!—нѣтъ-съ, нѣтъ!.. это меня спросите, я въ геральдикѣ первый знатокъ... Пѣтухъ въ гербѣ означаетъ бодрствованіе, —всегда бодрствую.)

Филатова. Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, да... Какъ-бы мнѣ хотѣлось имѣть гербы... Вотъ я сколько прошу мужа, чтобъ онъ выхлопоталъ себѣ баронство,—я-бы ему придумала такой гербъ...

Филатовъ. Кому это? мнѣ гербъ?.. Ну, ужъ если намъ съ Крафтомъ гербъ сочинять, такъ два рельса надо взять или водокачалку.

Ульинъ. Вамъ!? вамъ надо паровозъ! На всемъ ходу: съ дымомъ, съ паромъ!.. Эмблема труда, энергіи и быстроты!

Филатова. Ахъ, господа, какъ мнѣ надоѣли ваши желѣзные дороги; говорите вы объ нихъ въ вашемъ кабинетѣ... А то это ужасно эти дѣловые люди чуть сойдутся, никакъ не выдержатъ,—такъ и пойдутъ какіе-то кубы, да насыпи, да рельсы... хоть-бы насъ-то пощадили...

~~Зявкина. Вы не любите дѣловыхъ людей?~~

Филатова. Напротивъ, я ихъ ужасно люблю и уважаю, ^{потому} что они добываютъ много денегъ и приносятъ ихъ намъ.

Ульинъ. Вѣрно, вѣрно совершенно справедливо!

Филатова. Но я не люблю ихъ общества... они... надо правду сказать, немножко... скучны...

Крафтъ. Mercî!

Филатова. Не вы!—вы милѣйшій Крафтъ, остроумный и любезный собесѣдникъ; но возьмите, на примѣръ, хоть-бы вашего князя, Бориса Алексѣевича... Помилуйте, судьба родила его княземъ... талантливымъ и красавцемъ,—этого отрицать нельзя,—а онъ, чѣмъ-бы блестѣть, въ техники пошелъ, въ инженеры... да еще это-бы Богъ съ нимъ нѣтъ!—поступилъ въ прикащики къ Крафту.

Ульинъ. Какъ, въ прикащики!? позвольте... онъ строитель, онъ инженеръ!.. позвольте, я въ этомъ дѣлѣ знатокъ,—быстрота передвиженія, мосты и тунели, — величіе человѣческаго генія!..

Филатова. Ну, какъ-бы тамъ ни было, князь чловѣкъ серьезный до ужаса... ma parole d'honneur—это герой не моего романа

Онъ, можетъ быть, прекрасный человѣкъ, но необыкновенно скучный; оставьте меня съ нимъ наединѣ на цѣлый день, я къ концу вечера съ ума сойду отъ тоски.

~~Нейжовецкій~~ ^{Искра} Нейжовецкій. Ха, ха, ха!.. хорошо, что васъ князь не слыхаль!

Филатова. А! господа, не надо меня выдавать. (*Входятъ Борисъ и Березинъ*).

~~Нейжовецкій~~ (*смысь*). Ст... ст... господа, не выдавать Катерину Сергѣевну... (*Всѣ смѣются*).

II.

ТЪ-ЖЕ, БОРИСЪ И БЕРЕЗИНЪ.

Борисъ. Я, кажется, вошелъ невпопадъ?

Зявкина. Князь, не старайтесь узнавать, что здѣсь было говорено про васъ—это вамъ будетъ очень неприятно.

Борисъ. Кто-же такого дурного мнѣнія обо мнѣ?

Филатова. Ну, вотъ сейчасъ все перетолкуютъ иначе... Это совсѣмъ не дурное мнѣние... напротивъ, а я говорила только, что вы... не интересны... то-есть, съ точки зрѣнія... съ моей точки зрѣнія... эдакой женщины легкомысленной... Для людей ученыхъ, вы, конечно, очень интересны... но вѣдь я пустая женщина, люблю блескъ, наряды, пустяки... что вамъ до моего мнѣнія: вы такой серьезный!

Ульинъ. Позвольте! наряды не пустяки... женскій туалетъ,—о! это въ высшей степени важный вопросъ! иной атласный башмачокъ давить сильнѣе пароваго молота. Я всегда говорилъ, что женскій туалетъ имѣетъ мировое значеніе...

Нейжовецкій. Да вѣдь вы еще не знаете князя, онъ не вездѣ такой, какъ здѣсь.

Борисъ. Но какой я здѣсь?—что такое?

Филатова. Все равно, все равно, бросимъ этотъ разговоръ; Василій Ивановичъ вотъ намъ показываетъ домъ. (*Ульину*) Такъ здѣсь была гостинная старика графа?

Ульинъ. Интимная гостинная для насъ, близкихъ людей. Эта комната историческая, здѣсь была рѣшена участь этого дома. Какъ сейчасъ помню тотъ вечеръ: графъ сидѣлъ вотъ тутъ, понурия голову, и говорилъ: „Друзья мои, я разоренъ!.. графъ Корсунскій—ничій... если мнѣ не удастся выгодно продать мой домъ“... Тутъ я вспомнилъ о Крафтѣ.

РАУТЕНБЕРГЪ. Извините, это я посоветовалъ Осипу Самуиловичу купить домъ графа...

УЛЬИНЪ. Ну, ужъ позвольте... (*спорять*).

КРАФТЪ. Полно спорить, вы лучше покажите имъ вазу австрійскаго императора.

УЛЬИНЪ. О! на эту вещь, господа, я обращаю ваше особенно вниманіе. Ваза эта была подарена австрійскимъ императоромъ графу Корсунскому за удачный выстрѣлъ на охотѣ.

ФИЛАТОВЪ. И вмѣстѣ съ домою досталась Крафту... Что бы ужъ графу встати и титулъ свой продать вамъ.

РАУТЕНБЕРГЪ. Что-жъ! за границей продають-же титулъ вмѣстѣ съ имѣньемъ.

ФИЛАТОВЪ. Право, поднять-бы этотъ вопросъ, и дома-бы вздохнули, и разоренный сановникъ скорѣй-бы покупателя нашель.

УЛЬИНЪ. Я всегда говорю...

ФИЛАТОВА (*Ульину*). Пойдемте, пойдемте, показывайте намъ вазу австрійскаго императора.

УЛЬИНЪ. О! это вещь высоко-художественная... Сюда, пожалуйста, сюда! (*Уходитъ съ барономъ Лаузицъ и другими гостями*).

ФИЛАТОВА. (*Нейховецкому*). Пойдемте...

ФИЛАТОВЪ. Нейховецкій! поди-ка сюда...

НЕЙХОВЕЦКІЙ. Извините... я...

ФИЛАТОВЪ. Во-первыхъ, какъ ты смѣешь говорить „извините“ Ты пиль со мной брудершафтъ и долженъ говорить мнѣ „ты“...

НЕЙХОВЕЦКІЙ. Ну, извини... видишь, я съ дамами... (*Уходитъ съ Филатовой*).

ФИЛАТОВЪ. Ахъ, бабникъ, бабникъ!... (Съ кѣмъ-же я буду в винтъ играть? Ваше превосходительство—удобно?)

ПРЫТКИНЪ. Въ винтъ?—съ удовольствіемъ.)

ЗЯВКИНА. Бѣдный Нейховецкій, просто хотъ разорвись; дам сердца къ себѣ зоветъ, а мужъ ея къ себѣ.

БАРОНЕССА ЛАУЗИЦЪ. Развѣ онъ съ madame Филатовой?

ЗЯВКИНА. Кто-жъ этого не знаетъ?—весь Петербургъ... И самъ Филатовъ смотритъ на это сквозь пальцы, чтобъ имѣть богатаго офицера на посылкахъ.

РАУТЕНБЕРГЪ. Отчего вы такъ раздражены сегодня, Анн Павловна? всѣхъ явите... У васъ, вѣрно, какая-нибудь неудача...

ЗЯВКИНА. Только ужъ не въ любви, конечно,—я въ ней и нуждаюсь (*Уходитъ*).

БАРОНЕССА ЛАУЗИЦЪ. Въ самомъ дѣлѣ... злющая какая, точно ее кто-то обидѣлъ.

РАУТЕНБЕРГЪ. Обидѣлъ собственный ея мужъ, что далъ ей такую пошлую фамилію: madame Зябкина, и никакъ она не найдетъ охотника, съ кѣмъ-бы отомстить за это своему благовѣрному!

БАРОНЕССА ЛАУЗИЦЪ. Ой!.. и вы съ колющими! Нѣтъ, уйти лучше отъ васъ (*Уходитъ*).

ФИЛАТОВЪ. Осипъ Самуиловичъ, устройте-же намъ винтъ!

КРАФТЪ. Сейчасъ, сейчасъ... (*тихо Раутенбергу*). Проиграйте генералу сотни три, четыре, онъ нужный человекъ...

РАУТЕНБЕРГЪ. Хорошо-съ, сколько угодно... вѣдь вы платите, такъ хоть тысячу...

КРАФТЪ. Нѣтъ, тысячу много... а около пятисотъ... Онъ вѣдь не главный... только половчѣе, а то Филатовъ на смѣхъ подыметъ.

РАУТЕНБЕРГЪ. Не безпокойтесь.

КРАФТЪ (*громко*). Вотъ Раутенбергъ устройтъ партію (*къ Пантео-ваки*). Вы мнѣ хотѣли что-то сказать... пойдемте въ кабинетъ. (*Оба уходятъ*).

ФИЛАТОВЪ (*Раутенбергу*). Ну! устраивайте, великій рычагъ великой сокрушительной машины!

РАУТЕНБЕРГЪ. Почему-же вы меня такъ величаете?

ФИЛАТОВЪ. Сокрушительная машина — Крафтъ! онъ чужія деньги сокрушаетъ. А вы его рычагъ, яко чиновникъ особыхъ порученій.

РАУТЕНБЕРГЪ. Я не всякія порученія принимаю... конечно, если они вамъ могутъ быть пріятны...

ФИЛАТОВЪ (*съ аффектаціей*). Ахъ, Боже мой... благодарю покорно.. (*жняя тонъ*). Смотрите, генераль, какіе люди бываютъ на свѣтѣ! Вотъ онъ всю свою жизнь проводитъ въ томъ, чтобы всякому сказать какую-нибудь сладость... и все-таки его никто терпѣть не можетъ!

РАУТЕНБЕРГЪ. И все-таки мнѣ жить хорошо!

ФИЛАТОВЪ. Да! и все-таки ему жить хорошо, никто его отъ себя не гонитъ. (*Всѣ трое уходятъ*).

III.

БОРИСЪ И БЕРЕЗИНЪ, ПОТОМЪ МАРИАННА И МИНСКІЙ.

БЕРЕЗИНЪ. Такъ вотъ ты куда присосался? къ здѣшнему дому?

Борисъ. То-есть, не къ дому, а къ дѣлу. У Крафта еще такъ много дорогъ въ постройкѣ, что мнѣ поле широкое.

Березинъ. Ты, однако, живешь здѣсь, въ его домѣ.

Борисъ. Да, у него оказалась очень удобная для меня квартира въ нижнемъ этажѣ... Это мнѣ кстати, потому что часто приходится совѣтоваться съ Крафтомъ и тутъ онъ у меня подъ рукой.

Березинъ. Скажи лучше—въ головахъ... онъ надъ тобой живеть.

Борисъ. То-есть? (*Входитъ Маріанна и Минскій*).

Березинъ. Тсс... твоя начальница.

Маріанна. (*Минскому, смѣясь*). Ха. ха... развѣ дипломату можно вѣрять... Ваша служба обязываетъ васъ говорить только то, что нужно для вашихъ цѣлей... дипломатъ имѣетъ право говорить неправду.

Минскій. Это прежде было, а теперешніе дипломаты наоборотъ, откровенно говорятъ все, отъ чистаго сердца, только имъ не всегда вѣрятъ.

Маріанна. Отъ сердца, да развѣ дипломатъ, смѣетъ имѣть сердце?.. Смотрите, я пожалуюсь вашему министру,—скажу: Минскій въ меня влюбился, хочетъ жениться по любви... это сильно пошатнетъ вашу репутацію хорошаго чиновника и повредитъ вашей карьерѣ.

Минскій. Вы все смѣетесь и шутите, а мнѣ не до шутокъ, я серьезно...

Маріанна (*не слушая его и идя къ Березину и Борису*). А! старые товарищи... сошлись и не разнять ихъ... стало быть, мнѣ сегодня опять не удастся васъ заплучить, Борисъ Алексѣевичъ?

Борисъ. Отчего-же? сколько угодно... Что прикажете?

Маріанна. Нѣтъ, нѣтъ, я слишкомъ уважаю всякую привязанность, даже товарищескую... я подожду. Я купила картину Рембранта, мнѣ хотѣлось ее вамъ показать... да вечеромъ и не такъ хорошо разглядишь...

Борисъ. У кого вы купили?

Маріанна. Мнѣ прислали каталогъ знаменитой галереи одного амстердамскаго купца, она распродалась въ Парижѣ въ *Hotel Drouot*. Я телеграфировала папашину агенту, чтобъ онъ купилъ мнѣ Рембранта подъ № 102 и сегодня получила картину.

Борисъ. И сколько вамъ это стоило?

Маріанна. Относительно недорого, ^{двѣдцать} пятьдесятъ шесть тысячъ франковъ.

Минскій. О! это должно быть что-нибудь необыкновенное, какой-нибудь chef d'oeuvre; картины этихъ старыхъ голландскихъ мастеровъ пользуются большою извѣстностью.

Маріанна. Ну! я вѣрю вкусу Бориса Алексѣевича больше, чѣмъ любому авторитету. (*Березину*) Вы не можете себя представить, какъ я благодарна князю; подъ его вліяніемъ я положительно начинаю развивать свой вкусъ и понимать истинно художественное и прекрасное. Видѣли вы его коллекцію рѣдкостей и картинъ? мнѣ отецъ ее очень хвалилъ.

Березинъ. Нѣтъ, я еще не имѣлъ случая.

Борисъ. Какая коллекція? такъ только, бранные остатки того, что мои опекуны не успѣли продать послѣ смерти отца. Мнѣ жаль было разстаться съ этими вещами по воспоминанію.

Маріанна. Не оправдывайтесь, это вамъ дѣлаетъ честь. У васъ бездна художественнаго чутья. Не правда-ли, Иванъ Андреевичъ?

Березинъ. Не знаю-съ.

Маріанна. Какъ? развѣ вы этого не замѣчали, когда были товарищами?

Березинъ. То есть... правда, онъ всегда былъ немножко вылощенный князекъ, но все таки хорошій работникъ и добрый малый, мы это ему прощали.

Маріанна. Ха, ха... прощали то, чѣмъ должны были бы восхищаться... Нѣтъ, я всегда скажу, что я удивляюсь вамъ, Борисъ Алексѣичъ... Какъ вы могли такъ переродиться... вы росли въ роскоши, съ дѣтства избалованы; баринъ-аристократъ и вдругъ засѣсть за тяжелое, долготѣнее изученіе инженернаго дѣла, выработать изъ себя труженика... надо имѣть очень сильный характеръ.

Борисъ. Неволья заставила, отцовское наслѣдство было разорено, я ничего не получила...

Березинъ. И слава Богу... однимъ тунеядцемъ стало меньше, однимъ честнымъ работникомъ больше.

Маріанна. Отчего-же непременно тунеядцемъ? развѣ, имѣя средства, князь не нашель бы дѣла на другомъ поприщѣ, гдѣ, вѣроятно, принесъ бы еще больше пользы, чѣмъ теперь? Признаюсь, мнѣ иногда ужасно досадно... когда я вижу, сколько души у него, какъ онъ горячо относится ко всякимъ вопросамъ широкимъ, человѣчнымъ... мнѣ досадно видѣть, что онъ все свое время отдаетъ вычисленіямъ и постройкѣ какихъ-то неодушевленныхъ мостовъ.

Борисъ. Эти мосты строятся одушевленными людьми и по нимъ будутъ ѣздить тоже люди одушевленные...

МАРИАННА. Но это слишком мелко для ваших способностей... вы рождены распоряжаться судьбами массы людей... Я не знаю, какъ и гдѣ? но вамъ предстоитъ лучшая карьера, такая карьера, чтобъ ваше имя осталось въ исторіи вашего отечества.

БОРИСЪ. Марианна Осиповна, ради Бога... у меня голова закружилась отъ этого фиміама...

МАРИАННА. Нѣтъ, право, я бы на вашемъ мѣстѣ даже теперь бросила это неблагодарное инженерное дѣло и взялась-бы за что нибудь, болѣе достойное васъ.

МИНСКІЙ. Хорошо, что вашъ папаша не слышитъ, какъ вы у него отбиваете его лучшаго работника.

БОРИСЪ. Неблагодарное дѣло! помилуйте, я получаю пятнадцать тысячъ жалованья и проценты въ барышахъ... на какой службѣ я буду въ состояніи получить столько?.. да я пять разъ умру съ голода, пока доживу до блестящаго положенія и хорошаго содержанія.

МАРИАННА. А! что касается денегъ...

БЕРЕЗИНЪ. Такъ это очень важный вопросъ?.. Какъ вы ни расхваливайте силу характера нашего милаго Бориса—ему отъ своего дѣтства оторваться трудно... безъ пятнадцати тысячъ въ годъ онъ съ голоду умретъ.

БОРИСЪ. Я этого не сказалъ.

МАРИАННА. Да ему стоитъ только захотѣть и онъ будетъ богатъ, хоть сію секунду.

БОРИСЪ. Какъ-же это?

МАРИАННА. Ахъ Господи... ну, еслибы, напимѣрь, вы женились...

БОРИСЪ. На богатой невѣстѣ?

МАРИАННА. Ну, разумѣется, на очень богатой.

БОРИСЪ. Неужели вы считаете меня способнымъ торговать собой?

МАРИАННА. Торговать! О, Господи... я прежде всего считала васъ неспособнымъ говорить избитыя фразы. Простите, я пошутила. Я вижу, что не кстати помѣшала вашему разговору и ухожу къ моимъ необходимымъ гостямъ... пойдите, мудрый дипломатъ! (*Оба уходятъ*).

IV.

БОРИСЪ И БЕРЕЗИНЪ.

БЕРЕЗИНЪ. Ого!.. да какое ты тутъ себѣ гнѣздышко свилъ...

БОРИСЪ. Что это за разговоръ, позвольте? Наконецъ, это меня

начинает раздражать. Я тебѣ обрадовался, какъ старому товарищу; хочешь говорить объ нашей жизни, давай говорить... прямо откровенно... но къ чему эти экивоки, это подсмѣиваніе?

Березинъ. Надъ тобой?

Борисъ. Что за выраженія: гнѣздышко свиль и безъ пятнадцати тысячъ жить не могу и прочее. Если мой образъ жизни такъ шокируетъ твой либерализмъ, мы можемъ разойтись посторонними людьми, не оскорбляя другъ друга.

Березинъ. Ого, какъ разсердился!

Борисъ. Да, я разсердился, потому что пора бы тебѣ перестать быть школьникомъ и не считать дрянью всякаго, кто живетъ чисто, порядочно, съ извѣстнымъ комфортомъ, и получаетъ хорошія деньги за свой трудъ... Да, за трудъ—я не бѣлоручка, я работаю, какъ всякій другой, и, можетъ быть, больше другаго.

Березинъ. Какъ много словъ и все не нужныя! Я тоже живу чисто, порядочно и получаю много денегъ...

Борисъ. Къ чему-же эти шпильки?

Березинъ. Милый Борисъ, поѣдемъ со мной на нашъ уральскій заводъ... брось Крафта и Петербургъ... поѣдемъ—дѣла много и дѣло хорошее...

Борисъ. То есть, ты осуждаешь меня за то, что я живу не одной работой, что умѣю наслаждаться искусствомъ... (что все изящное мнѣ не чуждо, начиная съ какой нибудь старинной вазы или классической картины, до блестящей бальной залы или аристократическаго салона).

Березинъ. Ничего я не осуждаю.

Борисъ. Нѣтъ, нѣтъ, ты стараешься уколоть меня моимъ аристократизмомъ... но позволь мнѣ на этотъ счетъ имѣть свое мнѣніе. Предоставь нашимъ доморощеннымъ яkobинцамъ искажать это слово: „аристократъ“; право, оно лучше, чѣмъ вы объ немъ думаете.

Березинъ. Да, можетъ быть, но...

Борисъ. Какія-бы тамъ ни были недостатки высшаго общества, оно имѣетъ свой смыслъ и свою, пускай даже маленькую пользу, служа хранилищемъ изящнаго... Оно передаетъ изъ рода въ родъ преданія хорошаго вкуса... и, право, я нисколько не считаю этого дурнымъ и вреднымъ для общества.

Березинъ. Постой-же, что ты горячишься? совѣмъ не въ этомъ дѣло... Если ужъ хочешь говорить серьезно, я имѣлъ въ виду не возрѣнія твой и не общество, а только твое личное счастье. Люби изящное, люби искусство, люби своихъ аристократовъ... зарабатывай

сколько хочешь денегъ, если для этого не кривишь душой... но, видишь-ли, другъ мой, я встрѣтилъ тебя такого-же милаго, горячаго, какъ бывало... такого-же добродушнаго... весело, довѣрчиво смотрящаго впередъ, въ такой обстановкѣ...

Борисъ. Какой?

Березинъ. Ты живешь среди двухъ огней... и тѣмъ болѣе опасныхъ огней, что за ихъ блескомъ трудно видѣть, что они жгутъ. Ты аристократъ по рожденію, вертешься среди знати, по работѣ живешь среди миллионеровъ... въ этой изящной обстановкѣ, гдѣ искусство такъ много замѣняетъ природу; тебя съ твоей честной, прямой натурой обойти нетрудно; ты еще слишкомъ податливъ на изящное.

Борисъ. Неужели ужъ я такой неспособный?

Березинъ. Ты сидишь надъ своими чертежами и проэектами салонъ для тебя—отдохновенье. Какойнибудь обиженный сановникъ раздражается передъ тобой великолѣпнымъ негодованіемъ на какуюнибудь несправедливость... завтра онъ самъ сдѣлаетъ то же, но сегодня онъ въ о позиціи, онъ негодуешь... Какаянибудь маменька такъ тепло, такъ задушевно говоритъ о своей куклѣ-дочкѣ... и думаетъ Господи! хоть бы какой несчастный взялъ у меня ее замужъ... и прочее и прочее. Стоитъ-ли тебѣ доискиваться, какія гаденькія побужденія заставляютъ сановника негодовать и барыню изливать свои чувства?.. Ты слышишь рѣчь, ты видишь улыбку... ты имъ сочувствуешь—и снова, садясь за работу, уносишь отъ нихъ только пріятное впечатлѣніе.

Борисъ. Ты преувеличиваешь...

Березинъ. А здѣсь, у этихъ финансистовъ, еще хуже... ты лбуешься картиной Рембранта... ты свое дѣло сдѣлалъ—ты правъ. тебѣ и не хочется думать, какими путями этотъ Крафтъ нажилъ свои миллионы, сколько подлаго подкупа, сколько узаконеннаго воровства во всемъ этомъ... Пойми меня, я не гоню тебя отсюда и ни откуда такой работы нѣтъ, чтобъ оно не зависѣла отъ какойнибудь гонимости. Когда я вижу, что эта богатая красавица, дочка Крафта чуть не прямо говоритъ тебѣ: женитесь на мнѣ, у меня громадное приданое... мнѣ за тебя страшно становится и... мнѣ жалко тебя.

Борисъ. Ну, ужъ съ этой стороны тебѣ бояться нечего...

Березинъ. Отчего? она умна и увлекательна, она изящна... ты такой поклонникъ изящнаго.

Борисъ. Но она мнѣ все таки не опасна, потому что... ну, да мы еще увидимся... ты вѣдь не скоро уѣзжаешь изъ Петербурга?

Березинъ. Не раньше мѣсяца.

Борисъ. Ну, какъ бы ни было, спасибо тебѣ за твое участие... и чтобъ показать, какъ я его цѣню, я скоро постараюсь доказать, что сумѣю пройти между двухъ огней и что мнѣ для этого не нужно ѣздить съ тобой на Уралъ.

Березинъ. Жаль, жаль... у насъ дѣло хорошее, тысячи работниковъ между рукъ проходятъ — тысячи человѣческихъ жизней... сколько добра можно сдѣлать... Ты еще молодъ — потереться среди насъ тебѣ-бы куда было полезно... Тогда любуйся изящнымъ, сколько хочешь, яркая шкура не скроетъ змѣи...

Борисъ. И теперь не скроетъ... Куда ты?

Березинъ. Обѣщался сегодня быть въ одномъ литературномъ кружкѣ... Хочешь, пойдешь со мной, я познакомлю.

Борисъ. Пожалуй... но мнѣ надо еще пересмотрѣть кое-какія бумаги. Ты подождешь?

Березинъ. Недолго?

Борисъ. Четверть часа.

Березинъ. Хорошо. *(Лакей входитъ и подаетъ письмо Борису).*

Борисъ. Ко мнѣ?.. *(читаетъ)*. Ну, вотъ... извини, голубчикъ, не могу... письмо отъ княгини Олонецкой, зоветъ непременно сегодня вечеромъ къ себѣ... Да полно же, пожалуйста, брось эти саркастическія улыбки.

Березинъ. Такъ дожидаться тебя не нужно... Пойду проститься съ Крафтомъ, онъ хоть и мерзавецъ, но, къ несчастью, нужно было у него обѣдать и долгъ вѣжливости...

Борисъ. Однако, у тебя вѣжливость...

Березинъ. Вѣдь я же не въ глаза это ему говорю. *(Уходитъ)*.

Борисъ *(лакею)*. Скажите, что черезъ часъ я буду у княгини. *(Уходитъ за Березинымъ, изъ противоположной двери входитъ Марианна)*.

V.

МАРИАННА, лакей, потомъ ВРАТСКІЙ.

МАРИАННА *(лакею)*. Что князь вамъ сказалъ?

ЛАКЕЙ. Къ нимъ письмо было, отъ княгини Олонецкой, они приказали сказать, что будутъ у княгини черезъ часъ.

МАРИАННА *(про себя)*. Стало быть, не остается у насъ вечеромъ; однако, надо же мнѣ разъяснить... *(Входитъ Вратскій)*. А! Владиміръ Александровичъ, наконецъ-то! Отчего не пришли къ обѣду? *(Лакей уходитъ)*.

ВРАТСКІЙ. Ma chère amie, вы-же этому виноваты. У меня сегодня было множество необходимых визитовъ, а вы мнѣ не позволили являться къ вамъ, не переговоривъ съ племянникомъ... Я все утро гонялся за Борисомъ, наконецъ поймалъ его—исполнилъ ваше порученіе, и мнѣ осталось такъ мало времени на мои визиты, что я долженъ былъ отказаться отъ вашего обѣда..

МАРИАННА. Ну, и что же мое порученіе?.. что сказалъ князь Борисъ?

ВРАТСКІЙ. Et bien, mon amie, дѣло-то несовсѣмъ ладно...

МАРИАННА. Отчего?

ВРАТСКІЙ. А вотъ я вамъ все расскажу... заманилъ я его къ себѣ, разговорились мы о его дѣлахъ, я и сталъ ему говорить, что Крафтъ имъ не нахвалится, и вдругъ, такъ... полушутя, полусерьезно говорю: а знаешь, Борисъ: что бы тебѣ жениться на Марианнѣ?

МАРИАННА. А онъ?

ВРАТСКІЙ. Онъ расхохотался... не обижайтесь — причина понятная, онъ сейчасъ же ее и объяснилъ... въ немъ слишкомъ много гордости, чтобъ завладѣть такимъ образомъ милліонами вашего отца, онъ въ супружествѣ хочетъ быть независимымъ отъ состоянія жены.

МАРИАННА. Кто говорить о состояніи жены или мужа, когда они любятъ другъ друга?

ВРАТСКІЙ. Но этотъ деликатный денежный вопросъ...

МАРИАННА. Стало быть, еслибъ его не было, еслибъ, напримеръ вы, его родной дядя, съ нимъ подѣлились вашимъ богатствомъ вмѣсто того, чтобъ сорить деньги на разныхъ Rosalie, Vallon и Constance Nuchet...

ВРАТСКІЙ. Ma bonne amie—примѣръ неудачный—я никогда это не сдѣлаю. Послѣ моей смерти, милости просимъ, все, что останется къ его услугамъ... но мое богатство стоило мнѣ большихъ непріятностей и хлопотъ... я считаю себя вправѣ улаживать имъ свою жизнь по своему благоусмотрѣнію, не обходя ни Rosalie, ни Constance.

МАРИАННА. Эпикуреецъ и эгоистъ!

ВРАТСКІЙ. Да, эпикуреецъ и эгоистъ, какъ всякій умный человѣкъ... Да, наконецъ, еслибъ я и захотѣлъ дѣлиться съ Борисомъ, емъ за вашими милліонами не угнаться... да еще и вопросъ, возьметъ-ли онъ мои деньги.

МАРИАННА. Но эту гордость надо сломить во что бы то ни стало. Я задалась этой мыслью, я этого хочу... и это должно исполниться.

ВРАТСКІЙ. Такъ сильно вы влюбились въ Бориса?

МАРИАННА. Я не знаю... я не понимаю, что это такое... Любовь!.. у всякаго своего рода любовь... всякій чувствует ее по своему... я знаю только одно: я страстно хочу, чтобъ князь Борисъ на мнѣ женился... Владиміръ Александровичъ, вы мнѣ давнишній другъ, предъ вами у меня нѣтъ секретовъ... разберите сами, что такое... У меня съ дѣтскихъ лѣтъ зародилась какая-то вѣра въ свою судьбу... какое-то настойчивое желаніе вырваться изъ той обстановки, въ которой я родилась... добиться лучшаго, такого лучшаго, гдѣ легко было бы и жить и развиваться... и знаете-ли, на это натолкнулъ меня самый пустой, самый ничтожный фактъ моей жизни...

ВРАТСКІЙ. А именно?

МАРИАННА. Мнѣ еще тогда не было и шестнадцати лѣтъ. Папа былъ еще повѣреннымъ купца Крупенникова, велъ его дѣла, зарабатывалъ тысячь десять въ годъ и это ему казалось верхомъ блаженства. Мы жили бѣдно, потому что изъ дохода откладывали капиталъ для меня... Мать моя уже давно умерла и я училась въ одномъ изъ лучшихъ московскихъ пансіоновъ. Въ числѣ моихъ товаровъ я особенно привязалась къ одной, она казалась мнѣ идеаломъ элегантности, свѣтскихъ манеръ, ловкости, ума... это была нѣкая княжна Вова Порховская.

ВРАТСКІЙ. Я ее знаю, она теперь замужемъ.

МАРИАННА. Какъ-то разъ, Вова затѣяла подшутить надъ французскимъ учителемъ, я ей помогала, шутка удалась, но виновныхъ ткрыли. Вовѣ сдѣлали выговоръ—меня строго наказали. Это меня зорвало и я высказала все, что накопилось на сердцѣ, нашей классной дамѣ... Она преспокойно отвѣчала мнѣ: „что позволено княжнѣ Порховской—непростительно для какой-нибудь m-lle Крафтъ“... И то слово: „какая-нибудь“ о! сколько злости, злости закипѣло у меня въ него... Вова княжна и богата, ей все можно дѣлать—мнѣ ничего, потому что я какая-нибудь Крафтъ!

ВРАТСКІЙ. Ваша классная дама была дура, а вы взбалмошная дѣвочка.

МАРИАННА. Но, благодаря этой дурѣ, я стала такой, какой вы меня теперь знаете... Я рѣшила сама завоевать себѣ это положеніе, моею товарки княжны, я дала себѣ слово сдѣлаться богатой и знатной... Я начала съ перваго:—едва ставши на ноги, едва кончивъ воспитаніе, я стала настаивать, чтобъ отецъ мой бросилъ Крупенникова и пустился въ предпріятія болѣе выгодныя... отецъ не рѣшался—я настаивала... Со всею логикой дѣвочки, не знающей жизни, но твердо вѣрующей въ свою звѣзду, я доказывала отцу, что не жаль

сразу потерять всё эти накопленные годами гроши, чтобъ попытаться сразу добыть сотни тысячъ... и столько увѣренности, столько энергій было въ моихъ убѣжденіяхъ, что я добилась своего... Отецъ попытался разъ, другой—ему удалось... Мои капризы, почти несбыточные планы подгоняли его—и вотъ онъ понемножку выбрался на широкую дорогу спекуляціи, когда ужъ повезло ему со всѣхъ сторонъ... О! смѣло могу сказать, что эти милліоны нажиты на половину мной... Я увлекала моими фантазіями не одного отца; всѣ эти нужные люди которыхъ онъ собиралъ въ своей гостинной, немало заслушивались болтовни молоденькой хозяйки, и ея фантазіи превращались въ дѣйствительность.

ВРАТСКІЙ. Кто-же изъ насъ этого не помнить... Я всегда дивился вашимъ способностямъ—коммерческимъ...

МАРИАННА. Ну, вотъ теперь мы богаты, но я все таки m-lle Крафтъ... О! конечно, еслибъ мнѣ стоило захотѣть — сотни титулованныхъ юношей были бы у моихъ ногъ... въ ожиданіи моего приданого, и многимъ изъ такихъ искателей я ужъ дверь показала... Въ наше время титулъ недорого стоитъ, но моему честолюбію этого мало. Знатность по одному рожденію еще вещь не важная... Мой мужъ, кроме знатности, долженъ быть даровитъ самъ по себѣ... Нашъ вѣкъ есть вѣкъ ассоціацій: мой капиталъ, моя энергія, знатность, связи и таланты мужа, все это вмѣстѣ, должно дать намъ высокое общественное положеніе; вотъ къ чему я стремлюсь... Я познакомилась съ княземъ Борисомъ и въ немъ увидѣла осуществленіе этой мечты... чѣмъ больше я его вижу, чѣмъ больше объ этомъ думаю, тѣмъ больше меня къ нему тянетъ... это у меня иногда доходитъ до того, что забываю всякій расчетъ, и въ воображеніи ласкаю моего Бориса какъ милое существо... Видите, я ничего не скрываю... я не знаю это-ли называется любовью, но меня охватило такое жадное желаніе обладать имъ, что я для этого способна сдѣлать величайшую глупость и экстравагантность.

ВРАТСКІЙ. Ma parole d'honneur, vous etes sublime... вы же сегодня являетесь совсѣмъ въ новомъ свѣтѣ, и Борисъ будетъ дуракомъ если онъ на васъ не женится... Но въ томъ-то и бѣда, что, кажется для него тутъ деньги не единственное препятствіе...

МАРИАННА. Есть еще что-нибудь?

ВРАТСКІЙ. Я боюсь, что его сердце уже занято.

МАРИАННА. Онъ вамъ сказалъ?

ВРАТСКІЙ. Нѣтъ, но я подозрѣваю...

МАРИАННА. Онъ любить?... кого же?... кто она? Да говорите-же!

ВРАТСКІЙ. Повторяю вамъ, что это только предположеніе... фери Ольшанская, племянница по матери княгини Олонецкой, у ней живеть... Мать ея умерла, а отецъ второй разъ женатъ: губернаторствуетъ гдѣ-то на югѣ.

МАРИАННА. Почему-же вы думаете, что Борисъ ее любитъ?

ВРАТСКІЙ. Онъ слишкомъ часто бываетъ у Олонецкой и по-гоянно разговариваетъ съ барышнями, это очень знаменательно. Объемъ можетъ серьезный человѣкъ разговаривать съ барышнями, если е заведось флиртельсонъ?

МАРИАННА. Я тоже барышня.

ВРАТСКІЙ. О! вы не такого сорта.

МАРИАННА. А она какого сорта?

ВРАТСКІЙ. Такъ, маленькая ingénue, поэтическое недоразумѣніе въ бѣлокурыми волосами, въ типѣ Гретхенъ.

МАРИАННА. Князь такую не полюбитъ... но все таки правда... въ и сегодня приглашенъ къ Олонецкой, и обѣщаль быть... Интересно было-бы взглянуть на эту барышню...

ВРАТСКІЙ. Ничего нѣтъ легче, и оно даже очень кстати. У княгини Олонецкой завтра открывається благотворительный базаръ, за мнѣ вручила кипу пригласительныхъ билетовъ съ просьбою передать, какъ она говорить: à vos amis de la haute finance... Поѣзжайте повезите туда всѣхъ вашихъ Филатовыхъ, Лаузицъ и Пантеораки.

МАРИАННА (*смѣясь*). Иначе говоря, намъ приказано оставить вамъ нѣсколько сторублевыхъ бумажекъ?

ВРАТСКІЙ. Пожалуй, и такъ... вы не раскаетесь, потому что, ромъ вашей бѣлокурой соперницы, вы увидите тамъ собраніе всего ашего high life древняго Олимпа, обветшалыхъ боговъ, которые обожаютъ другъ друга съ тѣхъ поръ, какъ толпа перестала имъ строить храмы.

МАРИАННА. Да, я непременно поѣду, и всѣхъ золотыхъ тельцовъ привезу съ собой... Да, интересно взглянуть на князя, среди го круга и около этой... Признаюсь вамъ, вы этимъ все таки меня зволновали... я нетерпѣлива, какъ всѣ страстные люди, я готова ейчасъ-же сказать Борису...

ВРАТСКІЙ. Что?

МАРИАННА. Все, что хотите... сама сдѣлать ему предложеніе, если нужно.

ВРАТСКІЙ. Ха, ха... это было-бы оригинально, но и рискованно.

МАРИАННА. Я никогда не боялась рисковать... (*Входятъ: Крафтъ и Пантеораки*).

VI.

ТѢ-ЖЕ, КРАФТЬ И ПАНТЕОРАКИ.

КРАФТЬ. Ну, вотъ она... А! ваше высокопревосходительство... ну, вы свой человѣкъ, помогите намъ... Нашъ другъ Пантеораки нарочно прѣхалъ изъ Одессы, чтобъ въ третій разъ...

МАРИАННА. Сдѣлать мнѣ предложеніе?... Владиміръ Александровичъ, они меня съ ума сведутъ! Одно предложеніе преслѣдуетъ меня за другимъ—словно на весь міръ я одна еще не замужемъ.

ПАНТЕОРАКИ. Я не заслужилъ такого отвѣта.

МАРИАННА. Милый Аристидъ Аристидовичъ, простите глупую вспышку, вы выбрали самую неудобную минуту,—я раздражена... Вы очень хорошій человѣкъ, но... но... право, оставьте это...

КРАФТЬ. Однако, милая Маріанна, тебѣ 28 лѣтъ и рано или поздно надо же рѣшиться... Ты всегда сама хвалила нашего друга Аристида за его дѣловитость и умъ... и...

ПАНТЕОРАКИ. О, конечно, я не смѣю разсчитывать, чтобъ вы полюбили меня: любовь—вещь капризная... но простите, мнѣ кажется вы не изъ тѣхъ дѣвушекъ, у которыхъ, вообще, можетъ сильно поворить сердце.

МАРИАННА. Почему вы знаете?

ПАНТЕОРАКИ (*продолжая рѣчь*). А взаимное уваженіе можетъ ручаться за наше счастье... притомъ-же родственныя связи упрочили бы и дружескія торговыя отношенія между нашими домами, и дабы намъ возможность еще болѣе расширить наши дѣла.

МАРИАННА. О! для этого-то намъ рѣшительно не стоитъ привязывать себя другъ къ другу женитьбой. Мы съ вами довольно богаты, чтобъ изъ-за лишняго хотя бы даже милліона...

ПАНТЕОРАКИ. Прежде для васъ деньги играли большую роль.

МАРИАННА. Какъ средство, а не какъ цѣль... видите, какъ вы еще меня плохо знаете... Не сердитесь-же на меня; вы достойны самой лучшей невѣсты въ поднебесьѣ... (*смѣясь*), но я не самая лучшая и у меня на этотъ счетъ свои планы... Будемъ-же друзьями... хотите, продолжайте бывать у насъ по прежнему, но безъ этихъ исканій... Хотите?...

ПАНТЕОРАКИ. Вы прелестное существо и вамъ нельзя не поинноваться.

КРАФТЬ (*къ Пантеораки*). Что вы съ ней будете дѣлать, вы видите, что это за своенравная голова. (*Входитъ Борисъ*).

VII.

Тѣ-же и Борисъ, потомъ гости.

Борисъ. Я пересмотрѣлъ бумаги, Осипъ Самуиловичъ... все фрно, вы можете ихъ пускать въ ходъ.

Крафтъ. Благодарю.

Борисъ. А засимъ позвольте мнѣ раскланяться...

Марьянна. Куда? Нѣтъ, нѣтъ, я ни за что васъ не отпускаю! Мы нами совсѣмъ ужъ стали пренебрегать... весь обѣдъ со своимъ резиновымъ проговорили... я рассчитывала, что хоть вечеромъ...

Борисъ. Простите, но я отозванъ...

Марьянна. Нѣтъ, не прощу и все таки не отпускаю! Борисъ Алексѣвичъ, вы знаете, я рѣдко васъ прошу объ чемънибудь, но сегодня, именно сегодня у меня особенная причина... я прошу васъ.

Борисъ. Мнѣ очень жаль, но я общалъ; вы не захотите; тобъ я сдѣлалъ невѣжливость.

Марьянна. Захочу... сдѣлайте лучше невѣжливость... Что такое невѣжливость, когда мнѣ вы этимъ сдѣлаете обиду?! Я прошу васъ, какъ никогда не просила... это не капризъ—это горячее желаніе!...

Борисъ. Я не могу...

Марьянна. Смотрите, я подумаю, что васъ призываетъ какаянибудь нѣжная привязанность.

Борисъ. Вы вправѣ думать, что угодно.

Марьянна. Такъ, не смотря на все, вы мнѣ все таки отказываете... такъ дорогъ вамъ домъ княгини Олопецкой?

Борисъ. А вы ужъ знаете, куда я иду...

Марьянна. Я случайно слышала, какъ вы говорили лакею... Ну, хорошо, дѣлайте, какъ хотите... но хоть полчаса побудьте со мной... Я такъ разстроена сегодня... вы меня успокоите... Въ полчаса вы мнѣ не откажете?

Борисъ. Извольте. (*Входятъ гости*).

Марьянна. Спасибо... погодите, сядьте здѣсь... Ахъ, какъ мнѣ надоѣли эти гости! надо ихъ уговорить... (*Улыну*). Василий Ивановичъ, устройте тамъ какуюнибудь музыку!

Ульинъ. Сейчасъ, сейчасъ... (*одному изъ гостей*). Анатолий! сырай мое любимое реверти... Ахъ, господа, какое реверти онъ сочинилъ!... Вы знаете, я въ музыкѣ большой знатокъ... да вотъ услышите сами... Анатолий!

Г о л о с а. Да, да... пожалуйста, сыграйте...

Ф и л а т о в а (*Нейховецкому*). А вы садьте подлѣ меня. Я так люблю, когда вы мнѣ нашептываете про любовь подѣ музыку.

У л ь и н ь. Я всегда говорю: нашъ Анатоль большой талантъ его музыка какъ-то наэлектризовываетъ, словно отерывается передъ вами какой-то фантастическій міръ!.. волшебство этакое... облака—и темное небо... и вдругъ свѣтъ непостижимый... и все тѣни тѣни, тѣни!..

М а р і а н н а (*Крафту*). Усади всѣхъ, чтобы мнѣ не мѣшали я хочу поговорить съ княземъ.

К р а ф т ь. Что ты затѣваешь?

М а р і а н н а. Прошу тебя!.. (*Вратскому*). Владиміръ Александровичъ, утѣшите моего друга, увѣрьте его, что на свѣтѣ много невѣст и лучше меня.

У л ь и н ь (*Зябкиной*). Вы понимаете, вы понимаете, все это выражено въ звукахъ. Точно какой-то туманъ неопредѣленного очертанія...

Ф и л а т о в а. Довольно, Василій Ивановичъ; пускай онъ играетъ

У л ь и н ь. Да, да... Анатоль, пожалуйста, Анатоль! (*Отходитъ къ роялю*).

М а р і а н н а. Тсс!.. тише, господа, тише.. (*Одинъ изъ гостей играетъ; она подходитъ къ Борису*). Ну, кажется, всеобщее флиртеженство... да еще подѣ музыку... какъ это вамъ нравится?..

Б о р и с ь. Эта обстановка пріятна для зарождающейся любви.

М а р і а н н а. Для любви полной надеждъ и ожиданій!

Б о р и с ь. Вы мнѣ сказали, что-то разстроило васъ сегодня...

М а р і а н н а. Да... мое несчастное положеніе богатой невѣсты женихи положительно дѣлаютъ облаву на меня... Мнѣ сегодня еще сдѣлали два предложенія.

Б о р и с ь. А!..

М а р і а н н а. Пантеораки въ третій разъ сватаются, а тутъ еще этотъ молодой дипломатъ.

Б о р и с ь. Отчего же вы думаете, что ихъ привлекаетъ ваше приданое, а не вы сами?

М а р і а н н а. Я не стараюсь и разбирать этого; я просто не хочу ихъ.

Б о р и с ь. Такъ не за что и сердиться. Во всякомъ случаѣ, тутъ страдаютъ они, а не вы...

М а р і а н н а. Что мнѣ за дѣло до чужихъ страданій!

Б о р и с ь. Тѣмъ болѣе до страданій любви...

МАРИАННА. Я думала, вы меня утѣшите, а вы еще больше меня хотите раздражить... Съ чего это всё взяли, Боже мой, что я холодная аферистка и больше ничего... я женщина, какъ всякая другая, у меня и кровь и нервы... а не вышла до сихъ поръ замужъ, такъ это только потому, что до сихъ поръ мнѣ никто не нравился... это не значить, что я неспособна любить, можетъ быть, сильнѣе тѣхъ, кто влюбляется каждую минуту...

БОРИСЪ. Виноватъ, глупое слово сорвалось съ языка...

МАРИАННА. И если ужъ на то пошло... мнѣ дѣла нѣтъ до этихъ жениховъ, потому что теперь я сама полюбила... полюбила другого... вы молчите?..

БОРИСЪ. Я не ждалъ отъ васъ такой откровенности... что-же мнѣ говорить?

МАРИАННА. Поинтересоваться, по крайней мѣрѣ, кто именно тотъ, кого я люблю?

БОРИСЪ. Я могу интересоваться, но не смѣю спрашивать.

МАРИАННА. Не спрашивайте, я сама вамъ скажу—это вы!

БОРИСЪ. Марианна Осиповна... мой долгъ не слушать васъ. *(Хочетъ встать)*.

МАРИАННА. Стойте... погодите... ради Бога! вѣдь это васъ еще ни къ чему не обязываетъ... Жениться на мнѣ... О! я считала-бы это великимъ счастьемъ... но вѣдь насильно нельзя заставить жениться... я ничего отъ васъ не требую... Господи! по какому праву... но слушайте... вы должны это знать: я была бы женой покорной, преданной, преданной до безумія, умѣющей цѣнить ваши дарованія, идти съ вами объ руку... Мое богатство!.. О, не думайте, что оно мое, а не ваше, не вами приобрѣтено... Я вся ваша,—вы меня приобрѣли со всѣмъ моимъ прошедшимъ, со всѣмъ будущимъ... со всѣмъ, что сама сдѣлала, что сдѣлалъ отецъ для меня... Возьмите меня и мои милліоны; безъ васъ они мнѣ не нужны, а въ вашихъ рукахъ они—вліяніе, сила и власть.

БОРИСЪ. Марианна Осиповна, что за странныя рѣчи...

МАРИАННА. Стало быть, это правда, вы оттого меня не хотите, что сами любите другую?

БОРИСЪ. Если вы это подозрѣвали, нехорошо съ вашей стороны было вести весь этотъ разговоръ.

МАРИАННА. О, Боже мой, развѣ любовь знаетъ, что хорошо, что дурно?

БОРИСЪ. Будьте осторожны, за нами наблюдаютъ...

МАРИАННА. Прощайте... ступайте къ вашей княжнѣ... я съумѣю

покорить мое чувство... но вы вѣрите ему? не правда-ли, вы вѣрите?.. Я буду ждать... можетъ быть, когданибудь вы убѣдитесь, что ваши идеалы васъ не стоятъ, что никто вамъ такъ не предастъ, какъ я... и вернетесь ко мнѣ... (*Музыка смолкаетъ*). А! онъ кончилъ? bravo! bravo!.. (*Общее оживленное «bravo». Ульгина благодарятъ*).

Филатова. Какъ, ужъ кончено!? какъ мало!.. Мы не успѣли договорить... Василій Ивановичъ, вальсъ!.. ради Бога, мой любимый вальсъ... (*Идетъ къ Ульгину; тотъ начинаетъ наигрывать вальсъ*).

Зябкина (*Борису, который прощается съ Маріанной*). Уходите?.. и даже царица здѣшнихъ мѣстъ не сумѣла удержать васъ? а ужъ, кажется, она съ такимъ жаромъ разговаривала...

Борисъ. Царица здѣшнихъ мѣстъ не признаетъ деспотизма и всякому предоставляетъ свободу... Она прощаетъ неповиновеніе, потому что великодушна, добра и справедлива. Судьба наградитъ ее за это! (*Уходитъ*).

Вратскій (*тихо Маріаннѣ*). Ну, что же?.. нашла коса на камень?

Маріанна. Да, но эта коса изъ такой стали, что камень только заостритъ ее еще больше... Я отобью его во что бы то ни стало!..

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Князь Олоонецкій.	Нейховецкій.
Княгиня Олонецкая,—его жена.	Ульгинъ.
Марья Ольшанская,—ихъ племянница.	Сидявина.
Графиня Рузецкая.	Тото.
Вратскій.	Некли.
Борисъ Курбатовъ.	Бови.
Маріанна Крафтъ.	Маменька.
Филатовъ.	Первая дочка.
Филатова.	Вторая дочка.
	Третья дочка.

Прислуга. Разнообразная публика на благотворительномъ базарѣ у княгини Олонецкой.

Богатая зала у княгини Олонецкой, обращенная въ благотворительный базаръ. Слѣва буфетъ, диванъ, стулья, столы; въ глубинѣ арка, прямо къ ней справа примыкаетъ большая лавка игрушекъ. За аркой слѣва другая лавка. Стѣна съ аркой нѣсколько наискось, подь острымъ угломъ къ рампѣ, такъ что лѣвая стѣна павильона значительно больше правой. На авансценѣ справа дверь.

I.

Вягина Олонецкая, графиня Рузецкая, Нелли, Бови, Мери Ольшанская, потомъ Ульинъ и князь Олонецкій въ глубинѣ, время отъ времени, покупатели базара. Нелли у буфета. Рузецкая за столикомъ пить чай. Мери въ лавкѣ съ игрушками. Бови и другія дѣвицы за аркой въ лавкѣ.
(Олонецкая входитъ изъ глубины).

Олонецкая. Кажется, все удачно... всѣ на мѣстахъ.

Рузецкая (*подходя*). Народу ужъ очень мало... я съ горя пью вой собственный чай, и за каждую чашку кладу по цѣлковому на людечко.

Олонецкая. Еще немножко рано, па снѣге; впрочемъ, въ тѣхъ алахъ ужъ есть покупатели... Мери, а что же твой помощникъ не видя?

Мери. Ахъ, онъ такой!.. вѣчно все со своими дѣлами возится...
Входитъ Ульинъ и князь Олонецкій).

Ульинъ. Взгляните сюда, князь... отсюда какой видъ! Какова гра свѣта и тѣней,—безподобно! (*Тащитъ князя за руку*).

Олонецкій. Па... па... па... постойте... я за вами не поспѣю.

Ульинъ. Отсюда вы видите все табло... Главная задача, чтобъ покупатель былъ ослѣпленъ. Надо такъ размѣстить товаръ, чтобъ онъ самъ навязывался въ глаза покупателю... Помните, въ романѣ мя?.. надо, чтобъ покупатель заблудился въ магазинѣ, чтобъ не сразу нашель, что нужно... а между тѣмъ и справа и слѣва соблазнъ... не блеститъ, все манитъ, и всякій накупаетъ себѣ кучу такихъ вещей, которыя ему совсѣмъ не нужны... Взгляните, князь, взгляните кругомъ... (*Треплетъ его*).

Олонецкій. Да не тормошите меня!..

Ульинъ. Что такое торговля?.. я васъ спрашиваю? Что такое? Видъ это война!? Купецъ нападаетъ—покупатель отбивается... онъ жертва... онъ падаетъ; надо его заставить упасть... тутъ все тактика и стратегія. Поглядите, какъ все здѣсь заманчиво!

Олонецкая. Что и говорить! честь вамъ и слава, Василій Ивановичъ,—вы устроили нашъ базаръ на диво!

Ульинъ. А все таки мою лучшую мысль не исполнили. Я нагаивалъ, князь, чтобъ всѣ участники базара были за костюмироваными нашими древніе національные костюмы... боярами... вообразите вягиню въ кокошникѣ и сарафанѣ.

Олонецкая. Ну, ужъ куда мнѣ наряжаться!

Ульинъ. Цвѣтные сарафаны, ленты, ожерелья, жемчугъ, парча, архаты... а мужчины всѣ въ старинныхъ кафтанахъ!.. Тутъ было бы

единство стиля... базаръ въ русскомъ стилѣ... дамы, кавалеры, убранство... лавки... все въ русскомъ стилѣ!

О л о н е ц к и й. А! это русскій стиль!.. *comme qui dirait du maroque*

У л ь и н ь. Позвольте, я вамъ это объясню... Всѣ примитивныя народы любятъ яркія краски, но у насъ, у русскихъ, главная особенность—полотенце... вездѣ полотенце... Кружево, конекъ, пѣтухъ! конекъ, пѣтухъ, кружево...

О л о н е ц к а я. Довольно, довольно, Василий Ивановичъ, послѣ объясните... Вратскій мнѣ писалъ, что пріѣдутъ Филатовы и Крафты.. я бы не хотѣла ихъ прозвѣвать.. пожалуйста, постерегите ихъ тамъ въ первой залѣ и сейчасъ-же мнѣ дайте знать.

Н е л л и. Князь, поддержите нашу коммерцію, выпейте рюмку мадеры и заплатите подороже.

О л о н е ц к и й (*дастъ деньги*). Заплатить, вотъ вамъ, на-те, и пить не стану... *défendu!*.. запрещено, докторъ запретилъ.

О л о н е ц к а я (*Ульину*). Зачѣмъ вы его привели... (*князю*) Дмитрій ты такъ себя утомляешь, сидѣлъ-бы въ кабинетѣ; у тебя завтра сѣданье.

О л о н е ц к и й. Я только немножко пройтись... взглянуть табло. Иду, матушка, иду... пойдете...

М е р и и Б о в и. А у насъ-то князь, у насъ вы ничего не купили!

О л о н е ц к и й. Потому, потому, *mes enfants!*

У л ь и н ь. Я вамъ еще что покажу, князь, позвольте...

О л о н е ц к и й. Вы меня уроните... (*Уходитъ съ Ульинымъ*).

II.

Тѣ-же безъ Олонецаго и Ульина.

О л о н е ц к а я. Дайте и мнѣ чаю, Нелли! (*Нелли подаетъ*).

Р у з е ц к а я. Правда-ли, княгиня, я слышала, можно Мери поздравить:—она выходитъ замужъ за Курбатова?

О л о н е ц к а я. Мерси... и да и нѣтъ... скажу вамъ по секрету. Борисъ вчера вечеромъ сдѣлалъ предложеніе... Мы, правда, съ своей стороны согласны, но послали телеграмму къ ея отцу и ждемъ отвѣта. Вы знаете, *ma chère comtesse*, безъ благословенія отца объявить нельзя.

Р у з е ц к а я. Мери такъ и сіяетъ!

О л о н е ц к а я. Она очень привязалась къ Борису.

Р у з е ц к а я. А вѣдь мы, право, думали, что она выйдетъ замужъ за графа Нейховецаго; онъ такъ за ней ухаживалъ.

О л о н е ц к а я. Да, у Пети Нейховецкаго триста тысячъ дохода и военная карьера... онъ видная партія... но вы знаете, chère comtesse, въ такой... (*дѣлаетъ жестъ*) всю жизнь проводить въ cabarets или chez des créatures...

Р у з е ц к а я. Женится—перемѣнится.

О л о н е ц к а я. Ну, ужъ отъ своей судьбы не уйдешь. Притомъ-же, Борисъ такой умный, красивый и мигомъ наживетъ миллионы—увидите... А что касается карьеры, право, ma chère, въ наше время не знаешь, что лучше: быть дѣловымъ человѣкомъ, или чтобъ тебя по службѣ тянули... все таки дѣловой зависить отъ себя, а служащій отъ начальства. (*Входитъ Борисъ*).

III.

Тѣ-же и Борисъ, потомъ Тото и покупатель.

Б о р и с ъ (*къ Мери*). Простите, Мери...

М е р и. Ни за что... можно-ли такъ опаздывать!?

Б о р и с ъ. Что дѣлать?.. необходимо было кончить работу и сдать ее... я и такъ половины не додѣлалъ и бросилъ.

М е р и. Какъ это вамъ не скучно все работать... кажется, вы настолько умны и талантливы, что могли бы ужъ и приказывать.

Б о р и с ъ. Какъ это приказывать?

М е р и. Понятно... всѣ дѣловые люди или работаютъ, или приказываютъ; неважные работаютъ, а тѣ, что поважнѣе, приказываютъ.

Б о р и с ъ. Ха, ха... vous êtes adorable... я тоже приказываю, но чтобы приказывать умно, надо всегда работать.

М е р и. Ахъ, пустяки! надо только знать, что приказать. Нашъ старый князь никогда ничего не работалъ—все только приказывалъ, а весь въ звѣздахъ.

О л о н е ц к а я. Ну, мой счастливецъ, для васъ, кажется, кромѣ Мери, никого не существуетъ.

Б о р и с ъ. Pardon! (*Здоровается*).

Р у з е ц к а я. Какъ посвященная въ секретъ... позвольте... васъ поздравить... (*Пожимаетъ руку Борису*). Когда же свадьба?

Б о р и с ъ. Не знаю, это зависить не отъ меня.

М е р и. О! еще мы до свадьбы двадцать разъ поспорить успѣемъ... (*Входитъ Тото и покупатель. У Тото лотокъ съ букетиками цвѣтовъ*).

Т о т о. Княжна Мери, я вамъ покупщика привелъ.

М е р и. А! виновата. (*Отходитъ*).

О л о н е ц к а я. Я придерживаюсь старинныхъ правилъ,—этихъ мо-

лодцовъ оставлять женихами какъ можно дольше. Въ дѣлѣ брака для насъ, женщинъ, прологъ, пожалуй, лучше самой комедіи... это свѣтлая эпоха мечтаній и призраковъ... женихъ во фракѣ намъ кажется какимъ-то идеаломъ, какимъ-то божествомъ... а какъ мужемъ надѣнетъ халатъ, сразу превращается въ простаго смертнаго.

Рузецкая. При освѣщеніи медоваго мѣсяца, иной разъ и халатъ примешь за порфиру... вотъ при новолуніи—другое дѣло.

Борисъ. Я чувствую себя способнымъ, въ родѣ Иисуса Навина, остановить луну на медовой четверти.

Рузецкая. А послѣ свадьбы прямо изъ церкви въ Парижъ или Италію?

Борисъ. Нѣтъ, на мою квартиру.

Рузецкая. Какъ? на холостую?

Борисъ. Да, она довольно просторна и я приготовлю ее къ семейной жизни...

Рузецкая. Однако, кое-какія воспоминанія... Вы же не станете меня увѣрять, что молодость провели безъ воспоминаній... они вамъ, мужчинамъ, не запрещены...

Олонецкая. Перестаньте, что за шутки!.. князь слишкомъ серьезный человекъ... А знаете, не мѣшало бы взглянуть на вашу квартиру...

Борисъ. Когда угодно, княгиня.

Мери (*подходя*). Что это?

Борисъ. Пріѣхать взглянуть мою квартиру. Вотъ хоть сегодня послѣ оперы, я приготовлю вамъ чай.

Олонецкая. Это противъ правилъ. Въ наше время, дѣвушка входила въ домъ мужа прямо изъ подъ вѣнца...

Рузецкая. О, времена переменчивы... и потомъ мы будемъ вмѣстѣ, я тоже пріѣду.

Тото. Куда?

Рузецкая. Осматривать квартиру князя Бориса.

Тото. Ахъ, князь! у васъ, говорятъ, дивная коллекція рѣдкостей и древностей; позвольте и мнѣ... я такой любитель...

Борисъ. И вы любитель? И Тото въ любители попалъ...

Рузецкая. Это всеобщая эпидемія,—хоть ничего не понимай, а разорайся, чтобъ не отстать отъ другихъ.

Борисъ. Милости просимъ, пріѣзжайте.

Тото. А пока вы должны купить у меня букетъ... вы должны подарить его вашей дамѣ... тѣмъ болѣе, что вы, говорятъ...

Борисъ. Давайте, давайте... (*Платитъ деньги*).

Олонецкая. Mes chers amis, что же это вы все только разговари-

ваете... смотрите, народъ сталь набираться въ тѣ залы; по мѣстамъ!
 Гото, маршъ, маршъ, туда!

Тото. За меня не беспокойтесь, я вамъ наберу на цѣлую стипендію...
(Уходитъ).

Нелли. Я одна, какъ сторожъ на часахъ, не отхожу отъ буфета.
 Рузецкая. Вы умница! *(Съ Олонецкой подходитъ къ буфету. Борисъ и Мери справа, на авансценѣ)*.

Борисъ. Мери... вотъ вамъ мой первый подарокъ... *(дастъ ей цвѣты)*. Въ вещахъ моей матери я нашель засохшій цвѣтокъ съ надписью: „первые цвѣты, подаренные Алексѣемъ“. Можетъ быть, когда нибудь и наши дѣти найдутъ эти цвѣты и будутъ поминать любовь ташу...

Мери. Мегсі, какъ хорошо пахнутъ... *(Прищипливаетъ къ корсажу)*. Только во мнѣ суетвѣрія нѣтъ... но еслибъ и было... фіялки траурныя— не слѣдовало принимать...

Борисъ. Скажите мнѣ еще разъ, Мери, что вы любите меня?

Мери *(смѣясь)*. Станный вы какой... еслибы не любила— не пошла бы замужъ... *(Перебираетъ игрушки)*.

Борисъ. Да? да? Мери... Мы еще такъ мало знаемъ другъ друга... я успѣлъ еще ни самъ приучить васъ къ своимъ взглядамъ, ни разузнать вашу душу... но я въ нее вѣрую, Мери... я не могу отдѣлить ее отъ вашихъ чудныхъ глазъ... отъ вашего милаго лица, на которое мось, какъ на Мадонну...

Мери *(играя поминилемъ)*. La madonne au pantin... смотрите!..

Борисъ. И между тѣмъ, мнѣ почему-то страшно, что вы не увидите со мной того счастья, котораго ждали.. котораго достойны...

Мери. Отчего?

Борисъ. Начиная съ пустяковъ, начиная съ обстановки. Я не могу вамъ дать такой роскоши, къ какой вы привыкли...

Мери. Ахъ, это ничего — экономничать очень весело... все-таки отъ какое-нибудь разнообразіе... Посмотрите на этотъ базаръ, что такое?.. всѣмъ намъ до смерти надоѣло всегда быть господами и чтобъ вѣчно намъ все только прислуживали, и вотъ мы устроили базаръ... отъ въ шутку взяли на себя роль нашихъ горничныхъ и торговкъ... это разнообразить жизнь... Я буду вести хозяйство; разговаривать съ поваромъ тоже развлеченье.

Борисъ. О, милая, какъ любо мнѣ васъ слушать!

Мери. Да и кто-же помѣшаетъ мнѣ ѣздить сюда, къ тетѣ, когда угодно... Приданое у меня будетъ такое, что туалетовъ хватить на десять лѣтъ; а къ тому времени, когда все изношу и ста-

нетъ противно экономничать, вы сами разбогатѣете, не правда-ли?... построите свою собственную желѣзную дорогу прямо въ Китай и мы туда поѣдемъ покупать вышитыя шелковыя матеріи... тамъ онѣ чудо какъ хороши!

Борисъ. Какъ это прелестное ребячество вамъ идетъ... дайте мнѣ поцѣловать вашу маленькую ручку...

Мери. Нѣтъ, теперь нельзя... вы ужь поздоровались, теперь не ловко...

Борисъ. Никто не замѣтитъ, я сяду здѣсь...

Мери. Ну, на-те, только скорѣй... Довольно, довольно... нѣтъ здѣсь нельзя... (*Отнимаетъ руку*). Вы меня выдаете; смотрите, Нелли видѣла и грозитъ мнѣ пальцемъ.

Борисъ. Передъ кѣмъ намъ скрываться... Теперь ужь это одна формальность... Такъ, еслибъ не любила, Мери, не пошла-бы замужъ?.. О! какъ я вамъ вѣрю!.. простое это слово, а какъ оно сильно и какъ радость въ немъ... (*Входитъ Силявина*).

IV.

Тѣ-же и Силявина.

Силявина. Мери! гдѣ Мери?! пожалуйста намъ еще красныя колпачковъ, у насъ вышли всѣ красныя колпачки.

Нелли (*подходя*). Ну, что? какъ у васъ торговля идетъ?

Силявина. У насъ порядочно: пятьдесятъ семь рублей и двѣ золотыхъ.

Нелли. А мы и пятидесяти не набрали... а у васъ, Мери?

Мерри. Двадцать три.

Силявина. А, mes chères amies, надо умѣть торговать... Я въ Парижѣ наглядѣлась въ магазинахъ, такъ посмотрите, какъ у меня дѣло-то кипитъ!.. Чуть кто дотронулся до какой вещи, я сейчасъ ее превозносите до небесъ... „ахъ! это замѣчательно хорошо сдѣлано, посмотрите, съ какимъ вкусомъ... Надѣньте-ка, надѣньте... ахъ, какъ къ вамъ идетъ... нѣтъ, это вы непременно должны купить!“ И говорю такъ серьезно, такъ убѣдительно, что нельзя не повѣрить.

Нелли. Какая хитрая!

Силявина. Или, напримѣръ: „сколько мы этихъ вещей продаемъ! вотъ ужь пятая дюжина!.. всѣмъ нравится!“ Ну, какъ-же не купить, коли всѣмъ нравится!.. ужь не отпущу отъ стола, не увидѣвши чего-нибудь... Ахъ, право, мнѣ начинаетъ быть грустно, что

папаша пятьдесятъ тысячъ доходу и я не попала въ магазинъ, я въсѣхъ васъ такъ обирала—чудо!..

Борисъ. Карьера потеряна? такъ-ли?

Силявина. Конечно... и тутъ талантъ нуженъ... У меня офицеръ чуть-чуть не заплакалъ, даетъ двадцать пять рублей, а я сдачу за что... и шутилъ и грустилъ, а я все-таки не отдала... мрачнѣй такой пошелъ отъ меня.

Борисъ. Можетъ быть, у него послѣднiя были?

Силявина. А мнѣ что за дѣло, вѣдь для бѣдныхъ.

Борисъ. Да это у васъ разбой, а не благотворительность.

Силявина. Зато посмотрите, сколько я наберу... Мери, идеть Мери, что у меня въ кассѣ будетъ больше, чѣмъ у васъ и у Нелли вѣстѣ?

Борисъ (къ Мери). Держите, держите... mademoiselle Мери.

Мери. Но вы мнѣ должны хорошенько помогать... (къ Силявиной). Объ чемъ пари?

Силявина. Объ чемъ хотите? Я знаю заранѣе, что выиграю... и съ Лионскимъ магазиномъ потягаюсь, а, кажется, онъ дереть порядочно. Ну, идите-же за колпачками. (Убѣгаетъ).

Мери. Князь, продавайте пока за меня и, пожалуйста, какъ можно больше, вы знаете, я тщеславна и моя честь затронута... Если не выиграю (тихо), я васъ разлюблю... (Появляется Вратскiй). Вотъ и дядюшка вашъ... оберите-ка его хорошенько... (Вратскому). Bonjour, bonjour! (Убѣгаетъ).

V.

Тѣ-же безъ Мери и Силявиной; вошелъ Вратскiй.

Олонецкая (Вратскому). Здравствуйте. Ну, что-же ваши финансисты?

Вратскiй. Кажется, кто-то изъ нихъ прiѣхалъ.

Олонецкая. А Ульинъ не идеть мнѣ дать знать. (Уходитъ).

VI.

Тѣ-же безъ Олонецкой.

Нелли. Владимiръ Александровичъ, рюмку мадеры?

Вратскiй. Своими ручками подадите? давайте, моя прелесть, вотъ вамъ заранѣе моя дань... (Даетъ деньги).

РУЗЕЦКАЯ. Вы, кажется, никогда не состаритесь!

ВРАТСКИЙ. По крайней мѣрѣ, пока глаза мои не откажутъ видѣть красоту женщины... но pardon... Мнѣ надо два слова племяннику... (*идетъ къ Борису*). Хорошо, голубчикъ... скрывалъ, скрывалъ и вдругъ письмо: „дядя поздравь, я сдѣлалъ предложеніе, женись...“ Ну, поздравляю, нечего дѣлать!

БОРИСЪ. Вы какъ будто жалѣете?

ВРАТСКИЙ. Я давно замѣчалъ твое ухаживанье, но не думалъ что ты такъ скоро рѣшишься... смотри, не поспѣшилъ-ли?

БОРИСЪ. Мнѣ надо было поспѣшить... это все сдѣлалъ вчерашній день... Во-первыхъ, мой товарищ Березинъ... меня какъ-то раздражала его опека и совѣты... словно ему непременно хотѣлось вырвать меня изъ моего круга... а потомъ...

ВРАТСКИЙ. Потомъ?..

БОРИСЪ. Это важнѣе всего... потому, вы были правы... Марианна Крафтъ призналась мнѣ въ любви.

ВРАТСКИЙ. Сама!

БОРИСЪ. Вы не повѣрите, въ какомъ непріятномъ положеніи былъ... Дѣвушка прямо въ глаза говоритъ мнѣ, что меня любитъ... а я... что мнѣ было сказать ей?.. Я уважаю ее... она умна... и много хорошихъ качествъ... но это не то... Прямо сказать... какъ-то грубо нехорошо... вотъ почему я рѣшилъ въ тотъ-же вечеръ сдѣлать предложеніе Мери,—чтобъ съжечь корабли и чтобъ больше разговоровъ объ этомъ не было...

ВРАТСКИЙ. Жаль, жаль... такихъ дѣвушекъ, какъ Марианна немного,—да и богатство ея князю Курбатову не лишнее.

БОРИСЪ. О! меньше, чѣмъ что-нибудь.

НЕЛЛИ (*подавая*). Вотъ вамъ мадера и за щедрость еще прибавляется одинъ бисквиль.

ВРАТСКИЙ. Мерси, моя красавица... (*Нелли отходитъ*). Не пойм я тебя... что такое Мери?.. вотъ какъ этотъ бисквиль... сладко... положилъ въ ротъ и чрезъ минуту нѣтъ ничего... Марианна... О! вотъ какъ эта мадера... каплю за каплей глотаешь скупо... и отъ капли до капли и вкусъ и аромать на языкѣ... Ну, ну, не сердись... тебѣ жить, твое дѣло... Марианна знаетъ, что ты помолвленъ?

БОРИСЪ. Нѣтъ еще.

ВРАТСКИЙ. Ахъ, скверно — она бѣдовая!... Ужь если сама въ любви признавалась, такъ способна такую штуку выкинуть...

БОРИСЪ. О, дядюшка, въ ней больше ума, чѣмъ сердца; ей трудно сдержать свое чувство.

ВРАТСКІЙ. Только умъ-то у нея слишкомъ эксцентричный.
 (Въ глубинѣ суетня, говоръ, слышны возгласы: „Филатовы пріѣхали! Крафты... богатый Крафтъ пріѣхалъ!“ Входитъ Мери, говоритъ Нелли, та передаетъ Рузецкой).

VII.

Тѣ-же и МЕРИ.

МЕРИ. Князь, тамъ пріѣхали Филатовы и вашъ Крафтъ съ дочерьми... приведите ихъ, пускай они у меня купятъ.

ВРАТСКІЙ. Позвольте васъ поздравить, милая племянница.

МЕРИ. У племянницы надо что нибудь купить.

ВРАТСКІЙ. Вотъ вамъ деньги, а игрушку выберите сами и ставьте у себя, она пригодится моимъ будущимъ внучатамъ.

БОРИСЪ. *Blagueur!*... пойдите, тамъ Марианна; будьте подлѣ нея.

ВРАТСКІЙ. Ага, испугался! понадобился опекунъ!

БОРИСЪ. Кто виновать? не я.

ВРАТСКІЙ. Почему знать! (Оба уходятъ).

VIII.

Тѣ-же безъ ВРАТСКАГО и БОРИСА, ПОТОМЪ НЕЙХОВЕЦКІЙ.

НЕЛЛИ. У насъ нехорошее мѣсто, Мери... пока публика къ намъ залѣ доберется, у ней всѣ карманы распотрошатъ. (*Вбѣгаетъ Нейховецкій*).

НЕЙХОВЕЦКІЙ. Спасите меня!... mesdemoiselles, bonsoir... спайте... тамъ Филатовы пріѣхали...

МЕРИ. Вѣдь это ваши знакомые...

НЕЙХОВЕЦКІЙ. Въ томъ-то и несчастье, что знакомые и даже очень хорошіе... вы не знаете, что это за народъ; они къ вамъ лѣзутъ въ дружбу и въ кругу порядочныхъ людей... просто компрометируютъ...

РУЗЕЦКАЯ. Зачѣмъ-же вы у нихъ бываете?

НЕЙХОВЕЦКІЙ. Мало-ли мы гдѣ бываемъ—это еще не даетъ права съ нами обращаться за панибрата.

РУЗЕЦКАЯ. А я слышала, что вы всей душой принадлежите имъ обществу.

НЕЙХОВЕЦКІЙ. Только ужъ не душой—душа моя здѣсь, среди

вась... тамъ я только мародерствую, но когда придетъ время остепениться, я выберу себѣ дѣвицу изъ нашего круга...

Рузецкая. Скажите, какъ милостиво!

Нейховецкій. Спасите-же меня отъ нихъ! Имъ игрушекъ не нужно, они, Богъ дастъ, сюда не явятся.

Мери. Но это для насъ невыгодно... Филатовы—богатые покупщики.

Нейховецкій. Я тоже богатый покупатель, я буду у васъ покупать.

Мери. Ну, покупайте! что хотите?

Нейховецкій. Всю лавку съ продавщицей вмѣстѣ!

Бови. Ого! это сильно сказано!

Мери. И очень некстати.

Нейховецкій. Если мнѣ продавщица дороже всего базара!

Мери. Полноте, что за шутки!

Нейховецкій. А если я не шучу?

Нелли. Ну что, сторговались?

Нейховецкій. Нѣтъ, ужъ такой упрямый магазинъ, никакъ не сговорисься.

Нелли. Купите лучше у меня.

Мери. А я съ вами за это поссорюсь.

Нейховецкій. Ай, ай, не пугайте—я лучше вотъ что: вотъ вамъ 200 руб... теперъ я сажусь и жду... извольте мнѣ каждая пренести по одной вещицѣ... какъ вы найдете, что больше ко мнѣ походить.

Мери. О, о! чудесно... (*Подходитъ къ нему, держа за спинку куклу*). Я вамъ принесла невѣсту. (*Подаетъ*).

Нелли. А я...: сладкое сердце... (*Подаетъ пряникъ-сердце*).

Нейховецкій. О, mesdemoiselles, какая злоба... эдакое сердце! Смотрите, твердое какое!

Бови. Bravo, bravo—это пророчество! У вась будетъ невѣстка кукла и сердце сладкое, но твердое.

Нейховецкій. Это зло! mesdemoiselles, это—зло... Ай, ай! сюда идутъ, Филатовы сюда идутъ... спрячьте меня, спрячьте. (*Хочетъ идти въ дверь нальво*).

Рузецкая. Куда вы? тутъ дамская уборная.

Нейховецкій. Спрячьте, ради Бога! они меня просто съедятъ!

Мери. Да куда же вась спрятать?

Нейховецкій. Вотъ такъ, поставьте здѣсь ширмочки и в

нихъ барабанъ... я здѣсь сяду и не шелохнусь, а вы ихъ подальше, подальше!

МЕРИ. Ха, ха, ха! вотъ комедія!

НЕЙХОВЕЦКІЙ. Тсс... (*Входятъ Ульинъ, Олонецкая и Филатовъ*).

IX.

Тѣ-же, Ульинъ, Олонецкая, Филатовъ и Филатова, потомъ
БРАТСКІЙ и МАРИАННА.

УЛЬИНЪ. Отсюда, отсюда надо взглянуть... не правда-ли?—каковъ видъ?! Я еще что предлагалъ: вообразите, чтобъ всѣ были въ русскихъ боярскихъ костюмахъ.

НЕЙХОВЕЦКІЙ (*про себя*). Это дуракъ Ульинъ привелъ ихъ сюда.

ОЛОНЕЦКАЯ. Нелли, дайте намъ кофе... (*представляя*) Моя племянница, Мери Ольшанская.

ФИЛАТОВА. Очень рада съ вами познакомиться, у насъ есть общіе друзья... Нейховецкій...

НЕЙХОВЕЦКІЙ (*про себя*). Ну! что-то теперь она про меня говорить начнетъ!

РУЗЕЦКАЯ. Познакомьте меня, княгиня.

ОЛОНЕЦКАЯ. Графиня Рузецкая.

РУЗЕЦКАЯ. Я много слышала про васъ, monsieur Филатовъ, и вполне сочувствую вашимъ полезнымъ предпріятіямъ... Я бы желала васъ имѣть въ числѣ моихъ знакомыхъ и друзей. У меня собираются по четвергамъ... въ наше время всѣ эти силы аристократическія, промышленныя, административныя, литературныя—все это должно сближаться.

УЛЬИНЪ. Сближеніе!... да... я всегда говорилъ: сближеніе сословій—это базисъ... понимаете—это фундаментъ общественнаго благосостоянія.

ФИЛАТОВЪ. Только вѣдь мы говорить не очень умѣемъ, интересу въ насъ мало, а денегъ дать можно, коли гдѣ нужда.

ОЛОНЕЦКАЯ. Графиня не говорила вамъ о деньгахъ.

ФИЛАТОВЪ. Да это и не говоря понимается: коли насъ гдѣ заскаютъ—значить, карманъ открывай.

ФИЛАТОВА. Мой мужъ всегда немножко экзажеруетъ... но я вамъ вполне сочувствую и обещаю, что ни одного четверга не пропущу.

НЕЙХОВЕЦКІЙ (*про себя*). Вотъ спасибо!

Филатова. Сдѣлайте меня какойнибудь благотворительницей... все равно чего... школы какойнибудь или прачешной.

Ульинъ. Народной прачешной! Что можетъ быть благодѣтельнѣе теплой прачешной... вообразите—морозъ...

Рузецкая (*прерывая его*). Ахъ, оставьте, Василій Ивановичъ! (*Филатову*). Нѣтъ, вы напрасно такъ говорите: деньги деньгами, но у васъ знаніе специальное, котораго у другихъ нѣтъ... Правительство должно прислушиваться къ мнѣнію специалистовъ... Я хотѣла-бы собрать всѣхъ васъ, чтобъ при вашемъ участіи издавать консервативный органъ.

Ульинъ. Газету!?. О!—это моя давнишняя мечта: газету во имя сліянія сословій... чтобъ она все поглощала, всѣ интересы, чтобъ каждый нашелъ въ ней откликъ...

Рузецкая. Перестаньте!

Ульинъ. Я всегда говорилъ, княгиня: зачѣмъ у насъ такъ много газетъ? Откуда эта полемика, брань, скандалы?.. съ насъ совершенно довольно одной газеты, но чтобъ въ ней было все... И она будетъ дешева, потому-что всѣ ее будутъ читать: кучеръ, сидя на возлахъ... поваръ—рубить котлетку и читаетъ газету.

Рузецкая. Василій Ивановичъ!..

Ульинъ. Это была моя всегдашняя мечта!

Филатовъ (*вытисъ кофе*). Извольте получить три радужныхъ, — довольно?

Филатова. Мнѣ тоже надо что-нибудь купить.

Мери. У меня, пожалуйста.

Филатова. Игрушки!—хорошо. У меня дѣтей нѣтъ, но я комунибудь подарю... я Нейховецкому подарю, это будетъ очень смѣшно.

Нейховецкій (*про себя*). Опять куклу!? вотъ денѣкъ!

Ульинъ. Позвольте, я вамъ посоветую, игрушки—это моя специальность: ребенокъ долженъ развиваться, играя... я даже самъ сочинилъ игрушку: эстетическій самоучитель...

Нейховецкій (*про себя*). Пронеси, Господи!

Филатовъ. Вы, ваше сіятельство, мнѣ удивляться не извольте, людей полезныхъ я и понимать и цѣнить умѣю, и охотно готовъ жертвовать; только у меня характеръ такой простодушный: что на умѣ, то и на языкѣ... И такъ ужъ я привыкъ, что если есть во мнѣ какая нужда, сейчасъ со мной сближеніе, а нѣтъ нужды, — ну и раздѣленіе.

Ульинъ (*Филатовой*). Вы посмотрите только: вѣдь это полное нравственное развитіе въ одной коробкѣ.

Филатова. Я этихъ умныхъ игрушекъ терпѣть не могу, — я лучше возьму военную форму для мальчика.

Ульинъ. Но позвольте...

Филатова. Ахъ, вотъ эту шалочку! какъ хорошо сдѣлано... точно у Нейховецкаго.

Нейховецкій. Батюшки! да она, кажется, мою шапку подхватила... Неужто продадутъ мою шапку?

Мери (*удерживаясь отъ смѣха*). Эту... эту нельзя... (*тихо Боби*). Это Нейховецкаго шапка.

Филатова. Отчего нельзя?

Нейховецкій (*про себя*). Неужто продадутъ? (*Въ глубинѣ вошми Вратскій и Марианна*).

Филатова. Мнѣ эта шапка очень нравится... сколько стоитъ, берите больше, мнѣ не жалко... (*Въ это время Нейховецкій невзначай задѣлъ ширму и уронилъ барабанъ*). Ай, что такое, кто это? (*Восклицанія, смѣхъ; Нейховецкій выходитъ, сконфуженный*).

Нейховецкій. Это я тутъ сидѣлъ... задумчиво...

Филатова. Ахъ, какъ я рада!..

Филатовъ. Вижу, вижу, ты отъ насъ прятался...

Нейховецкій (*ему тихо*). Пожалуйста... прошу васъ, при людяхъ не говорите мнѣ „ты“...

Филатова. Пойдемте со мной по базару, вы меня со всѣми познакомите.

Нейховецкій. Извините... мнѣ невозможно сегодня... позвольте мою шапку... я дежурный по полку, мнѣ можетъ достаться. (*Уходитъ*).

Филатова. Нейховецкій! да что-же это? Нейховецкій...

Филатовъ. Вотъ, ваше сіятельство, живой примѣръ... ужь какое дома у насъ съ нимъ сближеніе, брудершафтъ пили — а здѣсь вотъ передъ вами — хватъ и раздѣленіе...

Олонецкая. Не судите обо всѣхъ по одному вѣтрянику.. Что-же, Мери, ты ничего еще не продала м-ше Филатовой?

Филатова. Мнѣ ничего не надо... у меня дѣтей нѣтъ.

Ульинъ. Позвольте, я васъ провожу... позвольте, я вамъ еще покажу... (*Уходитъ съ Филатовой*).

Филатовъ. Не обращайтесь вниманія, ваше сіятельство; она иногда фыркаетъ, это ничего... Пожалуйста, что это у васъ?.. попугай... Попугай хорошая птица, говоритъ красно, а что говоритъ, самъ не понимаетъ, зато ему и честь и слава... Извольте денежки... Благодаримъ покорно, ваше сіятельство!..

О лонецкая. За что?

Филатовъ. Что вы насъ пригласить изволили на эту поупку...
Мое почтеніе... Ишь ты и пищитъ!.. хорошая птица. (*Уходитъ*).

О лонецкая. Ну, эта парочка довольно несносна!

Мери. Ахъ, шатап, все равно... зато посмотрите, сколько у
насъ набралось въ кассѣ... Триста да четыреста—семьсотъ... ого!..
скоро тысяча... (*Считаетъ деньги съ Нелли*).

О лонецкая. Батюшки, ужъ два часа... надо сдѣлать общую
ревизію. (*Уходитъ*).

(МАРИАННА вышла слѣва на авансцену и сѣла.. ВРАТСКІЙ принесъ ей
стаканъ воды. РУЗЕЦКАЯ у буфета съ Боби.

Х.

РУЗЕЦКАЯ, БОБИ, ВРАТСКІЙ, МАРИАННА, МЕРИ И НЕЛЛИ.

МАРИАННА. Благодарю васъ... Вотъ и князь Борисъ также
отъ меня бѣгаетъ, какъ Нейховецкій отъ своей Филатовой... вы ви-
дѣли! едва поздоровался и скрылся въ толпѣ.

ВРАТСКІЙ. Еще-бы! вы ему въ любви признались.

МАРИАННА. Ахъ, да! Филатовъ, конечно, грубо выражается, но
въ сущности онъ правъ... Вы, аристократы, только терпите насъ,
какъ неизбѣжное зло—но искренно вы къ намъ никогда не будете
расположены. (*Нелли отошла къ Рузецкой*).

ВРАТСКІЙ. Жалѣю, что я слишкомъ старъ, а то бы доказалъ
вамъ противное... Вы прогнѣвались на Бориса, mon excellent ami,
и потому злобствуете, и несправедливо... что же дѣлать, если онъ
увлекся бѣлокурой куколкой... Le coeur a des raisons, que la raison
ne discute pas.

МАРИАННА. Гдѣ-же она, моя соперница?.. вы мнѣ обѣщали ей
показать. Гдѣ эта преграда моему счастью?

ВРАТСКІЙ. Смотрите, вотъ она... (*къ Мери*) Mademoiselle Мери...
(*Мери подходитъ*). Позвольте познакомить васъ съ одной изъ звѣздъ
нашего финансоваго міра,—Маріанна Осиповна Графтъ.

Мери (*подавая руку*). Ахъ, очень, очень рада, мнѣ такъ много
князь Курбатовъ рассказывалъ про васъ...

МАРИАННА. Дурнаго или хорошаго?

Мери. Хорошаго... нѣтъ, право, всегда хорошаго... хвалили
вашъ вкусъ и особенно умъ... право, иногда съ такимъ восхищеніемъ,

что мнѣ заочно приходилось сердиться на васъ... Простите, я ужъ такая наивная, сейчасъ все говорю... Мнѣ было завидно...

МАРИАННА. Почему?

МЕРИ. Потому, что я не могла съ нимъ вести такихъ дѣльныхъ разговоровъ, какъ вы.. и боялась, что рядомъ съ вами онъ будетъ считать меня глупенькой.

МАРИАННА. Развѣ вы такъ дорожите мнѣніемъ князя Бориса?

МЕРИ. Разумѣется, у насъ всѣ имъ дорожатъ, даже старый дядя... Князь Борисъ считается у насъ однимъ изъ самыхъ выдающихся молодыхъ людей... по уму, по таланту и по связямъ, хотъ онъ ими и не пользуется, это единственный его недостатокъ... Я думаю, каждой барышнѣ было-бы лестно, чтобъ онъ на нее обратилъ особенное вниманіе. *(Нелли снова подошла къ Мери).*

МАРИАННА. Только оттого, что онъ самый видный...

ВРАТСКІЙ. Маріанна Осиповна, я заступлюсь за Мери... Если корошенько-то разобрать, къ каждой любви примѣшивается немного щеславія. *(Мери тихо говоритъ съ Нелли).*

МАРИАННА *(ему тихо)*. Только не такого глупаго, какъ здѣсь. Ётъ, мой другъ, она просто не умна... жалкій подростокъ. Божу тутъ можетъ нравиться только хорошенькая рожица и я ее сразу бью въ его мнѣніи.

ВРАТСКІЙ. Смотрите, не поздно-ли?

МАРИАННА *(крайне ласково)*. Мнѣ ужасно жалко, что нехоти я иногда заслуживала вашъ гнѣвъ... вы такъ понравились мнѣ вашимъ пылымъ дѣтскимъ простодушіемъ, что мнѣ ужасно-бы хотѣлось быть вашимъ другомъ.

МЕРИ. Вотъ видишь, Нелли: меня, за мою наивность, всѣ любятъ... Вы мнѣ тоже нравитесь...

МАРИАННА. Я буду навязчива: мнѣ-бы хотѣлось когда-нибудь апросто забраться къ вамъ и васъ къ себѣ увлечь... У меня опытность, у васъ безыскусственность и поэтичная чистота души, мы могли-бы быть полезны другъ другу.

МЕРИ. Если папаша позволить... А! это мой талисманъ даль мнѣ такое милое знакомство.

МАРИАННА. Какой талисманъ?

МЕРИ. Вотъ этотъ букетикъ... Мнѣ подарилъ его князь Борисъ и прочелъ надъ нимъ цѣлое заклинанье.

МАРИАННА *(про себя)*. А! подарокъ любви.

БОВИ *(тихо Мери)*. Мери! пользуйся обстоятельствами, спусти ей подороже какого-нибудь паяца.

ВРАТСКІЙ (*тихо Маріаннѣ*). Вы, кажется, начинаете обнимать ее змѣинымъ объятіемъ!

МАРИАННА (*тихо ему*). Я задую ее, увидите!

МЕРИ. Позвольте-же воспользоваться нашей новой дружбой: купите у меня что-нибудь...

МАРИАННА. Все, что угодно.

МЕРИ. Видите, у насъ пари съ другими продавщицами, кто больше выручитъ денегъ.

МАРИАННА. А!... я не допущу, чтобъ вы проиграли... но игрушки мнѣ не нужны.. что бы у васъ купить?.. А, вотъ! — продайте мнѣ вашъ букетикъ!

МЕРИ. Князь Борисъ, пожалуй, обидится... Вы знаете, какой онъ суевѣрный.

МАРИАННА. Такъ этотъ букетъ въ самомъ дѣлѣ имѣетъ особенное значеніе?

МЕРИ. Для князя... да...

МАРИАННА. Но для васъ нѣтъ... продайте-же мнѣ его, я дорого заплачу, сколько хотите заплачу!

ВРАТСКІЙ (*про себя*). Змѣя...

НЕЛЛИ. Продай, Мери, вѣдь это для бѣдныхъ, зато наша касса будетъ первая во всемъ базарѣ.

МЕРИ. Тысячу рублей!

МАРИАННА. Только тысячу... Вотъ вамъ полторы; это все, что я взяла съ собой, чтобъ оставить на здѣшнемъ базарѣ. (*Беретъ букетъ; тихо Вратскому*). Она совсѣмъ дура!

МЕРИ. Нелли! Нелли!.. теперь ужъ за нами никто не угоняется.

РУЗЕЦКАЯ (*Маріаннѣ*). Простите, mademoiselle Крафтъ, я самъ съ вами знакомлюсь... Какъ! я давно васъ вижу здѣсь и никто мнѣ не скажетъ, что это вы... я такъ много, такъ много слышу кругомъ про васъ... У васъ недавно былъ балъ... я читала описаніе въ газетахъ...

ВРАТСКІЙ. О! съ какимъ вкусомъ! какой изящный балъ...

РУЗЕЦКАЯ. Да, да... и про вашъ туалетъ читала... вы отъ Ворта выписываете? изъ Парижа? Мы тоже умѣемъ веселиться, и четвергамъ милости просимъ... Вы встрѣтите вашихъ знакомыхъ Филатовыхъ... (*Входитъ княгиня Олонецкая*). Идите, chère princesse, вотъ она... mademoiselle Марианне... кажется, васъ такъ зовутъ... que joli nom. Marianne Kraft.

ВРАТСКІЙ. Хозяйка здѣшняго дома, княгиня Олонецкая:

II.

Тѣ-же и Олонецкая, потомъ маменька съ тремя дочками, Тото, Ульниъ и публика.

Олонецкая. *Charmée, mon enfant...* будемте знакомы... хотя, по рассказамъ, я давно уже васъ знаю... отъ князя Бориса... отъ Курбатова.

Мери. Мaman, я уже успѣла подружиться съ *mademoiselle* Крафтъ.

Олонецкая. Очень рада. О! теперь вы должны быть наша, потому что... вамъ-то можно сказать, — конечно, по секрету, — мы, вѣроятно, скоро будемъ вашими подчиненными.

Маріанна. Какъ, княгиня?

Олонецкая. Борисъ сдѣлалъ предложеніе моей племянницѣ; онъ вамъ не говорилъ?..

Рузецкая. И получилъ согласіе, они помолвлены...

Маріанна (*неволею почти вскрикнувъ*). Князь Борисъ? (*Сдерживая себя*). Нѣтъ, онъ мнѣ не говорилъ. (*Въ это время въ глубинѣ на-бѣжала публика, между прочимъ, маменька съ тремя дочками*).

Рузецкая. Что съ вами? какъ васъ поразила эта новость!

Маріанна. Нѣтъ, не новость... мнѣ немножко душно... такъ много народу... (*Рузецкая подаетъ ей флаконъ со спиртомъ*)

Олонецкая (*тихо Вратскому*). Владиміръ Александровичъ, да ваша жидовка сама влюблена въ Бориса.

Вратскій. Какая же она жидовка! ужь ея дѣдъ крестился.

Олонецкая. А у нея тоже былъ дѣдъ? я не знала, что у Крафтовъ былъ дѣдъ.

Маріанна (*Вратскому*). Вы не видали моего отца?

Олонецкая. Онъ уѣхалъ съ Борисомъ и карету оставилъ вамъ.

Маменька (*слѣва къ Тото*). Толку добиться нельзя, кто-же наконецъ женится на Мери Ольшанской: Курбатовъ или Нейховецкій, или кто другой.

Тото. Сказать?

Дочки. Скажите! Тото, милый... скажите...

Маменька. Я было поздравляла Нейховецкаго, да онъ говорить: „еще рано“. Что-жъ это значить?

Тото. Значить, что не онъ... (*Отходитъ*).

Маменька (*дочерямъ*). Стало быть, Борисъ... стало быть, Нейховецкій свободенъ... слышите... смотрите-же, не упускайте его... (*Продолжаетъ говорить тихо*).

Ульинъ (*двоимъ изъ публики*). Вотъ отсюда, отсюда надо глядѣть, здѣсь главный пунктъ... вся анфилада видна... взгляните табло... я еще хотѣлъ всѣхъ одѣть въ боярскіе костюмы... (*Продолжаетъ объяснять*).

МАРИАННА (*которая въ это время со всѣми простилась, Вратскому*). Проводите меня!

(*Она идетъ съ Вратскимъ. Къ этому времени сцена полна публики. Громкій говоръ и шумъ. Марианна, сдѣлавши нѣсколько шаговъ, останавливается*).

ВРАТСКІЙ. Стулъ, стулъ, господа, ей дурно...

(*Все мгновенно затихаетъ, Марианна падаетъ на подставленный ей стулъ; дамы подлѣ нея суетятся. Картина*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Княгиня Олонецкая.	Борисъ.
Мери.	Ульинъ.
Графиня Рузецкая.	Тото.
Марианна.	Егоръ,—старый слуга Бориса.
Вратскій.	

Дѣйствіе происходитъ у Бориса Курбатова.

(*Гостинная комната у Курбатова. Богато убрана предметами древности. Античные шкафы, майолики и проч.*).

Егоръ ставитъ лампы. Входитъ Борисъ и Вратскій.

I.

Егоръ, Борисъ и Вратскій.

Борисъ. Ну, все-ли у тебя готово?

Егоръ. Будьте покойны,—какъ можно...

Борисъ. Смотри, Егоръ, не оплошай!—дорогую гостью принимаемъ мы сегодня. (*Отходитъ и устанавливаетъ цѣпты*).

Егоръ. Помилуйте, Борисъ Алексѣичъ, что въ диковине у мнѣ, что-ли?.. При папенькѣ-то нашемъ кто-же распоряжался? все я-же... Князь, бывало, только скажетъ: чтобъ было все! а что все? самъ догадайся... и догадывался. Вотъ Владиміръ Александрычъ помять...

Вратскій. Бывало, бывало всякое.

Егоръ. Развернуться-то мнѣ тутъ негдѣ, Владиміръ Алексан-
дрычъ, а то бы я себя показалъ. Борисъ Алексѣичъ совсѣмъ дру-
го характера. Правду-то сказать, такъ настоящему-то камерди-
еру заправскому, старинному, и служить-то у нихъ зазорно.

Вратскій. Что-жъ ты отъ него не уйдешь?

Егоръ. По одной по привычкѣ... Ей Богу!.. Да сами посудите,
живутъ они тихо, скучно... дебошей никакихъ не случается, чтобъ
зрчать кого или прятать... Вотъ, молъ, тебѣ, Егоръ, три крас-
енькихъ, только справъ дѣло!.. Выгодъ у Бориса Алексѣича ни-
кихъ, одно жалованье... ужь на что, даже въ карты у нихъ не
играютъ! и съ картъ дохода нѣтъ...

Борисъ (*подходя*). Ну! вѣчно недоволенъ, вѣчно жалуется!

Егоръ. Я, Борисъ Алексѣичъ, доволенъ... только я говорю, что
тута я старинный, истинный, на всѣ руки, а здѣсь я что? платье
истить и дуракъ сѣумѣеть... Догадка моя пропадаетъ, какъ гдѣ,
но нужно... очень ужь у меня этой догадки много припасено.

Вратскій. И болтовни тоже немало. Ступай-ка.

Егоръ. А болтовня, Владиміръ Александрычъ, къ старости.
Угодите, вы постарѣете, тоже болтать будете... (*Уходитъ*).

Вратскій. Что это? комплиментъ или злая шпилька? Онъ остро-
мень, твой Егоръ.

Борисъ. Плутство-то его бѣлыми нитками шито. Сердится,
но не можетъ обирать меня, какъ моего отца... Посмотрите, дядя,
какъ я устроилъ этотъ уголокъ! нарочно убралъ зеленью. Ха, ха,
и смѣяться будете, ну и смѣйтесь, и прекрасно!.. Это я тронъ
строилъ моему ангелу. Какъ она будетъ мила въ своемъ бѣленъ-
омъ платьицѣ, среди этой зелени!

Вратскій. Неисправимый эстетикъ.

Борисъ. Развѣ это дурно?

Вратскій. Напротивъ, я даже завидую. Какая-то свѣжесть
каденчества всю жизнь... Ахъ, да! вы люди работающіе, гораздо
настливе насъ... Мы только помогаемъ вамъ нашимъ влияніемъ,
мы сами не трудимся... а это вѣчное жуированье — оно исто-
щаетъ жизнь. Ты трудишься, тебѣ некогда пресыщаться и старѣть...
и вѣчно свѣжъ.

Борисъ. А вамъ кто-же не велѣлъ трудиться?...

Вратскій. Несчастье, братецъ мой, судьба такая...

Борисъ. Какъ у прѣтрасной Елены... виноватъ, дядя, виноватъ...
Входитъ Егоръ и подаетъ свертокъ).

Егоръ. Приказали передать.

БОРИСЪ. Отъ кого?

ЕГОРЬ. Отъ господина Крафта. (*Уходитъ*).

БОРИСЪ (*вскрываетъ*). Измятый букетикъ фіалокъ и письмо о Маріанны.

ВРАТСКІЙ. А!? интересно.

БОРИСЪ (*читаетъ*). „Вы сдѣлали предложеніе... вы поторопились связать себя словомъ, такъ испугало васъ мое признаніе, такъ хотѣлось поскорѣй убить во мнѣ всякую надежду... Что я перестала за эти послѣдніе часы, я вамъ высказывать не стану... Зачѣмъ

ВРАТСКІЙ. Однако высказываетъ.

БОРИСЪ (*читаетъ*). „Что вамъ за дѣло до меня, но къ чему было такъ торопиться. Я видѣла вашу невѣсту, я говорила съ нею я глядѣла на нее безпристрастными глазами и разгадала ее лучше чѣмъ вы. Я убѣждена, что любовь ваша къ ней—одинъ призракъ обманъ“.

ВРАТСКІЙ. Да, это, можетъ быть, и правда.

БОРИСЪ (*читаетъ*). „Откройте глаза, откройте ихъ, Борисъ... И уже потому не можете ее любить, что она не понимаетъ васъ, любитъ васъ сама... Она васъ броситъ, продастъ, какъ продала и цвѣты, подаренные ей вами... (*смотритъ на букетъ и бросаетъ его на столъ*). Я не буду тревожить васъ, но ради вашего собственнаго счастья, умоляю васъ, остановитесь, пока еще не слишкомъ поздно“ Бѣдная Маріанна, любовь ее ослѣпила; какъ можно судить такъ уверенно объ дѣвушкѣ, съ которой провела какихъ нибудь четверть часа

ВРАТСКІЙ. О! я ее знаю отъ колыбели, а между тѣмъ, проси меня, я готовъ согласиться съ Маріанной... Нѣтъ, любовь ослѣпляетъ только относительно предмета любви, а для всего другаго она даетъ ясновидѣніе и проницательность.

БОРИСЪ. Но позвольте, дядя, еслибъ Мери не любила меня, зачѣмъ ей выходить за меня замужъ? Ей представлялись партія и богатствомъ и положеніемъ въ свѣтѣ... но она выбрала меня.

ВРАТСКІЙ. Ты первый посватался.

БОРИСЪ. Нейховецкій собирался ей сдѣлать предложеніе.

ВРАТСКІЙ. Но не сдѣлалъ... Дожидаясь его, она могла упустить тебя.

БОРИСЪ. Вы думаете, что въ ея глазахъ я и Нейховецкій одно и то же?..

ВРАТСКІЙ. Отчего-же нѣтъ?

БОРИСЪ. Нейховецкій, этотъ пустой ^{мѣ}цать, этотъ пошлякъ... дядя...

ВРАТСКІЙ. Милый другъ, мнѣ незачѣмъ тебя разочаровывать... разъ ты со мной говоришь объ этомъ, я не считаю нужнымъ скрывать свои мысли... Твоя Мери вчера едва бросила играть въ куклы, чему-жъ бы это она могла оцѣнить, чѣмъ ты лучше Нейховецкаго?.. и красивъ, изященъ, онъ тоже; ты зарабатываешь много денегъ, но и безъ работы богатъ... Хоть бы ты припомнилъ всѣ твои разговоры съ ней: что такое ты могъ ей сказать, чего-бы не сказалъ Нейховецкій?.. Для этого ребенка ты такая же игрушка, какъ онъ, только и прежде попалъ въ руки.

БОРИСЪ. И у ребенка бываетъ чутье, повѣрьте, и врожденная способность понимать, что ничтожно и пошло. Въ томъ-то и чаруемы прелесть Мери, что она ребенокъ; она и не имѣетъ понятія обо всѣхъ нашихъ заботахъ, интригахъ, расчетахъ... я вижу ихъ каждый день, я невольно самъ втягиваюсь въ нихъ, я это чувствую... и вотъ чего мнѣ такъ особенно мила Мери... Она для меня спасеніе; я вѣрю, что чистота ея дѣтской души будетъ для меня самого благоюрна...

ВРАТСКІЙ. Ты вѣрно думаешь, что она такъ, весь вѣкъ, останется въ дѣтскомъ возрастѣ?

БОРИСЪ. Я, по крайней мѣрѣ, постараюсь отдалить отъ нея испорченный міръ и развивать въ ней всѣ ея лучшіе задатки, любовь ея... о Господи... эти цвѣты, проданные въ минуту дѣтскаго увлеченія,—развѣ это что нибудь доказываетъ?.. нѣтъ, она любитъ меня спокойной, тихой, но и глубокой, сильной любовью... она идетъ доброй, рѣдкой женой, дастъ разумную цѣль и полноту всей ей жизни... Чему вы улыбаетесь?..

ВРАТСКІЙ. Я восхищаюсь тобой... Нѣтъ, рѣшительно вы, трусовые люди, большіе счастливы: въ васъ сохраняется такая романтическая наивность, что тѣло молодѣетъ, слушая васъ... Вы способны, жется, такъ, очертя голову, бросаться въ самую дурацкую глупость, ничего! вамъ, фантазерамъ, все съ рукъ сходитъ...

БОРИСЪ. Дуракамъ счастье, дядюшка!.. Поддѣхали... да, да... но они! О! моя голубка, иди смѣло... тутъ твое счастье! (*Уходитъ*).

II.

ВРАТСКІЙ одинъ, потомъ БОРИСЪ, МЕРИ и княгиня ОЛОНЕЦКАЯ.

ВРАТСКІЙ. Какъ человекъ можетъ себя настроить... дрожить... словно въ самомъ дѣлѣ тутъ какая-то таинственная связь... все равно, оно должно быть пикантно... эдакое что-то вдохновенное

чувствуется, мистическое... мнѣ эдакъ себя не взвинтить... Жаль среди другаго разнаго всего... оно должно быть очень пикантно...

(*Входятъ Мери и Борисъ, за ними княгиня Олонецкая*).

Мери. Скорѣй, скорѣй и садись сюда, гдѣ поуютнѣе... (*Враискому*). Bonsoir encore une fois... вотъ въ этотъ уголокъ!

Олонецкая. Затормошила ты меня...

Мери. Надо, чтобъ имѣло видѣ, что мы давно ужъ здѣсь сидимъ... Вообразите, этотъ несчастный Василій Ивановичъ вздумалъ меня на смѣхъ подымать... Ахъ, вы такъ долго одѣваетесь! я ужъ давно буду у князя, когда вы только изъ ложи станете выходить. Говорить: „вамъ нужно четверть часа, чтобъ надѣть шубу, четверть часа, чтобъ сойти съ лѣстницы; полчаса, чтобъ найти карету, а вышелъ, сѣлъ на извозчика и конецъ“. Вотъ онъ, на извозчикѣ-то сидитъ поръ тащится—а мы ужъ здѣсь!

Борисъ. Мери, какую радость вы мнѣ доставили... княгиня позвольте поблагодарить васъ!

Мери. Смѣть насмѣхаться! каково!? Заговоръ, господа, общаго заговоръ,—говорить, что ужъ мы давно тутъ.

Олонецкая. Какой еще ты ребенокъ!..

Мери. Ахъ, вотъ что... Чѣмъ вы насъ угощать будете? фруктовъ есть?..

Борисъ. Сколько угодно.

Мери. Давайте скорѣй сюда... (*Борисъ звонитъ*). Это еще больше покажетъ, что мы тутъ давно. (*Входитъ Егоръ*).

Ш.

Тѣ-же и Егоръ.

Борисъ. Дай фрукты!

Егоръ (*ему тихо*). Я знаю, когда подавать... Что вы меня учитъ?

Борисъ. Дай сейчасъ!

Егоръ. Что вы, Борисъ Алексѣичъ, купецъ, что-ли... это у насъ базарника—только чуть гости на порогъ, а ужъ хозяйка стоитъ сзади подносить. Вы пока займитесь умнымъ разговоромъ...

Борисъ. Я тебя не спрашиваю, что дѣлать; подай сейчасъ!

Егоръ. Ну, коли ужъ вы начнете распоряжаться, будетъ толкъ. Я у стараго князя, слава Богу...

Борисъ. Егоръ!

Егоръ. Я отступлюсь, вотъ что! (*Уходитъ*).

Мери. Что это у васъ съ нимъ?

Олонецкая. Маленькія несовершенства холостаго хозяйства?

Вратскій. О, нѣтъ... но, mesdames, вы должны знать, что изъ сѣхъ рѣдкостей моего племянника самая драгоцѣнная—это его кардинеръ Егоръ... онъ еще служилъ его отцу и потому распоряжается здѣсь больше самого хозяина.

Мери. Ахъ, это очень удобно; стало быть, онъ объ васъ всегда озаботится. (*Егоръ вноситъ фрукты*).

Мери. Не надо разносить, ставьте сюда... Такъ вотъ; я тебѣ поужу и вамъ (*подаетъ Вратскому*) и себѣ... садитесь сюда, кушайте.

Егоръ. Вотъ такъ гости! Господи, и не видываль! (*Уходитъ*).

Борисъ. Мери, вы и не взглянули на мою квартиру: какъ она вамъ нравится?

Мери. Потомъ, потомъ... мнѣ хочется прежде всего отмстить Глину... сядьте подлѣ меня и рассказывайте что нибудь... какъ будто какой нибудь эдакій длинный, длинный разговоръ и вы уже подходите къ концу... Ну!..

Олонецкая (*Вратскому*). Посмотрите, Владиміръ Александровичъ, какъ они милы такъ вдвоемъ... совсѣмъ какая нибудь идиллическая картинка прошлаго столѣтія!

Вратскій. Да! пріятно быть молодымъ...

Мери (*оживленно*). Идетъ, идетъ, идетъ... говорите-же! (*Входятъ Ульинъ и Тото*). Неужели, князь... такъ и расшиблась совсѣмъ до смерти? это ужасно!.. и это правда, это дѣйствительно случилось... вы говорите—на Кавказѣ... Матап, слышишь, какую страшную исторію рассказалъ мнѣ князь?

Олонецкая. Что такое?

Мери. Нѣтъ, слишкомъ долго рассказывать... слишкомъ долго... дома... (*Ульину, который раскланивался*). Ахъ, вотъ и вы, наконецъ!

IV.

Тъ-же, Тото и Ульинъ.

Ульинъ. Mademoiselle Мери, это не въ счетъ... меня задержали...

Мери. Да, да, мы еще теперь тамъ въ театрѣ, мы шубы надѣваемъ.

Ульинъ. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ... вотъ спросите его.. онъ въ аретѣ ѣхаль, а я на извожикѣ, и мы подѣхали въ одно время.

Тото. Онъ меня просилъ сказать, что его задержалъ актеръ.

Ульинъ. Не просилъ я, а дѣйствительно меня одинъ пѣвецъ въ коридорѣ задержалъ... спрашиваль насчетъ своей роли. Ну, я

въ этомъ дѣлѣ знатокъ, и не могу отказать въ добромъ совѣтѣ. во имя художественныхъ цѣлей—не могу.

Тото. Теперъ вы говорите: „пѣвецъ“, а на подъяздѣ говорили „танцовщица“.

Ульинъ. Танцовщица сама по себѣ, но и пѣвецъ.

Вратскій. Да ужъ нечего, нечего, лучше покайтесь и просите прощенья, а то вы такъ разобидѣли нашу невѣсту, что она ни на жениха не обратила вниманія, ни на его квартиру... всецѣль отдана своей мести...

Олонецкая. Ахъ, злой, злой...

Мери. Ну, вотъ, изъ-за васъ я же буду виновата.

Ульинъ. Помилуйте, вѣдь если я артисту не помогу и онъ плохо исполнитъ роль, вѣдь вы вправѣ меня упрекнуть.

Мери. Ничего слушать не хочу... изъ-за васъ я оказалась безсердечной и невѣжливой.

Ульинъ. Я искуплю свою вину: я вамъ объясню исторію каждой вещицы въ коллекціи князя,—что къ какому столѣтію относится и все прочее.

Мери. Не надо, мнѣ князь самъ расскажетъ.

Ульинъ. Позвольте, я въ этомъ дѣлѣ знатокъ.

Борисъ (подавая Ульину ящичекъ). Вотъ кстати, Василій Ивановичъ; я недавно купилъ этотъ ящичекъ, какъ вы думаете: что это дѣйствительно старинная, античная, хорошая художественная вещица, или нѣтъ?

Ульинъ (осматривая ящичекъ). А а!! это, это... а сколько вы за это заплатили?

Олонецкая. Если дорого, такъ навѣрно античная и рѣдкая, это самый легкій способъ распознавать. У насъ многіе такъ узнаютъ о достоинствѣ рѣдкостей: дорого заплачено, такъ, стало бы хорошо.

Ульинъ. О, княгиня, я не затѣмъ спросилъ.. Да... этотъ ящичекъ... это... это...

Вратскій. Вы понюхайте... можетъ быть, скорѣе узнаете...

Ульинъ. Нѣтъ... это... это... дѣйствительно... это вещица средневѣковая... хотя вотъ тутъ въ углахъ видна эпоха возрожденія... но здѣсь въ серединѣ онъ носитъ рѣшительно характеръ духовный... Смотрите, вотъ этотъ крестъ и арабески... Это совсѣтъ стиль XV-го столѣтія.

Вратскій. Скажите, какъ вы это безъ запинки?

Ульинъ. Я въ этомъ дѣлѣ знатокъ,—помилуйте...

ВРАТСКІЙ. Ну-ка еще... ну-ка...

УЛЬИНЪ. Вѣроятно, этотъ ящикъ принадлежалъ какой нибудь итальянской принцессѣ, поступившей въ монастырь, она тутъ свои чотки берегла.

БОРИСЪ. Нѣтъ, это просто табачный ящичекъ самой современной работы, ихъ цѣлую дюжину привезли изъ Парижа... хотите, я дамъ адресъ магазина, гдѣ купилъ.

МЕРИ. О, прелесть! о безподобно! какой вы однако знатокъ... глубокій... Ящикъ итальянской принцессы, чотки берегла... ха, ха, ха!

УЛЬИНЪ. Вѣдь нынче такъ поддѣлываютъ.

МЕРИ. О, князь, какъ я вамъ благодарна, вы отплатили за меня... я вижу, что съ вами я буду счастлива, вы меня въ обиду не дадите...

ОЛОНЕЦКАЯ. Дитя! дитя!

УЛЬИНЪ. Ха, ха!... а вы повѣрили... вѣдь это я нарочно, я разу увидѣлъ, что такое, я не хотѣлъ обидѣть князя... я думалъ, что его надули, подсунули поддѣлку за настоящую antiquita.

МЕРИ. Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста... теперь ужъ поздно вывертываться—не узнали, просто не узнали... Ахъ, князь, какой вы милый!

ОЛОНЕЦКАЯ. Какъ она его любитъ!

БОРИСЪ. Пожалуйста-же сюда... въ мою угловую гостинную, тутъ собрано все, что у меня самого драгоцѣннаго... Княгиня, я туда велѣлъ подать чай.

ОЛОНЕЦКАЯ. Гдѣ хотите, mon ami... Но графиня Рузецкой еще нѣтъ, она хотѣла непременно...

ВРАТСКІЙ. Вѣрно гдѣ нибудь по дорогѣ устраиваетъ какое нибудь сближеніе!... что ее дожидаться, она подѣдетъ.

МЕРИ (*Ульину*). Богъ съ вами, я вамъ прощаю! побѣжденнаго не преслѣдуютъ.

УЛЬИНЪ. Но я не признаю... я докажу...

МЕРИ. Довольно, довольно... опять какой нибудь подсвѣчникъ примете за табакерку или стеариновую свѣчку за старинную мраморную колонну... ха, ха, ха!.. знатокъ, знатокъ!... (*Уходитъ, смѣясь, Борисомъ*).

ТОТО (*Ульину*). Однако, васъ отдѣлали порядкомъ.

УЛЬИНЪ. Я сейчасъ докажу... (*Тото, смѣясь, уходитъ; Ульинъ беретъ въ бездѣлушкахъ*). Я вамъ докажу... вотъ позвольте, напримѣръ... Напримѣръ... (*ищетъ*).

Олонцекая. Нѣтъ, что хотите! ихъ самъ Богъ создалъ другъ для друга... сердце радуется видѣть ихъ вмѣстѣ!

Вратскій. Да, они оба очень наивны.

Олонцекая. Ну, ужъ чувствую, чувствую вашъ ядовитый тонъ... неисправимый пессимистъ... вы въ такихъ дѣлахъ не судья, потому что съ вашей холодной душой вы никогда не любили.

Вратскій. Не судья, княгиня, совершенно справедливо, не судья. *(Оба уходятъ).*

Ульинъ *(съ какой-то бездѣлушкой въ рукахъ)*. Вотъ, напримѣръ... Ахъ, всѣ ушли! хе, хе... испугались, стыдно стало... ну, ну, я буду великодушень... *(Беретъ нѣсколько фруктовъ въ карманъ)*. Беру маленькую контрибуцію и буду молчать... молчать буду... *(Уходитъ. Черезъ минуту боковая дверь рѣзко отворяется, на порогъ появляется Марианна, за ней Егоръ)*.

V.

МАРИАННА И ЕГОРЪ.

МАРИАННА *(въ пеньюарѣ)*. Какъ ты смѣешь?... Если я хочу войти-я войду!

ЕГОРЪ. Да вѣдь нельзя-же такъ-съ... позвольте, я доложу... что вамъ угодно?... какіе-же господа такъ входятъ?

МАРИАННА. Ступайте прочь!

ЕГОРЪ *(про себя)*. Что такое съ ней приключилось... зачѣмъ пришла?... вотъ чудная... *(Ей)*. Я не могу-съ, я долженъ сказать-съ, это не порядокъ-съ...

МАРИАННА. Ступайте, говорю я вамъ!

ЕГОРЪ. Марианна Осиповна, позвольте... извините, я вамъ скажу лучше въ другой разъ, у князя теперь гости.

МАРИАННА. Кто?

ЕГОРЪ. Княгиня Олонцекая съ барышней... дяденька князя... баринъ молодой... нельзя-же, помилуйте...

МАРИАННА. А! невѣста... ужъ здѣсь! у него... уйти или нѣтъ?... можетъ быть, сама судьба такъ столкнула насъ вмѣстѣ... Гдѣ она?

ЕГОРЪ *(указывая)*. Въ угловой гостиной. Сейчасъ туда чай подавать буду.

МАРИАННА. Мнѣ надо время, чтобъ обдумать. Я этого не ждала, но, можетъ быть, это въ лучшему. Поди сюда! *(Егоръ подходитъ)*. Уйди и никому ни слова о томъ, что я здѣсь.

ЕГОРЪ. Я этого не могу-съ, я слуга вѣрный, я еще покойно

князю служилъ... я честный. Развѣ я могу знать, что вы тутъ за-
бываете?

МАРИАННА. Приходи завтра ко мнѣ—получишь пятьсотъ руб-
лей... мало?—вдвое получишь, вчетверо!... только оставь меня въ
окоѣ!

ЕГОРЪ. Ваше превосходительство, да какъ-же мнѣ теперь это
дѣлать... вѣдь всячески князь должны узнать... какъ бы мнѣ отъ нихъ
е досталось, что не сказала.

МАРИАННА. Это ужъ мое будетъ дѣло.

ЕГОРЪ (*про себя*). А я дуракомъ прикинусь, будто что ничего не
знаю... (*Ей*). Вы только... позвольте спросить, не обижайтесь:
тому бываетъ всякое... Вы чего страшнаго не затѣваете-ли?

МАРИАННА. Будь покоенъ, мнѣ счастье князя дороже, чѣмъ тебѣ.

ЕГОРЪ. Ваше превосходительство, можетъ, у васъ пистолеть...

МАРИАННА. Уйди-же!

ЕГОРЪ. Я все таки изъ-за двери за ней буду приглядывать... кто
знаетъ? что она тутъ... (*Уходитъ*).

VI.

МАРИАННА одна, потомъ БОРИСЪ.

МАРИАННА. Вѣрный слуга! честный! всѣ вы вѣрны до перваго ис-
тѣнія и передъ золотымъ ключемъ всѣ замки отворяются сами со-
бою... Что же теперь? пользоваться-ли этимъ положеніемъ, идти
дальше... идти, куда-бы ни привело... что бы ни случилось!! или поко-
иться... отступить?... Нѣтъ! не такъ скоро... пока можно спрятаться
тутъ... кто-то идетъ... (*Идетъ за ширмы*). Онт!...

БОРИСЪ (*въ кулису*). Нѣтъ, нѣтъ, вы подождите, эти альбомы у
меня запрятаны въ шкафу, я ихъ сейчасъ принесу. (*Идетъ*).

МАРИАННА. Одинъ, тѣмъ лучше! (*Выступаетъ*).

БОРИСЪ (*останавливается, пораженный*). Вы, Марианна Осиповна...
какъ вы сюда попали?

МАРИАННА. Черезъ ту-же дверь, какъ и другіе ваши гости...

БОРИСЪ. Что съ вами? уйдите, ради Бога!

МАРИАННА. Однако, вы не очень-то гостепріимны.

БОРИСЪ. Но зачѣмъ вы пришли? къ чему это?

МАРИАННА. Ахъ, я чувствую, что начинаю дѣйствовать совсѣмъ
сознательно, не отдавая себѣ никакого отчета... я вернулась съ
зара, больная, разбитая... еле въ силахъ была сбросить съ себя
одеяло—меня душило оно... Еслибъ еще я могла плакать!.. Я написала

вамъ письмо... я слышала, какъ вы подѣхали... письмо было отослано... я боролась съ собой... но... мнѣ нужно было васъ видѣть, говорить съ вами—необходимо... объ чемъ? объ чемъ говорить?—я объ этомъ не думала... я накинула шаль, прошла по коридорамъ и сама не знаю, какъ попала сюда.

Борисъ. Не поддавайтесь-же такъ минутному...

МАРИАННА (*схвативъ его руку и прикладывая ее къ своему лицу*). Дайте руку! троньте мой лобъ... Онъ горитъ? не правда-ли.. эти мысли мои—жгутъ меня!

Борисъ. Придите въ себя, у меня посторонніе люди... васъ могутъ увидѣть, и въ этомъ платѣ. Что могутъ подумать?.. поберегите вашу репутацію.

МАРИАННА. Мнѣ нечего беречь, когда я васъ теряю.

Борисъ. Вы дѣлаете зло и себѣ, и мнѣ... Если вы меня добьетесь, исполните мою просьбу... сюда могутъ войти, могутъ вообразить Богъ вѣсть что... вы знаете, здѣсь моя невѣста...

МАРИАННА. Отъ этого напоминанья вы бы могли меня извести... вамъ,—невѣста свадьба... мнѣ—могила, похороны. Вы видите, я горю, какъ въ лихорадкѣ... немного вамъ ждать! Богъ дастъ, я овладѣю мной всецѣло какая-нибудь... гибельная болѣзнь... жданная болѣзнь... и мной и вами...

Борисъ. Да вы въ самомъ дѣлѣ больны, вамъ нуженъ покой и докторъ...

МАРИАННА (*не слушая его*). Неужели-же она такъ мало любитъ васъ, эта ваша избранная... что одно появленіе мое здѣсь можетъ унижить васъ самихъ въ ея глазахъ... неужели такъ мало уважаютъ васъ ея родные, такъ мало знаютъ васъ, такъ мало довѣряютъ вамъ!

Борисъ. Это сумашествіе! этого никогда не бывало...

МАРИАННА. Нѣтъ, еслибъ я была на ея мѣстѣ... еслибъ я васъ считала своимъ, еслибъ я знала, что вы мой,—гдѣ-бы, съ кѣмъ-бы васъ ни встрѣтила, все равно, я бы повѣрила всему, что бы вы мне ни сказали... Знать, что вы любите... О! за это можно жизнь отдать! Не бойтесь меня, не бойтесь... Сумашествіе... ну, да, скажите всѣмъ, что я сумашедшая, и ваша репутація не пострадаетъ и вы ничѣмъ не рискуете... (*Рыдаетъ*).

Борисъ. Полноте, полноте же... Соберите свои силы, вы такъ умны! какъ же не властвовать надъ собой... я приду къ вамъ завтра, если хотите, приду... буду говорить съ вами, постараюсь

васъ успокоить... но поймите же, что теперь не время и что ни къ кому вся эта бравада.

МАРИАННА. Да еще принесеть-ли мое горе вамъ счастье... Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу, чтобъ судьба васъ наказала за меня... этихъ желаній во мнѣ не будетъ, я прогоню ихъ... будь счастливъ, какъ хочешь... *(Обнимаетъ его и цѣлуетъ. Онъ тихо отстраняетъ ее).*

БОРИСЪ. Вы не изъ тѣхъ натуръ, милая дѣвушка, которыя миражуютъ отъ любви... Страсть не убьетъ вашу жизнь... зачѣмъ-же затруднять себѣ жизнь ненужными неприятностями... зачѣмъ портить лучшей исходъ... Уйдите, не вводите людей въ соблазнъ.

МАРИАННА *(зло и рѣзко отходя отъ него)*. И все только это одно слово: уйдите, уйдите!.. чтобъ не мѣшать этой сладкой вечности... чтобъ поскорѣй вернутъся къ этой невѣстѣ...

БОРИСЪ. Вы однако, Марианна Осиповна, говорите одно, а дѣлаете другое... вы говорите: „будь счастливъ, какъ хочешь“—и все-таки не даете мнѣ моей свободы, не уходите и...

МАРИАННА. Ревную! да, я ревную, я злая... у меня не осталось ни капли самообладанія, я лгала на себя, я не могу допустить, чтобъ вы были счастливы съ ней, и не допущу!..

БОРИСЪ. Что вы хотите?

МАРИАННА. А? вы смотрите хладнокровно и равнодушно на мои страданья?.. а меня заставляете оберегать ваши маленькія разлеченья... нѣтъ и нѣтъ... я наступлю на нихъ... Какъ вы со мной, какъ и я съ вами...

БОРИСЪ. Вы не рѣшитесь!

МАРИАННА. Мнѣ все равно теперь... осуждай кто хочеть! мнѣ все равно! Я не уйду отсюда!

БОРИСЪ. Умоляю васъ...

МАРИАННА. Нѣтъ, я останусь, я увижусь съ ней... Я буду говорить съ ней...

БОРИСЪ. Ни за что!.. я вамъ приказываю, чтобъ вы ушли.

МАРИАННА. Я васъ не слушаю.

БОРИСЪ. Такъ я заставлю васъ! *(Схватываетъ ее за руки и хочетъ насильно вести къ двери. Она вскрикиваетъ со злобой и недоуваніемъ).*

МАРИАННА. А!!: *(онъ опускаетъ ея руки)*. Убейте меня! по крайнѣй мѣрѣ, все будетъ кончено вами! *(На крикъ вбѣгаютъ Вратскій, то; въ дверяхъ княгиня Олопецкая и Мери).*

I.

ТѢ-ЖЕ И ВРАТСКІЙ, ТОТО, КНЯГИНЯ ОЛОНЦКАЯ И МЕРИ:
ВЪ КОНЦѢ РУЗЕЦКАЯ.

ВРАТСКІЙ. Что случилось?!

ТОТО. Кто кричалъ? что такое?.

МАРИАННА. О! ничего, господа, ничего... не безпокойтесь, маленькая ссора, это часто бываетъ между людьми, любящими друг друга.

БОРИСЪ. Что вы хотите?

ОЛОНЦКАЯ. Что это значить... Mademoiselle Marianne?! въ здѣсь!?! въ какомъ вы видѣ?!

МАРИАННА. Чему-же вы удивляетесь... я ссорилась съ нимъ за то, что онъ назвалъ гостей, а хозяекъ своей ихъ не представилъ.

БОРИСЪ. Молчите.

ВРАТСКІЙ. Пойдемте, княгиня.

МЕРИ. Матап, патап! что-же это такое?

МАРИАННА. А, милая дѣвочка, вы этого не ожидали—напрасно вы обрадовались, что вашъ красавецъ-князекъ поторопился вамъ сдать предложеніе! Вы готовы были броситься ему на шею, не спрашивая о томъ, что, можетъ, есть другая женщина, которая этого не допуститъ, потому что у нея большія права на него.

ОЛОНЦКАЯ. Какія?.. что вы говорите?

МАРИАННА. А! вы не догадываетесь... вы хотите, чтобъ я вамъ прямо сама сказала?! Ну, да! Я его любовница!

МЕРИ. Матап! патап!..

БОРИСЪ. Вы ждете...

МАРИАННА. А, моя птичка!.. надо было справиться прежде, чѣмъ насильно вырывать его изъ моихъ рукъ... Надо было хорошенько попросить меня; можетъ быть, я сама бы отдала его... и выхлопотала-бы ему прибавку жалованья у отца, чтобъ было вамъ чѣмъ жить.

ОЛОНЦКАЯ. Не смѣйте говорить съ ней... (*Появляется Рузцкая*). Не входите, графиня, здѣсь не мѣсто порядочнымъ людямъ.

БОРИСЪ. Княгиня, вы видите, она сама не знаетъ, что говорить, она клеветаетъ на себя.

ОЛОНЦКАЯ. Оставьте насъ!.. если ужъ вы не могли уберечь вашъ домъ отъ нашествія такихъ... дамъ, вы бы, по крайней мѣрѣ, могли имѣть деликатность не приглашать сюда честную дѣвушку. (*Уходитъ съ Мери, Тото и Рузцкая за ними*).

БОРИСЪ. Я готовъ задушить ее!

МАРИАННА. О! это мнѣ будетъ легче, чѣмъ то, что вы дѣлаете...

ВРАТСКІЙ. Маріанна Осиповна!.. Какъ-же можно...

МАРИАННА. Онъ поблагодаритъ меня когда нибудь за это. (*Уходитъ*).

БОРИСЪ (*про себя*). Дьяволъ! дьяволъ!..

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ВРАТСКІЙ.

ФИЛАТОВА.

БОРИСЪ.

ЕГОРЬ.

МАРИАННА.

ИВАНЪ, — слуга Вратскаго.

ФИЛАТОВЪ.

Гостинная у Вратскаго.

(Носильщики вносятъ небольшой шкафъ и двѣ старинныя вазы. Съ ними входитъ Егоръ и Иванъ).

I.

Егоръ, Иванъ и носильщики.

Егоръ. Осторожнѣй, осторожнѣй... сохрани васъ Господи задѣтъ гдѣ... сюда, вотъ тутъ и ставь... (*ставятъ шкафчикъ*). Давай вазу-то... это знаешь какая вещь.. Ты вотъ только въ рукахъ ее поддержи, такъ и то важнѣе сталь... (*ставитъ вазы*). Это вещи старинныя, можетъ быть, и Петербурга то на свѣтѣ не было, когда эти вазы дѣланы.

Носильщики. Ишь ты вотъ!

Егоръ. Н-да... тебя и всего-то продать со всей деревней, такъ этой вазы не купить... Ступайте! ну васъ... на чай вамъ дано, чего вы стоите?.. (*Носильщики кланяются и уходятъ*).

Иванъ. Что-жъ это? такъ вы у насъ будете жить?

Егоръ. Я ничего не знаю... меня и не спрашивайте... Мнѣ приказано вещи молодого князя сюда перевезти, — больше ничего и знать не могу...

Иванъ. Зачѣмъ-же это князь Борисъ въ Москву ѣздилъ?

Егоръ. Опять и этого не знаю.

Иванъ. Долго-ль онъ въ Москвѣ пробылъ?

Егоръ. Мѣсяць цѣльный.

Иванъ. Что жъ это онъ къ себѣ въ квартиру не вернулся, а прямо къ намъ съ желѣзной дороги?

Егоръ. Не знаю... говорю, не знаю ничего и знать не хочу.. .Потому, еслибы въ порядкѣ они свое дѣло вели, былъ-бы интересъ какой, а такъ я ни во что и мѣшаться не желаю, дѣлай какъ знаешь и все... приказывай—ну!.. я слова не скажу... я безпрекословно слушаюсь и сдѣлалъ... хоть ты прикажи мнѣ сейчасъ корову привести въ залу или зеркало къ потолку привѣсить—все сдѣлаю... потому, какъ пошелъ сумбуръ, тутъ мое дѣло сторона.

Иванъ. Какой сумбуръ-то?

Егоръ. Такой, братецъ, сумбуръ, совѣмъ не княжескій... Господи, силы небесныя, видаль я господъ, у князя жилъ, всякія чудовства... Ну, магазинщикъ придетъ со счетомъ—въ шею вытолкать... цыганку крали изъ табора...на дуэли живаго человѣка убили... все по благородному... но чтобы такъ-то, по теперешнему—не по барскому... ну! Все равно, дѣлай, что хочешь.

Иванъ. Да расскажите! что вы такъ все неясно?..

Егоръ. Ахъ! дѣла, дѣла!.. (*Входятъ Филатовъ съ женой*).

II.

Тѣ же и Филатовы.

Филатовъ. Чтожъ это ты, любезнѣйшій, не въ прихожей? Швейцаръ насъ впустилъ, а доложить некому.

Иванъ. Виновать-съ... сейчасъ доложу... (*Егору*). Ступайте въ мою комнату... (*Уходитъ*).

Филатовъ (*Егору*). Какъ будто я тебя, мой почтенный, знаю... ты не камердинеръ-ли князя Бориса Алексѣевича?

Егоръ. Ихній самый-съ.

Филатовъ. Вотъ это встати... на ка тебѣ для перваго знакомства... четвертную... (*даетъ деньги*).

Егоръ. За это покорнѣйше благодарствуйте, только ежели вамъ чего спрашивать угодно объ князѣ, такъ я прямо скажу: я теперь въ ихъ дѣла совѣмъ не вмѣшиваюсь.

Филатовъ. Нечего мнѣ, братецъ, у тебя спрашивать; что мнѣ нужно, я все самъ знаю, только будь ты мнѣ преданный человѣкъ... у меня ужъ такая привычка: коли гдѣ какой баринъ можетъ понадобиться—сейчасъ лакею, первымъ дѣломъ, четвертную; неизвѣстно когда и гдѣ что случиться можетъ.

Егоръ. Это у васъ привычка хорошая.

Филатова. Скажи-ка, — поди сюда, — что князь?.. какого характера онъ дома... вѣдь мы давно знакомы, только онъ всегда былъ скрыт-такой... Какъ онъ? веселый?

Егоръ. Бываетъ и веселый, бываетъ и скучный, все бываетъ.

Филатова. А скажи мнѣ, пожалуйста—поди сюда—правда это...

Маріанна Осиповна... скажи...

Егоръ. Тутъ ужъ позвольте мнѣ доложить: я сорокъ лѣтъ при нашихъ господахъ князьяхъ состою... и у насъ приличья строгія...

и бы и случилось, то есть никому ни-ни... тьма и могила... Потому, вы спрашиваете, а завтра, можетъ, сами попадете также... а ну-ка про васъ начну разглашать—непріятно будетъ... такъ ужъ извините. *(Идетъ)*.

Филатова. Какой дуракъ... *(Входитъ Вратскій, за нимъ Иванъ, который проходитъ въ другую дверь)*.

III.

Филатовы и Вратскій.

Вратскій. А! бездѣньнѣйшій Семень Кузьмичъ... И съ супругой! Какой благодатный вѣтерокъ занесъ ко мнѣ вашу очаровательную фею?

Филатовъ. Увязалась вотъ со мной. Ѣхать. Что прикажете дѣлать?

Вратскій. А вы, какъ истинно вѣжливый джентльменъ, покорны вской власти?

Филатовъ. Совершенно справедливо... чтобъ не слышать нытья и злобы... любопытство ее заѣло...

Вратскій. Да здравствуетъ женское любопытство, украсившее и убогую келью такимъ прелестнымъ существомъ.

Филатовъ. Вотъ, ваше высокопревосходительство, оттого онѣ такія верченныя, что вы имъ льстите. Она ужъ теперь себя такъ прелестнымъ существомъ и записала.

Филатова. Ты говори о дѣлахъ. Семень Кузьмичъ... ты о дѣлахъ очень хорошо рассуждаешь... оставь ужъ насъ, пренебрегай ими, пожалуйста...

Вратскій. Такъ чего-же требуетъ отъ меня женское любопытство?

Филатовъ. Пойдите... и то сперва надо дѣло дѣлать... эти пухляки и подождать могутъ... скажите, что-же князь Борисъ оставитъ Крафта?

ВРАТСКІЙ. Милый другъ, я ничего не знаю...

ФИЛАТОВЪ. Ваше высокопревосходительство, вы со мной не секретничайте, я всю исторію знаю... У меня съ графиней Рузенкой общественные интересы... нравственное сближеніе... А она вѣдь тамъ была при этомъ... Ну, чтобы у васъ сомнѣнія не оставалось, я вамъ прямо откроюсь: графинѣ денегъ займы даль.

ВРАТСКІЙ. Понимаю.

ФИЛАТОВЪ. У меня ужъ это система такая. Ничего даромъ не получаю, но зато за деньги все могу купить... Скажите-же мнѣ откровенно, что затѣваетъ князь? Онъ человѣкъ полезный и мнѣ какъ разъ такого теперь нужно.

ВРАТСКІЙ. Ей Богу, не знаю.

ФИЛАТОВЪ. Я же вамъ сказалъ, ваше высокопревосходительство, что ничего даромъ не беру... Ваша помощь будетъ для васъ не безъ выгодна...

ВРАТСКІЙ. Но, мой милѣйшій, я Бориса, послѣ этой исторіи видѣлъ почти мелькомъ. Я тогда уѣхалъ домой, а на другой день Борисъ укатилъ въ Москву... Сегодня только онъ вернулся. Все, что я знаю: онъ просилъ меня на время поставить его мебель и дрессы ко мнѣ. Онъ не хотѣлъ возвращаться въ домъ Крафта.

ФИЛАТОВЪ. Это ужъ очень много.

ВРАТСКІЙ. Затѣмъ, сегодня онъ уѣхалъ по какимъ-то дѣламъ и я его жду съ минуты на минуту. Если хотите, подождите и я говорю съ нимъ сами.

ФИЛАТОВЪ. Нѣтъ, это не годится; я, знаете, не умѣю говорить съ такими людьми. Я сейчасъ пойду напрямки и, пожалуй, задѣю его гордость... но я васъ попрошу... Вы, ваше высокопревосходительство, мастеръ эдакъ тонко обдѣлывать всякія дѣлишки.

ВРАТСКІЙ. Позвольте...

ФИЛАТОВЪ. То-есть—простите, я хотѣлъ сказать: вы замѣтительно тонкій и обходительный человѣкъ, ей Богу... Будь я царемъ вы бы у меня были министромъ иностранныхъ дѣлъ.

ВРАТСКІЙ. Ну-съ, такъ что-же сказать?

ФИЛАТОВЪ. Уговорите его, чтобъ онъ поступилъ ко мнѣ въ службу... объясните ему, что я ему дамъ то же содержаніе, что Крафтъ... даже общайте немножко больше... Онъ у Крафта вѣрно не останется... пожалуйста, устройте мнѣ это!

ВРАТСКІЙ. Для васъ я готовъ попытаться, хотя за успѣхъ не ручаюсь... Борисъ теперь сильно возбужденъ, и я не знаю, каковы его планы.

Филатовъ. О! вы всегда умѣли на эти планы вліять... Ну, прощайте... теперь удовлетворяйте любопытство жены, я вамъ ее оставляю.

Вратскій. Постараюсь, какъ могу...

Филатовъ. Она васъ хочетъ спросить о подробностяхъ знаменитаго казуса... Такъ вы ей побольше всякаго вздору нагородите, самое невозможное расскажите, она скорѣй повѣритъ, и это ей очень понравится...

Филатова. Уѣзжай себѣ, уѣзжай! лучше будетъ.

Филатовъ. Вы ей скажите, что Маріанна отъ любви застрѣлилась и ее похоронили, да потомъ она очнулась и теперь выходитъ замужъ за папу римскаго... (*Уходитъ и возвращается*). А про Бориса скажите, что онъ моршанскую религію принялъ. (*Уходитъ*).

IV.

ВРАТСКІЙ И ФИЛАТОВА.

Филатова. Удивительно, какъ остроумно! Владиміръ Александровичъ, я вѣдь къ вамъ, какъ къ самому преданному другу...

Вратскій. Какъ-же иначе? ко мнѣ всѣ, какъ къ другу... особенно дамы,—я ихъ общій другъ.

Филатова. Я съ вами безъ всякихъ тайнъ. У меня большое дѣло...

Вратскій. Что вы?! Кто-же это осмѣлился огорчить такую хошенькую птичку?

Филатова. Нейховецкій... онъ у насъ больше не бываетъ.

Вратскій. Въ Сибирь его за это!

Филатова. Что вы все насмѣхаетесь... Какъ-же мнѣ теперь? Я мужемъ, что-ли, разговаривать?.. вы видите, какой онъ грубый... Нейховецкій, говорятъ, женится... и на этой на самой, на невѣстѣ влязъ...

Вратскій. Не слыхаль.

Филатова. Это мой мужъ проболтался, онъ все знаетъ... Я какъ зла на Нейховецкаго... я бы хотѣла ему доказать, что совѣмъ не мнѣ не нуженъ... и что вообще я женщина, которой могутъ интересоваться люди и почище его...

Вратскій. О, вполне... у кого такая миленькая ручка... (*мише*) пожка...

Филатова. Я очень была несправедлива къ князю Борису; я думала, что онъ прескучный... но послѣ этой исторіи, я вижу на-

оборотъ, онъ преинтересный... только хитерь очень, не выдасть себя: но вѣдь это еще лучше, не правда-ли?

Вратскій. Конечно, лучше.

Филатова. Маріанна поступила очень нехорошо... Пускай-бы дѣлала, что хочетъ, но зачѣмъ скандалъ?.. Вѣдь если кого любишь, надо его беречь...

Вратскій. Да, и себя тоже.

Филатова. И себя тоже... (*спохватясь*) то-есть, главное, его... чтобъ не было у него неприяностей. Я бы не позволила себѣ поставить любимаго человѣка въ такое положеніе... никогда-бы, ей Богу... я бы спряталась, меня-бы никто не увидалъ...

Вратскій. О! вы ужасная плутовочка!

Филатова. Да зачѣмъ? скажите... Боже мой, такъ мало радостей въ жизни... зачѣмъ ихъ портить? Такъ, пожалуйста, скажите князю, чтобъ онъ на меня не сердился, онъ совсѣмъ не серьезный, то-есть, совсѣмъ не такой мрачный... онъ очень интересный.. привезите его ко мнѣ...

Вратскій. Съ радостью, если только...

Филатова. Послушайте, вѣдь вы мнѣ другъ, настоящій другъ... я вамъ... какъ-бы это сказать...

Вратскій. Словами скажите, русскими словами...

Филатова. Вѣдь вы понимаете, князь Борисъ теперъ... (*Вздвигаетъ Борисъ*).

Вратскій. Легокъ на поминѣ!

V.

Тѣ-же и Борисъ.

Борисъ. Виновать, я помѣшалъ...

Филатова. О, нѣтъ! Чѣмъ вы могли помѣшать—никогда!

Вратскій (*пожавъ руку Борису; Филатовой*). Такъ, что-же вы хотѣли сказать?

Филатова. Нѣтъ, нѣтъ, послѣ... Нѣтъ, я передумала, къ тому-же мнѣ некогда, я совсѣмъ забыла, меня ждуть...

Вратскій. Куда? что это вдругъ за перемѣна?

Филатова. Нѣтъ, право меня ждуть... Вы, Владиміръ Александровичъ, умный человѣкъ, вы сами знаете и поймете—если вы въ самомъ дѣлѣ мнѣ другъ—что надо дѣлать... Прощайте... князь, прощайте... Вы не сердитесь на меня?

Борисъ. За что?

Филатова. Что я васъ до сихъ поръ серьезнымъ считала... Я жалѣю объ этомъ, честное слово, вы совсѣмъ не такой... и если все это уладится, чтó вотъ вамъ скажетъ Владиміръ Александровичъ отъ моего мужа... Я съ своей стороны ужасно рада буду... ужасна рада...

Борисъ. Что такое уладится?

Филатова. Нѣтъ, нѣтъ, безъ меня, безъ меня... только вы... вы очень интересный... Прощайте... (*вздыхнув*). Прощайте! (*Уходитъ*).

VI.

Вратскій и Борисъ, потомъ Иванъ.

Борисъ. Что это значить, дядюшка?.. какія-то загадочныя рѣчи...

Вратскій. Значить, что счастье гонится за тобой по пятамъ, что ты баловень счастья... Садись, голубчикъ, я еще тебя путемъ не видалъ послѣ пріѣзда, а мнѣ надо съ тобой о многомъ поговорить... Мы всѣ такъ интересуемся тѣмъ, чтó ты теперь намѣренъ дѣлать?..

Борисъ. Кто это: вы всѣ?

Вратскій. Ну, во-первыхъ, я.

Борисъ. А еще?

Вратскій. А еще? ну, хоть вотъ Филатовы... ха, ха... тутъ тебѣ ужъ готово теплое мѣстечко, если хочешь... Онъ самъ былъ у меня сегодня, увѣренъ, что ты у Крафта не останешься.

Борисъ. Я и не останусь.

Вратскій. То-то онъ тебѣ предлагаетъ поступить къ нему... Онъ готовъ дать такое-же жалованье и даже больше... А его миленькая жонка, послѣ твоего удивительнаго приключенія, находитъ тебя очень романтичнымъ... ты замѣтилъ, какъ она сконфузилась и какъ глядѣла на тебя... отъ тебя зависитъ устроить себѣ тутъ пріютъ блаженства и труда, опять таки, если ты лучшаго ничего не имѣешь.

Борисъ. Вы знаете, дядя, я такими увеселеніями не занимаюсь.

Вратскій. Ну да, ну да, я легкомысленный дядя, ты солидный племянникъ, я-бы, можетъ быть, и не упустилъ случая, но ты другое дѣло. Тѣмъ болѣе, что тебѣ не одна дорога, и предложеніе Филатова совсѣмъ еще не лучшее рѣшеніе задачи...

Борисъ. Дядюшка, у васъ въ головѣ какая-то мысль и вы не хотите ее высказать сразу; говорите, не стѣсняйтесь!

Вратскій. Это не мысль, а только такъ, извѣщеніе... Ты не спрашиваешь ничего о Марианнѣ?

Борисъ. Что мнѣ спрашивать?

Вратскій. Ну, Господи! что съ ней случилось послѣ всего этого... Ты уѣхалъ, она очень хворала, двѣ недѣли пролежала въ постели... потомъ долго не выходила изъ своей комнаты... Я видѣлъ ее разъ только... и то мимоходомъ... Она даже отъ меня сторонится... но она просила непременно извѣстить ее, когда ты вернешься.

Борисъ. Зачѣмъ вы мнѣ это рассказываете?

Вратскій. Потому что она все-таки прекрасная дѣвушка...

Борисъ. Дядюшка, не хочется мнѣ больше спорить съ вами объ этомъ... я прошу васъ, не вспоминайте объ ней... она разбила мою жизнь... Она у меня отняла такое счастье, какого едва-ли я дождусь еще разъ!

Вратскій. То-есть, разстроила твой бракъ; но, милый мой, прости пожалуйста, теперь ты проѣхался, успокоился, теперь ты, можетъ быть, и самъ разглядишь, что это, пожалуй, еще и къ лучшему.

Борисъ. Вамъ всегда не правилась Мери.

Вратскій. Нѣтъ, она мнѣ нравится, но не какъ твоя жена... Я тебѣ такихъ барышень фру-фру десятокъ предоставлю... Вонъ ужъ она забыла тебя и поговариваютъ о ея свадьбѣ съ Нейхо-вецкимъ.

Борисъ. Это неправда, это не можетъ быть!

Вратскій. Пока я этого утверждать не смѣю, я у нихъ давно не былъ... но имѣю большія основанія думать, что твой идеалъ совсѣмъ не горюетъ по тебѣ; я встрѣчалъ ее на вечерахъ и въ театрѣ такой-же розовой и смѣющейся, какъ всегда.

Борисъ. Дядя, я вижу, куда вы клоните разговоръ; вы все еще думаете, что когда-нибудь прошлое забудется, Марианна стумѣтъ овладѣть мной и я женюсь на ней... Вамъ этого хочется—сознайтесь вы ея ревностный сторонникъ.

Вратскій. Ну, такъ... немножко...

Борисъ. Вы ошибаетесь, этого не будетъ. Я ей въ душѣ простилъ она, можетъ быть, въ ту минуту не помнила себя, но мы съ ней никогда не сойдемся, не смотря на всѣ ея достоинства... намъ нельзя сойтись... въ Марианнѣ слишкомъ мало женственнаго, того, что именно мнѣ нужно въ моей подружкѣ... Она вся жила въ свое тщеславіе. Ея страсть не любовь — это страсть афериста... Марианна можетъ захворать... умереть съ досады, что ея планы не удались... но умереть изъ-за го-

привязанности, отъ потери любимаго человѣка, это ей не-
вно.

ВРАТСКІЙ. Ну, если тутъ обманъ—это обманъ очень талантливый... у нея искусство обворовало природу... (*Входитъ Иванъ*).

ИВАНЪ. Письмо вашему высокопревосходительству... и дама васъ шиваетъ. (*Подаетъ письмо и карточку Вратскому, который, взявъ карточку, передаетъ ее Борису*).

БОРИСЪ. Марианна!! я уйду...

ИВАНЪ. Эта госпожа изволили спрашивать про князя... я имъ сказалъ, что князь здѣсь, она приказала доложить вашему сіятельству, о желаютъ васъ видѣть.

БОРИСЪ. Примите ее, дядя и скажите, что мнѣ нечего съ ней говорить.

ВРАТСКІЙ. Чего-жъ ты испугался? тутъ нѣтъ ни слабонервной вѣсты, ни чопорной маменьки, и ты равнодушенъ къ Марианнѣ... ганься, это невѣжливо.

БОРИСЪ. Хорошо, если это вамъ угодно; но мнѣ было бы приятно, чтобъ вы присутствовали при этомъ объясненіи.

ВРАТСКІЙ (*Ивану*). Проси сюда... (*Иванъ уходитъ*).

БОРИСЪ. Чего ей нужно отъ меня, не понимаю?

ВРАТСКІЙ. Нужно, чтобъ не было ничего недосказаннаго. (*Входитъ Марианна*).

VII.

ТѢ-ЖЕ И МАРИАННА.

(*Марианна раскланивается съ Борисомъ и подаетъ руку Вратскому*).

БОРИСЪ. Вамъ угодно было видѣть меня? говорить со мной?

МАРИАННА. Да.

ВРАТСКІЙ. Вы, можетъ быть, хотите, чтобъ я ушелъ?

МАРИАННА. О нѣтъ, напротивъ, я прошу васъ...

БОРИСЪ. Что-же вамъ угодно сказать мнѣ?

МАРИАННА. Князь, мы, можетъ быть, видимся послѣдній разъ жизни. Отецъ мой ликвидируетъ свои дѣла и мы навсегда уѣдемъ за границу. Я хотѣла проститься съ вами и услышать отъ васъ, что въ душѣ вы не таите никакой злобы на меня за все, что училось.

БОРИСЪ. Время все уничтожаетъ... Время стерло и мою злобу.

МАРИАННА. Холодное, суровое прощеніе, князь,—тяжелое наказа-

пие дѣвушкѣ, которая была настолько предана, что опозорила себя чтобъ не видѣть вашего несчастья.

Борисъ. Почему-же вы такъ убѣждены, что мой бракъ съ Мери былъ-бы моимъ несчастьемъ?

МАРИАННА. Потому что...

ВРАТСКІЙ. Пойдите... простите, что я невольно прихожу вамъ на помощь (*подаетъ письмо*). Вотъ вамъ и доказательство. Я только что получилъ это письмо. Прочтите!

МАРИАННА (*читаетъ*). „Дорогой Владиміръ Александровичъ, мнѣ очень жаль, что вы перестали бывать у насъ. Желая возобновить наши прежнія отношенія, я пользуюсь случаемъ нашей семейной радости, чтобъ снова заманить васъ къ намъ. Наша Мери выходитъ замужъ за Нейховецкаго... (*Останавливается; движеніе Бориса*). Завтра вечеромъ, въ честь жениха и невесты, мы устраиваемъ маленькую вечеринку; намъ было бы большое удовольствіе видѣть васъ въ числѣ нашихъ гостей. *Toute à vous, княгиня Олонецкая*“. (*Маленькая пауза*).

ВРАТСКІЙ. Да! внушительное посланіе! Такъ скоро утѣшиться такъ скоро!.. и гдѣмъ утѣшиться?.. еще еслибы человекъ былъ, то взять этого болвана Нейховецкаго! богатаго шаркуна!.. Я говорила тебѣ, что она между вами не дѣлала различія.

МАРИАННА (*Борису*). И послѣ этого даже, вы не найдете теплаго слова для меня? не скажете; что я васъ спасла...

Борисъ. Можетъ быть, спасли меня, можетъ быть, погубили мою Мери... какъ судить? Кто знаетъ, что можетъ выработаться изъ разбѣна?

МАРИАННА. Это даже обидно!.. Отстаивать куклу, только потому что „можетъ быть“—„когда нибудь“—изъ нея что нибудь-бы выработалось!.. Можетъ быть, и нѣтъ—все равно; за одну эту надежду,—ей полное сочувствіе, мнѣ же никакого; а, кажется, я доказала смыслъ, и энергію, и горячую преданность вамъ... Недолго думая губя самоё себя, я вырвала васъ изъ болота, въ которомъ вы готовы были потонуть... Ваши князья могутъ осудить мое поведеніе, хотя они втайнѣ дѣлаютъ то, чего я никогда не сдѣлаю—но не вы! Васъ я считала выше этой грошовой морали и фарисейскихъ осужденій... но вы не лучше ихъ... вы меня отталкиваете за то, что я въ „ваша“—это ужъ не гордость, это мелочное пристрастіе...

Борисъ. Нѣтъ, Маріанна Осиповна, не оттого мы не пара, что я князь Курбатовъ, а вы Маріанна Крафтъ; но оттого, что у насъ

разныя цѣли жизни и разныя средства достиженія... Со многими изъ вашихъ стремленій я мириться не могу.

МАРИАННА. Говорите же прямо, что вы въ моихъ цѣляхъ и энергій осуждаете?.. Весь міръ, любезный князь, дѣлится на два сорта людей: одни властвуютъ—другіе повинуются. Все дѣло въ томъ, какъ властвуютъ,—на благо тѣмъ, кто повинуются, или во вредъ; все-таки властвуютъ, и если на благо, то стремленіе ихъ хорошо... Я добилась силы, добилась денегъ, я эту силу вмѣстѣ съ моими дарованіями отдавала вамъ... я думала, что вашъ талантъ этимъ воспользуется и мы вмѣстѣ будемъ властвовать... на благо, конечно... тутъ есть что-то высокое, захватывающее душу.

БОРИСЪ. Это софизмы.

МАРИАННА. Ваши аристократы давно поняли, что имъ надо родниться и дружиться съ нами, людьми денегъ, потому что иначе — власть уходитъ изъ ихъ рукъ, что мы имъ единственная опора и сила... Къ несчастью, это больше дѣлаютъ, чтобъ весело жить и наслаждаться; много и у меня такихъ жениховъ изъ вашей среды, захоти я только взять ихъ... Я выбрала васъ, чтобъ мои деньги и энергія нашли лучшее примѣненіе... Вѣдь, такъ или иначе, вы должны держаться насъ.

БОРИСЪ. Нѣтъ!.. Пускай дѣлаетъ всякій, что хочетъ, аристократъ, или нѣтъ... пускай вы правы, что многіе изъ насъ унижаются до выгодныхъ браковъ... я знаю одно: если мнѣ понадобится союзникъ въ лучшихъ стремленіяхъ всей моей жизни... я этого союзника буду искать не въ вашей средѣ финансистовъ и эксплуататоровъ...

ВРАТСКІЙ. Слишкомъ сильно, мой другъ.

БОРИСЪ. Простите, дядя, надо кончить этотъ тяжелый разговоръ... (МАРИАННѢ). Не въ вашей средѣ людей, измышляющихъ въ тиши кабинета разные способы обирания ближняго... на ихъ благо, какъ вы говорите... нѣтъ, я протяну руку истинно-трудящемуся человеку... нашему работнику, нашему народу... Мой другъ Березинъ былъ правъ, я началъ слѣпнуть отъ вашего блеска... и я бѣгу отъ него... Я рѣшилъ ѣхать съ нимъ на Уралъ и мы уѣздаемъ послѣ завтра... Теперь вы, кажется, все узнали, чего допытывались. Прощайте!

МАРИАННА (почти вскрикивая). Владиміръ Александровичъ, остановите его, скажите ему, что такъ нельзя уходить... бросивъ оскорбленіе женщинѣ въ лицо... Вѣдь все, что я дѣлаю, объ чемъ думаю, все ради его, для него!

БОРИСЪ. Для меня!.. Полноте, Марианна Осиповна, говорите-же,

набонецъ, честно и открыто... какое тутъ участіе къ моей судьбѣ? Тутъ ваше желаніе поставить на своемъ, ваше непохвальное самолюбіе и эгоизмъ.

ВРАТСКІЙ. Борисъ, пощади женщину!..

МАРИАННА. Не надо! не надо шадить меня, потому что оны правъ и тысячу разъ правъ... О! я считала себя сильной, но теперь вижу, что нѣтъ никого слабѣ меня... я хотѣла подавить мое чувство и пла, чтобы спокойной насмѣшкой унизить васъ... представить васъ мелкимъ, ничтожнымъ въ вашихъ собственныхъ глазахъ... и что же вышло?.. наоборотъ... Я не могу... я не могу больше скрывать мои страданья... презирайте меня, браните, я сама себя презираю... ненавижу меня, я сама себя ненавижу... но пожалѣйте, пожалѣйте несчастную сумасбродку!

ВРАТСКІЙ. Ma bonne amie, не отдавайтесь-же такому отчаянію.

МАРИАННА. Что можетъ быть ужаснѣе—вдругъ увидеть ничтожество и позоръ всего, что всю жизнь признавала силой и могуществомъ, да еще въ ту самую минуту, когда думала, что вотъ, вотъ подходишь къ цѣли... А! они отмстили за себя!—деньги! проклятыя деньги! я имъ вѣрила! я бессмысленно служила имъ, я имъ всю себя отдавала, но они обманули меня... Деньги не дали мнѣ ничего, кромѣ гадкихъ радостей самообольщенія, кромѣ однихъ призраковъ счастья... они даже оттолкнули отъ меня любимаго человека... Да, это любовь!! вѣрьте, вѣрьте!.. тутъ нѣтъ никакихъ другихъ побужденій; во мнѣ заговорило чувство, какого я и не ждала въ себѣ... и тѣмъ больше я сознаю его, чѣмъ яснѣе вижу, что вы никогда моимъ не будете... Я люблю васъ больше жизни, больше счастья... Я люблю въ васъ даже эту гордость вашу, которая меня растоптала...

ВРАТСКІЙ. Вотъ она! женственность!

МАРИАННА. По крайней мѣрѣ, научите-же меня, что мнѣ дѣлать теперь... какъ распорядиться собой, какъ мнѣ распорядиться своими милліонами... что дѣлать?.. Я теряю голову... я жду единственной радости,—повиноваться вамъ безпрекословно.

БОРИСЪ. Искреннее чувство подскажетъ, что дѣлать... Мнѣ надо надъ собой еще работы немало... До свиданья!

МАРИАННА. О! до свиданья!.. все таки лучше, чѣмъ прощайте... и если въ самомъ дѣлѣ мое безуміе... дало вамъ горе... простите... простите мнѣ... Жалости прошу я у васъ—одной жалости!!

(Съ послѣдними словами она падаетъ передъ нимъ на колѣни и даетъ).

Борисъ. Встаньте... я отъ души васъ жалѣю.

Вратскій. Это первый шагъ къ любви... Слабость побѣдить чужие силы... *(Борису)*. Возвращайся скорѣй съ Урала, она сумѣетъ благо человѣчеству растратить свои капиталы также скоро, съ ихъ нажила.

В. Крыловъ.

К О Н Е Ц Ъ.

Два поколѣнія.

Изъ міра контрастовъ.

Рядомъ, ночью, шли домой
Дѣдъ и внучекъ молодой.

Шепчетъ внуку старый дѣдъ:
— „Въ мірѣ много разныхъ бѣдъ.
Помни: первая бѣда—
Знать любовь въ твои года.
Искры огненныхъ очей
Губятъ тысячи людей...
Берегись: любовь жадна,
Плоть и кровь сосетъ она,
Отравляетъ жизни сокъ,
Сушитъ розы юныхъ щекъ...“

Внучекъ дѣдушкѣ въ отвѣтъ:
— „Счастье стѣитъ этихъ бѣдъ.
Или дважды, грѣзъ полна,
Для людей цвѣтеть весна?
Вѣдъ и ты, поди, любилъ
Въ цвѣтѣ лѣтъ и въ цвѣтѣ силъ?
Такъ съ подобною бѣдой
Можно вѣкъ прожить и твой,—
А тебѣ, милѣйшій дѣдъ,
Сколько, вспомни-ка ты, лѣтъ!
Да и цвѣтъ ланитныхъ розъ
Что предъ блескомъ юныхъ грѣзъ?!..“

Шепчетъ снова внуку дѣдъ:
— „Вотъ еще одна изъ бѣдъ:
Берегись ты этихъ грѣзъ!
Ярвій блескъ ихъ стѣитъ слезъ,
Какъ въ азартную игру,
Не ведетъ успѣхъ къ добру:

Чѣмъ счастливѣе игрокъ—
 Ближе проигрыша срокъ;
 Голова идетъ кругомъ,
 Всѣ расчеты—кверху дномъ...
 А на картѣ роковой
 Можетъ жизнь стоять порой!“

Внучекъ дѣдушкѣ въ отвѣтъ:
 — „Эхъ, ты милый, милый дѣдъ!
 Нашей карты каждый ходъ
 Заколдованъ ужь впередъ:
 Будетъ бита ~~и~~ дана—
 Не проиграна она.
 Ты слыхаль-ли, чтобы ложь
 Побѣждала молодежь?
 Чтобы цвѣты, боясь увясть,
 Не рѣшались разцвѣтать?
 Вянетъ цвѣтъ, но онъ даетъ,
 Опавая, пышный плодъ...“

Шепчетъ снова внуку дѣдъ:
 — „Вотъ еще одна изъ бѣдъ:
 Невоздержность на языкъ.
 Мало-ль думать, что привыкъ,
 Мало-ль мысли чѣмъ полны,
 Но не всѣ онѣ должны
 Быть у насъ на языкѣ,
 Словно утки на рѣкѣ.
 Жирныхъ утокъ лакомъ видъ,
 Ихъ охотникъ сторожить.
 Берегись! и межъ людей
 Есть губители идей...“

Внучекъ дѣдушкѣ въ отвѣтъ:
 — „Ты вотъ, видишь, дряхль и сѣдъ,
 Все же споръ ведешь, старикъ,—
 Не боишься за языкъ.
 И понятно: у людей
 Краше нѣтъ вѣдъ—ихъ идей;

Постоять за нихъ горой—
 Краше нѣтъ судьбы людской.
 Отучить ли чьей рукѣ
 Плавать утокъ по рѣкѣ?
 Грянетъ выстрѣлъ—утки въ лѣтъ...
 Подводи имъ послѣ счетъ.“

Шепчетъ снова внуку дѣдъ:
 — „А изъ всѣхъ житейскихъ бѣдъ
 Хуже нѣтъ—съ такихъ годовъ
 Насъ не слушать, стариковъ.
 Голова ты, голова!
 Мы не день живемъ, не два,
 Были прытки, какъ и ты,
 На языкъ и на мечты...
 Но объ уткахъ, при стрѣльбѣ,
 Вотъ что я скажу тебѣ:
 Лучше во-время нырнуть,
 Чѣмъ летѣть имъ въ дальній путь...“

Внучекъ дѣдушкѣ въ отвѣтъ:
 — „Ты съ какихъ нырять сталъ лѣтъ?
 Глубоко-ли, старина?
 Васъ послушать, такъ и дна
 Не найдется у рѣки,
 Чтобъ задерживать нырки...
 А по нашему—лети,
 Безъ оглядки, да свисти,
 Какъ свиститъ въ опасный мигъ
 Улетающій куликъ:
 „Дай ужò, молъ, ты мнѣ срокъ
 До Петрова дня, стрѣлокъ!“

Не нашелся на отвѣтъ,
 Замолчалъ и сплюнулъ дѣдъ.

Омулевскій.

НОВЫЯ ТЕАТРАЛЬНЫЯ ДѢЛА.

I.

Давно-ли порядки императорскихъ театровъ въ обѣихъ столицахъ были какой-то неприступной крѣпостью. Всѣ тѣ, кто занимается журнализмомъ не больше, какъ лѣтъ двадцать, прекрасно знаютъ, какъ трудно было говорить правду о театральномъ управленіи... Да не то, что объ управленіи, даже объ игрѣ актеровъ, режиссерской части, обо всемъ, что относится къ чисто-художественной сторонѣ зрѣлищъ. Редакторъ ежемѣсячнаго журнала или газеты смотрѣлъ на театральныя рецензіи (сдѣлавшіяся теперь такимъ невиннымъ литературнымъ занятіемъ), какъ на очень щекотливое и неприятное дѣло. Кромѣ общаго цензурскаго просмотра, существовала особая цензура императорскаго двора, гораздо болѣе придирчивая.

Еще о пьесахъ или объ игрѣ актеровъ можно было такъ или иначе говорить; но о начальствѣ театровъ, о злоупотребленіяхъ, кумовствѣ, старыхъ, никуда негодныхъ порядкахъ—до половины 60-хъ годовъ было почти невозможно. Да и потомъ, мнѣнія, протесты, желанія журналовъ и газетъ разбивались о твердыню все того-же канцелярскаго режима. Такое упорно-пренебрежительное отношеніе администраціи къ тому, что говорилось и въ печати и въ самой образованной части публики, придавало нашей *драматургіи* (употребляя это слово въ нѣмецкомъ смыслѣ, т. е. театральной критики) особый оттѣнокъ, сдѣлало то, что чисто-художественныя оцѣнки стали почти невозможными. Все окрашивалось въ колоритъ публицистики. Недовольство театральными порядками, раздраженіе, вызываемое чиновничьимъ упорствомъ, просачивалось во все: въ разборъ пьесы, въ оцѣнку игры актеровъ. Много разъ приводилось мнѣ, въ теченіе двадцатилѣтней драматургической работы, указывать на эту *двойственность* отношенія литературы и прессы къ столичнымъ театрамъ. Конечно, можно было (послѣ того, какъ журналы и газеты стали свободно говорить о театрахъ), разъ навсегда отдѣлать вопросъ театральныхъ реформъ отъ вопроса о художественной дѣятельности авторовъ и артистовъ. Каждый, преданный дѣлу искусства, рецензентъ и старался такъ поступать; но не

вольно, то здѣсь. то тамъ, противорѣчіе между движеніемъ въ остальныхъ областяхъ администраціи и упорствомъ дореформеннаго консерватизма въ театральномъ вѣдомствѣ было слишкомъ рѣзко, и не могло не напрашиваться при всякомъ удобномъ случаѣ.

Помню, уже въ половинѣ 70-хъ годовъ зашелъ у меня разговоръ о театральномъ порядкѣ (въ особенности о петербургской *русской оперѣ*) съ однимъ знаменитымъ музыкантомъ, сослужившимъ русской музыкѣ большую службу. Разговоръ происходилъ въ Вѣнѣ, гдѣ артистъ настолько-же популяренъ, какъ и у насъ. Мы оба указывали на необходимость дать оперѣ, точно такъ-же, какъ и другимъ частямъ, самостоятельныхъ хозяевъ, специальныхъ директоровъ. Но собесѣдникъ мой считалъ это совершенно невозможнымъ, пока будутъ сидѣть тѣ же лица во главѣ театральной администраціи. Онъ прибавилъ, шутя, что скорѣе осуществятся всѣ мечтанія либеральнаго русскаго общества по общему строю государственной жизни, чѣмъ измѣнятся порядки привилегированныхъ театровъ.

Къ счастью, предсказаніе это связано было только съ вопросомъ лицъ. Какъ всегда у насъ бываетъ: измѣнились лица, подалась и система. Многое изъ того, что входило въ требованія и желанія печати и публики, въ той или иной степени осуществлялось. Въ 70-хъ годахъ всѣ главные пункты этой программы были уже выяснены, благодаря рѣдкому у насъ единомыслию театральной критики, которая не могла уснокоиться до тѣхъ поръ, пока не подались старые порядки.

Пункты эти слѣдующіе: допущеніе въ столицахъ конкуренціи частныхъ театровъ, поднятіе русской драматической сцены и русской оперы, для чего необходимо назначать особыхъ, специально знакомыхъ съ дѣломъ, завѣдующихъ артистическою частью, или главныхъ режиссеровъ; уничтожить систему бенефисовъ, увеличить поспектабельную плату авторамъ, преобразовать театрално-литературный комитетъ, поднять средніе и мелкіе оклады артистовъ, организовать заново драматическіе классы театральныхъ училищъ, отказаться отъ лишнихъ тратъ на итальянскую оперу, нѣмецкій и французскій театръ; ограничить централизацію хозяйственныхъ дѣлъ представленіемъ каждой отдѣльной сценѣ, въ лицѣ завѣдующаго ею, — больше самостоятельности, уничтоживъ общность артистическаго матеріала (костюмовъ, декораций, аксесуаровъ) дѣлающую невозможной или затруднительной вполне художественную постановку.

Все это кажется теперь такъ умѣренно и безусловно справедливо, а десять лѣтъ тому назадъ, — даже меньше, — ни одинъ изъ этихъ пунктовъ не былъ выполненъ, хотя бы въ видѣ административнаго предположенія. Исторія администраціи русской драматической сцены за послѣднія 25 лѣтъ до наступленія новыхъ порядковъ — довольно печальная страница въ лѣтопи-

къ русскаго искусства. Не то что ужь молодые, пылкіе публицисты и цензенты, а старыя и тихіе посѣтители театровъ, слѣдившіе изо дня въ день за театральными дѣлами, приходили къ выводамъ весьма отрицательнымъ. Загляните, наприимѣръ, въ 3-ю часть „Хроники Петербургскихъ театровъ“, составленной г. А. Вольфомъ. Эта 3-я часть *), вышедшая недавно, извѣстна читателю; не смотря на неизбѣжныя пробѣлы и не всегда точныя оцѣнки, она необходима для каждаго занимающагося театромъ. Своей оцѣнкѣ г. Вольфъ предпосылаетъ вступленіе, посвященное исключительно театральной администраціи, за періодъ 1855—1881 г. Этотъ краткій обзоръ съ по себѣ уже—признакъ теперешняго времени: въ немъ говорится о шестъ начальствѣ съ такой смѣлостью, какая, двадцать лѣтъ тому назадъ, на бы совершенно немислима.

Вотъ нѣсколько выписокъ. Говоря о покойномъ гр. Адлербергѣ и его вѣтумахъ по театральной части, Борщевѣ и знаменитомъ П. С. Фодоровѣ, Вольфъ замѣчаетъ: „кромѣ этихъ гласныхъ дѣятелей, была еще личность, бѣвшая громадное влияніе на весь театральный мірокъ: личность эта. Мина Ивановна Б..., занимала неофициальный, но весьма важный постъ помпадурши. Она зависѣли главныя назначенія и ангажированіе артистовъ; она даже шпивалась и въ хозяйственную часть: ни одинъ подрядчикъ, ни поставщикъ допускаясь безъ ея предварительнаго одобренія“. Авторъ хроники говоритъ директорѣ А. М. Гедеоновѣ (онъ правилъ театрами до 1858 года) какъ усталомъ чиновникѣ, который дослуживалъ свой срокъ—„дремалъ каждый вечеръ въ директорской ложѣ или въ директорскомъ креслѣ, а по утрамъ жерждалъ зря доклады“. Назначенный послѣ него, Сабуровъ былъ уже сошъ не на своемъ мѣстѣ. Хозяйственныя его распоряженія оказались безпоковыми и онъ удалился послѣ скандала въ женскомъ отдѣленіи театрального училища. Г-нъ Вольфъ отмѣчаетъ по этому поводу: „приписывали даже его эвсходительству циническую фразу, сказанную на прощаніе: „j'ai voulu ouver, que je n'étais pas un directeur incapable“. Преемникъ его, графъ рхъ,—добрый человекъ, но совершенно непричастный сценическому искусству,— шъ признавался, что онъ, до своего назначенія, ни разу не былъ въ русомъ театрѣ. Пробылъ онъ два года. Назначеніе послѣ него директоромъ деонова-сына было встрѣчено сочувственно. „На первыхъ порахъ, говоритъ торъ хроники, онъ горячо взялся за исправленіе безпорядковъ, сталъ вни- ть во все, но встрѣтивъ сильный отпоръ своимъ добрымъ начинаніямъ, какъ ерху, такъ и снизу, устранился вовсе отъ дѣлъ, потому что не могъ сдѣ- ть всего, что ему хотѣлось; отъ должности онъ однако не отказался“. На-

*) См. февральскую книгу „Наблюдателя“, *Новыя книги*, стр. 71 и 72.

стоящимъ заправилой оставался, по прежнему, Ѳедоровъ, вплоть до своей смерти. При Гедеоновѣ случилась въ театральной конторѣ растрата однимъ мелкимъ чиновникомъ. Баронъ Кюстеръ, контролеръ министерства двора, „воспользовался этимъ случаемъ для перевода (въ центральную кассу) всѣхъ театральныхъ суммъ и вскорѣ, подъ видомъ централизаціи, сталъ распоряжаться вполне всѣмъ театральнымъ хозяйствомъ, и даже вліять на заключеніе контрактовъ съ артистами. Вскорѣ и этого оказалось мало всемогущему барону: онъ добился удаленія г. Гедеонова и принялъ на себя все управленіе театрами. Такимъ образомъ онъ занялъ безпримѣрное *положеніе начальника контролирующаго собственныя дѣйствія*“.

Такъ шло дѣло до смерти П. С. Ѳедорова. Этотъ водевилъ-чиновникъ, по своему, любилъ театръ, и я думаю, что при другой системѣ онъ оказался бы скорѣе полезнымъ, чѣмъ вреднымъ, насколько можетъ быть полезенъ человѣкъ безъ широкаго литературнаго и художественнаго образованія. Но для прессы и публики Ѳедоровъ представлялъ собою самую суть старыхъ порядковъ,—систему канцелярской тайны, бюрократическаго безмолвія, патронажа и nepotизма. Ему обязанъ однако своимъ происхожденіемъ литературно-театральный комитетъ. Первоначально въ члены комитета были приглашены известные литераторы и журналисты: Дружининъ, Писемскій, Майковъ, Краевскій, но потомъ комитетъ превратился въ клику, возбудившую противъ себя и печать и публику. Онъ состоялъ изъ лицъ, выбранныхъ начальникомъ репертуара, и завелъ у себя порядки, не представлявшіе никакой гарантіи безпристрастія къ авторамъ. Пьесы читались на дому членами и ихъ одобряли или одобряли къ представленію на основаніи такихъ личныхъ докладовъ. Все знали, что одинъ литераторъ и одинъ актеръ дѣлаютъ въ комитетѣ, что хотятъ. Система бенефисовъ увеличивала еще болѣе зло: бенефицианты приводили въ комитетъ множество посредственныхъ и дрянныхъ пьесъ, нужныхъ имъ для бенефисныхъ представленій.

Общая администрація оставалась отъ 1855 до 1881 г. безъ всякихъ переменъ, кромѣ учрежденія литературно-театральнаго комитета. Комисія, образованная въ 1858 г. для пересмотра театральныхъ уставовъ, ничего не сдѣлала, или, по крайней мѣрѣ, ни въ чемъ не воспользовались ея трудами, въ которыхъ участвовалъ покойный гр. Сологубъ; онъ былъ даже командированъ за границу для изученія сценическаго дѣла.

Преемникъ Ѳедорова, г. Лукашевичъ, поавшій въ начальники репертуара изъ чиновниковъ по гардеробной части, сталъ дѣйствовать весьма безцеремонно и тенденціозно: снималъ съ репертуара пьесы талантливыхъ и почтенныхъ авторовъ потому только, что они ему не нравились. Послѣдніе дни управленія г. Лукашевича и барона Кюстера были самыми яркими страницами чиновничьяго режима: для русской драматической сцены ничего не хотѣли тра

тить и скаречно отсчитывали каждую копѣйку, а репертуарная часть велась такъ, что у авторовъ пропадала всякая охота работать для сцены. Театральное училище въ своемъ драматическомъ отдѣлѣ, преобразованное отчасти по проекту покойнаго режиссера Воронова, послѣ смерти Федорова не двинулось нисколько впередъ, оттого что завѣдывать имъ стало особое лицо, тогда какъ прежде начальникъ репертуара управлялъ въ то же время и училищемъ.

Таковы были порядки вплоть до конца прошлаго царствованія и на одинъ изъ пунктовъ программы, выработанной столичной печатью, не перешелъ изъ сферы желаній въ область фактовъ.

II.

Но время должно взять свое: прежде всего, вопросъ, казавшійся самымъ щекотливымъ и неподатливымъ, — вопросъ о *частныхъ театрахъ въ столицахъ*, былъ рѣшенъ безъ особенныхъ усилій и колебаній. Правда, онъ подготовлялся уже цѣлымъ рядомъ довольно скандальныхъ противорѣчій, въ какія впадала администрація привилегированныхъ театровъ. Она разрѣшала въ Петербургѣ и въ Москвѣ разныя зрѣлища: цирки, кафе-шантаны, опереточные театры; но дѣлала это опять таки произвольно, безъ всякаго принципа, и вдобавокъ унижая себя взиманіемъ особой платы за каждое представленіе. Разрѣшая оперетку на французскомъ языкѣ, а въ послѣдніе годы даже и по-русски, допуская цирки и кафе-шантаны, она ни подѣ какимъ видомъ не дозволяла русскихъ спектаклей, и тѣмъ прямо показывала, что дѣйствуетъ не въ интересахъ національнаго искусства, а какъ каменный и боязливый промышленникъ, дрожащій за свою привилегію.

Съ новымъ царствованіемъ, твердыня театральнаго привилегіи рухнула. Это сдѣлалось неожиданно, въ особенности для тѣхъ, кто махнулъ рукой, читая эту сторону русскихъ административныхъ порядковъ обреченной на безконечный застой. А вся печать, интересовавшаяся сценическимъ дѣломъ, была въ такомъ именно настроеніи. Но вопросъ настолько назрѣлъ, благодаря совмѣстной работѣ общественнаго мнѣнія, и въ публикѣ и въ прессѣ, что не потребовалось никакихъ особенныхъ комисій, комитетовъ, законодательныхъ проектовъ, чтобы осуществить мѣру, такъ давно желанную. Слѣдовало только вѣдомству императорскаго двора отказаться отъ привилегіи, заходившейся въ прямомъ противорѣчій съ узаконеніями по театральнаго части для всей остальной Россіи. Кромѣ Петербурга и Москвы, театры вездѣ были свободнымъ промысломъ; разрѣшеніе открывать всякаго рода зрѣлища обставлено было обыкновенными полицейскими постановленіями. Но, къ сожалѣнію, не обнаружено было такого указа, который-бы знаменовалъ собою пол-

ную свободу театральнаго дѣла въ столицахъ. Мы и до сихъ поръ не имѣемъ ничего соотвѣтствующаго, напримѣръ, декрету Наполеона III, обнародованному 15-го августа 1864 г. и освободившему парижскую театральную индустрію. Распоряженія высшей власти въ новое царствованіе явились однако же равносильными такому освободительному декрету, въ томъ смыслѣ, что надъ частными зрѣлищами въ Петербургѣ и Москвѣ, не тяготѣетъ уже прежняго veto. Остается теперь сдѣлать одно: совершенно отстранить министерство двора отъ вмѣшательства въ дѣло частной театральной предпринимчивости. Съ тѣхъ поръ, какъ начали у насъ разрѣшать частныя сцены на русскихъ и иностранныхъ языкахъ, разрѣшенія эти все еще поставлены въ зависимость отъ театральной администраціи министерства двора. Чтобы быть послѣдовательнымъ, надо, конечно, свести это дѣло и въ столицахъ къ общимъ полицейскимъ узаконеніямъ. Оно тѣмъ болѣе необходимо, что, по теперешнему положенію театровъ въ столицахъ, само придворное вѣдомство является какъ-бы частнымъ предпринимателемъ, ведущимъ свои дѣла на собственный рискъ, допускающимъ фактически конкуренцію съ собою. Стало быть, нѣтъ никакого разумнаго основанія оставлять этого антрепренера, или это учрежденіе, въ роли юридическаго лица, которое все таки-же удерживаетъ значительную привилегію: возможность вмѣшиваться въ разрѣшеніе, тому или иному лицу, новаго театра. Сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ не выисненъ даже порядокъ, какимъ получаютъ разрѣшенія на открытіе спектаклей. Ничего подобнаго не было еще опубликовано. Во всякомъ случаѣ, простаго полицейскаго разрѣшенія еще недостаточно, что опять находится въ явномъ противорѣчій съ порядками, узаконенными для всей остальной Россіи. Возьмемъ, напримѣръ, такой случай. Городъ Петербургъ пожелалъ-бы имѣть свой театръ. Обязанъ-ли онъ обращаться въ придворное вѣдомство за разрѣшеніемъ, или нѣтъ? Вѣроятно, обязанъ, хотя разныя увеселенія и зрѣлища, которыя прежде всѣ подчинялись контролю придворнаго вѣдомства, теперь даются съ однимъ полицейскимъ разрѣшеніемъ. При такомъ остаткѣ прежнихъ порядковъ, нѣтъ, конечно, полной свободы. Одному предпринимателю позволять открыть новый театръ, а другому, быть можетъ, и не позволять. Чтобы поставить дѣло на прочную почву, нужно очень немного: примѣненіе общаго закона, существующаго для всѣхъ русскихъ городовъ, къ столицамъ. Это логически повело бы и къ другой мѣрѣ, которая рано или поздно будетъ принята: превращеніе русскаго театра (драмы и оперы) изъ придворнаго въ государственный. Придворное вѣдомство, сдѣлавшись теперь конкурентомъ частныхъ предпринимателей, должно нести на себѣ вдвое болѣшую тягость. Театры, содержаемыя имъ, имѣютъ общенациональное значеніе. Ихъ слѣдуетъ и поддерживать на общегосударственныя средства. Имъ давно пора слиться съ администраціей, занимающейся интересами просвѣщенія, наукъ и искусствъ, что мы и видимъ

нціи, гдѣ театръ, какъ государственное учрежденіе, стоитъ такъ вы-
Превратившись въ частное предпріятіе, театральное вѣдомство двора
уется разными субсидіями или, лучше сказать, поборами:—до сихъ поръ,
нр., оно вѣдуетъ извѣстныя суммы со столичныхъ городскихъ хозяйствъ. Эти
поборы были-бы вполне естественны и законны, еслибы національный театръ
въ Петербургѣ и Москвѣ содержался на средства всей націи. Тогда-бы въ его
бюджетъ вошли и деньги городскихъ плательщиковъ, въ соотвѣтствующемъ
размѣрѣ.

И другіе пункты программы, выработанной общими усиліями русской пе-
чати, стали выполняться. Назначеніе новыхъ лицъ въ высшую придворную
администрацію повело за собою и преобразовательную работу. Была созвана
необходимость удовлетворить разумнымъ требованіямъ, совершенно выяснен-
нымъ даже и для массы посѣтителей императорскихъ театровъ.

Комисія, занявшаяся подъ предсѣдательствомъ новаго директора пере-
работкой стараго устава, коснулась всѣхъ почти пунктовъ нашей программы,
и дѣйствовала въ духѣ, симпатичномъ общественному мнѣнію. Она была со-
ставлена изъ чиновниковъ и писателей, знакомыхъ съ театральнымъ дѣломъ.
Засѣданія ея были, конечно, закрыты; но, насколько можно судить по ре-
зультатамъ, участіе писателей было весьма благотворно; большинство вопро-
совъ было рѣшено въ интересахъ искусства, а не старыхъ чиновничьихъ по-
рядковъ. Правда, программа, предложенная комисіей, не исчерпывала всѣхъ
сторонъ дѣла; въ ней существенные вопросы стояли рядомъ съ третьестепен-
ными и даже очень мелкими, въ родѣ того: слѣдуетъ-ли удерживать прежнюю до-
бровольную плату за сбереженіе платья, или же присоединить ее къ цѣнѣ би-
лета, надъ чѣмъ газеты, въ свое время, и посмѣялись. Въ управленіи собствен-
но русской драматической сцены произошла важная перемѣна: создано было
мѣсто завѣдующаго художественною частью одной только драматической
труппы, вмѣсто прежняго начальника репертуара, который заправлялъ всѣми
сценами. Но тутъ, съ самаго начала, была сдѣлана ошибка, въ которой скоро
убѣдились. Завѣдующій художественною частью назначенъ былъ для обо-
ихъ драматическихъ театровъ, Петербурга и Москвы. Вѣроятно, имѣли въ виду един-
ство артистическаго веденія сцены; но на практикѣ это оказалось неудобнымъ,
и Москву отдѣлили.

Рухнула и система бенефисовъ, а, главное, уничтожены были разовые—ис-
точники огромныхъ злоупотребленій. Разовые отмѣнены были безусловно; но бе-
нефисы все таки оставлены, въ видѣ награды, и назначеніе ихъ предоставлено
вполнѣ начальству. Эта полумѣра парализовала цѣльность принципа, заключаю-
щагося въ томъ, чтобы актеровъ ни въ какомъ случаѣ не дѣлать хозяевами ре-
пертуара, не ставить съ успѣхностью пьесъ, нужныхъ тому или иному бенефи-
ціанту, что практиковалось при бенефисной системѣ. Полное уничтоженіе разо-

выхъ и отміна бенефисовъ, какъ существенной части вознагражденія, вызвалъ назначеніе опредѣленныхъ окладовъ, достаточно крупныхъ, особенно оклады первыхъ актрисъ—оклады, достигшіе небывалыхъ дотолѣ цифръ—12,000 р., не считая бенефиса, который два года сряду уже выговаривала себѣ, наприжѣръ, г-жа Савина, что подняло ея вознагражденіе до цифры, какой не имѣли никогда ни Самойловъ, ни Сосницкій, ни одинъ изъ московскихъ высоко даровитыхъ артистовъ.

Участію писателей въ работахъ комисіи обязаны мы, главнымъ образомъ, поднятіемъ авторскаго гонорара. Оригинальныя пьесы въ 4 и 5 актовъ оплачиваются теперь 10% съ валоваго сбора. Это вознагражденіе способно дать людямъ, посвящающимъ себя сценической литературѣ, весьма солидный заработокъ. Въѣстѣ съ тѣмъ, новая дирекція вошла въ соглашеніе и съ парижскимъ обществомъ драматурговъ. И ихъ теперь не обираютъ съ такой безцеремонностью, какъ прежде, когда за новыя пьесы, которыми держался репертуаръ Михайловскаго театра, не платили ни копѣйки и усиленно отклоняли всякія ходатайства объ этомъ.

Театрально-литературный комитетъ получилъ новую организацію. Временныя правила были выработаны той-же комисіей и дѣйствуютъ до сихъ поръ. Комитетъ, подъ общимъ предсѣдательствомъ директора театра, раздѣленъ на два отдѣла, дѣйствующіе самостоятельно. Каждое отдѣленіе состоитъ изъ шести членовъ: три писателя, одинъ членъ отъ театральной администраціи и два артиста—одинъ актеръ и одна актриса. Для авторовъ теперешнее устройство комитета имѣетъ ту выгоду, что если пьеса не прошла въ одномъ отдѣленіи, но не единогласно, а большинствомъ голосовъ, то онъ имѣетъ право перенести ее въ общее собраніе, что дѣлается только съ согласія директора. Авторы пользуются также правомъ сами читать пьесы въ засѣданіи. На теперешній комитетъ начались уже, конечно, нареканія въ печати. Особенно шуму надѣлало непринятіе пьесъ г. Маркевича и г. Невѣжина. Но пьеса г. Маркевича, поставленная въ Москвѣ, на театрѣ Лентовскаго, была такъ оцѣнена и лучшей московской прессой. А пьеса г. Невѣжина, если будетъ гдѣ-нибудь поставлена на частномъ театрѣ, дождется такой же участи. Но и ее директоръ допустилъ до вторичнаго чтенія въ общемъ собраніи комитета, гдѣ она опять не была допущена къ представленію. Понятная и естественная въ авторахъ щекотливость, во всѣхъ странахъ, проявляетъ себя одинаково, но въ обоихъ этихъ случаяхъ дѣйствія комитета были такъ свободны отъ всякаго тенденціознаго пристрастія, что на иной взглядъ даже слишкомъ много было обращено вниманія на шумъ, поднятый въ печати. Комедія г. Маркевича врядъ-ли заслуживала печатанія въ газетахъ пространнаго протокола, почти равняющагося обстоятельной рецензіи; да вдобавокъ автору предложено было директоромъ, уже собственною властью, внести пьесу еще разъ въ общее собраніе, от

отказался. А раздраженно—обличительное письмо г. Невѣжина по-
только, что авторы, къ сожалѣнію, слишкомъ злоупотребляютъ любез-
ностью членовъ комитета. Г. Невѣжинъ, еслибы къ нему были строго при-
няты для всѣхъ правила, не могъ-бы, оставаясь въ приемной,
ждать того, что говорилось о его пьесѣ въ залѣ засѣданія. Авторъ дол-
женъ удалиться по прочтеніи своей пьесы, а рѣшеніе комитета узнаетъ на
той день. Г. Невѣжинъ просилъ, подъ предлогомъ отъѣзда въ тотъ-же
день въ Москву, позволить ему дожидаться резолюціи. Его обличеніе, обра-
щенное главнымъ образомъ на одного изъ членовъ, показываетъ только, что
авторы уже начали злоупотреблять правомъ, предоставленнымъ имъ, читать
свои пьесы или присутствовать при ихъ чтеніи. Дѣятельность комитета, по
необходимости, больше отрицательная, чѣмъ положительная. На сто пьесъ
можно одобрить много, много десять—пятнадцать. Въ первое полугодіе, т. е.
с 1-го января 1883 года, комитетъ долженъ былъ удвоить число засѣда-
ній,—такъ много накопилось непрочтенныхъ пьесъ. Теперь оба отдѣленія со-
бираются разъ въ недѣлю въ одинъ и тотъ-же день, въ субботу, и прочи-
тываютъ въ мѣсяцъ среднимъ числомъ отъ десяти до пятнадцати пьесъ раз-
наго размѣра. Съ будущаго сезона работа комитета увеличится. Министерство
искусствъ учреждаетъ три ежегодныхъ премій въ 2,000, 1,000 и 500 руб. за
лучшія оригинальныя драматическія произведенія. Прозектъ выработывался
также комитетомъ, и если онъ будетъ утвержденъ въ существенныхъ своихъ
частяхъ, то на комитетъ ляжетъ еще обязанность: представлять лучшія, по
мнѣнію, пьесы особой комисіи изъ пяти литературныхъ судей на окон-
чательное присужденіе премій. Это новое поощреніе русскимъ сценическимъ
искусствомъ показываетъ прямо, что въ высшихъ сферахъ дѣйствительно же-
лать поднятія литературнаго и сценическаго уровня нашего театра. До сихъ
поръ конкурсы на преміи давали у насъ бѣдные результаты. Быть можетъ,
въ этотъ разъ особымъ поощреніемъ будетъ служить то, что не только пьеса,
представленная прямо на премію, будетъ непременно поставлена, но что и
лучшія пьесы, шедшія въ сезонъ, могутъ имѣть шансъ получить премію.
Большое участіе комитета въ предварительномъ обсужденіи достоинства пьесъ,
особенныхъ получить премію, придастъ ему, какъ мы думаемъ, нѣсколько
большую самостоятельность, болѣе опредѣленное вліяніе на составъ реперту-
ра. До сихъ поръ его роль—чисто совѣщательная. Комитетъ не допускаетъ
на сцену того, что слишкомъ слабо, но на выборъ изъ того, что допущено,
онъ не имѣетъ никакого вліянія. Не существуетъ также правилъ, по кото-
рымъ авторамъ предоставлялось-бы хлопотать въ извѣстномъ порядкѣ о по-
лученіи своихъ пьесъ. Отсутствуютъ также правила, обезпечивающія болѣе
правильную постановку самымъ лучшимъ пьесамъ изъ прочитанныхъ къ началу
сезона. Все это зависитъ отъ доброй воли директора и завѣдующаго труппой.

Отдѣленіе артистическаго хозяйства русской драматической сцены — самая важная новая мѣра; отъ нея будутъ зависѣть дальнѣйшіе успѣхи нашего національнаго театра. Въ томъ, что на эту должность былъ прямо назначенъ известный писатель, стоявшій до тѣхъ поръ въ сторонѣ, пьеса котораго, за время управленія сценой г. Лукашевичемъ, подпала даже опалѣ, — все это показываетъ, что пришло время оставить старый бюрократическій выборъ людей, что пора обращаться къ литературнымъ силамъ, къ людямъ, посвятившимъ себя театру въ той или иной спеціальности искренно и добровольно.

Первоначальная мысль: сосредоточить въ однихъ рукахъ художественнаго управленіе обѣими сценами, петербургской и московской, оказалась, какъ я уже замѣтилъ, неудобной, что и можно было предвидѣть. Это потребовало безпрепятственныхъ переѣздовъ завѣдующаго труппой изъ одной столицы въ другую и все также московскій Малый Театръ оставался безъ постоянного руководства. И теперь эта лучшая русская драматическая сцена еще не имѣетъ отдѣльнаго управляющаго труппой. Въ первый годъ новыхъ порядковъ, дѣла пошли въ Петербургѣ неудачно; на второй сезонъ репертуаръ установился и сборы получались прекрасные, но сцена все таки управляется какъ бы сама собою и ждетъ значенія завѣдующаго труппой, который въ то же время былъ бы и директоромъ тамошней школы.

Вотъ этотъ пунктъ новой программы до сихъ поръ не только не выполненъ, но даже не поставленъ сколько нибудь на ноги, а онъ одинъ заключаетъ въ себѣ плодотворные задатки для будущаго русскаго сценическаго искусства.

Держится слухъ, что въ петербургскомъ театральномъ училищѣ хотятъ ввести одинъ танцевальный классъ, а въ Москвѣ за-ново открыть драматическую школу, которая бы получила значеніе центрального и первенствующаго сценическаго училища. Сообщалось также, что проэктъ такого училища былъ доставленъ изъ Москвы. Что по этому вопросу сдѣлано — мы не знаемъ; но было бы желательно обойтись съ этимъ, самымъ существеннымъ, вопросомъ какъ можно стороннѣе, т. е. образовать особую комисію, привлечь въ нее писателей, артистовъ, педагоговъ, занимавшихся сценическимъ преподаваніемъ или писавшихъ по этой части; придать работамъ комисіи гласность; вызвать содѣйствіе журналовъ и газетъ. Педагогика театральнаго искусства — дѣло новое у насъ, но есть люди, изучавшіе теорію сценическаго творчества и практику преподаванія въ европейскихъ консерваторіяхъ и школахъ, дѣлавшіе опыты у насъ, дома, достаточно писавшіе объ этомъ предметѣ. Были въ послѣднія десять лѣтъ повсюду публичныхъ курсовъ, теоріи и практики; составлялись и печатались проекты сценическихъ консерваторій и театральныхъ школъ, вплоть до проэкта московскаго любителя, С. А. Юрьева, напечатаннаго въ „Русской Мысли“ прошлаго года. Все это надо собрать во-едино, извлечь такую программу, которая бы давала матеріалъ и на запросы общаго художественнаго образованія. Сдѣлать это келе-

участіемъ однихъ служащихъ, было бы весьма недостаточно, и прямо противорѣчило бы всему духу новыхъ порядковъ. Поэтому, если справедливо предположеніе, что управляющій московской драматической труппой будетъ въ то же время директоромъ училища, выборъ этого лица особенно важенъ.

Тутъ я позволю себѣ разобрать вопросъ, сдѣлавшійся теперь неизбѣжнымъ, когда рѣчь идетъ о назначеніи тѣхъ или иныхъ лицъ въ члены комитета, въ управляющіе труппами или въ директора школъ. Уже по поводу состава комитета было высказано немало нареканий. Въ комитетъ попали и сценическіе писатели. Удобно-ли это? Допустимо-ли это вообще?

Если добиваться того, чтобы безпристрастіе сужденій было обставлено идеальными условіями, то, разумѣется, лучше не допускать судить о пьесахъ людей, которые сами могутъ представить драму или комедію для постановки на ту же сцену. Но это чисто теоретическое соображеніе. Когда въ западной Европѣ учреждаются конкурсы на преміи, то судьями являются неизбѣжно — специалисты по извѣстной отрасли литературы. Безусловно не допускать драматурговъ всюду, гдѣ можно судить о достоинствахъ пьесъ — немислимо. Если же, допуская ихъ, требовать, чтобы они отказались отъ продолженія своей дѣятельности — это значитъ приказать ихъ, по народной поговоркѣ, мѣнять ремешокъ на лычко. Писать пьесы, если у человѣка есть талантъ и опытность) не только приятно, но теперь и выгодно. Никто, по доброй волѣ, не промѣняетъ такой дѣятельности на обязанность члена комитета, въ матеріальномъ отношеніи не представляющую ничего привлекательнаго и состоящую въ выслушиваніи множества слабыхъ пьесъ, что выражено съ порядочной долей незанимательнаго утомленія. Это дѣло полезно, но изъ-за него драматургъ, находящійся еще въ силѣ, врядъ-ли откажется отъ сцены. Условія безпристрастія достаточно обезпечены при теперешнихъ порядкахъ. Комисія, которая выработывала временный уставъ комитета, увидѣла, конечно, тотъ случай, когда одинъ изъ членовъ комитета самъ пишетъ и представляетъ пьесу. Для этого и служить раздѣленіе комитета на двѣ половины. Членъ одного отдѣленія обязанъ читать свою пьесу въ другомъ отдѣленіи. Стало быть, онъ и самъ избавленъ отъ щекотливой роли добиваться призора отъ своихъ ближайшихъ товарищей, да и ихъ не ставить въ такое же положеніе. Но въ дѣлѣ выбора членовъ (ихъ приглашаетъ къ участію мистръ) тотъ или иной писатель, прикосновенный къ сценѣ, можетъ вызывать разные соображенія. Извѣстная доля прессы, разбиравшая этотъ вопросъ, была права, говоря, что рецензенты — люди, долго занимавшіеся театральною и вообще литературно-художественною критикой, — *пригодные*, чѣмъ просто драматическіе писатели, критическій вкусъ которыхъ не заявлялъ себя въ печати въ теченіе долгихъ лѣтъ. Есть также довольно существенная разница между такими писателями, которые работали и для театра, — но не исключительно, и тѣми, которые живутъ однимъ театромъ, слѣдовательно, волей-неволей долженъ готовить

къ каждому сезону по нѣскольку пьесъ, кто пишетъ для извѣстной труппы, нѣтъ въ виду тѣхъ или иныхъ актеровъ. Замѣчательно, однакожь, что на старѣйшій театрално-литературный комитетъ никогда не нападали за участіе въ немъ драматическихъ писателей; нападки сводились къ тому, что лица эти мало смыслятъ, что за ними нѣтъ авторитета, что въ приговорахъ чувствовалось пристрастіе. При порядкахъ стараго комитета, дѣйствительно, не было никакой гарантіи отъ кумовства сочленовъ. Членъ-драматургъ читалъ свою пьесу тѣмъ самымъ лицамъ, съ какими онъ засѣдалъ нѣсколько лѣтъ, и въ то же время, у писателя, ненавистнаго этому члену или многимъ его товарищамъ, не было никакихъ средствъ обжаловать рѣшеніе комитета, даже если пьеса и не единогласно отвергалась.

Въ выборѣ лица, завѣдующаго труппой и вмѣстѣ школой, какъ это можетъ случиться въ Москвѣ, одинъ талантъ сценическаго писателя не долженъ безусловно перевѣшивать. Тутъ надо имѣть за собой особую подготовку: спеціальныя труды по сценической критикѣ, по теоріи и практикѣ театральнаго искусства, знакомство съ театрами Европы, художественно-административныя способности, свободу отъ всякаго кружковаго или одиночнаго пристрастія, широкое общее образованіе, педагогическое умѣнье, позволяющее самому участвовать въ преподаваніи; а на сценѣ представлять собою авторитетъ руководителя.

III.

Что же принесли съ собою, въ теченіе двухъ лѣтъ, частныя драматическія сцены, въ Петербургѣ и Москвѣ? Пополнили они какой нибудь существенный пробѣлъ? Нашли себѣ въ нихъ мѣсто новыя писательскія силы и сценическія дарованія?

Москва оказалась гораздо предпріимчивѣе и производительнѣе Петербурга, что впрочемъ и нужно было ожидать. Въ Москвѣ русскій театръ всегда былъ центромъ художественной жизни. Провинціальные актеры издавна стекались въ Москву:—тутъ сложилась ихъ биржа; болѣе десяти лѣтъ, постомъ, «залы артистическаго кружка» служили мѣстомъ сборищъ провинціальныхъ актеровъ и актрисъ.

Въ началѣ 60-хъ годовъ, любительство развилось въ Москвѣ болѣе чѣмъ въ Петербургѣ; тамъ-же открыта была первая (послѣ сцены петербургскаго Пассажа, существовавшей недолго,) частная театральная зала въ домѣ графа Моркова, а потомъ въ домахъ Секретарева и Нѣмчинова, гдѣ зимой любители, пополамъ съ актерами, играютъ почти каждый день. „Артистическій кружокъ“ былъ также по счету первый клубъ, который завелъ у себя настоящую постоянную труппу, на жалованьѣ, чего въ Петербургѣ не было ни въ одномъ клубѣ. До разрѣшенія публичныхъ частныхъ театровъ

въ Москвѣ, артистическій кружокъ, когда дѣла его шли порядочно, играли юнаго настоящаго театра. Въ немъ-же, въ теченіе двухъ зимъ, въ концѣ 70-хъ годовъ, читались лекціи теоріи театральнаго искусства, исторіи театра, анатоміи и физиологіи въ примѣненіи къ искусству актера; происходило преподаваніе дикціи и декламаціи, пѣнія, танцевъ и фехтованія. Въ московской консерваторіи впервые также открытъ былъ особый драматическій отдѣлъ, подъ руководствомъ И. В. Самарина. «Общество любителей сценическаго и музыкальнаго искусства», переименованное теперь въ филармоническое, уже 2-й годъ такъ имѣетъ у себя такой же драматическій отдѣлъ, по числу учениковъ и членовъ, болѣе значительный, чѣмъ въ консерваторіи. Преподаваніе ведется тамъ двумя актерами Малаго Театра.

Еще до паденія привилегій придворныхъ театровъ, въ Москвѣ, г. Лен-овскій и г-жа Бренко выхлопотали себѣ отъ дирекціи дозволеніе открыть: 1-ю—опереточную сцену, а 2-ю—драматическую. Г-нъ Лентовскій началъ именно, на маленькой сценѣ залы Солодовникова. Но въ лѣтнемъ театрѣ, въ саду Эрмитажъ, его дѣла пошли такъ хорошо, что онъ привлекъ въ свою труппу всѣ лучшія опереточныя силы, сталъ заказывать переводы новыхъ либретто, выказалъ большую ловкость и предприимчивость, сдѣлался любимцемъ московской публики, мечталъ даже о пересаженіи комической оперы на русскую почву. Его соперница, г-жа Бренко, начала въ томъ-же залѣ Солодовникова спектаклями съ плоховатой труппой, наполовину любительской; но съ открытіемъ театра „близъ памятника Пушкина“ (какъ онъ официально назывался) она повела дѣло на болѣе широкую ногу, и ей удалось, въ одинъ сезонъ, оставить эту небольшую сцену самыми выдающимися актерами и актрисами въ провинціи; она-же стала конкурировать съ Малышъ Театромъ и въ репертуарѣ, пріобрѣтая новыя пьесы. Провинція впервые показала на сценѣ Пушкинскаго театра, что она можетъ дать по части игры. Въ теченіе двухъ сезоновъ, у г-жи Бренко переиграли почти всѣ провинціальныя извѣстности знаменитости. Тамъ-же оцѣненъ былъ московской публикой и талантъ г-жи Трепетовой. Большіе оклады, недостаточное умѣніе сводить концы съ концами, отсутствіе основнаго капитала, соперничество и духъ интриги въ труппѣ, сдѣлали то, что предпріятіе г-жи Бренко рухнуло и одинъ изъ ея компаньоновъ, г. Коршъ, съ той-же почти труппой, открылъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ болѣе обширный и благоустроенный театръ въ Газетномъ переулкѣ, подъ именемъ *Русскаго*. Это былъ уже настоящій театръ, хотя и передѣланный въ старомъ домѣ. Репертуаръ *Русскаго театра* состоялъ и до сихъ поръ состоитъ изъ пьесъ, игранныхъ на императорскихъ сценахъ; отчасти изъ новыхъ, изъ которыхъ ни одна не представляла собою цѣннаго пріобрѣтенія. Самый большой успѣхъ 1-го сезона достался на долю комедіи Пальерова: „Царство скуки“. И г. Коршъ не поладилъ со своей труппой; на 2-мъ сезонѣ двѣ

трети ея перешли къ г. Лентовскому, который, расширивъ свой кредитъ, затѣялъ перестройку большаго и роскошнаго театра изъ того дома, гдѣ помещался прежде „Артистическій кружокъ“. Пока производились работы, онъ едѣлалъ удачный опытъ съ устройствомъ общедоступныхъ спектаклей въ помещеніи царка. Одно это дѣло стоило того, чтобы посвятить ему себя всего, но г. Лентовскій оставилъ своего «Скомороха», (такъ назывался этотъ общедоступный театръ) для новаго своего дѣтища. Опереточную труппу отправлялъ онъ въ Петербургъ, а въ своемъ «Новомъ Театрѣ» началъ сразу давать пьесы во всевозможныхъ родахъ: комедіи въ стихахъ, переводныя драмы съ постановкой, фееріи, пьесы бытоваго репертуара. Оказалось, что старыя вещи не даютъ сборовъ, ни одна изъ новыхъ, купленныхъ антрепренеромъ, пьесъ съ литературной отдѣлкой не оправдала ожиданій; сборы доставлены только 2—3-ми переводными бульварными пьесами, стоявшими очень дорого, съ выписными декораціями, балетомъ, всякими приманками для глазъ. Каждому, понимающему дѣло, человѣку ясно было, что содержатель *Новаго театра* слишкомъ разбрасывается. Сцена его, въ теченіе дѣлаго сезона, не дала никакихъ положительныхъ результатовъ въ серьезномъ, художественномъ смыслѣ: не выдѣнула ни одного актерскаго таланта, не послужила поднятію репертуара. Одна только пьеса въ стихахъ, г. Федотова, не лишенная общихъ литературныхъ достоинствъ, могла бы сойти за попытку создать свой собственный репертуаръ; но и она успѣха не имѣла. А то, что давало сборы, не заслуживало постановки, притягивало публику зрѣлищами сродни пантомимамъ цирка, представляло собою не искусство, а театральную промышленность; актеры и актрисы съ талантомъ должны были играть нелѣпыя роли, ансамбль пропадалъ какъ только нужно было взяться за что нибудь болѣе литературное. Пріятіе вообще было затѣяно черезчуръ широко и такъ какъ все у ловкаго антрепренера держалось на личномъ кредитѣ, и онъ имъ увлекся, то къ началу 1884 году и произошелъ кризисъ; кредиторы взволновались, и только благодаря популярности г. Лентовскаго, дѣло совсѣмъ не рушилось; очень большой долгъ былъ ему разсроченъ на много лѣтъ, но весьма сомнительно, чтобы при такомъ-же веденіи дѣла, «Новый Театръ» могъ подняться до значенія хорошей сцены. Можетъ быть, онъ превратится исключительно въ театръ для праздничной массы, гдѣ будутъ давать мелодрамы и фееріи, но тогда его художественное значеніе будетъ чисто внѣшнее, онъ отойдетъ въ область театальной промышленности.

Тѣмъ временемъ т. е. въ теченіе послѣдняго сезона, *Русскій театр* г. Корша, составившаго новую труппу, держался болѣе опредѣленной программы. Не смотря на опытность и вкусъ режиссера Яблочкина, дѣла шли плоховато. На постановку драматической хроники г. Чаева, «Царь Василій Шуйскій», была потрачена большая сумма, и врядъ-ли ее выручили. Кромѣ этой пьесы

не особенной сценичной, но талантливо написанной, «Русскій Театръ» не поставилъ въ теченіе сезона ни одного оригинальнаго произведенія, выходящаго изъ ряда вонъ. Репертуаръ обѣихъ частныхъ сценъ показалъ, что у антрепренеровъ нѣтъ достаточнаго литературнаго образованія, что они хватаются то за дно, то за другое, что ихъ предпріятія не проникнуты цѣльностью художественнаго замысла,—по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ, они не могутъ еще сосредоточиться на чемъ нибудь опредѣленномъ. Предпріятіе г. Корша дало большой дефицитъ къ концу сезона и всѣ ожидали краха; какос-то неожиданное еженежное подспорье помогло антрепренеру расплатиться со всѣми, и «Русскій Театръ» не закроется.

Мы не скрывали отрицательныхъ сторонъ дѣятельности московскихъ антрепренеровъ; но надо имъ воздать должное: они явились выраженіемъ художественныхъ потребностей, уже развившихся въ нашей старой столицѣ. Не избѣгая ни къ какимъ субсидіямъ ни отъ правительства, ни отъ города, они съ своей страхъ затѣяли и ведутъ до сихъ поръ два большихъ театральныя предпріятія. Богатая постановка пьесъ, благодаря ихъ почину, сдѣлала уже возможною для императорской сцены прежнюю небрежность и даже скаредность. Масшъ публики всегда будетъ пріятна роскошная mise en scène. Что оттягивать ее отъ обоеихъ частныхъ предпріятія, *Маммі Театръ* долженъ ти впередъ во всѣхъ направленіяхъ, и мы видимъ, что въ истекшій сезонъ постановка новыхъ пьесъ стала гораздо богаче и старательнѣе. Два частныхъ театра имѣють труппы, составленныя изъ лучшихъ провинціальныхъ исполнителей. Дирекція императорскихъ театровъ всегда будетъ видѣть, съ какими артистическими силами ей бороться; но она-же получаетъ большую возможность ознакомиться съ талантами изъ провинціи, привлекать ихъ къ себѣ, что она и начинаетъ дѣлать. Выстѣтъ съ тѣмъ, для актеровъ двѣ частныя московскія сцены могутъ служить переходной ступеню, послѣднимъ искусомъ предъ поупленіемъ въ труппы императорскихъ театровъ,—разумѣется, въ томъ случаѣ, если репертуаръ того и другаго предпріятія не понизится до степени вульгарныхъ зрѣлищъ.

Въ Москвѣ же проектировалось созданіе большаго театра съ народнымъ тѣнкомъ. Во главѣ этого предпріятія долженъ былъ стать нашъ даровитѣйшій драматургъ. Онъ входилъ къ высшей власти съ пространной запиской, которая и была напечатана первоначально въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“. Составитель этой записки былъ убѣжденъ въ успѣхѣхъ дѣла, рассчитывая главнымъ образомъ на содѣйствіе московскаго купечества, которое, сколько можно было понять, и призывалось не только къ денежному участию, но и къ бы къ художественно-нравственному руководительству такого общедоступнаго, всенароднаго, русскаго драматическаго театра. Не знаемъ, въ какой степени такая надежда на развитость московскаго купечества была осно-

вательна; оказалось, что и денежная сторона дѣла не пошла полнымъ ходомъ по крайней мѣрѣ, вотъ уже около 2-хъ лѣтъ, какъ объ этой всероссійской ку печеско-народной сценѣ—ни слуху, ни духу. Еслибы проэктъ осуществился онъ создалъ бы въ одной изъ столицъ первый общественный театръ, нѣсколько приближающийся по идеѣ и плану къ театру національно-государственному какимъ должна быть въ каждой столицѣ императорская сцена.

Частная предприимчивость Петербурга за весь этотъ періодъ свелась къ очень немногому. Кромя клубныхъ сценъ, съ бродячимъ, плоховатымъ персоналомъ, по русскому драматическому искусству сдѣлана была одна попытка въ началѣ сезона прошлаго года, въ передѣланной заново залѣ Кононова—г. Коровяковымъ. Она кончилась весьма скоро полнѣйшимъ неуспѣхомъ. Серьезности въ этомъ предпріятіи не было никакой. „Общество любителей сценическаго искусства“ основало школу съ хорошей программой. Школа существуетъ третій годъ, но ея матеріальная сторона, сколько намъ извѣстно, далеко не обезпечена. Она состоитъ при «обществѣ», а само это общество врядъ-ли имѣетъ какія-нибудь условія жизненности.

Вотъ итогъ освобожденія въ столицахъ частной сценической дѣятельности. Несомнѣнно одно, что повредить императорскимъ сценамъ она не могла; а съ развитіемъ конкуренціи приведетъ къ тому, что національно-государственный театръ, будетъ поставленъ выше всякой денежной борьбы.

П. Боборыкинъ.

(Окончаніе будетъ).

ЖАНЪ РОЖЕЛЭНЪ.

Разсказъ изъ жизни Луизианы.

Джоржа Кэбля.

Въ началѣ прошлаго столѣтія, когда новоучрежденное американское правительство было предметомъ ужаса для Новаго Орлеана, креолы не находили достаточно проклятій противъ всѣхъ нусныхъ нововведеній, т. е. противъ суда присяжныхъ, американскихъ танцевъ, преслѣдованія контрабанды, и публикацій на англійскомъ языкѣ *). Прежде еще чѣмъ потокъ эмиграціи распространился на дельту уже испуганную такимъ началомъ, въ небольшомъ разстояніи отъ того мѣста, которое теперь называется „улицею канала“, значительно позади виллъ, стоявшихъ на берегу рѣки, по дорогѣ въ Чупитула, находился старый полуразрушенный домъ, принадлежавшій колоніи.

Казалось, онъ стоялъ въ сторонѣ отъ цивилизаціи: обширное пространство, которое нѣкогда было полемъ, покрытымъ индиго, пришло въ дикое состояніе и сдѣлалось однимъ изъ самыхъ заразительныхъ болотъ. Домъ изъ массивнаго кипариснаго дерева, построенный на столбахъ, имѣлъ мрачный, непріятный видъ; его прочная постройка напоминала еще болѣе древнія времена, когда всякій долженъ былъ заботиться о своей собственной безопасности, такъ какъ возмущеніе черныхъ грозило ежедневной бѣдой. Его крыша и стѣны, почернѣвшія отъ зуроваго влимата, возвышались посреди густаго лѣса, точно

*) Первый консулъ уступилъ Луизиану (1803) американскому правительству за 15 милліоновъ долларовъ, изъ страха, что англійское могущество распространится на Миссисипи.

гигантскій вагонъ съ провіантомъ, брошенный въ грязи какою нибудь, обратившейся въ бѣгство, арміей. Кругомъ простиралась частая, непроницаемая растительность; низенькія ивы перемѣшивались съ сотнями тернистыхъ кустовъ. Безчисленное множество тины висѣло на нихъ, а внизу непроходимая грязь покрывала малорослыя пальмы. Два высокихъ засохшихъ кустовъ париса, выросшихъ совершенно отдѣльно, стояли посреди болота и служили насѣстомъ для ястребовъ. Неглубокая, узенькая рѣчка протекала подъ водяными растеніями, скрывая большихъ и малыхъ пресмыкающихся животныхъ, которыя могли бы привести въ страхъ каждаго, кто увидѣлъ бы ихъ. Домъ былъ построенъ на небольшой возвышенности: на плотинѣ канала Воды этого канала не струились, а едва шевелились, переполненныя прожорливими крокодилами, защищавшими отъ любопытныхъ глазъ мрачное жилище стараго Жана-Маріи—Рокелэна, богатаго плантатора индиго, когда-то глубоко уважаемаго въ своемъ исключительномъ, гордомъ кружкѣ, а теперь жившаго отшельникомъ, котораго избѣгали всѣ, знавшіе его прежде, и который онъ избѣгалъ самъ. Говорили, что онъ былъ послѣдній изъ рода. Его отецъ покоился подъ плитами собора св. Людовика между супругой своей молодости и подругой зрѣлыхъ лѣтъ. Каждый день старикъ Жанъ посѣщалъ эту могилу. Но, уже въ судьбѣ его сведеннаго брата Жака таилась тайна. Никто не зналъ, что сдѣлалось съ сыномъ отъ втораго брака, котораго отецъ оставилъ на попеченіе Жана, бывшаго тридцатью годами старше своего брата. Семь лѣтъ тому назадъ, онъ вдругъ исчезъ. Оба брата любили другъ друга и казались очень счастливыми. У нихъ не было ни отца, ни матери, ни жены, никакого родственника; одинокіе на свѣтѣ и связанные между собой тѣсной дружбой, они, повидимому, не страдали отъ этого. Старшій—красивый, отважный, откровенный и смѣлый; меньшой—нѣжнаго сложенія, любознательный, скромный, кроткій, какъ дѣвушка, и постоянно углубленный въ книги. Они жили на своей наслѣдственной плантаціи точно двѣ птички, одна всегда въ своемъ гнѣздѣ, другая всегда готовая улетѣть. Главная черта въ характерѣ Жана-Маріи—Рокелэна было обожаніе своего „бра тишки“:—Жакъ сказалъ это, Жакъ сказалъ то, Жакъ рѣшить

какъ какъ онъ все знаетъ, и онъ столько же добръ, сколько чень; онъ—сама мудрость и благоразуміе.

Какъ сидѣлъ дома, однако его страсть къ книгамъ, съ одной стороны, и необузданныя, расточительныя привычки его брата, съ другой, были причиною, что ихъ плантація находилась въ опасности. Жанъ-Марія, прекрасный, но безразсудный, послѣдительно проигралъ всѣхъ своихъ рабовъ, такъ что у него не осталось ни негровъ, ни негритянокъ, кромѣ одного стараго нѣ-го африканца.

Поля индиго въ Луизіанѣ были вообще оставлены, какъ мало вознаграждающія; нѣкоторые предприимчивые колонисты замѣтили ихъ обработкою сахарнаго тростника; но младшій братъ былъ слишкомъ апатиченъ, чтобы взять на себя такой трудъ, другой же находилъ больше выгоды въ контрабандѣ, а затѣмъ торговалъ черными. Въ описываемое нами время, дѣла подобнаго да не вызывали порицанія; напротивъ, это была, какъ думали, щая потребность, и получаемые за это дублоны не безчестили ловѣка!

Однажды Жанъ-Марія собирался отправиться въ дальнее тешествіе, гораздо продолжительнѣе тѣхъ, какія онъ до сихъ поръ принималъ. Какъ долго настаивалъ, чтобы онъ отказался, но старшій братъ только смѣялся надъ его предчувствіями.

— Въ такомъ случаѣ, я поѣду съ тобою, сказалъ Жакъ. Они оставили старый домъ подъ надзоромъ нѣмага африканца, достигли вмѣстѣ береговъ Гвинеи.

Спустя два года, Рокелэнъ старшій вернулся безъ своего судна. Вѣроятно, онъ вошелъ въ домъ ночью. Никто не видалъ, какъ онъ вѣхалъ, какъ равно не видали его меньшаго брата; впрочемъ, ворили втихомолку, что и этотъ также пріѣхалъ. Какъ бы то ни было, но его никогда не встрѣчали.

Смутныя подозрѣнія начали падать на торговца невольниками. Вѣроятно нѣкоторые напоминали о постоянной дружбѣ, какую онъ выказывалъ брату до его исчезновенія. Большинство почитало головой: всѣ знали его буйный, раздражительный и пылчивый характеръ. Отчего же онъ однако скрывалъ у потерю? Его странное молчаніе не предвѣщало ничего рошлага.

— Но посмотрите на него, возражали сострадательные люди. Развѣ онъ похожъ на изверга?

Дѣйствительно, на него смотрѣли и какъ будто спрашивали „Что ты сдѣлалъ съ своимъ братомъ? Гдѣ братъ твой Авель?“

Мало по малу его защитники приуныли; старинные друзья которыхъ онъ имѣлъ въ Новомъ-Орлеанѣ, умерли; имя Жанъ Рокелэнъ, справедливо или нѣтъ, стало со временемъ синонимомъ злодѣяній, колдовства и кровавыхъ легендъ.

Всѣ отворачивались отъ этого человѣка и отъ его дома. Охотники за утками и бекасами покинули болото, дровосѣки и приходили больше работать на каналъ. Иногда уличные мальчишки, будучи смѣлѣе другихъ, отваживались на охоту за змѣями и слышали дальній шумъ вѣсель. Они полу-испуганно, полунасмѣшливо переглядывались другъ съ другомъ; затѣмъ, отказавшись отъ охоты, осыпали свистками безобиднаго старика, который проѣзжалъ мимо нихъ въ изорванной одеждѣ, сидя на борту челнока, управляемаго нѣмымъ африканцемъ съ сѣдыми вудами и волосоми.

— Эй, Жанъ Рокелэнъ!..... Эй, Жанъ!.. Эй, Рокелэнъ!..

Излишне было произносить еще чтонибудь и прибавлять другой какойнибудь эпитетъ; довольно было этого презрительнаго насмѣшливаго тона. Пока маленькіе шалуны, толкая другъ друга, спѣшили убѣжать, Рокелэнъ вставалъ въ лодкѣ (нѣмой старикъ съ пониженной головой продолжалъ грести) и, грозя кулакомъ своимъ обидчикамъ, произносилъ такой потокъ проклятій и угрозъ, что приводилъ дѣтей въ неистовый восторгъ.

Какъ для бѣлыхъ, такъ и для черныхъ, домъ этотъ служилъ поводомъ ко множеству суевѣрныхъ легендъ. Носился слухъ, что ежедневно, въ полночь, изъ болотъ выходили блуждающіе огни, влетали въ ветхую лачугу и перебѣгали изъ комнаты въ комнату, изъ окна въ окно. Нѣкоторыхъ провазниковъ, словамъ которыхъ вообще никто не давалъ вѣры, выслушивали безъ опроверженія; они рассказывали, что однажды ночью, рѣшившись скорѣй простоять въ лѣсу, чѣмъ пройти въ этотъ страшный часъ мимо дома вондуна, они видѣли предъ разсвѣтомъ, какъ всѣ окна хижины окрасились въ кровавый цвѣтъ и на каждой изъ четырехъ трубъ сидѣвшая сова, повернувъ три раза головой, выпускала чело

вческій крикъ и хохоть. Увѣряли также, что будто всѣмъ извѣстно, что подъ дверью, выходящей на извѣденную червями гранду, находился глубокой колодезь, и тотъ, кто хотѣлъ перешагнуть этотъ порогъ, тотчасъ же проваливался въ пропасть.

Можно-ли послѣ того удивляться, что мѣстность опустѣла? Впрочемъ, непріятельскія племена, нахлынувшія въ Новый-Орлеанъ, скорѣе измѣнили все это.

Поля превратились въ дороги; дороги сдѣлались улицами; повсюду нивелировщики и землемѣры пролагали пути между кустами розъ; ирландцы, въ потѣ лица, переворачивали синеватый суглинокъ своими длинными лопатами *).

— Прекрасно! говорили добродушные креолы, разсерженные тѣмъ, что у нихъ не спрашивали ни совѣта, ни помощи;—мы будемъ ждать ихъ на болотѣ Жана Рокелэна. О! тамъ мы имъ адѣлаемъ хлопотъ.

Они помирали со смѣху и нетерпѣливо желали видѣть, что случится: будутъ-ли новые работники поглощены бездной, или имъ удастся проникнуть во владѣнія Жана? „Ахъ! то или другое событіе, все равно будетъ забавно.“

Рядъ воткнутыхъ палочекъ, съ колпачками изъ бѣлой бумаги въ концахъ, простирался постепенно все далѣе, чрезъ извѣстный источникъ земли.

— А! Жанъ Рокелэнъ, небось то не мальчишки-креолы, которые отъ одного залпа ругательства обращаются въ бѣгство.

Жанъ Рокелэнъ отправился къ губернатору. Оффиціальная особа съ любопытствомъ осмотрѣла съ головы до ногъ этого страннаго человѣка. Жанъ Рокелэнъ былъ маленькаго роста, коренастый, съ львинообразнымъ, совершенно смуглымъ лицомъ; глубокія морщины прорѣзывали его широкій лобъ; взглядъ большихъ черныхъ глазъ былъ также смѣлъ, какъ взглядъ боеваго коня, а его челюсти были крѣпки, точно стальные. Одежда его состояла изъ бумажной ткани съ открытымъ воротомъ и съ отложеннымъ, какъ у матросовъ, воротничкомъ, изъ-за котораго виднѣлась бога-

*) Эти спекуляторы устроили, послѣ пожара въ 1788 г., цѣлое предмѣстье Маріи на бышихъ плантаціяхъ іезуитовъ.

тырская грудь, покрытая сѣдыми волосами. Ничего суроваго, ни задорнаго не было въ выраженіи его лица, ничего, что обнаруживало бы его отважную жизнь, его дикій характеръ; скорѣй добродушная кротость и едва уловимый отпечатокъ какого-то тяжкаго горя проглядывали въ его чертахъ. Разсѣянный взглядъ могъ и не замѣтить этого, но кто разъ посмотрѣлъ на него внимательно, тотъ не оторвался бы и въ смущеніи сталь бы доискиваться его трогательной исторіи.

Губернаторъ поклонился.

— Вы говорите по-французски? спросилъ старикъ.

— Я лучше желалъ бы говорить по-англійски, если вы можете.

— Мое имя—Жанъ Рокелэнъ.

— Чѣмъ могу быть вамъ полезенъ?

— Мой домъ находится тамъ, на болотѣ.

Губернаторъ опять поклонился.

— Это болото принадлежитъ мнѣ... мнѣ, Жану Рокелэну. Я единственный его владѣлецъ.

— И чтожъ?

— Оно не ваше, я получилъ его по наслѣдству отъ моего отца. А между тѣмъ вы хотите провести тамъ улицу?

— Ничего не могу сказать, милостивый государь... Это очень возможно, очень вѣроятно, но городъ вамъ назначить за это слѣдующее вознагражденіе. Понимаете, вамъ заплатятъ...

— Заплатятъ!... Улица не можетъ проходить у меня.

— Поговорите объ этомъ съ городскими властями, господинъ Рокелэнъ.

Горькая улыбка мелькнула на губахъ старика.

— Извините меня, но развѣ вы не губернаторъ?

— Губернаторъ.

— Вы губернаторъ?... прекрасно... слѣдовательно, я съ вами буду имѣть дѣло. Такъ я вамъ скажу, что этой улицѣ не бывать!

— Я вамъ говорю, что вы увидите...

— Мнѣ нечего видѣть, кромѣ васъ, такъ какъ вы губернаторъ. Я ничего не смыслю въ новыхъ законахъ. Я французъ. И когда что нибудь не ладится, то французъ обращается къ губернатору. Еслибы я не былъ купленъ у моего короля, какъ вассаль ста

ныхъ временъ, то король Франціи поучилъ бы господина губернатора—защищать права людей и прокладывать дороги въ удобныхъ мѣстахъ. Но я знаю... мы принадлежимъ г-ну президенту. Я пришелъ просить васъ оказать мнѣ услугу.

— Какую? спросилъ терпѣливый губернаторъ.

— Я пришелъ просить васъ сказать г-ну президенту, что эта улица не можетъ пролегать около моего дома.

— Прошу васъ садиться, господинъ Рокелэнъ.

Но старикъ не тронулся съ мѣста.

Губернаторъ написалъ чиновнику муниципалитета, рекомендовалъ ему г-на Рокелэна, и просилъ оказать всевозможное вниманіе къ его просьбѣ; затѣмъ, отдавая письмо старику, далъ ему нѣсколько наставленій.

— Г-нъ Рокелэнъ, сказалъ онъ съ пріятливою улыбкой,—не ошешь-ли это домъ рассказываютъ такія странныя исторіи наши раждане-креолы?

Жанъ Рокелэнъ бросилъ холодный, суровый взглядъ, затѣмъ страстно отвѣтилъ:

— Вы не видали, чтобъ я торговалъ неграми?

— Конечно, нѣтъ.

— Или чтобъ я занимался контрбандой?

— Никто васъ не обвиняетъ въ этомъ.

— Итакъ, я—Жанъ Рокелэнъ, и дѣла мои касаются только меня. Вы съ этимъ согласны? Прощайте.

Онъ надѣлъ шляпу и ушелъ. Вскорѣ онъ явился съ письмомъ въ рукѣ къ чиновнику, въ которому его послалъ губернаторъ. Тому онадобился переводчикъ для объясненія съ Рокелэномъ.

— Онъ говоритъ, началъ переводчикъ, — чтобы вы не призывали проводить улицу около его дома.

Чиновникъ отвѣтилъ, что подобная наглость смѣшна; но пытный переводчикъ перевелъ эту фразу совершенно иначе:

— Онъ спрашиваетъ, почему вы не хотите?

Слѣдуетъ длинный отвѣтъ бывшаго торговца невольниками. Опять новое составленіе фразы переводчикомъ.

— Онъ говоритъ, что болото слишкомъ вредно для того, чтобы можно было тамъ жить.

— Но мы высушимъ болото, и оно ужь не будетъ болотомъ.

— Онъ говоритъ, что каналъ есть частная собственность.

— Его старый ровъ? Мы его засыплемъ. Пусть будетъ онъ сповоенъ. Все устроится какъ нельзя лучше.

Объясненіе окончилось, начальника забавляла внутренняя буря, отражавшаяся на лицѣ стараго креола.

— Растолкуйте же ему, продолжалъ онъ, что прежде чѣмъ мы кончимъ, ни одной души не останется въ его лачугѣ.

Переводчикъ искалъ фразы, но Рокелэнъ, не слушая его, не терпѣливо отвѣчалъ:

— Я понимаю! Я понимаю!—Затѣмъ онъ разразился гнѣвомъ и проклятія градомъ посыпались на Соединенные Штаты, на президента, на территорію Орлеана, на конгрессъ, на губернатора на всѣхъ подчиненныхъ. Онъ вышелъ, не переставая браниться разсмѣшивъ до слезъ чиновника.

— Этотъ старикъ — сумашедшій! замѣтилъ чиновникъ переводчику:—его земля вздорожаетъ вдесятеро! Ну, какъ не сказать что ваши старые креолы готовы скорѣй жить въ мышинной норѣ нежели вынести присутствіе сосѣда.

— Жанъ Рокелэнъ имѣетъ причины избѣгать сосѣдства... вамъ хочу сказать, что...

Переводчикъ, свертывавшій сигару, остановился, чтобы ее курить, затѣмъ, выпустивъ черезъ ноздри дымъ, серьезно привилъ:—онъ колдунъ!

— О! восликинулъ тотъ, смѣясь,—вы этому вѣрите?

— Какое хотите пари? сказалъ переводчикъ, какъ будто ставкой протягивая руку и поправляя рукавъ съ выразительнымъ жестомъ:—Какое хотите пари?

— Было бы лучше, еслибы вы не повторяли глупыхъ слуховъ.

— Слуховъ? Вы увидите. Однажды вечеромъ я отправился поохотиться за щурами; убивъ трехъ, я не могъ ихъ отыскать такъ какъ уже стемнѣло. Наконецъ я собралъ свою дичь и возвращаюсь домой, но мнѣ нужно было проходить мимо лачуги Жана Рокелэна.

— О-о! произнесъ насмѣшливо американецъ, перекидывая ногу черезъ ручку кресла.

— Подождите. Я приближаюсь тихо, безъ шума...

— Умирая отъ страха...

— Подождите же!... Я прохожу мимо дома и свободно взды... Вдругъ я увидаль два... два предмета... Меня бросило въ... и холодъ, я дрожалъ, какъ листъ... Вы думаете, что ничего было? Но я вамъ говорю, что, не смотря на темноту, я ви... также ясно, какъ вижу васъ, прогуливавшагося Жана-Ма-Рокелэна и рядомъ съ нимъ что-то похожее на человѣка, но овѣка, бѣлаго, какъ статуя. Отъ ужаса я упаль на траву... исчезли... но это была тѣнь Жака Рокелэна, младшаго бра-это также вѣрно, какъ и то, что я существую.

— Ба! произнесъ съ насмѣшкой американецъ.

— Даю голову на отсѣченіе, если это не правда.

— А вамъ не пришла въ голову мысль, что это дѣйствитель-быль Жакъ Рокелэнъ, какъ вы его называете, только живой, котораго, по нѣкоторымъ причинамъ, братъ держитъ вза-ти, скрывая отъ людскихъ взоровъ?

— Я не вижу тутъ никакой причины, отвѣтилъ упорно пе-одчикъ.

Кто-то вошелъ и прекратилъ разговоръ.

Прошли мѣсяцы; улица была проложена. Сначала прорыли... аву чрезъ болото, затѣмъ засыпали маленькій ровъ, о кото-тъ такъ презрительно отозвался чиновникъ, тотъ ровъ, что... одился около дома Жана Рокелэна; теперь дверь со двора... одила на улицу или, вѣрнѣе сказать, на торную дорогу.

Страшная трясина была осушена. Ея опасные жители уда-лись за камыши, по твердымъ корнямъ которыхъ блуждалъ... ть; вкачанье лягушекъ слышалось только съ западной сто-... н. Вскорѣ ирисы и лиліи смѣнили собой ядовитыя растенія, не-но пережѣшанныя съ розовыми кустами; всюду вились цвѣтущія... ны; ихъ роскошная зелень, усыпанная пурпуровымъ цвѣтомъ,... рма даже засохшій кипарисъ. Птички, перелетая съ одного... та на другой, отыскивали ягоды ежевики. И надо всѣмъ этимъ... ился здоровый воздухъ, котораго эта мѣстность не знала съ... нихъ поръ. Но упрямый владѣлецъ не хотѣлъ строиться... ль улицы и на мѣстѣ, гдѣ прежде росъ ивнякъ, возвышалось... ерь множество новыхъ домиковъ; одни стояли рядомъ, другіе... ѣльно, и всѣ они спускались къ жилищу Жана Рокелэна. Не-

сносные! даже съ южной стороны въ нихъ не было недостатка! Сперва тутъ появилось два шалаша угольщикова, затѣмъ садъ огородника, вскорѣ востѣдъ, и вдругъ предмѣстье образовало около него полукругъ. Онъ былъ замкнутъ. Простой народъ ропталъ на Рокелэна.

Самые неисправимые луизианцы облекались въ добродѣтели, когда имъ приходилось протестовать противъ Жана.

— Вотъ онъ, преслѣдуемый уличными мальчишками! Хи, хи! Жанъ Рокелэнъ!.. Ого! Жанъ!.. Ба! Жанъ-Марія!.. Хм! Жанъ Рокелэнъ!.. Старый извергъ!

И кишившіе, какъ муравьи, американцы, охотно присоединялись къ преслѣдованію.

— Старый враль хвастается, что живетъ въ одномъ домѣ съ нечистыми духами!.. Мы его проучимъ когда нибудь, ошпишемъ перышки, зальемъ горло смолой.

Теперь Жанъ Рокелэнъ не могъ больше кататься въ лодкѣ по своему каналу; съ нѣкотораго времени онъ ходилъ разбитый не похожій на самого себя; уличные мальчишки еще чаще гнались за нимъ слѣдомъ. Изрѣдка онъ оборачивался и бранилъ ихъ слегка.

Для креоловъ, для ново-пришельцевъ низшаго класса, для суевѣрныхъ нѣмцевъ, ирландцевъ, сипилійцевъ и прочихъ въ вѣждѣ, Жанъ Рокелэнъ сдѣлался олицетвореніемъ злой судьбы общей и частной. Самыя нелѣпыя выдумки распространялись въ его счетъ. Если горѣлъ домъ, то это по милости его злоумышленій; если съ женщиной дѣлался нервный припадокъ, то она ее испортилъ; если ребенокъ заблудился, а мать дрожитъ отъ страха, — не принесъ-ли его Жанъ Рокелэнъ въ жертву адскимъ богамъ?

— Пока будетъ существовать этотъ домъ, говорили люди, — насъ будетъ преслѣдовать несчастіе. Развѣ вы не видите, что наши бобы и горохъ гибнутъ отъ засухи, что наша капуста и латукъ перерѣваются, что въ нашихъ садахъ одна только пыль, тогда какъ въ лѣсу каждый день идетъ дождь? Нѣтъ, никогда благотворный дождь не пролетѣтъ надъ домомъ старика Рокелэна. Онъ обладаетъ чародѣйствомъ. Онъ заколдовалъ все предмѣстье св. Маріи. И почему онъ это сдѣлалъ, негодяй? Потому что наши шалуны безобидно кричатъ ему вслѣдъ.

„Общество строеній и прогресса“, еще не учрежденное, но которое должно было учредиться, и не имѣвшее еще капитала, но которое должно было его имѣть, применило къ партіи противниковъ Жана Рокелэна. Какое славное помѣщеніе для крытаго рынка представлялъ домъ съ мертвецами!

Депутація, отправленная къ владѣльцу, чтобы уговорить его продать домъ, не могла ни проникнуть чрезъ цѣпь у двери, ни въѣмъ нибудь войти въ переговоры, кромѣ нѣмага негра. Тогда полномочили на это президента совѣта, который, изучивъ французскій языкъ въ Пенсильваніи, казался способиѣе другихъ звести до желаемой цѣли это щекотливое дѣло. Ему поручили видѣться съ Рокелэномъ и просить его подписаться на акціи.

— Милостивые государи, сказалъ президентъ въ первомъ засѣданіи:—миѣнужны цѣлые мѣсяцы, чтобы дать возможность Рокелэну понять нашу систему, и если даже я успѣю въ томъ, то онъ все таки не подпишется; единственное средство, обы говорить съ нимъ, это остановить его на улицѣ.

Всѣ присутствующіе въ совѣтѣ расхохотались.

— Это почти то же, что подойти къ волку, у котораго от-
ли волчать.

— Что касается до этого, то вы ошибаетесь, отвѣтилъ президентъ:—я встрѣтился съ нимъ, остановилъ и нашелъ его очень вливымъ, только невозможно было добиться отъ него никакого толку. Чудакъ этотъ не хотѣлъ говорить по французски, а гда я началъ объясняться по англійски, онъ пожималъ плечи и отвѣчалъ одно и то же на всѣ мои слова.

— Что же онъ отвѣчалъ?

— „Не стѣить“.

Одинъ изъ членовъ совѣта, поднявшись съ мѣста, произнесъ вѣдующую рѣчь:

— Господинъ президентъ, прозектъ, соединяющій насъ здѣсь, имѣеть ничего эгоистическаго, все общество должно имъ пользоваться. Мы будемъ чувствовать, что трудились, сколько могли, и общаго блага, если намъ удастся избавить страну отъ этой ны. Вамъ, можетъ быть, извѣстно, что во время проложенія ацы, старикъ Рокелэнъ дѣлалъ все, что могъ, чтобы этому зпрепятствовать. Я былъ тогда отчасти впутанъ въ это дѣло

и потому слышала рассказываемую басню о привидѣніяхъ (на всѣхъ лицахъ появилась улыбка, сопровождаемая молчаніемъ, полнымъ достоинства), глупую, басню, которую, разумѣется, я воздержусь передавать вамъ; позвольте только высказать полное убѣжденіе въ томъ, что старшій Жанъ Рокелэнъ держитъ своего брата подъ замкомъ въ этой труппѣ. И если я не ошибаюсь, то мы можемъ извлечь пользу изъ этого открытія. Я вамъ предлагаю, милостивые государи, закончилъ ораторъ, садясь на свое мѣсто,—произвести слѣдствіе, результаты котораго будутъ въ высшей степени полезны для общества... Гм!

— Какимъ образомъ повели бы вы дѣло? спросилъ президентъ.

— Осторожно, очень осторожно, отвѣтилъ ораторъ.—Какъ члены правленія, мы не должны ничего дозволять похожего на нарушеніе закона о правѣ собственности... но я думалъ, что можетъ быть, вы, г. президентъ, могли бы, только изъ одного любопытства, попросить кого нибудь, хоть нашего достойнѣйшаго секретаря, на примѣръ, изслѣдовать это дѣло... понятно, это совершенно личная услуга... Я ограничиваюсь тѣмъ, что высказываю свою мысль...

Секретарь улыбнулся, какъ будто хотѣлъ выразить, что вовсе не предполагаетъ, чтобы подобная услуга входила сколько нибудь въ служебныя его обязанности, но что онъ готовъ оказать ее президенту, и затѣмъ засѣданіе было закрыто.

Маленькій Уайтъ,—такъ звали секретаря,—былъ очень яркое существо, чрезвычайно чувствительное, и болѣе всего боялся огорчить кого нибудь.

— Откровенно признаюсь, шепнулъ онъ на ухо президенту, я берусь за это слѣдствіе только по причинѣ, касающейся лично меня.

На другой день, когда уже смеркалось, можно было видѣть какъ маленькій человѣчекъ украдкой пробирался вдоль низенькаго забора, отдѣлявшаго сзади владѣнія Рокелэна, какъ затѣмъ онъ оперся обѣими руками объ этотъ заборъ и мигомъ перескочилъ чрезъ него на траву двора. Своими дѣйствіями онъ скорѣе походилъ на вора, врадующагося за цыплятами, нежели на секретаря уважаемаго общества.

Картина, представившаяся его глазамъ по другую сторону

забора, была не такого рода, чтобы подчеркнуть присутствіе его духа. Старый домъ, мрачный и безмолвный, выдѣлялся на сѣромъ небѣ, по которому тянулась, какъ послѣдній привѣтъ угасающаго дня, узкая и длинная полоса блѣднаго свѣта. Не видно было ни малѣйшаго признака жизни, никакого огонька въ окнахъ, ни одной собаки на дворѣ.

Онъ дошелъ до маленькой хижины, построенной въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дома. Сквозь множество щелей, онъ увидалъ нѣмага африканца, свернувагося передъ мерцающимъ пламенемъ сосноваго пня и сжавшаго крѣпкимъ сномъ. Быстро рѣшившись войти въ домъ, онъ по этому случаю остановился, чтобы издали осмотрѣть его въ подробности. Если онъ пойдетъ на веранду по широкимъ ступенямъ задняго хода, то рискуетъ встрѣтиться съ кѣмъ нибудь на полдорогѣ; онъ обмѣрилъ глазами одинъ изъ столбовъ, поддерживавшихъ веранду, и задалъ себѣ вопросъ, нельзя-ли взлѣзть на него, какъ вдругъ послышались шаги. Кто-то двинулъ стуломъ около перилъ; затѣмъ, какъ бы отдумавъ сѣсть, началъ ходить взадъ и впередъ по верандѣ; каждый шагъ громко раздавался на каменномъ полу. Маленькій секретарь отступилъ назадъ, мимо него проходила квадратная фигура Жана Рокелэна.

Уайтъ сѣлъ на бревно и, чтобы избавиться отъ ужаленія москитовъ и комаровъ, закрылъ лицо и шею носовымъ платкомъ, оставивъ открытыми только глаза. Едва онъ успѣлъ такимъ образомъ помѣститься, какъ почувствовалъ странный, слабый запахъ, доносившійся какъ бы издалека, но ужасный, невыносимый. Откуда этотъ запахъ? Онъ шелъ не изъ хижины и не изъ болота, потому что былъ сухъ, какъ порошокъ. Въ воздухѣ также не чувствовалось этого отвратительнаго запаха провазы... онъ какъ будто исходилъ изъ земли.

Приподнявшись, секретарь въ первый разъ замѣтилъ предъ собою узенькую тропинку, ведущую къ дому. Къ нему приближалась фигура... блѣдная, какъ привидѣніе. Неслышно и быстро мысли онъ растянулся плашмя у хижины. Его стратегія была смѣла, однако,—нечего скрывать,—Уайтъ струсиль.—„Это не привидѣніе, говорилъ онъ самому себѣ,—я знаю, что это не можетъ быть привидѣніе“.

Тѣмъ не менѣе, у него выступилъ холодный потъ, дыханіе сперлось.

— Это живой, повторялъ онъ самъ себѣ,—я слышу его шаги и слышу отдѣльно шаги Рокелэна на верандѣ. Меня не видали...

Странное видѣніе прошло мимо... опять этотъ трупный запахъ... Вернется-ли призракъ? Да... вотъ онъ останавливается у двери хижины... вѣроятно, чтобы посмотрѣть на спящаго негра. Онъ удаляется... опять идетъ по тропинкѣ...

Уайтъ вздрогнулъ. — „Теперь только нужно отважиться и тайна разъяснится.“

Маленькій секретарь съ большой осторожностью рѣшился направиться по тропинкѣ. Человѣкъ или безплотный образъ человѣка, закутанный въ какое-то бѣлое одѣяніе, а, можетъ быть и нагой,—темнота мѣшала въ этомъ убѣдиться,—медленно удалялся, какъ будто ему было трудно идти.—Великій Боже! возможно-ли, чтобъ мертвецы такъ ходили?—Онъ инстинктивно закрылъ лицо руками, чтобы ничего не видѣть, но опять отрывал ихъ рѣшительно отъ лица. Страшный призракъ прошелъ между двухъ столбовъ и скрылся. Уайтъ прислушивался. Въ домѣ какъ будто кто-то слабыми шагами взбирался по лѣстницѣ. Потомъ все смолкло, кромѣ другихъ тяжелыхъ и мѣрныхъ шаговъ на верандѣ, да глубокаго дыханія негра, спящаго въ хижинѣ.

Храбрый секретарь хотѣлъ было удирать, но еще разъ взглянулъ на домъ, обитаемый нечистыми духами; узкая полоса свѣта мелькнула въ ставняхъ закрытаго окна; Жакъ Рокелэнъ пошелъ вскорѣ туда, таща стулъ за собою, и сѣлъ около свѣтлой щели. Затѣмъ началъ говорить... онъ говорилъ по французски тихимъ и нѣжнымъ голосомъ, повидимому, дѣлая вопросы. Отвѣты слѣдовали изнутри. Человѣческой-ли это былъ голосъ такой глухой, разбитый, точно замогильный?.. Дрожь пробѣжала съ головы до ногъ по тѣлу любопытнаго Уайта, и когда что-то зашевелилось въ сосѣднемъ кустѣ и соскочило на траву,—можетъ быть, даже ничто иное, какъ крыса,—секретарь бросился бѣжать.

Выбравшись изъ-за этой злосчастной ограда, онъ мало по малу успокоился, однако громко повторялъ:—Да, я вижу, понимаю... и, какъ безумный, снова закрылъ лицо руками.

Странная вещь! Маленькій Уайтъ сдѣлался съ тѣхъ поръ ярмы защитникомъ Жана Рокелэна. Кстати и не кстати, но каждый разъ, какъ возставали противъ старика, секретарь съ спокойной энергіей, которая тотчасъ же останавливала самыхъ злонамѣренныхъ, спрашивалъ, по какому праву они основываютъ подобныя предположенія, а такъ какъ онъ не удостоивалъ объяснять имъ свое неизмѣнное участіе, то отвращеніе и недовѣріе, питаемая издавна къ Жану Рокелэну, обратились также и на него.

На третій день послѣ ночнаго приключенія, онъ удивилъ всѣхъ уличныхъ мальчишекъ, приказавъ имъ прекратить ихъ грубыя нападки на Жана Рокелэна. Старикъ, который только что остановился, бранясь и грозя своей тростью, также съ изумленіемъ взглянулъ на него, затѣмъ поклонился и продолжалъ свой путь. Почти всѣ шалуны отказались, вслѣдствіе одного лишь недоумѣнія, преслѣдовать его; только одинъ маленькій ирландецъ, задорнѣе другихъ, пустилъ въ него большимъ кускомъ затвердѣлой земли. Рокелэнъ обернулся съ поднятой тростью, чтобы ударить своего обидчика, но оступился-ли онъ, или по какой другой причинѣ, упалъ, растянувшись во весь ростъ. Уайтъ хотѣлъ помочь ему встать, но тотъ грубо, съ дикой бранью, оттолкнулъ его и, спотыкаясь, побрелъ къ своему жилищу. Губы его были въ крови.

Это былъ день засѣданія; маленькій секретарь охотно отдалъ бы все свое состояніе, только бы не присутствовать на немъ, онъ чувствовалъ себя взволнованнымъ и раздраженнымъ, и зналъ, что будетъ не въ силахъ вынести тѣхъ упрековъ, какіе навѣрное посыплются на него.

— Я ничѣмъ не могу тутъ помочь, господа, и никогда не буду способствовать вамъ къ обвиненію этого старика.

— Мы этого не ожидали отъ васъ, г. Уайтъ.

— Вѣрьте мнѣ, господа, вы прекрасно сдѣлаете, если откажетесь продолжать ваши изслѣдованія. Изъ этого могутъ произойти только несчастія. Придется кому нибудь раскayаться... Нѣтъ, господа, это не угроза, это только добрый совѣтъ; предупреждаю васъ, что тотъ, кто возьмется за это дѣло, будетъ пла-

каться до конца своей жизни,—скажу мимоходомъ, если найдется такой опрометчивый.

Президентъ выразилъ сильное удивленіе.

— Я нисколько объ этомъ не забочусь, сказалъ маленькій Уайтъ, положительно терявшій голову. Нѣтъ, нервы мои въ порядкѣ и мозгъ совершенно здоровъ... Нѣтъ, я не въ возбужденномъ состояніи...

Одинъ изъ членовъ сдѣлалъ замѣчаніе, что секретарь какъ будто очнулся отъ страшнаго кошмара.

— Итакъ, если вы хотите знать, милостивый государь, что случилось въ самомъ дѣлѣ со мною, то и вы, въ свою очередь, можете имѣть кошмаръ: стоитъ только завести знакомство съ Жаномъ Рокелэномъ.

— Уайтъ!.. восхлибнулъ одинъ шутникъ. Секретарь промолчалъ.

— Уайтъ!

— Что? спросилъ онъ, хмурясь.

— Ужь не видѣли-ли вы какого нибудь привидѣнія?

— Да, милостивый государь, я его видѣлъ,—вскричалъ Уайтъ, подвигаясь къ столу, чтобы передать президенту бумагу, которая обратила вниманіе членовъ совѣта на другіе предметы.

Въ городѣ пронесся слухъ, что кто-то входилъ ночью въ домъ Рокелэна и открылъ тамъ что-то ужасное. Въ слухѣ этомъ была лишь тѣнь искаженной правды. Говорили, что онъ видѣлъ прогуливающихъ скелетовъ, и если не попался въ когти одного изъ нихъ, то благодаря только тому, что перекрестился.

Нѣсколько сорванцовъ, которымъ нравилось все ужасное, запасшись храбростью, направились чрезъ высушенное болото, по той тропинкѣ, гдѣ гоняли скотъ, и подошли къ дому въ тотъ страшный часъ, когда выходятъ мертвецы и воздухъ наполненъ летучими мышами. Они что-то увидали мелькомъ,—ужь и этого было слишкомъ много,—и это что-то заставило ихъ бѣжать со всѣхъ ногъ, внѣ себя отъ страха, чрезъ ивнякъ и кусты акацій. Прибѣжавъ домой и едва переводя духъ, они могли передать лишь очень смутныя свѣдѣнія.

— Былъ-ли онъ въ бѣломъ?—Да... нѣтъ... почти.—Мы не умѣемъ сказать... но мы видѣли... И никто не сомнѣвался,

судя по ихъ блѣднымъ, испуганнымъ лицамъ, что они дѣйствительно видѣли.

— Еслибы эта старая каналья жила въ нашей странѣ, говорили нѣкоторые американцы, — горька была бы его жизнь. — Вотъ славная мысль! вскричали они однажды, обращаясь къ многочисленной партіи креоловъ, которые ничего лучшаго не желали, какъ сдѣлать въ дѣйствительности его жизнь горькою: — какъ вы называете ту музыку, которая здѣсь въ модѣ, когда старики женятся на молодой дѣвушкѣ и когда...

— Шаривари, отвѣтили креолы.

— Такъ точно Отчего же вы не устроите ему шаривари?

Счастливое предложеніе принесло свои плоды.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, маленькій Уайтъ и его жена сидѣли рядомъ на ступенькахъ своего дома, иначе сказать, на тротуарѣ, какъ это принято у креоловъ. Ничего не было, однако, пріятнаго для глазъ въ новой улицѣ, гдѣ они жили: крошечные домики были разбросаны какъ будто случайно, чрезъ пустыне, совершенно плоскіе участки земли. Среди высокой травы и растущихъ въ беспорядкѣ кустовъ, представлялся все тотъ же видъ: мрачный силуэтъ строенія, заслоняющаго часть неба съ заходящимъ солнцемъ. Это было жилище стараго Рокелэна.

Вѣтра, прозрачная, нарождающаяся луна спустилась нижнимъ концомъ на одну изъ трубъ.

— Итакъ, говорилъ Уайтъ, — старый африканецъ прошелъ здѣсь одинъ? Не боленъ-ли несчастный Рокелэнъ? Комокъ земли, который негодяй пустилъ ему въ спину, могъ убить его... Еслибы ты видѣла, какъ онъ упалъ... тяжело, точно какая масса! Я охотно сходилъ бы освѣдомиться къ аптекарю... Можетъ быть, онъ что нибудь слышалъ о немъ.

— Такъ иди, отвѣчала жена.

Она съ полчаса оставалась одна, наблюдая за быстрымъ исчезаніемъ дня, столь обыкновеннымъ въ этомъ климатѣ.

— Сейчасъ можно было принять и луну за привидѣніе, сказала она мужу, смѣясь, когда тотъ вернулся, — луна нырнула прямо въ трубу.

— Патти! ученикъ аптекаря, сообщилъ мнѣ, что эти маль-

чишки зададутъ сегодня вечеромъ шаривари старику Ровелэну. Я постараюсь помѣшать имъ.

— О, Уайтъ, послушайся меня, не вмѣшивайся въ это дѣло. Они причиняютъ тебѣ зло.

— Будь покойна. Я просто останусь сидѣть здѣсь, пока они явятся. Имъ необходимо пройти мимо насъ.

— Но это будетъ, пожалуй, въ полночь. Ты вѣдь не станешь ждать такъ долго?

— Напротивъ.

— Ну, такъ ты дѣйствуешь противно здравому смыслу, сказала г-жа Уайтъ съвозъ зубы, раздраженно постукивая о землю носкомъ башмака.

Она была встревожена, но не настаивала, и супруги долго еще бесѣдовали о своихъ семейныхъ дѣлахъ.

— Что это такое? вскричала вдругъ г-жа Уайтъ.

— Бьетъ девять часовъ, отвѣтилъ мужъ.

Послѣдовало продолжительное молчаніе.

— Патти, ты дремлешь?.. Иди спать.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ спать нисколько не хочется.

Новое молчаніе.

— Патти, еслибы мнѣ пойти къ старику?..

— Остерегись!.. Слушай.

Неопредѣленный шумъ послышался въ концѣ улицы. Собаки лаяли, дѣти орали, взрослые также принимали участіе; раздавался хохотъ, мычанье, ржанье, дикіе крики, всевозможные звуки; играли на рожкѣ, звонили въ колокола, стучали горшками и кастрюлями.

— Они идутъ сюда, сказала Уайтъ. Ты лучше бы отправилась домой.

— И ты также.

— Нѣтъ, я долженъ ихъ остановить, если возможно.

— Ради Бога, Уайтъ!

— Я сейчасъ же вернусь.

И онъ направился въ мѣсту, откуда доносился шумъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, онъ встрѣтился съ возбужденной толпой. Напрасно возвышалъ онъ голосъ. Тогда онъ бросился

едь колонны, приближавшейся въ безпорядкѣ къ дому Рокелэна.

— Бьэнвеню, удержите этихъ мальчишекъ, закричалъ онъ, шаясь въ высокому парню, который, судя по величинѣ котла, жившаго ему вмѣсто большаго ящика, казалось, былъ одинъ коноводовъ,—удержите ихъ, пока я буду говорить.

Бьэнвеню обернулся, размахнувъ своимъ нестройнымъ инструментомъ. Мальчишки умѣрили шагъ. Двѣ или три трубы совсѣмъ стихли, послѣ чего можно было слышать голосъ Уайта въ толпѣ, согласившейся на минуту замолчать.

— Прошу васъ, сказалъ онъ,—не задавайте шаривари сегодня вечеромъ старику Рокелэну!

— Милый мой другъ, прервалъ его Бьэнвеню, заикаясь и шарая кулакомъ объ стѣну,—кто тутъ толкуеть о шаривари? не думаете-ли вы, что если намъ вздумалось позабавиться кастрюльками, слѣдовательно мы ужъ и пьяны.

— Нѣтъ, вы не пьяны, любезный пріятель, вы честный человекъ. Но вы, можетъ быть, не знаете, что старикъ Рокелэнь боленъ, очень боленъ. Теперь вы это знаете и не пойдете?... скажите...

— Это вы пьяны, мнѣ грустно вамъ это замѣтить, другъ мой (сказать): вы пьяны, какъ стельба. Я стыжусь за васъ, честное слово! Ну, что я дѣлаю?.. Я служу обществу. Эти граждане просто хотятъ заставить стараго скрягу дать двѣсти піастровъ для урсунюкъ.

— Пятсотъ! завопили товарищи хоромъ.

— Да, пятсотъ піастровъ... а если откажется, мы ему зададимъ концертъ... Тра-та-та.

Онъ весело приподнялъ руку и ногу, и затѣмъ, нахмуривъ брови, продолжалъ:

— Зачѣмъ пьеть такъ много виски этотъ хрычъ Рокелэнь?

— Но вы не захотите, воскликнулъ маленький Уайтъ, около котораго образовался кружокъ,—тиранить больнаго?

— Мы не виноваты, что онъ боленъ, возразилъ хилый человекъ.—Мы обѣщали устроить шаривари и должны исполнить. Простите насъ.

— Не можете-ли вы задать ваше шаривари другимъ?

— Другимъ? недурная мысль... А завтра, сверхъ того, даъ другое шаривари Жану Рогелэну, закричалъ Бьэнвеню.

— Пойдемте къ г-жѣ Шнейдеръ, загорланило нѣсколько сумашедшихъ.

И посреди ура и нестройныхъ криковъ, которые покрывалъ громкій голосъ, требовавшій вина, вся эта компанія продолжала путь.

— Сто піастровъ на больницу для бѣдныхъ!

— Ура!

Кастрюли снова загремѣли. Адскій кортежъ долго еще вопилъ, чтобы наверстать потерянное время; но Уайтъ обрадовался, увидавъ, что они повернули за уголъ улицы.

Г-жа Уайтъ безпрестанно смотрѣла на часы.

— Полночь! Больше чѣмъ полночь!

Мало по малу шумъ затихъ. Она подняла жалюзи и прислушалась. Кто-то постучалъ.

— Это ты, Уайтъ?

— Да, я, мнѣ удалось, Патти.

— Какое счастье! вскричала она.

— Они отправились со своимъ шаривари къ старой нѣмкѣ, которая вышла замужъ за поклонника своей падчерицы. Ей придется заплатить сто піастровъ на больницу, только чтобъ излечить.

Г-жа Уайтъ, вернувшись въ свою комнату, заснула спокойнымъ сномъ, какъ вдругъ ее разбудилъ стукъ, который провѣдывъ ея мужъ, громко хлопнувъ крышкой карманныхъ часовъ.

— Половина четвертаго, Патти, а я еще все не могу заснуть. Эти негодяи на улицѣ. Ты слышишь?

— Въ самомъ дѣлѣ, они какъ будто приближаются, вскричала испуганная женщина.

— Они идутъ очень скоро, сказалъ Уайтъ, поспѣшно одѣваясь.—Ты встаешь? Не подходи къ окну, Патти. Боже милостивый!..Какой грохотъ!

— Ты не выходи, Уайтъ.

Но онъ былъ уже далеко. Двѣсти или триста человѣкъ пустились бѣжать во всю ширину новой улицы къ проклятому дому старика. Невозможно описать, какой они производили шумъ.

-жа Уайтъ, высунувшись въ окно, не смотря на совѣты мужа, видала, какъ маленькій человекъ, не уступая толпѣ, размахивая руками, какъ маріонетка, напрасно стараясь заставить вытѣснить себя. Ему отвѣчали киваньемъ головы, кричали еще слышнѣе и ускоряли шаги. Ораторъ былъ вытѣсненъ изъ толпы имъ человеческимъ ураганомъ, который волей-неволей несъ о впередъ.

Быстрѣе молніи они промчались мимо послѣднихъ домовъ и нарей, нахлынули на пустые участки, и при свѣтѣ звѣздъ пробили въ густой ивовый лѣсъ заколдованнаго жилища. Тогда некоторые, казалось, струсили; они тащились позади или дали тягу, но большая часть продолжала идти, наполняя воздухъ оглушительными криками. Впрочемъ, одинъ случай заставилъ ихъ призадуматься.

Впереди ихъ, въ темной чащѣ, мелькалъ и дрожалъ слабый свѣтъ; должно быть, это очень близко отъ стараго дома. Тутъ онъ остановился. Это былъ фонарь; онъ находился подъ юшко знакомымъ деревомъ, которое росло на краю дороги съ дыркой, какъ засыпали каналъ. Теперь свѣтъ таинственно колыхался. Тѣ, которые болѣе всего боялись привидѣній, отказались отъ предстоящаго удовольствія, но большинство безумцевъ двинулось, точно на приступъ, и усилило свой гвалтъ.

Да, это дѣйствительно фонарь и двое сидятъ подъ деревомъ, ша приближается болѣе умѣреннымъ шагомъ и узнаетъ въ немъ изъ сидящихъ нѣмага африканца, который поднимаетъ паръ такимъ образомъ, что весь свѣтъ падаетъ на его сосѣдство. Толпа отступаетъ, глубокое молчаніе смѣняетъ шумъ, затѣмъ слышится крикъ ужаса; самые отважные стремительно поворачиваются назадъ, позабывъ на дорогѣ маленькаго Уайта, роняя свои инструменты и бѣгутъ безъ оглядки до тѣхъ поръ, какъ густой лѣсъ не остается далеко позади ихъ. Тогда они немного успокоиваются и сознаютъ, что ни одинъ изъ десяти изъ бѣжавшихъ не могъ бы навѣрное объяснить причину ихъ этического страха и, можетъ быть, этотъ десятый самъ не былъ смѣленъ, видѣлъ-ли онъ что нибудь.

Между ними находился одинъ исполинъ, повидимому, спящій на всѣ злодѣяства. Онъ встаетъ на камень и на кре-

ольскомъ нарѣчїи предлагаетъ сдѣлать роздыхъ. Бьэнвеню ему уступаетъ свою роль вожака, и шумное стадо собирается во кругъ новаго начальника. Онъ имъ доказываетъ, что ихъ оскорбили, что попрали ногами ихъ право, — право, принадлежащее всѣмъ гражданамъ мирно ходить по улицамъ. Развѣ могутъ они снести такую обиду! Вотъ восходитъ солнце. Такъ пусть среди бѣлаго дня они проложатъ себѣ свободный путь!

Довольно вялое согласіе было отвѣтомъ на этотъ призывъ, значительно уменьшившаяся толпа повернула спокойно на этотъ разъ, — вѣроятно, усталость была тому причиной, — къ старому дому; нѣкоторые шли какъ развѣдчики впередъ, другіе отставали, но всѣ, безъ исключенія, дойдя до дерева, остановились. Маленькій Уайтъ сидѣлъ тутъ на дерновой скамейкѣ въ краю дороги, лицо его было грустно и серьезно, каждому изъ подходившихъ онъ дѣлалъ одинъ и тотъ-же вопросъ:

— Вы идете къ старику Рокелэну?

— Да.

— Онъ умеръ!

И когда тотъ намѣревался повернуть назадъ, онъ прибавлялъ:

— Оставайтесь. Я приглашаю васъ присутствовать на похоронахъ.

Если какой-нибудь луизианецъ, слишкомъ преданный своей дорогой Франціи или Испаніи, не понималъ по-англійски, смотрѣлъ на него въ изумленіи, — то находились люди, которые переводили приглашеніе, и любопытная толпа осталась, — никто не казался: Уайтъ шелъ молча, во главѣ погребальнаго кортежа. Ворота, съ которыхъ до тѣхъ поръ не снимались ни замки, ни цѣпи, были отворены настежь. Маленькій Уайтъ остановился, за нимъ и все послушное населеніе. Подъ верандой что-то двигалось. Всѣ, перешептываясь, съ любопытствомъ и страхомъ наклонились посмотреть, и вотъ что увидали:

Нѣмой африканецъ медленно направлялся отъ веранды къ воротамъ, ведя на веревкѣ, продѣтой сквозь ноздри животнаго маленькаго быка, запряженнаго въ деревенскую телѣгу. На телѣгѣ, подъ чернымъ сукномъ, стояло что-то въ родѣ длиннаго ящика.

— Шляпы долой! воскликнулъ Уайтъ, предъ вами смерт-
ные останки Жана-Маріи Робелэна, прекраснѣйшаго изъ лю-
дей, да, прекраснѣйшаго, не смотря на его недостатки, который,
въ свойственной ему добротѣ, мало заботился о себѣ и былъ
преданъ своимъ ближнимъ болѣе, нежели вы всѣ, взятые вмѣстѣ.

Молчаніе царствовало все время, пока погребальная колес-
ница, сверпя, выѣзжала изъ воротъ; затѣмъ, когда Уайтъ огля-
нулся на лѣсъ, въ первыхъ рядахъ толпы произошло смятеніе.
Они быстро попятились назадъ и устремили глаза въ одну сто-
рону: позади гроба, съ поникшей головой, съ большимъ тру-
сомъ тащились живые останки Жака Робелэна, младшаго бра-
та, такъ долго, такъ тщательно скрываемаго отъ всѣхъ люд-
скихъ взоровъ, прокаженнаго и блѣднаго, какъ полотно.

Пораженные ужасомъ, присутствующіе смотрѣли на идущаго
смертвеца, который былъ въ тысячу разъ ужаснѣе настоящаго.
Они нѣмомъ страхѣ смотрѣли они, какъ кортежъ спускался
низъ по узкой и длинной дорогѣ и далеко остановился у глу-
хой, непроходимой тропинки, которая вела чрезъ частый кустар-
никъ къ окраинамъ стараго города.

Кто-то произнесъ:—Они идутъ въ землю прокаженныхъ.—
Другіе остолбенѣли отъ изумленія.

Отпрягнувъ маленькаго быка, нѣмой африканецъ, съ силою
оригиналы, поставилъ тяжелый гробъ къ себѣ на плечо. Съ ми-
нута еще, онъ не терялся изъ виду и, поправляя свою ношу,
шелъ рядомъ съ прокаженнымъ; затѣмъ, не поворачивая головы
къ безжалостнымъ людямъ, которые ихъ изгоняли, и обратясь
лицомъ къ длинной плоскости, выходящей изъ глубины болотъ
извѣстной подъ именемъ „Земли прокаженныхъ“, они углу-
бились въ чащу лѣса и исчезли... Болѣе ихъ никто не видѣлъ.

Петербургскій съѣздъ представителей городскихъ обществъ взаимнаго отъ огня страхованія.

Съ 28-го ноября по 10-го декабря прошлаго года, въ залѣ петербургскіе думы были засѣданія съѣзда представителей городскихъ обществъ взаимнаго отъ огня страхованія. Важное значеніе этого съѣзда въ нашей общественной жизни можетъ быть понятно только тому, кому извѣстны цѣли обществъ взаимнаго отъ огня страхованія. Они стали основываться въ русскихъ городахъ шестидесятихъ годовъ по почину министерства внутреннихъ дѣлъ. Нашло, что большинству городскихъ обывателей недоступно страхованіе обществъ въ существующихъ акціонерныхъ страховыхъ обществахъ, которые какъ удачно выразился на съѣздѣ одинъ изъ представителей, заботятся лишь о томъ, чтобы взять со страхователей какъ можно больше и отдать имъ какъ можно меньше въ случаѣ пожара. Имѣя въ виду сколь возможно облегчить большинству и вызвать само общество къ самосохраненію и обезпеченію отъ разореній, причиняемыхъ пожарами, министерство составило общія основанія для обществъ взаимнаго страхованія и стало приглашать всѣ города образовать отдѣльныя общества и представлять ему на утвержденіе свои уставы, разработанные согласно съ мѣстными потребностями. Вотъ эти основанія: каждое городское общество составляютъ только страхователи недвижимыхъ имуществъ, находящихся въ чертѣ этого-же города. Изъ своей среды, на общихъ собраніяхъ, выбираютъ членовъ правленія, кандидатовъ и членовъ наблюдательнаго комитета; они же назначаютъ размѣръ страховыхъ премій, утверждаютъ годичныя сметы расходовъ, и большинствомъ голосовъ рѣшаютъ всѣ вопросы, касающіе ихъ общихъ интересовъ. Наблюдательному комитету предоставляется ревизовать всѣхъ книгъ, заведенныхъ правленіемъ, всѣхъ доходовъ и расходовъ; обсужденіе вопросовъ, которые могутъ возникать въ средѣ членовъ правленія или согласій между ними въ принятіи на рискъ общества того или другаго имущества; разборъ жалобъ и неудовольствій членовъ общества на правленіе и пр. Словомъ, каждому обществу предоставляется полное самоуправленіе въ пределах его устава, который оно само же и составляетъ или измѣняетъ, обязываясь только представлять его каждый разъ на утвержденіе въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Для составленія общества взаимнаго страхованія никакого осн

го капитала не требуется. Здѣсь всѣ члены или страхователи сообща ручаются своими имуществами въ томъ, что пожарный убытокъ каждаго изъ нихъ будетъ оплаченъ сполна. Первый источникъ, изъ котораго слѣдуетъ уплата убытка—сумма ежегодныхъ страховыхъ премій, второй—запасный капиталъ, если онъ не составится изъ городскихъ суммъ или изъ остатковъ отъ страховыхъ премій; третій (если первыхъ двухъ окажется недостаточно)—помощь со стороны общины въ размѣрѣ одной трети всего пожарнаго убытка; наконецъ, если и этого окажется мало, то тогда уже недостающая сумма раскладывается между членами общества соразмѣрно или пропорціонально съ ихъ годичными взносами. Отсюда ясно, что къ этому послѣднему средству приходится прибѣгать только въ случаѣ чрезвычайныхъ пожаровъ. Но общее собраніе членовъ въ случаѣ этихъ сборовъ можетъ уполномочить правленіе сдѣлать нужный заемъ, которымъ и удовлетворить пострадавшаго отъ пожара. Во всякомъ случаѣ, пострадавшій не можетъ остаться неудовлетвореннымъ. Пожары въ обширныхъ размѣрахъ могутъ повліять на увеличеніе ежегодной страховой преміи, которая можетъ удвоиться и утроиться, что можетъ быть тягостно, но не совсѣмъ разительнымъ для членовъ, развѣ выгоритъ полъ-города; но такіе случаи нужно считать исключительными: они уже не могутъ входить въ общіе расчеты.

Зато въ будущемъ члены-страхователи могутъ рассчитывать и на значительныя выгоды. Если акціонерныя страховыя общества не только не разорятся и не истощаютъ своихъ запасныхъ капиталовъ, а всѣ, напротивъ, процвѣтаютъ и даютъ ежегодно хорошія дивиденды акціонерамъ, то нѣтъ основанія и лицамъ взаимнаго страхованія не рассчитывать на то же самое. Разница въ томъ, что вся прибыль или остатокъ отъ ежегодныхъ страховыхъ премій, закрывающій пожарныхъ убытковъ, пойдетъ не на дивиденды, а въ запасный капиталъ общества, слѣдовательно останется собственностью всѣхъ сообща страхователей. Этотъ капиталъ можетъ расти быстро, если общество не постигнетъ какое нибудь очень крупное несчастіе. По мѣрѣ накопленія капитала, является возможность уменьшать размѣры ежегодныхъ страховыхъ премій, т. е. облегчать страхователей; а при благоприятныхъ условіяхъ можетъ накопиться такой капиталъ, проценты съ котораго будутъ покрывать всѣ расходы общества, въ томъ числѣ обыкновенные пожарные убытки, которые приблизительно можно опредѣлить однимъ числомъ изъ десятилѣтней ихъ сложности. Тогда члены-страхователи могутъ быть совершенно освобождены отъ взноса премій, и не платя ничего, каждый членъ, пострадавшій отъ пожара, получитъ изъ кассы общества сполна весь свой убытокъ. Кромѣ того, на свои прибыли общество имѣетъ возможность вносить разныя улучшенія и усовершенствованія въ способахъ тушенія пожаровъ и въ предупрежденіе ихъ, что конечно должно служить къ пользѣ всего города.

Не смотря на выгоды, какія представляло правительство для взаимныхъ

страхованій, общества, особенно вначалѣ, открывались очень медленно. Причинъ тутъ, конечно, было нѣсколько: и явныя и скрытыя. Къ первымъ относится вообще характеръ русскаго человѣка, «тяжелый на подъемъ»; онъ раздумываетъ, сомнѣвается, колеблется, выжидаетъ примѣровъ, не вдругъ поддается въ убѣжденія. Новость дѣла пугала всѣхъ. Къ этому присоединялись и другіе страхи, вызываемые агентами акціонерныхъ страховыхъ обществъ; они указывали на свои миллионныя запасныя капиталы и въ то же время тщательно скрывали сумму другихъ миллионновъ, въ которыя оцѣнены имущества, взятыя имъ на страхъ, тогда какъ только сопоставленіе этихъ двухъ цифръ и можетъ привести къ вѣрнымъ выводамъ, насколько прочно обезпеченъ страхователь.

Только въ семидесятыхъ годахъ, послѣ того какъ общества петербургское, харьковское и немногія другія, открывшіяся раньше, показали, что подобныя общества могутъ процвѣтать и накапливать запасныя капиталы, число городскихъ обществъ взаимнаго страхованія стало увеличиваться и въ настоящее время дошло до тридцати девяти. Правда, это число, сравнительно съ сотнями русскіхъ городовъ, ничтожно, но надо думать, что оно будетъ быстро увеличиваться, какъ скоро бѣольшая часть существующихъ опасеній окажется неосновательною. Нѣкоторыя изъ обществъ открывались при пособіи отъ своихъ городовъ: одни получали сумму въ основу запаснаго капитала, другіе—только гарантію кредита въ случай такого пожарнаго убытка, который бы не могъ покрыться суммою собранныхъ премій. И вотъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, каждое изъ этихъ обществъ не только не воспользовалось хотя бы частью изъ своего основнаго капитала и обѣщаннымъ кредитомъ; но успѣло накопить и свой запасный капиталъ и остатковъ отъ ежегодныхъ премій. Ни одно изъ нихъ, во все время своего существованія (а нѣкоторымъ уже перешло за пятнадцать лѣтъ), не воспользовалось ни одною копѣйкою пособія со стороны правительства, и только одно крошечное общество въ послѣднее время потерпѣло отъ нѣсколькихъ большихъ пожаровъ сряду и истощивъ свой запасный капиталъ, накопленный въ прежніе годы, принуждено была обратиться къ городскому кредиту.

А между тѣмъ нельзя сказать, что бы условія для развитія этихъ обществъ были очень благоприятны: большинство городскихъ обывателей не вступали и до сихъ поръ не вступаютъ въ члены обществъ, особенно собственники изъ темнаго люда, который очень легко напугать и очень трудно вразумить. Слѣдовательно, самая меньшая часть страховыхъ премій, платимыхъ тѣмъ или другимъ городомъ, поступала въ кассы обществъ взаимнаго страхованія, а бѣольшая—шла въ руки акціонеровъ другихъ обществъ, не смотря на то, что преміи этихъ послѣднихъ были значительно выше тѣхъ, какія брались обществами взаимнаго страхованія. Но, по крайней мѣрѣ, люди бѣдные, которымъ до того времени было не подъ силу страховаться въ акціонерныхъ обществахъ, начинали понемногу при-
мыкать къ обществамъ взаимнаго страхованія, съ желаніемъ обезпечить себя отъ

разоренія на случай пожаровъ. Въ этомъ, конечно, нужно видѣть одну изъ главныхъ пользъ общества взаимнаго страхованія—привлечь небогатыхъ или даже бѣдныхъ людей къ страхованію своего имущества, т. е. способствовать сохраненію народнаго богатства, которое у насъ такъ безопадно истребляется огнемъ, значить, сокращать и тѣ миллионы рублей, которые правительство должно тратить на пособіе несчастнымъ погорѣльцамъ. Имѣя это въ виду, очень важно обществамъ взаимнаго страхованія получить больше возможности убавлять страховую премію и тѣмъ привлекать большее число малосостоятельныхъ страхователей.

Но государственный налогъ на страхователей, объявленный въ 1879 г., вредно повліялъ на дальнѣйшее развитіе обществъ взаимнаго страхованія. Если для однихъ платить 75 коп. съ каждой тысячи рублей страхуемаго имущества не оставляло особенной тягости, то для другихъ это сдѣлалось очень чувствительнымъ, и всѣмъ одинаково обиднымъ—платить пошлину за свою осторожность и предусмотрительность; тогда какъ люди, отказывающіяся отъ страхованія по безпечности и по другимъ причинамъ, избавляются отъ этого расхода, не смотря на то, что въ случаѣ пожарнаго несчастія, они-то и обратятся за правительственною помощію. Со введеніемъ пошлины, въ нѣкоторыхъ обществахъ произошло явленіе, которое можно назвать несомнѣнно естественнымъ: пришлось платить пошлины больше, чѣмъ страховой преміи, такъ какъ иныя общества достигли такого неблагоприятнаго состоянія, что могли уменьшать эти преміи и брать менѣе 75 коп. съ тысячи. Необходимость представить правительству такое затруднительное положеніе несостоятельныхъ собственниковъ по отношенію къ страхованію ихъ имуществъ чувствовалась всѣми, но ни одно изъ обществъ не рѣшалось на то; по пословицѣ: „одинъ въ полѣ не воинъ“.

Много затрудняло развитіе обществъ и то обстоятельство, что полисы акціонерныхъ страховыхъ обществъ принимаются залогомъ по акцизу и по подрядамъ казною, тогда какъ общества взаимнаго страхованія не пользуются этимъ правомъ, и каждое изъ нихъ въ отдѣльности можетъ получить его только по усмотрѣнію министра финансовъ. Но до сихъ поръ ходатайства и самыхъ богатыхъ изъ нихъ не увѣнчивались успѣхомъ. Въ то же время копились у обществъ и другія работы. Хотя они и убѣждались, что можно вести съ успѣхомъ дѣло взаимнаго страхованія при обыкновенныхъ пожарахъ; но въ виду того, что въ нашихъ городахъ огонь истребляетъ цѣлыя кварталы, каждое изъ нихъ тревожилось мыслью: что если подобное случится и съ нашимъ городомъ? Въ этомъ случаѣ или бы далеко не достаточны всѣ тѣ средства, какими можетъ распоряжаться каждое общество въ отдѣльности. Акціонерныя общества обезпечиваютъ себя съ слишкомъ большихъ убытковъ перестраховкой въ другихъ обществахъ—русскихъ и заграничныхъ. Но подражать имъ не могутъ общества взаимнаго страхованія: ихъ страховыя преміи ниже премій акціонерныхъ и при перестраховкѣ приходилось бы дѣлать значительно невыгодныя приплаты, что было бы для

них разорительно. Дѣлать же перестраховки между собою по добровольному соглашенію они не могли безъ нарушенія своихъ уставовъ. Мало по малу всѣми обществами стала чувствоваться нужда во взаимной помощи, нужда въ общемъ союзѣ, какъ въ крѣпкой опорѣ для каждаго общества въ отдѣльности. Нѣкоторые изъ нихъ снеслись письменно между собою и просили петербургское общество сдѣлать починъ, т. е. ходатайствовать передъ правительствомъ о разрѣшеніи съѣзда представителей русскихъ обществъ взаимнаго страхованія. И вотъ наконецъ общее желаніе исполнилось. Правленіе петербургскаго общества, заручившись согласіемъ министра внутреннихъ дѣлъ на съѣздъ въ Петербургъ, разслало всѣмъ обществамъ взаимнаго страхованія приглашеніе съ вызовомъ отъ нихъ тѣхъ вопросовъ, которые обсудить было желательно на съѣздѣ. Такихъ вопросовъ оказалось семнадцать. Изъ нихъ и была составлена программа съѣзда, которая была разослана на предварительное обсужденіе ко всѣмъ обществамъ. Двадцать шесть обществъ назначили своихъ представителей на съѣздъ съ правомъ совѣщательнаго голоса. Прочіе хотя никого не прислали, но заявили, что они не безучастно относятся къ съѣзду, прося доставить имъ окончательныя его рѣшенія. Предсѣдателемъ съѣзда былъ назначенъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ помощникъ петербургскаго градоначальника, тайный совѣтникъ И. В. Турчаниновъ. Въ числѣ собравшихся представителей были даже изъ далекихъ окраинъ русской земли, какъ изъ Кишинева, Одессы, Таганрога, Житомира, Елизаветграда, Екатеринослава, Николаева и др. Засѣданія съѣзда произвели весьма пріятное впечатлѣніе, какъ искусствомъ предсѣдателя вести пренія такъ и сердечными отношеніями къ дѣлу всѣхъ представителей.

Въ первомъ засѣданіи были разсмотрѣны всѣ намѣченные въ программѣ вопросы: одни изъ нихъ не требовали большихъ разсужденій и рѣшены окончательно, другіе же вызвали продолжительныя объясненія и пренія, и наконецъ, рѣшенныя принципиально, переданы для разработки въ подробностяхъ отдѣльнымъ комисиямъ, между которыми и распредѣлилась бѣольшая часть представителей обществъ. Къ наиболѣе важнымъ изъ этихъ послѣднихъ вопросовъ относятся: 1) о перестрахованіи имуществъ, принимаемыхъ на страхъ одного общества взаимнаго страхованія, въ другихъ страховыхъ обществахъ; 2) объ образованіи общаго вспомогательнаго капитала на поддержку возникающихъ вновь обществъ взаимнаго страхованія и существующихъ нынѣ, въ случаѣ разстройства ихъ дѣлъ въ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ; 3) объ обязательномъ страхованіи въ городахъ, гдѣ существуютъ общества взаимнаго страхованія, всѣхъ безъ исключеній имуществъ въ мѣстномъ обществѣ; 4) объ освобожденіи обществъ взаимнаго страхованія отъ взиманія со страхователей казенной пошлины; 5) объ избраніи одной изъ столичныхъ газетъ органомъ распространенія въ Россіи свѣдѣній объ обществахъ взаимнаго страхованія, 6) объ учрежденіи періодическихъ съѣздовъ

давѣ для дальнѣйшаго обсужденія вопросовъ о возможно большемъ распространѣннн взаимнаго страхованія въ Россіи.

Еще въ началѣ засѣданія было заявлено, что всѣ рѣшенія съѣзда не будутъ составлять постановленій, обязательныхъ для каждаго общества въ отдѣльности: обязательно только для каждаго представителя сообщить эти рѣшенія въ общемъ собраннн членовъ своего общества, которые и рѣшатъ, выгодно или нѣтъ принять то или другое положеніе съѣзда. Комиссіи, обсудивъ и разработавъ всѣ порученные имъ вопросы, внесли свои труды на разсмотрѣніе общаго собранія съѣзда. Здѣсь, для прочности обществъ взаимнаго страхованія, окончательно былъ признанъ спасительнымъ союзъ между ними, основанный на перестрахованнн имуществъ и на образованнн общаго вспомогательнаго капитала. Но перестрахованіе должно быть организовано совѣмъ не на такихъ началахъ, какнхъ держатся акціонерныя страховыя общества, т. е. одно общество отдаетъ большую или меньшую часть взятаго имъ на страхъ имущества другому обществу и платитъ ему извѣстную премію, съ тѣмъ, что въ случаѣ пожара убытки отъ него распредѣляются между двумя обществами. въ условленной пропорціонности. Вступившія въ союзъ общества взаимнаго страхованія не выплачиваютъ другъ другу никакихъ премій; но только распредѣляютъ между собою риски, т. е. общество, согласившееся принять отъ другаго часть застрахованнаго тамъ имущества, передаетъ и ему часть застрахованнаго у него имущества соотвѣтственной стоимости. Обществамъ предоставляется вступать въ союзъ между собою въ неограниченномъ числѣ и распредѣлять между собою всѣ свои риски, но такъ, чтобы каждое удерживало за собою не менѣе 50⁰ собственнаго риска. Выгода для каждаго изъ нихъ заключается въ томъ, что оно можетъ передать нѣсколькимъ обществамъ половину стоимости всего взятаго имъ на страхъ имущества, взявъ въ обмѣнъ на свою отвѣтственность такую же стоимость, но не изъ одного общества, а изъ нѣсколькихъ, т. е. разбросавъ свой рискъ по многимъ мѣстностямъ. Нельзя, конечно, предположить, чтобы во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ въ одинъ и тотъ же годъ были такіе пожары, за которые бы пришлось выдать всѣ 50⁰ риска, распредѣленнаго между тѣми мѣстными обществами. Придется, конечно, заплатить въ то или другое союзное общество небольшую часть понесеннаго тамъ пожарнаго убытка, а между тѣмъ, въ случаѣ какаго бы ни было пожара въ своемъ собственномъ районѣ, общество выплачиваетъ изъ своихъ средствъ только половину всего убытка, а остальную собираетъ съ прочихъ обществъ, вступившихъ съ нимъ въ союзъ. Все это основано на томъ соображеннн, что тѣмъ на большее пространство разбѣяны застрахованныя имущества, тѣмъ менѣе риска потерпѣть значительные пожарныя убытки, такъ какъ въ одно и то же время не могутъ горѣть всѣ эти имущества; между тѣмъ какъ, заключенныя въ незначительномъ районѣ, въ нѣсколько часовъ всѣ они могутъ выгорѣть. Отсюда ясно, какую выгоду представляетъ такое распредѣленіе риска,

какое предлагается съѣздомъ представителей обществъ взаимнаго страхованія. Уже одна подобная мѣра должна поставить прочно страховое дѣло въ Россіи, основанное на взаимности.

Но въ подкрѣпленіе къ этому съѣзду принялъ еще проектъ образованія вспомогательнаго капитала для тѣхъ обществъ, которыя пожелають вступить между собою въ союзъ независимо отъ союзовъ по перестрахованію. Къ этому капиталу можетъ обращаться каждое изъ союзныхъ обществъ, только по истощеніи всѣхъ своихъ мѣстныхъ средствъ. Для его составленія каждое обязывается ежегодно вносить по 10% съ суммы годовыхъ премій, чѣмъ и пріобрѣтаетъ себѣ право пользоваться, въ случаѣ нужды, изъ вспомогательнаго капитала ссудою въ десять разъ болѣе внесенной туда суммы, и затѣмъ выплачивать ежегодно 6% (въ томъ числѣ 2% погашенія). Но такъ какъ въ первое время вспомогательный капиталъ не можетъ собраться въ значительной суммѣ и будетъ расти медленно, то съѣздъ положилъ ходатайствовать предъ правительствомъ о гарантіи кредита на чрезвычайный случай, до тѣхъ поръ, пока собственный капиталъ общества не будетъ представлять значительной цифры. Еслибы какому нибудь изъ обществъ, участвующихъ въ составленіи вспомогательнаго капитала, впоследствии, по какому-либо случаю, пришлось ликвидировать свои дѣла, то оно имѣетъ право получить обратно всѣ тѣ суммы, которыя оно вносило изъ своихъ страховыхъ премій.

Что касается до вопроса объ обязательномъ страхованіи всѣхъ имуществъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ существуютъ общества взаимнаго страхованія, то съѣздъ нашелъ, что, при возможности распредѣленія риска и при вспомогательномъ капиталѣ, желательно было бы и обязательное страхованіе; причѣмъ каждому обществу должно быть предоставлено право отказываться отъ тѣхъ имуществъ, принятіе которыхъ на страхъ ему покажется почему либо слишкомъ рискованнымъ.

Единодушно также рѣшилъ съѣздъ обратиться къ правительству съ ходатайствомъ объ освобожденіи обществъ взаимнаго страхованія отъ взиманія со страхователей казенной пошрины, доказывая, что на эти общества слѣдуетъ смотрѣть не какъ на коммерческія предпріятія, а какъ на общества самопомощи, которыя, въ случаѣ большаго несчастія съ нѣкоторыми изъ его членовъ, могутъ потребовать очень чувствительныхъ пожертвованій отъ прочихъ, за что было бы несправедливо каждаго изъ членовъ облагать особою казенною пошлиною.

Для болѣе связи между обществами взаимнаго страхованія, съѣздъ призналъ полезнымъ время отъ времени повторять съѣзды представителей существующихъ обществъ, и не только общіе со всей имперіи, но и областные или частные, такъ какъ при огромномъ пространствѣ русской имперіи условія жизни въ разныхъ частяхъ ея слишкомъ расходятся, и въ виду этого полезно было бы иногда съѣзжаться представителямъ обществъ, входящихъ въ извѣстны

районъ, какъ напр. южныхъ губерній или западныхъ и проч. Для подготовки къ каждому съезду, собраніе представителей обществъ взаимнаго страхованія нашло полезнымъ имѣть въ Петербургѣ особое бюро, которое бы сносилось со всѣми обществами и могло бы доставлять каждому изъ нихъ нужныя свѣдѣнія. Бюро должно состоять изъ распорядителей правленій обществъ: петербургскаго, царскосельскаго, гатчинскаго и кронштадтскаго. Ему же слѣдуетъ поручить и изданіе особаго органа обществъ взаимнаго отъ огня страхованія для возможно большаго распространенія этого дѣла въ Россіи.

10-го декабря было послѣднее засѣданіе съезда. На немъ были прочтаны журналы всѣхъ семи засѣданій. И затѣмъ предсѣдатель и представители обществъ взаимно благодарили другъ друга за единодушное стремленіе разрѣшить основательно всѣ поставленные вопросы, составляющіе жизненный интересъ взаимнаго страхованія.

Всѣ разстались съ надеждой, что настоящая почва опредѣлена и что поработали не безплодно. Чтó найдетъ правительство возможнымъ принять и утвердить изъ всего выработаннаго, это, конечно, не намъ знать... Но мы считали это дѣло живымъ и важнымъ для всей Россіи, потому такъ и распространились о немъ, тѣмъ болѣе, что оно росло въ тишинѣ, и публика почти ничего не знала о немъ.

ЛИЗА ФЛЁРОНЪ.

Романъ Жоржа Онэ.

III.

Шумъ отворившейся двери вывелъ его изъ задумчивости. Изъ-за портьеры показался маленькій худощавый человекъ съ невзрачною наружностью, съ сѣрыми, очень быстрыми глазами; онъ вошелъ въ шляпѣ, съ озабоченнымъ видомъ и со связкой ключей въ рукахъ.

— Прошу извинить меня, милостивый государь, сказалъ онъ съ очень замѣтнымъ южнымъ акцентомъ, — я, противъ своего желанія, заставилъ васъ дожидаться...

Лабарръ грустно покачалъ головой: губы его полуоткрылись и онъ отвѣтилъ тихимъ, немного дрожащимъ отъ волненія, голосомъ.

— Я давно привыкъ къ этому и мнѣ слѣдовало бы извиниться передъ вами; кажется, я пришелъ не во время. Причина моей поспѣшности заключается въ вашемъ любезномъ письмѣ. Я надѣялся, — можетъ быть, напрасно, — на счастливый результатъ и поторопился узнать свою судьбу.

Клавдій улыбался, стараясь ослабить просительный тонъ своихъ словъ. Онъ готовъ былъ броситься къ ногамъ этого человека, а между тѣмъ не желалъ показать своего униженія предъ нимъ. Устремивъ на Ромбо взглядъ, способный разжалобить даже камень, онъ съ тоскою ждалъ роковаго приговора.

Ромбо сидѣлъ въ креслѣ, опершись подбородкомъ на руку, и, внимательно слушая, глядѣлъ на молодаго писателя. Широкой лобъ, задумчивый взоръ, ироническая улыбка поразили Ромбо и произвели на него глубокое впечатлѣнiе; онъ предугадывалъ, что этотъ человекъ, такъ робко стоявшій теперь передъ нимъ, со временемъ заставить публику преклониться предъ собою. Предусмотрительный, какъ игрокъ, Ромбо рѣшился съ перваго же раза привязать его къ себѣ посредствомъ признательности. Онъ уже давно научился угадывать

тревожное состояніе просителя, вызываемое страхомъ, и потому тотчас же замѣтилъ влажные виски Лабарра и конвульсивно подергиваемыя руки, которыхъ тотъ не могъ держать спокойно. Ему хотѣлось, чтобы первое сказанное имъ слово молодому писателю осталось для него памятнымъ навсегда, какъ бы ни была впоследствии велика и блистательна его слава.

— Вы отлично сдѣлали, что пришли, сказалъ онъ,—и если бы вы замедлили, то я самъ пришелъ бы къ вамъ. Намъ нужно условиться насчетъ распредѣленія ролей въ вашей пьесѣ, такъ какъ я рассчитываю въ скоромъ времени поставить ее на сцену.

Лабарръ стоялъ молча, совсѣмъ ошеломленный; такъ неожиданно было для него это давно желаемое счастье.

— Я продержу на сценѣ пьесу Камбри до закрытія театра; въ этомъ году и мы прекращаемъ спектакли... а тамъ, когда театры опять отероются, мы разучимъ „Кутиль“. Вы видите, я рассчитываю на вашу драму.... На ней будетъ держаться весь мой зимній сезонъ....

Онъ могъ бы говорить безъ конца: Лабарръ не слушалъ его болѣе. Слова Ромбо доносились до его ушей, какъ невнятное жужжанье. Только одна фраза упрямо и побѣдоносно вертѣлась у него въ головѣ:—«его пьесу скоро поставятъ на сцену!»—И предъ его отуманеннымъ взоромъ, точно въ миражѣ, предстали то веселыя, то грозныя дѣйствующія лица его пьесы. Теперь они получили образъ и форму своихъ исполнителей и вдругъ сдѣлались живыми, проходили мимо и кланялись ему съ дружеской улыбкой. Кто-то положилъ ему на плечо руку и прервалъ его грезы: предъ нимъ стоялъ Ромбо.

— Извините меня, пожалуйста, милостивый государь, наивно отвѣтилъ Клавдій,— какъ видите, радость была такъ велика, что я немного растерялся. Я не ожидалъ такого быстрого результата, зная какъ много принято у васъ въ театрѣ пьесъ.

Ромбо засмѣялся.

— Пьесъ въ театрахъ всегда бываетъ много... Главное, нужно имѣть хорошую. У меня есть онѣ всѣхъ родовъ, продолжалъ онъ, указывая на рукописи, лежавшія кучами на письменномъ столѣ,—и пьесы, подписанныя извѣстными именами....

При словѣ «извѣстными», его голосъ зазвучалъ напыщенно.

— Пьесы хорошія, безпорно, но состряпанныя по избитому шаблону. Нѣтъ ничего оригинальнаго, ничего новаго, что могло бы возбудить любопытство публики. Вѣдь публика страшно пресыщена! Ей все знакомо и, чтобы ей угодить, нужна новинка. Ваша пьеса, своими неожиданными положеніями, своимъ рѣзкимъ слогомъ, наконецъ сво

ими достоинствами и недостатками, способна заинтересовать публику. Своеобразная пьеса невѣдомаго автора... Вѣдь ваши пьесы еще не были играны, не правда-ли? Въ какихъ нибудь маленькихъ театрахъ? Но это все равно! Мнѣ былъ нуженъ такой человѣкъ, какъ вы, и притомъ еще съ талантомъ, что не портитъ дѣла, напротивъ... Если только на этотъ разъ вы будете имѣть успѣхъ и если заготовили еще сюжеты для новыхъ пьесъ, то я сдѣлаю изъ васъ перваго драматическаго писателя нашего времени...

Лабарръ жестомъ выразилъ робкое сомнѣніе при такомъ внезапномъ обѣщаніи блестящей будущности.

— Старики умирають, продолжалъ Ромбо, — а мои конкуренты, парижскіе директоры театровъ, ничего не сдѣлали въ продолженіе десяти лѣтъ, чтобы приготовить имъ преемниковъ. Они задушили все новое литературное поколѣніе, которое только и жаждало труда. Каждый кто могъ писать пьесы, пишетъ теперь въ журналахъ или въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Театръ остался исключительнымъ удѣломъ семи-восьми извѣстныхъ, привилегированныхъ авторовъ; всѣ другіе писатели были принуждены искать инаго рода занятій. Надо же жить чѣмъ нибудь! Нынче нѣтъ середины. Театръ или не даетъ человѣку куска хлѣба, или обогащаетъ его. Посмотрите, какъ размножаются типографіи и какое изобиліе сотрудниковъ въ журналахъ. И у всѣхъ, какъ у романистовъ, такъ и у журналистовъ, есть талантъ. У нѣкоторыхъ даже очень выдающійся!... Какъ же вы, чортъ возьми, избѣжали этого по-вѣтрія и упорно отдались театру? Должно быть, вы, подобно отшельникамъ, довольствуетесь однимъ яйцомъ и кусочкомъ сыра, купленнаго за два су... Не такъ-ли? Но не у всѣхъ желудокъ пріученъ къ такой воздержности. Въ нашъ вѣкъ желаютъ наслаждаться жизнью, ваши молодые братья свернули на окольный путь. Вы знаете, что такое театръ, не правда-ли? Вы знакомы съ этимъ рынкомъ? Директоры не принимаютъ другихъ пьесъ, кромѣ пьесъ знаменитаго Машэна или прославленнаго Шоза. А эти великіе писатели уже отжили свой вѣкъ... И никого нѣтъ, чтобы наслѣдовать имъ... Мои собраты предпочитаютъ скорѣе ставить устарѣвшія пьесы, которыя не принесутъ имъ ни гроша, чѣмъ играть новыя... Такимъ образомъ, они не способствуютъ успѣху театра, по и не рискуютъ прогорѣть... Убытокъ — это ихъ кошмаръ... Все, что угодно, только бы не подвергнуться этому!.. Нѣтъ успѣха, что дѣлать! по крайней мѣрѣ, нѣтъ и убытка. Спросите директоровъ, они отвѣтятъ вамъ, что у нихъ нѣтъ пьесъ. Это вздоръ! Пьесы у нихъ есть. Они просто не хотятъ ихъ играть, да и только. А почему? Потому что они — круглые невѣжды, неспо-

обычные оцѣнить произведеніе. Вслѣдствіе этого, они стараются уклониться... а театръ мало по малу оскудѣваетъ, какъ земля, лишенная бработки. Я не хитрѣ ихъ, но не боюсь рискнуть кошелькомъ и мѣло ставлю пьесу, если инстинктивно чувствую, что она хороша. Мнѣ нѣтъ дѣла до того, чья она; я ищу, что въ ней есть, и принимаю пьесы преимущественно новичковъ, чтобы имѣть возможность дольше вести дѣла съ ними. Я буду пробовать пьесы молодыхъ авторовъ неустанно, до тѣхъ поръ, пока не наткнусь на первоклассный талантъ, который вознаградитъ меня за все, что потеряю на другихъ.

Ромбо остановился и пристально смотрѣлъ на Лабарра, какъ будто изучая его задумчивое симпатичное лицо, его четырехъугольный подбородокъ, обличавшій твердую волю, и тонкій изгибъ его насмѣшливыхъ губъ. Затѣмъ, прекративъ свою южную говорливость, онъ резко прибавилъ:

— Милый мой, постарайтесь быть человѣкомъ въ этомъ родѣ и ставьте состояніе какъ мнѣ, такъ и самому себѣ!

Онъ отперъ обитую войлокомъ дверь, ведущую въ коридоръ, и, брякивая ключами, прошелъ, продолжая фамиллярно разговаривать своимъ новымъ писателемъ, мимо писца, который послѣшно подбѣжалъ съ мѣста, бросивъ чтеніе своей иллюстрированной газеты.

— Ахъ! сказала Ромбо,—сегодня вечеромъ мы празднуемъ сотое представленіе пьесы Камбри. Не доставите-ли вы мнѣ удовольствіе вашимъ присутствіемъ?... Вы познакомитесь съ вашими будущими исполнителями.

Дверь въ кабинетъ секретаря была полуотворена; онъ толкнулъ ее и пропустилъ впередъ себя Лабарра.

— Делессаръ, не осталось-ли пригласительныхъ билетовъ на седняшній вечеръ? спросилъ Ромбо, садясь на низенькій диванъ, извѣщавшій при этомъ металлическій звукъ.

Секретарь порылся въ ящикѣ и вынулъ оттуда карточку, кругомъ которой одинъ извѣстный художникъ нарисовалъ своимъ смѣлымъ карандашомъ цѣлую фарандолу лицъ, участвующихъ въ пьесѣ, а поединѣ, въ двойномъ медальонѣ—Ромбо съ его хитрой, насмѣшливой физиономіей, и Камбри съ его серьезнымъ, вдохновеннымъ лицомъ.

— Для кого? спросилъ Делессаръ.

— Для г-на Лабарра, отвѣтилъ Ромбо, указывая на Клавдія.

Затѣмъ, какъ бы желая поправить свою оплошность, онъ прибавилъ:

— Но сначала позвольте представить васъ другъ другу!... Г-нъ Клавдія Делессаръ, мой секретарь, одинъ изъ блестящихъ писателей

театральной прессы... Г-нъ Клавдій Лабарръ, авторъ «Кутиль», драма которую мы скоро поставимъ...

Делессаръ приподнялся съ кресла, молодые люди обмѣнялись поклонами. Секретарь, не произнеся ни слова, сѣлъ надписать имя автора на билетѣ. Недовольная, завистливая улыбка скривила его ротъ и перо заскрипѣло по бристольской бумагѣ, начертывая буквы невѣстнаго имени «Лабарръ», которое завтра могло сдѣлаться знаменитостью.

— Вотъ, сказала Делессаръ, посыпавъ пескомъ надпись, и протянулъ Клавдію небольшую карточку—свидѣтельство новой приобретенной власти.

Ромбо, сопровождавшій Лабарра, направился чрезъ коридоръ, спустившись по маленькой лѣстницѣ, отворилъ желѣзную дверь: предъ нимъ вдругъ очутилась темная глубина сцены. Декорация перваго акта была уже поставлена. Глубокая тишина царствовала въ этомъ громадномъ пространствѣ, а сверху, сквозь деревянный переpletъ около свода, падалъ дневной свѣтъ на опускающіяся рѣшетки и мосты. Лабарръ сильно постучалъ ногою въ полъ, который съ этихъ пор сдѣлался его достояніемъ. Онъ вступилъ во владѣніе имъ. Окинувъ взглядомъ мрачную залу, простиравшуюся предъ его глазами, онъ какъ будто хотѣлъ вывѣдать отъ нея тайну своей будущей судьбы. Зала была нѣма. Лабарръ мысленно сказалъ себѣ:— «Я заставлю притянуть мою мысль въ самую глубь этой залы, я воспламеню ея увлеку и вырву у нея рукоплесканія. Я увижу ее настолько лучше, яркой, шумной и воодушевленной, насколько она мрачна, неподвижна и молчалива теперь». И онъ поднялъ руку, какъ будто зывалъ ее на бой.

Ромбо отворилъ другую желѣзную дверь, рядомъ съ будкой гарнизонщика, и они попали въ коридоръ передъ мѣстами для оркестра. Они слѣдовали точно въ подземельѣ по, направленію къ дальнейшей свѣтлой точкѣ, и подошли къ одной изъ двухъ входныхъ дверей съ пунцовыми бархатными портьерами, находившимися по обѣимъ сторонамъ кассы. Ромбо потянулъ къ себѣ дверь и они очутились въ будкѣ. Въ глубинѣ своей будки, за рѣшетчатой форточкой, около которой молчаливый и праздный полицейскій сержантъ сидѣлъ на табуретѣ, кассирша приводила въ порядокъ вѣдомость продажи мѣстъ въ театрѣ. Директоръ подошелъ къ ней и, облокотясь на выступъ, любезно спросилъ:

— Хорошъ у насъ сборъ сегодня, г-жа Сеньеръ?

-- До трехъ часовъ шло туго, отвѣтила съ гримасой кассирша

маленькая, маленькая женщина съ умными глазами... Но послѣ биржи шло хорошо... За ложи и кресла выручено.. Въ настоящую минуту имѣемъ двѣ тысячи двѣсти...

Она быстро пробѣжала листъ, проводя по немъ кончикомъ пера.

— Унасъ остается шесть ложъ... мы ихъ продадимъ... четыре стуара... ну, это труднѣе... Съ дешевыми мѣстами наберется болѣе трехъ тысячъ.

— Превосходно! Мнѣ хотѣлось бы по стольку же выручить еще тридцати представлений...

— А вы развѣ забыли, возразила г-жа Сенъеръ,—вѣдь сегодня кое какое представленье? Найдутся люди, которые обратятъ на это вниманье, надѣясь, что ихъ угостятъ чѣмъ-нибудь другимъ поновѣе... Ну, а мы выручимъ двѣ тысячи пятьсотъ, а чрезъ недѣлю—полторы тысячи.

Ромбо одобрительно кивнулъ головою кассиршѣ, и, взявъ за руку Лабарра, сказалъ ему, указывая на г-жу Сенъеръ:

— Видите вы эту дамочку? Ну, такъ это одна изъ самыхъ популярныхъ сотрудницъ въ театрѣ. Она отличается умѣньемъ продавать билеты... Тамъ, гдѣ всякая кассирша выручила бы тысячу двѣсти билетовъ, она ухитряется выручить тысячу восемьсотъ. Какимъ образомъ? Неизвѣстно! это зависитъ отъ цвѣта волосъ, отъ формы лица, отъ звука голоса. Она нравится!.. Приходятъ брать два мѣста на балконѣ, она сбываетъ ложу перваго яруса... О! она хорошо знаетъ свое дѣло... И внимательна ко всему, что касается театра... Каждая-то сцена произведетъ эффектъ... въ такомъ-то мѣстѣ провалится... Предскажетъ фiasco или успѣхъ... А главное, хороший сборъ, или плохой... И никогда не ошибется! Она неоцѣнима!.. Постарайтесь подружиться съ ней.

Было пять часовъ. Движеніе на бульварахъ усилилось. Террасы ресторановъ наполнились посѣтителями; на галереѣ начинали останавливаться завсегдатаи театра, артисты, писатели, журналисты. Они шутили и болтали о приключеніяхъ дня. Тамъ ежедневно, отъ пяти до шести часовъ, люди, искусство, политика проходили, какъ сквозной ветеръ, и каждый приносилъ свою долю новостей. Все, что бы ни происходило въ городѣ, тамъ было извѣстно. Репортеры театральнаго клуба забѣгали на минуту понюхать, что тамъ дѣлается, поймать эту какой нибудь пикантный анекдотъ или чувствительный пассажъ. Ромбо переходилъ отъ одного лица къ другому; кому брошено острое словцо, кому шепталъ что-то на ухо, никогда не пре-

небрегая рекламою, которая могла принести пользу „Современному Театру“.

Онъ представилъ Лабарра и разсыпался въ неистощимыхъ по хвалахъ о достоинствѣ его пьесы. Съ горячностью южанина, онъ заранѣе предвидѣлъ исходъ этого дѣла, и, сильно жестикулируя, казался, горстями загребалъ золото, сыпавшееся въ его кассу.

Лабарръ, перенесясь въ область фантазій, совершенно потерялъ самосознание. Ему казалось, что много времени протекло съ тѣхъ поръ, какъ онъ пришелъ къ Ромбо. Въ одинъ мигъ онъ мысленно облеталъ весь театръ, въ которомъ вдругъ сталъ властелиномъ, гдѣ для него не было больше ни преградъ, ни запретовъ, ни тайнъ. Директоръ, прежде внушавшій ему невольную боязнь, къ которому онъ боялся подступиться, превратился теперь въ его друга, товарища, который отводитъ его въ сторону и говоритъ съ благосклонной улыбкой:— „Не правда-ли, Лабарръ?“—А онъ, поддаваясь увещанію, рѣжетъ напрямикъ, высказывая свое мнѣніе, какъ человѣкъ сознающій свое достоинство и чувствующій, что призванъ занять первое мѣсто въ этомъ мірѣ искусствъ, гдѣ въ одинъ вечеръ и непризнаннаго, неизвѣстнаго, можно сдѣлаться предметомъ поклоненія и славы. Полное, неподдѣльное счастье всецѣло поглотило молодого человѣка; онъ наслаждался своимъ положеніемъ и находилъ, что цѣною десятилѣтняго труда и борьбы онъ недостаточно заплатилъ за испытываемыя душевныя радости.

Гуляющіе по бульвару замѣтили толпу людей, собравшуюся въ верхнихъ ступенькахъ подъѣзда, и, внимательно ее разсмотрѣвъ, узнали нѣсколько знакомыхъ лицъ. Лабарръ былъ счастливъ, чувствуя на себѣ ихъ взглядъ. Его энергія удесятерилась, онъ былъ способенъ на неимоверныя усилія, чтобы остаться всегда на виду и привлекать еще болѣе вниманія публики. Ему хотѣлось слышать, чтобы всѣ произносили его имя, чтобы прохожіе останавливались на ходу и говорили:

— Смотрите, вотъ авторъ „Кутиль“!

Но вдругъ онъ вспомнилъ, что въ этой средѣ онъ еще посторонній. Правда, его хорошо приняли, но это только первый шагъ къ будущему. Ему еще нужно доказать, что онъ достоинъ считаться въ числѣ тѣхъ, „на кого смотрять“, и ему невольно пришла на память его неудача въ театрѣ Клюньи. Въ одну минуту ему представилось, что наступила темнота, солнце скрылось, онъ задрожалъ. Нежели онъ достигъ всего только затѣмъ, чтобы снова упасть и исчезнуть. Тайный голосъ шепталъ ему:— „Нѣтъ!“—У него было предчув-

вѣ, что теперь судьба сжалилась надъ нимъ и направляетъ его къ слабой цѣли. Онъ холодно осмотрѣлся кругомъ и покаялся не ступать, не поддаваться увлеченію, а вести дѣло твердою рукою, само управлять своей ладьей, такъ какъ подъ ласкающими волнами, торья его такъ сладко ублаживали въ эту минуту, онъ замѣчалъ рытые, чрезвычайно опасныя подводныя камни. Мало по малу онъ развился и началъ обращать особенное вниманіе на все, что его ружало, рѣшившись воспользоваться всѣмъ ради одного лишь обязательства, получившаго съ этихъ поръ въ его глазахъ большое значеніе: его будущности.

Сначала Клавдія поразило то странное удволеніе, съ какимъ ружающіе его злословили всѣхъ и все. Въ нѣсколько минутъ по пьеса, игранная наканунѣ, ея авторъ и исполнители были разорваны по косточкамъ со страшною жестокостью. Никого не пощади! Завязка была стара, какъ свѣтъ, монологи плоски, какъ ноги ректора. „Простушка“ только что втихомолку родила ребенка, когда выдаетъ за своего маленькаго брата, а первый любовникъ вырвался жениться на очень богатой старухѣ, скопившей деньги военными связями и теперь жившей на покоѣ. Что же касается автора, то онъ не написалъ ни одной строчки въ пьесѣ, въ чемъ и заключается его оправданіе.

— За него работаютъ арестанты въ тюрьмахъ, прохрипѣлъ вошедшій комикъ высокаго роста, съ синимъ, худо выбритымъ лицомъ и маленькими глазками, въ которыхъ свѣтился умъ.

— А! Павильи! Ну, что твое воспаление въ горлѣ?—Актеръ принялъ робкій видъ и покачалъ головой, смотря на Ромбо.

— Совсѣмъ изнемогъ! Меня суютъ вездѣ... Я играю во всѣхъ пьесахъ... но мнѣ даютъ самыя ничтожныя роли!.. Кромѣ, того у меня есть уроки... Очень утомительно!

— А, кромѣ того, ты безъ умолку говоришь... все говоришь...

— Онъ играетъ на сценѣ роли въ полтора ста строчекъ, сказалъ Ромбо,—а въ городѣ—въ десять тысячъ строкъ. Послушай, ты долженъ поступить въ „Comédie Française“. Тамъ ты отдохнешь.

Взглядъ Павильи сверкнулъ, какъ молнія.

— Да, я могъ бы тамъ отдохнуть, но *они* скорѣй рѣшатся умереть, нежели допустятъ меня играть... *Они* знаютъ, что я всѣхъ ихъ затѣну и повоюю! *Они* мнѣ помѣшаютъ даже поступить туда.

— Разумѣется, воскликнулъ Ромбо.—Во-первыхъ, вы обязаны дослужиться у меня еще три года или заплатить пятьдесятъ тысячъ неустой-

ки... вы это знаете, Павильи... Будьте увѣрены, что я вамъ ихъ и прощу... Но...

— Вы не слыхали, дѣти мои, послѣднюю новость о Бернье? Нашъ прекрасный первый любовникъ переѣзжаетъ... Его квартира оказывается для него мала... Онъ говоритъ: „Я нанялъ маленькій домикъ. Мнѣ нужно удобное помѣщеніе... Я слишкомъ много сижу дома, большой домосѣдъ“.

— Голубчикъ! Подумайте, и всего этого онъ достигъ одинъ, безъ всякихъ усилій.

— Надо прицѣпиться и извлечь изъ него пользу! Этотъ малый — находка.

— О, пожалуй, что такъ!

Посреди этого перекрестнаго огня, смущенный Лабарръ думалъ, что никакое произведеніе, никакая личность не въ силахъ избѣжать подобныхъ жестокихъ насмѣшекъ. Завтра можетъ наступить и очередь. Уже Кретэ, этотъ опасный журналистъ, отвелъ въ уголокъ Делессара, вышедшаго изъ своего кабинета, и о чемъ-то съ любопытствомъ его спрашивалъ. Клавдію казалось, что взгляды хитривѣра обращены на него. Онъ чувствовалъ себя въ неловкомъ положеніи, замѣтивъ, какъ тотъ изподтишка улыбался. Клавдій наклонился и стрилъ уши, стараясь уловить изъ разговора нѣсколько фразъ.

— Громкое заглавіе, впрочемъ! сказалъ Кретэ... Меня это тревожитъ, потому что моя громадная пьеса будетъ отложена.

Лабарръ вздрогнулъ. Онъ вспомнилъ, что пьеса журналиста была принята въ „Современномъ Театрѣ“, слѣдовательно „Кутилы“, получивъ преимущество, встрѣтили въ немъ опаснаго соперника. Клавдій покраснѣлъ и рѣшился взглянуть на Кретэ.

— Ты поговоришь съ нимъ объ этой крошкѣ? сказалъ Кретэ Делессару... И если онъ добрый малый, то мы поладимъ...

Что это за крошка? подумалъ Лабарръ, не знавшій о страсти журналиста къ Розѣ Лоантье, одной изъ воспитанницъ Ромбо, плохой актрисѣ, но хорошенькой женщинѣ.

— Какъ видно, Ромбо, дѣла вашихъ артистовъ идутъ недурно, сказалъ Понсеронъ, театральныи докторъ, старикъ съ хитрымъ лицомъ, изысканно одѣтый. Я сейчасъ встрѣтилъ Тринкара въ собственной каретѣ... Сорванецъ чуть не раздавилъ меня!

— Э! докторъ! это биржа все намъ даетъ. Театральныи люди принялись за спекуляціи, слѣдуя примѣру джентльменовъ... Теперъ только и разговоры, что о преміяхъ, облигаціяхъ, да о дивидендахъ...

ни наживаются деньги, правда, но вѣдь это непродолжительно... Тогда въ мелкіе спекуляторы взлетятъ на воздухъ...

— Правду-ли мнѣ говорили, что де-Бривъ въ настоящее время уже запутался? спросилъ таинственно докторъ у Ромбо.

— Будьте спокойны, отвѣтилъ директоръ, — де-Бривъ хитеръ; когда почувствуетъ опасность, онъ отступитъ... Впрочемъ, я его вижу каждый день, и Нуно мнѣ обо всемъ сообщаетъ... Это — одинъ изъ моихъ пайщиковъ.

Карета, запряженная парю великолѣпныхъ вороныхъ лошадей, становилась передъ театромъ и привлекла вниманіе разговаривающихъ. Лакей соскочилъ съ козелъ, отворилъ дверцы и помогъ дамѣ выйти.

— Ба! Клемансъ Вилла, воскликнулъ Кретэ. — Съ какимъ шикомъ! но хорошо снабжаетъ деньгами Ромбо, а еще лучше снабжаетъ Клемансъ.

За актрисой изъ кареты вышла нагруженная картонами женщина.

— Обойдите кругомъ, закричала ей Клемансъ, остановясь. — Ступайте черезъ улицу Бонди, а то въ коридорахъ вы сломаете себѣ шею. Лучше сядьте въ карету, иначе все переменете въ толпѣ.

Затѣмъ, проворно пробѣжавъ по тротуару, Клемансъ поднялась на ступицу. Въ бѣлой касторовой, украшенной перьями шляпѣ, надѣтой на бекрень, въ длинной, котиковой шубѣ, отдѣланной шолковымъ ламантомъ и подбитой плюшемъ огненнаго цвѣта, съ раскраснѣвшимся отъ холода лицомъ и съ блестящими глазами, глядѣвшими въ подвѣсившійся подъ завитыхъ черныхъ волосъ, она была восхитительна. Окинувъ быстрымъ взглядомъ съ головы до ногъ Лабарра, какъ будто она оцѣнила его достоинство, причемъ молодой человекъ покраснѣлъ и смутился, она подошла къ Ромбо, который протянулъ ей руку.

— Я сейчасъ отъ портнихи, привезла новое бальное платье для этого акта... Какова я? Увидишь, что придется повторить пьесу не разъ пятьдесятъ... чтобы оплатить его моими разовыми!..

Затѣмъ, подойдя къ журналисту, она подставила ему щеку, весело обнувшись и выказавъ при этомъ рядъ своихъ бѣлыхъ, какъ перламутръ, зубовъ.

— Здравствуйте. Кретэ!.. Какъ поживаете? Боже мой! какую смѣшную исторію вы рассказали въ сегодняшнемъ фельетонѣ! Хорошо смеялись.

Жестикулируя, она отвела его въ сторону и шепнула на ухо:

— Пожалуйста, опишите мой туалетъ. Вы этимъ доставите удо-

вольствие Феликсу... Вы знаете, какой онъ славный. Мое платье просто прелесть, вы увидите!

— Хорошо, моя дорогая, будьте спокойны, отвѣтилъ Кретэ...—Ахъ да, вы участвуете въ новой пьесѣ?

— Въ какой новой пьесѣ? спросила Клемансъ, лицо которой вдругъ сдѣлалось жесткимъ и некрасивымъ, а голосъ—рѣзкимъ и отрывистымъ.

— Которая пойдетъ вслѣдъ за „Герцогиней“, драма, только что принятая Ромбо—„Кутилы“. Повидимому, очень замѣчательная! Какъ! вы не знаете этого?

Клемансъ не слушала больше журналиста, она кинулась къ Ромбо и, взявъ его за руку, отвела въ уголь басы, гдѣ принялась допрашивать точно на исповѣди.

— Послушай, что значить эта исторія? Ты ставишь новую пьесу?..

Ромбо подпрыгнулъ отъ удивленія и произнесъ съ досадой:

— Кто тебѣ это сказалъ?

— Кретэ, сию минуту.

— Проклятый болтуны!

— Отчего ты самъ мнѣ не сказалъ?

— Это только что сегодня устроилось.

Молодая женщина повачала головой и пристально посмотрѣла на Ромбо.

— О! Послушай, не финти со мной, я не первый день тебя знаю. Тутъ скрывается какая-то измѣна... Играю я въ твоей пьесѣ?

— Еще бы! возразилъ Ромбо любезнымъ тономъ.—Развѣ можешь поставить пьесу безъ тебя?

— Да, но дѣло въ томъ, какую мнѣ дадутъ роль. Довольно мнѣ служить выставкой для m-lle Флѣронъ! Она олицетворяетъ ангеловъ, а я чудовищъ... Это мнѣ надоѣло наконецъ! Я также симпатична, какъ и она, также хороша и также молода, какъ...

— Хм! Хм! произнесъ Ромбо, не будучи въ силахъ скрыть своей улыбки.

— Болванъ! На два-три года, не больше! Развѣ это берется и разсчитать на сценѣ? У меня не хуже талантъ, чѣмъ у нея!

— Талантъ въ другомъ родѣ! перебилъ Ромбо;—Такой же прекрасный, такой же полезный, но въ иномъ родѣ... И это большое счастье! Чтò сталъ бы я дѣлать, еслибъ у всѣхъ артистовъ былъ одинъ и тотъ же родъ таланта?

— О! я это знаю! вскричала актриса... Ты прикидываешься лис

предо мною, ты еще захочешь, чтобы я играла третьестепенную роль!

— Она неподобна!

— Ромбо! вскричала Клемансъ, поблѣднѣвъ, и слова ея просвистали сквозь стиснутые зубы.—Берегись, я ненавижу твою Флёронъ... Я знаю, почему ты ее выдвигаешь въ ущербъ мнѣ. Ты надѣешься, что она отплатитъ любезностями... Ты ошибаешься, мой милый... Она въ дружбѣ съ де-Бривомъ, твоя непорочная Лиза!..

— Это неправда! воскликнулъ горячо Ромбо.

— Если этого еще нѣтъ, то скоро будетъ...О! она заплатится мнѣ а него!.. Отбивать у меня роли и любовниковъ! Это ужъ черезчуръ!.. Я не знаю, что бы я сдѣлала съ этой дрянью!

Эти слова, произнесенныя съ такимъ бѣшенствомъ, совсѣмъ ошеломили Ромбо. Онъ зналъ, что Клемансъ завидовала Лизѣ; но услыхавъ въ яростномъ голосѣ актрисы, губы которой поблѣднѣли и тряслись, смертельную угрозу, онъ понялъ, что она способна на все. Директоръ другъ сдѣлался ласковымъ и нѣжнымъ.

— Ты неблагоразумна. Ты знаешь, распределение ролей зависитъ отъ автора... Ничего еще не рѣшено... Ты повидайся съ нимъ, поговори...

— Когда это?

— Да хоть сейчасъ, если желаешь. Онъ тутъ.

Клемансъ отступила на шагъ, въ оцѣпененіи опустила руки и смогла на Ромбо, какъ бы желая удостовѣриться:—не рехнулся ли онъ.

— Я уже съ четверть часа, какъ пріѣхала, и ты не представляешь меня? возразила она.—Послушай, Ромбо, ты знаешь, что я—твой еданный другъ, но будь увѣренъ, что я сдѣлаюсь твоимъ заклятымъ врагомъ. Я тебя познакомила съ Селимомъ, котораго могла бы избересть только для себя и которому ты стоишь уже триста тысячъ ранковъ. Мнѣ также легко и отвлечь его, отъ меня зависитъ погубить тебя. И если ты не послужишь мнѣ такъ, какъ я вправѣ на это надѣяться... то... тебѣ знакомо зданіе присутственныхъ мѣстъ на углу площади... комерческой судъ?.. Ну, такъ ты можешь выбрать самъ себѣ синдика.

Ромбо вспыхнулъ, жилы на его лбу напряглись; рябины, перерившія его лицо, выступили бѣлыми пятнами.

— Выслушай и ты въ свою очередь, Клемансъ, отвѣтилъ она съ твердостью.—Ты знаешь, что безъ меня ты никогда не поступала бы на драматическую сцену, а продолжала бы играть „дурочекъ“ въ „Variétés“ или въ „Palais - Royal“. Такъ не для меня ты оставила Нуно дать деньги на мой театръ, а для себя. Ты очень

умна, изъ тебя вышла талантливая актриса, но кому ты этимъ обязана? Мнѣ! я рѣшился поручить тебѣ главныя роли. Не думай пробовать выставлять себя властелиномъ въ моемъ домѣ. Я одинъ въ немъ полновластный хозяинъ. Ты должна повиноваться, какъ всѣ твои товарищи.

Они съ минуту стояли одинъ противъ другаго и грозно смотрѣли другъ другу въ глаза. Ромбо первый, съ свойственной ему гасконской горячностью, прервалъ неловкое молчаніе.

— Полно! Не глупи! сказалъ онъ ласково, хлопая по плечу актрису.—Здѣсь всѣ могутъ имѣть успѣхъ. Пьеса превосходна, ты увидишь. Не играй, если не хочешь. Сознайся, что я милъ и уступчивъ. Но ты будешь раскаяваться потомъ, вѣрь мнѣ. Я былъ пораженъ положеніями въ пьесѣ, ну, совершенно пораженъ!... Средствъ нѣтъ: или будетъ полное фіаско, или успѣхъ на двѣсти представлений.

— Увидимъ, произнесла Клемансъ холодно и высокомерно.—Если моя роль будетъ неподходящая, то мнѣ еще не пріятнѣе играть двѣсти разъ.

Ничего не отвѣтивъ, Ромбо подошелъ вмѣстѣ съ нею къ группѣ и, сдѣлавъ знакъ Лабарру, весело сказалъ:

— Любезный авторъ, рекомендую вамъ m-lle Клемансъ Вилла, одна изъ моихъ лучшихъ актрисъ, очень требовательную, какъ и всѣ рошенькія женщины, и которая постарается васъ забрать въ руки. Сдѣлайте для нея все, что она потребуетъ, если только вамъ возможно исполнить. Но будьте увѣрены заранѣе: что бы вы для нея ни сдѣлали, она никогда не останется довольна.

Клемансъ, подходя къ автору, скорчила любезную мину, какъ будто при выходѣ на сцену, и обратилась къ нему съ очаровательною улыбкой:

— Когда вы познакомитесь со мною поближе, вы увидите какое обо мнѣ составитъ мнѣніе. Но въ чемъ я попрошу васъ сомнѣваться, такъ это въ полной готовности способствовать успѣху вашей пьесы, если вы мнѣ дадите въ ней роль.

— Посмотри, какъ Клемансъ лебезитъ, шепнулъ Павильи Делессаръ толкая его локтемъ.—Ну, мастерицы же на это женщины!.. И все изъ-за того только, чтобы играть въ пьесѣ этого молокососа, который вовсе не глядитъ геніемъ... Чортъ возьми!.. еслибы я могъ не участвовать!

Госпожа Сенъеръ, въ своей тѣсной каморкѣ, приводила въ порядокъ реестры и запирала ящики. Было шесть часовъ. На бульварѣ

начинали зажигать газъ. Разговаривавшіе медленно спускались съ лѣстницы, только Ромбо съ Кретэ отстали отъ всѣхъ, наблюдая за Клемансъ, которая не выпускала Лабарра и, чтобы ему понравиться, пустила въ ходъ всѣ тонкія и хитрыя уловки своего репертуара. Слышно было, какъ она отъ души смѣялась, когда писатель говорилъ, точно рукоплескала его умнымъ рѣчамъ, и такъ близко держала свое лицо къ лицу Клавдія, что задѣвала его плечо своимъ бюстомъ и тѣмъ заставляла его невольно вдыхать распространяющійся отъ нея запахъ духовъ. Онъ былъ сдержанъ и, очень спокойно облокотившись на деревянную рѣшетку, отдѣлявшую сѣни отъ прохода, съ любопытствомъ слушалъ актрису, которая, совсѣмъ некстати, рассказывала ему о своемъ дѣтствѣ.

Она принадлежала къ прекрасной итальянской, семьѣ,—говорила Клемансъ,—поселившейся съ давнихъ поръ въ Марсели, и получила воспитаніе въ одномъ изъ лучшихъ пансіоновъ въ городѣ. Неодолимое влеченіе, которое приводило въ отчаяніе ея старика-отца, занимавшаго видный постъ въ префектурѣ „Bouches - du - Rhône“, заставило ее пренебречь всѣмъ для театра. А теперь, не смотря на неприятели ея тяжелой карьеры, не смотря на отвращеніе, какое ей внушаетъ соприкосновеніе съ ужасными личностями, съ которыми придется постоянно сталкиваться, она мужественно трудится, имѣя виду только одну страсть: искусство, только одну цѣль:—успѣхъ!

Клемансъ прищуривала глаза, произнося свою тираду, дѣлала кромную мину, говоря о своей семьѣ, принимала язвительный тонъ, орицая своихъ товарищей-артистовъ; и лицо ея дышало восторженностью молодой мученицы, готовой умереть за вѣру, когда она произносила съ заученной вибраціей слово: „искусство“, которое она ставила выше всего.

Слишкомъ осторожная, чтобы хотя однимъ словомъ намекнуть на то, что ее интересовало, она завела разговоръ вообще о театрѣ и, несколько не стѣсняясь, осмѣивала всѣхъ извѣстныхъ писателей, маляя ихъ неоспоримую славу. Она уничтожала всю современную литературу, повергая ее къ ногамъ новаго автора.

Просить у него главной роли въ пьесѣ? Не ей должна быть предложена эта попытка. Другой, болѣе сильный голосъ долженъ ступить въ этомъ случаѣ,—голосъ Селима Нуно, ея друга, покровителя, чтобы дать восторжествовать капризамъ актрисы. У нея же должна быть одна только забота: нравиться, и она употребляла на то всѣ свои силы, все свое умѣнье.

Въ сѣняхъ стемнѣло, на бульварѣ былъ совершенный мракъ, на тротуара свѣтились фонари ея кареты.

— Однако, пора ѣхать, проговорила Клемансъ, какъ будто уже было трудно разстаться съ молодымъ человѣкомъ.— Я играю, нужно этого забывать. Мы васъ увидимъ сегодня? Да? Придете въ уборную сказать, какъ вы меня найдете. Я буду играть для васъ.

Лабарръ чувствовалъ, что она взяла его за руку, но оставался равнодушнымъ; мысли его были далеко. Онъ думалъ о прелестной Лизѣ Флѣронъ, которая приводила его въ сильное смущеніе каждый разъ когда онъ видѣлъ ее на сценѣ. Ему чудился ея тихій, нѣжный голосъ ея голубые глаза и бѣлокурые волосы. А въ дали его воспоминаній какъ граціозный призракъ, являвшійся ему въ дѣтскихъ грѣзахъ предсталъ передъ нимъ образъ веселой, наивной дѣвочки, бѣгающей по саду и откликающейся на имя Лизы.

Клемансъ Вилла, какъ сифида, промелькнула мимо него. Онъ смутно видѣлъ сквозь черную толпу изящный силуэтъ актрисы. Она сѣла въ карету, поддерживаемая подъ руку лакеемъ. Дверца захлопнулась. Лошади помчались рысью.

— Пойдемте, время обѣдать! сказалъ Ромбо.

Они присоединились къ разговаривавшимъ, которые сходили по каменнымъ ступенямъ лѣстницы, и Лабарръ, входившій со страхомъ нѣсколько часовъ чрезъ заднее крыльцо, выходилъ теперь, полна надеждъ, чрезъ парадный подъѣздъ.

IV.

Ненависть, какую Клемансъ Вилла питала къ Лизѣ Флѣронъ, хотя была не изъ стародавнихъ, однако пустила глубокіе корни. И эта ненависть могла казаться очень опасной тому, кто хорошо зналъ прошлое этой женщины. Актриса, дѣйствительно, была родомъ изъ Марсели, какъ она и рассказывала Лабарру, но не была дочерью важнаго бюрократа префектуры. Она родилась не въ честномъ буржуазномъ семействѣ, а въ одной изъ мансардъ предмѣстья, гдѣ отецъ, пьемонтскій рабочій, вѣчно съ ножомъ въ рукѣ, послѣ двѣнадцати часовъ работы, давалъ ей больше пинковъ, чѣмъ уроковъ нравственности.

Развращенная до мозга костей, четырнадцатилѣтняя дѣвочка каждый вечеръ на гуляньяхъ продавала букеты старымъ, хриплымъ господамъ. Два года позже, ее забрала полиція послѣ двѣнадцати часовъ ужинами, которой она дала другой оборотъ, вѣдѣнную противнику своего любовника. Холодно-дерзкая, злая

ная со всѣми, вкрадчивая и лицемѣрная съ тѣми, кто сильнѣе ея, она вмѣщала всѣ пороки итальянской расы, и при случаѣ была-бы не прочь пустить въ дѣло ножъ, по примѣру отца, мнимаго бюрократа, которому, наконецъ, правительство отвело помѣщеніе въ смиренномъ домѣ.

Пріѣхавъ въ Парижъ въ крайней нищетѣ, эта восхитительная дѣвушка имѣла странную фантазію окрасить свои волосы въ рыжій цвѣтъ и жила, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ меблированныхъ комнатахъ улицы Лаваль, гдѣ были собраны всѣ подонки общества, женщины самаго низшаго сорта. Какой-то парикмахеръ увидаль ее и нашель, что она слишкомъ красива, чтобы заниматься тѣмъ ремесломъ, которое ее кормило, и, руководимый жалостью, сказалъ о ней одной дамѣ, очень извѣстной въ полусвѣтѣ. Та приняла участіе въ несчастной дѣвушкѣ и взяла ее къ себѣ въ качествѣ горничной. Лучше накормленная, прилично одѣтая, Клемансъ дѣйствительно азалась хорошенькой, какъ амуръ. Тогда ей было двадцать лѣтъ. Она быстро повысилась въ чинѣ и сдѣлалась повѣренной, даже можно казать пріятельницей своей госпожи, которая была чрезвычайно добра къ дѣвушкѣ, вытащивъ ее изъ грязи.

Клемансъ отблагодарила ее за это, укравъ въ Баденѣ ея шкапку съ деньгами, гдѣ хранилось двадцать тысячъ франковъ золотомъ. Дорогие брилліанты дамы, были, по счастью, въ этотъ вечеръ скрыты на ея головѣ, шеѣ и въ ушахъ, иначе и ихъ захватила-бы Клемансъ, бѣжавшая съ гарсономъ изъ отеля; она взяла билетъ до Гамаго Гомбурга и тамъ все спустила въ рулетку. Покровительница не преслѣдовала ея. Она не столько сожалѣла о деньгахъ, которыя ей легко доставались, сколько о хорошенькой дѣвушкѣ, приутствіе которой доставляло ей удовольствіе.

Вслѣдствіе этого приключенія, Клемансъ опять нырнула въ грязь. Она узнала нищету, быть можетъ, ужаснѣе той, какую испытывала въ началѣ жизни, быть можетъ, попробовала и тюрьмы. Въ любви она отдавала предпочтеніе авантюристамъ, которые и доводили ее до бѣды. Затѣмъ ее опять встрѣчали въ Версалѣ, во время войны, гдѣ она утѣшала весь нѣмецкій главный штабъ. Коммуна не было до нея дѣла. Люди, сжйгающіе частную недвижимость, не годились для нея.

Въ 1872 году, она въ первый разъ появилась на сценѣ въ „Variétés“, гдѣ играла роль принцессы въ возобновленныхъ „Разбойникахъ“. Начиная съ этого времени, она переходила на разные театры, изъ Пале-Рояля въ Порт - Сен - Мартэнъ, изъ Порт-Сен-Мартэна

въ Батиньоль, гдѣ ее и встрѣтилъ экс-Францискъ. Играла-ли она „дурочекъ“ въ опереткахъ, или влюбленныхъ въ драмѣ, но нищеты болѣе не знала. Она съумѣла пріобрѣсти себѣ изрядные доходы отъ Селима Нуно. И если, какъ говорили, привязанность стараго португальца къ Клемансъ очень охладилась, то она могла обойтись теперь и безъ своего покровителя: она скопила себѣ хорошее состояніе.

Но что мучило Клемансъ въ настоящую минуту, такъ это жажда успѣха. Она хотѣла, во что бы ни стало и какимъ-бы ни было образомъ, добиться его. Она работала съ самыми лучшими парижскими профессорами по декламациі, но безуспѣшно: у нея недоставало основательнаго образованія. Чувствовалось, что она не тверда въ гаммахъ. Она выкупала эти недостатки горячностью, живостью, но того, что пріобрѣтается раннимъ, продолжительнымъ изученіемъ: единства, послѣдовательности, полноты въ дикциі, она не имѣла и не могла бы имѣть никогда. Она не умѣла читать стиховъ, и это ее бѣсило; но современный слогъ, скорый, отрывистый, отчеканиваемый, какъ нельзя лучше подходилъ къ ея средствамъ. Въ одномъ бенефисномъ спектаклѣ она провела второй актъ въ „Supplice d'une femme“ замѣчательно хорошо. Еслибы ей пришлось играть три акта, то она навѣрное, не выдержала-бы, но участвуя только въ одной сценѣ, она была безподобна.

Клемансъ мѣтила не на то, чтобы ей аплодировали въ пьесѣ; ея честолюбіе простиралось выше. Она мечтала создать двѣ или три блестящихъ, трудныхъ роли, и тѣмъ добиться ангажементу въ „Comédie Française“. Она часто повторяла:

— Въ Парижѣ только двѣ первыя любовницы: Бретэ и я. Я для сильныхъ, страстныхъ ролей, она—для спокойныхъ, нѣжныхъ.

Павильи, который всегда былъ наготовѣ, если требовалось какое-нибудь пикантное словцо, отвѣчалъ своимъ задыхающимся голосомъ:

— Да, ты права: Бретэ олицетворяетъ въ одно и то же время непорочность, кротость и страсть... Это истинная артистка!..

Онъ на минуту остановился, провелъ языкомъ по губамъ, прищурилъ свои маленькіе глазки и, кисло улыбувшись, прибавилъ съ убѣжденіемъ:

— А ты, моя милая, годна только на третьи роли!

Этотъ некрасивый Павильи, злой какъ чортъ, былъ ненавистенъ Клемансъ. Но ничего нельзя было съ нимъ подѣлать: имъ дорожили; онъ имѣлъ талантъ. Третьи роли! Могло-ли быть что-нибудь неприя-

же этихъ словъ для актрисы?.. Играть злыхъ женщинъ, предательницъ, когда ея мечтой было олицетворять невинныхъ и угнетенныхъ! Мнѣніе, высказанное о ней:— „на третьи роли“!—приводило ее въ негодованіе. Она не могла простить критику, что онъ не ставилъ я въ число первыхъ любовницъ. Она попробовала было отрѣшиться должности редактора театральнoй газеты „Soirée“, который въ ушейной простотѣ напечаталъ: что m-lle Вилла удивительно сыграла вою роль „черными штрихами“. Онъ ничего не могъ видѣть въ ней ернаго, исключая, можетъ быть, ея совѣсти. Все остальное было рю, розово, какъ цвѣты; сребристо, какъ источникъ; лазурно, какъ зное небо.

Страшная буря поднялась въ душѣ Клемансъ, когда она поняла, го взошла настоящая звѣзда на крашеномъ полотняномъ небѣ „Современнаго Театра“. Въ ней вспыхнула дикая ненависть къ той, которая одновременно разрушала ея настоящее и будущее, но она изъ рдости съумѣла скрыть это чувство и изучала добродушіе, какъ ль, передъ своимъ зеркаломъ. Ей казаться оскорбленной успѣхомъ ой ничтожной Лизы! Къ чему-же! Развѣ мало было мѣста подъ лцемъ для всѣхъ? Одной хорошей актрисы въ театрѣ слишкомъ ло. Это было доказано въ тотъ вечеръ, когда m-lle Флэронъ дол- а была ее замѣнить,—ее, Клемансъ Вилла, въ роли баронессы. а утѣшалась воспоминаніемъ о неудачномъ дебютѣ, которымъ откры- ь карьера Лизы. И говоря, что молодая дѣвушка ее замѣняла, ь уже этимъ прямо опредѣляла свое превосходство для главнаго шуа.

Клемансъ играла каждый вечеръ вмѣстѣ съ Лизой. Въ кори- рѣ перваго яруса, надъ фойе артистовъ, ихъ уборныя отдѣля- исъ одна отъ другой уборною Фанни Манжэнъ. Чтобы пройти къ изѣ, надо было проходить мимо двери Клемансъ, которую она тавляла постоянно открытою, по причинѣ жара отъ газа. Моло- я женщина мало заботилась о томъ, что могли ее увидѣть раз- ѣтою, она привыкла къ наготѣ. Сидя предъ туалетомъ въ одной шпитей юбкѣ, изъ подъ которой выглядывали ея ноги, обтянутыя олковыми чулками, подъ цвѣтъ платья, и въ батистовой рубашкѣ, шпитей кружевами, обнажавшей до самой талии ея полную грудь перламутровой бѣлизны спину, она раскрашивала себѣ лицо, легка растирая заячьей лапкой на своихъ щекахъ румянецъ римировки, чтобы онъ ровнѣе ложился. Не переставая распекаеть ѣзкимъ голосомъ свою горничную, она слѣдила за проходящими о этому узкому, темному, душному коридору, куда, по временамъ,

когда полуотворялись двери уборныхъ, проникалъ яркій свѣтъ, вмѣстѣ съ тѣмъ одуряющимъ ароматомъ, который разливается въ нагрѣтой атмосферѣ отъ присутствія женщины.

Ромбо взялъ привычку обходить уборныя во время антрактовъ. Онъ машинально поднимался по лѣстницѣ, брэнча въ карманѣ связкою ключей и произнося звучное „уфъ“, извѣщавшее о его приходѣ. Онъ останавливался у дверей Клемансъ и, входя точно къ себѣ, садился на низенькій диванъ, занимавшій одинъ почти половину уборной. Не снимая шляпы, надѣтой на затылокъ, онъ болталъ, любезничалъ, присутствуя при туалетѣ актрисы. Какъ только Ромбо входилъ къ ней, дверь затворялась. И въ продолженіе этой четверти часа, Клемансъ передавала директору всѣ закулисныя сплетни и театральныя дрязги. Она дѣйствительно, была властелиномъ, командуя всецѣло главою театра. Его посѣщенія освящали ея власть. Она ихъ принимала, какъ долгъ, который Ромбо выплачивалъ ей не колеблясь. Это была дань въ знакъ воспоминанія ея милостей.

Но однажды она съ сокрушеннымъ сердцемъ увидѣла, какъ онъ прошелъ мимо ея уборной и, пославъ ей воздушный поцѣлуй, направился къ уборной Лизы Флёронъ. Она слышала, какъ онъ постучалъ въ дверь и спросилъ робкимъ голосомъ: можно войти? Кровь прилила къ ея вискамъ. Она видѣла въ этой почтительной осторожности обиду для себя. Онъ прямо шелъ, безъ спроса, въ комнату Клемансъ. Почему-же онъ такъ церемонится съ Лизой? Неужели сдѣлало такъ уважать ея невинность, ея благонравность? Да благонравна-ли она, прежде всего? Еще неизвѣстно. Эти жеманницы, разыгрывающія роль недоступныхъ, на самомъ дѣлѣ страшныя вѣтряницы, имѣющія сотни приключеній. Она знаетъ такую, и далеко искать: здѣсь, въ концѣ коридора. Сесиль Кретьенъ, которую мать выставляетъ олицетворенной невинностью, а она между тѣмъ принадлежала поочередно всѣмъ друзьямъ Ромбо.

Клемансъ всѣми силами старалась разузнать какую-нибудь исторію про Лизу. Говорили, что она нанимаетъ квартиру въ четвертомъ этажѣ, въ улицѣ Ланкри, и живетъ съ матерью, и никто никогда не видалъ ихъ; можетъ быть, тамъ скрывается семья, любовная связь съ какимъ-нибудь чиновникомъ или мелкимъ торговцемъ. Физиономіей Лиза очень смахиваетъ на продавщицу въ лавкѣ, которая, въ пятнадцатифранковомъ холстинковомъ платьѣ и въ соломенной съ лентами шляпкѣ, ходитъ гулять по воскресеньямъ на островъ Сент-Уанъ между качелями, стрѣльбищами и деревянными лошаdkами.

О! еслибъ можно было пронюхать какую-нибудь пошлую интригу,

тогда мигомъ разсѣялся-бы ея престижъ и она стала-бы опять ничего незначущей дѣвочкой, какою была въ началѣ своихъ дебютовъ. Тотъ ореолъ гордой непорочности, который украшаетъ ее и придаетъ ея таланту особенную прелесть въ глазахъ пресыщенной толпы, былъ-бы внезапно сорванъ съ ея чела.

Съ осторожностью, въ которой, не безъ пользы, руководила ею и итальянская хитрость, Клемансъ навела справки, но не нашла того, чего искала. Лиза Флэронъ была безукоризненна. Она жила съ матерью, бѣдной женщиной, состарѣвшейся ранѣе своихъ лѣтъ и почти совсѣмъ потерявшей зрѣніе. Къ ней, изъ мужчинъ, никто не ходилъ. Она вела самую правильную жизнь, какая только возможна. Съ полдень она выходила изъ дома и отправлялась на репетиціи; въ пять часовъ возвращалась, обѣдала и въ семь часовъ уходила опять на вечерній спектакль, а въ половинѣ перваго ночи пріѣзжала обратно въ извозничьей каретѣ, которая отвозила ее изъ театра по пути къ парку въ улицѣ Бельфондъ.

Потерпѣвъ первую неудачу, Клемансъ пріостановила свои розыски и сказала себѣ: „Это безукоризненное поведеніе причинить ей злое зло, чѣмъ самое дурное и отчаянное. Дѣвушка, желающая явиться честною на театральныхъ подмосткахъ, вооружаетъ всѣхъ ротивъ себя. Она оттолкнетъ всѣ дѣлаемыя ей предложенія и наиветъ столько-же враговъ, сколько вытѣснитъ поклонниковъ; ей не остаться ея недоступности“. Эта мысль утѣшила Клемансъ и придала ей овладѣть собою. Она казалась спокойною, хотя ее душила ревность и зависть.

Въ свѣтѣ чаще всего встрѣчается ненависть между женщинами. Спорничество въ богатствѣ, въ нарядахъ, въ умѣ и въ любви, — остаточныя причины для вражды, ловко скрываемой подъ лестью и любезностью. Часто вы видите: двѣ женщины привѣтливо разговариваютъ и улыбаются другъ другу; вы думаете, что это двѣ нѣжныя, преданныя подруги, а между тѣмъ онѣ ненавидятъ другъ друга. Ихъ обращеніе показываетъ искреннюю дружбу, но въ глубинѣ души у нихъ кипитъ злоба со всѣми ея жестокостями, замыслы жаснаго мщенія, желаніе несчастія и тайная надежда смерти. Все, что служитъ къ пользѣ ихъ непріятельницы, заставляетъ ихъ невыносимо страдать. Онѣ употребляютъ всѣ средства, чтобы уничтожить ее своимъ успѣхомъ, ослѣпить своимъ блескомъ. Набираютъ сторонниковъ, запасаются союзниками и не останавливаются ни предъ какими обѣщаніемъ, ни предъ какой жертвой, чтобы упредить тор-

жество своего кружка. Это глухая, ожесточенная война, для которой полемъ служатъ гостинныя.

Впрочемъ, ненависть свѣтскихъ женщинъ ничто, въ сравненіи съ ненавистью актрисъ. Въ свѣтѣ противники, по неволѣ, находятся разлученными. Многое можно измѣнить, отклонить. Изъ встрѣчи непродолжительны. Въ театрѣ-же жизнь общая. Наканунѣ, въ полночь, послѣ спектакля расстаются, а на другой день, въ полдень, послѣ нѣсколькихъ часовъ отдыха, опять вмѣстѣ на репетиціи. Точно баторжники одного острога, прикованные къ цѣпи. Ненавистное существо безпрестанно вертится передъ вашими глазами: это нравственное преслѣдованіе, физическій гнетъ, живой кошмаръ. Ненависть разжигается новыми обидами, дѣйствительными или воображаемыми. Это не то, что у свѣтскихъ женщинъ, гдѣ играетъ роль *первенство; борьба завязывается не изъ-за мимолетнаго вечерняго торжества и не изъ-за пустаго тщеславія. Цѣль выше, причины серьезнѣе. Алчность и вмѣстѣ съ тѣмъ честолюбіе выступили въ бой. Дѣло идетъ о богатствѣ и славѣ. Каждый вопросъ самолюбія имѣетъ подкладку денежнаго вопроса. Это жестокая, безпощадная борьба за существованіе и за славу.

Жизнь, какую вели вмѣстѣ Лиза Флѣронъ и Клемансъ Вилла, должна была превратиться въ самую несносную и мучительную. Она уже и была такою для Клемансъ, но еще не для Лизы, которая въ невинности своей души не предчувствовала поднимавшейся бури. Она была очень привѣтлива съ той, которая замышляла погубить ее, и шла по прямому пути, довольная, что онъ для нея легокъ и пріятенъ.

Однако, ко всѣмъ неудовольствіямъ, какія Клемансъ имѣла противъ Лизы, прибавилась еще одно, гораздо важнѣе прочихъ.

За кулисами „Современнаго Театра“ всегдабыло много посѣтителей. У Ромбо, долго вращавшагося въ клубномъ мірѣ, сохранились пріятныя знакомства. Его друзья взяли привычку, каждый день послѣ обѣда, предъ тѣмъ какъ ѣхать на вечеръ, завернуть на часокъ въ театръ. Прислонившись къ подвижной стойкѣ, въ углу обширной сцены, они, во время представленій, при глубокомъ молчаніи публики и при громкихъ монологахъ, терявшихся за декораціями, тихо болтали съ актрисами, что представляло оживленную картину.

На складномъ стулѣ, въ шерстяномъ платочкѣ на плечахъ, для защиты отъ съвознаго вѣтра, дувшаго изъ скважинъ, куда спускаются декораціи, г-жа Бреваль съ ея аристократическими манерами возсѣдала посреди группы, въ ожиданіи своего выхода на сцену. Роза Лоантъе, въ платьѣ съ открытымъ лифомъ и съ черной мушкой на

еѣ, сдѣланной карандашомъ, заливалась веселымъ смѣхомъ. выкаивая при этомъ свои крѣпкіе зубы и розовыя десны, и, приподнявъ лѣнь высоко ногу на веревочную лѣстницу газовщика, выставляла показъ ея обворожительную форму.

Фанни Манжэнъ, богатая содержанка маркиза Бевиньяно, владѣльца знаменитыхъ скаковыхъ лошадей, и обожаемая красавцемъ ортанемъ, „первымъ любовникомъ“, рассказывала какія-то глупости но, толстяку съ сѣдыми бакенбардами, бывшему присяжному поренному комерческаго суда, очень популярному въ театральномъ рѣ, учредителю многочисленныхъ обществъ, очень дѣловому и серьезному, но который не могъ обойтись безъ шуршанія юбокъ, производимаго около него, и безъ остраго закулиснаго жаргона. Рыжая асавица чувствовала слабость къ Рено. Она совѣтовалась съ нимъ, вѣряла ему свои желанія и надежды, и давала секретныя указанія, горыми онъ впрочемъ никогда не пользовался, относительно лошадей, которыя должны были въ слѣдующія скачки выиграть призъ. Величественная, какъ королева, г-жа Кретъень, точно тѣнь совождая свою дочь, подходила къ Массолю, чтобы узнать цифру ра, затѣмъ возвращалась къ дочери, бросая неприязненные взгляды г-жу Бреваль, которую страшно не терпѣла. Сесиль Кретъень, юная блондинка, довольно хорошенькая, но съ некрасивой походкой и съ глупымъ видомъ, стояла неподвижно и улыбалась, устремляя глаза въ пространство, какъ будто мечтая, а въ сущности не думая ни о чемъ.

Гамаръ, маленькій брюнетикъ, сынъ богатаго подрядчика мостовъ, довольно остроумный, но весьма дурно воспитанный, прославившійся своими эксцентричностями, которыя онъ выкидывалъ въ бѣликѣ. приходилъ для Альбертины Рамо, гамэна въ юбкѣ, игривой горничныхъ съ чрезвычайно натуральной развязностью. Онъ былъ бимцемъ машинистовъ, которымъ добровольно платилъ штрафъ произнесенное слово: веревка. Въ театрѣ, какъ и въ домѣ повѣшенго, о веревкѣ не говорятъ. Тамъ ее называютъ: нитка. Тому, кто разсѣянности обмолвится, подносятъ кусочекъ сплетенной пеньки, онъ обязанъ заплатить отъ пяти до двадцати франковъ, смотря достатку проигравшаго. Гамаръ повторялъ: „веревка“, чтобы довести себѣ удовольствіе угощать машинистовъ. Молодой франтъ италъ своей спеціальностью рассказывать Сесили Кретъень всевозможныя нелѣпости съ такими мельчайшими подробностями, что умлялъ ее и заставлялъ вѣрить, а потомъ хвастался всѣмъ и каждому самоувѣреннымъ, крикливымъ голосомъ чванливаго богача:

— Ахъ! дѣти мои, еслибъ вы слышали, какъ я ее одурачилъ! Это разсказать трудно! Славно прокатилъ въ лодочкѣ!

На что актеръ Демазоръ, человѣкъ свѣтскій, весьма приличный степенный и вѣжливый, замѣчалъ, отворачиваясь съ достоинствомъ

— Боже! Какія глупыя выходки у этого Гамара.

Компознъ, дирижеръ оркестра, прошелъ мимо съ безстрастнымъ презрительнымъ видомъ, избѣгая говорить съ женщинами, потому что тутъ была г-жа Бреваль, съ которой онъ состоялъ въ супружескихъ отношеніяхъ. Эта великая артистка, достигшая пятидесятилѣтняго возраста, не могла принудить себя свыкнуться съ тяжелой, одинокой старостью. Она была рада играть роль добраго генія этого молодого, здороваго дѣтины съ густыми бровями и синимъ подбородкомъ, охотно позволявшаго ей покровительствовать себѣ. Компознъ горячо разговаривалъ съ Тринкаромъ, который, углубившись въ свои финальные соображенія, давалъ ему возможность говорить, не прерывая. Но когда капельмейстеръ находилъ, что вниманіе актера достаточно возбуждено разсказомъ о безчестномъ поступкѣ директора Оперы, „осмѣлившагося отказать ему въ балетѣ, — ему, Композну, композитору Телефонъ-вальса“, Тринкаръ вдругъ приходилъ въ себя и у него вырывались слова:

— И тысячу пятьсотъ преміи, изъ которыхъ двѣсти.... иду на пять тысячъ!...

Тогда Компознъ, молча и съ негодованіемъ, отходилъ прочь и ша топить свои разочарованія въ стаканѣ вина въ театральномъ ресторанѣ.

Наконецъ, за нѣсколько минутъ до своего выхода на сцену, прѣзжала Клемансъ Вилла; горничная несла шлейфъ ея платья. Она считала униженіемъ своего достоинства толкаться за кулисами. Когда наступала минута ея появленія, тогда изъ-за желѣзной двери раздавался голосъ извѣстителя, который кричалъ съ лѣстницы: м-ль Вилла, ваша очередь! И въ бѣломъ облагѣ воздушныхъ юбокъ, въ сѣвѣ въ цвѣтахъ, сіяя брилліантами, она приближалась, обмѣниваясь рукопожатіями, разсыпая улыбки и отыскивая глазами Жана де-Бривъ, единственнаго человѣка, интересовавшаго ее между ежедневными посѣтителями театра. Если она замѣчала его, то тотчасъ же вырывала платье изъ рукъ горничной, сухо говоря ей: „хорошо, Жюльен, вы можете идти“, и съ оживленнымъ взглядомъ, ласковымъ жестомъ и сладкой улыбкой она подходила къ молодому человѣку, увлекала его въ сторону и вполголоса задавала ему нѣсколько пустыхъ вопросовъ, подставляя подъ его усы свои бѣлыя плечи.

Онъ очень любезно, но чрезвычайно сдержанно слушалъ актрису, отвѣчалъ ей, поддавался ея маневрамъ и давалъ ей свободу рисоваться передъ нимъ, но ничто въ его обращеніи съ ней не допускало мысли, чтобы она имѣла на него какое нибудь право. Затѣмъ мгновенно, по знаку режиссера, Клемансъ дѣлала шагъ назадъ, быстрымъ взглядомъ окидывала свой туалетъ, округляла руки, вытаращивала глаза, придавая лицу заученное выраженіе и, толкнувъ въ декорацияхъ дверь, выходила на сцену, говоря измѣненнымъ голосомъ.

Дѣйствіе кончалось, аплодисменты и крики раздавались изъ галереи четвертаго яруса, съ такимъ шумомъ, какъ будто трясли мѣшокъ съ орѣхами, занавѣсъ опускался и въ одну минуту театръ погружался въ темноту и пустѣлъ. На лѣстницѣ, гуськомъ, каждый шелъ въ свою уборную. Слышался стукъ высокихъ женскихъ каблуковъ, которые путались въ приподнятыхъ шлейфахъ. И точно школьники, выгнанные изъ класса, всѣ начинали говорить и громко смѣяться. Это было какое-то жужжанье, гдѣ нѣжные голоса сливались съ гутыми въ веселомъ ансамблѣ. Затѣмъ вся эта волна внезапно раскочилась по уборнымъ и снова наступала тишина; между тѣмъ машинисты переносили декорации, приготовляли другія къ слѣдующему вечеру, а музыканты спѣшили изъ оркестра на улицу Бонди выкурить папироску передъ каморкой привратника.

Тогда на пустой сценѣ, выходя изъ своей будки, появлялся суфлеръ Гальярдэнь, маленькій старичокъ съ краснымъ лицомъ и сѣдыми взъерошенными волосами, у котораго когда-то убѣжала жена съ однимъ изъ друзей, отчего разсудокъ его нѣмного помутился.

— Это бросилось на мозгъ! говорилъ Павильи.

Онъ ходилъ по темнымъ угламъ, размахивая руками, какъ будто преслѣдовалъ невидимаго врага, и повторялъ: Бадуро, ты обмануль меня! Бадуро негодяй! Я убью тебя!

Бадуро былъ другъ, нарушившій супружеское счастье суфлера.

— Что дѣлать? вмѣшивался опять Павильи.—Суфлеръ! Это должно было съ нимъ случиться.... Подсказывать роль не то, что играть ее самому.

И постоянно, даже во время спектакля, при суфлированіи, между двухъ репликъ, бѣдный старикъ съ воспаленными глазами ворчалъ дрожащимъ голосомъ: Бадуро негодяй! Бадуро, я убью тебя!

Артисты наконецъ привыкли къ этому и всѣ въ театрѣ относились свисходительно къ его бреду. Во время антрактовъ, онъ бродилъ среди раздвинутыхъ декораций, опускныхъ рѣшетокъ, развѣшанныхъ

ковровъ, равнодушно относясь къ суматохѣ, отъ которой всѣ посѣтели театра спасались въ уборныхъ артистовъ, и, всегда преслѣдуемый своимъ кошмаромъ, обращался отрывистымъ голосомъ къ тому, кто испортилъ ему жизнь.

Жанъ де-Бривъ никогда не входилъ въ уборныя. Онъ отправлялся съ Ромбо въ его кабинетъ, и пока директоръ читалъ свою вечернюю корреспонденцію, онъ сидѣлъ и мечталъ, машинально разсматривая портреты, висѣвшіе на стѣнахъ.

Это былъ высокій молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати, очень красивая, представительная наружности. Его каштановые короткіе волосы вились отъ природы, золотисто-бѣлокурая борода была коротко стрижена конусообразно, изъ подъ очень тонкихъ усовъ видѣлся красивый ротъ, а изъ подъ густыхъ темныхъ бровей смотрѣли голубые глаза. Обычное выраженіе его лица было серьезно и высоко мѣрно. Еслибъ его одѣтъ въ бархатъ и атласъ, то онъ удивительно напомнилъ бы собою утонченныхъ кавалеровъ двора Генриха II, всегда готовыхъ какъ для любви, такъ и для войны.

Онъ происходилъ изъ очень хорошей нормандской фамиліи и рано остался сиротою. Привезенный въ Парижъ однимъ изъ своихъ дядей старымъ холостякомъ, очень извѣстнымъ въ высшемъ обществѣ, онъ былъ предоставленъ самому себѣ, въ тѣ годы, когда молодежь болѣе всего нуждается въ хорошемъ направленіи и совѣтахъ. Обладая положительнымъ умомъ и холоднымъ темпераментомъ, онъ не допустилъ себя увлечься легкой жизнью, среди которой его бросили, какъ ребенка, котораго хотятъ сразу научить плавать. Онъ сосредоточился въ самомъ себѣ, наблюдалъ, и съ особенной проницательностью разгадалъ посредственность своихъ современниковъ.

Онъ видѣлъ вокругъ себя столько слабыхъ характеровъ, столько шаткихъ умовъ, столько колеблющихся сердецъ, что пришелъ къ тому убѣжденію, что человѣкъ, прочно закаленный. рѣшившійся не уступать всеобщей слабости, а идти твердо, не сворачивая съ пути къ предначертанной цѣли, долженъ, безъ всякаго сомнѣнія, силою завоевать счастье и всего достигнуть.

Все его отцовское наслѣдство заключалось въ трехъ стахъ тысячахъ франковъ наличными деньгами. Онъ рассчиталъ, что деньги эти, помѣщенные по пяти процентовъ, принесутъ ему пятнадцать тысячъ годового дохода. Въ обществѣ, гдѣ онъ жилъ, это считалось приличной бѣдностью. Молодой человѣкъ рѣшился пустить въ оборотъ свой капиталъ. вмѣсто того, чтобы употребить его на покупку государственныхъ бумагъ, онъ заперъ его въ ящикъ и началъ играть

Какъ тѣ отважные моряки, которые истратили все свое состояніе, чтобы снарядить судно и съ поднятыми парусами, пуститься въ море на поиски гальона, нагруженнаго золотомъ, точно также и онъ поставилъ, какъ ставку, на предпринятое дѣло все, что имѣлъ, и началъ смѣло бороться не на жизнь, а на смерть.

Де-Бривъ былъ премилый молодой человекъ, любезный собесѣдникъ, очень любимый въ клубѣ. Прекрасный игрокъ, проигрывавшій, не поморщась, пять сотъ луидоровъ на одной картѣ и выигрывавшій двадцать или тридцать франковъ, причеиъ лицо его не обнаруживало ни малѣйшаго волненія, онъ никогда не хвастался ни выигрышемъ, ни проигрышемъ. Никто не видалъ, чтобы онъ радовался или печалился. У него не было той шумной веселости, какъ у банкмета, которому везетъ, ни того убійственнаго вида, какой бываетъ у проигравшагося понтѣра. Онъ былъ безстрастенъ, холоденъ, не произносилъ ни одного слова громче другаго и вставалъ изъ-за стола послѣ проигрыша также безмолвно, какъ и послѣ выигрыша.

Де-Бривъ велъ очень приличную, но не роскошную жизнь, и всегда былъ готовъ устроить пирушку или, не колеблясь, одолжить пятьдесятъ луидоровъ товарищу. Онъ занималъ маленькую квартиру изъ четырехъ комнатъ въ улицѣ Тебу; лошадей не держалъ, а пользовался наемными экипажами изъ клуба. Его встрѣчали всюду: по субботамъ, на первыхъ представленіяхъ въ циркѣ, по вторникамъ—въ „Comédie Française“; на балахъ, гдѣ онъ танцевалъ съ неутомимымъ рвеніемъ, и въ полусвѣтѣ, гдѣ никогда долго не засиживался.

Никто не зналъ, имѣлъ-ли онъ любовницу: онъ былъ очень скрытенъ. Если случалось, что онъ привѣтствовалъ рукою или улыбкою какую нибудь хорошенькую даму полусвѣта, проѣзжавшую по Булонскому лѣсу, выставивъ головку въ окно своего купэ, въ это время его толкали локтемъ съ вопросительнымъ видомъ, но онъ тотчасъ же дѣлалъ серьезную мину и говорилъ:

— О, совсѣмъ нѣтъ! Это просто моя пріятельница.

Иногда онъ давалъ такого рода объясненія: „Женщины не годятся ни на что, а мѣшаютъ во всемъ“. Или: „Только тѣ люди дѣйствительно сильны, которые не увлекаются женщинами“.

Казалось, онъ проводилъ свои теоріи на практикѣ. Многіе могли бы пожелать, что въ его жизни, до сихъ поръ, любовь не ставилась ни во что. Де-Бривъ былъ очень храбръ, но не вздорливъ. Разъ вечеромъ, онъ поспорилъ за картами съ однимъ испанскимъ дворяниномъ, очень извѣстнымъ въ Парижѣ по своему громадному богат-

ству, и, будучи оскорбленъ, дрался съ нимъ на дуэли и опасно ранилъ своего противника; пуля задѣла легкое, такъ что иностранецъ чуть не умеръ. Жанъ, въ продолженіе трехъ недѣль, самъ ходилъ освѣдомляться о его здоровьѣ и выказывалъ искреннее огорченіе, что привелъ его въ такое состояніе; это еще болѣе увеличило добрые отзывы о немъ. Всѣмъ, кто его зналъ, можно было задать вопросъ: „Что за господинъ Жанъ де-Бривъ?“ И всѣ съ убѣжденіемъ отвѣтили бы:—„А! прекрасный малый!“

Въ Парижѣ, гдѣ никогда глубоко не изслѣдуютъ вещи, гдѣ вѣшность равняется четыремъ пятымъ во мнѣніи, составленномъ о людяхъ, гдѣ любезность въ обращеніи служитъ патентомъ хорошаго воспитанія, а ходячая честность пользуется репутаціей безукоризненной честности, Жанъ де-Бривъ дѣйствительно долженъ былъ прослыть за совершеннѣйшаго джентльмена. Внимательный наблюдатель, одинъ изъ тѣхъ любопытныхъ субъектовъ, которые не устаютъ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, стоять позади играющихъ въ залѣ клуба и смотрѣть, какъ рѣжутся въ бакарра, не могъ бы опредѣлить, оканчивалась-ли игра Жана выигрышемъ или проигрышемъ. Для большинства людей, въ кругу которыхъ вращался Жанъ, онъ былъ симпатичный, праздный молодой человекъ, любящій вести большую игру и платящій съ рѣдкой акуратностью свои проигрыши.

Однако, въ нѣсколько лѣтъ, шкатулка, куда де-Бривъ пряталъ деньги, наполнилась очень значительными суммами. Триста тысячъ франковъ удвоились, хотя онъ и велъ такую же жизнь, какъ его друзья, получающіе пятьдесятъ тысячъ ливровъ годоваго дохода. Честолюбивый Жанъ вступилъ въ борьбу съ обществомъ и, побѣдивъ, взялъ съ него большую контрибуцію, а затѣмъ порѣшилъ, что настала минута перемѣнить поле битвы. Онъ не хотѣлъ напрасно утомлять счастье, требуя отъ него такъ мало, и, переставъ играть въ клубѣ, началъ играть на биржѣ.

Теперь это были уже не кратковременныя стычки, не ничтожныя битвы съ маленькими батальонами, а большая война съ могучими массаами, выступившими не по минутному воодушевленію, но по зрѣло обдуманному плану кампаніи, исполненному съ тою храбростью и энергіей, которыя упрочили предыдущія побѣды. Въ головѣ Жана уже составились проекты и ихъ смѣлость удивила бы тѣхъ, которые говорили о немъ съ наружнымъ доброжелательствомъ: „де-Бривъ? Прекрасный малый!“

Этотъ прекрасный малый съ яснымъ челомъ, съ нѣжной улыб-

кой и чистосердечнымъ взглядомъ, имѣлъ каменное сердце тѣхъ исателей приключеній, которые завоевали цѣлыя страны: Пизарро или Кортеса. Еслибы ему ничто не помѣшало въ его восходящемъ пути, онъ долженъ былъ бы занять мѣсто среди самыхъ предприимчивыхъ ажіотёровъ нашего времени, какъ свидѣтель столькихъ быстро составленныхъ и также быстро лопнувшихъ состояній. Это былъ человѣкъ способный ворочать милліонами и втянуть въ спекуляцію жизнь цѣлаго народа, не поведя бровью.

Его счастье было неоспоримо. Ромбо, умѣвшій все предвидѣть, въ то время, когда онъ взялъ „Современный Театръ“, просилъ де-Брива подписаться на одну пятисотфранковую акцію.

— Я хочу, чтобы вы участвовали со мною, говорилъ будущій директоръ,—я увѣренъ, что вы подѣйствуете на успѣшный ходъ дѣла.

Де-Бривъ, имѣвшій всегда къ услугамъ посторонняго свободный билетъ въ тысячу франковъ, отсчиталъ сто лудировъ Ромбо, такъ какъ онъ ему очень нравился, и получилъ въ обмѣнъ четыре листа бумаги, очень мило иллюстрированной, которая должна была имѣть рѣшительное вліяніе на его будущность.

„Современный Театръ“ занималъ его и онъ часто туда заглядывалъ. Эта изнанка сцены, эти грязныя кулисы, пропитанныя запахомъ газа, имѣли для него неодолимую прелесть. Онъ находилъ большое удовольствіе болтать съ актрисами, смотрѣть вблизи на ихъ нагрѣнные лица, придававшія имъ видъ грубо размалеванныхъ куколъ, и ихъ матовыя плечи, покрытыя жидкими бѣлилами. Иногда маленькая ручка брала его за бортъ сюртука и оставляла на немъ слѣды мѣла, которые трудно было уничтожить. Онъ становился въ углу подвижной стойки и съ любопытствомъ разсматривалъ парики, газавшіеся издали такими хорошенькими, — а вблизи такими грубыми; глаза, сильно подведенные углемъ и удлиненные въ углахъ синими точками; накрашенные красной краской губы, между которыми выдѣлялись два ряда бѣлыхъ зубовъ.

Всего болѣе забавляло Жана видѣть, какъ посреди оживленнаго разговора актеръ начиналъ корчить и жмурить свое лицо и затѣмъ, бросившись на сцену, кричалъ дрожащимъ голосомъ:

— Это ложь, графъ, я вамъ отмщу за нее.

Ему нравился этотъ контрастъ между естественной, обыкновенной жизнью и преувеличенной, театральной. Нервы его напрягались, помимо его воли, жизнь дѣлалась полнѣе, имъ овладѣвала театральная горячка, и въ той средѣ, гдѣ оглушительно звучалъ гс-

лось, гдѣ свѣтъ разливался въ излишествѣ, для него быстро летѣло время. Онъ проникался этимъ актерскимъ ремесломъ.

Ромбо представилъ его Клемансъ; онъ былъ любезенъ съ нею, но держалъ себя осторожно. Еслибъ онъ былъ особенно внимателенъ. то, по всей вѣроятности, актриса обратила бы на него вниманіе не больше, какъ на тѣхъ, которые за ней ухаживали. Холодность Жана кольнула ее. Зачѣмъ онъ отдалается? Зачѣмъ не ищетъ ея благосклонности? Развѣ не стоитъ труда искать ея? Жанъ произвелъ на нее впечатлѣніе очень положительнаго молодого человѣка, но очень дерзкаго, и она твердо рѣшилась дать ему почувствовать свою власть. Но Жанъ, повидимому, гораздо болѣе желалъ хорошенько сойтись съ Нуно, чѣмъ понравиться Клемансъ. Когда португалецъ находился тутъ, онъ овладѣвалъ имъ и оживленно съ нимъ бесѣдовалъ. Тогда раздосадованная молодая женщина дѣлала повелительные знаки Селиму, принуждая его подойти къ ней. Но де-Бривъ, повернувшись на своихъ каблучкахъ, преспокойно шелъ отыскивать Ромбо или слушалъ старые, однообразные анекдоты, которые докторъ Пансеронъ любилъ рассказывать о великой романтической эпохѣ.

— О чемъ вы говорили съ де-Бривомъ? однажды вечеромъ спросила съ досадой Клемансъ у Нуно?

— Объ очень важномъ дѣлѣ, относительно руды... Этотъ молодой человѣкъ очень уменъ...

— Однако настолько невѣжливъ! Онъ старается не подходить ко мнѣ... Развѣ онъ думаетъ, что вы ревнивы? Въ такомъ случаѣ, его осторожность обнаружила бы очень большое тщеславіе. Не воображаетъ-ли онъ, что я брошусь ему на шею?

— Я приведу его къ вамъ, моя дорогая, и вы ему объясните его воступокъ.

Жанъ, подведенный къ Клемансъ, какъ виновный къ ногамъ королевы, былъ очень милъ и сумѣлъ загладить свою вину. Обезоруженная Клемансъ должна была сознаться самой себѣ, что онъ ей нравился до безумія. Она вернулась домой изъ театра, томимая той тревожной страстью, отъ которой, чрезъ пять минутъ, вѣтряная женщина очутится въ объятіяхъ человѣка, еще незнакомаго ей наканунѣ.

Въ одинъ зимній вечеръ, снѣгъ падалъ большими хлопьями, покрывая городъ точно бѣлой скатертью. Ни одинъ изъ обычныхъ посетителей не пришелъ въ театръ. Ромбо заперся у себя въ кабинетѣ, чтобы разсмотрѣть модели декорацій. Страшная скука тяготѣла надъ мрачнымъ театромъ. Актеры играли выло предъ пустымъ на полови-

ну партеромъ. Г-жа Бреваль страдала сильной мигренью, и одинъ лишь Демазюръ, веселый, съ одушевленнымъ взоромъ, ходилъ проворно по сценѣ, говоря, что эта зима ему напоминала Петербургъ, прекрасное время его драматической карьеры.

Покинутая Клемансъ была въ ужасномъ расположеніи духа, журила свою горничную, несчастную Жюльень, за то, что та не перешла на ея платьѣ волановъ, и въ такихъ грубыхъ выраженіяхъ, которыя отзывались Сен-Лазаромъ. Вдругъ лицо ея прояснилось, улыбка появилась на губахъ: она увидала де-Брива. Онъ шелъ по сценѣ по направленію къ ней. Клемансъ издали любовалась его изящной походкой, его стройнымъ станомъ, красиво обрисованнымъ въ черномъ полковомъ жилетѣ съ мелкими цвѣточками и во фракѣ съ узкими отворотами. Она протянула ему руку съ ласковой небрежностью и тихо привлекла къ себѣ. Онъ не сопротивлялся и опустился на скамейку, почти у ногъ стоявшей предъ нимъ актрисы.

— Сегодня страшный холодъ, произнесъ онъ, и я жалѣю васъ, что вы должны играть съ открытой шеей... Я только прошелъ чрезъ театръ и то уже замерзъ.

Клемансъ быстрымъ движеніемъ сдернула съ себя шубку, подбитую чернубурой лисицей, и накрыла ею Жана, который въ одну минуту очутился въ мягкомъ, раздушенномъ мѣху. Ощущеніе было такъ сильно, что Жанъ поблѣднѣлъ. Ему казалось, что его сжимаютъ объятія Клемансъ и что охватывающая его теплота была теплота тѣла молодой женщины. Съ минуту они стояли другъ противъ друга, молча, оба взволнованные. Она смотрѣла на него со смущенной улыбкой, а онъ, подъ вліяніемъ пылкаго взгляда актрисы, съ тревогой чувствовалъ, что перестаетъ владѣть собою.

Они находились въ полумракѣ, позади подвижной стойки для лампъ. Клемансъ, окинувъ бѣглымъ взглядомъ кругомъ себя, увидала, что они были одни; тогда, наклонясь, она взяла обѣими руками голову Жана и поспѣшно поцѣловала его въ губы. У него вырвалось глухое восклицаніе; онъ живо вскочилъ и, сбросивъ шубку, какъ будто въ этомъ мягкомъ мѣху заключался опасный ядъ, обратилъ къ молодой женщинѣ свое измѣнившееся лицо, но ничего не успѣлъ ей сказать: легкая и граціозная, она мелькнула мимо него и выпорхнула на сцену.

Ошеломленный Жанъ отправился въ кабинетъ Ромбо, коротко съ нимъ поздоровался и, растянувшись въ креслѣ, закурилъ папироску и началъ, въ глубокомъ размысленіи, пускать дымъ учащенными клубами къ потолку.

Де-Бривъ былъ недоволенъ собою и обвинялъ себя въ происшедшемъ. Онъ догадывался, что по недостатку твердости и по своей необычайной фамильярности онъ доставилъ Клемансъ случай, котораго она давно искала. Онъ, отлично умѣвшій обрывать людей, пытавшихся подкупить или провести его, вдругъ поступилъ, какъ школьникъ и теперь поставилъ себя въ неловкое положеніе. Онъ уже составилъ было планъ, какъ завязать дѣловыя отношенія съ Нунно. Онъ велъ свое дѣло съ рѣдкой осторожностью и хитростью и былъ уже близокъ къ тому, чтобы банкиръ самъ предложилъ, что ему хотѣлось получить, какъ вдругъ Клемансъ своими глупыми фантазіями стала ему поперекъ дороги.

Кратковременная связь съ красивой женщиной, во всякое другое время, была бы для него самымъ обыкновеннымъ приключеніемъ. Клемансъ стоила того, чтобы отвѣтить на ея любезности. Но въ положеніи, въ которомъ онъ находился, это являлось совершенно невозможнымъ. Какъ бы ловко онъ ни скрывался, но чрезъ недѣлю навѣрно, утромъ или вечеромъ, увидали бы его выходящимъ отъ нея. Достаточно было бы какому нибудь театральному пролазу, всегда готовому подсмотрѣть и подслушать, одного пойманнаго взгляда или схваченнаго налету слова, чтобы обнаружить тайну, и онъ былъ бы радъ сообщить все Селиму. Положимъ, португалець не слишкомъ заблуждался насчетъ вѣрности Клемансъ, но онъ неохотно бы сдѣлалъ своимъ повѣреннымъ того, кто выказалъ ему такъ мало уваженія. Жанъ былъ холодный, не увлекающійся человекъ. Между удовольствіемъ и дѣломъ онъ не колебался, и какъ бы ни было это трудно, но онъ рѣшился настолько отступить, насколько приблизилась Клемансъ. Желая разомъ покончить этотъ вопросъ, онъ вышелъ изъ кабинета Ромбо.

Пьеса кончилась. Было не болѣе половины двѣнадцатаго. Каждый спѣшилъ вернуться домой, артисты живо прекратили разговоръ. Клемансъ, въ простенькомъ платьѣ, въ какомъ была въ послѣднемъ актѣ, въ нерѣшимости стояла на сценѣ, отыскивая взглядомъ де-Брива. Увидя его, она какъ будто на что-то рѣшилась.

— Я не буду раздѣваться, сказала она. Жюльенъ, принесите сюда мою шляпку и приберите все въ уборной.

И пока ея горничная поднималась по лѣстницѣ, она обратилась къ Жану:

— Желаете вы проводить меня до кареты?

Де-Бривъ поклонился въ знакъ согласія. Они были окружены и имъ нельзя было говорить свободно. Режисеръ отдавалъ приказанія

относительно репетицій, машинисты ставили декораціи перваго акта для слѣдующаго дня. Они отправились не подъ руку, а рядомъ, спускаясь по узкой лѣстницѣ, ведущей ко входу артистовъ. Выйдя на улицу, покрытую снѣгомъ, Клемансъ искала глазами свою карету, но увидала только лакея, приближавшагося къ ней со шляпой въ рукѣ.

— Лошади не могли подъѣхать, сударыня, сказалъ онъ, на улицѣ Бонди страшная гололедица. Карета дожидается въ улицѣ Порт-Сен-Мартэнъ. Можно пройти по бульвару.

Клемансъ взяла подъ руку Жана и прижалась къ нему.

— Я думаю, вамъ будетъ трудно вернуться домой въ такую дурную погоду. Желаете, я васъ доведу?

Онъ съ минуту колебался, какъ бы придумывая, какую болѣе приличную форму придать своему отказу; затѣмъ, улыбаясь, сказалъ, какъ будто шутя:

— Вы слишкомъ неосторожны. Что могутъ подумать, увидѣвъ меня выходящимъ изъ вашей кареты?

Она посмотрѣла ему прямо въ глаза и отвѣтила съ увѣренностью:

— Пусть говорятъ, что хотятъ...

— Вамъ это можетъ дорого обойтись!..

— Что за дѣло, если это доставляетъ мнѣ удовольствіе.

Онъ высвободилъ свою руку, которую она крѣпко прижимала къ груди.

— Я не хочу допустить васъ дѣлать глупости, милая Клемансъ: сказалъ онъ съ твердостью.— Я недостаточно богатъ и не въ состояніи поправить ихъ... Оставайтесь добрыми друзьями, это гораздо лучше...

Клемансъ поблѣднѣла. Ея черные глаза сверкнули точно молнія и она востылинула задыхающимся голосомъ, какъ послѣ скорой ходьбы:

— Жанъ, я хочу, чтобы вы ѣхали со мною!

Онъ сдѣлалъ два шага впередъ, открылъ дверцу кареты, помогъ молодой женщинѣ войти и, поклонившись, тихо произнесъ:

— Нѣтъ!

Она вскрикнула, хотѣла было выскочить изъ кареты, но онъ уже скрылся изъ виду. Лакей захлопнулъ дверцу, кучеръ стегнулъ лошадей и карета помчала Клемансъ, залившуюся слезами отъ безсильной злобы.

Клемансъ часто приходилось отвѣчать: „нѣтъ“, но ей самой еще никогда и никто такъ не отвѣчалъ. Капризное чувство къ Жану, встрѣтившее сопротивленіе, обратилось въ сильную страсть. Она покліялась

восторжествовать надъ нимъ и искала причинъ, которыя могли отдалить его отъ нея, но причины эти были особеннаго рода и Клемансъ не наша ихъ. Она думала, что Жанъ любить когонибудь и желаетъ остаться вѣренъ, однако случай доказалъ ей, и даже очень скоро, что она ошиблась, что сердце молодаго человѣка было свободно.

Это сердце де-Бривъ всецѣло отдалъ Лизѣ Флѣронъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которыхъ громадный успѣхъ молодой актрисы поразилъ болѣе всего. Его обычная холодность исчезла, растаяла, какъ ледъ на солнцѣ. Онъ выказалъ странное одушевленіе и въ продолженіе нѣсколькихъ дней былъ неузнаваемъ; затѣмъ онъ овладѣлъ собою и совсѣмъ скрылся.

Онъ строго разобралъ себя и испугался того хаоса, какой царилъ въ его умѣ. Жанъ только и думалъ о Лизѣ. Заботы о дѣлахъ, которыя до того времени господствовали надо всѣмъ въ его жизни, теперь отодвинулись на второй планъ. Ему стало страшно, онъ вздумалъ было бороться и пересталъ ходить въ театръ, но жизнь показалась ему тогда монотонной, и онъ, по неволѣ, тащился въ клубъ, чтобы убить нескончаемые вечера. Часто у него являлась бѣшеная фантазія прыгнуть въ карету и велѣть везти себя въ улицу Бонди.

Въ сущности, какой вредъ могъ быть отъ этого? Развѣ онъ ребенокъ, что боится подойти къ этой прелестной дѣвушкѣ? Онъ мысленно видѣлъ ее на сценѣ, окруженную толпою поклонниковъ; ея улыбка учащала біеніе его сердца и, подъ вліяніемъ внезапной злобы, онъ говорилъ себѣ: „Она полюбитъ когонибудь изъ нихъ, а я, какъ идіотъ, упушу счастливый случай.“ Тогда внутренній голосъ громко повторялъ ему: „Тѣмъ лучше!—Эта женщина можетъ погубить тебя!“

Напрасно онъ доискивался, какимъ образомъ Лиза, такая кроткая, такая чистая, могла бы имѣть дурное вліяніе на его жизнь; настоятельный голосъ не умолкалъ, поднимая въ немъ какой-то суевѣрный страхъ. Его привлекала и въ то же время отталкивала эта опасная угроза. Черезъ нѣсколько дней Жанъ совсѣмъ превратился въ несчастнаго человѣка. Онъ не находилъ удовольствія ни въ чемъ. Его дѣла уже не имѣли для него никакого интереса. Наконецъ, чувствуя, что твердость покидаетъ его, онъ заключилъ мировую сдѣлку съ своей совѣстью: онъ пошелъ не на сцену, но въ залу.

Въ первый же вечеръ, Клемансъ, своимъ проницательнымъ окомъ, отыскала его въ глубинѣ оркестра, въ тѣни, падавшей отъ балкона, и послала ему насмѣшливую улыбку, но де-Бривъ притворился, что не замѣтилъ ея. Онъ сидѣлъ въ залѣ, раздѣляя третій восторгъ публики, и, поддавшись страстному обаянію, производимому Лизой, съ

наслажденіемъ прислушивался къ лестнымъ отзывамъ зрителей. Онъ удивлялся громаднымъ успѣхамъ, сдѣланнымъ молодой дѣвушкой въ такое короткое время, и понималъ, что ея престижъ съ каждымъ днемъ становится прочтѣе. Ему часто приходилось слышать, какъ молодые люди свободно высказывали свои желанія и завидовали тому, кто былъ любимъ этой очаровательной дѣвушкой. Жанъ улыбался. Онъ зналъ, что она никого не любила, и былъ убѣжденъ, что никто не могъ бы ее отбить у него, еслибы онъ увлекся желаніемъ обладать ею.

Между тѣмъ Лиза ничего не подозрѣвала. Простодушная, она не замѣтила тревоги, которую заронила въ сердце Жана. Чтобы быть проникательной, у нея не было такихъ причинъ, какъ у Клемансъ. Ревность не руководила ея взглядомъ. Она продолжала играть безъ всякой задней мысли, счастливая своимъ успѣхомъ и довольная рассыпаемыми передъ нею похвалами; она радовалась, видя себя окруженною поклонниками, но относилась все это къ своему искусству, имѣя только одно это искусство передъ глазами.

Однажды, въ своей уборной, смежной съ уборною Фанни Манжэпъ, она перемѣняла туалетъ; Фанни, не участвовавшая въ третьемъ актѣ, играла съ г-жей Кретьенъ, страстной картѣжницей, въ китайскій безикъ и, занятая игрою, не слыхала, какъ взшла по лѣстницѣ Лиза.

— Отчего это, спросила г-жа Кретьенъ, — съ нѣкотораго времени не видно г-на де-Бривъ?

— Не говорите, отчего его не видно, стѣвила рыжая красавица. — скажите, отчего вы его не видите. Онъ каждый вечеръ бываетъ въ театральной залѣ.

— Вотъ какъ! Для кого же это?

— Хитрость! Потому что онъ до безумія влюбленъ въ Лизу.

— Такъ что жъ? Мнѣ кажется, это вовсе не причина не приходить болѣе на сцену...

— Вы полагаете такъ?... Пятьсотъ... Ахъ! это счастливо! Я думала, что всѣ пиковыя дамы уже вышли... Мѣлъ хрупнулъ подъ пальцами Фанни, которая добавила:

— Видите-ли, де-Бривъ престранный человѣкъ: у него особенныя понятія о женщинахъ...

Увлеченная игрою, Фанни перестала разговаривать и только произносила глухія междометія, когда не выходили ожидаемыя карты. Лиза, въ сильномъ смущеніи, забывъ одѣваться, все еще продолжала прислушиваться, но только слышала въ тишинѣ сильные удары сердца, бившагося въ ея груди. Внезапно вызванный образъ Жана пред-

сталь предъ нею. Она снова увидала молодого человѣка, увидавшагося за ней, но съ какой-то почтительной застѣнчивостью. Онъ и въ этотъ разъ выказывалъ свего восторга съ тѣмъ грубымъ, преувеличеннымъ экстазомъ, съ какимъ Нуно устремлялъ на нее взгляды, выражающіе животную алчность. Сдержанный, деликатный, онъ едва осмѣливалось подойти къ ней. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, потому что онъ ее любилъ, онъ не хотѣлъ больше приходить.

— Бѣдняжка! проговорила она съ снисходительной улыбкой.

Звукъ ея голоса напомнилъ ей о дѣйствительности. Она увидѣла, что находится одна въ уборной, и ей стало стыдно, что она увлеклась своимъ воображеніемъ: „Я сумашедшая! сказала она про себя. — Что мнѣ за дѣло до любви этого молодого человѣка. Развѣ объ этомъ нужно думать?“

Раздался звонокъ извѣстителя. Она вышла въ коридоръ, незаметно проскользнула мимо дверей Фанни Манжэнъ, чтобы не подозрѣвали, что она слышала разговоръ, и дала себѣ слово не стараться отыскивать Жана.

Но какая-то магнетическая сила принуждала ее искать. Лиза капризно произносила свою роль, глаза ея всматривались въ глубину залы. Вдругъ она почувствовала сильное сотрясеніе: она увидала того, кѣмъ была любима, неподвижнаго, восторженнаго. Лиза хотѣла отвернуться, но не могла; ихъ взгляды встрѣтились. Взглядъ молодой дѣвушки былъ тревожный, очарованный; взглядъ Жана страстный, пылкій. Трепещущая Лиза испытывала какъ бы ощущеніе жгучаго поцѣлуя; она поблѣднѣла и обратилась къ Жану съ нѣмой мольбой. Онъ какъ будто понялъ, наклонилъ голову и пересталъ смотрѣть на нее.

Успокоенная Лиза могла продолжать свою роль. Она была благодарна де-Бриву за его повиновеніе и чувствовала себя счастливо тѣмъ, что онъ понималъ ее; но она съ безпокойствомъ спрашивала себя, какія понятія, по словамъ Фанни Манжэнъ, были у него въ женщинахъ....

Она могла бы спросить у него самого, такъ какъ въ слѣдующемъ антрактѣ Жанъ, не выдѣржавъ характера и забывъ все свои обѣщанія, пришелъ на сцену; но она ограничилась тѣмъ, что отвѣтила на его почтительный поклонъ робкимъ, едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы и убѣжала въ сильнѣйшемъ смущеніи, какое только ей приходилось испытывать въ жизни.

Жанъ стоялъ, не двигаясь съ мѣста, провожая ее глазами. Она не замѣтила Клемансъ, которая прошла позади него и была свидѣ-

ельницею сцены, ничего не значащей для другаго и многозначительной для нея. По взгляду Жана и по смущенью Лизы, актриса угадала ихъ взаимную любовь. Она проскользнула мимо молодого чело-вѣка, не будучи имъ замѣченной: до такой степени онъ былъ погруженъ въ свои мысли. Она не желала съ нимъ говорить, боясь невольно выдать свою тайну, оскорбить и поразить его. Быстро взбѣжавъ по лѣстницѣ, Клемансъ заперлась въ своей уборной и тамъ дала волю своему бѣшенству. Она скрежетала зубами, кусала губы, какъ будто хотѣла этими маленькими перлами разорвать свою соперницу, и ломала себѣ руки, не имѣя возможности ломать чтонибудь другое, болѣе нѣжное, мягкое и красивое, какъ напри-мѣръ, шею Лизы Флэронъ. Затѣмъ, бросившись на диванъ, уткнувъ голову въ подушку отъ страха, чтобы ее не слышали, она произносила угрозы, проклятія и наконецъ, не помня себя, съ разбитыми нервами, разразилась истеричными рыданіями.

V.

На сценѣ, представлявшей обширную залу временъ Людовика XIV, съ занавѣсомъ, скрытымъ подъ задней декорациею, заимствованной изъ той же эпохи, посреди цвѣтовъ и при свѣтѣ люстръ, подъ звуки оркестра, оставшагося на своемъ мѣстѣ, но котораго не было видно, артисты „Современнаго Театра“ и гости Ромбо оканчивали ужинъ. Вокругъ стола, въ видѣ подковы, сидѣло чело-вѣкъ пятьдесятъ приглашенныхъ. Метр-д'отели изъ ресторана Бребанта, съ забоченнымъ видомъ, ходили мелкими, скорыми шажками со сцены за кулисы, гдѣ кушанья и бутылки складывались въ большія продолговатыя корзины, принесенныя отрядомъ поваренковъ.

Въ углу, за подвижной стойкой для лампъ, подлѣ каморки газетчика, подъ ослѣпительнымъ свѣтомъ рефлекторовъ, машинисты угощались остатками ужина. Какъ ни принуждали они себя воздерживаться, но по временамъ ихъ шумная веселость вырывалась наружу, соединяясь съ хлопаньемъ пробокъ изъ бутылокъ шампанскаго и съ громкими взрывами смѣха, доносившагося со сцены и вторившаго этому грубому веселью.

Разговоръ дѣлался оживленнѣе, діапазонъ голосовъ возвышался; отъ пламени газа и отъ запаха вина, атмосфера становилась опьяняющей и дѣйствовала одуряющимъ образомъ на мозгъ. Вдругъ воцарилось глубокое молчаніе и слегка поблѣднѣвшій Даніель Кам-

бри поднялся съ своего мѣста. Въ медленно произнесенной рѣчи онъ благодарилъ доблестную труппу „Современнаго Театра“, котораго своимъ мастерскимъ исполненіемъ содѣйствовала успѣху его предвѣдѣнія. И по мѣрѣ того, какъ прочувствованныя слова срывались съ его устъ, глаза поэта загорались огнемъ и голосъ принималъ таллическую звучность. Въ упоеніи своего торжества, онъ казался будто воспѣвалъ побѣдоносное шествіе юношества, стремящагося къ завоеванію славы.

Лабарръ былъ чрезвычайно взволнованъ; кровь прилила къ груди, онъ сильно завидовалъ этому счастливцу, который, съ вѣты своего успѣха, могъ съ гордостью взирать на будущее и клицать:

— „Оно мое!“—Клавдій говорилъ себѣ, что и онъ также бы испытать подобное удовольствіе, что теперь настала его очередь. Широкое, безпредѣльное поприще открыто для всѣхъ. Ему стоило только вступить въ борьбу и побѣдить.

Но сколько усилий придется ему сдѣлать! сколько враговъ жить себѣ! Всѣ эти серьезные и веселые люди, которые его окружаютъ, первосвятители искусства съ строгимъ челомъ, критики и скептические и рѣдко удовлетворенные, хроникѣры, жужжащіе и дѣлающіе какъ мотыльки, отъ которыхъ зависитъ, поднести-ли славу медъ своихъ похвалъ, или дать почувствовать острый уколъ своего жала, актеры всегда недовольные своею ролью и готовые провалиться въ пьесу, и зрители первыхъ представленій, эти молодые франты, цѣлы клубнаго общества, которыхъ онъ видѣлъ тутъ, такъ безукоризненно одѣтыхъ, завитыхъ, съ гарденіей въ петличкѣ, и кокетничавшихъ съ своими сосѣдками,—со всѣми ими предстоитъ ему вступить въ борьбу на полѣ брани, покрытомъ сѣтями, ловушками, и подчинить ихъ своей власти.

Но еслибъ онъ достигъ этого, какая зато побѣда! Въ одну минуту, какъ только онъ приобрѣтетъ извѣстность, его имя разнесется по всѣмъ концамъ Парижа, такъ какъ успѣхъ въ театрѣ будетъ полный, поразительный. Сдѣлаться соперникомъ, товарищемъ, братомъ этого молодаго человѣка, котораго всѣ слушаютъ со вниманіемъ, и который, стоя, какъ триумфаторъ, привѣтствуемый толпою, выражалъ словами, звучащими страстью, свое счастливое упоеніе. Какая мечта!

Глава клаки, высокій Бернаръ, увлеченный привычкою, подавая сигналъ, стукнувъ два раза ногою, и вызвалъ взрывъ аплодисментовъ. Камбри сѣлъ на свое мѣсто, посреди радостныхъ возгласовъ.

благопріятныхъ пожеланій и дружескихъ изліяній. Слышно было громкое чоканье стаканами, а г-жа Бреваль, съ театральнымъ жетонъ, схватила молодого автора и поцѣловала его при всеобщихъ восторженныхъ крикахъ пирующихъ.

Затѣмъ снова наступило молчаніе. Ромбо всталъ со стаканомъ въ рукѣ и въ свою очередь началъ рѣчь; въ громкихъ фразахъ онъ изложилъ программу „Современнаго Театра“. „Все достигнуто съ помощью юношества и все для юношества! Здѣсь, на этой сценѣ, основывалась драматическая будущность Франціи. Здѣсь, подъ кровомъ этихъ стѣнъ, долженъ возрасти и преуспѣвать расадникъ молодыхъ силъ. Водушевленный и самъ увлекшійся трогательнымъ общаніемъ улучшенія театра, Ромбо внезапно остановился посреди эффектной фразы, радъ окончаніемъ которой онъ трудился цѣлое утро. Онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе, чтобы продолжать, но голосъ замеръ у него въ горлѣ, онъ поводилъ кругомъ блуждающими глазами, два раза принимался колотить себя въ грудь, но ничего не вышло, и видя, что го краснорѣчіе ему совсѣмъ измѣнилось, онъ поднялъ свой стаканъ, воскликнувъ напряженнымъ голосомъ:

— За будущность „Современнаго Театра!“

Съ гамомъ и топаньемъ встрѣтили всѣ эту заключительную фразу, которая имѣла то двойное преимущество, что была коротка и не напыщена. — Тостъ, вылившійся прямо изъ переполненнаго сердца Ромбо, былъ дружно повторенъ гостями, и Павильи своимъ сильнымъ голосомъ проговорилъ: — „Можетъ быть, уже пора предложить руку дамамъ и пойти протанцовать кадрилики!“ — Всѣ поспѣшно поднялись изъ стола и отправились въ театральнй фойе, превращенный въ балетную залу.

Лабарръ, робкій, какъ и подобаетъ новичку, вышелъ послѣднимъ. Раскраснѣвшійся высокій Бернаръ съ дружеской фамиллярностью, оложивъ руку на плечо писателя, воскликнулъ:

— Пирушка отлично удалась! Гм!.. Я недурно поджигалъ во время тостовъ!... Видите-ли, въ этомъ театрѣ это сотовое представленіе, теперь довольно и двухъ пьесъ въ годъ! За вами очередь! Тогда азчитывайте на меня!

Фойе представлялъ очень интересную картину. Раздѣлившись на группы, мужчины и дамы, стоя, оживленно болтали. Безъ различія вѣннй и школь, собравшись на почвѣ искусства, авторы, журналисты, эманисы дружно соединились, отбросивъ въ сторону свои предубѣжденія и злопамятство. Тутъ Клавдію было легче ихъ разсмотрѣть, ежели за столомъ. Предъ нимъ стоялъ глава оркестра, — эта грозная

власть, таинственно скрытая, какъ венеціанскій трибуналъ, ищающая своихъ лазутчиковъ и сборовъ, такъ что не одному директору слышалось по ночамъ, какъ будто кто-то ходитъ въ стѣнѣ, стараясь разгадать тайну его сна. Этотъ ужасный анонимъ мирно воплощался въ бѣлокуромъ молодомъ человѣкѣ, который съ иностраннымъ акцентомъ, но съ чисто французской живостью оканчивалъ кабую-то театральную, повидимому, очень заинтересовавшую его слушателей, въ числѣ которыхъ находились: Максимъ Фошеронъ, водевиллистъ съ монашеской наружностью и хитрыми глазками, притаившимися за очками; Пьерръ Деванвъ, высокій, красивый юноша, для котораго, послѣ двухъ успѣховъ, совершенно противоположнаго свойства, одержанныхъ одинъ за другимъ, открылись двери всѣхъ театровъ. Немного дальше блистательнѣе толстякъ Фредерикъ Вернэй, необыкновенно прямодушный, не имѣвшій ни друзей, ни враговъ, одинаково скорый и на хулу и на похвалу, обожающій театръ и отлично изучившій сцену, внимательно слушавшій повѣствованія Адольфа Огю, плѣшиваго господина съ умнымъ лицомъ и нафабранными усами, соединявшаго въ себѣ ученаго писателя, и краснаго археолога и замѣчательнаго финансиста, трактующаго одинаковымъ умѣньемъ какъ о драматическомъ вопросѣ, такъ и о экономическомъ, съ неистощимымъ запасомъ анекдотовъ и воспоминаній, которые онъ передавалъ съ рѣдкимъ остроуміемъ. Возлѣ него Генрихъ Фокэ, политическій хроникеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ драматическій критикъ, афинянинъ изъ Марсели, весьма изящный и рѣчистый, подробно описывалъ свое путешествіе въ Италію Фурнере, знаменитому конференцъ-секретарю, который, съ своими длинными волосами и висящими усами, глядѣлъ средневѣковымъ рыцаремъ въ современномъ костюмѣ. Окруженный молодыми людьми и самъ молодой всѣхъ, Рольфъ, знатокъ парижской хроники, развивалъ своимъ рѣзкимъ голосомъ поразительный парадоксъ, которому придавалъ дьявольскимъ жаромъ вѣроятность неоспоримой истины. Генрихъ Сеннъ, литераторъ и блестящій журналистъ, господствовалъ своимъ высокимъ ростомъ надъ гастрономомъ Понселэ. Викторенъ Поль одинъ изъ ужаснѣйшихъ насмѣшниковъ нашего времени, далъ волю своей фантазіи, между тѣмъ какъ Леонъ Риго спорилъ о религіозномъ вопросѣ съ Фарко, писателемъ рѣдкаго таланта и философскаго ума, который, со сверкающимъ взоромъ, со растрепанной прической, вслушивался въ бесѣду.

Адольфъ Каро, талантливый романистъ и блестящій журналистъ, съ горячностью излагалъ свои легитимистскія убѣжденія при Леонѣ Жандрономъ, республиканцемъ скептической школы, своею об-

хроникёромъ, бывшимъ адвокатомъ, отказавшимся отъ своихъ
 тѣхъ, озлобленнымъ противъ хорошо ему извѣстной магистратуры,
 жившимъ жалкое существованіе критика и жаловавшимся на длин-
 ные спектакли, т. е. на пошлость пьесъ и на игру актрисъ.
 Даксъ, молодой критикъ „Обзора“, изящный и свѣтскій чело-
 вѣкъ, довольствующійся писаніемъ различныхъ заимствованныхъ ста-
 тей въ ожиданіи, пока онъ самъ напишетъ сочиненіе или пьесу, ко-
 торую поставитъ его на первое мѣсто, переходилъ отъ одной группы
 къ другой, увиваясь около дамъ, всегда готовый сказать остроу или
 шутку. Отъ времени до времени, онъ отправлялся отыскивать
 своего друга Камбри, своего закадычнаго друга, который, сидя въ углу,
 читалъ Франсуа Доббе. поэтъ съ нѣжнымъ взоромъ и задумчи-
 вымъ выраженіемъ лица, очень занятого разговоромъ завязки своей
 драмы. Арманъ Сильвэнъ, красивый, бородатый юноша съ
 красивой фізіономіей, импровизировалъ, изъ угожденія Альбертинѣ
 о сонетъ крайняго реализма и клялся этому мальчишкѣ въ любви.
 Онъ посвятилъ ей слѣдующую книгу своихъ „Contes papelards“ (Лице-
 выхъ сказокъ); между тѣмъ какъ издатель, печатающій произ-
 веденія Камбри, разспрашивалъ Бьенпассана, одного изъ лучшихъ
 писателей новѣйшей школы, о подробностяхъ его новой книги.
 Это было поразительно оживленное зрѣлище. Каждый изъ этихъ
 людей, взятый отдѣльно, достойный вниманія и привыкшій привле-
 чать его, отложивъ въ сторону всякое притязаніе, всякое положе-
 ніе и предавшись обаянію подобнаго соединенія, непринужденно
 участвовалъ этимъ примирительнымъ вечеромъ, во время котораго
 каждый старался показать ласковый видъ, а завтра снова оскалить зубы.
 Скоро разговоръ принялъ чрезвычайно интересный оборотъ между
 женщинами, которыхъ талантъ состоялъ въ томъ, чтобы нравиться,
 и мужчинами, специальностью которыхъ было забавлять. Лабарръ, не
 существовавшій въ спектаклѣ и потому не считавшій себя обязаннымъ
 держать честь своего знамени, не прилагалъ для этого даже
 никакихъ стараній, и болѣе одинокій, чѣмъ провинціалъ въ толпѣ,
 наслаждался безъ всякой задней мысли удовольствію, которое ему достав-
 ляла настоящая минута. Также, какъ философъ римской оргіи въ
 красной картинѣ Кутюра, онъ могъ сложить руки и наблюдать
 прогрессивнымъ ходомъ веселья, которое у парижанъ быстро раз-
 сѣивается и бѣдетъ черезъ край, легкое, какъ пѣна шампанскаго.
 Онъ удивлялся, сколько жара потрачено было въ эти минуты. Лов-
 ловѣловъ собралъ бы всѣ стрѣлы, просвиставшія въ нѣсколько

минуть въ этой вѣжливой стычкѣ, и достаточно обогатилъ бы свою умъ для того, чтобы съ успѣхомъ написать четыре тома.

Посреди этого шумнаго собранія, одна особа держала себя тихо и спокойно. Сидя скромно у окна, Лиза Флѣронъ слушала, улыбаясь, веселыя рѣчи своихъ сосѣдей, но не вмѣшивалась въ разговоръ. Въ бѣломъ платьѣ, съ открытымъ лифомъ и розами въ волосахъ, она изображала эмблему простоты и невинности. Ея прелестное личико было немного блѣдно, и по временамъ она уградкой бросала взглядъ въ ту сторону, гдѣ стоялъ Жанъ де-Бривъ, занятый очень серьезнымъ разговоромъ.

Клавдій могъ на свободѣ разглядѣть ее. Онъ любовался ея тонкой, стройной таліей, ея красивыми, неполнѣ развившимися плечами, доказывавшими ея юность, ея бѣлой шейкой, около которой не обвивалось никакой ленточки, скрывающей ея совершенство, и чудной головкой, украшенной діадемой бѣлокурыхъ волосъ. Можетъ быть, взглядъ Клавдія имѣлъ магнетическое вліяніе такъ какъ два раза глаза актрисы устремлялись на молодого человека и каждый разъ онъ подмѣчалъ дружескую улыбку на губахъ Лизы. Голосъ Ромбо отвлекъ его отъ этого пріятнаго созерцанія.

— Пойдемте, я васъ представляю Камбри, сказалъ директоръ.— Вы теперь часто будете имѣть случай съ нимъ встрѣчаться. Онъ можетъ вамъ быть очень полезенъ. Необходимо, чтобы вы сегодня же познакомились; этотъ день останется для него памятнымъ, потому что имъ ознаменованъ его первый счастливый успѣхъ.

Взявъ Клавдія подъ руку и пройдя чрезъ фойе, Ромбо подвел его къ молодому человѣку, который всталъ при ихъ приближеніи.

— Желаю вамъ счастья, равнаго моему, произнесъ молодой, и уже прославившійся писатель, въ отвѣтъ на поздравленіе Клавдія блестящимъ, неопровержимымъ успѣхомъ.— А въ особенносѣи я желаю чтобы онъ вамъ достался не такъ дорого, какъ мнѣ.

И картины жестокой, энергичной борьбы, предпринятой Камбри въ которой онъ, пораженный десять разъ, поднимался съ большимъ рвеніемъ и съ большимъ мужествомъ послѣ каждой неудачи,—представлялись воображенію Клавдія. Конечно, Камбри не похитилъ этой славы; онъ гордо завоевалъ ее трудомъ. Преждевременныя морщины избороздившія его лобъ, худоба лица, безпокойная подвижность глазъ, насмѣшливыя складки рта были вѣрными признаками обиды, лишений и скорби.

— Много трудностей мнѣ пришлось преодолѣть, продолжалъ серьезно писатель, какъ будто бросая взглядъ на свое прошлое... Н

рабыто, прибавилъ онъ съ безпечнымъ жестомъ. Часъ успѣха вознаграждаетъ за десять лѣтъ мученій. Я вырвался изъ ада и теперь въ рай. Взгляните, вотъ одинъ изъ его ангеловъ.

Онъ, знакомъ головы, показалъ Клавдію на очаровательную разговаривавшую съ царемъ фельетона въ другомъ концѣ фойе. Это она болѣе всего способствовала успѣху моей драмы. Она ея прелестью, поэзіей, лучемъ. Все, что могутъ сдѣлать грація тантъ, взятая вмѣстѣ, то сдѣлала она, и какъ бы шутя. Это — очаровательная дѣвушка и вы многимъ будете ей обязаны. Но развѣ незнакомы съ ней?

— Нѣтъ, отвѣтилъ Клавдій.

— Такъ пойдете, я хочу самъ познакомить васъ съ ней. Нѣтъ, идите, полюбуйтесь отсюда, сколько простоты и огня въ этой молодой дѣвушкѣ, и не есть-ли она воплощеніе невинности? Все въ ней способно обворожить, она одна изъ тѣхъ, которыя рождены для счастья. Даже ея имя Флэронъ даетъ нѣкоторое понятіе о вѣнчкѣ. Видите, какой высоты достигнетъ эта дѣвушка, если будетъ

...
русть промелькнула по лицу писателя, Клавдій съ безпокойствомъ взглянулъ на него.

— Извините меня, пожалуйста, продолжалъ Камбри, — но я чрезвычайно мнителенъ и суевѣренъ... Нѣсколько разъ мнѣ представляется эта очаровательная дѣвушка съ бѣлымъ покровомъ на головѣ, и я мученикъ... Не находите вы, что ея блѣдное и кроткое лицо напоминаетъ Офелію?

— Внезапномъ видѣніи Лабарру предстала Лиза, лежащая на полу, вся въ цвѣтахъ, съ грустной улыбкой и закрытыми глазами. Синеватая тѣнь разлилась по ея лицу. Въ темной комнатѣ, въ гробу, горѣли свѣчи печальнымъ свѣтомъ. Съ минуту онъ стоялъ, страшно смущенный, въ ухахъ у него шумѣло и раздавался небальный звонъ колоколовъ.

— Слава Богу, она совершенно здорова, замѣтилъ Камбри — и предвѣнія ничего не значать. Если она и Офелія въ настоящую минуту Офелія обожаемая, счастливая и обладающая здравымъ разумомъ.

— Они подошли. Лиза, оставивъ окружающихъ ее, встала, чтобы привѣтствовать. Вблизи Клавдій увидѣлъ на ея губахъ ту же улыбку, которая издали какъ будто предназначалась ему и совершенно покорила его сердце.

— Милая Лиза, сказалъ Камбри, — я вамъ привелъ Клавдія Лабарра,

вмѣстѣ съ которымъ вамъ скоро придется воевать и побѣждать. Я ему уже говорилъ, какую вѣрную союзницу найдетъ онъ въ васъ, и теперь онъ вѣруетъ и надѣется на вашу помощь. Оставляю его въ вашихъ рукахъ. Будьте къ нему благосклонны.

Лиза ничего не отвѣтила и упорно глядѣла на Клавдія. Наконецъ граціозно приподнявъ головку, она спросила своимъ пріятнымъ голоскомъ:

— Развѣ у васъ плохая память, monsieur Claude, или я такъ перемѣнилась, что вы меня не узнали?

И такъ какъ Лаббаръ стоялъ неподвижно въ недоумѣніи, она продолжала:

— Развѣ вы забыли тотъ маленькій садикъ, гдѣ мы когда-то вмѣстѣ сажали цвѣты?

При этихъ словахъ, сердце Клавдія замерло. Онъ вспомнилъ начальные дни своего пребыванія въ Эвре, тотъ ужасный вечеръ, когда онъ увидалъ отца въ старомъ вольтеровскомъ креслѣ, объѣхавшемъ всю Францію, вспомнилъ и мрачную тоску, развѣянную появленіемъ блѣлокурой дѣвочки, которая протянула ему руку и вырвала его изъ нравственнаго томленія. Такъ онъ не ошибся, когда ему показалось, что онъ видитъ прежнюю робкую, нѣжную Лизу въ этой другой, восхитительной, всѣми привѣтствуемой Лизѣ, которая смутила его повѣда, это была она; и въ глазахъ актрисы онъ узналъ ласковый взглядъ своей подруги дѣтства. Онъ не могъ удержать слезы, скатившихся по его щекѣ. Лиза привлекла его къ себѣ и усадила на диванъ.

— Ну! Что съ вами? спросила она.—Развѣ вы не рады видѣть меня? Я въ первую же минуту узнала васъ сегодня... Клавдій! Ваше имя осталось у меня въ памяти. Я надѣялась, что вы сами придете ко мнѣ и протянете дружески руку. Но вы остались равнодушными и какъ будто не замѣчали моихъ ласковыхъ улыбокъ, которыми вамъ посылала.

Она замолчала. Лаббаръ смотрѣлъ на нее въ какомъ-то экстазѣ; ему казалось, что они никогда не разлучались, что они постоянно жили вмѣстѣ: такъ крѣпки были узы, привязывавшія его къ ней. Его жизнь въ нѣсколько минутъ измѣнила свой видъ: она вдругъ стала свѣтлою, плодотворною, многообѣщающею. Достаточно былъ взглядъ двухъ голубыхъ глазокъ, чтобы все засіяло вокругъ Клавдія.

Лиза знакомъ подозвала къ себѣ де-Брива; ей хотѣлось связать молодыхъ людей тѣсной дружбой. Сидя между ними, забывъ о праздноствіи и не обращая вниманія на тѣхъ, которые вертѣлись около нея и добивались ея слова или улыбки, она съ наслажденіемъ она

углубилась въ свое, еще недалекое прошлое и рассказала Лабарру о своей жизни, о внезапномъ призваніи, проснувшемся въ ней, о стипендіи, которую ей выхлопоталъ префектъ, о своемъ поступленіи въ консерваторію и о несчастіи бѣдной старушки Флэронъ, потерявшей зрѣніе. Она говорила съ оживленіемъ, то грустно, то весело, сообщая своему другу о тяжелыхъ невзгодахъ и о ничтожныхъ радостяхъ ея прежней жизни, теперь огражденной отъ всего этого и обезпеченною будущностью.

Она съ удовольствіемъ смотрѣла на Клавдія. Не странно-ли было встрѣтиться при такихъ условіяхъ въ театрѣ, который былъ ихъ общей страстью! Кто могъ бы подозрѣвать, что онъ будетъ писать драмы, въ которыхъ она будетъ играть. Она отдалась душой и тѣломъ своему призванію! Ахъ! конечно, она съ любовью учила свои роли, но никогда не изучала изображаемое лицо, а теперь займется этимъ для него! Онъ увидитъ, на что она способна на сценѣ. Лиза обѣщала ему полный триумфъ.

Лабарръ сидѣлъ въ задумчивости, устремивъ на нее глубокій взоръ, который, казалось, испытывалъ сердце и угадывалъ мысли. На Лизу напало внезапное желаніе похвастаться своимъ вліяніемъ на эту толпу и показать, какъ предъ ней всѣ преклонялись; она встала съ мѣста и сдѣлала нѣсколько шаговъ въ фойе. Группы разсыпались и окружили ее въ одну минуту. По странной случайности, въ это самое мгновеніе, Клемансъ Вилла возвращалась съ балкона въ сопровожденіи цѣлой свиты. Жаръ сдѣлался удушливымъ, безчисленное множество звѣздъ блестѣло на небѣ въ эту прекрасную іюньскую ночь; актриса, оставивъ своихъ товарищій покурить, вышла подышать чистымъ воздухомъ и стояла, облокотившись на каменные перила, заглядываясь на бульваръ, еще оживленный въ такой поздній часъ. Она вернулась чрезъ широко распахнутыя двери, сіяя красотой въ своемъ розовомъ платьѣ, сплошь вышитомъ бусами. Двѣ соперницы очутились лицомъ къ лицу.

Онѣ могли перечислить своихъ приверженцевъ и взвѣсить свои силы. Всѣ серьезные представители литературы окружали своимъ вниманіемъ и засыпали похвалами прелестную артистку, общающуюся сдѣлаться гордостью и славою французской сцены. Клемансъ же заманила на свою сторону женщинъ, которыя въ глубинѣ души уже завидовали Лизѣ и съ трудомъ выносили ея превосходство, хотя впрочемъ, благодаря ея рѣдкой скромности, оно не было для нихъ гягостно.

По счастью, Фанни Манжэнъ разсѣяла свою красоту это на-

пряженное состояніе. Она была восхитительна въ своемъ бальномъ платьѣ изъ третьяго акта „Герцогини“, надѣвъ на себя, какъ она говорила, всѣ коронныя брилліанты и ослѣпивъ всѣхъ сіяніемъ драгоцѣнныхъ камней и блескомъ своихъ глазъ. Она, стоя, болтала съ Жоржемъ Фрайеромъ, маленькимъ брюнетикомъ, вѣчно въ поискахъ за новостями, вѣчно въ погонѣ за дѣломъ, талантливымъ журналистомъ, дѣятельнымъ администраторомъ, не имѣющимъ равнаго себѣ по части устройства празднествъ и, между прочимъ, подписывающимъ стишки, исполненные трогательной, мечтательной сентиментальности. Мортанъ, стоявшій въ углу у камина, издали слѣдилъ за рыжею красавицей и, принимая грустный, озабоченный видъ, рассказывалъ журналисту о недавно случившемся приключеніи съ одной очень вѣстной пѣвицей, щедро покровительствуемой какимъ-то царствующимъ германскимъ принцемъ.

— Да, мой милый, великій герцогъ, разлученный съ своею возлюбленной, чего требовало его высокое положеніе, чтобы доказать свою любовь, приказалъ готовить для всѣхъ своихъ домашнихъ и статскихъ и военныхъ, такой же обѣдъ, какой подавался наканунѣ у его красотки. Но такъ какъ ей, ведущей въ Парижѣ жизнь полишинеля, надоѣло ежедневно писать реестръ кушаньямъ, то она велѣла литографировать одинъ мѣню, и каждое утро посылала его своему августѣйшему любовнику... Вы можете судить, поэтому, о умѣ придворныхъ! Въ продолженіе двухъ недѣль, они ѣли одни и те же кушанья, наконецъ рѣшились отправить депутацію къ дамамъ и просить ее разнообразить мѣню обѣда.

— Что же тогда?

— Честное слово! Это были два красивыхъ уланскихъ офицера съ бѣлокурыми, свѣтлыми, какъ турецкій табакъ, волосами, и румяными, точно малиновое желе. Она имъ обѣщала налитографировать еще шесть мѣню, по одному на каждый день недѣли, затѣмъ отослала ихъ въ „Maison d'Or“, чтобы тамъ угостить досыта. И преданіе гласитъ, что...

— Слушайте, милый, не рассказывайте никому; мы изъ этого сочинимъ на завтра очень хорошенькій фельетонъ.

— Изъ чего? Изъ исторіи двухъ уланъ? спросилъ Рауль Арманъ весело хлопнувъ по плечу своего товарища. Это слишкомъ старая братъ! Фанни уже разболтала всѣмъ находящимся здѣсь журналистамъ... Эта коварная особа злоупотребляетъ твоимъ легковѣріемъ. Фанни чистосердечно расхохоталась.

— Не думаете-ли вы жаловаться, сказала она, за то, что вамъ разъ оплатили тою же монетою?

Молодой водевилистъ посмотрѣлъ на нее комически-негодующимъ взглядомъ и, съ свойственной ему легкостью импровизаціи, проделаминовалъ:

„Fanny Mangin, petite masque
 „Tu nous fais poser, et pourtant
 „De ton père, le charlatan,
 „Ce soir tu n' as pas mis le casque!“

— Какъ? моего отца? воскликнула молодая дѣвушка въ изумленіи.

— Ну, да, отвѣтилъ холодно Рауль... Манженъ, господинъ въ шляпѣ, торгующій карандашами... Ты не дочь ему? Увѣрена-ли ты въ томъ? Это любопытно! Мнѣ такъ сказали!

И, повернувшись на каблучкахъ, молодой человѣкъ оставилъ актрису, покраснѣвшую отъ гнѣва, и пошелъ отыскивать Эдуарда Макма, который, завладѣвъ фортепіано, исполнялъ сонату Моцарта, ударяя по клавишамъ своей шляпой.

Степенные люди начали развѣзжаться и веселье стало еще неприличнѣе. Въ фойе, сильно нагрѣтомъ люстрами, огни которыхъ отблещали въ зеркалахъ, шумъ голосовъ увеличивался. Въ одну минуту, когда остался только дружескій кружокъ, пиръ пошелъ горой. Композентъ, во главѣ квартета, уже стоялъ на своемъ мѣстѣ и готовилъ подать сигналъ къ танцамъ, какъ вдругъ громко раздался голосъ Гамара. Онъ только что успѣлъ рассказать какую-то небылицу Селии Кретьенъ, и со смѣхомъ повторялъ въ кругу товарищей свою любимую фразу:— „Какъ я ее одурачилъ! Славно прокатилъ въ лодкѣ!“—Но Селия услышала его слова и, принявъ обиженный, гордый видъ честной дѣвушки, закричала съ досадой:

— Господинъ Гамаръ, вы лжете, я никогда не каталась съ вами въ лодкѣ! Нѣтъ, никогда! Слышите-ли, никогда!

И такъ какъ Гамаръ снова расхохотался, сильно ударяя себя кулакомъ по ляжкѣ, то старуха Кретьенъ явилась на помощь дочери. Словоря съ высокомеріемъ и воркующимъ голосомъ, въ подражаніе голосу Плесси, она хотѣла заставить молчать молодаго Гамара; но тотъ ей отвѣтилъ, и напускное достоинство старухи Кретьенъ уступило мѣсто ея природной вульгарности; Селимена превратилась въ мадамъ Гамаръ, и энергичная фраза:— „ну-ка! попробуй еще, дрянной мальчишка!“—грянула посреди праздника, какъ камень, брошенный въ

стекло. Мортань, съ своей гордой, изящной осанкой первого любовника, отвелъ въ сторону г-жу Кретьень и сталъ ее увѣщевать, между тѣмъ какъ возмущенный Демазюръ, выражался очень рѣзко, какъ будто еще продолжалъ играть роль герцога, трясъ несчастнаго Гамаря, объясняя ему, что его поступокъ не достоинъ дворянина.

— Дворянина? О! Ла, ла, ла! отвѣтилъ франтъ, глядя дерзко на актера. — Въ семьѣ мы все благородные, какъ четыре подковы съ бабчи. Папаша — жостовщикъ и называется просто Гамарь! Не могутъ же все быть изъ знатнаго рода, какъ вы, милый Демазюръ...

Музыка прервала ихъ разговоръ. Демазюръ удалился, поднявъ полову и вытянувъ ноги, какъ профессоръ, обучающій хорошимъ манерамъ. Гамарь пустился вальсировать съ Альбертиной Рамо, дѣла марши, контръ-марши, покачиваясь и скользя по полу, однимъ словомъ выказывая граціозность танцора общественныхъ баловъ.

Пары составились и фойе наполнился кружащейся толпой. Слимъ Нуно, оттолкнутый въ уголъ вихремъ нарядныхъ и легкомысленныхъ развѣвающихся платьевъ, стоялъ, прислонившись къ камину, и пылающими глазами на смугломъ лицѣ, задѣваемый мимоходомъ шпанами, которые били его по ногамъ, и обнаженными плечами, которые казались еще бѣлѣе вблизи черныхъ фраковъ мужчинъ, — втягивалъ въ себя опьяняющія испаренія дамъ.

Клемансь, оставивъ руку своего кавалера, подошла къ Ромбо и отвела его въ сторону.

— Ну, полюбуйся же на нихъ! Смотри! шепнула она ему на ухо и жестомъ указала на вальсировавшихъ Лизу и Жана.

Равнодушные ко всему окружающему, они всецѣло отделились счастьемъ быть вмѣстѣ и страстно глядѣли другъ другу въ глаза; Жанъ обвинивъ рукою талию Лизы и почти касаясь ея бѣлокурыхъ волосъ, какъ будто съ трудомъ удерживался отъ искушенія прильнуть губами къ этимъ мягкимъ шелковистымъ локонамъ; они кружились, заля, едва касаясь ногами паркета, и какъ нельзя лучше олицетворяли молодость и любовь.

— Ну, смотри же, смотри! повторила Клемансь.

Ромбо посмотрѣлъ и, какъ ни умѣлъ онъ владѣть собой, едва вздрыгнулъ. Лиза, опустившись на руку Жана, кружилась, мѣля чуть не въ обморокъ. На ея губахъ блуждала неопредѣленная улыбка; глаза ея, ослѣпленные огнями, утопали въ экстазъ; она видѣла только одну свѣтлую полосу, слышала только нестройный шумъ. Уносимая своимъ кавалеромъ и обвѣваемая, по мѣрѣ того, ба

Вальсъ учащался, прохладной струей воздуха, она желала остаться такъ навсегда, прижавшись къ нему въ этомъ сладкомъ полузабытїи. Клемансъ ни слова болѣе не говорила Ромбо, но, взявъ его за руку, впиалась своими скорченными пальцами въ его кожу.

— Не жми такъ сильно, мнѣ больно, — сказалъ онъ сердито. Затѣмъ продолжалъ опять ласковымъ тономъ: Ну, что жъ! Дѣти веселятся и хорошо дѣлаютъ! Для того они и здѣсь!

И отвернувшись, чтобы не видѣть грозной молніи, сверкнувшей въ глазахъ Клемансъ, онъ направился къ Клавдію.

Вальсъ кончился и танцюющіе раздѣлились. Лиза опустилась на диванъ и едва переводя дыханіе, закрывъ глаза, сидѣла въ изнеможеніи, точно разбитая. Де-Бривъ стоялъ предъ ней, дожидаясь, когда она оправится. Онъ испытывалъ громадное наслажденіе въ нравственномъ обладаніи ею. Онъ чувствовалъ, какъ трепетала молодая дѣвушка въ его рукахъ. Онъ угадалъ любовь въ ея взглядѣ, въ ея улыбкѣ. Дрожа отъ счастья, чувствуя, что она принадлежитъ ему, забывъ на свѣтѣ, онъ страстно желалъ взять ее на руки и увести съ собою.

Тяжелая рука легла ему на плечо и напомнила о дѣйствительности; въ то же время гортанный голосъ прозвучалъ около его уха. Это былъ Селимъ, который, будучи не въ состояніи противиться до конца своему капризу, приблизился къ Лизѣ. Своей тяжелой походкой истодонта, онъ прошелъ черезъ фойе и опустился на диванъ подлѣ молодой дѣвушки. Нападеніе было такъ плохо и грубо замаскировано, что де-Бривъ задрожалъ отъ гнѣва. Португалець, усаживаясь подлѣ Лизы, казалось, хотѣлъ ей сказать:

— Пока я въ этомъ домѣ, я тутъ полный властелинъ и, по правомъ всемогущихъ червонцевъ, требую, чтобы никто не позволялъ себѣ меня беспокоить.

Онъ взглянулъ своими сѣрыми глазами изъ подъ морщинистыхъ векъ на молодаго человѣка, и Жанъ, какъ бы повинувшись приказанію, оттопталъ. Движеніе, которое онъ было сдѣлалъ, чтобы встать между обожаемой дѣвушкой и старымъ волокитой, было остановлено мгновенно. Сила денегъ оказалась грандіозной въ побѣдоносномъ вѣдѣнствѣ банкира. Стоило только показаться этому королю биржи, чтобы каждый уступилъ ему мѣсто; и Селимъ, развалившійся на диванѣ, представился въ глазахъ Лизы, очнувшейся отъ долгаго затишья, вѣрнымъ и отвратительнымъ воплощеніемъ золотого тельца. Она съ удивленіемъ взглянула на улыбавагося Нуно. Предъ ней носился образъ Жана, изящнаго, молодаго, очаровательнаго, и

вдругъ она увидала около себя тяжелаго, стараго и страшнаго Селима. Она сдѣлала движеніе, чтобы подняться съ мѣста, но банкиръ положилъ свою жирную руку на руку Лизы и удержалъ ее возлѣ себя.

— Развѣ я васъ пугаю, мое милое дитя. сказалъ онъ своимъ протяжнымъ произношеніемъ — Вы совсѣмъ не цѣните того чувства, которое меня къ вамъ влечетъ. Вѣдь только второй разъ послѣ вашего громаднаго успѣха я имѣю случай подойти къ вамъ... А я сильно желаю выразить вамъ не только уваженіе, которое я къ вамъ питаю, но и участіе, которое принимаю въ васъ... я знаю, какой вы хорошій человѣкъ... Мнѣ рассказали вашу жизнь...

Лиза была удивлена. Банкиръ говорилъ съ ней отеческимъ тономъ и его лицо дышало добродушіемъ. Неужели это былъ тотъ самъ Селимъ, о которомъ она слышала такъ много дурнаго?

— Я не знаю ничего болѣе похвальнаго и болѣе достойнаго. Вамъ извѣстно, что я имѣю здѣсь нѣкоторое вліяніе. Не могу ли сдѣлать что-нибудь угодное вамъ: скажите, я весь къ вашимъ услугамъ.

— Благодарю васъ, милостивый государь, вы очень добры, пренебрегла Лиза тѣмъ бархатнымъ голосомъ, который такъ пріятно волновалъ зрителей.—Но я ничего не желаю...Г-нъ Ромбо отнесся ко мнѣ съ такою щедростью, на которую я имѣю еще мало правъ. Мое жалованье увеличено и я вполне счастлива...

Она произнесла эти слова: „вполнѣ счастлива“ съ такимъ радостнымъ лицомъ, съ такимъ сіяющимъ взглядомъ и ласковой улыбкой, что цѣлая волна крови прилила къ мозгу португальца. Глаза его горѣлись, какъ пожаръ; имъ овладѣло безумное желаніе добитаго обладанія этой хорошенькой дѣвушкой, такой свѣженькой, кроткой и наивной, доставлявшей ему одно изъ тѣхъ ощущеній, которыя для него были неоцѣнимы.

— Счастлива, повторилъ онъ, смотря пристально на Лизу; двѣнадцатью тысячами франковъ въ годъ? Но, дитя мое, вѣдь это бездѣлица. Вамъ не это нужно. Прозабать при такихъ жалкихъ условіяхъ—все равно, что приносить въ жертву свою будущность. Вашей прекрасной особѣ нужна, какъ и образцовой картинѣ, роскошная рамка. Я васъ считаю чрезвычайно разумной, поймите меня хорошенько и не пугайтесь моею откровенности. Ваша карьера только что начинается. Отъ васъ зависитъ дать вашему замѣчательному таланту рѣшительную поддержку вполнѣ обезпеченнаго положенія. Вашъ успѣхъ былъ громаденъ, но нужно, чтобы онъ былъ проченъ. Мы живемъ въ такой вѣкъ, когда все то, что не поражаетъ сильно взоръ

не подстрекаетъ горячаго любопытства и не возбуждаетъ жестокой зависти, забывается въ одну минуту. Это — вѣкъ шума, трезвона, громкихъ возгласовъ, великихъ дѣлъ, триумфовъ и скандаловъ. Живутъ не по средствамъ, какъ сумашедшіе, какъ бѣшеные, какъ полоумные. И главный двигатель всѣхъ этихъ неистовствъ, всѣхъ этихъ безразсудствъ — деньги. Богачъ держитъ весь міръ у своихъ ногъ. Его безобразіе дѣлается представительностью, его глупость — добротою, его грубость — пріятной шуткой. Льстятъ его страсти, предупреждаютъ его фантазіи, угождаютъ его порокамъ. Онъ богачъ и потому онъ — властитель! Вашъ покорный слуга пережилъ очень тяжелыя времена. Въ молодости я былъ контрабандистомъ... Успокойтесь, въ моей странѣ это ремесло не безчеститъ. Я бѣгалъ по крутымъ скаламъ португальскихъ горъ, таская на спинѣ кипы товаровъ, мучимый жаждой, служа мишенью карабинамъ таможенныхъ надсмотрщиковъ, и, проклиная жизнь, клялся раздавить подобныхъ себѣ, если буду когда нибудь богачъ. Я достигъ этого богатства, но цѣною какого труда! Вы, моя дорогая, обладаете счастьемъ вступить въ жизнь черезъ широкія врата. Съ перваго же шага все вамъ улыбается, все благопріятствуетъ. Вы имѣете талантъ, вы хороши собою и вы правитесь. Начало вашей карьеры ознаменовано успѣхомъ. Вамъ стоитъ только отереть руку и въ нее посыплется богатство. Завтра же вы можете имѣть домъ, лошадей, брилліанты, великолѣпный туалетъ, всю обстановку, необходимую для женщины, которая желаетъ неограниченно царить надъ Парижемъ. Но не забывайте, что талантъ безъ помощи богатства ничего не значитъ. Это все равно, что необдѣланный алмазь, который, конечно, блеститъ, но ему не достаетъ красивой оправы для полноты эффекта. Вы — этотъ алмазь, который можетъ ослѣпить толпу своимъ чуднымъ блескомъ, а вы вдругъ ищете потемокъ. Вы ограничиваете свои желанія какими-нибудь щами, годными лишь для буржуа, и помещеніемъ въ четвертомъ этажѣ! И вы еще имѣете притязаніе говорить, что вы счастливы! Но это безуміе! вы бѣжите на встрѣчу несчастью! Въ скоромъ времени, — я могу вамъ это доказать, — вы очутитесь въ отчаянномъ положеніи, васъ сокрушитъ тяжесть долговъ или вы будете являться на сцену, одѣтая, какъ фигурантка, и публика начнетъ къ вамъ охладѣвать. Вы только что создали вашу первую серьезную роль и заказали пять платьевъ, котормя ваша роль допускала сдѣлать у простой, неважной портнихи, и все-таки вы истратили три тысячи франковъ. Если вы создадите три роли въ годъ, а это наименьшее, что можетъ случиться, и вотъ ваше жалованье истрачено. Чѣмъ вы будете жить?

Селимъ остановился на этой фразѣ, которая вполнѣ опредѣляла его мысль, и бросилъ на актрису вопрошающій взглядъ. Лиза, прислонясь къ спинкѣ дивана, сидѣла молча, неподвижно. Въ одну минуту португалець открылъ передъ нею страшную перспективу. Какъ будто во снѣ, она увидала огромную, темную пропасть, отверзшуюся подъ ея ногами. Ей показалось, что у нея закружилась голова и какъ бы что-то потянуло ее въ эту бездну. Вѣрность разчета искусителя поразила ее и она машинально повторила самой себѣ:— „Чѣмъ мы будемъ жить?“

Затѣмъ зала, наполненная зрителями, представилась ея глазамъ. Она увидала восторженную публику, рукоплескавшую изъ всѣхъ силъ, и цвѣты, дождемъ сыпавшіеся на сцену. Передъ рампой, красивая нарядная женщина, съ брилліантами на шеѣ, кланялась этому покоренному тирану, который аплодировалъ своей любимицѣ. Она не могла различить лица этой побѣдительницы, была ли это она, или другая. Все, что роскошь имѣетъ болѣе утонченнаго, служило украшеніемъ той, которую она видѣла. Одна стоимость платья равнялась полугодовому жалованью Лизы. Молодая дѣвушка подумала:— „Еслибъ это была я, мнѣ нужно было бы продать себя и снискать благосклонность публики цѣною моего паденія.“ Смуглое лицо португальца съ его опухшими сѣрыми глазами и сморщенными вѣками, его неприятный ротъ и сѣдые волосы мелькнули передъ Лизой. Она вздрогнула отъ отвращенія, кровь прилила отъ сердца къ мозгу.

— Я давно знала, отвѣтила она твердо,— что театръ не школа нравственности и что тамъ не учатъ добродѣтели. Въ глазахъ свѣта, артистка, имѣющая только одного любовника, считается очень порядочной женщиной, и если она выбрала богатаго, то доказала этимъ свой здравый умъ. Такимъ образомъ, она познаетъ любовь и сумѣетъ передать ее на сценѣ со всѣми ея душевными движеніями. И въ то же время она даетъ своей карьерѣ прочное основаніе. Если на нее нападутъ, у нея будетъ человѣкъ, который защититъ ее; если она потерпитъ неудачу,— вѣдь театръ изобилуетъ опасностями,— она найдетъ въ своей роскоши утѣшеніе и помощь. Она можетъ тогда сосредоточиться, собраться съ силами и снова устремиться къ завоеванію успѣха. Она не будетъ знать матеріальныхъ стѣсненій въ жизни; къ заботамъ артистки не прибавятся заботы хозяйки. Она будетъ свободна, сильна, блистательна и ничто не устоитъ предъ ней. Не правда-ли? Не это-ли самое вы хотѣли дать мнѣ понять? Слѣдовательно, по вашему убѣжденію, мнѣ необходимо продать себя?

Селимъ быстро поднялъ голову. Съ минуту онъ думалъ такъ:— «Эта шалютка, право, преуменькая и у нея много сообразительности. Я предполагалъ встрѣтить въ ней непоколебимую добродѣтель; ноими вѣскими доводами я старался идти напроломъ и напрасно только потерялъ трудъ». Съ самодовольнымъ видомъ покачивая головой, онъ ждалъ предвидѣнной развязки и, слушая Лизу, говорилъ бѣ: „какой прелестный голосокъ!“ и упивался этимъ ласкающимъ, вѣжливымъ звукомъ.

Послѣднія слова были произнесены молодой дѣвушкой съ рѣзкимъ удареніемъ, хлестнувшимъ милліонера, какъ ударъ хлыста. Лиза стояла предъ нимъ гордая, холодная, скрестивъ руки на груди, какъ будто защищая свое сердце отъ угрожающей опасности. Затѣмъ, чрезъ минуту, она превратилась въ ту же очаровательную, цѣлительную Лизу, которая восхищала публику. Ея голубые глаза твердо выдерживали его взглядъ, лицо ея сіяло, на губахъ скользила лукавая улыбка. Она представляла собою одного изъ тѣхъ лучезарныхъ ангеловъ, которые въ большихъ окнахъ кафедральныхъ соборовъ являются святымъ, стоящимъ на молитвѣ, принося имъ вмѣстѣ надежду божественный отблескъ небснаго жилища.

Ослѣпленный Селимъ покорно опустилъ голову, затѣмъ проговорилъ тихимъ голосомъ:

— Я только хотѣлъ убѣдить васъ отдать ваше сердце съ болѣе разборчивостью. Такая красавица, какъ вы, будете окружены честями и соблазномъ. Вы полюбите, дитя мое, и тотъ счастливецъ, котораго вы выберете, будетъ имѣть большое вліяніе на вашу судьбу. Для васъ наступила рѣшительная минута. Вы можете,—какъ вамъ угодно,—оставаться куколкой или превратиться въ бабочку. Простите меня, я говорилъ съ вами, можетъ быть, немного рѣзко и грубо, но помните, что я нисколько не сожалею, что началъ этотъ разговоръ, кое бы впечатлѣніе ни произвелъ онъ на васъ. Въ эти пять минутъ я васъ узналъ вполне, и то, что я открылъ въ вашемъ характерѣ, мнѣ очень понравилось. Вы обладаете возвышеннымъ умомъ твердой душой. Повидимому, вы рѣшились не поддаваться жизненнымъ искушеніямъ, а энергично управлять собою. Навѣрное, вамъ придется вынести много бурь, и легко можетъ случиться, что вы несете ихъ съ честью. Я вамъ желаю этого искренно. Но помните, я говорилъ вамъ, что принимаю въ васъ большое участіе. И если вы когда-нибудь очутитесь въ томъ опасномъ положеніи, когда нужна помощь вѣрнаго, преданнаго друга, идите прямо ко мнѣ, и

будьте увѣрены, что всегда найдете меня готовымъ оказать вамъ услугу.

Сердце Лизы болѣзненно сжалось. Ей показалось, что въ слухахъ Нуно скрывался угрожающій намекъ. Она предчувствовала, что этотъ человѣкъ говорилъ правду, и что настанетъ день, когда вся ея жизнь будетъ во власти его великодушія. Дрожь пробѣжала по ея тѣлу; въ глазахъ потемнѣло, и она съ тоской вспомнила о Жан-де-Бривъ.

Не чрезъ него-ли ей суждено испытать несчастье? Теперь, по мимо воли, она связывала его съ сюей судьбой; ей казалось, что онъ долженъ быть замѣшанъ во всемъ, что бы ни случилось съ нею печальнаго или радостнаго. Онъ казался веселымъ, какъ будто былъ увѣренъ, что любимъ ею. Вѣдь онъ долженъ быть добрымъ и великодушнымъ. Къ чему же онъ заставитъ ее страдать? И какое удовольствіе можетъ она находить безъ него? Любимая имъ, развѣ она не будетъ счастлива? И радость, которая будетъ сіять на ея лицѣ, развѣ не будетъ въ глазахъ публики ея лучшимъ украшеніемъ? Она восторжествуетъ, она увѣрена въ этомъ, только бы онъ любилъ ее. Пока ея сердце будетъ полно упоенія, пока любовь будетъ озарять все ея существо, она будетъ одерживать побѣды, ей будутъ рубить плескать.

Увѣренность снова вернулась къ ней и она спокойно взирала въ будущее; она уже вполне овладѣла собою.

— Благодарю васъ, отвѣтила Лиза просто,—за ваши увѣренія въ мою преданности ко мнѣ. Но я, прежде всего, надѣюсь на самоѣ себя. Я создала мечту, правда, высокомерную для вѣка, который вы видите такимъ испорченнымъ: быть обязанной только своимъ собственнымъ силамъ и достигъ всего однимъ лишь трудомъ. Вы сейчасъ смѣялись надъ моими буржуазными привычками и надъ моимъ простымъ вкусомъ. Что дѣлать? Въ этомъ виновата природа; она меня создала такою. Вы мнѣ нарисовали заманчивую картину той роскоши, какую я могла бы получить, еслибъ послѣдовала привычкамъ многихъ и согласилась бы сдѣлаться падшей дѣвушкой; но видите ли, я не склонна къ подобной жизни... Что же касается опасностей, на которыя вы мнѣ указываете, я ихъ знаю, но онѣ меня не страшатъ. Если мнѣ придется бороться съ препятствіями, я мужественно справлюсь съ ними; если придется выдержать нападеніе, я постараюсь не быть побѣжденной... Если нужны страданія для того, чтобы остаться честной и всецѣло отдаться моему искусству, я готова страдать. Все это будетъ предметомъ изученія на мнѣ самой, и мо

талантъ,—такъ какъ вы говорите, что онъ у меня есть,—выиграеть отъ этого. Я думаю, что публика справедливѣе, честнѣе и не такъ неблагодарна, какъ вы о ней отзываетесь. Невозможно, чтобы она не сумѣла одолжить какую-нибудь золотую вещицу и кусочекъ кружевъ бѣдной дѣвушкѣ, которая умудряется на сценѣ угодить ей. Наконецъ, если я потерплю неудачу, то буду имѣть, по крайней мѣрѣ, утѣшеніе, что сохранила независимость и повиновалась лишь голосу своей совѣсти.

Седимъ всталъ и, отвѣсивъ Лизѣ глубокій поклонъ, произнесъ съ ироніей въ голосѣ:

— Сударыня, никто такъ искренно не желаетъ вамъ успѣха, какъ я. Вы имѣете все, чтобы его достигъ, и я надѣюсь увидѣть васъ въ скоромъ времени въ „Comédie Française“. Первый букетъ, который вы тамъ получите, будетъ отъ меня. Но у васъ очень нѣжное, чувствительное сердце. Если вы будете страдать, то ваши страданія будутъ весточки. Наблюдайте хорошенько за собою, а, главное, не довѣряйтесь мальчишкамъ.

При послѣднихъ словахъ, онъ улыбнулся и его рѣзкій взглядъ, азалось, проникъ въ самое сердце молодой дѣвушки, чтобы тамъ рочестъ имя Жана. Онъ покачалъ головой и, какъ бы желая, чтобы го предостереженіе глубже врѣзалось въ памяти Лизы, повторилъ: „Не довѣряйтесь мальчишкамъ!“—Затѣмъ тяжелыми шагами онъ алился, оставивъ актрису въ невыразимомъ смущеніи.

Что онъ хотѣлъ выразить своей язвительной фразой? Неужели въ самомъ дѣлѣ онъ угадалъ мысль Лизы и подозрѣваетъ зародившееся чувство, которое влекло ее къ де-Бриву? Не зналъ-ли онъ его нибудь о молодомъ человѣкѣ, о чемъ не рѣшился сказать ей прямо, а хотѣлъ только ее предостеречь? Она изнывала отъ смутаго безпокойства и создавала себѣ печальныя картины. Ей показалось, что въ ея умѣ произошелъ переворотъ. Неужели это была она, допустившая Нуно, опаснаго богача, предъ которымъ самыя смѣлые люди покорно преклоняли голову, сдѣлать ей предложеніе, которое бы свело съ ума отъ радости всякую другую, только не Лизу Флэронъ? Неужели она, робкая, наивная, вдругъ съ такой рѣшимостью не уступила этому сфинксу, когда онъ задалъ ей задачу разгадать загадку ея будущности?

Простая, чистосердечная дѣвочка въ одну минуту преобразилась въ рѣшительную, просвѣщенную женщину. Она все поняла, все усвоила со внезапно пробудившейся проницательностью. Искуситель отвелъ ее на вершину горы и оттуда показалъ ей громадный городъ,

лежавшій у ея ногъ, какъ предназначенное ей владѣніе, и весь народъ, покоренный въ рабство, готовый рукоплескать ей. Цѣль свѣтилась предъ нею яркой, лучезарной звѣздой. Но между этой цѣлью и ею находилось темное пространство, полное грязи, куда ей нужно было спуститься и ступить ногами. Почувствовавъ сильное отвращеніе, она отвернулась и сказала:— „Нѣтъ!“—Тогда въ одинъ мигъ онъ свелъ ее на землю, и теперь она снова смѣшалась съ толпой, предоставленная самой себѣ, безъ помощи, кромѣ собственной воли, безъ всякихъ другихъ совѣтовъ, кромѣ совѣтовъ собственнаго сердца.

Лиза посмотрѣла вокругъ себя. Ничто не измѣнилось. Все было по прежнему, кромѣ ея самой. Она вдругъ утратила всѣ иллюзіи и всѣ вѣрованія, которыя осыпались, какъ весенніе цвѣты, ощипанные безжалостною, неумолимою рукою старческой опытности. Теперь только она замѣтила всѣ неудобства пути, всю опасность своей карьеры. Она предчувствовала, что въ эту самую минуту много различныхъ корыстныхъ замысловъ составлялось противъ нея. Она подозрѣвала, что Нуно хотѣлъ этой попыткой поставить ее въ безопасность отъ враговъ. Онъ доставлялъ ей возможность раздавить ихъ и побѣдить. Но все кончено; она сказала: „нѣтъ“.

Она съ грустью спрашивала себя: кто могъ быть ея врагомъ и для чего старались бы причинять ей зло? Бѣдная дѣвушка была увѣрена, что никогда никого не обидѣла, забывая, что ея блистательный успѣхъ, ея неотъемлемая красота, ея неприступная добродѣтель были самыми жестокими оскорбленіями. Она думала о Жанѣ и съ улыбкой, которая привела бы въ восторгъ молодого человека, еслибы онъ понималъ ея значеніе, прошептала:

— Они завидуютъ! Ба!.. Завидуютъ только счастливымъ!

Де-Бривъ стоялъ подлѣ нея; она наклонилась къ нему и оперлась рукою на его руку.

— Что говоритъ вамъ Нуно? спросилъ Жанъ дрожащимъ голосомъ.

Она приняла равнодушный видъ.

— Онъ говорилъ мнѣ о моей будущности. Онъ былъ очень доброко мнѣ и выказалъ отеческое вниманіе. Право, онъ хорошій человекъ. Отчего говорить о немъ такъ много дурнаго?

Жанъ молчалъ. Онъ думалъ:— „Селимъ былъ добръ и отечески внимателенъ. Она не поняла, что онъ ей говорилъ, или хочетъ меня обмануть“.—Имъ овладѣла ревнивая злоба при мысли, что здѣсь, въ эту минуту, предъ его глазами, старикъ могъ дѣлать Лизѣ самыя унижительныя предложенія. Какой прѣстижъ придавало этому чело-

вѣку его громадное богатство, если онъ можетъ защищаться имъ отъ докучливыхъ людей лучше, чѣмъ король своею стражею. Онъ еще разъ взвѣсилъ страшное могущество денегъ и обозлился, понявъ необходимость приобрести ихъ. Богатство грезилось ему безпредѣльнымъ и непреодолимымъ. Онъ чувствовалъ въ себѣ энергію и смѣлость добыть его. Обширное поле для дѣлъ было тутъ, подлѣ него. Онъ будетъ дѣйствовать, какъ Нуно, и пожнетъ обильную, богатую жатву. Тогда онъ никому не будетъ болѣе обязанъ уступать мѣсто въ такой жалкой формѣ, какъ онъ это сдѣлалъ сейчасъ, и будетъ обращаться, какъ съ равными себѣ, съ этими финансовыми тузами, которые были истинными властелинами на землѣ.

— О чемъ вы думаете? спросила Лиза, видя его задумчивость.

Жанъ вздрогнулъ. Онъ посмотрѣлъ на молодую дѣвушку, и замѣтивъ, что она встревожена, отвѣтилъ, чтобы ее успокоить:

— Я думаю о васъ.

— Даже подлѣ меня?

— Всегда. Вы—моя единственная, постоянная мечта.

— О! Единственная!

Она подняла на него свои голубые глаза и улыбулась съ восхитительнымъ кокетствомъ. Она все забыла—и слышанныя ею гнусныя рѣчи, и испытанныя недавнія опасенія. Какъ черное облако уносится по небу лѣтнимъ вѣтеркомъ, такъ точно мрачныя впечатлѣнія Лизы изгладились изъ ея памяти нѣжными словами Жана. Она ничего болѣе не помнила, какъ только то, что предъ ней стоялъ нѣжный, очаровательный молодой человѣкъ, который обожалъ ее. Сердце ея наполнилось пріятнымъ смущеніемъ, ей слышался упоительный голосъ, воспѣвающій молодость и любовь.

Праздникъ начиналъ принимать сумасбродный характеръ. Находясь теперь совершенно между своими, артисты и друзья Ромбо, ничѣмъ не стѣсненные, предались веселымъ дурачествамъ, которыми неизмѣнно оканчиваются подобные вечера. Павильи старательно выдѣлывалъ какое-то соло, а наэлектризованный молодой Гамаръ приготавливался ходить на рукахъ. Пыль, поднятая въ фойе танцующими, носилась около люстръ, точно золотистый туманъ; сильно возбужденные музыканты играли, ускоряя темпъ съ тѣмъ бѣшенымъ увлеченіемъ, которое раздражаетъ нервы. Раздалось неистовое ура. Эдуардъ Максимъ, съ минуту тому назадъ, таинственно исчезнувшій на балконъ, зажегъ бенгальскіе огни и пустилъ римскія свѣчи.

— Половина третьяго, сказала Лиза, —мнѣ пора ѣхать.

— Уже? Развѣ вы боитесь потерять вашъ башмачокъ, какъ Сандрильона? спросилъ Жанъ.

— Нѣтъ, но меня будутъ бранить, если я вернусь домой слишкомъ поздно. Подождите меня тутъ, я только возьму пальто изъ моей уборной...

Онъ вышелъ вслѣдъ за нею въ коридоръ и, миновавъ сцену, остановился возлѣ лѣстницы, прислушиваясь къ легкому шуму ея шаговъ, раздававшихся въ верхнемъ этажѣ. Слова Лизы:— „Подождите меня!“—наполнили его сердце радостью. Въ первый разъ она располагала Жаномъ, очень ясно доказывая, что она сознавала свои права на него, и указывала этимъ на узы, еще незначительныя, однако, довольно прочныя, которыя связывали ихъ другъ съ другомъ. Она взяла его въ спутники и не боялась при всѣхъ уѣхать вмѣстѣ съ нимъ, рискуя возбудить недоброжелательные толки.

Де-Бривъ сказалъ себѣ: „Она слишкомъ легкомысленно и неосторожно поступаетъ, и съ моей стороны нечестно поддаваться увлеченію и допускать ее компрометировать себя“. Но внутренній насмѣшливый голосъ отвѣчалъ ему:

„Ты любишь ее? Ты желаешь ею обладать? Такъ не будь же наивенъ и не отталкивай случая, когда онъ тебѣ представляется. Не жди, пока другой, болѣе смѣлый или менѣе совѣстливый человекъ похититъ у тебя эту очаровательную дѣвушку! Кто, впрочемъ, сказалъ тебѣ, что она не знаетъ, куда идетъ, и что она идетъ тутъ нетвердой ступою? Конечно, она невинна, чиста и непорочна; но ея добродѣтель, тѣмъ не менѣе, добродѣтель театральная, которая предназначено навѣрное когда нибудь пасть. Не отказывайся же отъ предпочтенія, которое она желаетъ тебѣ оказать. Она тебя выбрала, ты ей нравишься, бери ее; изъ нея выйдетъ прелестная лавовница“.

Такимъ образомъ, увлеченный своимъ скептицизмомъ, Жанъ пришелъ къ такому же заключенію, какъ и Селимъ, побуждаемый своимъ сладострастіемъ,—къ неизбѣжному паденію Лизы.

Не смотря на пылкую, страстную любовь, въ сердцѣ молодого человека не нашлось и капли уваженія къ актрисѣ. Всѣ его добрыя чувства были заглушены этимъ безчестнымъ аргументомъ:— „Пусть лучше я, чѣмъ другой!“—Онъ не допускалъ, чтобы красивая, кроткая, поэтическая Лиза могла остаться безупречной. Надъ ней тяготѣла вся театральная развращенность: она была привлечена къ общему разврату и отмѣчена прочнымъ знакомъ на лбу, обрекавшимъ ее на злополучный исходъ.

Въ это время Лиза, весело папѣвая, вертѣлась въ своей уборной. Она разсудила, что ей достаточно одной минуты, чтобы перемѣнить платье, и потому сняла свой бальный туалетъ, чтобы не приносить его опять на слѣдующій день въ театръ. При слабомъ свѣтѣ едва пущеннаго газа, она страшно торопилась, чтобы не дать Жану повода сердиться, и сожалѣла, зачѣмъ такъ опрометчиво попросила его подождать. Гдѣ у ней была голова? Вѣдь имъ даже не по дорогѣ: ему въ улицу Тэбу, а ей въ улицу Ланкри. Улыбка скользнула на ея губахъ. — „Впрочемъ, подумала она, тутъ еще нѣтъ большой бѣды, онъ будетъ имѣть удовольствіе посадить меня въ карету. Онъ часто тратитъ время еще болѣе бесполезнымъ образомъ, проигрывая за картами въ клубѣ цѣлыя ночи.“

Вспомнивъ о карточной игрѣ, Лиза вдругъ стала серьезна. Игроки внушали ей инстинктивный страхъ. Въ драмахъ, въ которыхъ она участвовала, предназначенная имъ судьба была всегда плачевною! ни жертвовали всѣмъ для своей страсти, и ни мольбы обманутой юбки, ни голосъ отвергнутаго честолюбія, ни вопли невѣдомой совѣсти, ничто не могло ихъ оторвать отъ преступнаго влеченія, расплата, которымъ была ужасна! Жанъ, конечно, не дошелъ еще до этого. Она дала себѣ слово употребить все свое вліяніе и отвлечь его отъ этой пагубной наклонности. Она чувствовала къ нему такую дѣльную привязанность, что съ этихъ поръ, что бы ни случилось съ нею пріятнаго или непріятнаго, она не могла относиться хладно. Въ своей невинности, Лиза ни минуты не подумала о томъ, сколько опаснаго было въ ея дружбѣ къ молодому человѣку. Она не глядывала дальше настоящаго и не доискивалась, до чего могло юстироваться это чувство. Она была счастлива, не отдавая себѣ отчета, въ чемъ заключался источникъ ея счастья. Ей было достаточно этого счастья, и если бы у нея спросили, желала бы она остаться въ навсегда, довольствоваться своимъ неопредѣленнымъ чувствомъ, она весело отвѣтила бы: „да“.

Лиза живо вернулась, крича съ верха площадки: — «Вотъ я!» — Ея взглядъ ласково остановился на красивомъ лицѣ Жана, не замѣтивъ слѣда тѣхъ отвратительныхъ мыслей, которыя въ ея отсутствіе ожидали молодого человѣка. Довѣрчивая дѣвушка взяла его подъ руку и уже собиралась отворить дверь, обитую войлокомъ, когда Кретэ и маленькая Лоантъе, въ ватерпруфѣ и въ кружевномъ шарфѣ на головѣ, показались въ коридорѣ. За ними шла Клемансъ, изговаривавшая съ Лабарромъ и предшествуемая Нуно, который вылезъ изъ кабинета Ромбо.

Лиза остановилась въ тревожномъ смущеніи. Сама не сознавая почему, она была недовольна собою и покраснѣла, какъ будто ея поймали въ какомъ-нибудь нехорошемъ поступкѣ. Она быстро отошла отъ своего кавалера, протянула руку Клавдію, который поспѣшилъ ей на встрѣчу, и, пропустивъ Жана впередъ, сама осталась позади.

Клемансъ взяла подъ руку Нуно, затѣмъ, обратясь съ злой улыбкой къ журналисту и указавъ ему на три пары, произнесла такъ громко, чтобы ея слова достигли слуха Лизы:

— Каждый уходитъ съ своей дамой! Это—премило! Только бѣдняжка Лабарръ одинокъ! Ба! Авторъ имѣетъ свою музу! Прощайте спокойной ночи, милыя дѣти!

Ея оскорбительный смѣхъ преслѣдовалъ Лизу до самаго подъезда, и слова Селима снова раздались въ ухахъ молодой дѣвушки:

„Не довѣряйтесь мальчишкамъ!“

Отчего, однако, ей не довѣряться? Не она-ли просила Жана подождать ее? И что дурнаго было въ томъ, что она шла съ нимъ подъ руку? Клемансъ съ своими привычными, свободными замашками безъ сомнѣнія, хотѣла пошутить. И развѣ не слыхала молодая дѣвушка каждый день въ театрѣ долетавшія до ея ушей слишкомъ откровенныя, безцеремонныя фразы, на которыя она не обращала вниманія. Отчего же теперь она вдругъ смутилась и отчего слог подружки заставили ее страдать, какъ тайное оскорбленіе, нанесенное ея чистотѣ?

Дойдя до тротуара улицы Бонди, Лиза начала искать глазами между стоявшими экипажами, ту наемную карету, которая каждыя вечеръ отвозила ее домой, но не нашла ея.

— Вотъ тебѣ на! Мой старый кучеръ измѣнилъ мнѣ, сказала она.—Ну, какая я глупая! я забыла его предупредить вчера, что выйдете вы поздно обыкновеннаго.

— Дойдемте до бульвара, сказалъ Клавдій.

Они отправились всѣ трое по направленію къ Порт-Сен-Мартенъ. Клемансъ, слѣдившая за ними взоромъ, замѣтила съ ѣдкостью Селиму:

— Отчего вы такъ поспѣшили запереться въ кабинетъ Романа послѣ разговора съ нашей великой артисткой? О чемъ же вы разговаривали съ этой милой малюткой? Она казалась очень взволнованною. Вы знаете, я выношу ваши капризы, однако не злоупотребляю ими. Вы отчасти султанъ и недаромъ называетесь Селимомъ. Не пробуйте задѣвать меня за живое... Я этого не потерплю!

Нуно съ равнодушнымъ видомъ вынулъ сигару изъ серебрянаго портсигара замѣчательной работы, и отвѣчалъ:

— М-Не Флёронъ очень честная дѣвушка и вы несправедливы, тѣлаясь о ней такимъ образомъ. Что же касается моихъ капризовъ, которые вы переносите, то на это могу вамъ замѣтить, что и я смотрю сквозь пальцы на ваши фантазіи. Слѣдовательно мы поквитались въ нашемъ взаимномъ снисхожденіи и не будемъ прекать другъ друга. Вы очень пріятная женщина, когда находитесь въ хорошемъ расположеніи духа. Постарайтесь же быть всегда такою. Если да—такъ я васъ доведу домой. Если же нѣтъ, тогда прощайте.

Клемансъ расхохоталась и закричала своему кучеру:—«Поѣзжайте за мною!»—и, взглянувъ на Нуно, съ повеселѣвшимъ лицомъ привила:

— Ну же, старый злодѣй, дайте мнѣ мѣсто въ вашей каретѣ. Они отправились въ экипажѣ португальца. Повернувъ съ бульвара за уголь, Селимъ указалъ Клемансъ на Лизу, шедшую между Баномъ и Лабарромъ.

— Видите, она идетъ подъ надежнымъ конвоемъ. Какой же имѣетъ смыслъ ваши недавнія оскорбительныя слова?

— Гдѣ доказательство, что она обоихъ оставитъ при себѣ? возразила актриса.

Случай какъ будто былъ за одно съ Клемансъ: группа, въ конѣ тротуара, остановилась, Клавдій пожалъ руку Жану и Лизѣ и, хотя, почти нехотя, продолжалъ свой путь по направленію къ Малленъ, тогда какъ шедшіе рядомъ, близко одинъ къ другому, Лиза и Жанъ повернули къ улицѣ Ланкри.

— Ну, что? вскричала Клемансъ, торжествующая и вмѣстѣ съ тѣмъ взбѣшенная.

Селимъ ничего не отвѣтилъ. Онъ наблюдалъ за сильнѣйшимъ выраженіемъ своей возлюбленной и спрашивалъ себя:—„Что это говорить въ ней, зависть-ли артистки, или... де-Бривъ нравится Клемансъ и она вдвойнѣ имѣетъ причину ненавидѣть Лизу Флёронъ?“ Ни одна фибра не дрогнула въ сердцѣ португальца при мысли, что другой будетъ любимъ прелестной дѣвушкой, которой онъ жаждалъ владать. Онъ рассчитывалъ только шансы, какіе могъ бы имѣть въ будущемъ, и нашелъ ихъ множество. Кромѣ того, у Лизы былъ нѣкоторый вкусъ, такъ какъ она выбрала себѣ „въ первые любовники“ вѣтскаго человѣка. Обыкновенно эта благосклонность оказывается кому-нибудь плохому актеру, а большею частью—послѣднему коми-

ку труппы. Нуно, уже давно шатающийся за кулисами, постоянно видѣлъ, какъ эти фронтисъ съ успѣхомъ изощряются на пути непонятныхъ оболщений. Ихъ чрезмѣрная, неприличная веселость, ихъ сальное вранье, безъ особеннаго усилія, очень быстро опьяняетъ, какъ подкрашенное вино въ грязныхъ кабакахъ. Селиму казалось, что связь между де-Бривомъ и Лизой не должна быть продолжительной. У этого юноши не хватитъ денегъ, чтобы имѣть возможность долго продержаться, какъ бы ни были скромны желанія актрисы. Кошелекъ его скоро истощится и тогда спасать Лизу будетъ дѣломъ тѣхъ, кто половчѣе.

— Настанетъ и мой чередъ! сказала про себя португалець.—Первый любовникъ женщины не считается: это все равно, что первый жилецъ въ новомъ домѣ. Послѣ него отдають квартиру болѣе солиднымъ людямъ.

Онъ размѣялся, забывъ о присутствіи Клемансъ, которая, забившись въ уголь кареты, предавалась самымъ бурнымъ размышленіямъ.

— Что съ вами? спросила актриса.

— Сегодня я устроилъ очень выгодное дѣло, отвѣтилъ банкиръ, находя полезнымъ отвлечь вниманіе Клемансъ.—Я поддержалъ «Всеобщій кредитъ» въ дѣлѣ сербскаго займа и буду завѣдывать выпускомъ... Получатся недурные барыши... моя кисынька.

— Скажите, Селимъ, еслибы я продала мои акціи румынскихъ дорогъ—спросила молодая женщина и глаза ея загорѣлись,—много могла бы я взять сербскихъ по нарицательной цѣнѣ?..

— Сколько у васъ румынскихъ?

— Пятъсотъ... Онѣ поднялись на сто двадцать франковъ съ тѣхъ поръ, какъ вы посовѣтовали мнѣ ихъ купить...

— Слишкомъ рано!... отвѣтилъ Нуно.—Онѣ поднимутся еще на восемьдесятъ франковъ... даже прежде, чѣмъ выпустимъ тѣ... Пусть окончится ликвидація...

Своей жирной, темной, волосатой рукой онъ потрепалъ по щекѣ Клемансъ и со внезапно проявившейся нѣжностью произнесъ своимъ гортаннымъ голосомъ:

— Это отлично! Молоденькая женщина и какъ хорошо понимаетъ дѣла!...

— Вѣдь я ваша ученица, отвѣтила актриса съ покорной признательностью.—Но я всегда имѣла къ этому расположеніе, замѣтила она весело: это самое, что ни на есть, положительное!

— Что касается до малютки Флёронъ, заговорилъ снова Нуно

послѣ минутнаго молчанія,—то мнѣ кажется, что она глупа, и я перестаю думать о ней.

Лучъ сатанинской радости озарилъ лицо Клемансъ. Ей показалось, что она поняла скрытый смыслъ словъ Селима, и она сказала себѣ:

— Онъ отстраняется отъ нея и предоставляетъ ее мнѣ. Я заставлю ее поплясать подь мою дудку.

Не будучи въ состояніи проникнуть въ скрытые замыслы португальца, она не догадалась, что онъ хотѣлъ воспользоваться ея сочувствіемъ только для того, чтобы ускорить ходъ событій для заглавнѣя Лизой. И успокоенная, улыбающаяся, счастливая въ первый разъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ тревоги, она снова увидала въ перспективѣ блестящую будущность.

Въ то время, пока нити этихъ опасныхъ интригъ сплетались вокругъ Лизы, она шла по бульвару, опершись на руку Жана.

— Погода прекрасная, сказалъ де-Бривъ,—и вы живете такъ близко! Хотите брѣсть кресту? Если вы боитесь неприятныхъ встрѣчь, какъ я провожу васъ до дому.

Воздухъ былъ теплый, на улицѣ было сухо и Лиза не рѣшилась указать. Съ радостнымъ сердцемъ они молча шли рядомъ тѣмъ мѣрнымъ, плавнымъ шагомъ, какимъ ходятъ влюбленные, и миновали театръ. Первый ярусъ сверкалъ огнями, чрезъ растворенныя окна разносилась музыка, разливавшая въ ночной тишинѣ свои веселыя звуки.

— Тамъ еще танцуютъ; сумашедшіе, сказалъ де-Бривъ,—и, вѣрю, пропируютъ до разсвѣта.

Лиза промолчала. Она упивалась счастьемъ идти подь руку съ любимымъ человѣкомъ и сосредоточилась въ себѣ, какъ будто боится потерять даже частичку удовольствія настоящей минуты. Она радкой взглядывала на Жана, любовалась его граціознымъ станомъ, и вдругъ у нея явилось странное желаніе взять и навить себѣ на палецъ его длинныя, бѣлокурыя усы. Де-Бривъ повернулся къ ней, ихъ взгляды встрѣтились. Они оба улыбнулись. Жанъ тихо прижалъ къ себѣ руку молодой дѣвушки.

— Чрезъ нѣсколько дней театръ закроется, сказалъ онъ,—и всѣ разъѣдутся въ разныя стороны... Вы также покинете Парижъ?

— Не сейчасъ, отвѣтила она,—но, по всей вѣроятности, я проведу недѣлю шесть съ моей матерью въ Эвре, у одной изъ моихъ тетокъ..

— И въ продолженіе всего этого времени я васъ не увижу... Какъ долго!

— Приѣзжайте въ Эвре, это очень красивенькій городокъ. Я

устрою тамъ спектакль въ пользу бѣдныхъ... Это будетъ для васъ самый лучший предлогъ.

— Одинъ вечеръ... Ну, что это, пустяки! Вы себѣ представить не можете, въ какомъ я останусь одиночествѣ, когда васъ не будетъ здѣсь... А для васъ ничего не значитъ разлука со мною?

— Вы хорошо знаете, что нѣтъ, отвѣтила она тихо.

Жанъ склонился къ плечу и коснулся губами ея уха съ такой страстью, что она вздрогнула.

— Какъ я васъ люблю! прошепталъ онъ.

— Жанъ! сказала она, стараясь отъ него отклониться, какъ будто ее жгло его прикосновеніе. Молодой человѣкъ удержалъ ее и, прижавъ еще крѣпче, назвалъ Лизой. Онъ не могъ насытиться этимъ первымъ сознаниемъ ихъ короткости и нѣсколько разъ повторялъ это простое, прелестное имя съ такимъ нѣжнымъ выраженіемъ, что вызвалъ слезы на глаза молодой дѣвушки. Онъ сжималъ ее, трепещущую, въ своихъ объятіяхъ; каждый ударъ его сердца отвѣчалъ удару сердца обожаемой Лизы. Она болѣе не сопротивлялась: ей было хорошо подлѣ него. Была теплая благоухающая ночь, и Лиза вмѣсто того, чтобы попробовать бѣжать, прижалась теперь къ плечу Жана, счастливая, покорная, въ нѣмомъ восторгѣ.

Бульваръ былъ пустъ; они тихо шли подъ деревьями островка, находящагося напротивъ улицы Ланкри. Луна выглянула изъ-за облаковъ, и сквозь широкіе листья чинаръ проливала на ихъ лица блѣдный, чистый свѣтъ. Въ эту прозрачную, теплую ночь они почувствовали себя легко, какъ птички, не заботясь о времени, не замѣчая дороги, пройденной разъ двадцать, всецѣло отдавшись счастью быть вмѣстѣ и не думая о томъ, что нужно разстаться. Всѣ дурныя мысли и эгоистическіе расчеты вылетѣли вонъ изъ головы Жана. Невинность Лизы сообщилась и ему, и какъ будто очистила его. Онъ ни минуты не думалъ пытаться увлечь ее, злоупотребить безпомощностью такой довѣрчивой, искренней дѣвушки. Онъ видѣлъ, что она настолько принадлежитъ ему, что ему излишне ускорять тотъ часъ, когда она сама бросится въ его объятія. Они все говорили, и, какъ долго сдерживаемый потокъ, ихъ признанія лились одно за другимъ. Они съ жадностью спѣшили все узнать другъ о другѣ.

Просто и откровенно они рассказали одинъ другому свою жизнь, признались, съ какого времени началась ихъ взаимная любовь, и удивлялись той поразительной быстротѣ, съ какою она овладѣла ими, видя въ этомъ предопредѣленіе судьбы и радуясь, что это такъ со-

гласовалось съ ихъ желаніемъ. Они сѣли на скамейку предъ „Амбигю“, сдѣлавшись такимъ образомъ предметомъ любопытства рѣдкихъ прохожихъ, которые улыбались, видя ихъ такъ близко сидящими другъ къ другу. Затѣмъ они дошли до площадки Шато д'О, повернули на бульваръ и, проблуждавъ по разнымъ улицамъ, наконецъ очутились, сами не зная какъ, передъ дверью квартиры Лизы. Видъ знакомаго дома поразилъ взоръ дѣвушки, она опомнилась, быстро остановилась и, какъ будто очнувшись отъ долгаго сна, вскричала:

— Боже мой! Который же теперь часъ!

Жанъ посмотрѣлъ на часы, было четыре часа утра. Полтора часа они ходили, не замѣчая, какъ летѣло время.

— Я должна идти домой, прошптала Лиза и, поймавъ умоляющій взглядъ Жана, прибавила: — Если моя мать проснется и не найдетъ меня дома, она будетъ беспокоиться.

Однако, хотя онъ и не просилъ ее объ этомъ, они дошли еще разъ до „Амбигю“ и очень медленно вернулись назадъ. Они еще съ минуту постояли, глядя другъ на друга и какъ бы не въ состояніи оторваться отъ своей пріятной бесѣды.

— Прощайте, произнесла, наконецъ, Лиза.

Улыбаясь, она подставила ему свой лобъ. Жанъ наклонился и когда вдохнулъ въ себя аромать бѣлокурныхъ волосъ молодой дѣвушки, то въ немъ внезапно проснулась страсть. Онъ схватилъ Лизу въ объятія и безумно прижалъ ее къ груди. Лицо ея покрылось смертельной блѣдностью, губы полуоткрылись и какъ будто жадно искали его губъ, глубоко вдыхая въ себя воздухъ, но онъ заглушилъ ея вздохъ поцѣлуемъ. Онъ чувствовалъ, какъ она затрепетала и склонилась къ нему на плечо. Всѣ домъ на улицѣ закружились въ его глазахъ, уносимые стремительнымъ вихремъ. Вдругъ онъ услышалъ глухой, сдержанный крикъ, и когда пришелъ въ себя, то увидѣлъ черезъ полуотворенную дверь уходившую стройную, граціозную Лизу. Дверь тяжело захлопнулась, и Жанъ остался одинъ.

VI.

Лиза спала спокойнымъ, безмятежнымъ сномъ. Воспоминанія не могли ее тревожить: они были счастливыя. Если образъ Жана являлся въ ея сновидѣніи, то онъ былъ веселый, ласковый. День давно уже наступилъ, пробило одиннадцать часовъ, когда Лиза открыла глаза. Свѣтъ потоками вливался въ ея комнату, выходящую

окнами въ большой тѣнистый садъ. Небо было чистое, голубое, птички съ веселымъ щебетаньемъ перелетали съ одной вѣтки на другую, солнце играло на деревьяхъ. Лиза проснулась въ хорошемъ настроеніи духа. Невыразимая радость царилъ въ ея душѣ, все казалось ей милымъ, привлекательнымъ. Она вдругъ запѣла, сама не зная почему. Веселые мотивы приходили ей въ голову, какъ благодарственные молитвы. Закрутивъ свои роскошныя волосы въ одну прядь и набросивъ широкій пеньюаръ изъ розоваго батиста, она всунула свои голыя ножки въ маленькія туфельки и побѣжала въ комнату матери. Въ столовой горничная накрывала на столъ. Она поздоровалась съ Лизой дружескимъ привѣтствіемъ и закричала въ полуотворенную дверь:

— Сударыня! Вотъ и барышня встала, да еще и правой ногой, кажется.

— Это ты, дочь моя? спросила слѣпая.

— Да, я, мамаша. Хорошо ты провела ночь?

— Нѣтъ, милая Лиза, я худо спала, отвѣтила старушка Флѣронъ жалобнымъ голосомъ.—Ахъ! когда человѣкъ дѣлается такимъ старымъ и хворымъ, какъ я, тогда сонъ пропадаетъ! Въ которомъ же часу ты вернулась?

— Очень поздно, мамаша, отвѣтила Лиза, не желая сознаться, что въ четыре часа утра, и улыбнулась при мысли, что ея мать, не смотря на бессонницу, на которую она жаловалась, не слыхала, когда пришла дочь.

— Весело-ли было тебѣ?

— Очень, мамаша.

Лиза подошла къ матери, сидѣвшей въ большомъ креслѣ у открытаго окна. Старушка была маленькая, худенькая женщина съ желтоватымъ цвѣтомъ лица и съ сѣдыми волосами, причесанными въ видѣ бандо на низкомъ морщинистомъ лбу. Надъ ея почти всегда закрытыми глазами узкой змѣйкой тянулись черныя густыя брови. На ней было сѣрое шерстяное платье, и на плечахъ небольшой черной шерстяной платокъ. Она безъ отдыха вязала чулки и каждый разъ, когда оканчивала рядъ, машинально вкалывала длинную стальную спицу себѣ въ волосы повыше уха. Лиза сѣла на ручку кресла и съ нѣжностью начала ласкаться къ матери. Она окружала самыми трогательными попеченіями эту несчастную старушку, раздражительную вслѣдствіе своихъ недуговъ. Погладивъ ее по головѣ своей бѣлой рукою, она поправила шерстяной платокъ, свалившійся съ плечъ, и подвинула подъ ноги скамейку, ласково раз-

спрашивая ее и получая въ отвѣтъ одно оханье, которымъ дряхлыя, немощныя женщины думаютъ облегчить себя. Затѣмъ Лиза принялась обозрѣвать комнату; она проворно обошла ее такой легкой, кокетливой походкой и такъ весело напѣвая, что напомнила собою птичку.

— Что съ тобою, Лиза? спросила старушка Флёронъ, удивленная необыкновеннымъ оживленіемъ дочери. Она закинула голову назадъ и въ этомъ положеніи разговаривала; ея взглядъ проникалъ изъ-за бѣлыя глаза и позволялъ различать хоть немного предметы. Лиза, подъ этимъ тусклымъ взглядомъ матери, покраснѣла и сѣла на стуль, не отвѣтивъ на ея вопросъ.

— Вообрази себѣ, кого я встрѣтила вчера вечеромъ! Ты его когда-то видала.

— Гдѣ?

— Въ Эврѣ.

— Ахъ! Въ то время, когда я еще не потеряла зрѣнія! произнесла со вздохомъ старушка. — Кого же?

— Сына полковаго доктора, который жилъ подлѣ насъ по другую сторону сада, г-на Лабарра.

— А! того, что шилъ... Да, помню его сына. Я видѣла его, когда шила у окна. Онъ былъ очень симпатиченъ. А чѣмъ онъ теперь занимается?

— Пишетъ драмы. Это онъ—авторъ новой пьесы, которую мы будемъ играть по открытіи театра. Я была очень рада его видѣть...

— Ахъ! онъ также при театрѣ? замѣтила съ горечью г-жа Флёронъ, которая не могла никогда простить дочери призванія, толкнувшаго ее на театральные подмостки. Хотя Лиза, поступивъ на сцену, внесла достатокъ въ хозяйство, хотя она приобрѣла большой успѣхъ на сценѣ, но предубѣжденія противъ актрисъ и тѣхъ, кто ихъ поощряетъ, слишкомъ вкоренились въ сердцѣ бывшей швеи, находившей, что ея дочь дурно сдѣлала.

— А отчего этотъ юноша не служитъ? спросила старушка. — Онъ, вѣрно, лѣнивъ или неспособенъ ни къ чему?

— Но вѣдь это также своего рода служба—писать драмы, ма-мала. Тѣ, которымъ посчастливится, приобрѣтаютъ чрезъ это не только славу, но и много денегъ. Возьми, на примѣръ, г-на Деннери или г. Сарду... Ихъ произведенія—все равно, что богатыя фермы, которыя ежегодно приносятъ хорошій доходъ. Кажется, г-нъ Лабарръ имѣетъ большой талантъ, его пьеса замѣчательна...

Старушка Флёроль сомнительно покачала головой.

— Тѣмъ лучше, дитя мое; желаю ему успѣха, благо эти вещи

принимаются серьезно. Но ничто не убѣдитъ меня, чтобы люди могли наживать большія деньги, проводя черныя точки по бѣлой бумагѣ, и чтобы платили сотни и тысячи мужчинамъ и женщинамъ, наряженнымъ въ костюмы, точно ученыхъ собаки, за то, что они разговариваютъ передъ публикой, и чтобы все это называлось честнымъ трудомъ, какъ напримѣръ, работа настоящаго ремесленника, трудящагося въ потѣ лица.

— Мамаша!

— Наконецъ, ты хорошо знаешь, продолжала упорно старушка, въ вискамъ которой прилила кровь,—что въ прошедшія времена... ты сама читала мнѣ объ этомъ.... актрисы умирали безъ исповѣди и что ихъ даже не хоронили на кладбищахъ...

— Ну, мамаша, сказала весело Лиза,—а теперь ихъ уважаютъ и награждаютъ орденами.

Старушка Флѣронъ сложила руки, какъ будто собиралась молиться, закинула голову назадъ, стараясь увидать дочь, и съ изумленіемъ воскликнула:

— Ихъ награждаютъ!.. Орденами! Такимъ, какой твой дѣдушка получилъ при взятіи Алжира?

— Да, мамаша.

Старушка подумала съ минуту, затѣмъ съ убѣжденіемъ произнесла:

— Такъ это только въ шутку, чтобы посмѣяться надъ ними.

Обыкновенно Лиза давала волю высказываться матери, и хотя обвиняла ее въ неблагодарности, но терпѣливо переносила ея горькіе упреки. Въ это же утро нервы ея были возбуждены, она чувствовала потребность говорить, излить наружу все, что у ней накопилось на душѣ. Она вздумала оспаривать и начала приводить бездну доводовъ.

Положеніе литераторовъ теперь измѣнилось и драматическая карьера притягивала всѣ взгляды, все честолюбіе, всѣ желанія. Авторы, какъ принцы, пользовались почетомъ, ихъ уважали, у нихъ заискивали и они вездѣ занимали первое мѣсто. Что же касается артистовъ,—тѣхъ, которые, разумѣется, серьезно предалися искусству,—такъ ими восторгались въ театрѣ, рукоплескали и щедро платили; внѣ же сцены, они жили, какъ добрые буржуа, въ своихъ семьяхъ, съ женами и дѣтьми. Нѣкоторые изъ нихъ занимали должность мэра общины въ деревнѣ. Нельзя было найти людей болѣе счастливыхъ и болѣе достойныхъ уваженія. Артисты, можетъ быть, любили черезчуръ шумъ, рекламу, любили выдвинуть себя напоказъ, но это было очень из-

винительно и являлось послѣдствіемъ ихъ занятія, которое всегда ставило ихъ на видъ. Кромѣ того, вина падаетъ также и на публику, побуждавшую ихъ преувеличивать свое значеніе и освѣдомлившуюся съ излишнимъ любопытствомъ о людяхъ и о всемъ томъ, что касалось театра. Это было влеченіе, страсть, безуміе. Теперь театръ занялъ почетное мѣсто въ нравахъ общества. Въ гостинныхъ, въ газетахъ, въ книгахъ, даже въ судѣ только имъ однимъ и занимались. Каждый вмѣшивался, изъ чего и выходило всеобщее комедіантское ремесло. Дамы высшаго круга, подъ предлогомъ устройства праздника съ благотворительной цѣлью, вводили артистовъ въ свою семейную жизнь и превращали свои наслѣдственные дома въ театры, свои аристократическія гостинныя въ сцены. Это была внезапная, полная отплата, побѣда артистовъ надъ тѣмъ обществомъ, откуда они были такъ долго исключены и гдѣ съ этихъ поръ неограниченно господствуютъ, основавъ свое владычество на собственномъ талантѣ и держа въ рукахъ скипетръ моды.

Лиза, увлеченная этимъ предметомъ, говорила съ необычайнымъ краснорѣчіемъ, которое удивило и привело въ замѣшательство ея мать, и отняло у нея возможность отвѣчать. Сознавая свое безсиліе въ спорѣ, но нисколько не убѣжденная, старушка наклонила голову, какъ упрямая коза, и, не сдаваясь, повторяла съ упорствомъ:

— Это несправедливо—платить за произносимыя слова такъ дорого!.. Все это въ шутку! и долго не продлится.

Лиза расхохоталась и съ горячей нѣжностью, которая однако не тронула сердца этой черствой больной женщины, сказала:

— Ну, какъ воспользуемся этимъ, мамаша, какъ ты говоришь, пока оно длится. Если ты желаешь, такъ послѣ завтрака я повезу тебя въ Булонскій лѣсъ...

— Къ чему? отвѣтила грустно старушка Флэронъ,—вѣдь я ничего тамъ не увижу.

— Ты подышешь чистымъ воздухомъ и будешь лучше спать. Ворчунья-мамаша, пойдемъ завтракать.

И, взявъ старушку за талію, Лиза помогла ей встать и съ материнскимъ вниманіемъ отвела въ столовую.

Прогулка на воздухѣ принесла пользу молодой дѣвушкѣ. Прижавшись къ стѣнкѣ кареты, подлѣ матери, она могла ласкать свою тайную мечту и погружаться въ воспоминанія, какъ въ уютный уголокъ, украшенный цвѣтами. Блестящіе экипажи проносились мимо, не возбуждая ея вниманія. Она не замѣчала ни лазурнаго неба, ни сребристаго озера съ его берегами, покрытыми узкимъ дерномъ,

ни деревьевъ, зеленыя вѣтви которыхъ представляли для гуляющихъ прохладную тѣнь. Въ своемъ чудномъ видѣннн, она слѣдила за красивымъ молодымъ человѣкомъ съ гордой осанкой, соблазнительнымъ ртомъ длинными бѣлокурыми усами, который ей нѣжно улыбался. Когда проѣзжалъ всадникъ, привлечшій ея взглядъ шумнымъ топотомъ гарцующей лошади, она сравнивала его съ героемъ своей мечты и шептала: „Ты хуже Жана, который мнѣ нравится и котораго я люблю“.

Жанъ, все Жанъ! Въ ея сердцѣ и на устахъ было имя только одного Жана. Она не искала его, она знала, что онъ только по утрамъ катался верхомъ въ Булонскомъ лѣсу! Въ эту минуту онъ былъ на биржѣ, занимался дѣломъ, гонялся за деньгами.

Нуно основательно довѣрился молодому человѣку, объяснялъ ему свои планы, сообщалъ свои намѣренія и мало по малу, разгорячаясь, высказывалъ свои взгляды на финансовую тактику, внушившіе Жану благоговѣйный страхъ.

Селимъ только въ большомъ размѣрѣ дѣлалъ то, что дѣлалъ де-Бривъ въ маленькомъ: стригъ людей, и уже съ давнихъ поръ потерялъ щекотливость совѣсти, которую еще сохранилъ Жанъ. Въ этой игрѣ большихъ финансовыхъ операций, мелкіе частные интересы исчезаютъ, затмѣваемые громадными общими интересами. Государства вели дѣла съ банкиромъ и Нуно предварительно бралъ подать съ народа, съ той солидной суровостью, съ какою начальники арміи, по окончаніи войны, налагаютъ контрибуцію на страну. Люди были его данниками, а онъ - въ родѣ финансового властителя. Народъ, въ продолженіе цѣлаго года, обливаясь потомъ, трудился и откладывалъ сбереженія, чтобы отнести весь свой заработокъ этому воротилѣ миллионвъ.

И отъ этихъ большихъ денежныхъ операций, предпринятыхъ за границей, договоры о которыхъ составлялись на всѣхъ языкахъ и нарѣчій Европы, Африки и Азии, всѣ посредствующія въ нихъ лица понажились золотомъ, которое доставляли несчастные страдальцы, согбенные надъ добываніемъ его изъ земли. Это начиналось съ властителя, приказавшаго составить договоръ, продолжалось министрами, поддержавшими его, агентами, сдѣлавшими изъ этого барышничество, и оканчивалось Клемансъ Вилла, которая, облекшись въ кружевной пеньюаръ и наливая предъ обѣдомъ, въ будуарѣ, чай своему господину и повелителю снисходительно выслушивала изложеніе какогонибудь блестящаго предпріятія.

Когда португалець, своей отрывистой рѣчью и гортаннымъ про-

изношеніемъ, объяснялъ Жану механизмъ одной изъ обширныхъ комбинацій, упрочивавшей за нимъ на нѣсколько лѣтъ цѣлое царство, Жану показалось, что онъ слышитъ скрипъ винтовъ въ громадныхъ тискахъ, гдѣ, вмѣсто винограда, выдавливаютъ людей и гдѣ, вмѣсто винограднаго сока, течетъ человѣческая кровь.

Когда онъ игралъ въ клубѣ, то это была равная борьба, деньги противъ денегъ, хладнокровіе противъ хладнокровія. Онъ находился во власти своихъ противниковъ и могъ сдѣлаться жертвою неудачи. Нуно же, защищаемый милліонами, боролся съ увѣренностью побѣдителя. Никто не могъ противостоять ему. Но когда онъ имѣлъ дѣло съ слишкомъ сильной партіей, онъ умѣлъ во время заключать союзы, составлять синдикаты и привлекать на свою сторону весь финансовый міръ.

Жанъ, подъ влияніемъ усвоенныхъ понятій и свѣтскихъ предразсудковъ, сильно возмущался и строго судилъ поступки Нуно. Но проникнувъ глубже въ денежные расчеты людей, онъ убѣдился, что образъ дѣйствій вездѣ былъ одинаковъ. Сверху до низу соціальной иѣстницы Жанъ былъ свидѣтелемъ эксплуатаціи низшаго высшимъ и слабого сильнымъ.

И постепенно онъ дошелъ до того, что выработалъ успокоительные афоризмы для своей совѣсти. Въ свѣтѣ есть только побѣждающіе и побѣжденные. Было бы глупо и смѣшно дать себя въ обиду. Кто не тиранъ, тотъ рабъ. Въ дѣлахъ люди исчезаютъ; остаются одни дѣйствія. Если только дѣйствіе законно, то развѣ можно намечать на себя упрекъ? Вѣдь мы не жалѣемъ чужихъ денегъ, такъ чужіе будутъ заботиться о сбереженіи нашихъ.

Легко убѣдить себя въ томъ, чего желаешь, и Жанъ нашелъ совершенно естественнымъ то, что ему прежде казалось дикимъ. Онъ видѣлъ кругомъ себя людей, пользовавшихся общимъ уваженіемъ, которые собирали золото, какъ на собственной рудѣ. Онъ рѣшительно послѣдовалъ по ихъ стопамъ и обогатился. Де-Бривъ былъ замѣчательно уменъ и забавлялъ Нуно своей живостью. Португалецъ слушалъ его съ неопредѣленной улыбкой и съ полуопущенными морщинистыми вѣками, что придавало ему видъ кота, подстерегающаго мышь. Онъ часто ему говорилъ:

— Будьте осторожны, не торопитесь. Не довѣряйтесь вашему порыву. Дѣло только тогда вѣрно, когда оно созрѣетъ. Вы человѣкъ способный и далеко пойдете, если не надорветесь на пути.

Когда, около десяти часовъ, по обширному двору дома, въ предметѣ Сентъ-Онорэ, флигеля котораго были обращены въ конторы,

проходилъ де-Бривъ между агентами и повѣренными, явившимися къ Селиму, точно на аудіенцію къ министру, его привѣтствовали съ особеннымъ вниманіемъ, какое обыкновенно оказываютъ любимцамъ. Онъ входилъ безъ доклада въ кабинетъ домашняго секретаря Нуно и располагался тамъ, какъ свой человѣкъ, въ ожиданіи свиданія съ банкиромъ.

Никогда Нуно не былъ такъ ласковъ и привѣтливъ съ Жаномъ какъ на другой день послѣ того вечера, когда онъ встрѣтилъ его подъ руку съ Лизой Флеронъ. Казалось, онъ хотѣлъ окончательно привязать къ себѣ де-Брива. Банкиръ былъ съ нимъ откровененъ и намекнулъ, что предоставитъ ему участіе, въ очень скоромъ будущемъ въ самыхъ важныхъ своихъ дѣлахъ. Въ душѣ, португалецъ хорошо со знавалъ, что онъ скорѣе и лучше другихъ можетъ довести молодого человѣка до гибели. Въ надеждѣ составить себѣ состояніе и въ увѣренности, что любимъ взаимно, Жанъ предался безпредѣльной радости. Онъ рискнулъ на биржѣ въ одной большой спекуляціи около пяти часовъ, окончивъ всѣ свои дѣла и написавъ письма, отправился въ клубъ, чтобы прочитать тамъ вечернія газеты.

Онъ незамѣтно дошелъ до клуба. Это былъ конецъ благопріятнаго для него дня; бульваръ пестрѣлъ экипажами, нарядныя дамы въ свѣтлыхъ платьяхъ прогуливались по тротуару, граціозно поворачивая зонтиками. На минуту онъ остановился напротивъ дома Большой Оперы, оцѣненный воздухомъ и суматохой, и безсознательно смотрѣлъ на золоченныя статуи купола, блиставшія подъ лучами заходящаго солнца. Тутъ происходило поражающее движеніе взадъ и впередъ, непрерывный пріѣздъ экипажей, какъ будто городъ желалъ похвастаться въ этотъ день всей своей роскошью, всѣмъ своимъ богатствомъ.

Огромнѣйшая восьмимѣстная карета, запряженная четверкой лошадей и нагруженная англичанами, возвращалась съ дальней экскурсіи. Посреди старыхъ дамъ съ плоскими таліями, съ жидкими шиньонами, въ сѣрыхъ накидкахъ, въ темныхъ соломенныхъ шляпкахъ „cloche“, и старыхъ мужчинъ, въ длинныхъ черныхъ сюртукахъ, въ квакерскихъ войлочныхъ шляпахъ и башмакахъ на тройныхъ подошвахъ,—какъ будто цвѣты въ пучкѣ чертополоха, сидѣло нѣсколько свѣженькихъ миссъ съ розовыми щечками, съ бѣлокурыми волосами и задумчивыми взорами, устремленными на неизбѣжный путеводитель Бедекера.

Жанъ съ минуту слѣдилъ за каретой, выѣхавшей изъ улицы „Мира“ крупной рысью.

Дойдя до Вандомской площади, онъ повернулъ налѣво и вошелъ въ клубъ. Поднявшись по лѣстницѣ съ желѣзными перилами, онъ прошелъ мимо лакеевъ, почтительно предъ нимъ разступившихся, и черезъ бильярдную вступилъ въ большую залу, съ бѣлыми деревянными панелями, окаймленными тонкими золотыми полосками, почеркшими отъ времени, окна которой выходили на площадь, пролежавъ колонны.

Семь или восемь посѣтителей, собравшихся въ кучку предъ каминомъ, оживленно разговаривали. Одинъ изъ нихъ держалъ въ рукахъ газету и читалъ вслухъ какой-то столбецъ, то и дѣло прерываемый замѣчаніями, восклицаніями и взрывами смѣха.

При появленіи Жана, слова какъ будто застыли у всѣхъ на устахъ. Его товарищи, молча, поздоровались съ нимъ за руку и, перегнувшись между собою, разсѣялись въ разныя стороны: кто пошелъ въ залу, гдѣ играли въ карты, кто въ читальную комнату. Дивленный Жанъ увидалъ противъ себя только одного толстаго юношу, по имени Верневиль, съ которымъ каждый день встрѣчался на биржѣ и находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Жанъ подошелъ къ нему и, принявъ развязный тонъ, спросилъ:

— Что такое случилось? Отъ меня бѣгутъ, когда я вхожу?

Верневиль помолчалъ немного, затѣмъ, какъ будто рѣшившись, отвѣтилъ:

— Все равно, любезный де-Бривъ, вы когданибудь да узнаете, какъ лучше узнать скорѣе. Эти господа удалились изъ скромности, чтобы не привести васъ въ смущеніе, если въ ихъ присутствіи вы рочитаете...

— Что же такое, наконецъ? вскричалъ Жанъ, поблѣднѣвъ и позрѣвая какуюнибудь подлость.

Толстый юноша взялъ съ кресла газету, служившую предметомъ разговора, когда вошелъ Жанъ, и подаль ее пріятелю.

— Вотъ, прочтите, сказалъ онъ.

Жанъ мигомъ пробѣжалъ газету. Въ началѣ шелъ кислосладкій отчетъ о сотовомъ представленіи, гдѣ подписавшійся подъ этой статьёю: „Б. де-Лантенакъ“ потѣшался надъ Ромбо, его артистами и гонимыми. Затѣмъ слѣдовало напоминаніе о несчастномъ первомъ спектаклѣ въ „Современномъ Театрѣ“, существовавшемъ долгое время на субсидіяхъ Нуно, и сравненіе этой злополучной сцены съ плотомъ Мелузы; Селима представляли, съ его смуглымъ цвѣтомъ кожи, въ роли негра въ знаменитой картинѣ Жерико, стоящимъ на столѣ въ кассѣ и смотрящимъ въ даль, нейдетъ-ли публика на помощь

труппѣ, которая умираетъ съ голода. Далѣе утверждалось, что ни одно изъ ста представленій „Герцогини“ не покрывало издержекъ, и намекалось, что ловкій и сметливый Ромбо, теряя на каждомъ изъ этихъ вечеровъ, рассчитывалъ выиграть на количествѣ. И въ заключеніе говорилось: „Этотъ успѣхъ равенъ успѣху Пирра. Еще одно сотое представленія въ родѣ этого и, тогда все пропало!“

Это былъ рядъ глупостей, прикрашенныхъ нелѣпыми шутками. Жанъ прочиталъ статью и пожалъ плечами.

— Какой нибудь репортеръ, котораго забыли пригласить, пробормоталъ онъ.

Но Верневиль сказалъ ему: „Читайте ниже“. Жанъ заглянулъ въ „Эхо“ и вдругъ слѣдующія строки, напечатанныя мелкимъ шрифтомъ, бросились ему въ глаза.

„За театральными кулисами много говорятъ о крушеніи добродѣтели прелестной m-lle L., первой любовницы, которая, въ продолженіе всей зимы, была любимицей публики. Эта милая дѣвушка, которую съ удовольствіемъ считали за одну изъ оставшихся въ живыхъ одиннадцати тысячъ дѣвственницъ, обратила свои взоры на молодого члена клуба, самаго изысканнаго и очень популярнаго въ финансовомъ мірѣ. Утверждаютъ, что биржа была не чужда успѣху этого счастливаго смертнаго. Какъ бы то ни было, но эта побѣда будетъ самымъ лучшимъ „дѣвствомъ“ (fleuron) въ его роскошномъ вѣнкѣ. Одна изъ подругъ m-lle L., остроумная X., ревностно подвизавшаяся на томъ же поприщѣ, воскликнула, узнавъ о случившемся:

— Эта маленькая L. хитра; она ждала, чтобы пташки (les braves), совсѣмъ изжаренныя, валились ей въ ротъ.

Жанъ два раза прочелъ эти глупыя, злыя строки и вспыхнулъ отъ гнѣва. Мысли съ чрезвычайной быстротой закружились у него въ головѣ и ему казалось, что онъ самъ несется въ стремительномъ вихрѣ; въ ушахъ зашумѣло, руки сдѣлались влажны. Устремивъ глаза на газету, онъ смотрѣлъ на нее, ничего не видя, думая о бѣдной Лизѣ, такъ подло оскорбленной негодяемъ, который отдалъ на поруганіе бессмысленной толпѣ чистоту слабой, кроткой дѣвушки. Онъ остался равнодушенъ къ оскорбленію, нанесенному ему лично, но онъ страдалъ за Лизу. Его врожденная честность была возмущена и онъ обвинялъ себя въ томъ, что случилось. Слезы выступили у него на глазахъ; онъ дико, бѣшено вскрикнулъ, такъ что Верневиль въ изумленіи отступилъ.

Это движеніе заставило Жана опомниться. Онъ стиснулъ газету, какъ будто хотѣлъ стиснуть господина, подписавшагося подъ статьей,

съ гнѣвомъ бросилъ ее въ каминъ. Затѣмъ, обратившись къ смотрѣвшему на него съ безпокойствомъ биржевику, сказалъ:

— Благодарю васъ, Верневиль; вы поступили, какъ честный человекъ и истинный другъ. Теперь, если можете, дайте мнѣ нѣкоторыя вѣдѣнія. Когда принесли сюда эту газету?

— Сейчасъ подъ бандеролью. Вѣдь клубъ получаетъ ее.

— Такъ никто еще изъ здѣшнихъ господъ не успѣлъ распутать эту клевету?

— Боже! воскликнулъ Верневиль.— Другъ мой! всѣ единодушно порицають того, кто написалъ эту статью. Вы знаете, что здѣсь всѣ очень любятъ... Чортъ возьми! правда, любятъ немного пошутить, и нашлись товарищи, которые восклицали: „А! каковъ дефигьеръ! Посмотрите, какой Донъ-Жуанъ!“ Что-же касается до статьи, то ее признали гнусною... И всѣ примутъ вашу сторону... Однако, что за прелесть эта маленькая Лиза... просто прелесть!..

И Верневиль, подстрекаемый любопытствомъ, подошелъ къ Жану уже намѣревался было толкнуть его локтемъ и сказать: „Гм! за тѣмъ тѣмъ, васъ нечего жалѣть“, но Жанъ не далъ ему выговорить.

— Это „Эхо“ подписано: Лепорелло... Знаете вы, кто скрываетъ подъ этимъ псевдонимомъ?

— Дефигьеръ, который знаетъ весь свѣтъ, говорилъ предъ вами приходомъ, что это тотъ самый Б. де-Лантенакъ... Б.—означаетъ Баптистъ, Бертранъ или баронъ, какъ хотите.

— Кто-же этотъ Лантенакъ?

— Очень косматый, бородатый молодой господинъ, безграмотный, но мечтающій о себѣ очень много, безалаберный, живущій какъ цыганъ, то въ мастерскихъ, то въ пивоварняхъ...

— Способенъ онъ драться?

— Только не въ началѣ мѣсяца, а начиная съ 25-го числа сколько угодно...

— Почему?

— Потому что въ концѣ мѣсяца у него нѣтъ денегъ, а съ помощью дуэли газета будетъ раскупаться на расхватъ и тогда администрація выдастъ ему деньги впередъ...

— Хорошо, сказалъ Жанъ съ угрожающей ироніей,—если онъ способенъ приобрести храбрость только въ концѣ мѣсяца, то я не дамъ ему деньги впередъ, что его заставитъ рѣшиться. Знаете вы, гдѣ находится редакція газеты?

— Напрасно туда идти. Онъ никогда тамъ не бываетъ; онъ засѣдаетъ по вечерамъ въ ресторанѣ „Varietés“.

— Прекрасно. Надѣюсь, Верневиль, что вы не откажетесь помочь мнѣ? Мы возьмемъ Мишалона и дѣло не затянется, ручаюсь вамъ.

— Я къ вашимъ услугамъ, любезный другъ, сказалъ толстый юноша, очень довольный, что замѣшанъ въ эту ссору, которая должна, по крайней мѣрѣ, дня на два, заинтересовать весь Парижъ.

— Благодарю, произнесъ Жанъ, и теперь больше ни слова...

Совершенно овладѣвъ собою, онъ спросилъ у метръ-д'отеля, въ клубѣ-ли г. Мишалонъ, и по полученіи утвердительнаго отвѣта, отправился въ фехтовальную залу, гдѣ надѣялся встрѣтить своего друга.

Въ четыре часа, Лиза съ своею матерью вернулась съ прогулки. Она помогла слѣпой старушкѣ взобраться по довольно крутой лѣстницѣ, и, войдя въ переднюю, нашла на столѣ газету подъ бандеролью, адресованную на имя драматической артистки m-lle Флеронъ; она машинально взяла ее и, не думая читать, положила ее вмѣстѣ съ зонтикомъ и перчатками въ своей спальнѣ на каминъ. Въ продолженіе цѣлаго часа, пока она перемѣняла платье для театра и озабоченно вертѣлась по маленькой комнатѣ, оклеенной свѣтленькими обоями и обставленной простою, но хорошенькою мебелью изъ кленоваго и бамбуковаго дерева, она разъ двадцать прошла мимо листка, заключавшаго въ себѣ ядовитую статью, и даже не подумала въ него заглянуть.

Лиза обожала свое искусство, посвящая на изученіе ролей все, что у ней было силы и ума, но не любопытствовала знать, что писали о ней. Она старалась, какъ только могла, а въ остальномъ отдавала себя на судъ публики, ея единственнаго учителя. Она не заботилась доставать себѣ газеты, даже и во время большого успѣха, когда Ромбо долженъ былъ заставлять Делессара дѣлать для нея вырѣзки изъ фельетоновъ, осыпавшихъ ее похвалами, и почти сердился, желая добиться отъ нея, хотя одного слова благодарности для передачи въ главный центръ драматической критики.

— Вы не можете себѣ представить, какъ журналисты чувствительны къ такому пустому вниманію. Они не сдѣлаются ни благодарны, ни снисходительны, если вы будете имѣть счастье угодить имъ; но, по крайней мѣрѣ, критикуя васъ, они будутъ вѣжливы въ своихъ выраженіяхъ. А если вы имъ понравитесь, они будутъ писать объ этомъ съ бѣльшей настойчивостью, помня, что вы

были внимательны къ нимъ. Для директоровъ и для артистовъ, вниманіе — монета, которая стоитъ мало, а приноситъ много.

Равнодушіе Лизы помѣшало ей узнать дѣла, въ двухъ шагахъ отъ матери, — которая услышала бы ея рыданія, еслибъ и не увидала ея слезъ, — то ужасное, извѣстительное вѣроломство, котораго она стала жертвой. Въ пять часовъ она весело пообедала, а безъ четверти въ семь отправилась въ театръ.

Она никогда не толкалась за кулисами, а прямо проходила въ уборную, дружески привѣтствуемая служащими при театрѣ, которые ее очень любили за снисходительное и вѣжливое обхожденіе съ ними. Ея горничная Полина, одѣвавшая въ молодости Джу Дорваль и гордившаяся этимъ, какъ дряхлый старикъ, побывавшій подъ Аустерлицомъ, поджидала ее въ коридорѣ, и, взявъ у нея ключи, приготовляла всѣ необходимыя вещи. Лиза всегда кончала гримировку своего лица, и, оставшись въ одной рубѣ, чтобы было не такъ жарко, — платьѣ заранѣе уже вынималась, — читала книгу, въ ожиданіи звонка извѣстителя. Услыхавъ послѣдній крикъ: „начинають“, она надѣвала платье и появлялась на сценѣ какъ разъ въ ту минуту, когда Кампозъ, — котолъ г-жа Бреваль страстно любовалась въ одно изъ двухъ отверстій, окаймленныхъ жемчужью и казавшихся точно два глаза за вѣса, — оканчивалъ увертюру.

Прошелъ первый и второй актъ; за кулисами было почти пусто. Ромбо и постоянные посѣтители театра являлись обыкновенно во время третьяго акта. Лиза никогда не заглядывала въ фойе артистовъ и никогда не останавливалась у подвижной стойки болтать съ директоромъ. Участвовала-ли она, или не участвовала въ вѣдущемъ актѣ, но лишь только она оканчивала послѣднія реплики, тотчасъ уходила въ свою уборную, отворяла окно, спускала штору и, растянувшись на диванѣ, отдыхала въ ожиданіи своей очереди.

Въ этотъ вечеръ, вопреки своей привычкѣ, Лиза, утомившись послѣ перваго акта и не имѣя надобности перемѣнять свой туалетъ, осталась за сценой. Въ большомъ углубленіи стѣны было устроено что-то въ родѣ четырехъугольной ложи, убранной ковромъ и меблированной диваномъ, шестью стульями и зеркаломъ, предъ которымъ актрисы, предъ самымъ выходомъ на сцену, приводили въ порядокъ свои прически. Завсегдатаи театра и артисты называли эту ложу „la Potinière“ и, собираясь тамъ во время представленій, изсказывали втихомолку сплетни дня. Часто болтовня до того уси-

ливалась, что почти заглушала голоса актеровъ, и режиссеръ Роберваль принужденъ былъ кричать: тс! призывая иногда къ молчанію даже самого директора.

Лиза прошла туда и сѣла одна; ей казалось, что всѣ ея сторонились. На всѣхъ лицахъ она читала насмѣшливое выраженіе, котораго прежде никогда не замѣчала и которое леденило ея сердце. Молодая дѣвушка предчувствовала какое-то несчастье и спрашивала себя, что могло такъ измѣнить окружающихъ ея лицъ. Во время втораго акта, подлѣ каморки газовщика, предъ дверью, выходящей на сцену, собралась группа, посреди которой ораторствовалъ Мортань. Лиза, слѣдя издали за его движеніями, догадывалась, что рѣчь шла о ней. Первый любовникъ трясъ своею красивой головой, и когда на сценѣ прерывался говоръ актеровъ до нея доносились отрывочныя фразы и слова: „Не потерплю очаровательная дѣвушка... клевета... гнусная журналистика... пачкой по спинѣ...“ И съ своимъ величественнымъ, вызывающимъ жестомъ, производившимъ такой эффектъ въ четвертомъ актѣ „Герцогини“, Мортань обращался къ своимъ невидимымъ противникамъ. Мужчины, въ особенности, казались возмущенными и когда Мортань кончалъ, актеръ-джентльмэнъ Демазюръ продолжалъ ея рѣчь, принявъ видъ подавляющаго презрѣнія. Что же касалось Павильи, то онъ молчалъ; онъ имѣлъ слабость къ Лизѣ и вопросъ былъ слишкомъ серьезенъ, чтобы сказать какую-нибудь злую насмѣшку. Его маленькіе, точно пробуравленные глаза были опущены внизъ и онъ посвистывалъ, покачиваясь, какъ человѣкъ, хранищій про себя свое мнѣніе.

Клемансъ Вилла, спустившись изъ уборной, обошла кругомъ буфетъ и, увидавъ Лизу одну, какъ зачумленную, направилась къ группѣ. При видѣ ея, Павильи вдругъ оживился, губы его явно сжались, ноздри расширились.

— Вы говорили насчетъ статьи о бѣдной Лизѣ? сказала Клемансъ, вступая въ разговоръ, какъ будто участвовала въ немъ съ самаго начала. Что это за Лантенакъ, который, говорятъ, подписывается Лепорелло?

— Какъ? ты задаешь подобный вопросъ? возразилъ Павильи. Ангель небесный, вспомни прошлое! Лантенакъ, моя милая, — вслушайся хорошенько, — Лантенакъ де-Гиньоль изъ Бордо. Ты его отлично знала, когда играла со мною въ „Théâtre Français“.

Клемансъ слегка поблѣднѣла, вѣки ея замигали и она спросила съ выраженіемъ сильнаго удивленія:

— Право! такъ это тотъ самый?

— Да, это тотъ самый, повторилъ Павильи.—Однако ты его чень любила, моя красавица, въ числѣ множества другихъ, между рочимъ. И ты больше объ этомъ не помнишь? О! женщины, женщины! продекламировалъ онъ, подражая голосу Тальяда,—одно неостоянство!

Взбѣшенная Клемансъ хотѣла было возражать, но комикъ, не авъ ей времени принять видъ оскорбленной королевы, продол-
аль:

-- Милыя дѣти, желаете знать мое мнѣніе? Ну, такъ я вамъ скажу, что вся эта гнусная исторія пущена въ ходъ женщиной. икогда этому дурню Лантенаку не пришло бы самому въ голову удобной мысли... Онъ, вѣроятно, получилъ свое маленькое „Эхо“ ве совершенно готовымъ, и такъ какъ онъ лѣнивъ, точно осель, злая острога, въ сущности, была пикантна, онъ и напечаталъ ее, долго думая. Еслибы теперь эту интересную сальность завернули стофранковый билетъ, я и тогда не слишкомъ бы удивился, ая свойства этой личности.

И при этихъ словахъ Павильи остановилъ на Клемансъ такой ранний взглядъ, что почти привелъ ее въ замѣшательство. Она ича выслушала оскорбительные намеки, сказанные комикомъ на .счетъ.

— Самое лучшее, что мы можемъ сдѣлать, сказала г-жа Бреваль,— не покидать теперь бѣдной малютки, когда она такъ жестоко оскорблена. Она одна, пойдите къ ней.

— Я только что хотѣла вамъ это предложить, сказала Клемансъ.— рочемъ, если Лиза и взяла любовника, то мнѣ кажется, она воль дѣлать, что хочетъ, и въ этомъ нѣтъ большаго преступленія.

— Ты удивляешь меня! шепнулъ ей на ухо Павильи, вложивъ эти три слова бездну ироніи.

Въ одну минуту „la Potinière“ наполнилась и Лиза была окру- . Встревоженная и смущенная приходомъ своихъ товарищей .ѣе, чѣмъ ихъ невниманіемъ, она смотрѣла на нихъ умоляющимъ ромъ. Она не рѣшалась спросить, въ чемъ дѣло, боясь услышать . Жана. Ей казалось, что если это обожаемое имя будетъ при- .инено къ ея имени, она умретъ со стыда. Лиза терялась въ до- .вахъ. Г-жа Бреваль, съ своими великосвѣтскими манерами Сен- .рменскаго предмѣстья, обняла Лизу и поцѣловала ее въ лобъ. . касается Клемансъ, которая, конечно, преувеличивала немного . и сочувственныя изъявленія, какъ будто желала отклонить этимъ

подозрѣнія, она объявила своей подругѣ, что та можетъ разчитывать на ихъ всеобщую поддержку.

Павильи, слѣдившій за этой сценой, обратился къ Клемансъ пробурчалъ сквозь зубы:

— Нѣжная Эсэиръ, защищаемая высококомѣрной Вастхией... Очень трогательно!

— Что ты хочешь, наконецъ, сказать твоей высококомѣрной Вастхией воскликнула Клемансъ, которую Павильи, начиная со дня успѣха Лизы, часто называлъ этимъ именемъ.

— „Peut-être on t' a conté la fameuse disgrace

„De l'altière Vasthi dont j' occupe la place“,

продекламировалъ онъ звучнымъ и пріятнымъ голосомъ... Такъ ли незнакома съ твоими классиками? А мечтаешь о „Comédie-Française! Эсэиръ перехитрила Вастхию и овладѣла сердцемъ Агасверра. Но оставался Аманъ... Аманъ... Аманъ... нечестивый Аманъ... из племени Амалекитянъ!... Это очень любопытно, и Лантенакъ восторгается мнѣ Амана!

— Ты глупъ, мой милый, отвѣчала ѣдко Клемансъ, повернувшись спиною къ восхищенному Павильи.

Въ ту самую минуту, какъ раздались три удара, входная дверь отворилась и показался Ромбо, въ сопровожденіи Делессара. Онъ прошелъ черезъ всю сцену, ни съ кѣмъ не заговаривая, въ нахлобоченной чуть не на носъ шляпѣ, побрякивая ключами въ карманѣ, войдя въ коридоръ, гдѣ были уборныя, направился въ свой кабинетъ.

— Чортъ возьми! сказалъ Роберваль,—патронъ нашъ сегодня въ духѣ. Того и смотри, что будетъ штрафъ.

— Это все надѣлала исторія Лизы, пояснилъ Делессаръ режиссеру. Придя сейчасъ въ кассу, онъ еще не зналъ объ этомъ. Газета случайно находилась у меня въ карманѣ и я ему показалъ. Онъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и, не промолвивъ слова, обошелъ въ нижній коридоръ, и вотъ теперь отправился одинъ въ кабинетъ. Знаете, что я вамъ скажу? онъ влюбленъ до безумія въ Лизу, нашъ патронъ... какъ и другіе, какъ Нуно, какъ де-Бривъ, какъ Павильи, какъ Демазюръ. Всѣ за ней! Что же въ ней замѣчательнаго, самомъ дѣлѣ, что ее всѣ такъ любятъ?

— Вы ее никогда не видали на сценѣ? спросилъ Роберваль. У нея много одушевленія, граціи, очарованія... Она производитъ имовѣрный эффектъ.

Начался третій актъ, актеры стойко вывозили на своихъ и

чахъ дурную пьесу, чувствуя, что позади декорацій, спектакль долженъ происходить гораздо интереснѣе, чѣмъ предъ рампой. Приближалась главная сцена, та, которая служила основой пьесы. Публика, съ самаго начала пьесы, отнеслась холодно къ своей любимицѣ: она остерегалась. Симпатическая связь, существовавшая между ею и актрисою, какъ будто порвалась. Клевета сдѣлала свое дѣло. Какъ будто ревность овладѣла зрителями, которые желали, чтобы любимая артистка исключительно принадлежала имъ однимъ.

Холодный пріемъ публики произвелъ на Лизу тяжелое впечатлѣніе, одушевленіе ея угасло; она, встревоженная, несчастная, играла только для самой себя. Но когда дошло до главной сцены, актриса пробудилась въ ней; она забыла все свое горе и помнила только объ одномъ искусствѣ. Вдохновеніе увлекло ее, она не видѣла ничего предъ собою, кромѣ театра, и въ одну минуту, силой неотразимаго аланта, придала жизнь своей роли. Лиза преобразилась, глаза блестя, голосъ звучалъ, проникая прямо въ душу. Казалось, что она дѣйствительно страдала горемъ, плакала слезами и разрадалась гнѣвомъ изображаемаго ею лица. Она вложила всю свою душу въ эту роль и воспользовалась своими настоящими страданіями, чтобы выразить искусственныя чувства. Въ эти короткія минуты она превзошла самоё себя.

Внезапный шопотъ одобренія пронесся въ публикѣ, до тѣхъ поръ печаливой и равнодушной. За подвижной стойкой, товарищи Лизы ушались ее, сжавъ руки и притаивъ дыханіе. Она совершенно вошла въ свою роль и, не обращая ни на что вниманія, не замѣчала даже держанной побѣды. Молодая дѣвушка съ горькимъ наслажденіемъ сливала свою скорбь, исторгала ее изъ своего сердца и въ отчаяніи, съ раздрающимъ воплемъ, бросала ее въ лицо публикѣ. Она какъ неистово трясла Мортаня въ одномъ, самомъ патетическомъ мѣстѣ пьесы, что тотъ былъ ошеломленъ и въ свою очередь воодушевился, какъ будто въ него проникъ оживляющій ее пламень; онъ скривилъ послѣдній актъ въ униссонъ съ Лизой, заставивъ зрителей испытать одно изъ тѣхъ драматическихъ ощущеній, которыя потрясываютъ всю залу и поднимаютъ въ ней одинъ общій слитный гулъ.

— Что это такое? спросилъ Ромбо, проходя по театру и услыжавъ крики публики, бѣшено вызывавшей артистовъ.

— Это Лиза, отвѣтилъ докторъ, вбѣжавшій впопыхахъ чрезъ заднюю дверь.— Чортъ возьми! Эта малютка была неподражаема! Въ Парижѣ нѣтъ женщины, которая была бы способна играть съ такимъ чувствомъ и съ такой естественностью!.. Какая чудная артистка!

Лиза вернулась со сцены, трепещущая, блѣдная, изнеможенная отъ усилій; она прошла чрезъ театръ, между своихъ безмолвныхъ товарищей, и съ поникшей головой, снова предавшись своей грусти, направилась къ двери, чтобы подняться въ свою уборную, какъ вдругъ Ромбо остановилъ ее и, снявъ шляпу, чего онъ ни для кого не дѣлалъ на сценѣ, сказалъ ей взволнованнымъ голосомъ:

— Очень сожалѣю, что меня не было тамъ, чтобы раздѣлить общій восторгъ... Вы устали, дитя мое, подите, отдохните... Роберваль, не начинайте четвертаго акта до тѣхъ поръ, пока m-lle Флѣронъ не придетъ сказать, что она готова... Я желаю поговорить съ вами, Лиза, не уѣзжайте изъ театра, не повидавшись со мною.

Онъ почтительно проводилъ ее до желѣзной двери, сопровождаемый своимъ административнымъ штатомъ и повторяя слова доктора:

— Эта малютка—первая актриса въ Парижѣ!

Лиза вышла въ коридоръ, она была изнурена, какъ будто послѣ долгой ходьбы, въ ушахъ у нея еще жужжало, въ груди тѣснило... Она уже поставила ногу на первую ступеньку лѣстницы, какъ услышала, что ее зовутъ. Обернувшись, она очутилась лицомъ къ лицу съ Лабарромъ. Лиза вскрикнула отъ радости и, схвативъ молодого человѣка за руку, потащила къ себѣ. Наконецъ-то она нашла человѣка, которому могла довѣриться и который не будетъ смѣяться надъ нею, если увидитъ ея слезы; его искреннее участіе утѣшить ее. Она привела его въ свою уборную и, смотря ему прямо въ глаза, сказала:

— Вы... вы скажете мнѣ, что случилось. Надо мнѣ наконецъ знать, въ чемъ меня обвиняютъ. Я это угадываю по натянутому обращенію тѣхъ, кто меня защищаетъ или жалѣетъ; надо мною тяготѣтъ какое-то обвиненіе... Но какое?..

Клавдій грустно посмотрѣлъ на молодую дѣвушку. Неужели на его долю выпала тяжелая обязанность сообщить ей истину, открыть тотъ позоръ, которымъ ее чернятъ? Лиза поняла нерѣшимость друга; она нервно сжала его руку:

— Не щадите меня, произнесла она, — я хочу все знать.

Клавдій молчалъ. Онъ отступилъ предъ грустной необходимостью объяснить Лизѣ низкіе намеки на ея счетъ; онъ не могъ приискать выраженій, въ какихъ удобно было бы передать этой невинной малюткѣ, что ее считали погибшимъ созданьемъ—и онъ быстрымъ движеніемъ подаль ей газету.

Лиза узнала ее; это была та самая газета, которую она оставила на каминѣ въ своей комнатѣ. Она удивилась той утонченной злобѣ

съ какою ей была прислана оскорбительная статья. Лиза вздрогнула при мысли, что ктонибудь изъ домашнихъ могъ прочесть ее. Ея мать, бродя по комнатѣ, въ то время, когда еще видѣла, всегда просматривала газету, и какой ужасный ударъ былъ бы для нея! Лиза съ горестью обрадовалась, что слѣпота матери спасла ее отъ страшнаго открытія.

Съ сильнымъ отвращеніемъ она наконецъ рѣшилась развернуть газету, и совершенно равнодушно прочла ядовитыя строки. Она ожидала худшаго, и старалась припомнить, не сдѣлала-ли какойнибудь невѣжливости предъ своимъ обидчикомъ, но не нашла ничего. Поставленная лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, Лиза увидала, что фактъ еще не такъ страшенъ, какъ тѣ химеры, которыя она создала въ своемъ воображеніи, и наконецъ расхохоталась; ея невинность ставила ее выше оскорбленій.

— Мои друзья защитятъ меня, сказала она,—они опровергнутъ эту глупую исторію... И объ ней перестанутъ говорить... Въ Парижѣ все скоро забывается...

Спокойствіе вернулось къ Лизѣ. Вспомнивъ, что ей нужно переѣхать въ туалетъ, она попросила Лабарра стать въ уголъ ея уборной, позади дверецъ шкафа. Лишь только Клавдій спрятался туда, Лиза начала одѣваться, и своими проворными пальчиками поспѣшно завязывала тесемки, застегивала крючки, находясь въ нервномъ состояніи; она безъ умолку болтала съ особенной скоростью, чувствуя потребность вылить все волненіе, которое кипѣло въ ней. Лабарръ слышалъ шуршаніе шлейфа Лизы и вдыхалъ разливающееся въ комнатѣ благоуханіе. Онъ слушалъ молодую дѣвушку, отвѣчая лаконически и сознавая, что она не обращала никакого вниманія на то, что онъ ей говорилъ. И все только имя Жана было на ея устахъ. Хотя она церемонно называла его: „г. де-Бривъ“, но Клавдій угадывалъ, что въ душѣ она съ обожаніемъ шептала: Жанъ.

Мрачная тоска напала на Клавдія. Онъ завидовалъ молодому человеку, который имѣлъ счастье быть любимымъ этой очаровательной дѣвушкой. Что онъ для этого сдѣлалъ? Только успѣлъ появиться въ сердце Лизы уже принадлежало ему. Его бѣлокурые усы и голубые глаза покорили ее. Отвратительное „Эхо“ говорило правду. И еслибы этого не случилось теперь, оно случилось бы, когда бы онъ захотѣлъ. Ему стоило только открыть свои объятія, чтобы она кинулась въ нихъ со страстью.

Лиза была готова. Они спустились съ лѣстницы. На сценѣ число постоянныхъ посѣтителей было больше, чѣмъ обыкновенно. Только

что прїѣхаль Рэйно. Адріәнъ Гамарь съ рѣзкими жестама разг
гольствоваль посреди кружка внимательныхъ слушателей. Ром
также сидѣль тутъ на диванѣ, приготовленномъ для четвертаго акт
и рассказъ франта, повидимому, очень интересоваль его.

„Кончился первый актъ „Лили“; жара была чертовская въ за
Variétés; я былъ съ Буланжэ, моимъ дальнимъ родственникомъ,
говорю ему: пойдѣмъ, выпьемъ. Мы входимъ въ кафе и кого же
тамъ вижу? де-Брива, Верневила и Мишелона; всѣ стоятъ пере
столомъ, за которымъ какой-то высокій бородачъ, по наружности в
рядочный дуралей, сидѣль облокотившись. Де-Бривъ что-то ему
ворилъ, но тотъ не отвѣчалъ. Наконецъ онъ всталъ совсѣмъ блѣ
ный и, топнувъ ногою, закричалъ: Нѣтъ! Въ эту минуту де-Бривъ
подняль руку и закатилъ ему такую оплеуху, что тотъ растѣнулъ
на полу. И вотъ его товарищи бросаются, всѣ разомъ, на де-Бривъ
и хотятъ его повалить. Ахъ! дѣти мои, еслибъ вы видѣли тог
Мишелона!.. Какъ онъ былъ хорошъ!.. Онъ поймалъ двоихъ, взя
по одному въ каждую руку, и ударяль ими другъ о друга, какъ буд
игралъ на цимбалахъ, сплющивая ихъ при каждомъ ударѣ... и пр
говариваль спокойнымъ голосомъ: „Господа, вы напрасно вмѣшиваете
тамъ, гдѣ васъ не спрашиваютъ... Дайте моему другу свободно об
ясниться...“ И все приговаривая, онъ продолжалъ стучать ими
того, что вывихнулъ у нихъ руки и одурилъ, точно двухъ ка
повъ. Въ это время высокій бородачъ поднялся съ полу и кри
чалъ де-Бриву: „Вы хотите драться? Ну, чтожъ! будемъ драться“.
„Вотъ это слѣдовало давнымъ давно отвѣтить, сказалъ де-Бривъ,
избавили бы меня отъ лишняго безпокойства“. И щелчкомъ бол
шаго пальца, онъ пустиль свою карточку въ носъ этому господни
который, снова разсвирѣпѣвъ, хотѣль броситься на него, но Миш
лонъ, съ мягкостью силача, отечески замѣтилъ: „Полноте, милы
сидите спокойно, не вынуждайте меня переломать вамъ бол
Если вы хотите причинить зло моему другу, вы можете это сдѣла
завтра утромъ!“ Тогда я удралъ изъ „Variétés“ и бѣгомъ примчалъ
сюда, чтобы рассказать вамъ эту исторію. Бѣдовый этотъ де-Бривъ
друзья мои, и какой же у него кулакъ, могу вамъ засвидѣтел
ствовать. Не хотѣль бы я получить такой затрещины, какую онъ
влѣпилъ въ щеку высокаго бородача. Ахъ, да! вы еще не знаете
Вѣдь это былъ Лантенакъ!“

Послышался подавленный крикъ; Лиза, прижавшись къ дек
раціи, съ измѣнившимся лицомъ, едва держалась на ногахъ. Она
услыхала послѣднія слова Гамара, и имя де-Брива, вступивша

въ ссору съ Лантенакомъ, какъ острымъ ножомъ, кольнуло ее въ сердце. Ромбо полбѣжалъ къ ней, но она жестомъ удалила его и, взявъ подъ руку Клавдія, молча, безъ жалобъ, сѣла въ самомъ темномъ углу за кулисами.

— Лиза была тутъ, сказалъ Ромбо.—Бѣдная дѣвушка! Она совѣмъ встревожена. Г-жа Бреваль, будьте такъ добры посмотрѣть, не нужно-ли ей чего нибудь...

Онъ пошевелилъ ключами, пожевалъ свой усъ и пошелъ маленькими шажками, очень скучный. Затѣмъ, овладѣвъ собою, директоръ сказалъ:

— Тѣфу ты, пропасть! сколько народу у насъ сегодня... Эта чертовская статья привлекла къ намъ зрителей... Только бы Лиза могла кончить пьесу!..

Онъ худо зналъ молодую дѣвушку. Нанесенный ей ударъ не срашилъ ея. Сидя подлѣ Лабарра, на скамейкѣ, предназначенной для панистовъ, когда они за кулисами играли танцы, она была грустна и молчалива. Лиза ни минуты не думала объ исходѣ этой исторіи, въ которой Жанъ былъ поставленъ въ такое же непріятное положеніе, какъ и она. И вдругъ это ужасное обстоятельство: дуэль между скорбителемъ и любимымъ человѣкомъ представилась предъ нею.

Она не удивилась что Жанъ дрался; она лишь упрекала себя въ томъ, что не подумала въ первую же минуту, что онъ будетъ драться. Развѣ былъ бы онъ тѣмъ человѣкомъ, который всецѣло овладѣлъ, прекраснымъ, гордымъ Жаномъ, еслибъ не почувствовалъ нанесеннаго ему оскорбленія? Лиза хотѣла, чтобы онъ дрался столько же за ея честь, сколько и за свою. Она не думала, какимъ бы образомъ найти средство помѣшать дуэли. Она считала ее неизбѣжной, если испытывала мучительную тоску при мысли объ опасности, которой подвергался Жанъ, то все таки не допускала возможности есъ стыда уклониться отъ нея. Въ этомъ выказался темпераментъ артистки, привыкшей къ преувеличеннымъ требованіямъ сцены: дѣйствительность передъ ней исчезла. Лизѣ представилось, что съ ней и съ Жаномъ произошла какая-то неожиданная драматическая развязка. Онъ превратился въ Родрига и она готова была закричать: «Выходи побѣдителемъ изъ боя, цѣною котораго будетъ Химена!» Онъ былъ поставленъ въ необходимость рискнуть своею жизнью: какъ актриса, она ни за что въ свѣтѣ не хотѣла идти противъ этого театральнаго требованія, но, какъ женщина, находилась въ страхѣ, и въ глубинѣ души горячо молилась, чтобы Господь сохранилъ ей ацтника. Въ лицѣ ея соединялось двѣ натуры: одна буржуазная,

созданная для тихой, безмятежной, сладкой жизни, другая—натура настоящей гороини, привыкшей къ многословнымъ фразамъ, къ преувеличеннымъ чувствамъ, къ столкновению словъ и оружія.

Г-жа Бреваль пришла спросить у Лизы, какъ она себя чувствуетъ: молодая дѣвушка объявила ей, что она готова играть. Силы ея были возбуждены мучившей ее лихорадкой и она выдержала свою роль до конца.

Клемансъ съ изумленіемъ смотрѣла на соперницу, выказавшую такъ много энергіи. Она надѣялась быть свидѣтельницей полного пораженія, но должна была отмѣтить еще одну побѣду со стороны Лизы. Со скрытымъ бѣшенствомъ, она все болѣе и болѣе убѣждалась, что слѣдуетъ нанести еще тягчайшій ударъ той, которую она ненавидѣла, чтобы окончательно ее уничтожить. Клемансъ была чрезвычайно внимательна къ своей подругѣ, она съ притворствомъ подерживала ее въ сценахъ, которыя имъ приходилось играть вмѣстѣ и дала всѣмъ замѣтить, сколько участія и преданности она выказывала въ этомъ тяжеломъ испытаніи.

Лиза довѣрчиво благодарила ее. Казалось очевиднымъ, что Клемансъ и она были добрыми друзьями. Въ душѣ же итальянка говорила себѣ: „Еслибъ Лантенакъ хорошенько прокололъ шпагой руде-Бриву, тогда этотъ франтъ слегъ бы недѣли на двѣ въ постель. Театръ закрывается въ концѣ этой недѣли: они будутъ разлучены. Лиза объявила, что уѣзжаетъ въ провинцію. Но, впрочемъ, она не рѣшилась бы идти къ нему.. и не приняла бы его у себя, при матери... А ихъ отношенія еще не зашли такъ далеко, чтобы они могли назначать себѣ свиданія въ другомъ мѣстѣ“.

Она разсуждала, какъ хорошій тактикъ въ дѣлѣ любви, будучи знакома со всѣми маршами и контрмаршами интриги. Клемансъ давно знала, по опыту, какъ удобны меблированныя комнаты въ Парижѣ, но ея мудрая хитрость никакъ не могла постичь, до чего была въ состояніи дойти невинная любовь Лизы въ дѣлѣ смѣлости; въ успокоенная, она радовалась, что приобрѣла, въ теченіе своей любовной карьеры, преданныхъ друзей, какъ Лантенакъ, готовыхъ на все.

Пьеса кончилась.

— Оставайтесь, вы мнѣ нужны, сказала Лиза Клавдію, выходя съ сцены.—Подождите меня въ кабинетѣ г-на Ромбо.

Театръ опустѣлъ. Кампознъ, свертывая папироску, поднялся въ уборную г-жи Бреваль. Ромбо съ Лабарромъ прошлись немного, съядя, какъ убирали бутафорскія вещи.

— Такъ вы знали Лизу? спрашивалъ Ромбо, остановясь.—Вы мнѣ этого не говорили.

— Наше знакомство началось давно, отвѣтилъ Клавдій.

— Кажется, она питаетъ къ вамъ большую дружбу... Какая при- скорбная исторія!.. Вы должны употребить все ваше вліяніе на нее и дать нѣсколько добрыхъ совѣтовъ... Нужно, во что бы то ни стало, отвлечь ее отъ этого осла Жана...

— Отвлечь ее? повторилъ Клавдій.

— Да, она занимается имъ больше, чѣмъ слѣдуетъ. Чортъ знаетъ, какъ она могла влюбиться въ этого мальчишку!

Они взглянули другъ на друга, озабоченные, уколотые одною и тою-же ревностью. Писатель задумчиво склонилъ на грудь свою кра- вивую голову. Онъ достаточно зналъ де-Брива и достаточно проникъ въ маленькія тайны его жизни, чтобы понять то любопытство, ко- орое вначалѣ пробудилось въ Лизѣ. Этотъ утонченный, вѣжливый, держанный „viveur“ произвелъ впечатлѣніе на молодую дѣвушку. Она слышала, что онъ страшный картежникъ, проигрывающій и лигрывающій огромныя суммы въ одну ночь, и что у него пропасть денегъ. Ей правилось наклоняться надъ этой пропастью; мало-по- лду голова у нея начала кружиться. Эта опасная пропасть притя- вала ее еще сильнѣе. И она еще больше наклонялась и смотрѣла имательно на таинственное чудовище, находя его такимъ очаро- вательнымъ, что нисколько его не боялась. Она полюбила его по нтрасту: она — натура простая и прямая, онъ — сложная и рытная. И, какъ невинная, чистая Маргарита, она предалась серд- мъ этому скептику и насмѣшнику Фаусту, сдѣлавшемуся, съ по- щью чудесной силы любви, добрымъ и вѣрующимъ въ гла- хъ обожаемой женщины. Но прежняя страсть снова имъ овладѣла, столюбіе опять стало его преобладающей мыслью и онъ, увлечен- ный демономъ-искусителемъ, готовъ былъ броситься въ оргіи Валь- дргіевой ночи и продать свою душу за земныя сокровища. Бѣд- я обманутая дѣвушка останется одна съ своимъ горемъ.

Эти типы опасныхъ любовниковъ, способныхъ волновать сердца енщинъ, были какъ нельзя лучше понятны Клавдію; воображе- іе часто ему рисовало ихъ, и онъ заставлялъ ихъ пламенной рѣчью рекрасно выражать свои чувства въ его драмахъ. Неужели онъ деть сожалѣть, что нашель въ этой Лизѣ живой предметъ для изу- енія? Онъ не могъ думать о молодой дѣвушкѣ безъ того, чтобы его рдце не начинало сильнѣе биться, не могъ говорить объ ней безъ

дрожанія въ голосѣ, и желалъ видѣть ее счастливою въ ущербъ собственному счастью.

Ромбо, видя его погруженнымъ въ глубокое размышленіе, положилъ ему руку на плечо:

— О чемъ задумались? спросилъ онъ.

— Я думаю о Лизѣ, отвѣтилъ Клавдій съ особеннымъ удареніемъ:—она такъ добра, честна и безупречна, что я невольно смотрю на нее, какъ на обреченную на несчастіе. Эта очаровательная дѣвушка увлеклась своимъ стремленіемъ къ искусству, сдѣлалась великой артисткой, а между тѣмъ родилась въ средѣ, предназначавшей ее для буржуазной жизни. Ея натура создана для борьбы, но не ограждена отъ опасностей избранной ею карьеры. Всѣ удары будутъ поражать ее въ самое сердце. Театръ есть поле сраженія. Чтобы восторжествовать на немъ, нуженъ не только громадный талантъ, но еще непоколебимая энергія. Придется защищаться не только противъ всего свѣта, но и противъ самой себя. Лиза заранѣе побѣждена. Она будетъ жертвой своей искренности, честности и привязанности. Эти то рѣдкія качества, которыя придаютъ ей столько прелести, и будутъ ей гибелью.

— А мы развѣ не защитимъ ея? сказалъ Ромбо, притворяясь веселымъ, чего въ дѣйствительности вовсе не было.—Вы какъ будто пророчите ей несчастіе. Но я, съ своей стороны, не намѣренъ допустить, чтобы обижали дѣвушку: она звѣзда моей труппы. Мой интересъ обязываетъ меня покровительствовать ей, и я непременно сдѣлаю. Но я искренно расположенъ къ ней...

Ромбо остановился: онъ высказалъ больше, можетъ быть, чѣмъ хотѣлъ.

Послышались легкіе шаги Лизы, спускавшей съ лѣстницы. Ромбо отворилъ обитую войлокомъ дверь своего кабинета, и Клавдій во второй разъ очутился въ той комнатѣ, гдѣ онъ провелъ полчаса самыхъ мучительныхъ въ его жизни. Лиза вошла вслѣдъ за ними и, молча сѣла на диванъ. Ромбо сѣлъ подлѣ нея.

— Милое дитя, произнесъ онъ, взявъ ее за руку,—я очень радъ, что г. Лабарръ присутствуетъ при нашемъ разговорѣ. Онъ ищетъ къ вамъ такую-же дружбу, какъ и я. Необходимо, чтобы вы были откровенны и открыли мнѣ ваше сердце. То, о чемъ я долженъ спросить васъ, очень щекотливо, а между тѣмъ нужно, чтобы я прекложилъ вамъ этотъ вопросъ. Есть-ли что нибудь справедливое... и напечатанной статьѣ?

Ромбо нерѣшительно произнесъ послѣднія слова; онъ ожида...

что Лиза раздражится и будет играть комедию угнетенной невинности, какъ это дѣлали многія актрисы, раздраженіе которыхъ нисколько не оправдывалось. Но ничуть не бывало; Лиза очень ясно, не отвѣрчивая своего хорошенькаго личика и смотря ему прямо въ лицо своими голубыми глазками, объявила, что ничѣмъ нельзя извинить этого нападенія, что оно—сухая клевета. Казалось, что она теперь не чувствовала этой обиды. Въ душѣ у нея была одна забота: Жанъ. Ромбо просилъ ее остаться, она повиновалась; но нетерпѣливо желала уѣхать и быть свободной.

— Боже мой! Еслибъ этотъ сумашедшій де-Бривъ не сунулся впередъ и не позволилъ себѣ лишняго, сказалъ Ромбо, — ничего не было-бы легче, какъ потребовать опроверженія и воспользоваться этой низкой клеветою для вашего восхваленія.

— Я не нуждаюсь въ восхваленіяхъ, произнесла Лиза съ твердостью.—Что-же касается г. де-Брива, то онъ былъ лично задѣтъ и не могъ иначе дѣйствовать. Всякій честный человѣкъ поступилъ-бы точно также...

— Я вамъ говорю, что это сумашедшій! воскликнулъ Ромбо, внезапно одушевившись.—Вы слишкомъ снисходительны къ этому мальчишкѣ... Вы сносили его ухаживанье, которое и было причиною всего случившагося... Вы, о! Боже мой! совсѣмъ неумышленно,—я въ этомъ увѣренъ,—подали поводъ къ злымъ толкамъ... но я васъ прошу... время еще не потеряно... перемѣните ваше обращеніе... Де-Бривъ—мой другъ, это прекраснѣйшій человѣкъ, но еслибъ вы знали, какъ онъ легкомысленъ и поверхностенъ! Онъ не долженъ внушать женщинѣ никакого довѣрія... Вы меня хорошо понимаете, не правда-ли, дитя мое? Никакого довѣрія! Никакого!

Ромбо говорилъ съ льстивою хитростью южанина, производя на Лизу мягкой кротостью своихъ словъ впечатлѣніе умиленнаго проповѣдника. Онъ остановился въ недоумѣніи, замѣтивъ улыбку, мелькнувшую на губахъ молодой дѣвушки. Слова Ромбо пробудили въ умѣ Лизы воспоминаніе о Нуно, говорившемъ ей:—„не довѣряйтесь мальчишкамъ“! Такъ они условились дурно отзываться предъ ней о молодежи! Въ дѣйствительности, они хотѣли отвлечь ее отъ Жана, единственнаго человѣка, котораго она могла любить.

Но южанинъ былъ не таковъ, чтобы скоро уступить. Онъ снова принялся за свои доводы и не переставалъ выспрашивать Лизу, которая едва ему отвѣчала; онъ съ глухой злобой громилъ того, кого называлъ другомъ. Въ немъ сказался прежній актеръ: онъ вошелъ въ положеніе изображаемаго лица, и подъ внимательнымъ взоромъ

Клавдія игралъ въ натурѣ сцену Арнульфа и Агнесы. Онъ хотѣлъ непременно узнать все, что произошло между Жаномъ и Лизой. Онъ жаждалъ услышать подробности о прогулкѣ предшествующей ночи. И, подъ вліяніемъ ревнивой злобы, онъ снова началъ обвинять де-Брива.

И вѣдь кто можетъ ручаться? можетъ быть, Жанъ самъ, болталъ, вызвалъ всю эту исторію. Извѣстно, что онъ нескроменъ. Безъ сомнѣнія, онъ хвастался... Ромбо опять говорилъ и опять умолялъ Лизу удалить отъ себя этого ненавистнаго, компрометирующаго челоуѣка. Онъ-же, съ завтрашняго дня, запретить ему входъ за кулисы... И такъ какъ Лиза возмутилась, объяснивъ, что она не допуститъ ни за что въ свѣтъ, чтобы подобная обида была нанесена де-Бриву, то Ромбо съ горечью упрекнулъ ее, что она не цѣнитъ его добрыхъ намѣреній. Наконецъ, забывъ всякую мѣру, онъ разразился дерзкими, брачными словами противъ Жана:

— Въ сущности, онъ ничто иное, какъ авантюристъ. Чѣмъ онъ постоянно жилъ? Картами и биржевыми спекуляціями. До сихъ поръ счастье везло ему, но разъ его постигнетъ неудача, тогда ему не сдобровать, онъ будетъ не въ состояніи снова поправить свои дѣла. Мнѣ много приходилось видѣть, какъ подобные кутилы превращались въ ловкихъ плутовъ.

Онъ не могъ продолжать. Лиза встала, выпрямилась во всю ростъ, и съ поблѣднѣвшими губами, гнѣвно нахмуривъ брови, принесла съ чувствомъ гордаго возмущенія:

— То, что вы говорите, также гнусно, какъ и статья, напечатанная обо мнѣ! Я не потерплю болѣе, чтобы въ моемъ присутствіи вы оскорбляли г. де-Брива, какъ и онъ не потерпѣлъ, чтобы оскорбляли меня!

— Лиза! воскликнулъ изумленный Ромбо.

— Да! это вы дѣлаете подло и гадко! продолжала она.—Зачѣмъ вы меня мучите? По какому праву? Наконецъ, что вы хотите знать? Люблю-ли я его?

Задыхаясь отъ волненія, она остановилась, прижала руками нервно вздымавшуюся грудь и, разгорячившись, не будучи въ силѣ удерживать болѣе признанія, которое жгло ей губы, она воскликнула:

— Такъ знайте-же! Я люблю его! И ничто не можетъ помѣшать мнѣ его любить!

Она сильно вспыхнула, закрыла лицо руками и, упавъ на диванъ, истерически зарыдала.

Ромбо обмѣнялся взглядомъ съ Клавдіемъ. Все кончено! пропала послѣдняя надежда. Она любила Жана и была готова всѣмъ пренебречь для него. И если будетъ нужно, она признается въ своей любви передъ всѣми, какъ теперь призналась предъ ними. Крикъ отчаянной страсти, вырвавшійся у Лизы, проникъ до сердца. Ромбо не зналъ, что говорить и что дѣлать. Онъ подошелъ къ молодой дѣвушкѣ, взялъ ее за руки, называлъ ее: „милое дитя, добрая маленькая Лиза“ и увѣрялъ въ своихъ чистосердечныхъ намѣреніяхъ; говорилъ, что онъ зашелъ дальше, чѣмъ желалъ, просилъ извинить то и все забыть. Онъ имѣлъ въ виду лишь одно ея спокойствіе. Ромбо остановился: онъ готовъ былъ снова напасть на Жана.

Лиза отерла слезы, бросила на Ромбо взглядъ, полный грусти, и брательна къ Клавдію:

— Развѣ и вы также покинете меня? сказала она ему.

— Чѣмъ я могу быть вамъ полезенъ? спросилъ Лабарръ.

Она подошла къ нему, кроткая и милая, какъ ребенокъ, желающій, чтобы его приласкали.

— Вы можете сообщить мнѣ о томъ, что случится. Я не знаю, какъ была рѣшена эта дуэль, и мучусь отъ безпокойства. Зайдите къ г-ну де-Бривъ сегодня-же вечеромъ. Повидайтесь съ нимъ, скажите, что пришли по моей просьбѣ и чтобы онъ ничего не скрывалъ отъ васъ.

Она взяла руку Клавдія, оперлась на нее и склонила голову на плечо молодаго человѣка.

— Прошу васъ, исполните это и я буду васъ очень любить. Что-то завтра утромъ я имѣла уже извѣстіе очень рано... прошу васъ.

Она опять повторила своимъ сладкимъ голосомъ: „прошу васъ“, и Клавдій, очарованный этой волшебницей, съумѣлъ только отвѣтить: „Да. Еслибъ она его послала въ адъ, онъ пошелъ-бы и туда. Ромбо, принявъ холодный видъ, впалъ въ раздумье... Дѣловой человѣкъ завилъ умолкнуть влюбленнаго. Если женщина потеряна для него, то нужно, по крайней мѣрѣ, сохранить актрису. Онъ подошелъ къ Лизѣ, которая собиралась уѣзжать и избѣгала его взгляда.

— Лиза, неужели вы уѣдете, не простивъ меня? произнесъ онъ олящимъ тономъ.

Незлопамятная Лиза протянула ему руку, затѣмъ сказала серьезно:

— Вы очень огорчили меня. И къ чему?..

Ромбо привскочилъ отъ удивленія и чуть чуть не отвѣтилъ:

— Ахъ! неужели-же вы не поняли, что и я также васъ люблю.

Но онъ былъ не такой человѣкъ, чтобы тотчасъ-же отказатся отъ надежды, желая извлечь изъ этого какую-нибудь пользу.

— Это было сдѣлано въ вашихъ интересахъ, сказала она.— Желаю, чтобы вы никогда не знали ничего подобнаго.

Она покачала головой, въ полномъ ослѣпленіи своей глубокой, неограниченной любви.

— Самый дорогой теперь интересъ для меня въ жизни, произнесла она тихо:—это моя любовь!

Она улыбнулась Ромбо, и вышла съ Клавдіемъ. По уходѣ ея, экс-Францискъ остался въ раздумьѣ. Онъ вдругъ вспомнилъ о Клемансъ Вилла, и ему стала понятна та давнишняя ненависть, какую питала актриса, вдвойнѣ пораженная и въ своей гордости, и въ своей любви. Онъ вполне сознавалъ опасности, угрожающія съ ея стороны Лизѣ, и не сомнѣвался въ томъ, что она подлила нѣсколько капель яду въ чернила Лантенака. Ромбо рѣшился энергично защищать молодую дѣвушку противъ козней ея соперницы. Откровенность, съ которою Лиза довѣрилась ему, еще болѣе привязала его къ ней; кроме того, онъ въ глубинѣ души смутно ласкалъ себя тою-же надеждою, какъ и Нуно. Въ будущемъ онъ могъ еще получить вознагражденіе.

Но онъ былъ не настолько великодушень, чтобы простить де-Бриву, и потому желалъ ему получить, на другой день утра, одинъ изъ ловкихъ ударовъ шпаги.

(Продолженіе будетъ).

ЗНАКОМЫЕ ЛЮДИ.

РОМАНЪ.

Х.

Василій Васильевичъ Качаевъ, отставной гусарскій поручикъ, приодился дальнимъ родственникомъ покойному Хворостову, и вотъ по-ему такая тонкая барыня, какъ Варвара Ильинишна, не смотря на обращеніе къ «неприличнымъ» людямъ, могла терпѣть его въ своемъ умѣ. Иначе относились къ нему остальные члены дома. Модестъ Гавриловичъ считалъ его «широкой русской натурой» и снисходительно отнесся къ его цинизму и неряшливости; въ глазахъ учителя они искупаются его сердечностью. Нравилась ему въ Качаевѣ привязчивость, какъ новая черта характера. Ужь коли привязался къ кому—бери его руками, весь онъ тутъ. Врожденная веселость и неистощимый запасъ анья пріятельски расположили къ старому гусару молодого Бориса. Сашеньки «безпутный дядюшка», какъ она его называла шутя, не гускала случая поцѣловать ручки, которыя сравнивалъ со сдобными пирожками. Въ уѣздѣ онъ слылъ подъ именемъ «прогусарившагося гусара», такъ какъ изъ полка вышелъ, по его словамъ, «пѣшъ». Служба въ гусарахъ, то есть безалаберность и мотовство—его разорили. Впрочемъ, въ утѣшеніе себѣ, Качаевъ утверждалъ, что не одни гусары образца стараго времени добивали да и нынѣ добиваютъ до конца свое радѣдовское достоянье. Вспоминалъ онъ свое гусарство съ гордостью дѣлалъ на него ссылки, какъ на нѣкую немалую заслугу. Для него несомнѣнно, что время его гусарства—время его славы. Старые гусары—идеаль, дальше котораго онъ не пошелъ, а его похождения въ ольшѣ—богатый матерьялъ для немилосерднаго вранья. Вѣрный своему легкомыслію, Качаевъ полагалъ, что человѣку слѣдуетъ пріять свой вѣкъ возможно *веселѣе*. Онъ не былъ изъ «нюнь», какъ онъ называлъ унывающихъ людей.

«Ну, прогусарился, говаривалъ онъ за рюмкой съ пріателемъ,—

прокачалъ Качаевъ имѣнье, изъ помѣщиковъ цыганомъ сталъ—живу себѣ, не горюю! Добываю кое-что, слава Богу! хватить! Онъ по мѣсяцамъ пропадалъ, разѣзжалъ по конскимъ заводамъ и по ярмаркамъ; «кровную» лошадь и «полукровку», битюка и «степную» различалъ въ тонкости. Знали его и въ Тербунахъ, и въ Коренной, и въ Харьковѣ. Молодымъ ремонтерамъ набиралъ ремонты «отъ хвоста», то есть получая, по условію, за каждую поставленную имъ въ ремонтъ лошадь, а то покупалъ и продавалъ «на барышъ». Лошадей онъ любилъ, а потому изучилъ ихъ и дѣла своего былъ мастеръ. Варвара Ильинишна иногда давала ему чувствовать «неприличіе» его вида или поведенія; тѣмъ не менѣе онъ въ Овсянниковѣ считался «своимъ», также какъ и у Овраговыхъ. Качаевъ, по своимъ связямъ съ прошлымъ и по ограниченности своего развитія, питалъ къ освобожденію крестьянъ и, вообще, къ новымъ порядкамъ большое несочувствіе, но съ «новыми» людьми, къ числу которыхъ онъ относилъ Оврагова, не враждовалъ. Онъ отдѣлялъ лицо отъ дѣла.—«Ты, Андрей Петровичъ, самъ по себѣ, душа-человѣкъ, и я тебя люблю,—признавался онъ ему, когда тотъ служилъ еще мировымъ посредникомъ. — Но, какъ посредникъ, ты извини, скотина, тебя повѣситъ мало, и всѣхъ вашихъ. Вы разоромъ разорили Россію, вы мужика сподли, лѣнтяемъ сдѣлали и баръ обо брали. Никому пользы! что ты за дворянинъ, коли старшія „вы“ гоноришь?»

Послѣ завтрака, Варвара Ильинишна напрасно уговаривала Качаева остаться у нихъ переночевать. Куда тебѣ! залатошилъ: «къ Андрею надо, дѣлишко есть».

— Когда такъ, возьми съ собой нашихъ мужчинъ, замѣтила хозяйка.—Завтра я за ними пришло. Пожалуйста.

— Пожалуйста! Качаевъ чуть не обидѣлся за это «пожалуйста»:— Приказано, я долженъ исполнить безъ разсужденій. Дамское слово дѣла стараго гусара—то же приказаніе.

Качаевъ съ нѣскольکو ярмарочною развязностью поцѣловалъ дамъ ручки и, замѣтивъ намѣреніе вѣрной овсянниковской дѣвственницы подарить ему въ залъ романическое tête-à-tête, безъ оглядки бѣжалъ въ пристройку.

— Вы словно отъ холеры удираете? со смѣхомъ встрѣтилъ Качаевъ Борисъ, понявшій въ чемъ дѣло.

— Хуже: я отъ Фелицаты бѣжалъ! Качаевъ изобразилъ на своемъ цыганскомъ лицѣ кислую гримасу.—Душка! боюсь, не пойдетъ?

— Не пойдетъ! подтвердилъ учитель и громче всѣхъ разсмѣялся.

— Одѣвайся, Борька! отпущекъ данъ къ Андрею Петровичу! замѣ

тилъ учитель, со свойственною ему неловкостью приступая къ шкафу съ платьемъ.

— А не къ Анютѣ? поправилъ не безъ лукавства Качаевъ.

— Одѣваться, такъ одѣваться! веселовоскликнулъ Борисъ, не обращающаго вниманія на поправку Качаева, но принимая ее, по адресу, на свой счетъ.—Ночевать тамъ будемъ?

— Всеконечно, братъ!

Наши путники очутились въ прекрасномъ расположеніи духа.

Тройка Качаева ждала у крыльца,—разношерстная, медкая, съ виду жалкая; лошаденки дрянъ, битыя, поджарыя; коренной—подлѣтокъ, мордатый, неуклюжій меренъ съ высоко подтянутой къ дугѣ мордой. Упряжь, хотя съ наборомъ, но старенькая, горѣлая. Кучеръ Чурилка—въ какой то глупой мохнатой шапкѣ съ толкучки, въ старомъ полушубкѣ, подпоясанномъ обрывкомъ шарфа. Какъ стала у крыльца тройка, такъ и заснула, закрывъ глаза, оставивъ ноги и попура головы. Чурилка занукалъ, усиленно задергалъ возжами, зашлепалъ кнутомъ. Тройка тронулась нехотя и «подала» къ крыльцу.

— Вались въ сани, ребята! весело сказалъ своимъ спутникамъ Качаевъ, поталкивая сзади учителя, медленнаго въ движеніяхъ.

— Подымай ноги, философъ! живо у меня! ну, чудесно, что удрали, молодцы! Провачу. Ухарская, хвалился онъ Борису.—Пошелъ!

Борисъ не замедлилъ удивиться неожиданному переходу заснувшей тройки къ самому рѣзвому бѣгу.

— Вотъ диво? смѣялся онъ:—совсѣмъ другая тройка!

— Ухарская, братъ! увидишь! самодовольно утверждалъ Качаевъ.

И точно, ухарская тройка рѣзво неслась подъ веселый звонъ колокольчика и согласный звонъ бубенчиковъ.

— Свистокъ! крикнулъ Качаевъ, и въ голосъ стараго гусара Борисъ услыхалъ затрогивавшее душу молодечество.

Чурилка, стоя, засвисталъ тѣмъ пронзительнымъ и разнообразнымъ посвистомъ, сквозь передніе зубы, который Борисъ не могъ равнодушно слышать. Оглушенный свистомъ, сливавшимся съ колокольчикомъ и бубенчиками, обрадованный чудесной скачкой, онъ развеселился, разсмѣялся и, не выдержавъ, заткнулъ себѣ уши. Пристяжныя то и дѣло швыряли въ сани снѣжные комья, слѣпя глаза сѣдоковъ. Бориса веселилъ и зимній вѣтеръ, щипавшій лицо, и раздолье снѣжныхъ полей, отгнѣнныхъ далеко на горизонтѣ синеватымъ тономъ огромной зимней тучи. Пристяжныя подкидывали задомъ такъ часто и высоко, словно это доставляло имъ удовольствіе. Даже степенный учитель вслухъ вы-

ражалъ свой восторгъ, повторяя: «Славно! славно! ай да тройка! ай да свистокъ! Вотъ это такъ! по русски!»

— Приговаривай! скомандовалъ Качаевъ.

Чурилка, стоя, загоготалъ дико и заоралъ, нахлестанныя пристяжныя насторожились, коренникъ поднялъ уши. Тройка пошла еще рѣзвѣе. Съ возжами въ одной рукѣ и кнутомъ въ другой, Чурилка во все горло приговаривалъ несущейся тройкѣ, будто понимавшей и его окрикъ и веселыя прибаутки.

— Съ грррадомъ! вопилъ Чурилка, причемъ «р» словно трещало у него.—Ах-ха-ха-ха-ха! Чурилка закатился неистовымъ хохотомъ и, въ тактъ этому мелкому хохоту, заходили у него голова, плечи, руки и задъ: весь онъ, какъ развинченный, трепеталъ каждыиъ своимъ суставомъ. Дикіе „ха-ха-ха-ха!“ какъ кнутомъ, подстегивали тройку.

— Каково, молокососъ? гордо оглинулъ своихъ спутниковъ Качаевъ:—Каково, Модестъ? и тебя, философа, поразобрало!

— Славно! Борисъ смѣялся.—Славно!

— Однако, не въ пору выѣхали: мятель поднимается, слуга! замѣтилъ безпокойно учитель, благоразумно кутаясь въ своей старенькой шубкѣ.

XI.

Порядкомъ „курило“, когда наши путники подѣхали къ дому Андрея Петровича.

Даже ахнулъ старый дворецкій, нежданно-негаданно увидѣвъ передъ собой три выбѣленные мятелью фигуры пріѣзжихъ. Еслибы не дружный топотъ, съ понятнымъ желаньемъ согрѣться, что подняли они въ передней, да не восклицанія перемерзшихъ людей, заслуженный домашній чловѣкъ не прочь былъ бы принять ихъ за привидѣнія.

— Въ такую пропасть? все еще не вѣря своимъ глазамъ, прошепталъ слуга, приступая къ немедленной подачѣ имъ помощи, то есть раздѣвая перваго попавшагося, именно несчастнаго учителя.

— Попались, господа!.. Какъ еще въ полѣ не остались? Диво! свѣтупреставленье-съ!

Юркій казачокъ, между тѣмъ, успѣлъ поднять въ домъ тревогу, запыхавшимся голосомъ объявивъ кому слѣдуетъ, что „овсянниковскіе господа пріѣхали съ Васильемъ Васильичемъ, совсѣмъ обмерзли!“

— Несчастные путники! серьезно, по своему улыбаясь, встрѣтилъ ихъ Овраговъ, собственноручно раздѣвая гостей и торопя къ тому же прислугу.—Самоваръ скорѣе, Анюта: согрѣть ихъ надо! Скорѣе, па нихъ лина нѣтъ!

— Поставлень, папа! Господи, вотъ ужась!

— Рому къ чаю! добавилъ Овраговъ.

— Все будетъ, папа, не безпокойся, и каминъ затопать.

Дѣвушка проворно и, по правдѣ сказать, всѣхъ ихъ ловчѣе освободила Бориса отъ обледенѣлаго шарфа и стащила съ него снѣжную шубку, обдавшую ее своею холодною пылью.

— Ухъ! засмѣялась она, поспѣшно стряхивая съ себя снѣжную пыль и, мимоходомъ, взглянувъ на учителя и Качаева съ желаньемъ удостовѣриться, освободились-ли тотъ и другой отъ своихъ холодныхъ одеждъ.—Къ камину, господа! Бѣжимъ!

Но перезябшіе путники бѣжать не могли, только тыкали застывшими ногами и осторожно снимали съ бровей, рѣсницъ и глазъ ледяныя сосульки. Василій Васильевичъ, кромѣ того, снималъ ихъ съ усовъ. Онъ одушевленнѣе всѣхъ топалъ ногами, чтобы ихъ размять, издавая короткіе, глухіе звуки, въ родѣ: «Бръ! ухъ! фууу!»

— Все ты виноватъ, Василій, усмѣхнулся Овраговъ.—Вотъ бурная птица! что ни хуже погода, что ни темнѣе ночь—онъ въ дорогѣ!.. Какъ это у тебя такъ?

— Отстанъ, Андрей! Качаевъ и его спутники поплелись къ камину, въ кабинетъ, возбуждая жалость: такъ обдѣлала ихъ мятель. Пальцы у нихъ не слушались, ноги отказывались идти.

Веселый огонь въ каминѣ и горячій чай съ ромомъ скоро согрѣли и привели въ себя пострадавшихъ отъ мятели. Никто себѣ ничего не познобилъ, благодаря лишь тому, что мятель захватила ихъ недалеко отъ села. Первымъ изъ нихъ возвратился къ употребленію языка, какъ и слѣдовало ожидать, Качаевъ. Юморъ его наружу просился.

— Узналъ теперъ, Модестъ, какъ зимой въ гости ѣздить? трунилъ онъ надъ согнувшимся въ три погибели учителемъ, потѣшно подставлявшимъ къ огню пальцы.

— Безобразіе! невообразимая вьюга! вздрогнулъ при одномъ воспоминаніи учитель, только что покончившій со стаканомъ чая и нетерпѣливо ждавшій другаго, который уже наливала Анюта.—Покрѣпче, Анна Николаевна, теперь можно-съ покрѣпче чаекъ, не повредить-съ... Вотъ такъ-съ!

— Какъ это вы можете прямо кипятокъ пить? дивилась она, видя, какъ учитель жадно глотнулъ изъ поданнаго ею стакана.

— Привычка-съ! Модестъ Гавриловичъ съ наслажденьемъ повторилъ свой глотокъ.—Славно-съ... по косточкамъ пошло-съ, оживило всего...

Все время молчавшій Борисъ всталъ съ пустымъ стаканомъ и попросилъ Анюту налить ему. Она спросила его: какъ ему—тоже покрѣпче? И, не дождавшись отвѣта, сконфузилась, чувствуя, что на нее всѣ глядятъ.

— Послабѣе, Анна Николаевна, уже со своего стула отвѣтилъ Борисъ.

Андрей Петровичъ глядѣлъ на нихъ со своею спокойною, нѣсколько грустною улыбкой, задумчиво откинувшись головой на спинку кресла, съ давно-потухшею сигарой въ рукѣ. Онъ попросилъ Анюту и ему дать чаю «за компанію».

Дома Анюта ходила по-русски, въ шерстяномъ красномъ сарафанѣ и бѣлой голландской рубашкѣ съ широкими рукавами. Грудь и рукава были расшиты ею же самою, и не съ моднаго узора, а прямо съ крестьянской рубашки, черная коса съ пунцовой лентой, вплетенной въ конецъ, при ея живыхъ движеніяхъ вилась, какъ змѣя, по плечамъ и спинѣ. Въ выборѣ этого народнаго костюма, равно и въ ея нерасположеніи къ платью «нѣмецкому», то есть не народному, виноваты были прежде всего оригиналь-отецъ.

Зашель разговоръ о «дворовомъ поселкѣ» Оврагова.

— Поселокъ живетъ только лѣтъ пять, но уже позволяетъ мнѣ прійти къ нѣкоторымъ выводамъ, замѣтилъ Овраговъ.—Какъ вы знаете, мои дворовые получили отъ меня земельный надѣлъ и помощь поровну; пришли на поселокъ тоже почти съ равнымъ недостаткомъ. Кажется, и жить бы имъ ровно, всѣмъ тридцати дворамъ? на дѣлѣ же не то: два двора побираются. Хозяева—солдатъ и кузнецъ—распьянствовались, въ лохмотьяхъ ходятъ. Землю роздали на нѣсколько лѣтъ, ребятъ разсвали по работникамъ, лишь бы впередъ деньги. Бабы, что ни день, слезно просятъ: «сократить бездомниковъ». Въ холодную сажаль ихъ старшина—ничего не беретъ. Вотъ поди жъ ты съ социалистическимъ ученьемъ о всеобщемъ уравниіи имущества. Уравняешь нынче—завтра у одного больше, у другаго меньше, у третьяго ничего нѣтъ.

— Въ деревню бы этихъ умниковъ посадить, не утерпѣлъ вернуть свое слово Качаевъ:—вылѣчили бы тутъ отъ своихъ бредней.

— Отъ бредней, точно, излѣчиваетъ опытъ, если бредни происходятъ по недоразумѣнію или молодости, высказывался Модестъ Гавриловичъ, начавшій уже третій стаканъ.—Кто не заблуждается въ молодости? Ошибается молодость—но она вѣритъ, и въ этой вѣрѣ—оправданье молодымъ ошибкамъ, увлеченію молодости; но если мы вовсе не увлекаемся, не бредимъ, а увлеченіе беремъ, какъ средство об-

мануть народъ—это ужь не бредни! или, пожалуй, это скверныя бредни!..

— Онѣ то и входятъ, кажется, въ моду, прибавилъ Овраговъ.

Онъ замялъ разговоръ о своемъ дворовомъ поселкѣ и учитель не возобновлялъ его, зная, какъ не любилъ „старый джентльменъ“ говорить о своихъ добрыхъ дѣлахъ. Борисъ, какъ только вспоминалъ о поселкѣ, или когда другіе заводили при немъ рѣчь объ этомъ—не могъ говорить объ Овраговѣ безъ восторга. Онъ и теперь готовъ былъ броситься Оврагову на шею, крѣпко схватить его руку и закричать во все горло: „Андрей Петровичъ! вы благородный, честный человѣкъ!“ Это, разумеется, знала Анюта и не утерпѣла: мелькомъ глянула на Бориса, покраснѣвшаго и отъ пунша, и отъ внутренняго волненія.

Какъ только крестьянъ освободили, Овраговъ занялся участіемъ своей многочисленной дворни. Онъ отвелъ имъ удобный прилужный соборнякъ, выстроилъ тридцать избъ съ придвореями, и въ нихъ поселилъ тридцать дворовыхъ семей; каждой выдалъ купчую на полдесятины усадьбы и на три десятины полевой земли. Это—по убѣжденію учителя и Бориса—„благородное дѣло“ окончательно вооружило противъ „либеральнаго“ посредника уѣздныхъ крѣпостниковъ.

До сихъ поръ Борисъ еще не встрѣчалъ человѣка, который правился къ нему такъ, какъ Овраговъ, который ближе подходилъ бы къ идеалу чужины, составленному себѣ Борисомъ. Всякій сколько нибудь неблагоприятный отзывъ объ Овраговѣ Борисъ принималъ горячо, всѣмъ имъ впечатлительнымъ сердцемъ, какъ людскую неправду, какъ заслуженную обиду Андрею Петровичу.

Овраговъ, въ отставкѣ гвардіи ротмистръ, былъ послѣднимъ членомъ почтеннаго дворянскаго рода. Изъ его предковъ выдѣлялся бригадиръ Акинфій Овраговъ, вельможа екатерининскаго времени. Его яжелый каменный домъ съ залой въ два свѣта и антресолями, одъ высокою желѣзною крышей, съ мрачною гордостью стоитъ на громномъ, гладкомъ какъ ладонь, выгонѣ, на которомъ бѣлѣтся аменная церковь съ фамильнымъ склепомъ подъ сводами. Старый аглохшій паркъ далеко отъ дома тянулся по скату къ огромному, какъ озеро, пруду. Здѣсь родился и жилъ внукъ Акинфія—Андрей Овраговъ. По родственнымъ связямъ и по состоянію, онъ могъ и долженъ былъ получить прекрасное по своему времени образованье. Окончивъ его въ одномъ изъ привилегированныхъ петербургскихъ учебныхъ заведеній, онъ, по тогдашнему обычаю, поступилъ на службу въ гвардейскіе кирасиры. Духъ тогдашней дисциплины, основанной на палкѣ, скоро сталъ ему ненавистенъ. Онъ попалъ на замѣчанье,

какъ офицеръ вольнодумный, способный внести въ воинскую дисциплину вредныя начала. Къ своему несчастью, онъ любилъ не только читать политическихъ и соціальныхъ писателей, преимущественно французовъ, но и разсуждать о ихъ взглядахъ и идеяхъ въ обществѣ молодежи. Одно изъ такихъ разсужденій, понятыхъ начальствомъ какъ „противоуправительственное“, послужило формальнымъ поводомъ къ его отставкѣ. Когда же онъ вздумалъ побывать за границей, восполнить сознанные имъ недостатки своего образованія и, года два спустя, вернулся—фельдъегерская тройка и жандармъ не замедлили умчать его въ далекій городъ среди лѣсовъ, болотъ и инородцевъ. Недолго, впрочемъ, онъ тамъ пробылъ...

Овраговъ вернулся въ родное гнѣздо, отчасти усталый, отчасти примиренный. Внутренняя его жизнь установилась, но томилъ его своею неполнотою. Дѣйствительность остудила его молодую мечту—бороться со зломъ и тьмою за правду и свѣтъ; но въ немъ сердце по прежнему билось порывами къ благу и нравственной красотѣ. Онъ только усомнился въ возможности достигнуть нравственнаго идеала на землѣ идеальными же способами, тѣми именно непрактичными, отвлеченными приѣмами, на которые такъ падеа молодость. Онъ понялъ наконецъ, что надо взять жизнь, какъ она дается, для того чтобы постепенно, не въ одинъ день, не сразу, а въ продолженіе многихъ лѣтъ, внести въ нее запасъ добра, свѣта, любви и опыта, накопившагося въ немъ самомъ. Смѣшно же, въ самомъ дѣлѣ, задаваться сказочною рѣшимостью пересоздать въ одинъ моментъ историческое зданіе, созидавшееся многими вѣками. Вѣдь это затѣи пустыя, ребяческія; да и нужно-ли еще такое пересозданіе? Исторія послѣдовательнѣе и умнѣе самой умной и логически выведенной философской системы. Правда, жизнь, особенно русская жизнь—не казиста. Но развѣ для нея нѣтъ будущаго? развѣ она не прогрессируетъ вопреки злостнымъ стремленіямъ разныхъ дуботолковъ и лжеохранителей? Вотъ этому спокойному развитію русской жизни и слѣдуетъ послужить лучшимъ русскимъ людямъ; развитіе это, конечно, должно быть въ духѣ нашей народности, но не квасной и заплесневѣлой. Думать такъ,—разсуждать Овраговъ,—не значитъ еще отвергнуть идеаль и обратиться прямо къ ближайшимъ эгоистическимъ цѣлямъ; не значитъ еще, что я замѣнилъ общее, міровое—частнымъ, личнымъ; я не сдамся обществу, котораго не уважаю за его плохость; но народъ-то тутъ при чемъ? Надо народу нашему служить; у него есть великое будущее. Овраговъ безъ фразъ любилъ народъ.

Ближайшее знакомство съ этимъ вѣчнымъ труженикомъ, придав-

леннымъ мачихой-природой, помогло ему выработать трезвый взглядъ на то, что слѣдуетъ дѣлать въ деревнѣ. Съ его средствами можно много добра принести. Помѣщикъ, нравственно руководящій и матеріально поддерживающій крестьянство, развѣ не служитъ цѣлямъ цивилизаціи? Но всероссійская спячка приводила его въ отчаянье. Онъ убѣдился, что эту трудно-излѣчимою болѣзнию, застарѣлою, повальною, поражены и грады, и вѣси матушки-Руси; что единственный врачъ этого серьезнаго народнаго недуга, съ правомъ на сильно-дѣйствующія средства—правительство—бесильно, пока на помощь ему не призовется само общество, но гдѣ у насъ оно? „Общество! сомнѣвался Овраговъ въ своихъ выводахъ:—Я-то развѣ не то же общество? нѣтъ, я хуже его, какъ оно ни плохо. Что я такое? я не умѣю даже опредѣлить себя. Въ своемъ прошломъ я не вижу ничего, кромѣ посредственности и плохости; сомнѣніе не по разуму, несостоятельность всяческая, и—неудача во все; въ настоящемъ—кто его знаетъ? но въ настоящемъ я уже не повторю прошлыхъ своихъ ошибокъ. Что надо мнѣ—я знаю“. Онъ сознательно сдался труду, не ожидая за него награды, не рассчитывая даже на одское безпристрастье. Онъ работалъ, какъ хозяинъ и какъ общественный дѣлатель; каждой изъ этихъ работъ онъ поставилъ цѣль, къ которой твердо шелъ. Богатый помѣщикъ домогался въ немъ того, чего домогался и мировой посредникъ, именно: всюду, гдѣ можно, раздвинуть заколдованный кругъ, скованный мужику мачихой-судьбой, поддержать его тамъ, гдѣ онъ падаетъ.. Съ деревенскою жизнью Овраговъ сошелся прочно, и по мѣрѣ того, какъ узналъ деревенскаго человѣка, все глубже и доказательнѣе разочаровывался въ петербургскомъ человѣкѣ, въ этомъ новаторѣ, хлопочущемъ о народномъ благѣ, не зная народа. Какъ только началъ себя помнить Овраговъ, видъ нищеты, горя—невольнo упрекали его, какъ виновника этой нищеты, этого горя. Уныніе, какъ онъ противъ это ни бился, овладѣвало имъ при сознаніи невозможности замѣнить илыя избы, убогіе дворы, дырявые плетни—крѣпкими и прочными. Стрѣча съ Модестомъ Гавриловичемъ удовлетворила въ Овраговѣ отребности человѣка извѣстныхъ вкусовъ въ сообществѣ другаго еловѣка, могущаго понимать его, сочувствовать, бесѣдовать съ нимъ.

Овраговъ—одинъ въ большомъ дѣдовскомъ домѣ! Строго и внимательно глядятъ со стараго портрета на задумчиваго внука глаза катерининскаго вельможи, бригадира Акинфія Оврагова. Раскрытые какою-то смѣлою мыслью, эти умные, насмѣшливые глаза, эта настолюбивая улыбка крупныхъ губъ словно спрашиваютъ: „о чемъ

онъ задумался?“ Дѣдъ изображенъ въ полковомъ зеленомъ камзолѣ и великолѣпно завитомъ бѣломъ парикѣ, гладко выбритый, щеголяющій кружевнымъ воротомъ и кружевною грудью тонкой сорочки, пропитанный вольнодумствомъ энциклопедистовъ XVIII-го вѣка. Не смотря на свои восемьдесятъ лѣтъ, онъ кажется моложе и одушевленнѣе своего сорокалѣтняго внука и словно съ презрѣніемъ относится къ тому, чтó составляетъ „внутреннюю жизнь“ человѣка второй половины XIX вѣка,—къ тому, надъ чѣмъ раздумываетъ Андрей Овраговъ.

— Карлики, лиллипуты нравственные! какъ бы смѣется съ своего портрета екатерининскій вельможа.—Чего вы еще не разрѣшили? надъ чѣмъ ломаете головы? Все это намъ давно извѣстно, всѣ эти идеи мы оставили вамъ въ наслѣдство. „Les nerfs, voilà tout l'homme,“ — опредѣлили Кабанисъ. „Qu'est ce qu'un noble?—Un homme qui se donne la peine de naître“, остроумно замѣтилъ Бомарше. „Qu'est ce que le tiers état?—La nation“, отвѣтили абать Сизейсъ, графъ и священникъ. — утвердила этотъ отвѣтъ революція. Кажется, все разрѣшено, задумываться не надъ чѣмъ; если вы допустили идею—она станетъ дѣломъ; что нибудь одно: или „Contrat social“ Руссо, или „Сводъ законовъ Россійской имперіи“. Но, кажется, выборъ вашъ ограниченъ, обусловленъ обстоятельствами, въ которыя вы сами себя поставили; на себя и пеняйте, коли изъ вашей государственной и общественной работы выйдетъ совсѣмъ не то, на что вы рассчитывали. Въмѣсто охранительнаго родоваго русскаго представителя, на вашемъ земскомъ соборѣ вѣротилой явится, пожалуй, образъ и подобіе Мирабо, російскій „*polystre d'esprit, de talents et de vices*“. Вы играли въ напуганія; ваши передовые, въ погонѣ за „новшествами“, нивѣсть куда отбѣжали отъ народной массы, которую вы развращаете усердно, но безсознательно. Вы исковеркали старое, не создавая новаго... старые боги низвергнуты, новыхъ нѣтъ. Куда вы безумно спѣшите—дѣло ваше.

Не безъ робости выслушивалъ Овраговъ собственныя опасенія, которыя, казалось ему, онъ читаетъ въ насмѣшливо-умномъ выраженіи дѣдовскаго портрета. Но совѣсть подсказывала ему, что онъ идетъ дорогой, хотя трудной, но общающей вдали широкій горизонтъ. Онъ не хотѣлъ „казаться“ благонамѣреннымъ и прогрессивнымъ человѣкомъ, онъ хотѣлъ имъ быть. Не время малодушничать общественному дѣятелю, который болитъ о народномъ благодѣиіи. Русскій революціонный культъ—безсмыслица, преступленіе, ничѣмъ не вызванное, ничѣмъ не оправдываемое; но мертвая формальность отношеній правящихъ къ народу — не лучше. Меньше писанъ

льше живаго участія, больше вѣры. Но если въ Овраговѣ были удовлетворены его общественныя стремленія, если служебныя дѣла хозяйство поглощали все его время, въ немъ еще оставался человекъ сердца, тяготившійся своимъ одиночествомъ. Пустота стараго ма пугала его.

Еще молодымъ офицеромъ Овраговъ любилъ оперу. Оперный сезонъ, въ бывше петербургскіе годы, своимъ блескомъ и богатствомъ лантливыхъ первоклассныхъ голосовъ затмѣвалъ европейскія сцены. „La Juive“, Галеви, очень на него подѣйствовала примадонна, ньора Франческа, которая пѣла партію Рахили. Никогда онъ не мнилъ себя подъ болѣе глубокимъ впечатлѣніемъ. Въ молодой итальянкѣ изящество, какъ бы врожденное, соединялось съ пластической красотой, восхитительнымъ, въ душу проникавшимъ сопрано и заительнымъ драматическимъ талантомъ. Съ перваго звука этого каго женскаго голоса, съ перваго появленія этой граціозной, пренной, блѣдной Рахили съ черными горящими глазами, съ роскошными черными волосами, убранными по восточному, которымъ могла извидовать сама Венера,—Овраговъ былъ въ ея власти, и не онъ нтъ; много было такихъ въ огромномъ театрѣ. Поетъ Рахиль—летная тишина; кончила—рукоплескать стыдно: за такое наслаженіе нѣтъ благодарности! Рахиль увлекалась ролью, и потому увлекалась. Никогда не могъ забыть молодой меломанъ тѣхъ прекрасныхъ, пораживающихъ человекъ впечатлѣній, что онъ вынесъ послѣ „Жидовки“. Онъ готовъ былъ на глупость, на безумный порывъ. , такія настроенія—что не расскажешь. Что-то большое, что-то ное вынесъ въ себѣ изъ театра Овраговъ, не зная, что съ собою нтъ. Какъ Рахиль плакала! Онъ тогда понялъ, что человекъ во е лучше въ горести, чѣмъ въ радости, что будь онъ художникъ, бралъ бы для своихъ портретовъ плачущія, а не смѣющіяся лица. тридцать лѣтъ простительно боготворить красоту. Молодой Овраговъ искалъ сближенія съ молодой артисткой и по ствiя этого сближенія не замедлили сказаться: они полюбили чь друга, страсть его вызвала отвѣтъ пылкой романской природы. его и говорить, что эти дни, исполненные блаженства, о кото ть Овраговъ могъ только мечтать, онъ, справедливо и не преувѣ авая, могъ считать лучшими днями своей жизни. За ними—дни, е мѣсяцы ссылки. Такъ внезапно, насильственно оторванный отъ имой женщины, Овраговъ возвратился къ ней только для того, бы убѣдиться, что она приговорена къ смерти. Синьора Франческа студиалась послѣ представленія „Жидовки“, возвращаясь домой

въ каретѣ съ открытымъ окномъ. Нѣжный цвѣтокъ юга не вынесъ стужи сѣверной Пальмиры. Въ горячечномъ бреду она звала своего amogoso, своего саго Andreo. Она его узнала, пришла въ себя, чтобы выразить ему все счастье его увидѣть, всю любовь свою; сдала ему на руки его ребенка, маленькую Анунціату, и со строгостью матери исполняющей свою обязанность, потребовала, чтобы онъ, отецъ, замѣнилъ ребенку мать; просила не забывать ее, любившую только одного его, и умерла на его рукахъ. Такія минуты не забываютъ люди съ характеромъ Оврагова. Онъ, конечно, не могъ замѣнить Анунціатѣ мать, но сталъ ей отцомъ въ лучшемъ смыслѣ слова. Въ своей маленькой смуглянкѣ, живо напоминавшей ему и личиномъ граціей его погибшую красавицу, Овраговъ любилъ свое прошлое, увидѣлъ свой долгъ по отношенію къ этому прошлому. Въ настоящемъ же, смуглая Анунціата являлась пораженному горемъ человеку какъ бы посланіемъ того высшаго разума, что христіане называютъ провидѣніемъ, что испытуетъ человѣка, что невидимо подкрѣпляетъ его слабый духъ и его ничтожныя силы въ ту минуту, когда откуда никакой помощи не ждешь уже отчаявающійся человѣкъ. Мать съ жизнью Овраговъ заключилъ на искреннихъ основаніяхъ; его душевная потребность жить для близкаго существа—удовлетворилъ, хотя опустѣлое мѣсто въ сердцѣ Оврагова оставалось незанятымъ „но его никто, никогда не займетъ“, думалъ онъ, не смѣя измѣнить священной для него памяти Франчески. Всѣ силы своей души перенесъ на дѣвочку. Съ нею онъ былъ неразлученъ. Она и спала, если не въ его большомъ комфортабельномъ кабинетѣ, то съ нимъ въ спальнѣ рядомъ. Не смотря на всю разницу лѣтъ, отецъ и дочь находили взаимное удовольствіе въ обществѣ другъ друга. Ея воспитателемъ и учителемъ былъ „папа Андрей“, какъ она его называла.

Въ „библіотекѣ“, гдѣ собственно помѣщался онъ и куда никуда, кромѣ стараго дворецкаго, не имѣлъ доступа, она играла на мягкомъ коврѣ въ куклы, бѣгала и мѣшала „папѣ Андрею“ заниматься. Какъ кошечка, неслышно подкрадывалась она къ отцову креслу, съ зловѣщимъ смѣхомъ вскакивала къ нему на колѣни, обвивала смуглыми ручонками его шею, или маленькими розовыми ладонями закрывала ему глаза, крича: „Будетъ тебѣ, папка, читать, а то у тебя глаза заболятъ“. Или, надѣвъ отцу на глаза шапку, тащила его за волосы. Гулять съ папой было для нея удовольствіемъ, которое считалось съ каждымъ годомъ. На прогулкахъ онъ рассказывалъ ей, какъ міръ устроенъ, отчего бываетъ свѣтъ и тьма, что обрываетъ Анюту (онъ такъ передѣлалъ ея хорошенькое итальянское имя

усское), какъ живутъ разные народы. Анюта была любопытна, все помнила, что слышала, спрашивала обо всемъ, что ей въ голову приходило. Послѣ чтенія „Ундины“ Жуковского, она спросила:

— И я, папа, когда утону, къ тебѣ Ундиной явлюсь.

Овраговъ зналъ, что въ голомъ пессимистическомъ отрицаніи нѣтъ и жизни, ни правды. Отъ женщины онъ требовалъ вѣры, какъ чего-то такого, безъ чего она не женщина. „Женщина должна вѣрить, потому что въ нее мы должны вѣрить,—думалъ онъ:—религія въ женщинѣ—это красота и сила, къ себѣ влекущая и охраняющая“. Религиозное чувство онъ оберегалъ, лелѣялъ, укрѣплялъ въ Анютѣ. Онъ только очищалъ его отъ плевелъ суевѣрія, сѣмена котораго обыкновенно заносить въ дѣтскую няньки, эти доморощенные любительницы дѣдуновъ, мертвецовъ и прочихъ „страстей“. Подростая, Анюта читала съ отцомъ библію и ее восхитила эта простая и чистая поэзія. Библейскія картины (въ англійскомъ изданіи) залегли ей въ душу. Она помнила Спасителя, благословляющаго дѣтей, тихій Іорданъ въ скалахъ, египтянъ въ бѣлыхъ головныхъ повязкахъ и широкихъ покатыхъ одеждахъ, съ верблюдами въ пустынѣ, гдѣ высятся фараоновы пирамиды; каменный, опаленный солнцемъ Іерусалимъ, полныи таинственнаго, святаго значенія, съ храмомъ и іудеями;—все она помнила.

Много передумалъ Овраговъ по поводу своихъ отношеній къ Сашенькѣ. Онъ остался ими доволенъ. Вниманіе къ себѣ скромной дѣвочки онъ объяснялъ простымъ дружескимъ расположеніемъ. О требованияхъ ея дѣвичьяго сердца, предметомъ которыхъ онъ могъ быть, Овраговъ и не догадывался. Онъ смотрѣлъ на себя, какъ на „старика“, обязаннаго думать только о счастіи Анюты, а о своемъ личномъ—забылъ давно.

ХП.

Не смотря на завернувшую „матушку російскую погодушку“, онъ выразился о лютовавшей мятели Модестъ Гавриловичъ, старый саръ то и дѣло подбѣгалъ къ окнамъ, желая удостовѣриться, не пришла-ли мятель? Съ своимъ неисправимымъ легкомысліемъ, онъ заропилъ вдругъ домой, увѣряя, что ему надо завтра гдѣ-то, въ какомъ мѣстѣ, быть непременно: слово далъ.

— Все это хорошо, братъ Василій, замѣтилъ ему недобрительно выслушавшій его Овраговъ,—только дуришь ты, старый бродяга. Я тебя изъ своего дома по такой страсти не пушу. Лучше ты намъ вечер-

комъ про полекъ расскажешь, какъ паненокъ и жидовъ надувалъ. Качаевъ, какъ малый сговорчивый, не возражалъ.

— Никакъ расчищаетъ; звѣзды! серьезно замѣтилъ Модестъ Гавриловичъ, подойдя къ окну.

— Расчищаетъ? звѣзды! радостно подхватилъ Качаевъ, бросаясь къ окну, куда смотрѣлъ учитель.—Пожалуй! еще ночь будетъ чудесная!

Но онъ сейчасъ же понялъ, что учитель поднялъ его на смѣхъ, такъ какъ окна были плотно запушены снѣгомъ, вьюга выла и не могло быть видно никакихъ звѣздъ. Онъ обидѣлся.

— Умнаго тутъ ничего нѣтъ, Модестъ, сказалъ онъ ему, съ достоинствомъ пощипывая кончики усовъ.—А скорѣе глупо. И, гордо глянувъ на улыбающуюся публику, отошелъ отъ окна и сѣлъ.

Болѣе онъ къ окну не подбѣгалъ, изъ чего можно было заключить, что онъ успокоился на мысли переночевать у Оврагова. Когда тревожилъ Качаева бѣсъ непостоянства, подбивавшій его куда нибудь бѣжать, онъ былъ преселый собесѣдникъ. Нетрудно было навеселиться съ нимъ разговоръ и на Польшу.

— Есть что вспомнить: пожили въ Варшавѣ, хвалился онъ, любили меня паненки: „бардзо тенги хлопецъ“,—такъ меня зывали.

— Это все кавярки да панны респектовы, подсмѣивался надъ нимъ Овраговъ.

— Не все кавярки да панны респектовы,—Качаевъ обидѣлся, что о немъ такъ думаютъ.—Въ меня панна Рузя, маршалкова дочь, по уши влюбилась. Ей Богу!

Договорились, разумѣется, и до жидовъ. На племя израильтян Качаевъ смотрѣлъ нѣсколько странно, словно бы оно создано для потѣху гусарамъ, да еще для снабженія ихъ въ долгъ карбованцами. Въ разказахъ про гусарскія шалости, про великолѣпные балы ясневельможныхъ магнатовъ, Качаевъ приписывалъ себѣ событiя, въ которыхъ нисколько не повиненъ, и не диво: много воды утекло съ тѣхъ поръ. Старые гусары перемерли, Варшава давно уже не городъ изъ „тысячи и одной ночи“ для кавалерiйскихъ офицеровъ; съ нимъ очаровательныя польки не «романсуютъ» болѣе.

Дѣйствительность, въ разказахъ Качаева, уступила мѣсто въ мыслу и съ нимъ сплелась въ такомъ поэтическомъ безпорядкѣ, что въ немъ потерялся самъ рассказчикъ. Старую исторiю гусарскаго ротмистра, высѣченнаго польскимъ магнатомъ и за это, въ свою очередь, пересѣкшаго, съ помощью своего эскадрона, поляковъ-гост

на балѣ, вмѣстѣ съ хозяиномъ-магнатомъ, Качаевъ вздумалъ былъ храбро приписать себѣ. Онъ весьма правдоподобно и гладко передалъ причину своей ссоры съ наномъ повѣтѣвымъ, маршаломъ Винцентомъ Подгурскимъ, осмѣлившимся при немъ, Качаевъ, порицать русскую армію и поносить русское имя.

— Ну, что я долженъ былъ дѣлать? вдругъ спросилъ раскащикъ своихъ слушателей, и сейчасъ-же продолжалъ, таинственно стихнувъ и сообщивъ своей цыганской фізіономіи кровожадное выраженіе:— Я его, голубчика, вызвалъ на «барьеръ» и назвалъ мерзавцемъ!

Онъ произнесъ слова «барьеръ» и «мерзавцемъ» съ большимъ удареніемъ на букву «р», причемъ задорно на всѣхъ поглядывалъ и ципалъ кончики усовъ. Войдя въ задоръ, онъ продолжалъ:

— «Пшикъ» этотъ—задорная была бестія, «завзентый»! москалей видѣть не могъ. „Москаль, говоритъ, хлопъ, а полякъ — вляклетны чловѣкъ“. — Какъ, говорю, москаль хлопъ? стало, по моему, панъ, и я хлопъ?—«Такъ есть, говоритъ, пане поручнику». Бацъ его въ рожу! тутъ много ихнихъ пановъ было,—на меня винулись, а я одинъ... хорошо положеніе? а?

Старый гусаръ нарочно остановился на этомъ мѣстѣ разсказа, чтобы увидѣть впечатлѣніе его на слушателей, а, можетъ быть, еще для того, чтобы сообразить: чѣмъ его закончить? Подходила щекотливая часть разсказа, и онъ колебался, возбуждая самыя добродушныя подозрѣнія въ его достовѣрности.

— Что-жъ дальше? поторопилъ его Модестъ Гавриловичъ, серьезный какъ всегда, но себѣ на умѣ. Тутъ самый интересъ.—Качаевъ на него покосился.

— Спасибо за такой интересъ! сказалъ онъ съ живымъ движеніемъ головы и живой гримасой своей цыганской рожи,—попробовалъ бы ты на своей спинѣ этого интересу... чортъ бы его побралъ!..

Качаевъ, видимо, намѣревался ограничиться общимъ мѣстомъ своего щекотливаго положенія и не вдаваться въ подробности; но серьезный учитель, какъ нарочно, выказывалъ легкомысленное расположеніе «травить» раскащика именно на щекотливыхъ мѣстахъ разсказа.

— Пробрали? спросилъ онъ простодушно.

— А то нѣтъ!—Качаевъ, при столь обидномъ для него воспоминаніи, изображалъ изъ себя гнѣвъ благороднаго чловѣка, наказаннаго розгами.

— Какъ слѣдуетъ высѣбли? приставалъ къ нему серьезно Мо-

дестъ Гавриловичъ, въ то самое время какъ остальные слушатели не могли удержаться отъ смѣха.

— Какъ слѣдуетъ! мрачно подтвердилъ Качаевъ, нащипывая усы.

— Стало, разложили?

— Разложили.

— Ну и больно, небось?

— Жаль, что не попробоваль ты, философъ. Остался-бы доволенъ.

— Сѣкли-то паны?

— Паны?—старый гусарь даже плюнулъ съ досады,— кой чортъ, паны!—шляхта!

— А честь мундира? замѣтилъ учитель.

— Спасъ! Венгерку-то я снялъ, догадался. Ну, и ни слова не пикнулъ! платокъ въ зубы, рѣжь меня! Горячо-жь было! огонь!

— Что твоя баня! ввернулъ учитель.

— Лучше, братъ! Поднялся, венгерку надѣлъ, съ Богомъ дсмой! Прощай, Макарь, ноги озябли. А паны смѣются. Погодите, други! думаю: красенъ заемъ отдачей. Живу себѣ въ эскадронѣ—совѣстно право, въ люди показаться:—поронный! Смотрю: приглашеніе отъ Подгурскаго на балъ. «Стой, Васька, думаю, твой часъ пришелъ сквитаемся»; рѣшился на балъ ѣхать. «Вахмистра!» Вахмистръ меня былъ первый по полку пьяница и первый служака, Рыбаковъ хохлице. Здоровенный, рожа широкая, рябая,—словно чортъ рѣвѣ сѣялъ. Баки—вѣ какія! (Качаевъ махнулъ рукою ниже плечъ). Вѣ сице—какъ изъ пустой бочки, просто звѣрь! Велѣлъ вахмистру послѣ вечерней уборки, поулынавъ, эскадронъ въ лейбикахъ собрать въ фуражкахъ, при сабляхъ; взводнымъ ефрейторамъ при себѣ по пяти пучковъ розогъ имѣть. Какъ стемнѣетъ совсѣмъ, быть ему съ людьми въ паркѣ панскомъ, отъ поляковъ прятаться и ждать пистолетнаго выстрѣла. Послѣ выстрѣла оцѣпить панскій палацъ и къ дверямъ и окнамъ приставить часовыхъ, а вахмистру съ людьми ѣхать прямо въ залу,—слышь, Рыбаковъ?—„Слышу, ваше благородіе!“ Известно, военная служба, строгость. Разговоровъ у насъ не полагается: налѣво кругомъ—маршъ! сказано—сдѣлано. Молодцомъ я принарядился, являюсь на балъ; малый я—сказывали мнѣ—былъ ничего себѣ, не вредный... Панъ маршалокъ и всѣ: «якъ се може, пане ротмистру!» Ну и я, какъ ни въ чемъ не бывало, расшаркиваюсь, любезничаю. Полонезъ заиграли, кавалеры къ дамамъ, я къ одной сунулся, она мнѣ: „съ битымъ не танчемъ“, я къ другой:— „съ битымъ не танчемъ“, третья тоже. Срамъ! всѣ, вижу, смѣются

Спасибо, добрая душа нашлась: молоденькая панночка прошлась со мной, старуха мать ей шепнула. Посадила я ее на мѣсто, «бардзо дзенькую!» А матери ея шепнулъ: «уѣзжайте, молъ, сію минуту и дочь увозите отсюда». Втихомолку выпроводилъ я ихъ съ бала, танцы пошли, Боже ты мой! танцовать поляки охотники. Подошелъ я къ раскрытому окну, вынулъ изъ кармана заряженный пистолетъ—бацъ! въ паркъ выстрѣлил! Вспокоился весь балъ, что? кто? какъ? Ко мнѣ. А тутъ сабли кругомъ звенять, рожи гусарскія въ окна глядятъ; тупь-тупь-тупь—вахмистръ со взводами валить въ залу, рядыши, справа по три. Смолкла музыка, паны мои нахмурились—должно, юрпризъ мой имъ не понравился. Паненки бѣжать. «Стой! не вѣрно!» Въ гостинной заперли ихъ. Командую: „розогъ, влады хозяина!“ ашумѣли мои паны: „цо то ёсть“? Бѣжать тоже, „стой! не вѣрно!“ Шаршала разложили: «Спасибо тебѣ, панъ, за баню, говорю ему,—облагодаришь и ты меня!» Ефрейторы живой рукой распорядились. акъ пошла дерка!.. женщинъ-то я заблаговременно въ другія комнаты заперъ. Ну, да мужской-то крикъ онѣ слышали. Вотъ какъ старые гусары честь своего мундира поддерживали! Какъ-же! эта торія всей арміи извѣстна,—закончилъ Качаевъ, болѣе обращаясь къ Анютѣ, какъ къ самой довѣрчивой изъ своихъ слушателей.

— Постоите, замѣтилъ учитель:—герой-то ротмистръ былъ? эскадронный командиръ?

— Да, ротмистръ, эскадронный командиръ, съ досадою согласился Качаевъ,—что-жъ изъ того?

— А то, что вы ротмистромъ не были и эскадрономъ не командовали.

Качаевъ вспомнилъ, что дѣйствительно, онъ поручикъ; что исторія высѣченнаго ротмистра, пересѣкшаго польскихъ кавалеровъ на ду, случилась гораздо ранѣе, чѣмъ онъ родился. Онъ было опѣлѣлъ. Скверное положенье: уловленъ во лжи, поднять на смѣхъ! Извѣстность поддержала, однако, во-время стараго враля. Онъ чуть повернулъ въ сторону и вмѣсто того, чтобы обижаться, приединился къ общему смѣху. Къ удивленію своихъ слушателей, онъ хоталь громче всѣхъ.

— Эхъ ты, Фалалей-простоватый!—Качаевъ, хохоча, погладилъ донью учительву плѣшь. А еще ученый!.. Всякъ тебя проведетъ, -Богу! Ты посмотри на себя: тотъ же младенецъ спеленатый... И точно я себя въ эту исторію вклеилъ. Ну, думаю, пускай Модестъ ня изобличить. Меня, какъ изъ гимназіи вышелъ, никогда не вкли. Высѣли ротмистра. — Качаевъ развязно назвалъ его имя,

отчество, фамилию, полкъ, и объяснил — не утерпѣлъ! — что былъ ему «закадычный», что отъ него самого слышалъ всю эту исторію подробно.

— Будетъ тебѣ смѣшить, старый ты враль! слегка хлопнувъ по плечу Качаева, замѣтилъ Андрей Петровичъ. — Выпьемъ-ка лучше «за здоровье того, кто любитъ кого».

— Кто любитъ кого? повторилъ Качаевъ, нарочно взглянувъ при этомъ на Анюту и на Бориса. — Съ моимъ удовольствіемъ.

Онъ позволилъ хозяину увести себя въ столовую, куда за ними всѣ послѣдовали.

Качаевъ, въ свое время, унаслѣдовалъ отъ отца порядочное состояніе, отъ котораго уцѣлѣло у него только десятинъ шесть земли, у „Захаркина верха“, недалеко отъ Овсянникова. Маловато, а лучше, чѣмъ ничего. На „Захаркиномъ верху“ онъ поставилъ флигель и дворъ, и жилъ тамъ съ бывшей своей крѣпостной Дюной, барышничая по ярмаркамъ. Есть или, вѣрнѣе сказать, были русскіе характеры съ особенною склонностью къ похождениямъ, окрашеннымъ примѣсью легкаго романтизма. Качаевъ, безпечная голова и „душа-человѣкъ“, принадлежалъ къ такимъ, уже исчезающимъ русскимъ характерамъ.

— Я изъ полка никогда-бы не вышелъ, братъ, признавалъ Борису Качаевъ, когда, послѣ ужина, они втроемъ лежали въ своихъ постеляхъ, а Модестъ Гавриловичъ сладко похрапывалъ, терпѣвшисъ такихъ „страстей“ въ полѣ.

— Я гусарь, не коноплинникъ... Ну, а пришлось. Знаешь, когда козель рогами запутается, ему не до козлиныхъ скачковъ. А я въ долгахъ запутался; признаться, бѣжалъ отъ жидовъ. Пропалъ былъ Губки — кровь высосуть! Осадили меня въ корчмѣ Гершки, Мовши, Юськи, даже Райхи съ Сурами. „Платите намъ наши гроши, дайте поручнику!“ А у пана поручника дырявые карманы. Спасибо, у меня былъ крѣпостной человѣкъ Аркашка, вѣрный Личарда. Отличны котлеты съ укусомъ и лукомъ дѣлалъ. Надоумилъ Богъ Аркашку спрятать меня въ жидовскую фуру холщевую, подъ сѣно. Ну и вывезъ въ бердичевской фурѣ. Фурманъ Янкель въ деревню меня доставилъ даромъ, на четырехъ лошадиныхъ остовахъ, на безжесткихъ. Въ долгъ доставилъ и даже на своихъ харчахъ, братъ. «Бѣ нема пенѣндзевъ». Все прошелъ Вася Качаевъ и духомъ не унываетъ Дай-ка, Борька, папирской затянуться?

Качаевъ протянулъ свою черную, — какъ изъ сапожнаго товара, —

руку, всю обросшую волосами, за Борисовой папирсой и, съ наслаженіемъ докуривъ ее, бросилъ на полъ.

— Бывало, въ полку, спустишь деньги,—чистъ; ни чаю, ни табаку, ни рюмки водки — это, по нашему, значить, съ овсяной дачи на травяное довольство поступить. Ну и пойдешь по товарищамъ: у одного пообѣдалъ, у другаго поужиналъ, у третьяго переночевалъ. День да ночь — сутки прочь. У такихъ бездомниковъ, какъ я, былъ въ модѣ табакъ фабрики «Чужаго...» И любили же меня въ полку, товарищъ былъ Вася Качаевъ! Другаго днемъ съ огнемъ не сыщешь!

Качаевъ входилъ въ задоръ, какъ только вспоминалъ *свое время*. Когда онъ о себѣ говорилъ, то нисколько не соображался съ тѣмъ, слушаютъ-ли его и хотятъ-ли слушать? Онъ тутъ напоминалъ въ своемъ родѣ соловья, поющаго съ закрытыми глазами. Впрочемъ, Борисъ охотно слушалъ его и спросилъ: какъ онъ изъ полка домой пріѣхалъ? Качаевъ вздохнулъ даже при такомъ тяжеломъ для себя воспоминаніи и продолжалъ, снова затянувшись Борисовой папирсой:

— Я, братъ, одно тебѣ скажу: съверность, не приведи Богъ! Привезъ меня фурманъ домой, заплатилъ ему нечѣмъ. Глядь-поглядь, чисто обобранъ! Все изъ усадьбы выпродано, вырублено, свезено. Ну, татары прошли, да и полно. Земля на девять лѣтъ въ аренду сдана. А мнѣ всего двадцать пять лѣтъ и ни на что, кромѣ мотовства, не гожусь я. Вижу: матъ! разоренъ! Пожаловалъ въ мое имѣнье новый владѣлецъ, попросилъ стараго, — меня, то есть, — вонъ убираться. Дѣлать нечего, убрался: съ чужаго коня среди грязи долой. Сѣлъ я, братъ, на телѣжку, — спасибо тройка пѣгихъ осталась, — на веревочныхъ переплутинахъ качаюсь; въ ногахъ — корельской березы отцова шкатулка, впрочемъ безъ замка, тесемкой связана: табакъ я въ ней держалъ. Въ зубахъ трубка, подо мною кожаная подушка да старыи коверъ — и, кромѣ надежды, ничего нѣтъ. А надѣялся: моль, не пропаду! Смерть мнѣ была изъ родительскаго дома чужимъ уходить!.. Роца славная надъ прудомъ темнѣлась, — а теперь одни пни на берегу торчатъ... Прогусарилсѣ!.. Изъ родительскаго дома вывели...

Утромъ, веселое зимнее солнце обрадовало всѣхъ, Качаева въ особенности. Сейчасъ же послѣ чаю, онъ залатошилъ ѣхать домой. „Обыденкой-де надо ему къ Селифонтьеву попасть“. Качаевъ, когда нужно, былъ себѣ на умѣ. Варвара Ильнишна, въ своихъ дипломатическихъ материнскихъ цѣляхъ, поручила ему стороной, осторожно, разузнать о намѣреніяхъ Селифонтьева, конечно, по отношенію къ

Сашенькѣ, чтобы никто, никто не зналъ, особенно сама Сашенька. „А то она дѣло испортить, пояснила мать:—Вы ее знаете!“ Попечительная мать снабдила стараго гусара надлежащими инструкціями, изъ которыхъ главная была—„привезти съ собой, буде можно, Селифонтьева въ Овсянниково“, да на счетъ его „слабости“ узнать: какъ и что? Качаевъ, размѣшивъ своихъ пріятелей на прощанье, поѣхалъ на своей „ухарской“, хотя жалкой съ виду, тройкѣ. Впрочемъ, не одно безкорыстное желаніе угодить „дамѣ“ и родственницѣ руководило Качаевымъ. Онъ рассчитывалъ всучить богатенькому барину, конечно, за приличный кушъ, „жеребца-одиночку“. Старый барышникъ былъ не прочь, при подходящемъ случаѣ, надуть ближняго, держась правила, что-де—„въ лошадахъ отца роднаго надуть не грѣхъ“. Уѣхали и Борисъ съ учителемъ; Варвара Ильинишна прислала за ними „Алдакима“ съ тройкой. Сегодня ужъ не вчерашняя бойкая, гладко накатанная дорога съ ухабами и раскатами. Снѣгу намело по колѣно. Пристяжныя тонули въ этомъ снѣгу и только „несли“ постромки, а везти не могли. Старый толстоногій коренникъ, со взбитою какъ войлокъ гривой, заслуженный „Вислоухій“ проваливался то и дѣло въ сугробахъ, ныряя въ нихъ, но неуклонно слѣдуя между двумя лентами прежде проѣхавшихъ мужичьихъ полозьевъ. Не смотря на морозъ, „Вислоухій“ дымился отъ холки до хвоста, такъ онъ „трудился“, по выраженію Алдакима, благоразумно поощрявшаго его за этотъ трудъ кнутомъ „подъ жилки“, и не перестававшаго покрикивать: „ну, голубчикъ! ну, еще разокъ—ну!“ Убѣдясь, что ѣхать можно только шагомъ, Борисъ предался своимъ мыслямъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ свиданія съ Анютой. Дорожныя мысли, какъ извѣстно, упорныя мысли. Учитель, какъ человѣкъ прямой, къ тому же не особенно способный подлаживаться и поддѣлываться къ людямъ, находился со всѣми въ домѣ въ отношеніяхъ вполне опредѣленныхъ. Хозяйка уважала его и къ его педагогической дѣятельности имѣла довѣріе, хотя считала его книгоѣдомъ, „педантомъ“. Впрочемъ, этого слова она хорошо объяснить себѣ не могла и называла вообще педантомъ того, кто на ея взглядъ не имѣлъ *des talents de société*. Она смѣшивала понятіе педанта съ понятіемъ бурсака и даже не всегда приличнаго человѣка. Серьезныхъ характеровъ она не любила, можетъ быть, потому что въ ней самой недостаточно была развита серьезная сторона. Если Варвара Ильинишна, по праву матери, замѣчала нѣкоторое отчужденіе обитателей «пристройки» отъ теченія домашней жизни, то не рѣшалась за это вызывать на объясненіе учителя, увѣренная, что учитель

знаетъ свое дѣло, „что такъ надо“. Именно эта-то разобщенность и была по душѣ учителю; она давала ему возможность идти съ ученикомъ своей дорогой, не ослабляя добрыхъ началъ вліяніемъ барскихъ привычекъ и барской распушенности, олицетворяемыхъ Варварой Ильинишной: нѣкоторые ея взгляды такъ противорѣчили его основнымъ убѣжденіямъ! А онъ привязался къ Борису; онъ съ гордостью убѣждался въ ростъ духовныхъ силъ своего ученика, въ развитіи его молодого ума, обогащаемого солидными знаніями. Онъ любовался въ ученикѣ «честною молодостью».

Послѣ своихъ занятій съ Борисомъ, Модестъ Гавриловичъ почувствовалъ расположеніе „побаловаться чайкомъ“, что означало на его языкѣ—пить чай въ пристройкѣ, не въ урочный часъ. Для этого (уфетчикъ Гаврила ставилъ въ сѣняхъ собственный учительскій самоваръ. Старый погребецъ учителя вмѣщалъ въ себѣ чайныя принадлежности до серебряныхъ ложечекъ и склянки съ ромомъ вкючительно.

— Будетъ тебѣ задумываться, обратился къ Борису учитель, ввнувъ во весь ротъ и, съ неловкостью стараго холостяка, наливая на стаканъ чай,—садись-ка, хлебни чайку.... дай я тебѣ ромку подолью: не подбодрить-ли тебя пуншъ,—раскисъ ты совѣмъ. И бѣ кстати подолью.

Модестъ Гавриловичъ, съ пріятнымъ чувствомъ рабочаго человека, окончившаго свои дневныя занятія и потягивающагося въ латѣ, откинулъ лысую голову на кожаную спинку стараго кресла опять зѣвнуль громко, съ увлеченіемъ. Выпивъ въ нѣсколько отковъ стаканъ чаю, онъ проговорилъ со своимъ обычнымъ маэврствомъ извѣстное стихотвореніе: „Закрытый истуканъ въ Саисѣ“:

„Юноша, жаждой познаній влекомый, въ древній Египетъ—
Въ храмъ Саисскій пришель, у жрецовъ научиться желая
Тайнамъ премудрости...“

— Знаешь вѣдь ты эту пьесу Шиллера? спросилъ учитель:—и понимаешь ее, конечно?

— Понимаю. Борисъ про себя задался вопросомъ: къ чему это тебѣ началъ?

— Ну и хорошо, если понимаешь. Модестъ Гавриловичъ налилъ по другому стакану, но безъ рома. Помѣшивая ложечкою самоваръ въ своемъ стаканѣ, онъ декламировалъ:

„...Истина! къ ней я стремлюся—
Здѣсь предо мною она, и ее отъ меня закрываютъ,
Такъ судьбамъ всевышнимъ угодно!—жрецъ отвѣчаетъ“.

Второй стаканъ онъ пилъ медлительными глотками, и продолжалъ:

— Въ свое время всѣ мы, какъ этотъ шиллеровскій юноша, стоимъ предъ истуканомъ подъ бѣлымъ покрываломъ; на нашъ тревожный вопросъ гіерофантъ отвѣчаетъ: „это истина.“ Въ свое время каждый изъ насъ добивается „испытать непостижимую тайну“, „увидѣть истины образъ.“ Но кто изъ насъ осмѣлился вскрыть священное покрывало, оберегаемое запрещеніемъ оракула, тотъ себя сказалъ: „Горе!“... Да, горе ждетъ всякаго, живущаго жизнью высшего духа, добивающагося идеала добра и правды. Чистые сердца, горячіе въ борьбѣ за истину, гибнутъ раньше, чѣмъ жизнь успѣетъ приготовить ихъ къ этой борьбѣ...

Модестъ Гавриловичъ набилъ трубочку и согнулся.

— Ну, да все это жалкія слова, а я ихъ боюсь! сказалъ онъ. — Просто на просто, я готовъ усомниться: что-жъ такое цивилизація? цивилизація-ли то, что мы подъ этимъ словомъ понимаемъ и другихъ понимать учимъ?... Въкъ цивилизаціи—и столько несправедливости на землѣ, столько несчастья. Выходитъ какое-то серьезно недоразумѣніе, что-то не такъ!

— Что васъ навело на такой мрачный выводъ? спросилъ Борисъ хорошо знавшій эту нервную, впечатлительную натуру.

— Судебная хроника, братъ... Начитался ее до рвоты. Эдакая скверность, наталкивающая на обобщенія, на выводы самые мрачныя... Неприглядна, братъ, наша жизнь.

В. Марковъ.

(Продолженіе будетъ.)

Послѣднія десять лѣтъ жизни барона Брамбеуса (Осипа Ивановича Сенковскаго).

(съ 1848 по 1858 г.)

Письма къ редактору «Наблюдателя».

VII.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ моего знакомства съ покойнымъ О. И., не разъ задавалъ себѣ вопросъ: какъ сформировалась подобная личность и какъ это накопилъ столько эрудиція? Теперь, когда эта личность угасла, когда нашемъ обществѣ никто не замѣнилъ ея и едва-ли замѣнить, мы обя-заны уяснить ее себѣ, насколько это возможно.

Личность С—го сформировалась при весьма счастливыхъ обстоятельствахъ, которыя никогда въ будущемъ повториться не могутъ, также точно, какъ когда не появится второй А. Гумбольдтъ и много другихъ личностей, которыя въ природѣ не повторяются—такъ ужь созданъ свѣтъ.

Я долженъ оговориться сейчасъ-же, чтобы не подумали, что я ставлю С. ряду съ европейской знаменитостью первой величины. Боже меня сохрани! этого и не воображаю. Я только вполне убѣжденъ, и постараюсь подердить это фактами, что будь С. не въ Россіи, а въ Германіи, Франціи и Англіи—онъ тамъ сдѣлался-бы Гумбольдтомъ не въ той сферѣ наукъ, которой вращался Гумбольдтъ, а въ сферѣ наукъ историческихъ. Какъ іенталистъ, онъ занялъ-бы мѣсто выше всѣхъ тѣхъ знаменитостей, которыми гордилась Европа, начиная со второй четверти нашего столѣтія.

Гдѣ получилъ онъ первоначальное образованіе—неизвѣстно, да это и не очень важно; но оставивъ кровь матери, жившей въ Виленской губерніи, онъ зналъ уже языки польскій, литовскій и французскій, на которомъ говорили въ домѣ его матери. Поступивъ въ виленскій университетъ, онъ, вѣроятно, бралъ историко-филологическій факультетъ, потому что, будь онъ на математическомъ или на юридическомъ факультетѣ, онъ не обратился-бы къ изученію восточныхъ языковъ. Между тѣмъ, судя по тому, какъ основательно

и глубоко С. зная латинский и греческий языки, и римскую и греческую литературу—ясно, что он был на историко-филологическом факультете. Установив таким образом эту важную исходную точку, мы можем добраться до многого, хотя и без документальных доказательств этого предположения, которые, без сомнения, будут открыты и обнаружены со временем и подтвердят наше убеждение.

Что С. с детства обладал счастливыми и редкими способностями и охотой к чтению, в этом тоже нельзя сомневаться, потому что все эти качества сохранились в нем до последней минуты жизни. Такой настойчивости, такой усидчивости за умственными занятиями можно было только удивляться—и многие удивлялись им.

С. умер в пятидесяти восьми лет, а между тем, не смотря на безпрерывные труды, заботы, хлопоты, неприятности, у него не было еще на голове ни одного седого волоса. Значит, организм его был силен и не разрушен; а что же было в молодости! Из этого можно еще сделать тот вывод, что умственные занятия, даже многолетние и непомерные—ослабляют и не разстраивают организма. Зато у С. все ушло в голову. Строго говоря, это был человек, хотя очень приятный и любезный, но общественный, не семьянин, потому что семейных радостей он был лишен, не имея потомства; он не был кутила, картежник, пьяница, развратник. Это был—ученый, литератор, фантазер, изобретатель, любознательный, чтобы его окружал прекрасный пол; но тем дело кончалось и дальше не шло. Он никогда не жил на несколько домов, не имел никаких брачных связей; любил прекрасный пол, любезничал; однако все это было чистым платонизмом. Никаких доказательств противного никто представить не может, и если вторая жена его А. А. говорила мне, что «не смотря на то, что многие умные, образованные, талантливые и красивые дамы и девушки обожают О. И., но он любит только одну меня и никого больше»,—то теперь и я в этом вполне убежден, а именно, что он никогда и никого из гонявшихся за ним дам и девушек не любил, а бабушки могу еще смело сказать, что он не любил даже и ту, которая в этом уверяла меня. Это был человек—неспособный к страстному увлечению чем-либо, кроме науки; он мог перед женщиной лицемерить; страстная, истинная, настоящая любовь была пропущена природой в его жизненном инвентаре. С. болтал, забрасывая цветистыми фразами, увлекательными намеками—это было в его духе;—но все это походило на красную камелию, лишенную аромата... Впрочем, я увлекся, оставив О. И. на первом курсе виленского университета.

С. остался сиротой, рано лишившись отца, который был камергером последнего польского короля Станислава-Августа (Понятовского), и считался

ся послѣ паденія Польши гдѣ попало. Отецъ Сепковского рано развѣлся съ женой, потомъ увезъ у нея сына, помѣстилъ его сначала въ какой-то католическомъ монастырѣ, а потомъ у одной высокопоставленной дамы; наконецъ, мать настояла и отняла у него мальчика. Самъ О. И. рассказывалъ мнѣ, что онъ какъ во снѣ видитъ все это и еле припоминаетъ...

Возвративъ себѣ сына, несчастная мать старалась все сдѣлать для своего дѣтища и тутъ-то онъ очутился въ женскомъ обществѣ, въ которомъ оставался до поступления въ университетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эта среда имѣла на него большое вліяніе, потому что всю свою жизнь онъ старался и умѣлъ обставить себя женскимъ поломъ: женщины открывали ему свои кошельки, поклонялись ему, обожали его, любили, слушали, повиновались и мучили ему усердіе и охотнѣе мужчинъ. Это былъ настоящій Сардапалъ, но новѣйшаго времени, безъ сердца и страсти.

Посылая сына учиться уму-разуму, мать С. не могла поступить иначе, чѣмъ обыкновенно поступаютъ всѣ матери-польки, отдающія въ школу своихъ дѣтей. Каждая изъ нихъ, безъ исключенія, говоритъ сыну:—«поѣзжай, мой другъ, учись усердно, слушайся старшихъ, повинуйся безпрекословно своимъ наставникамъ, и никогда не забывай, что наука, одна только наука оставитъ тебѣ все: славу, знатность, деньги, знанія,— все, все—чего у тебя нѣтъ теперь, и что будетъ, непрежнѣно будетъ, если ты станешь учиться». Время доказало, что С. не только послушался матери, но пошелъ еще дальше, чѣмъ она желала: онъ сдѣлалъ изъ науки и ученья — цѣль всей своей жизни. И если допустить, что С. былъ когда-либо влюбленъ, то ишь въ *одну науку*, которой не изменилъ до послѣдней минуты, и умеръ вѣдъ провѣркой хронологическихъ таблицъ, оставивъ на столѣ цѣлыя кипы бумаги, испещренной цифрами, и много раскрытыхъ книгъ,— между прочимъ, книгу извѣстнаго патера Пэто: «*De l'art de vérifier les dates*»...

Посвятивъ себя исторіи и классической филологіи, юноша не ограничился курсами и указаніями профессоровъ, онъ читалъ все, что только могло относиться къ изучаемымъ имъ предметамъ, и если вспомнимъ, что въ то время на польскомъ языкѣ немного было еще книгъ, изъ которыхъ С. могъ-бы исчерпать свой предметъ, то невольно придется къ тому, что бібліотека виленаго университета была отлично снабжена всеми тѣми европейскими сочиненіями, изучая которыя, молодые люди могли вполне усваивать себѣ избранные ими предметы, и не имѣли, пожалуй, надобности посѣщать иностранные университеты для окончательнаго усовершенствованія своихъ знаній.

Сепковский находился въ университетѣ послѣ войны 1812 г. Я вполне увѣренъ, что его занимали не одни предметы, изучаемые имъ *ex officio*; но что

онъ интересовался и современными тогда научными событиями и близко познакомился съ исторіею ориенталиста Клапрота (съ которымъ впоследствии былъ въ перепискѣ), потому-что самъ пошелъ совершенно по тому-же пути, исключая развѣ того, что никогда не увозилъ никакой черкешенки, какъ это сдѣлалъ Клапротъ, который тѣмъ и покончилъ свои связи съ нашею академіею наукъ и съ Россіею...

Вѣроятно, не меня одного занимала мысль: какъ это случилось, что виленскій университетъ, въ которомъ вовсе не было кафедръ восточныхъ языковъ, выпустилъ изъ своихъ стѣнъ такого ориенталиста, какого не дали бы и лучшіе европейскіе университеты, гдѣ преподавали знаменитые ориенталисты. Тутъ, конечно, дѣйствуютъ—самородность, непостижимая любовь и преданность извѣстному избранному предмету, и необыкновенныя природныя способности.

Удивительное дѣло, что многіе знаменитые ориенталисты были самоучки. *Клапротъ*—жившій у отца въ Берлинѣ, отлично и основательно изучилъ китайскій языкъ;—*Абель Ремюза*—никогда не оставившій Парижа, тоже отлично изучилъ китайскій языкъ, и покойный отецъ Іакинфъ Вичуринъ, не мало этому удивлявшійся, говоритъ въ предисловіи къ своей китайской грамматикѣ, что лучшая грамматика китайскаго языка—грамматика Абея Ремюза. Извѣстный ориенталистъ *Триттенъ*, сынъ швейцарскаго негодіанта, проживавшаго въ Одессѣ, самъ на мѣстѣ изучилъ нѣсколько восточныхъ языковъ, а также санскритскій. Когда Триттенъ, желая сдѣлать какое-либо практическое употребленіе изъ своихъ знаній, прибылъ въ Петербургъ, то ему везде отказывали, куда онъ ни являлся съ своими предложеніями—и въ академіи наукъ точно также. Но нашлась одна умная голова, которая посоветовала ему отправиться въ Берлинъ и тамъ довести свои знанія до полного совершенства. Триттенъ послушался этого совѣта, прибылъ въ Берлинъ и, явившись тамъ къ знаменитѣйшимъ ориенталистамъ, объявилъ имъ, что желаетъ усовершенствоваться въ томъ, на что ему укажутъ спеціалисты. Его подвергли colloquiumу и тутъ-же объявили, что онъ знаетъ больше ихъ, что въ Берлинѣ ему нечего дѣлать и направили его прямо въ Кембриджъ, посоветовавъ заняться до отъѣзда санскритскимъ языкомъ по тѣмъ источникамъ, которые еще не были извѣстны въ Россіи—ни въ Одессѣ, ни въ Петербургѣ. Триттенъ послѣдовалъ совѣту знаменитаго ученаго ориенталиста Боппа; прожилъ въ Берлинѣ нѣсколько мѣсяцевъ въ безпрестанныхъ занятіяхъ своимъ санскритомъ, затѣмъ поѣхалъ въ Англію и безотлагательно былъ принятъ профессоромъ санскритскаго и зендскаго языковъ въ кембриджскій университетъ, получая по 1,000 фунтовъ (7,000 руб. с.) въ годъ жалованья. Спустя двѣнадцать лѣтъ, Триттенъ вздумалъ навѣстить своихъ родителей, жившихъ въ Одессѣ, приѣхалъ на вакаціонное время въ Россію и въ это время умеръ въ Одессѣ.

Извините за отступление, но эта история никому неизвестна, никогда не была сообщена в печати, а я первую половину ее знаю от покойного Качкова, брата нашего известного консула в Китаѣ, — съ которым покойный Триттенъ жилъ въ Берлинѣ на одной квартирѣ и занимался своимъ санскритомъ, и который провожалъ его своими напутствіями въ Англію, а отомъ передалъ мнѣ эту исторію, съ горькими замѣчаніями, что въ Россіи е умѣютъ удержать *своихъ* способныхъ людей, но очень охотно выписываютъ мудрецовъ изъ чужихъ земель.

Надо однако думать, что молодой С. не на шутку занимался въ Вильнѣ восточными языками, а въ томъ числѣ и еврейскимъ, если спустя три года, бывавъ въ Константинополѣ, Египтѣ, Аравіи, Сиріи и на Кавказѣ, онъ явился въ Петербургъ и, будучи подвергнутъ строгому испытанію тогдашними академиками-ориенталистами, въ особенности Френомъ — признанъ достойнымъ занять кафедру арабскаго, турецкаго и персидскаго языковъ.

Изъ этого нетрудно сдѣлать тотъ выводъ, что если есть способности и брая воля, то можно достигнуть всего и въ Россіи, въ нашихъ университетахъ и при нашихъ библіотекахъ, и для этого не надо далеко ходить за имѣрами и доказательствами...

Мнѣ остается закончить это письмо тѣмъ, что если О. И. Сенковскій и не былъ Александромъ Гумбольдтомъ, то все-таки останется надежда славянскимъ и русскимъ Гумбольдтомъ-ориенталистомъ, ни въ чемъ не пающимъ знаменитому филологу Вильгельму Гумбольдту. И если собрать труды С., написанные имъ о востокѣ и восточныхъ языкахъ, а равно его отзывы по этимъ предметамъ, высказанные въ критическихъ статьяхъ по поводу разныхъ сочиненій о востокѣ, то мы получимъ весьма богатый и знный вкладъ въ изученіе востока въ Россіи. Но, къ несчастію, покойный очень рано замѣтилъ, что въ Россіи еще не интересуются востокомъ въ той мѣрѣ, какъ-бы это слѣдовало, и что всѣ его труды, какъ ориенталисты, были-бы еще голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Вотъ почему онъ обратился журналистикѣ, беллетристикѣ, критикѣ, былъ даже цензоромъ, предоставивъ токъ другимъ, — лучшимъ своимъ ученикамъ, которые тоже, подобно ему, оставили послѣ себя ничего колоссальнаго, такъ-какъ въ этомъ колоссальномъ не чувствовалось еще, да и въ настоящее время не чувствуется настояности...

IX.

Побывавъ на востокѣ, т. е. въ Турціи, Египтѣ, Аравіи, Сиріи и на Кавказѣ, С. возвратился въ Петербургъ и рѣшилъ поселиться здѣсь оконча-

тельно, да иначе и быть не могло. Чтò бы онъ теперь дѣлалъ въ Вильнѣ, гдѣ высшее польское общество было такъ вооружено противъ него? Онъ понималъ, что съ западнымъ краемъ для него все покончено, и сталъ помышлять, какъ-бы ему устроиться въ Петербургѣ и чѣмъ-бы заняться. Возвратившись съ такимъ запасомъ матеріаловъ и новыхъ свѣдѣній, собранныхъ во время путешествія, молодому человѣку, съ его игривой фантазіей, прежде всего хотѣлось сблизиться съ литераторами и журналистами, которые тогда были еще на перелетѣ. Онъ обратился къ первому и единственному тогда, журналистике, притомъ-же его земляку, Ѡ. Булгарину, которымъ и были напечатаны его очерки Нубіи и проч. Знакомъ-ли онъ былъ прежде съ Булгаринимъ, теперь-ли только онъ съ нимъ сошелся, рѣшить трудно. Навѣрно мнѣ извѣстно только, отъ самого-же С., что въ 1825 году онъ бывалъ еще у Булгарина и сношенія ихъ были близкія.

Однако, въ началѣ его пріѣзда, онъ поселился у бывшего впоследствии попечителемъ с.-петербургскаго университета, Константина Матвѣевича Бороздина, человѣка высокихъ качествъ ума и души, любившаго науку и литературу, занимавшагося впоследствии, многіе годы, русскою генеалогіею издаваемаго нѣсколько весьма замѣчательныхъ своихъ трудовъ. Чтò С. съ самаго своего пріѣзда поселился у него, это самъ сенаторъ Бороздинъ рассказывалъ мнѣ въ 1841 г. Нѣтъ сомнѣнія, что эта прекрасная личность имѣла на С. вліяніе, удерживала его пылкой умъ и фантазію, и указала ему на университетъ, гдѣ онъ и долженъ былъ пристроиться. Сенаторъ Бороздинъ многое рассказывалъ мнѣ объ Ѡ. И., но я не записывалъ его сообщеній, потому что у меня тогда еще не было и въ умѣ, что я когда-нибудь буду писать подробную біографію Ѡ. И. Сенковского.

Помню только, что онъ отзывался о С. очень хорошо, восхищался его остроуміемъ, глубокою начитанностью; говорилъ мнѣ о рѣчи, произнесенной С. на французскомъ языкѣ на одномъ изъ актовъ петербургскаго университета по случаю назначенія великаго княжества литовскаго и мѣстѣ, какое ему подобаетъ занять въ русской исторіи. Бороздинъ былъ большой патриотъ, вполне одобрялъ и поддерживалъ молодого С., убѣжденъ былъ фактами въ ихъ справедливости и важномъ значеніи для русской исторіи. Но эта рѣчь С. была новою и сильною выходкою противъ польской теоріи и усвоенныхъ въ сѣверо-западномъ краѣ понятій. Далѣе С. могъ идти, и этой его рѣчью былъ положенъ первый краеугольный камень, на которомъ Н. Г. Устряловъ, по порученію С. С. Уварова, министра народнаго просвѣщенія, построилъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ систему русской исторіи, чего мы не встрѣчали ни у Карамзина, ни у Полеваго, смотрѣвшихъ на литовское княжество, какъ на «особь-статью». Какъ же можно было, послѣ такихъ фактовъ, считать С. загадочною личностью и толковать о его ненависти и презрѣніи къ Россіи!

Сенаторъ Бороздинъ пользовался большимъ уваженіемъ С., который бывалъ у него до самой его смерти, снисходительно выслушивая замѣчанія ворчливаго юдаго конца старика, который не одобрялъ вѣчныхъ насмѣшекъ и остротъ С. надъ всѣми появлявшимися тогда произведеніями русской литературы. Сенковскій только ухмылялся и увѣрялъ почтеннаго старика, что въ журналистикѣ нельзя изъ этого, что въ журналѣ не будетъ жизни, и никто не будетъ имъ интересоваться дорожить. Сенковскій и до пятидесятихъ годовъ, когда поохладѣлъ ко всему вообще, былъ убѣжденъ, что такому характеру журналистики публика всегда и вездѣ сочувствовала. Къ сожалѣнію, нельзя съ этимъ не согласиться—то же вѣрите ли и теперь...

Старикъ Бороздинъ передавалъ, что онъ однажды до того былъ разсерженъ критикою С. на какую-то книгу, что при первомъ свиданіи съ нимъ страшно шпаль на него и наконецъ сказалъ: — «Вы знаете, что на вашу «Библию для Чит.», когда смотрятъ, какъ на собачью будку, гдѣ лежитъ, привязанный на цѣпи бульдогъ, который считаетъ своею обязанностью, при появленіи прохожаго, прыгнуть изъ своей будки и облаять его. Счастье еще, что бульдогъ на цѣпи, а не всѣхъ бы искусалъ и поранилъ. Бульдогъ этотъ—вы!» Но О. И. только разсѣялся и сказалъ: — «Да, это очень вѣрно и остроумно сказано, но что дѣлать, когда иначе нельзя».

Въ октябрѣ 1821 года, явившись въ Петербургъ съ востока, С., какъ лицо, стоявшее на службѣ при нашемъ константинопольскомъ посольствѣ, прежде всего долженъ былъ явиться къ главному своему начальнику и человѣку, широко расплачивавшему ему врата востока,—канцлеру, министру иностранныхъ дѣлъ, графу Н. П. Румянцеву, который рѣшилъ оставить С. въ Петербургѣ, опредѣливъ его переводчикомъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, съ жалованьемъ въ 2,500 р. асс. Это было хорошее вознагражденіе молодому человѣку, едва достигшему 22 лѣтъ. Но не смотря на свое великодушіе и расположеніе къ молодому ориенталисту, гр. Румянцевъ не могъ отступить отъ нашего несчастнаго правила, практикующагося и до сего дня,—провѣрять все, въ чемъ намъ хотѣлось бы устроить отъ себя всякую отвѣтственность, и передавать такимъ образомъ всю свою власть въ руки интригановъ и лицъ, показывающихъ своему начальнику, что изъ нихъ у него руки связаны. Сколько намъ дѣлаетъ зла эта посторонняя провѣрка и злонаправленный контроль, — извѣстно всѣмъ, и говорить здѣсь не сто...

Графъ Румянцевъ, поэтому, прежде чѣмъ опредѣлитъ С. къ новой должности, считая нужнымъ, по практиковавшейся искони рутинѣ, подвергнуть С. официальной испытанію въ нашей академіи наукъ. Сенковскій явился къ знаменитѣйшему тогда академику Френу, не дюжинному знатоку востока, хотя никогда не бывавшему въ востокѣ, и послѣ долгаго colloquium'a и испытанія, академикъ Френъ выдалъ ему, въ ноябрѣ 1821 года, слѣдующій аттестатъ, дѣлающій столько же чести акаде-

мику, какъ и молодому чиновнику, собиравшемуся служить у графа Румянца. Это весьма замѣчательный и характеристическій документъ, чтобы пропустить тѣмъ болѣе, что копію съ него, засвидѣтельствованную не помню кѣмъ, я дѣлалъ и читалъ, когда разбиралъ библіотеку О. И. Вотъ его содержаніе: «Г. Сенковскій въ немногіе годы, проведенныя имъ на востокѣ, приобрѣлъ въ арабскомъ языкѣ столь отличныя свѣдѣнія, какихъ едва можно достигнуть послѣ нѣсколькихъ лѣтъ усидчиваго изученія этого столь же богатаго, какъ и труднаго языка. Онъ изучалъ его не только практически, для разговоровъ, но и грамматически въ книгахъ и письменныхъ памятникахъ этого народа: однимъ словомъ, въ полномъ отношеніи. Посвятивъ свое время этой сугубой цѣли, г. Сенковскій узналъ этотъ языкъ во всей его обширности и основательно. Я испытывалъ его въ арабской грамматикѣ и нашелъ его весьма знающимъ въ этой части. Я давалъ переводить арабскихъ писателей, и онъ легко переводилъ указанныя мною мѣста. Въ отношеніи же письма на арабскомъ языкѣ, онъ показалъ свои свѣдѣнія, начиная на моихъ глазахъ цѣлыя статьи на этомъ языкѣ, которыя возбудили во мнѣ столько же удивленія по легкости, съ какою онѣ были написаны, сколько доставили мнѣ истиннаго удовольствія по чистотѣ и изящности ихъ слога. Что касается до разговорнаго языка, въ которомъ г. Сенковскій особенно силенъ, я не могу и мѣряться съ нимъ, изучивъ этотъ языкъ только по книгамъ, рукописямъ и памятникамъ; и я чрезвычайно сожалѣю, что въ этомъ отношеніи не будучи законнымъ судьей, не могу воздать должныхъ похвалъ этому замѣчательному молодому человѣку. Вообще, по своимъ свѣдѣніямъ въ арабскомъ языкѣ г. Сенковскій совершенно способенъ занять съ честью и пользою кафедру этого языка, и столько же можетъ быть полезенъ и на поприщѣ дипломатическомъ. Любовь и энтузіазмъ къ восточнымъ языкамъ, рѣдкое усердіе, которое онъ показалъ, и особенная способность къ языковеденію, соединенныя съ обширными свѣдѣніями, служатъ ручательствомъ прекрасныхъ надеждъ на услуги, которыя онъ можетъ оказать какъ на поприщѣ дипломатическихъ сношеній Имперіи и Порту, такъ (надѣюсь и желаю) и въ области науки».

Лучшаго отзыва не могъ бы сдѣлать о себѣ и самъ С., а между тѣмъ этотъ отзывъ данъ былъ оріенталистомъ, который, вмѣстѣ съ извѣстнымъ тогда французскимъ оріенталистомъ Сильвестромъ де-Сасси, пользовался славою перваго знатока своего предмета въ Европѣ. Академикъ Френъ до конца жизни питалъ искреннее уваженіе къ учености и дарованіямъ Сенковскаго. Но сдѣлавшись профессоромъ здѣшняго университета, С. не замедлилъ дать себя знать нашей академіи, въ которой, за исключеніемъ Френа, дѣйствительнаго знатока своего предмета, всѣ остальные академики и вѣчный секретарь академіи Фусъ, какъ надо полагать, не хотѣли обращать на него вниманія, можетъ быть, по его молодости. Ему, безъ сомнѣнія, хотѣлось быть членомъ академіи, и только спустя восемь лѣтъ, т. е. въ 1828 году, Френъ предложилъ С. въ члены-корреспонденты ака-

наукъ, которымъ онъ оставался до конца своей жизни. Конечно, если сравнить всѣ бездарности, которыя были въ то время членами академіи по отдѣлу восточныхъ языковъ, и труды ихъ съ многосторонними знаніями въ этой спеціальной области О. И. С., то по неволѣ придется сказать, что, кромѣ свѣтила — Френа, всѣ остальные ориенталисты не годились С. и въ подметки, а между тѣмъ онъ не удостоился избранія въ академики. Зато и онъ не только всегда честилъ академикомъ, какъ они того заслуживали, но чрезъ нихъ возненавидѣлъ и всѣхъ нѣмцевъ вообще, и обыкновенно говаривалъ, что слово *нѣмецъ* не означаетъ собственно націи, а — болѣзнь, состояніе человѣка больного, или ублюдка человѣчества, какъ *альбиносъ, слѣпецъ, эпилептикъ, глухонѣмой* и пр.

Однажды онъ устроилъ нашимъ академикамъ-ориенталистамъ великолѣпную штуку. Изъ Сибири были присланы однимъ губернаторомъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ нѣсколько серебряныхъ пластинокъ, найденныхъ въ землѣ, въ вырѣзанными на нихъ буквами, которыхъ никто не могъ прочесть, ни опредѣлить, къ какому алфавиту онѣ относятся. Министерство внутреннихъ дѣлъ, въ свою очередь, препроводило эти пластинки въ министерство иностранныхъ дѣлъ, гдѣ ихъ повертѣли, повертѣли и сочли нужнымъ отправить въ первое дѣленіе академіи наукъ: пускай-де объяснятъ, на какомъ языкѣ это написано какое историческое значеніе имѣютъ эти пластинки.

Въ первомъ засѣданіи академіи наукъ, по полученіи серебряныхъ пластинокъ въ министерства иностранныхъ дѣлъ, предсѣдательствующій передалъ ихъ главнымъ академикамъ-ориенталистамъ, прося неотложно заняться ихъ объясненіемъ, чтобы можно было, по возможности, скорѣе дать о нихъ отчетъ и возвратъ ихъ обратно министерству иностранныхъ дѣлъ.

Академики-ориенталисты набросились на неожиданную добычу, ломали головы: на какомъ языкѣ сдѣланы надписи и какимъ алфавитомъ? однако, несмотря на всѣ усилія и справки, ничего не выходило. Одинъ изъ нихъ, — не будучи называть его, — рѣшился съѣздить къ Сенковскому и узнать, что онъ скажетъ. Явившись къ нему, послѣ приличной интродукціи, онъ сообщилъ, что на языкъ одинъ татаринъ продалъ ему серебряную пластинку, на которой что-то написано; но что именно, это могутъ объяснить только универсальныя знанія Сенковского. С. взялъ пластинку, пристально разсмотрѣлъ ее и тутъ-же заявилъ, что она написана на одномъ изъ монгольскихъ нарѣчій, которымъ прежде говорили въ восточной Сибири, и что эта надпись вотъ что означаетъ: тутъ Сенковскому обрадовавшемуся до красноты ушей академику переводъ, будто бы, прочитаннаго имъ. Академикъ-ориенталистъ, скрывая, насколько могъ, свою радость, быстро стушевался послѣ усерднаго рукопожатія.

Не прошло и трехъ дней, какъ къ С. является другой академикъ-ориенталистъ съ подобной же пластинкой, заявивъ, что въ одномъ частномъ собраніи нѣсколькихъ древнихъ сибирскихъ находокъ, ему попалась сія пластинка, кото-

рую владѣтель древностей обязательно одолжилъ ему, прося объясненій: на какомъ языкѣ и что на ней написано; что онъ, академикъ, ломалъ надъ этой пластинкой свою ученую голову и не можетъ даже приблизительно сказать, что это такое! Но, зная объ универсальныхъ званіяхъ С. въ области востока, онъ рѣшился прямо, не будучи знакомъ съ нимъ, обратиться съ просьбой—не можетъ ли онъ или объяснить эту надпись, или указать, какимъ путемъ и приемами онъ самъ могъ бы добраться до разгадки. С. спокойно взялъ отъ него пластинку, пристально посмотрѣлъ на нее и сказалъ, что она написана на одномъ изъ манчжурскихъ нарѣчій, въ которомъ употреблялся прежде такой шрифтъ. Нѣмецъ пунктуально записалъ карандашомъ въ бумажникѣ слово въ слово все, что слышалъ отъ С., почтительно поклонился и, извиняясь, что не рѣшается болѣе посягать на драгоценное время, которое С. посвящаетъ русской литературѣ, вылетѣлъ изъ кабинета. Не чувствуя подъ собой земли, онъ помчался на собственной парѣ прямо на Васильевскій островъ, въ зданіе академіи, что близъ университета. Я не желаю также разоблачать его фамиліи. Въ первомъ засѣданіи историко-филологическаго отдѣленія императорской академіи наукъ, послѣдовавшемъ послѣ визитовъ, сдѣланныхъ Сенковскому двумя академиками, когда предсѣдатель повелъ рѣчь о серебряныхъ пластинкахъ, нѣкоторые академики отозвались, что они ничего не могутъ рѣшить на этотъ счетъ, а одинъ представилъ лишь мнѣніе о томъ употребленіи, какое могли имѣть эти пластинки—и только. Тогда, съ торжествующею фізіономіею, первый академикъ, посѣтившій С., прочелъ свое объясненіе, обратившее на него вниманіе прочихъ молчальниковъ; но вслѣдъ за этимъ, второй академикъ, бывшій у С., съ полнымъ апломбомъ опровергъ объясненіе своего товарища и прочелъ свое объясненіе, совершенно противорѣчащее первому. Когда академики-молчальники нѣсколько очнулись, то первымъ дѣломъ они потребовали отъ академика № 2-й подкрѣпленія своихъ показаній; тогда № 2 объявилъ, что, объяснивъ пластинки, онъ отправился съ ними къ самому С., показалъ ему пластинку и свое объясненіе, и С. вполне согласился съ чтеніемъ.

Тогда академикъ № 1, желая поправить свое дѣло, заявилъ, что онъ тоже былъ у С., который самъ перевелъ ему надпись и ясно выразился, что она писана на одномъ изъ монгольскихъ нарѣчій...

Предсѣдатель засмѣялся, сказавъ, что С., по своему обыкновенію, мистифицировалъ ихъ обоихъ, чтобы насолить академіи и одурачить ее. Поэтому, тутъ и составленъ былъ отвѣтъ академіи министерству иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ говорилось, что академія не можетъ дать объясненій по поводу серебряныхъ пластинокъ и возвращаетъ ихъ въ цѣлости.

Но пластинки нашли себѣ, наконецъ, компетентнаго читателя и цѣнителя. Спустя два мѣсяца по возвращеніи пластинокъ изъ академіи, въ Петербургъ возвратился изъ Пекина знаменитый нашъ синологъ и монголистъ, о которомъ

у насъ, къ несчастю, никто ничего не знаетъ, — архимандритъ Аввакумъ, чело­вѣкъ, глубоко знавшій востокъ и жившій въ Александро-Невской лаврѣ, цензоръ духовныхъ книгъ, съ которыми я познакомился, такъ-какъ онъ цензировавъ и „Справочный энциклопедическій словарь“, издававшійся подъ моею редакціею. Этотъ отецъ Аввакумъ почему-то былъ приглашенъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ; при этомъ удобномъ случаѣ ему всучили злополучныя пластинки, съ просьбой: не можетъ-ли онъ объяснить находящихся на нихъ надписей, и какое эти пластинки могли имѣть назначеніе или употребленіе. Онъ взялъ эти пластинки къ себѣ и, спустя недѣлю, доставилъ подробное и обстоятельное объясненіе всего, что требовалось. Тогда министерство иностранныхъ дѣлъ какъ пластинки, такъ и объясненія ихъ возвратило въ министерство внутреннихъ дѣлъ, откуда онѣ были присланы, и вслѣдъ затѣмъ объясненія отца Аввакума были напечатаны въ „Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“ въ сороковыхъ годахъ, куда мы и отсылаемъ желающихъ узнать, въ чемъ дѣло.

Мнѣ остается теперь сказать: сдѣлай это кто-нибудь изъ европейскихъ ориента листовъ или хоть изъ нашихъ академикомъ-нѣмцевъ, сколько бы объ этомъ было шуму, толковъ, восхваленій! Но это сдѣлалъ русскій монахъ — стоить-ли объ этомъ много толковать, притомъ-же онъ сдѣлалъ это по приказанію начальства, сдѣлалъ, какъ пить даль... Слѣдовательно, объ этомъ и не было никакихъ толковъ; а взгляните: сколько въ его объясненіяхъ глубокихъ знаній, соображеній и неоспоримыхъ доводовъ. Но онъ — русскій; такъ стоить-ли объ этомъ много толковать. Велика важность!..

Теперь я хочу разъяснить причину; почему С. позволилъ себѣ такую выходку относительно академикомъ, почему онъ вообще не говорилъ добраго слова ни о чемъ, что относилось до академикомъ-нѣмцевъ, которые съ своей стороны старались не оставаться передъ нимъ въ долгу и до того къ нему были не расположены, что никогда въ своихъ трудахъ не упоминали имени С., не смотря на то, что ссылались на заголовки его сочиненій.

Въ концѣ двадцатыхъ годовъ, у одного сарептскаго купца-нѣмца служилъ прикащикомъ молодой чело­вѣкъ, нѣкто Шмитъ, который, по порученію хозяина, частенько ѣздилъ съ товарами въ калмыцкія степи, ознакомился съ калмыками и порядочно наметался по-калмыцки. Тѣмъ бы дѣло и кончи­лось, но судьба взяла Шмита подъ свое покровительство и его отправили въ Петербургъ, гдѣ онъ поступилъ прикащикомъ въ магазинъ сарептскаго общества, по сей день существующій на одномъ и томъ же мѣстѣ, на углу Ново-Сакіевской улицы и Конногвардейскаго переулка. Этотъ сарептскій магазинъ всегда привлекалъ къ себѣ нѣмокъ, жонъ петербургскихъ негоціантовъ и чиновниковъ, которыя находили, что здѣсь вещи продавались гораздо дешевле, товаръ былъ прочнѣе; притомъ же многое было издѣльемъ рукъ нѣмецкихъ сарептскихъ колонистовъ. Въ этомъ-то магазинѣ молодой Шмитъ, въ

свободное время, когда не было покупателей, занимался монгольской грамотой, доставая для этого книги, гдѣ можно было. Въ одинъ прекрасный день является покупательница, какая-то нѣмка-барыня, которая въ то время, когда Шмитъ полѣзъ по лѣсенкѣ доставать нужный ей товаръ, захотѣла полюбопытствовать, какую молодой прикащикъ читалъ книгу, отъ которой она его оторвала. Но каково было ея удивленіе, когда она увидѣла, что это не нѣмецкій романъ, взятый изъ нѣмецкой Lese-Bibliothek, а книга, по страницамъ которой проведены какія-то узенькія ленточки какихъ-то каракулекъ. Сначала она подумала, что это еврейская книга, а молодой человѣкъ — изъ нѣмецкихъ евреевъ; но когда прикащикъ спустился, барынька, желая удовлетворить своему любопытству, спросила его: на какомъ языкѣ книга, которую онъ читаетъ. Шмитъ, покраснѣвъ до ушей, отвѣтилъ, что книга эта написана на калмыцкомъ языкѣ. — „Какъ! развѣ вы знаете этотъ языкъ?“. Шмитъ рассказалъ, какъ онъ научился ему — и тутъ же судьба его была рѣшена. Барынька была женой одного изъ академиковъ.

Возвратившись домой, она рассказала о своей находкѣ мужу, который будучи самъ ориенталистомъ, не откладывая въ долгій ящикъ, на другой же день самъ отправился въ сарептскій магазинъ. Къ своему величайшему удивленію, онъ узналъ отъ Шмита, что тотъ знаетъ не только по-калмыцки но и по-монгольски. Добрый академикъ-нѣмецъ, не медля, поднялъ на носъ своихъ товарищей, которые рѣшили, что Шмита нельзя болѣе оставлять у прилавкомъ, и что его, во что бы то ни стало, надо перетащить въ академію, что и было сдѣлано. Вскорѣ Шмиту даны были средства отправиться въ Пекинъ, ознакомиться по дорогѣ съ монголами, и Шмитъ издаетъ монгольскую грамматику, монгольскій словарь, а потомъ переводитъ съ нѣмецкаго на русскій языкъ тибетскую грамматику и словарь, дѣлается академикомъ наконецъ — дѣйствительнымъ стаскимъ совѣтникомъ *).

Все это происходитъ на глазахъ С., который, сдѣлавшись членомъ-корреспондентомъ академіи наукъ въ 1828 г., такъ и умеръ имъ, спустя десяти лѣтъ послѣ смерти Шмита... Не могъ же глубоко ученый и образованный человѣкъ, съ колоссальною эрудиціею, равнодушно переносить, какъ академикъ нѣмцы ввели въ академію своего земляка изъ-за прилавка сарептскаго магазина, а его, профессора, оставили за дверью ученой хранины.

Конечно, видя, сколько академія дѣлаетъ для нѣмцевъ и какъ она отсылается къ русскимъ ориенталистамъ, изъ которыхъ ни одинъ, за исключеніемъ Вельяминова-Зернова, не удостоился званія академика, С. сталъ явно пренебрегать и ненавидѣть „нѣмецкую слободку“, какъ онъ обыкновенно называлъ академію наукъ, и любилъ насолить ея членамъ, гдѣ только могъ. Академикъ В. З. Дорнъ прислалъ С. какую-то брошюрку своего сочиненія и С. не пр

*) Я передаю эту исторію въ такомъ видѣ, въ какомъ она до меня дошла.

минуль, тотчасъ по полученіи, помѣтитъ на ней:—«получено отъ академика *Вздорна*»...

Странное однако дѣло! Воюя безпрестанно съ мужьями-академиками, С. весьма любезенъ былъ съ женами нѣкоторыхъ изъ нихъ, ѣздилъ на вечера, и было время, когда онъ не выходилъ отъ Мэнэтріе. и др. Мадамъ Мэнэтріе какъ говорили, была очень милая дама, красивая, образованная, и умѣла привлечь къ себѣ вниманіе С., который любилъ бывать въ ея обществѣ.

Х.

Въ 1823 году С. успѣлъ нарваться на довольно непріятную исторію, которая приготовила ему врага, если можно такъ выразиться, болѣе чѣмъ на двадцать лѣтъ. Онъ вооружилъ противъ себя лицо, которое могло постоянно вредить ему, какъ человѣку подначальному, но которое, надо сказать къ чести этого лица, не вредило О. И., но и не воздавало ему по заслугамъ. Мнѣ непріятно рассказывать эту исторію, потому что лицо это пользовалось общимъ довѣріемъ и я самъ глубоко уважаю его. Но не могу умолчать объ этомъ, потому-что Сенковскій, передававшій мнѣ эту исторію, не лгалъ. Не могу теперь вспомнить всѣхъ подробностей, но для полного уясненія всего того, что касается С., не могу не сообщить этой исторіи, потому-что, не будь ея, жизнь С., быть можетъ, сложилась бы совсѣмъ иначе.

Будучи еще въ Египтѣ, С. сблизился съ итальянцемъ Бельцони, занимавшимся въ Египтѣ раскопками. Бельцони удалось открыть нѣсколько древнихъ развалинъ, и тѣмъ онъ прославился въ Европѣ. Сенковскій убѣдился на мѣстѣ, что Бельцони—не ученый антикварій, а производитъ удачныя раскопки по указанію другихъ, и считалъ ловкаго итальянца не болѣе, какъ фиглярюмъ, каковыи дѣйствительно онъ и былъ прежде, на Астлеевомъ лондонскомъ театрѣ. По возвращеніи въ Петербургъ, С. помѣстилъ объ этомъ Бельцони статью въ „С. От.“ 1822 г. Вскорѣ послѣ этого, Бельцони пріѣхалъ въ Петербургъ, привезъ сюда разный египетскій хламъ, подъ названіемъ древностей, и хотѣлъ его выгодно сбыть. По указанію нѣкоторыхъ аферистовъ, онъ обратился къ С. С. Уварову съ просьбой, неужгодно-ли ему предложить правительству образовать въ Петербургѣ нѣчто въ родѣ египетскаго музея, на что тогда въ Европѣ была мода. Уваровъ, будто бы, вступилъ въ сдѣлку съ Бельцони и сдѣлалъ предложеніе правительству: не пожелаетъ-ли оно приобрести у него (Уварова) египетскія древности и въ особенности богатое собраніе папирусовъ для образованія при академіи египетскаго музея. За древности просили, ни много, ни мало, 20,000 р. асс., то есть франковъ; сумма эта была тогда довольно кругленькая. Древности были доставлены въ академію и изъ нихъ была импровизирована выставка. Но требовалось

найти человѣка, который бы оцѣнилъ предлагаемыя вещи. К. М. Бороздинъ, при свиданіи съ Оленинымъ, безъ котораго дѣло не могло обойтись, указаль на С., который недавно возвратился изъ Египта и, какъ оріенталистъ, могъ вѣрнѣе другихъ сказать, къ чему бы могъ послужить подобный музей. Согласившись съ Оленинымъ, Бороздинъ объявилъ С., что ему поручается осмотрѣть египетскую выставку, оцѣнить ее и высказать о ней свое мнѣніе. Уѣзжая изъ Египта, С. удалось самому пріобрѣсти нѣсколько совершенно цѣлыхъ, вовсе не поврежденныхъ папирусовъ за самую ничтожную цѣну. С. явился въ академію, внимательно и подробно осмотрѣлъ все и рѣшилъ, что это самый ничтожный хламъ, который не только не стоитъ 20,000, но и 2,000 р.; что папирусамъ, самымъ испорченнымъ, поставлены ужасныя цѣны, а въ доказательство вынулъ изъ кармана нѣсколько привезенныхъ имъ изъ Египта, отлично сохранившихся папирусовъ, и объявилъ, что онъ за каждый изъ нихъ заплатилъ не болѣе четырехъ франковъ, что на наши деньги составляло одинъ р. с., что такихъ папирусовъ можно выписать цѣлыя сотни... Подавъ, затѣмъ, кому слѣдовало, отчетъ о своемъ обзорѣ египетскихъ древностей, С. сдѣлалъ то, что Уварову отказали. Древности, конечно, возвращены были Бельцони, который узналъ, что этимъ онъ обязанъ С., напечатавшему, кромѣ того, передъ его пріѣздомъ, характеристику самого Бельцони. Итальянецъ пришелъ въ изступленіе, объявляя во всеуслышаніе, что онъ убьетъ С., и Булгаринъ уѣбралъ въ свое время, что если С. остался живъ, то онъ ему обязанъ своимъ спасеніемъ.

Но С. С. Уваровъ никогда не забывалъ, какъ С. подставилъ ему ножку, и всю жизнь игнорировалъ его. Сдѣлавшись министромъ народнаго просвѣщенія, Уваровъ ежегодно являлся на лекцію С., который всегда, по этому случаю, оставлялъ начатую лекцію и читалъ въ присутствіи министра о распространеніи изученія восточныхъ языковъ въ Европѣ и о важномъ ихъ значеніи. Уваровъ обыкновенно досиживалъ до конца лекціи, потомъ, мотнувъ слегка головой, ступевывался. Эта выходка повторялась ежегодно, а С. рассказывалъ всякій разъ что-нибудь новенькое.

Въ продолженіе своей двадцатипятилѣтней службы въ петербургскомъ университетѣ, С. не получилъ *никакой* награды—Уваровъ далъ таки себя знать, и когда, однажды, хотѣли представить О. И. къ одному незначительному отличію, онъ написалъ на приславной ему бумагѣ: «Не желаю. Я имѣю уже то отличіе, что не имѣю никакого знака отличія». Что это вѣрно, я могу подтвердить еще слѣдующимъ показаніемъ.

Въ 1855 году, С. уже былъ въ отставкѣ, и такъ какъ въ этомъ году приготовлялся къ печати послѣдній томъ «Справочнаго энциклопедическаго словаря», заключающій въ себѣ букву С.,—въ который должна была войти и біографія С.,—я отправился въ канцелярію петербургскаго университета, гдѣ обратился къ секретарю Умнову съ просьбой: не могу-ли получить копию съ формуляра О. И. С.

— Вы знаете, что это запрещено, да и для чего вамъ нуженъ его формуляръ?

Я объяснилъ причину, и Умновъ отправился въ архивъ. Спустя нѣсколько минутъ, онъ вынесъ формуляръ и, передавая его мнѣ, сказалъ:

— „Вотъ вамъ формуляръ ученѣйшаго, образованнѣйшаго изъ профессоровъ нашего университета, который въ теченіе двалцати пяти лѣтъ никогда ни о чемъ не просилъ, никогда ничего не получалъ, никогда ничѣмъ не былъ награжденъ, и всегда лишь по выслугѣ лѣтъ и спустя нѣкоторое время былъ представляемъ къ слѣдующему чину“... У старика навернулись слезы на глазахъ, и онъ послѣшно отвернулся отъ меня.

А. Старчевскій.

(Продолженіе будетъ).

ПАРИЖСКІЕ ПРАВЫ.

Романъ Альфонса Додэ.

VII.

Холодный туманъ стоялъ въ воздухѣ. Въ четыре часа по полудни становилось уже темно даже на широкой аллеѣ Елисейскихъ полей, по которой торопились кареты съ глухимъ едва слышнымъ стукомъ. Жанъ съ трудомъ могъ разобрать въ глубинѣ садика съ растворенной рѣшеткой золоченыя буквы вывѣски, помѣщенной довольно высоко надъ антресолями дома богатой и спокойной наружности: *Меблированныя комнаты Домашніе обѣды*. У самаго тротуара, передъ воротами, ждала карета.

Отворивъ дверь конторы, Жанъ тотчасъ-же увидѣлъ ту которую онъ искалъ, сидящую у окна и перелистывающую толстую счетную книгу; противъ нея сидѣла другая женщина, нарядная и высокая, съ платкомъ въ рукавъ и небольшимъ ридикюлемъ.

— Что вамъ угодно, сударь?...

Фанни узнала его, встала, и, взволнованная проходя мимо дамы, шепнула ей: «это мой». Дама осмотрѣла Госсена съ головы до ногъ со спокойствіемъ знатока, приобретаемымъ опытною, и затѣмъ, нимало не стѣсняясь, громко произнесла:

— Поцѣлуйтесь, дѣти мои.... я на васъ не смотрю.

Затѣмъ, пересѣвъ на мѣсто Фанни, она продолжала провѣрять счеты.

Взявъ за руки другъ друга, они перебрасывались безсвязными фразами:

— Какъ поживаешь?

— Недурно, благодарю....

— Значить, ты выѣхалъ вчера вечеромъ?..

Но дрожаніе ихъ голоса придавало этимъ словамъ настоящее значеніе. Усѣвшись на диванъ и успокоясь немного, Фанни сказала потихоньку:

— Ты не узнаешь мою хозяйку?.. Однако-жъ ты ее видѣлъ... на балу у Дешелета... въ костюмѣ испанской новобрачной. Правда, новобрачная вышла нѣсколько поношенной...

— Значить, это?..

— Розарія Санчесь, любовница Поттера. Эта Розарія, или вѣрнѣе, Роза,—такъ какъ именно это имя было нацарапано на всѣхъ заркалахъ ресторановъ съ добавленіемъ всегда какой нибудь сальности,—была прежде наѣздницей на колесницахъ въ ипподромѣ, извѣстной въ разгульномъ мірѣ своею циничекою развращенностью, широкой глоткою и ловкими ударами лыста, и была очень уважаема мужчинами ея круга, которыми правляла, какъ лошадьми.

Испанка изъ Орана была скорѣе статна, чѣмъ красива, умѣла, при тускломъ освѣщеніи, извлекать нѣкоторый эффектъ изъ своихъ черныхъ глазъ и сросшихся дугою бровей. Но здѣсь, аже при этомъ слабомъ свѣтѣ, видно было, что ей добрыхъ пятьдесятъ лѣтъ, отпечатавшихся на ея плоскомъ, черствомъ лицѣ въ кожей нѣсколько вздутой и желтой, какъ лимоны ея родинны. Будучи пріятельницею Фанни Легранъ въ теченіе многихъ лѣтъ, она первая ввела ее въ среду полусвѣта, и одно имя ея ужаснуло Жана.

Фанни, понявшая дрожаніе его руки, старалась извинить себя. Къ кому могла она обратиться, чтобы получить мѣсто? Она была въ большемъ затрудненіи. Къ тому же, въ настоящее время, Роза успокоилась; она богата, даже очень богата, живетъ въ своемъ отелѣ на авеню Вилье, или въ своей виллѣ въ Ангіенѣ, принимая нѣсколькихъ старинныхъ друзей, но лишь одного любовника, все того-же самаго музыканта.

— Поттера? спросилъ Жанъ;—я думалъ, что онъ женатъ...

— Да... жснать и дѣтей имѣть... и даже, кажется, жена его очень хорошенькая... это однако-же не помѣшало ему вернуться къ своей ста. ой страсти... и еслибы ты видѣлъ, какимъ тономъ она говорить съ нимъ, какъ она съ нимъ обходится... О, этотъ крѣпко попался...

И она пожимала ему руку съ нѣжнымъ укоромъ.

Въ это время дама, прервавъ свое занятіе и обращаясь къ своему ридикюлю, подпрыгивавшему на ремнѣ, сказала:

— Ну, сиди-же смирно!...

Затѣмъ, обращаясь къ управительницѣ, она прибавила повелительнымъ тономъ:

— Принеси мнѣ скорѣй кусочекъ сахару для Бишито.

Фанни встала, принесла сахаръ и поднесла его къ отверстию ридикюля, съ ласковыми прибаутками, напоминающими дѣтскій лепетъ...

— Посмотри на этого хорошенькаго звѣрка, — сказала она своему любовнику, показывая ему, окутанное ватой, нѣчто въ родѣ большой ящерицы, безобразной, морщинистой, съ гребнемъ на спинѣ, зубастой, и съ чѣмъ-то въ родѣ капюшона на дрожавшемъ студенистомъ тѣлѣ. Это былъ хамелеонъ, присланный изъ Алжиръ Розѣ, которая предохраняла его отъ парижской зимы при помощи ухаживаній и тепла. Она обожала его такъ, какъ никогда не любила ни одного мужчину; и Жанъ, по льстивымъ заигрываніямъ Фанни, понялъ, какое значеніе имѣла въ домѣ эта ужасная гадина.

Роза закрыла книгу, собираясь уѣзжать.

— Недурно для второй половины мѣсяца... Только набей давай за свѣчами...

Она окинула взглядомъ хозяйки маленькій салонъ, содержимый въ порядкѣ, съ мебелью, обитою тисненнымъ бархатомъ, сдулъ пыль, оказавшуюся на цвѣтахъ, поправила прорѣху на кружевныхъ занавѣскахъ, и затѣмъ, обращаясь къ молодымъ людямъ, съ серьезнымъ видомъ сказала:

— Но знаете, друзья мои, пожалуйста, безъ глупостей...

И сѣвъ въ карету, ожидавшую ее у двери, она отправилась свою обычную прогулку въ Булонскій лѣсъ.

— Ну, развѣ это не каторга?.. сказала Фанни. — Два ра

в недѣлю сидятъ онѣ у меня на шеѣ, она сама или ея мать...
 лать еще хуже ея, еще скареднѣе... Нужно было очень любить
 бѣ, чтобъ рѣшиться жить въ этой ямѣ... Но вотъ, наконецъ, ты
 рнулся, ты опять со мною!... Я такъ боялась...

Все еще стоя, она обняла его и прижала крѣпко къ себѣ,
 бы ихъ слились, и по дрожанію его при поцѣлуѣ, она поняла,
 то онъ еще весь принадлежитъ ей. Но по коридору все время
 одили, нужно было быть осторожными. Вскорѣ подали лампу и
 анни, взявъ вязанье, усѣлась на свое обычное мѣсто, а Жанъ
 смѣстился около нея, какъ простой посѣтитель.

— Неправда-ли, я очень измѣнилась?.. Я совсѣмъ стала на
 бѣ не похожа?..

Она улыбалась, показывая ему свой тамбурный крючокъ,
 торымъ она управляла съ неловкостью маленькой дѣвочки.
 всегда она ненавидѣла эти женскія работы. Книга, фортепьяно,
 широска или засученные рукава во время приготовленія какого
 будъ кушанья—это было все, чѣмъ она когда либо занима-
 есь. Но что-же она дѣлала здѣсь? О фортепьяно, стоящемъ въ
 лонѣ, она не смѣла и думать, обязанная сидѣть цѣлый
 въ въ конторѣ. Романы? она знала много исторій, болѣе интерес-
 ыхъ, чѣмъ тѣ, о которыхъ рассказывалось въ книгахъ. Взамѣнъ
 прещенной здѣсь папироски, она принялась за вязанье кру-
 ева, занимавшаго ея руки, но оставлявшаго ей свободу думать.
 только теперь она поняла вкусъ жепщинъ къ подобнымъ рабо-
 мъ. которыя она такъ презирала прежде.

И въ то время, какъ она ловила крючкомъ нитку, съ не-
 вкостью и неопытностью дѣвочки, Жанъ глядѣлъ на нее,
 обойную въ своемъ простенькомъ нарядѣ, съ маленькимъ стоя-
 мъ воротничкомъ, съ волосами, гладко причесанными на ея
 тичной головѣ; она представлялась ему такою честною и раз-
 дительною.

По улицѣ безпрестанно проѣзжали модныя женщины въ
 скопныхъ костюмахъ, развалившіяся въ своихъ фастонахъ,
 возвращаясь съ бульваровъ въ шумный Парижъ; но въ Фанни
 замѣтно было ни малѣйшаго сожалѣнія объ этомъ торжествую-
 емъ и выставленномъ на показъ пороку, въ которомъ она могла
 принять участіе, но которымъ, ради него, она пренебрегала.

Она охотно подчинялась своей подневольной жизни, находя въ ней даже забавныя стороны, лишь бы онъ согласился отъ времени до времени видѣться съ нею.

Всѣ жильцы дома обожали ее. Женщины-иностранки, лишенные всякаго вкуса, совѣтовались съ нею при покупкѣ туалетныхъ принадлежностей; по утрамъ она занималась уроками пѣнія со старшей изъ маленькихъ перувіанокъ, и давала совѣтъ относительно выбора книгъ и театральныхъ пьесъ мужчинамъ, обращающимся съ нею со всевозможной вѣжливостью и предупредительностью, — въ особенности одинъ голландецъ, изъ втораго этажа.

— Онъ садится тутъ, гдѣ ты сидишь, и созерцаетъ меня до тѣхъ поръ, пока я не скажу: „Кейнеръ, вы мнѣ надоѣли!“ Тогда онъ отвѣчаетъ: „Карашо“ (rien) и уходитъ. Это онъ подарилъ мнѣ ту маленькую коралловую брошку.... Понимаешь, вѣдь это стоило всего пять франковъ, и я приняла, чтобъ только отъ него отвѣтаться.

Вошелъ слуга, неся подносъ съ сервизомъ, который поставилъ на кончикъ стола, отодвинувъ немножко вазу съ цвѣтами.

— Это мой обѣдъ. Я обѣдаю здѣсь одна, часомъ ранѣе о щаго стола.

Она указала лакею на два блюда изъ довольно длиннаго и разнообразнаго мѣню. Управительница имѣла право только на два блюда и супъ.

— Вотъ ужъ скаредъ, эта Розарія!.. Впрочемъ, я довольна, что обѣдаю здѣсь; по крайней мѣрѣ, я могу перечитывать свободѣ твои письма, которыя замѣняютъ мнѣ общество.

Она встала, чтобы достать скатерть и салфетки. Каждую минуту ее беспокоили; то нужно было отдать какое либо приказаніе, то открыть шкафъ, то удовлетворить какое либо требованіе. Жалко понять, что онъ стѣснить ее, оставаясь долѣе; къ тому же ей не дали обѣдъ, а все это было такъ скудно, — эта маленькая серебряная чашка въ одну порцію, дымившаяся на столѣ, внушала въ одну и ту же мысль, одно и то же сожалѣніе о ихъ прежнихъ обѣдахъ вдвоемъ.

— Такъ до воскресенья... до воскресенья, шептала Фанни провожая его.

И такъ какъ имъ нельзя было поцѣловаться на виду у спускавшихся съ лѣстницы жильцовъ, она взяла его руку и долго прижимала ее къ сердцу, какъ бы желая сообщить ему свою ласку.

Весь вечеръ и всю ночь онъ думалъ о ней, мучась за ея унижительную подчиненность этой твари и ея противной ящерицѣ; кромѣ того, его смущалъ также голландецъ; до воскресенья онъ почти не жилъ.

Въ сущности, этотъ полуразрывъ, долженствовавшій подготовить безъ потрясеній окончаніе ихъ связи, былъ для нея ударомъ южа садовника, который отрубаетъ сухіе сучья, чтобъ не вянуло дерево. Они почти каждый день писали другъ другу пѣжныя записки, какъ это всегда дѣлаютъ нетерпѣливые влюбленные; или-же по выходѣ изъ министерства онъ заходилъ къ ней поболтать часокъ въ то время, какъ она занималась своимъ визаньемъ.

Въ отелѣ она выдавала его за одного изъ своихъ родственниковъ, и подъ покровомъ этого неопредѣленнаго названія онъ отъ приходитъ иногда провести вечеръ въ салонѣ. Тутъ онъ ознакомился съ безчисленнымъ семействомъ перувіанцевъ, одѣтыхъ въ яркіе цвѣта и разсѣвшихся вокругъ салона, словно пуган на насѣстьяхъ; здѣсь онъ слышалъ цитру Мини Фогель, въкрытой гирляндами, какъ хмѣлевая тычинка, и увидѣлъ ея брата, мльнаго и истомленнаго, который страстно слѣдилъ за ритмомъ музыки и пробѣгалъ пальцами по воображаемому кларнету, единственному инструменту, на которомъ ему позволено было играть. Онъ игралъ въ винтъ съ голландцемъ, неповоротливымъ толстякомъ, лысымъ, крайне непривлекательнымъ на видъ, который бѣздилъ всѣ океаны міра, и когда у него спрашивали какихъ-либо свѣдѣній объ Австраліи, гдѣ онъ только что провелъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ всегда отвѣчалъ, ворочая глазами:

— Отгадайте, что стоитъ картофель въ Мельбурнѣ?..

Единственный фактъ, который поражалъ его во всѣхъ странахъ, — это дороговизна картофеля.

Фанни была душою этихъ собраній: она разговаривала, пѣла, представляя изъ себя опытную свѣтскую парижанку, а тѣ маэры, которыя оставались въ ней отъ ея цыганской жизни и

мастерскихъ, ускользали отъ этихъ чужеземцевъ и казались имъ лучшимъ тономъ.

Она ослѣпляла ихъ своимъ знакомствомъ съ знаменитостями искусства и литературы, объясняла русской дамѣ, восторгавшейся произведеніями Дежуа, способъ, которымъ писалъ романистъ, количество чашекъ кофе, выпиваемыхъ имъ въ теченіе ночи, и о той ничтожной до смѣшного суммѣ, которую издатели *Сандри-нетты* заплатили ему за произведеніе, обогатившее ихъ.

И успѣхи Фанни дѣлали Госсена настолько гордымъ, что онъ забывалъ свою ревность и готовъ былъ охотно подтвердить ея рассказы, еслибы въ нихъ кто-нибудь усомнился.

Въ то время какъ онъ любовался ею въ салонѣ, освѣщенномъ лампами съ матовыми абажурами, когда она разливала чай и ароматизировала романсамъ молодыхъ дѣвушекъ, которымъ давала совѣты, какъ старшая сестра, онъ замѣчалъ въ лицѣ ея нѣчто иное чѣмъ въ то время, когда она являлась къ нему въ воскресное утро, промокшая, дрожащая; когда, не приближаясь даже къ камину, разведенному къ ея приходу, она наскоро раздѣвалась и бросалась къ любовнику на широкую постель. Что за восторгъ, что за ласки происходили тогда! Она предавалась имъ какъ бы въ отпущеніе за обоюдную сдержанность цѣлой недѣли, сохранявшую живыми желанія ихъ любви.

Часы слѣдовали одинъ за другимъ, и они не покидали кровати до самаго вечера.

Ничто не привлекало ихъ, кромѣ наслажденій любви; они не искали никакого удовольствія, не желали никого видѣть, даже Геттема, рѣшившихся изъ экономіи поселиться въ деревнѣ.

Небольшой завтракъ былъ заранѣе приготовленъ около нихъ на ночномъ столѣ... Истомленные, они, словно въ забытіи, прислушивались къ воскресному шуму Па-ижа, раздававшемуся съ улицы, къ свисту поѣздовъ, грохоту нагруженныхъ фляговъ и дождь, падающій крупными каплями на цинкъ балкона, вмѣстѣ съ ускореннымъ бѣніемъ ихъ сердецъ, служилъ какъ-бы ароматизаторомъ ихъ жизни и сознанія времени, продолжавшаго вполнѣ до самыхъ сумерекъ.

Газъ, зажженный на противоположной сторонѣ улицы, бросалъ уже свой блѣдный лучъ на обѣ комнаты. Нужно было всѣмъ

вать, такъ какъ Фанни должна была въ семь часовъ быть дома.

Въ полумракѣ комнаты, всѣ непріятности, досада и стѣсненіе представлялись Фанни еще болѣе тяжелыми и жестокими въ то время, какъ она надѣвала свои ботинки, еще сырыя отъ путешествія пѣшкомъ, свои юбки и черное платье управительницы.

И при видѣ вокругъ себя любимыхъ вещей: мебели, маленькаго гуалета, удѣлѣвшаго отъ прошлыхъ счастливыхъ дней,—печаль ея еще болѣе увеличивалась... Наконецъ она рѣшалась оторваться отъ этого воспоминанія и говорила:

— Пойдемъ!...

Чтобы долѣе оставаться вмѣстѣ, Жанъ провожалъ ея; прижавшись покрѣпче другъ къ другу, они проходили чрезъ авеню Элисейскихъ полей, гдѣ двойной рядъ фонарей, съ триумфальной аркой въ концѣ, разсвѣивалъ мракъ, между тѣмъ какъ двѣ или три звѣздочки, блестящія на горизонтѣ неба, представляли обою фонтъ діорамы. На углу улицы Перголезъ, совсѣмъ близокъ къ отелю, она поднимала вуалетку для послѣдняго поцѣлуя и ожидала его расгоряченнымъ, недовольнымъ своимъ жилищемъ, гда онъ возвращался какъ можно позже, проклиная бѣдность почти сердца на обитателей Кастелъ за ту жертву, которую онъ заставлялъ себя приносить для нихъ.

Они протянули мѣсяца два или три этого существованія, дѣлавшагося подъ конецъ совершенно невыносимымъ, такъ какъ Жанъ долженъ былъ прекратить свои визиты въ отель, вслѣдствіе сплетенъ прислуги, а Фанни все болѣе и болѣе приходила въ отчаяніе отъ скупости матери и дочери Санчезъ. Она потихоньку мечтала о томъ, какъ бы возвратиться въ свой маленький уголокъ, увствовала, что и любовникъ ея выбивается изъ силъ, но хотѣла, чтобы онъ первый заговорилъ объ этомъ.

Въ одно апрѣльское воскресенье, Фанни явилась болѣе нарядная, чѣмъ обыкновенно, въ круглой шляпѣ, весеннемъ платьѣ, ростенькомъ, но спитомъ къ лицу.

— Вставай скорѣе, мы отправимся завтракать на дачу...

— На дачу?...

— Да, въ Ангіенъ, къ Розѣ... она пригласила насъ обоихъ...

Онъ сначала отказывался, но она настаивала. Роза никогда не простила-бы отказа.

— Вѣдь можешь-же ты согласиться для меня... Кажется, я съ своей стороны дѣлаю довольно...

Большая дача, роскошно убранная и меблированная, стояла на берегу Англенскаго озера, передъ громаднымъ лугомъ, спускавшимся къ маленькой гавани, гдѣ качалось нѣсколько яликовъ и гондолъ; зеркальные потолки и простѣвни дачи отражали блескъ воды, кущи парка, зеленѣющаго ранней листвою, и сирени въ полномъ цвѣту. Щегольская ливрея прислуги, аллеи, на которыхъ не видно было ни соринки, дѣлали честь надзору Розаріи и старухи Пилларъ.

Всѣ сидѣли уже за столомъ, когда они пришли; невѣрное указаніе дороги заставило ихъ блуждать цѣлый часъ вокругъ озера по переулкамъ, между высокими стѣнами садовъ.

Жанъ окончательно сконфузился отъ холоднаго приема хозяйки дома, взбѣшенной, что ее заставили ждать, и отъ необыкновеннаго вида старухъ мегеръ, которымъ Роза рекомендовала ее своимъ изволичьимъ голосомъ. Это были три „щеголихи“, какъ ихъ называютъ между собою кокотки высшаго разбора, три древнія развалины, считавшіяся въ числѣ знаменитостей второй имперіи, наравнѣ съ именами великаго поэта или побѣдоноснаго генерала, извѣстныя подъ именами Уильки Кобъ, Сомбрэзы и Кларры Дефу.

Щеголихами онѣ дѣйствительно еще остались; разряженныя по послѣдней модѣ въ весенніе цвѣта, увѣшанныя прелестными тряпками отъ воротничка до ботинокъ, онѣ были потерты и раскрашены, но казались какъ бы заново отдѣланными! Сомбрэза, бездѣлнца, съ мертвыми глазами, съ отвислой губой, ощупью отыскивала свою тарелку, вилку и стаканъ. Дефу, громадная, побрякивавшая уграми, съ грѣлкой подъ ногами, выставляла на скатерти свои скорчившіяся отъ подагры пальцы, униженные блестящими кольцами, снять которыхъ было также трудно, какъ разрѣшить римскій вопросъ. А Кобъ, совершенно худая, съ таліей молоденькой дѣвушки, дѣлавшей еще болѣе отвратительною ея лысую голову большаго клоуна, была покрыта гривною желтаго шиньона. Будучи окончательно разорена, она отправилась попытать по-

сладняго счастья въ Монте-Карло, но возвратилась безъ кофѣйки, влюбившись до сумашествія въ красиваго крупье, который пренебрегъ ею. Роза приняла ее въ себѣ, кормила и тщеславилась этимъ.

Всѣ эти женщины знали Фанни и привѣтствовали ее покровительственнымъ тономъ:

— Какъ поживаешь, милая?...

Въ сущности, въ своемъ платьѣ, по три франка за метръ, безъ всякихъ украшеній, кромѣ красной брошки Кейнера, она имѣла видъ рекрута между этими ужасными мегерами полу-свѣта, которыхъ роскошная обстановка и свѣтъ,—отражавшійся отъ озера и неба, смѣшивавшійся съ весеннимъ ароматомъ,—дѣлали еще болѣе похожими на привидѣнія.

Тутъ-же находилась старуха Пилларъ—„обезьяна“, какъ она сама себя называла на своемъ франко-испанскомъ нарѣчьи,—и дѣйствительно она была похожа на обезьяну съ выпѣвшей и морщинистой кожей, съ выраженіемъ хитрой жестокости въ гримасничающихъ чертахъ, причесанная мальчикомъ, съ сѣдыми волосами, остриженными въ кружокъ, и съ большимъ синимъ воротникомъ, какъ у рулеваго, на старомъ черномъ шолковомъ платьѣ.

— А вотъ господинъ Бишито... сказала Роза, окончивъ представленіе своихъ гостей и показывая Госсену комъ розовой ваты, въ которой хамелеонъ дрожалъ на скатерти.

— Ну, а меня... меня не представляетъ?.. замѣтилъ искусственно веселымъ тономъ высокій мужчина съ сѣдѣющими усами, державшійся прямо, даже нѣсколько вытянувшись, въ своемъ свѣтломъ пиджакѣ и стоячихъ воротничкахъ.

— Ахъ, правда... Татавъ!—вскричали женщины, смѣясь.

Хозяйка дома съ пренебреженіемъ назвала его имя.

Татавъ—это былъ Поттеръ, ученый музыкантъ, прославленный авторъ *Клавди* и *Саванароллы*, и Жанъ, только мелькомъ видѣвшій его на балу у Дешелета, удивлялся, видя въ великомъ артистѣ такія мало гениальныя манеры, неподвижное лицо, правильное, какъ деревянная маска, потухшіе глаза, скрывающіе безумную неизлѣчиму ю страсть, которая съ давнихъ лѣтъ привязывала его къ этой старой кокоtte, заставляя покидать жену и дѣтей, чтобы быть постояннымъ посѣтителемъ это-

го дома, поглощавшаго часть его большаго состоянія, его театральныя выручки, и гдѣ съ нимъ обращались хуже, чѣмъ съ лакеемъ. Нужно было видѣть пренебрежительную мину Розы каждый разъ, какъ онъ что либо рассказывалъ. Какимъ презрительнымъ тономъ она заставляла его замолчать; и поддерживая свою дочь, Пилларъ никогда не забывала убѣдительно прибавить:

— Fische pour la raix, mon garçon...

Жанъ сидѣлъ рядомъ съ Пилларъ, и ея старыя губы, шамкавшія въ то время, какъ она ѣла съ глухимъ ворчаньемъ, подобно животному, и тѣ инквизиторскіе взгляды, которые она бросала въ тарелку, были пыткой для молодаго человѣка, уже недовольнаго тѣмъ покровительственнымъ тономъ, съ которымъ Роза подшучивала надъ Фанни, надъ музыкальными вечерами въ отелѣ и тупоуміемъ этихъ несчастныхъ жильцовъ, принимавшихъ управительницу за свѣтскую женщину, впавшую въ нужду. Старая „наѣздница“, заплывшая нездоровымъ жиромъ, съ брильянтами по десяти тысячъ франковъ въ каждомъ ухѣ, казалось, видовала своей пріятельницѣ въ обновленіи молодости и красоты которое сообщалъ ей молодой и красивый любовникъ. И Фанни не сердилась, напротивъ того, забавляла всѣхъ, подсмѣиваясь надъ жильцами отеля, надъ перувіанцемъ, который знавался, ворочая бѣлками глазъ, въ своемъ желаніи познакомиться съ какой нибудь знаменитой кокеткой, и надъ безмолвнымъ ухаживаніемъ, съ тюленьими вздохами, голландца, сопящаго у ея стуломъ: „Отгадайте, что стоитъ картофельъ въ Батавіи?..“

Но Госсенъ вовсе не смѣялся; Пилларъ не смѣялась такъ занятая наблюденіемъ за серебряною посудю своей дочери и внезапно бросавшаяся, чтобы поймать муху, замѣченную ею на ея приборѣ или на рукавѣ сосѣда. Поймавъ муху, она предлагала ее отвратительному маленькому животному, лежавшему на скатерти, морщинистому и безобразному, какъ палецъ Дефу, — прибавляя при этомъ нѣжнымъ тономъ: „кушай, мое кровище; кушай, мой милашка!“

Иногда, не находя мухъ вблизи, она подходила къ буфету или двери, и, замѣтивъ одну изъ нихъ, ловко схватывала ее.

Эти часто повторявшіяся вскакиванія надоѣли ея дочерямъ очевидно, очень раздражительной въ это утро.

— Не всакивай-же ежеминутно, вѣдь это надоѣдаетъ.

— Вы вѣдь жрете... отчего-жъ ты не хочешь, чтобъ онъ тоже поѣлъ?

— Выйди изъ-за стола или сиди смирно, ты намъ надоѣла.

Старуха обидѣлась и они начали перебранку, подобно испанскимъ ханжамъ, смѣшивая чорта и адъ съ уличными выраженіями.

— Чортова тетка!

— Сатанинская порода!

— Распутница!

— Твоя-же мать!

Жанъ смотрѣлъ на нихъ изумленный, тогда какъ остальные гости, привыкшіе къ подобнымъ семейнымъ сценамъ, спокойно продолжали ѣсть. Одинъ Поттеръ вмѣшался въ ссору, изъ уваженія къ постороннему.

— Ну, полно, переставьте спорить...

Но разозлившаяся Роза набросилась на него:

— Ты-то что мѣшаешься?.. вотъ еще новости... Развѣ я не вольна говорить въ своемъ домѣ... Отправляйся-ка къ своей сусужницѣ!.. Ужъ мнѣ надоѣли твои глаза, словно у жареной рыбы, и твои три оставшіеся волоса... Убирайся, снеси ихъ своей индюшкѣ, ужъ давно пора...

Поттеръ улыбался, слегка поблѣднѣвъ.

— И со всѣмъ этимъ нужно уживаться... прошепталъ онъ тихо.

— И я думаю, что это стоитъ того,—заревѣла она, нагнувшись всѣмъ корпусомъ черезъ столъ.—Вѣдь ты знаешь, дверь открыта... Убирайся!... Маршъ!...

— Ну, послушай, Роза—молили его несчастные, потухшіе глаза. А старуха Пилларъ, принимаясь снова за ѣду, произнесла съ такимъ комическимъ спокойствіемъ: „Fiche vous la raix, mon gaçon,“ что все общество разразилось смѣхомъ, даже Роза. Поттеръ, обнимавшій свою гнѣвную любовницу, смѣялся до слезъ, и чтобы заслужить омончательно ея прощеніе, онъ поймалъ муху и, держа ее за крылья, деликатно поднесъ Бинитѣ.

И это былъ Поттеръ, славный композиторъ, гордость французской школы! Чѣмъ удерживала его эта женщина, какимъ кол-

довством?—она, состарѣвшаяся въ пороки, грубая, съ этою матерью, еще болѣе презрѣнною, представляющею собою то, чѣмъ дочь ея будетъ лѣтъ черезъ двадцать.

Кофе поданъ былъ на берегу озера, въ маленькомъ гротѣ изъ раковинъ, обтянутомъ внутри свѣтлымъ полкомъ, которому движеніе сосѣдней воды придавало игривые переливы. Это было прелестное гнѣздышко для поцѣлуевъ, выдуманное въ XVIII вѣкѣ, съ зеркальнымъ потолкомъ, отражавшимъ позы старыхъ мумій, которыя развалились на широкомъ диванѣ, въ виду процесса пищеваренія, тогда какъ Роза, съ разгорѣвшимися щеками подъ румянами, совсѣмъ опрокинулась на своего музыканта, повторяя:

— О мой Татавъ!... мой Татавъ!...

Но этотъ пылъ нѣжности испарился вмѣстѣ съ шартрѣзомъ, и такъ какъ у одной изъ этихъ дамъ явилась мысль покататься на лодкѣ, то Роза послала Поттера приготовить большую гондолу.

— Большую гондолу, слышишь, а не норвежскую шлюпу.

— Но я могу приказать Дезире...

— Дезире завтракаетъ...

— Но вѣдь гондола полна воды; ее нужно выкачивать; вѣдь это большая работа...

— Жанъ пойдетъ съ вами, Поттеръ, сказала Фанни, предвидѣвшая новую сцену...

Сидя другъ противъ друга съ раздвинутыми ногами на скамьяхъ лодки, они старательно выкачивали воду, не говоря ни слова, не смотря другъ на друга, какъ-бы гипнотизированнымъ ритмомъ воды, падающей изъ двухъ черпаковъ. Вокругъ нихъ ложились тѣнь большого дерева по озеру, сіявшему свѣтомъ.

— А вы уже давно живете съ Фанни?... спросилъ вдругъ музыкантъ, останавливая свое занятіе.

— Два года—отвѣчалъ Госсенъ, нѣсколько удивленный.

— Только два года!... Значить, то, что вы видѣли сегодня, можетъ послужить вамъ на пользу. Что до меня касается, то вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ я живу съ Розой; двадцать лѣтъ, какъ возвратясь изъ Италіи, послѣ трехлѣтняго пребыванія тамъ, для полученія римской преміи, я зашелъ однажды вечеромъ въ гни подромъ и увидѣлъ ее въ маленькой колесницѣ объѣзжающей

арену съ поднятымъ хлыстомъ, въ каскѣ, украшенной восемью стальными копиями, и въ кольчугѣ изъ золотыхъ колець, сжигавшей ея талию... Ахъ, еслибы мнѣ сказали тогда!...

И, снова принимаясь выкачивать воду, онъ рассказывалъ, какъ сначала его домашніе смѣялись надъ его связью; затѣмъ, когда дѣло стало серьезнымъ, сколько усилій, просьбъ и жертвъ принесли его родители, чтобы разорвать эту связь.

Два или три раза она уѣзжала, подкупленная деньгами родныхъ, но онъ каждый разъ нагонялъ ее. „Попытаемся развлечь его путешествіемъ“, сказала его мать. Онъ отправился путешествовать и, возвратясь, сошелся съ нею опять. Наконецъ, онъ позволилъ женить себя; хорошенькая дѣвушка принесла ему богатое приданое и, въ видѣ свадебнаго подарка, обѣщаніе кресла въ академіи... Три мѣсяца спустя, онъ снова бросилъ свое новое семейство, чтобы сойтись съ Розой!...

— О, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ!..

Онъ сухо рассказывалъ о своей жизни, и ни одинъ мускулъ не живилъ его лица, жесткаго, какъ воротнички, которые подирали его голову. А въ это время мимо нихъ проѣзжали въ лодкахъ студенты и дѣвушки, слышались пѣсни, смѣхъ молодежи и опьяненіе. Какъ много было между ними безсознательно влекшихся юношей, которымъ слѣдовало бы остановиться, чтобы послушать, въ видѣ урока, исторію Поттера.

Въ продолженіе этого времени, въ кіоскѣ, старья „щеголихи“, какъ бы давъ себѣ слово развести молодыхъ людей, проповѣдали Фанни Легранъ благоразуміе:

— Онъ очень хорошенькій любовникъ, но вѣдь у него нѣтъ и копѣйки... До чего все это доведетъ тебя...

— Да, наконецъ, если я люблю его...

Роза пожала плечами и сказала:

— Да оставьте ее... Она опять упуститъ своего голландца, какъ упустила ужъ много другихъ прекрасныхъ случаевъ... Одно же, послѣ ея исторіи съ Фламаномъ, она пыталась сдѣлаться болѣе практичною, а теперь вотъ опять стала глупить больше, чѣмъ прежде.

Тутъ вмѣшалась англичанка съ головою клоуна и своимъ жаснымъ акцентомъ, способствовавшимъ такъ долго ея успѣху

— Это прекрасно, душенька, любить любовь... Любовь, знаешь, это очень хорошая вещь... но надо также любить и деньги... Вот я, наприѣръ, еслибъ я все еще была богата, развѣ вы думаете, что крупье сказалъ бы мнѣ, что я некрасива?...

Она вскочила въ ярости, усилившей еще болѣе ея и безъ того пронзительный голосъ.

— А, между прочимъ, это ужасная вещь... быть извѣстной, всемірной знаменитостью, какъ бульваръ или монументъ, — настолько извѣстною, что послѣдній изъ кучеровъ, когда ему говорили «Уильки Кобъ», зная тотчасъ-же, куда ѣхать... имѣть у своихъ ногъ принцевъ и королей, восторгавшихся даже моимъ плевкомъ!.. И вотъ теперь этотъ грязный шалопаѣй отказался отъ меня, подъ предлогомъ, что я некрасива; но у меня не было ни копѣйки, чтобы заплатить ему, хотя бы за одну ночь...

И разгорячась при мысли, что ее могли находить некрасивою, она быстро разстегнула свое платье:

— Лицо—да, я допускаю... Но все это—плечи, грудь... развѣ все это не бѣло? развѣ это не упруго?...

Она съ безстыдствомъ выставяла свое тѣло колдуньи, какимъ-то чудеснымъ образомъ остававшееся молодымъ, не смотря на тридцать лѣтъ отчаяннаго разврата, и заканчивавшееся головой, поблекшей, словно у мертвеца, начиная отъ шеи.

— Mesdames, лодка готова! закричалъ Поттеръ; и англичанка, застегивая свое платье на томъ, что у нея оставалось молодого, пробормотала съ комическимъ раздраженіемъ:

— Но вѣдь не могу-же я ходить по площадямъ совсѣмъ голою!...

На этомъ прекрасномъ пейзажѣ, достойномъ кисти Лангера, гдѣ кокетливая красота дачъ проглядывала среди свѣжей зелени, съ террасами и лужками, обрамляющими маленькое озеро, все залитое солнцемъ,—что за зрѣлище представляли эти старыя разбитыя жрицы Цитеры: слѣпая Сомбрэза и старый клоунъ, и разбитая параличемъ Дефу, оставявшія въ струяхъ воды запахъ своихъ косметиковъ!

Жанъ работалъ веслами, сгибая спину и стыдясь, что его могутъ увидѣть въ этой ужасной аллегорической лодкѣ и припишутъ ему какую нибудь низкую, постыдную роль. К

счастью, противъ него, точно затѣмъ, чтобы освѣжать его сердце и глаза, сидѣла на рулѣ, рядомъ съ Поттеромъ, правившимъ рулемъ, Фанни Легранъ, улыбка которой никогда не казалась ему столь молодою, какъ теперь.

— Спой намъ чтонибудь, душенька, — попросила Дефу, размягчившаяся подъ вліяніемъ весны.

Фанни, своимъ выразительнымъ и глубокимъ голосомъ, запѣла баркароллу изъ „*Klavdiu*“, и музыкантъ, тронутый напоминаніемъ о своемъ первомъ громадномъ успѣхѣ, акомпанировалъ ей, подражая губами оркестру и тѣмъ переливамъ, которые придаютъ мелодіи какъ бы отблескъ свѣта, отражаемаго въ волнующейся водѣ. Въ такую минуту, среди подобной обстановки, это было восхитительно! Съ сосѣдней террасы имъ кричали браво! И провансалецъ, въ тактъ ударяя веслами по водѣ, жаждалъ еще этой божественной музыки, льющейся изъ устъ его возлюбленной, испытывая искушеніе прильнуть своими губами къ этому источнику звуковъ и, откинувъ ей назадъ голову, бесконечно пить въ него.

Вдругъ разозлившася Роза прервала дуэтъ, сливающиміся голоса котораго раздражали ее.

— Эй, вы, музыканты! скоро-ли вы кончите ваше пѣніе... жь не думаете-ли вы, что вашъ погребальный романсъ очень убавляетъ насъ... Ну, довольно... Къ тому-же поздно, и Фанни надо возвращаться домой... Причалъ вонъ тамъ, прибавила она, казывая на ближайшую пристань своему любовнику, — отсюда имъ будетъ ближе къ вокзалу.....

Это обращеніе было въ высшей степени грубо; точно она втоптала ихъ. Но бывшая «наѣздница» приучила публику, пощипавшую ее, къ своимъ манерамъ и никто не смѣлъ протестовать противъ этого. Послѣ того какъ парочка была выброшена на берегъ, съ нѣсколькими словами холодной вѣжливости молодому человѣку и съ приказаніями, отданными Фанни свистящимъ голосомъ, — лодка удалилась съ криками, указывавшими на начало новой ссоры, закончившейся взрывомъ оскорбительнаго хохота, который донесся до слуха двухъ любовниковъ.

— Слышишь, слышишь! говорила Фанни, блѣднѣя отъ гнѣва, — то она надъ нами смѣется.

И всё ея униженіа и неприятности припомнились ей при этомъ новомъ оскорбленіи. Она перечисляла ихъ, идя къ воззату, рассказывая даже о такихъ вещахъ, которыя прежде она всегда скрывала. Роза только и думала, какъ бы разъединить ихъ и облегчить способы обманывать любовника.

— Чего только не говорила она мнѣ, чтобы заставить меня сойтись съ голландцемъ... Еще вотъ сейчасъ онѣ всё хлопотала объ этомъ... Я тебя слишкомъ люблю, понимаешь ты, а это мешаетъ ея порочнымъ наклонностямъ, — такъ какъ она обладаетъ всевозможными пороками, самыми низкими, самыми чудовищными. И такъ какъ я не хочу....

Она остановилась, увидѣвъ его совершенно поблѣднѣвшимъ съ дрожащими губами, какъ въ тотъ вечеръ, когда онъ рыдалъ въ навозной кучѣ ея писемъ.

— О, не бойся ничего, сказала она. — Твоя любовь спасаетъ меня отъ всѣхъ этихъ ужасовъ... Она, какъ и ея хамелеонъ, одинаково мнѣ противны!

— Я не хочу, чтобы ты долѣе оставалась тамъ, проговорила любовникъ, обезумѣвшій отъ ревности. — Въ хлѣбѣ, которую ты зарабатываешь, слишкомъ много грязи... Ты возвратишься ко мнѣ, и мы какъ нибудь устроимся.

Она ждала этихъ словъ, давно ихъ призывала. Но, тѣмъ не менѣе, она упорствовала, возражая, что жизнь вдвоемъ на триста франковъ его жалованья будетъ слишкомъ тяжела и, можетъ быть, придется снова разстаться...

— А я такъ страдала, покидая нашу милую квартиру!.. Подъ акаціями, находившимися по краямъ дороги, вмѣстѣ съ телеграфной проволокой, унизанной ласточками, разставленными были кое-гдѣ скамейки; они сѣли, оба сильно взволнованные, держа другъ друга за руки.

— Триста франковъ въ мѣсяцъ, говорилъ Жанъ: но какъ жить Гетемъ, получая всего двѣсти пятьдесятъ?

— Они весь годъ живутъ за городомъ, въ Шавиллѣ.

— Ну, такъ и мы сдѣлаемъ также, какъ они; я вовсе не дорожу Парижемъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?... ты согласишься?... О, голубчикъ, мой мой!..

Народъ мимо нихъ проходилъ по дорогѣ, проѣзжала на ослахъ свадебная процессія... Они не могли поцѣловаться и оставались неподвижными, прижавшись другъ къ другу, мечтая о возобновившемся счастьѣ, которое они будутъ испытывать въ тѣнныя вечера, полныя теплой тишины, оживляемой доносящимися издали ружейными выстрѣлами и ритурнелями музыки загороднаго праздника...

VIII.

Они поселились въ Шавиллѣ. Ихъ маленькій одноэтажный домикъ, стоявшій у самой опушки лѣса, недалеко отъ лѣсной дороги, издавна носящей прозвище: „Pavé des Gardes“ (Путь стражей)—состоялъ изъ трехъ комнатъ, такихъ-же маленькихъ, какъ и въ Амстердамской улицѣ. Они перевезли сюда все свое имущество и мебель, не исключая тростниковаго кресла и грошеваго раскрашеннаго шкафа; для замаскированія же отвратительныхъ зеленыхъ обоевъ спальни у нихъ оставался только портретъ Фанни, такъ какъ, при перевозкѣ, рамка фотографіи, изображавшей видъ Кастелэ, сломалась и даже сама фотографія гдѣ-то затерялась. О, этотъ бѣдный Кастелэ! о немъ совершенно перестали говорить съ тѣхъ поръ, какъ переписка между дядей и племянницей прекратилась.

— Хорошо дядя, нечего сказать!... говорила Фанни, принимая ту легкость, съ которой Фенатъ согласился способствовать ихъ первому разрыву.

Теперь только однѣ маленькія сестры сообщали Жану о семейныхъ новостяхъ; Дивонна-же не писала больше. Быть можетъ, она еще сердилась на племянника или, пожалуй, угадывала, что „гадкая женщина“ возвратилась къ нему, и еще станетъ наспечатывать и объяснять по своему ея бѣдныя материнскія письма, писанныя крупнымъ крестьянскимъ почеркомъ.

По временамъ, Фанни и Жану казалось, что они все еще живутъ въ Амстердамской улицѣ;—просыпаясь, они слышали романсы супруговъ Гетемэ, снова ставшихъ ихъ сосѣдями, и свистъ жеминутно перекрещивающихся, по другую сторону дороги, поѣздовъ, видныхъ чрезъ листву большаго парка; но вмѣсто не-

завѣшенныхъ мутныхъ стеколъ западнаго вокзала, севозъ котораго видны были наклоненные силуэты чиновниковъ, вмѣсто постоянного гула людной улицы, они наслаждались здѣсь тишиной и просторомъ, по которому раскинуты были домики, тонушіе въ зелени.

Утромъ, передъ отъѣздомъ на службу, Жанъ завтракалъ въ маленькой столовой, чрезъ открытое окно которой видна была широкая мощеная дорога, поросшая травой и обрамленная оградомъ изъ бѣлаго ароматичнаго терновника.

По этой дорогѣ онъ въ десять минутъ достигалъ станціи, проходя мимо шумящаго парка; когда онъ возвращался домой, шумъ и щебетаніе птицъ были уже не такъ громки, утихая по мѣрѣ того, какъ тѣнь отъ деревьевъ ложилась длиннѣе на мшистую дорогу, окрашенную слабыми лучами заходящаго солнца, между тѣмъ какъ кукушки перекливались во всѣхъ углахъ лѣса, смѣшивая свое „куку“ съ трелями соловьевъ въ кустахъ.

Но когда первоначальное устройство новаго жилища было кончено, когда непривычное ощущеніе окружающаго ихъ погоды улеглось, безплодная, чего-то доискивающаяся ревность Жана снова стала овладѣвать имъ.

Ссора его любовницы съ Розою и выѣздъ ея изъ отеля вызвали между двумя женщинами объясненіе, сопровождавшееся чудовищными двусмысленностями и намеками, которые оживили въ немъ столь сильно тревожившія и волновавшія его подозрѣнія. Когда онъ, уѣзжая на службу, смотрѣлъ изъ вагона на ихъ маленькій одноэтажный домикъ съ круглымъ слуховымъ окномъ, взоръ его старался проникнуть сквозь стѣны, чтобы видѣть, что тамъ дѣлается. „Кто знаетъ...“ думалось ему, и сомнѣніе это не покидало его даже во время занятій въ министерствѣ.

Возвратясь домой, онъ заставлялъ Фанни давать ему полный отчетъ въ ея времяпровожденіи и требовалъ немедленнаго объясненія ея озабоченности или задумчивости, по большей части ничего не значущихъ; иногда онъ вдругъ прерывалъ ея молчаніе вопросомъ:

— О чемъ ты думаешь?... отвѣчай сейчасъ-же...

Онъ все боялся, что она жалѣеть о чемъ или о комъ нибудь

ть ея ужаснаго прошлаго, о которомъ впрочемъ она продолжала изсказывать все съ тою-же невозмутимою откровенностью.

Прежде, когда они видѣлись только по воскресеньямъ, у него было времени для этихъ, столь оскорбительныхъ, нравственныхъ пытокъ и мелочныхъ допросовъ. Но, сблизившись и заживъ любовь вмѣстѣ, они снова принялись мучить другъ друга; даже время самыхъ нѣжныхъ ласкъ, въ моментъ самыхъ страстныхъ объятій, ихъ постоянно терзала какая-то тупая, неопредѣленная злоба, увеличивавшаяся еще вслѣдствіе сознанія непоправимости всего прошлаго. И чтобы заглушить въ себѣ эту боль, онъ старался возбудить въ ней, пресыщенной любовью, какое волненіе, котораго она еще не испытывала, а она готова была на всѣ жертвы, ради наслажденія; но видя безуспѣшность своихъ усилій, она рыдала отъ безсильной ярости.

Мало по малу напряженность ихъ отношеній нѣсколько ослабла. Произошло это отчасти вслѣдствіе пресыщенія и живительнаго вліянія природы, главнымъ-же образомъ вслѣдствіе содѣянія супруговъ Гетемъ. Изъ всѣхъ семей, живущихъ въ окрестностяхъ Парижа, вѣроятно, ни одно не умѣло такъ наслаждаться деревенскою свободою, какъ семейство Гетемъ. Ничто не могло сравниться для нихъ съ удовольствіемъ прогулокъ въ борванномъ платьѣ, въ шляпахъ изъ древесной коры, безъ кортика и въ истоптанныхъ туфляхъ. А какое наслажденіе испытывали они, выйдя изъ-за обѣденнаго стола и относя корки уткамъ, а остатки овощей—кроликамъ. Кромѣ того, полоть травы, прививать деревья и поливка грядъ!..

О, одна поливка чего стоитъ!..

Гетемъ принимались за нее, едва мужъ, вернувшись домой, успѣвалъ переменить свой служебный костюмъ на куртку Ронсона. Послѣ обѣда они снова принимались за поливку, и долго еще послѣ наступленія сумерекъ, изъ темноты маленькаго саика слышенъ былъ скрипъ насоса, звяканье большихъ леекъ, желья отдуванія и плескъ воды, точно струившейся со лба рудящихся; а отъ времени до времени раздавались торжествующіе возгласы:

— Я вылилъ тридцать двѣ лейки на горохъ!..

— А я четырнадцать на бальзамины!....

Эти люди не довольствовались быть счастливыми, — они любили своимъ счастьемъ, смаковали его, стараясь выказывать его предъ посторонними; въ особенности отличался этимъ мужъ, рассказывавшій о радостяхъ проведенной вдвоемъ зимы:

— Теперь еще ничего, а вотъ вы посмотрите, что будетъ въ декабрь! Возвращаешься, промокшій, продрогшій, съ тоской, навѣянной Парижемъ, и находишь тутъ ярко горящій огонь, зажженую лампу, дымящійся супъ и пару деревянныхъ башмаковъ, набитыхъ теплой соломой. А когда начинишь себѣ желудокъ сосисками съ капустой, да добрымъ ломтемъ свѣжаго сыра, сохраненнаго въ мокрой тряпкѣ, да когда выльешь на все это бутылку добраго вина, неподдѣльнаго и неразбавленнаго — какъ вѣдь хорошо тогда придвинуть свое кресло къ огоньку, закури трубку и, попивая свой кофе съ ликеромъ, дремать другъ противъ друга, пока морозъ покрываетъ окна узорами... О, вздремнуть лишь немножко, только пока совершается пищевареніе... Потомъ сядешь за чертежи, пока жена убираетъ со стола, хлопочетъ по хозяйству и приготовляетъ постель; а затѣмъ, когда она уже ляжетъ, когда мѣсто нагрѣтъ, ложишься и самъ рядомъ съ нею и по всему тѣлу разливается такое же тепло, какъ будто бы весь погрузился въ башмаки съ соломой...

Онъ становился почти краснорѣчивымъ, — этотъ обросшій волосами гигантъ, обыкновенно до того застѣнчивый, что не могъ сказать двухъ словъ безъ того, чтобы не покраснѣть и не заикнуться.

Эта-то странная застѣнчивость, противорѣчащая его громадной черной бородѣ и ухваткамъ колосса, устроила его счастье и спокойствіе всей жизни.

Въ двадцать пять лѣтъ, при бьющихъ черезъ край жизненныхъ силахъ и здоровьѣ, Гетеманъ не зналъ еще ни любви, ни женщинъ; и вотъ однажды въ Невери, послѣ товарищескаго обѣда, пріятели затащили его полушьянаго въ публичный домъ и заставили выбрать одну изъ женщинъ... Онъ вышелъ отъ туда, крайне взволнованный, и потомъ побывалъ у нея еще нѣсколько разъ, а въ концѣ концовъ, заплатилъ ей долги и взялъ ее къ себѣ; но опасаясь, чтобы товарищи не отняли у него жену

ины, которую онъ полюбилъ, онъ кончилъ тѣмъ, что женился на ней.

— Вотъ это законное супружество, милый мой! торжественно закончила свой рассказъ Фанни, глядя на Жана, который съ жасомъ слушалъ ее.—И изъ всѣхъ браковъ, которые я знала, это самый чистый и честный....

Чистосердечіе, съ которымъ она утверждала это, происходило отъ невѣдѣнія, такъ какъ тѣ супружества, въ которыя она могла проникать, не заслуживали иного сужденія; впрочемъ, и все ея знаніе жизни было настолько же ошибочно, насколько искренно.

Сосѣдство Гетемâ дѣйствовало на нихъ самымъ успокоительнымъ образомъ: всегда въ ровномъ расположеніи духа, способные даже на услуги, впрочемъ не слишкомъ для нихъ обременительныя, супруги питали особую ненависть къ сценамъ и ссорамъ, при которыхъ надо принимать ту или другую сторону; да и вообще они не любили всего того, что могло нарушить ихъ правильное пищевареніе. Жена старалась посвятить Фанни въ способъ разведенія куръ и кроликовъ, приучить ее къ поливкѣ цвѣтовъ и огороду, но всѣ старанія ея не привели ни къ чему.

Любовница Госсена, уроженка одного изъ парижскихъ предѣстій, прошедшая чрезъ всѣ мытарства художественныхъ мастерскихъ, любила деревню только отчасти, во время пивниковъ, да въ мѣсто, гдѣ можно кричать, валяться на травѣ и гулять въ саду со своимъ возлюбленнымъ. Она ненавидѣла всякое усиліе и трудъ; шесть мѣсяцевъ ея службы управительницею истощили надолго ея дѣятельныя способности, и теперь она словно раскисла въ постоянномъ бездѣйствіи, въ опьяненіи спокойствія и неистаго воздуха; и подъ вліяніемъ всего этого она разлѣнилась до того, что не находила силы одѣваться, причесываться и даже играть на фортепьяно.

Такъ какъ все завѣдываніе хозяйствомъ предоставлено было служанкѣ, то вечеромъ, когда ей приходилось возстановить въ своей памяти проведенный день, чтобы дать о немъ отчетъ Жану, она ничего не могла отыскать, кромѣ визита къ Олимпіи Гетемâ, перебранокъ, долетѣвшихъ до нея черезъ заборъ изъ сосѣдняго дома, и массы папиросъ, окурки которыхъ валялись на граммовной доскѣ камина. Уже шесть часовъ!.. Ей едва хватить

времени, чтобы набросить на себя платье, пришилить цвѣтокъ къ своему корсажу и идти на встрѣчу къ мужу по зеленѣющей дорожкѣ. Но съ наступленіемъ тумановъ, осеннихъ дождей и раннихъ сумерекъ, у нея явилось множество предлоговъ, чтобы вовсе не выходить; и часто, по возвращеніи домой, Жанъ заставлялъ ее одѣтою въ бѣлый шерстяной капотъ съ широкими складками, который она набрасывала на себя по утрамъ, и съ такими-же наскоро закрученными волосами, какъ и до его отъѣзда. Онъ находилъ ее прелестною въ этомъ нарядѣ съ ея еще молодымъ, привлекательнымъ лицомъ и соблазнительно выхоленнымъ тѣломъ, не заткнутымъ въ корсетъ. Тѣмъ не менѣе, эта лѣнивая распушенность смущала его и даже пугала, какъ нѣчто ужасное.

Послѣ усиленной работы, для увеличенія своихъ средствъ, чтобы не прибѣгать къ помощи изъ Кастильи, — послѣ безсонныхъ ночей, проведенныхъ за планами, артиллерійскими чертежами зарядныхъ ящиковъ и ружей новой системы, которые онъ дѣлалъ для Гетемã, — самъ онъ мало по малу сталъ поддаваться этому размягчающему вліянію, которому, какъ извѣстно, поддаются нерѣдко даже сильные и дѣятельные люди. Въ виду-же рѣшительнаго дѣтства, проведеннаго въ заброшенномъ уголкѣ природы, гдѣ заронены были въ него первыя сѣмена лѣнности, — на Жанъ вліяніе это отражалось еще съ большею силою. И при помощи матеріализма сосѣдей Гетемã, сообщавшагося имъ вслѣдствіе частыхъ свиданій, вмѣстѣ съ ихъ моральнымъ упадкомъ и чревоугодническимъ аппетитомъ, Госсенъ и его любовница дошли до того, что начали въ свою очередь серьезно обсуждать вопросъ объ обѣдѣ и времени отдыха.

Когда Цезарь прислалъ имъ бочку своего лягушечьяго вина, они употребили цѣлый день, чтобы разлить его въ бутылки; въ время этой работы, чрезъ маленькую дверь погреба, ихъ освѣщали послѣдніе лучи заходящаго лѣтняго солнца и видно было голубое небо, по которому пробѣгали розовыя облака.

Ужъ недалеко было время надѣванія башмаковъ, наполненныхъ соломою, и дремоты вдвоемъ, по обѣимъ сторонамъ затопленнаго камина.

Къ счастью, имъ представилось развлеченіе. Однажды вечеромъ Жанъ засталъ ее сильно взволнованною.

Г-жа Гетемà только что рассказала ей исторію бѣднаго маленькаго ребенка, который воспитывался у бабушки. Его отецъ и мать занимались дровяной торговлей въ Парижѣ, но вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ ничего не писали и не высылали денегъ. Недавно бабушка умерла, судорабочіе отвезли ребенка по Іонскому каналу въ Парижъ, чтобъ вручить его родителямъ, но никого тамъ не нашли.

Дровяной дворъ оказался запертымъ, мать ушла съ любовникомъ, а отецъ спился, обанкротился и исчезъ безслѣдно... Славныя-же, однако, эти законныя супружества!.. И вотъ бѣдный малютка, шести лѣтъ, хорошенькій, какъ амуръ, остался на улицѣ безъ хлѣба и одежды.

Фанни растрогалась до слезъ, затѣмъ вдругъ сказала:

— Что еслибы мы взяли его къ себѣ... хочешь?..

— Какія глупости!..

— Отчего-же?..

И, близко придвинувшись къ нему, она прибавила, ласкаясь:

— Ты знаешь, какъ я желала имѣть отъ тебя ребенка; мы воспитывали бы его, дали бы ему образованіе. Съ теченіемъ времени, приемыша можно полюбить, какъ своего собственнаго ребенка.

Она доказывала также, что это послужитъ ей развлеченіемъ, когда какъ теперь, оставаясь цѣлые дни одна, она только перебираетъ въ головѣ своей цѣлую кучу пустыхъ и пошлыхъ мыслей. Ребенокъ служилъ бы ей охраной. Затѣмъ, видя, что онъ боится издержекъ, она продолжала:

— Да вѣдь это почти ничего не будетъ стоить!.. Подумай, ему только шесть лѣтъ!. Для него можно передѣлывать платья изъ старыхъ вещей... Олимпія, понимающая въ этихъ дѣлахъ, увѣряетъ меня, что мы даже не замѣтимъ расхода.

— Такъ отчего же она сама не возьметъ его, воскликнулъ Жанъ съ досадою чловѣка, который чувствуетъ себя побѣжденнымъ, благодаря своей слабости. Однако же онъ пытался упротствовать, приводя самый рѣшительный аргументъ:

— А когда меня здѣсь больше не будетъ?..

Онъ рѣдко говорилъ о своемъ отъѣздѣ, чтобы не печалить Фанни; но думалъ о немъ, утѣшаясь этой мыслью и видя въ ней охрану отъ тѣхъ опасностей совмѣстнаго сожителства, которыя предвидѣлъ послѣ грустной исповѣди Поттера.

— Какое усложненіе внесетъ этотъ ребенокъ, какая обуза для тебя въ будущемъ!..

Глаза Фанни затуманились.

— Ты ошибаешься, голубчикъ; я могла бы говорить съ нимъ о тебѣ, и этотъ ребенокъ утѣшалъ бы меня; сверхъ того, отвѣтственность, взятая на себя, дала бы мнѣ силы къ труду и внушила охоту къ жизни...

Онъ съ минуту подумалъ; она представилась ему одинокою въ опустѣвшемъ домѣ.

— Гдѣ онъ, этотъ ребенокъ?..

— Въ нижнемъ Медонѣ, у одного судорабочаго, который пріютилъ его на нѣсколько дней... Затѣмъ ему, вѣроятно, придется поступить въ пріютъ...

— Ну, такъ отправляйся за нимъ, если тебѣ этого хочется...

Она бросилась ему на шею и весь вечеръ была весела; радовалась, какъ дитя, играла на фортепіано и казалась счастливою, словно переродившеюся.

На другой день, Жанъ разсказалъ объ ихъ рѣшеніи толстому Гетемѣ, который, казалось, зналъ уже объ этомъ дѣлѣ, но не желалъ въ него вмѣшиваться.

— Да, я знаю... это наши барыни... Это до меня не касается...—И, выглядывая изъ-за развернутой газеты, онъ прибавилъ:

— Ваша жена, мнѣ кажется, очень романтична...

Была-ли она романтична, или нѣтъ, но вечеромъ онъ засталъ ее съ тарелкой супу въ рукахъ, на колѣняхъ передъ маленькимъ мальчуганомъ, котораго она старалась покормить; мальчуганъ-же, стоя въ недоувѣрчивой позѣ передъ нею, опустилъ огромную голову съ бѣлыми пеньковыми волосами и упорно отказывался отъ ѣды, даже не хотѣлъ показать свое лицо, повторяя только хриплымъ и однозвучнымъ голосомъ:

— Хочу видѣть Менину, хочу видѣть Менину...

— Менина, это, должно быть, его бабушка... Вотъ ужъ два часа, какъ я не могу добиться отъ него ничего путнаго.

Жанъ попытался также заставить его поѣсть супу, но ничего не могъ сдѣлать. И оба они стояли такимъ образомъ на колѣняхъ передъ мальчикомъ, держа тарелку и ложку,—какъ передъ больнымъ ягненкомъ,—и повторяя ласковыя ободряющія слова, въ надеждѣ заставить его поѣсть.

— Сядемъ за столъ; можетъ быть, мы его пугаемъ; онъ станетъ ѣсть, если мы не будемъ смотрѣть на него...

Но мальчуганъ продолжалъ стоять неподвижно, понуривъ голову и повторяя свое: „хочу видѣть Менину“... до тѣхъ поръ пока не заснулъ, стоя у буфета. Тогда они раздѣли его, соннаго и уложили въ деревянную люльку, занятую у сосѣдей.

— Посмотри, какъ онъ хорошъ,—говорила Фанни, гордясь своимъ приобрѣтеніемъ. Она заставила Госсена любоваться тонкими и нѣжными чертами загорѣвшаго лица маленькаго упрямаца, его красивымъ тѣломъ съ крѣпкой грудью и покрытыми легкимъ пушкомъ полными ручками и ножками, которыя дѣлали его похожимъ на маленькаго фавна. Она забылась, любуясь красотою ребенка.

— Покрой-же его, онъ озябнетъ,—сказалъ Жанъ. Голосъ его заставилъ ее вздрогнуть и какъ-бы пробудилъ отъ сна. И пока она нѣжно окутывала его, ребенокъ глубоко вздыхалъ и какъ будто всхлипывалъ, словно отчаяніе его продолжалось и во снѣ.

Ночью, ребенокъ проснулся и сквозь слезы проговорилъ:

— *Guerlaude mѣ, Menine...*

— Послушай Жанъ, что это онъ говоритъ?..

Онъ хотѣлъ быть *guerlaudѣ*, но что значило это просто-народное слово?.. Жанъ протянулъ руку и началъ качать тяжелую люльку; вскорѣ ребенокъ успокоился и снова заснулъ, держа въ своей толстой ручкѣ его руку, предполагая, вѣроятно, что это рука Менины, умершей двѣ недѣли назадъ.

Ребенокъ этотъ напоминалъ собою дикую кошку, которая, поселившись въ домѣ, царапалась, кусалась, ѣла всегда отдѣльно отъ другихъ и ворчала, когда приближались къ ея тарелкѣ.

Нѣсколько словъ, произнесенныхъ ребенкомъ на тарабарскомъ языкѣ дровосѣвовъ, навѣрное никто бы не понялъ безъ помощи Гетема, бывшего родомъ изъ того же края.

Однако, съ помощью заботъ и кротости, его удалось наконецъ немножко приручить. Онъ согласился перемѣнить ломотья, въ которыхъ его привезли, на теплую и чистую одежду, одно приближеніе которой въ первые дни заставляло его кричать отъ ужаса... Крикъ этотъ походилъ на крикъ шакала, на котораго хотять надѣть покрывку левретки. Онъ научился ѣсть за столомъ, употребляя вилку и ложку, и на вопросъ: какъ его зовутъ, отвѣчалъ, что дома его звали Жозефомъ.

Объ обученіи, даже самомъ элементарномъ, нечего было и думать.

Выросши въ лѣсу, въ шалашѣ угольщика, среди шума и гула лѣсной природы, малютка обладалъ крѣпкимъ черепомъ, въ которомъ гулъ этотъ еще отдавался, словно шумъ моря въ спирали раковины; и не было никакой возможности вбить въ его голову что либо новое, точно также, какъ невозможно было удержать его въ комнатѣ даже въ самую скверную погоду.

Не смотря ни на дождь, ни на снѣгъ, онъ убѣгалъ изъ дому, бродилъ среди оголенныхъ и покрытыхъ инеемъ деревьевъ и кустарниковъ, отыскивая норы, въ которыхъ онъ рылся съ ловкостью и жестокостью хорька. Побуждаемый голодомъ, онъ возвращался домой въ своей разодранной фланелевой курточкѣ, и въ карманахъ его панталонъ, загрязненныхъ до самаго живота, можно было всегда найти какое нибудь полузадушенное или мертвое животное: птичку, крота или полевою мышь; иногда-же карманы его были набиты какими нибудь овощами, рѣпой или картофелемъ, выкопанными имъ въ огородѣ.

Ничто не могло побѣдить въ немъ этой наклонности къ хищничеству, которая усложнялась еще страстью, свойственною деревенскимъ мальчикамъ, закапывать въ землю всевозможные блестящіе предметы: мѣдныя пуговицы, бусы, свинцовую обертку отъ шоколада и проч.; все это Жозефъ собиралъ и, подобно сорокъворовѣ, пряталъ въ особые тайники.

Вся его добыча получала у него неопредѣленное и общее названіе *провизіи*; и ни увѣщанія, ни шлепки не могли заставить

его отказаться отъ собранія своей *провизии* во вредъ всему и всѣмъ.

Одни супруги Гетемà умѣли ограждать себя отъ него. Чертежникъ клалъ всегда возлѣ себя хлысть, которымъ и щелкалъ по ногамъ дикаря, лишь только тотъ, привлекаемый блескомъ циркулей и цвѣтными карандашами, начиналъ бродить слишкомъ близко около его стола. Но ни Жанъ, ни Фанни никогда не прибѣгали къ подобнымъ мѣрамъ, хотя ребенокъ оставался по отношенію къ нимъ все такимъ-же скрытнымъ, недовѣрчивымъ и дикимъ; даже нѣжныя ласки и баловство съ ихъ стороны не повели ни къ чему, точно его бабушка Менина, умирая, лишила его способности привязаться къ комунибудь другому. Фанни удавалось изрѣдка удержать его нѣсколько минутъ у себя на колѣняхъ, и то только потому, что „отъ нея хорошо пахло“; по отношенію-же къ Госсену, не смотря на его ласки, мальчикъ всегда оставался такимъ-же дикимъ звѣркомъ, какимъ пріѣхалъ, съ недовѣрчивымъ взглядомъ и выпущенными когтями.

Это непобѣдимое и почти инстинктивное отвращеніе ребенка, лукавство его голубыхъ глазенокъ съ рѣсницами, какъ у альбиноса, и въ особенности слѣпая и внезапная нѣжность Фанни къ этому ребенку, вдругъ вмѣшавшемуся въ ихъ жизнь,—смущали Жана новымъ подозрѣніемъ.

Можетъ быть, это ея ребенокъ, воспитанный у кормилицы или у мачихи? И смерть Машомъ, о которой онъ узналъ около этого времени, представляла совпаденіе, оправдывающее его безпокойныя подозрѣнія.

Часто ночью, когда онъ держалъ эту маленькую ручку, уцѣпившуюся за его руку, Жанъ спрашивалъ, въ порывѣ скрытнаго безпокойства:

— Откуда ты?... Кто ты?—Онъ словно надѣялся угадать тайну его рожденія по теплотѣ, сообщаемой ему тѣломъ маленькаго существа.

Но безпокойство его скоро исчезло, благодаря отцу Фанни, Леграну, который, придя просить помощи для уплаты за ограду на могилѣ своей покойной супруги и увидя люльку Жозефа, закричалъ своей дочери:

— Вотъ какъ! ребенокъ!... Ты, должно быть, довольна... Тебѣ никогда не удавалось обзавестись этимъ добромъ.

Госсенъ былъ такъ обрадованъ, что заплатилъ за ограду, не спрашивая даже счетовъ, и удержалъ Леграна обѣдать.

Отецъ Фанни служилъ теперь кучеромъ на конножелѣзной дорогѣ между Парижемъ и Версалемъ; весь пропитанный спиртомъ и уже тронутый апоплексіей, онъ все еще глядѣлъ бодрымъ и крѣпкимъ изъ подъ широкихъ полей своей лакированной шляпы, обвитой по случаю траура кускомъ крепа, который придавалъ ему видъ факельщика. Любезный пріемъ сожителя дочери очаровалъ стараго кучера и онъ сталъ время отъ времени являться къ нимъ обѣдать.

Его бѣлые, словно у полишинеля волосы, оттѣнявшіе опухлое лоснящееся лицо, манеры величайшаго пьяницы, уваженіе, оказываемое имъ своему кнуту, который онъ всегда ставилъ въ уголъ съ предосторожностями няньки, производили сильное впечатлѣніе на ребенка и вскорѣ старикъ и мальчикъ сдѣлались большими друзьями. Однажды, когда они всѣ вмѣстѣ кончали обѣдать, къ нимъ зашли Гетемà.

— Ахъ, извините... Мы помѣшали семейному обѣду, — жеманясь, сказала г-жа Гетемà. Эти слова оскорбили Жана до глубины души, и вся кровь бросилась ему въ голову.

Его семейство! Семейный обѣдъ! Этотъ найденышъ, который храпитъ, положивъ голову на скатерть; этотъ старый, раскисшій пьянчуга, съ трубкой въ зубахъ, хриплымъ голосомъ объясняющій въ сотый разъ, что кнуть, стоящій два су, служить ему шесть мѣсяцевъ, и что кнутовище онъ не мѣнялъ ни разу въ теченіе двадцати лѣтъ!... И это его семья!... Ну, нѣтъ! Это настолько же его семья, насколько можетъ назваться его женою Фанни Легранъ, постарѣвшая, истомленная, потертая, прокопченная табачнымъ дымомъ... Еще не пройдетъ и года, какъ все это исчезнетъ, какъ исчезаютъ изъ памяти мимолетныя встрѣчи за табльдотомъ во время путешествій.

Но по временамъ мысль объ отъѣздѣ, вмѣсто того, чтобъ успокоивать и ободрять, заставляла его чувствовать тѣ многочисленные узы, которыми онъ былъ связанъ со всѣхъ сторонъ. Ему предстоялъ разрывъ; не только съ этой маленькой дѣтской руч-

вой, протягивавшейся къ нему по ночамъ, но и со своей любимой иволгой, которая постоянно пѣла въ клѣткѣ, слишкомъ для нея тѣсной. Да, и эта птичка занимала свой маленькій уголокъ въ сердцѣ Жана, и онъ чувствовалъ, что безъ болп въ сердцѣ не сможетъ выбросить ее оттуда.

Тѣмъ не менѣе, разлука эта была неизбежна; она приближалась, и роскошный июнь,—этотъ праздникъ природы,—будетъ, вѣроятно, послѣднимъ мѣсяцемъ, который они проведутъ вмѣстѣ. Не эта-ли мысль дѣлала Фанни нервною и раздражительною, или, можетъ быть, причиной этого было обученіе Жозефа, которое она начала съ большимъ рвеніемъ, къ великому огорченію маленькаго дикаря, остававшагося по цѣлымъ часамъ передъ своей азбукой, не произнося ни слова. День ото дня, характеръ Фанни становился все несноснѣе. Она безпрестанно устраивала сцены и раздражалась криками и слезами, хотя Госсенъ старался быть снисходительнымъ. Но она сдѣлалась до того сварлива, въ ея гнѣвѣ проявлялось столько вражды и ненависти къ молодости любовника, къ его образованію, къ его роднѣ, и наконецъ къ той розни между ними, которая въ будущемъ должна была еще болѣе увеличиться, что въ концѣ концовъ онъ также выходилъ изъ себя и начиналъ отвѣчать ей тѣмъ-же.

Но гнѣвъ его все таки былъ умѣренный. Сдерживаемый деликатностью и состраданіемъ человѣка, хорошо воспитаннаго, онъ избѣгалъ наносить ей слишкомъ чувствительные удары, тогда какъ она, расхордившись, забывала всякія приличія и стыдъ, и дѣлала изъ гнѣва оружіе, которымъ поражала свою жертву, съ злобной радостью подкарауливая на его лицѣ проявленія страданій, причиняемыхъ ею. Затѣмъ, вдругъ она бросалась къ нему на шею, плакала и умоляла о прощеніи.

Интересное зрѣлище представляли лица супруговъ Гетемà, бывшихъ свидѣтелями этихъ ссоръ, которыя раздражались почти всегда за столомъ, во время обѣда. Они обмѣнивались взглядами испуга. Удастся-ли имъ спокойно поѣсть, или жаркое вылетитъ за окно вмѣстѣ съ блюдомъ и соусомъ изъ зеленыхъ бобовъ?...

— Пожалуйста, только безъ сценъ!... повторяли они каждый разъ, когда возникалъ вопросъ о будущемъ свиданіи. Съ этими-же словами они приняли предложеніе отправиться вмѣстѣ зав-

трахать въ лѣсъ,—предложеніе, которое Фанни сдѣлала имъ въ одно воскресенье.

— О, нѣтъ, сегодня никакихъ споровъ не будетъ, погода слишкомъ хороша!... И она побѣжала одѣвать мальчика и готовить корзины.

Все было готово и они собрались въ путь, когда почтальонъ принесъ денежный пакетъ. Это нѣсколько задержало Госсена; но онъ догналъ все общество у входа въ лѣсъ и сказалъ потихоньку Фанни:

— Это отъ дяди... Онъ въ восторгѣ отъ отличнаго урожая, проданнаго на корню... Онъ отсылаетъ восемь тысячъ франковъ Дешелета, съ тысячею благодарностей племянницѣ.

— Да, племянницѣ!... на гасконскій манеръ... старый хрѣтъ! сказала Фанни, не сохранявшая никакихъ иллюзій относительно дядюшекъ изъ южнаго края; затѣмъ она весело прибавила:

— Нужно будетъ какъ нибудь помѣстить эти деньги...

Онъ посмотрѣлъ на нее крайне изумленнымъ взглядомъ, такъ какъ она всегда была строга въ денежныхъ расчетахъ...

— Помѣстить?... но вѣдь эти деньги не твои...

— Да, въ самомъ дѣлѣ, я тебѣ не сказала. Она покраснѣла, бросивъ взглядъ, который всегда тускнѣлъ при малѣйшей лжи.—Этотъ добрякъ Дешелеть, узнавъ, что мы сдѣлали для Жозефа, написалъ мнѣ, чтобы эти деньги употребить на воспитаніе ребенка. Впрочемъ, если это тебѣ не нравится, я возвращу ему эти восемь тысячъ франковъ; онъ теперь въ Парижѣ...

Голосъ Гетемъ, изъ скромности ушедшихъ впередъ, раздавался вдругъ подъ деревьями:

— Направо или налево?

— Направо, направо... къ прудамъ! закричала Фанни; затѣмъ, обращаясь къ своему любовнику, прибавила:—Послушай, Жанъ, вѣдь не станешь же ты снова мучить и себя и меня изъ-за глупостей... Кажется, мы не первый мѣсяцъ живемъ вмѣстѣ, чортъ возьми!...

Она хорошо знала, что означаютъ блѣдность и дрожаніе губъ Жана, и тотъ вопросительный взглядъ, которымъ онъ съ ногъ до головы обвелъ мальчика; но на этотъ разъ это былъ лишь

слабый приступъ бѣшеной ревности. Онъ сталъ уже привыкать, и уступалъ ей ради сохраненія мира. «Зачѣмъ мнѣ мучить себя и стараться проникнуть въ самую сущность?... Если этотъ ребенокъ ея, то не удивительно, что она взяла его къ себѣ, скрывъ отъ меня истину, послѣ тѣхъ сценъ и допросовъ, которые я заставилъ ее вынести. Не лучше-ли спрочно, прожить тѣ нѣсколько мѣсяцевъ, которые намъ остается провести вмѣстѣ?»....

И глядя на него, медленно шагавшаго по холмистымъ дорожкамъ лѣса, съ тяжелою корзиною въ рукѣ, съ безропотнымъ и утомленнымъ видомъ, сгорбившагося подъ тяжестью ноши, — его можно было принять за старшаго садовника. Впереди шла Фанни съ мальчикомъ, который чувствовалъ себя крайне стѣсненнымъ своимъ новымъ, спитымъ по послѣдней модѣ, костюмомъ, мѣшавшимъ ему бѣгать. Въ свѣтломъ пеньюарѣ, съ открытой головой и шеей, Фанни двигалась лѣнивою походкой, закрываясь отъ солнца японскимъ зонтикомъ; изъ подъ широкаго пеньюара обрисовывалась ея ничѣмъ не стянутая, расплывшаяся талія, а среди ея прекрасныхъ волосъ бѣлѣла прядь сѣдины, которую въ послѣднее время она даже не старалась скрывать.

Впереди, нѣсколько ниже ихъ, въ гигантскихъ соломенныхъ шляпахъ, напоминающихъ шляпы вождей Туареговъ, медленно и ровною поступью, спускались супруги Гетемà: онъ, одѣтый въ красную фланелевую куртку, шель нагруженный разною провизіей, рыболовными снарядами, сѣтями, удочками, а жена, желая облегчить своего мужа, несла, перекинувъ черезъ плечо, охотничью сумку и рогъ, безъ которыхъ для чертежника никакая прогулка въ лѣсу была немыслима. Идя рядомъ, супруги пѣли:

J'aime entendre la game

Le soir battre les flots;

J'aime le cerf qui brame...

Репертуаръ Олимпіи былъ неистощимъ по части подобныхъ уличныхъ сантиментальныхъ пѣсенъ; и если вспомнить, гдѣ она научилась имъ и въ какой постыдной обстановкѣ пѣла ихъ мужчинамъ — спокойствіе мужа, вторившаго ей въ терцію, по истинѣ получало необычайное величіе. Извѣстное выраженіе гренадера подъ Ватерлоо: «Ихъ слишкомъ много...» должно было быть девизомъ философскаго хладнокровія этого человѣка.

Въ то время, когда Госсенъ въ задумчивости наблюдалъ, какъ тучные супруги уходили въ лощину, на дорогѣ слышался стукъ колесъ, сопровождаемый взрывами хохота и дѣтскими голосами; вдругъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, появилась англійская телѣжка, запряженная маленькимъ осломъ и нагруженная дѣвочками съ развѣвающимися волосами и лентами. Молодая дѣвушка, немного старше остальныхъ, вела за поводъ осла по трудной для проѣзда дорогѣ.

Было очевидно, что Жанъ принадлежалъ къ той странной компаніи, изъ числа которой, въ особенности, толстая дама съ охотничьимъ рогомъ черезъ плечо возбудила безконечную веселость въ этой молодежи; молодая дѣвушка старалась заставить замолчать дѣтей. Шляпа Туареговъ возбудила въ дѣвочкахъ еще большій хохотъ. Проходя мимо Жана, который долженъ былъ поосторониться, чтобъ пропустить телѣжку, дѣвушка застѣнчиво улыбнулась, улыбка выражала какъ бы просьбу объ извиненіи; она была удивлена красивымъ лицомъ Жана.

Онъ вѣжливо поклонился и почему-то покраснѣлъ, между тѣмъ телѣжка остановилась на пригоркѣ, гдѣ скрещивалось нѣсколько дорогъ, и откуда слышно было щебетаніе дѣтскихъ голосовъ, читавшихъ полустершіяся отъ дождя надписи на дорожномъ столбѣ: *Дорога къ прудамъ. Дубъ старшаго ловца. Оврагъ отдохновеній. Дорога въ Велизи...* Жанъ оглянулся и увидѣлъ, какъ въ зеленой аллеѣ, освѣщенной солнцемъ, скрылась телѣжка, наполненная счастливыми дѣвочками, раскраснѣвшими отъ веселаго смѣха.

Неистовый звукъ трубы Гетемà вдругъ вывелъ его изъ задумчивости. Все общество расположилось уже на берегу пруда и принялось выкладывать провизію; издали видно было, какъ отражалась въ свѣтлой водѣ бѣлая скатерть, разостланная на травѣ, и красныя фланелевыя фуфайки, мелькавшія среди зелени, какъ костюмы пикеровъ.

— Идите же скорѣе... вѣдь омары въ вашей корзинѣ, кричалъ ему толстякъ.

— Вѣрно маленькая Бушери задержала тебя на дорогѣ?... раздражительно прибавила Фанни.

Жанъ вздрогнулъ при имени Бушера, которое сразу перенесло его въ Кастелэ, къ кровати его больной матери.

— Да, да, сказалъ чертежникъ, беря у него изъ рукъ корзину съ провизіей...

— Старшая, которая вела осла, это племянница доктора... дочь его брата, принятая имъ на воспитаніе. Лѣтомъ они живутъ въ Велизи... Она хорошенькая.

— Ну, ужь, хорошенькая! возразила Фанни: — скорѣй нахальная, чѣмъ хорошенькая.

И, разрѣзая хлѣбъ, она наблюдала за Жаномъ, стараясь казаться разсѣянной.

Г-жа Гетемà, съ важнымъ видомъ развертывая ветчину, сильно порицала обычай пускать молодыхъ дѣвушекъ однихъ бѣгать по лѣсу.

— Вы мнѣ скажете, что это англійская мода и что эта дѣвушка воспитывалась въ Лондонѣ... но что-жъ изъ этого... все таки неприлично...

— Да, но зато очень удобно для разныхъ приключеній!

— О! Фанни...

— Ахъ, извините! Я и забыла, что Жанъ еще вѣрить въ невинность...

— А что, не пора-ли завтракать?.. замѣтилъ Гетемà, начинавшій бояться возникновенія ссоры. Но Фанни не могла удержаться, чтобы не сказать всего, что она знала о свѣтскихъ дѣвушкахъ. А у нея былъ большой запасъ исторій по этой части... монастыри, пансіоны, какъ все это прекрасно!.. онѣ выходятъ оттуда истощенныя, слабыя, и съ отвращеніемъ къ мужчинѣ...

— И тогда-то даютъ ихъ вамъ въ жены!.. О, невинность! Какъ будто-бы есть невинныя! точно, принадлежа къ большому свѣту, дѣвушки не знаютъ, въ чемъ дѣло... По крайней мѣрѣ, что меня касается,—въ двѣнадцать лѣтъ мнѣ ужь нечему было учиться... да и вамъ тоже, Олимпія... не правда-ли?..

— Конечно... отвѣчала г-жа Гетемà, пожимая плечами; ее страшно безпокоила участь завтрака, такъ какъ Госсенъ начиналъ горячиться, доказывая, что есть дѣвушки разныхъ сортовъ, и что найдутся еще семьи....

— Ахъ, семи!... возразила Фанни съ видомъ презрѣнія, — толкуй мнѣ о нихъ... въ особенности хороша твоя...

— Замолчи!.. я запрещаю тебѣ говорить о ней...

— Невѣжа!

— Негодная тварь!... Слава Богу, что все это скоро кончится... Недолго еще мнѣ жить съ тобою....

— Да съ Богомъ! Убирайся хоть сейчасъ... очень буду рада!

Они оскорбляли другъ друга при ребенкѣ, который, лежа на животѣ, съ любопытствомъ наблюдалъ за ними; какъ вдругъ страшные трубные звуки, повторенные эхомъ, покрыли шумъ ихъ ссоры.

— Что, довольно?... Или вамъ еще хочется? закричалъ толстый Гетемъ, весь покраснѣвшій отъ натуги при извлеченіи звуковъ изъ трубы. Онъ не могъ найти другаго средства, чтобы заставить ихъ замолчать, и ждалъ въ угрожающей позѣ, приложивъ рогъ къ губамъ, готовый снова разразиться, при первыхъ признакахъ возобновленія ссоры.

IX

Обыкновенно ихъ ссоры не продолжались долго; онѣ исчезали подъ вліяніемъ музыки и заигрываній Фанни. Но на этотъ разъ Жанъ серьезно разсердился на нее и нѣсколько дней сразу ходилъ нахмурившись, храня все то же враждебное молчаніе; тотчасъ послѣ обѣда онъ усаживался за черченіе, стѣсываясь отъ всякихъ прогулокъ съ нею.

Онъ чувствовалъ стыдъ того униженія, въ которомъ жилъ, и какъ бы боязнь встрѣтиться еще разъ съ маленькой телѣжкой, поднимающейся на гору, и тою свѣтлою, молодою улыбкой, о которой онъ безпрестанно думалъ, — улыбкой, которая блѣднѣла, какъ сновидѣніе, и подобно декораціи, исчезающей при перемѣнахъ въ волшебной фееріи, становилась туманной, теряясь въ пространствѣ, и наконецъ исчезала... Но въ глубинѣ его сердца оставалась печаль, причину которой Фанни, какъ ей казалось, увидѣла, и рѣшилась провѣрить.

— Конечно, весело сказала она ему однажды, — я видѣла Дешелета и отдала ему деньги... Онъ также, какъ и ты, находитъ, что это болѣе прилично... но я не могу понять, почему... Ну, да

дѣло сдѣлано.... Потомъ, когда я останусь одна, онъ позаботится о
 рѣшѣннѣ... Доволенъ ты?... или все еще сердисься?..

И она разсказала ему о своемъ визитѣ въ улицу Рима, о своемъ
 удивленіи, когда она нашла тамъ, вмѣсто шумнаго и сумасброд-
 наго караванъ-сарая, переполненнаго сумашедшей толпой, тихій
 буржуазный домъ, въ который даже проникнуть было очень
 трудно. Тамъ нѣтъ больше праздниковъ и костюмированныхъ ба-
 ловъ. Объясненіе этой перемѣны заключается въ слѣдующихъ сло-
 вахъ, написанныхъ мѣломъ на дверяхъ мастерской какимъ-то при-
 хлопотелемъ, раздосадованнымъ, что его не приняли: *„заперто
 по случаю новой любви“!*

— И это правда, милый мой... По возвращеніи Дешелета,
 ему понравилась одна дѣвушка на скатингѣ, Алиса Дорэ. Онъ
 взял ее себѣ на мѣсяць, въ качествѣ хозяйки... Женщина очень
 милая, очень кроткая, словомъ, хорошенькій барашекъ... Они
 живутъ очень тихо... Я обѣщала, что мы навѣстимъ ихъ... Это
 заставить насъ забыть хоть на время звуки охотничьяго рога и
 барабаны... Но это все таки уморительно: этотъ философъ
 Дешелетъ со своими теоріями... Нѣтъ завтрашняго дня, нѣтъ
 сожалѣнія!.. О, я довольно таки посмѣялась надъ нимъ!..

Жанъ согласился отправиться къ Дешелету, котораго онъ не
 видѣлъ со времени ихъ встрѣчи въ кафе возлѣ Маделэны. Онъ
 очень удивился бы тогда, еслибы ему сказали, что онъ безъ от-
 вращенія станетъ посѣщать этого циничнаго и спѣсиваго любов-
 ника его любовницы, и сдѣлается почти его другомъ. Съ
 перваго визита онъ самъ удивлялся, чувствуя себя такъ легко,
 очарованный кротостью этого человѣка съ добрымъ дѣтскимъ
 смѣхомъ и ровнымъ расположеніемъ духа, которое не наруша-
 лось даже жестокими приступами болѣзни печени, заставлявшими
 терзать его лицо и окружавшими синевою его глаза.

Какъ понятна была та нѣжность, которую онъ внушала
 Дорэ, этой дѣвушкѣ съ длинными, мягкими и бѣлыми
 руками, безцвѣтною красотою блондинки, отличавшейся бѣлиз-
 ною своей фламандской кожи. Въ ней, во всей, замѣчался какой-то
 уютный отливъ; онъ видѣлся въ ея волосахъ и зрачкахъ,
 и въ ея рѣсницахъ, отливаясь блесками на ея кожѣ, даже
 на ея самыхъ ногтяхъ ея миньютюрныхъ рукъ.

Найденная Дешелетомъ на асфальтъ скатинга, среди грубаго и дерзкаго обращенія мужчинъ и клубовъ табачнаго дыма, она была удивлена и тронута вѣжливостью инженера. Она вновь почувствовала себя женщиною, вмѣсто несчастной самки, служащей для удовольствія мужчинъ; и когда на слѣдующій день утромъ, накормивъ ее хорошимъ завтракомъ и давъ нѣсколько лундоровъ, онъ собирался, согласно своимъ принципамъ, отправить ее,—ей сдѣлалось грустно; она такъ кротко и такъ нѣжно попросила его оставить ее у себя, что у него не хватило смѣлости отказать въ этомъ. Съ тѣхъ поръ, отчасти вслѣдствіе уваженія къ человѣческому достоинству своей любовницы, отчасти-же вслѣдствіе утомленія, онъ затворилъ свои двери на все время этого случайнаго медоваго мѣсяца, который онъ проводилъ въ своемъ лѣтнемъ дворцѣ. Такимъ образомъ, они жили весьма счастливо; она была окружена нѣжной предупредительностью, вовсе ей до того незнакомой; онъ жилъ сознаніемъ того счастья, которое доставлялъ этому бѣдному созданію, въ ея наивной признательности; къ тому же онъ впервые испытывалъ прелесть интимныхъ отношеній съ женщиною и таинственное очарованіе жизни вдвоемъ, при участіи доброты и нѣжности.

Мастерская въ улицѣ Рима послужила Госсену отвлеченіемъ отъ той низкой мѣщанской среды, въ которой онъ влачилъ жизнь мелкаго чиновника, находящагося въ незаконной связи съ женщиною. Ему нравился разговоръ Дешелета съ артистическими наклонностями, этого философа въ персидскомъ платьѣ, легкомъ и свободномъ, какъ его доктрины; онъ любилъ слушать рассказы о путешествіяхъ, которыя Дешелеть очерчивалъ въ краткихъ словахъ; и эти рассказы вполне гармонировали съ восточными драпировками, золочеными идолами Будды, бронзовыми химерами, со всею экзотической роскошью громадной залы, въ которой свѣтъ падалъ сверху, проникая чрезъ зеленую листву бамбука, смѣшавшуюся съ узорными вѣтвями папоротника и громадными листьями стрелицій, которыя, въ свою очередь, перемѣшивались съ тонкими и гибкими филодендронами, ищущими тѣни и влажности.

Въ особенности по воскресеньямъ, мастерская эта съ широ-

кимъ окномъ на пустынную улицу лѣтнаго Парижа, съ своимъ шумомъ листьевъ, запахомъ свѣжей земли и растеній,—казалась почти такою-же деревней, какъ Шавилль, но безъ звуковъ рога Гетемъ. Здѣсь обыкновенно не бывало никого чужаго. Однакоже, приѣхавъ однажды къ обѣду, Госсенъ и Фанни, при самомъ входѣ въ оранжерею, гдѣ пили *раку*, услышали оживленный разговоръ, который, казалось, велся съ большимъ одушевленіемъ. День склонялся къ вечеру.

— А я нахожу, доносились голоса, что пять лѣтъ заключенія въ *Мазасъ*, погубленная жизнь и потерянное имя составляютъ достаточную плату за безуміе и минутное увлеченіе страстью... Я подпишу ваше прошеніе, Дешелеть.

— Это Каудаль, прошептала Фанни, вся дрожа.

Другой голосъ отвѣчалъ съ рѣзкою сухостью отказа:

— Я ничего не желаю подписывать, не хочу имѣть ничего общаго съ этимъ мерзавцемъ...

— А это голосъ Лагурнери... И Фанни, прижимаясь къ своему любовнику, прошептала: — Уѣдемъ, если тебѣ непріятно ихъ видѣть...

— Почему-же?.. нисколько...

Въ самомъ дѣлѣ, онъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета относительно того впечатлѣнія, которое произведетъ на него встрѣча лицомъ къ лицу съ этими людьми, но онъ не хотѣлъ отступить передъ испытаніемъ, желая, быть можетъ, узнать настоящую степень той ревности, которая породила его низкую любовь.

— Пойдемъ! сказалъ онъ.

И они появились въ розоватомъ свѣтѣ потухающаго дня, освѣщавшаго еще лысыя головы и сѣдѣющія бороды друзей Дешелета; они лежали на низкихъ диванахъ вокругъ восточнаго столика, похожаго на скамью, на которомъ разставлены были рюмки, налитыя ликеромъ. Женщины поцѣловались.

— Вы знаете этихъ господъ, Госсенъ?—спросилъ Дешелеть, покачиваясь въ своемъ креслѣ-качалкѣ. Зналъ-ли онъ ихъ!.. Двухъ, по крайней мѣрѣ, изъ нихъ онъ зналъ хорошо, по цѣлымъ часамъ разсматривая ихъ портреты на выставкахъ знаменитостей. Какъ они заставляли страдать его! Какую ненависть и злобу чувствовалъ

онъ противъ нихъ, — злобу доходившую подчасъ до того, что готовъ былъ, при встрѣчѣ съ ними на улицѣ, броситься на нихъ и изгрызть имъ лицо!.. Но Фанни говорила правду, что это пройдетъ; теперь для него это были лица знакомыхъ, почти родственниковъ, дальнихъ дядюшекъ, которыхъ онъ снова встрѣтилъ.

— Все также красивъ юноша!.. сказалъ Каудаль, растянувшись всѣмъ своимъ гигантскимъ тѣломъ и держа надъ глазами маленькій абажуръ, чтобъ защитить ихъ отъ свѣта...

— А, ну, посмотримъ-ка, что Фанни...

Онъ приподнялся на локтѣ, прищурилъ глаза съ видомъ знатока и продолжалъ:

— Лицо еще держится... но талія... ты хорошо дѣлаешь, что шнуруешься... Впрочемъ, утѣшься, дочь моя: Лагурнери еще толще тебя...

Поэтъ презрительно закусилъ свои тонкія губы. Сидя по турецки на кучѣ подушекъ, — со времени путешествія въ Алжиръ, онъ увѣрялъ, что не можетъ сидѣть иначе, — откормленный и страшно тучный, безъ тѣни интеллигентности въ лицѣ, за исключеніемъ большаго лба, прикрытаго цѣлымъ лѣсомъ бѣлыхъ волосъ, со своимъ жесткимъ взглядомъ торговца неграми, онъ относился къ Фанни съ преувеличенною свѣтскою вѣжливостью, какъ бы желая этимъ дать урокъ Каудалу. Два пейзажиста съ загорѣлыми деревенскими лицами дополняли общество. Они также знали любовницу Жана и младшій изъ нихъ сказалъ, пожимая ей руку:

— Дешелеть разсказалъ намъ исторію съ ребенкомъ; вы поступили очень хорошо, моя милая...

— Да, сказалъ Каудаль Госсену — усыновленье это прекрасная вещь... это чисто по парижски...

Она, казалось, стѣснялась этими похвалами. Вдругъ въ темной мастерской кто-то наткнулся на мебель и чей-то голосъ спросилъ: „Никого нѣтъ?“

— Это Эзано, сказалъ Дешелеть.

Жанъ никогда не видалъ его, но онъ зналъ, какое мѣсто занималъ въ жизни Фанни этотъ фантазеръ, сдѣлавшійся теперь порядочнымъ человекомъ, такъ какъ уже былъ женатъ и служилъ начальникомъ отдѣленія въ министерствѣ изящныхъ ис-

чувствъ... И Жанъ вспомнилъ связку его страстныхъ писемъ къ Фанни.

Появился маленькій человѣчекъ, морщинистый, высокій, съ натынутыми манерами; онъ протянулъ руку издали, и вслѣдствіе привычки говорить съ каеэдры по своимъ административнымъ обязанностямъ, всегда держалъ людей въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ себя. Онъ очень удивился, встрѣтивъ Фанни у Дешелета и найдя ее все еще красивую послѣ многихъ лѣтъ.

— Ба! Сафо! вскрикнулъ онъ и мимолетный румянецъ вспыхнулъ на его щекахъ.

Это имя Сафо, напоминавшее ей прошлое и сближавшее ее съ прежними любовниками, произвело нѣкоторое смущеніе.

— А вотъ господинъ д'Арманди, привезшій намъ ее, живо сказалъ Дешелеть, желая предупредить вновь пришедшаго. Эзано поклонился. Всѣ начали разговаривать. Фанни, успокоенная видомъ Жана, съ которымъ онъ относился ко всему происходящему, и гордясь имъ, его красотой, его молодостью передъ этими артистами-знатоками, была очень весела, и—какъ говорится—въ ударѣ.

Вся преданная своей настоящей страсти, она едва припоминала свои связи съ этими чюдьми, хотя связи сопровождались совмѣстнымъ сожительствомъ въ теченіе цѣлыхъ годовъ, и отпечатокъ привычекъ и наклонностей, приобретаемыхъ посредствомъ постоянного соприкосновенія, не успѣлъ еще изгладиться. У Фанни, напримѣръ, сохранилась привычка свертывать папиросы, заимствованная ею у Эзано, точно также, какъ предпочтеніе, оказываемое ею табуку-мариланду.

Жанъ безъ малѣйшаго волненія замѣтилъ эту маленькую подробность, которая въ прежнее время привела бы его въ отчаяніе; теперь-же, увѣренный въ себѣ, онъ испытывалъ радость заключеннаго, подпилившаго свою цѣпь и знающаго, что малѣйшаго усилія достаточно для его бѣгства.

— Что, моя бѣдная Фанни, — сказалъ Каудаль насмѣшливымъ голосомъ, указывая ей на другихъ: — какое разрушеніе!... Только мы еще двое держимся.

Фанни расхохоталась.

— Ну, извините, полковникъ,—его иногда такъ называли ра-

ди его длинныхъ усовъ, —это несовсѣмъ одно и тоже... Мы съ вами не одного призыва...

— Каудаль всегда забываетъ, что онъ принадлежитъ къ числу предковъ, сказалъ Лагурнери, замѣтивъ движеніе скульптора, очевидно задѣтаго за живое:

— А твоя медаль 1840 года! вскрикнулъ тотъ пронзительнымъ голосомъ... Это порядочная старина, мой любезнѣйшій.

Между двумя этими старыми пріятелями всегда господствовалъ какой-то задорный тонъ, какая-то глухая антипатія, которая хотя и не порождала разрыва между ними, но проглядывала постоянно въ ихъ взглядахъ и даже въ самыхъ пустыхъ словахъ. Это длилось уже въ теченіе двадцати лѣтъ, съ того самаго дня, когда поэтъ похитилъ любовницу у скульптора. Въ настоящее время, Фанни уже не играла тутъ никакой роли; какъ тотъ, такъ и другой испытали уже инья наслажденія, инья неприятности, но взаимная ненависть осталась, становясь съ годами все болѣе и болѣе глубокою.

— Посмотрите-ка на насъ обоихъ и скажите откровенно. кто изъ насъ болѣе похожъ на предка...

Обтянутый въ пиджакъ, выказывавшій его мускулы, Каудаль выпрямился, выставивъ грудь, и потрясъ своей гривой, въ которой не было замѣтно ни одного сѣдаго волоса.

— Да, я получилъ медаль въ 1840 году... черезъ три мѣсяца мнѣ стукнетъ пятьдесятъ восемь лѣтъ... ну, такъ что же изъ этого?.. развѣ года дѣлаютъ старикомъ?... Это только во Французской Комедіи да въ консерваторіи мужчины въ шестьдесятъ лѣтъ никуда не годятся: съ дрожащей головой, сгорбленные, шатающіеся на разслабленныхъ ногахъ, они страдаютъ всѣми старческими причудами. Въ шестьдесятъ лѣтъ—чортъ возьми!— ходятъ иногда прямѣе, чѣмъ въ тридцать, если только наблюдаютъ за собою; и женщины любятъ насъ, лишь бы сердце оставалось молодымъ и жаръ его согрѣвалъ и поддерживалъ всю остальную фигуру...

— Ты думаешь? прервалъ его Лагурнери, смотря на Фанни съ злою усмѣшкой. А Дешелетъ прибавилъ съ своей добродушной улыбкой:

— Однако ты-же самъ постоянно твердишь, что ничего нѣтъ лучше молодости... Ты сбился, кажется...

— Это маленькая Кузинарь заставила меня перемѣнить мнѣніе... Кузинарь—это моя новая натурщица... Всего восемнадцать лѣтъ, вездѣ округленія и ямочки, настоящій Клодіонъ... И притомъ кабая простота! въ полномъ смыслѣ слова народный типъ; она прямо съ рынка, гдѣ ея мать торгуетъ дичью... У нея вырываются иногда такія глупенькія слова, что просто такъ и хочется разцѣловать ее за нихъ... На дняхъ въ мастерской находитъ она романъ Дежуа, смотритъ на заглавіе: *Тереза*, и бросаетъ его съ милой гримаской: „Еслибъ это называлось *Бѣдная Тереза*, я бы цѣлую ночь готова была читать!“ Я просто безъ ума отъ нея.

— Ну вотъ, значить, ты снова какъ бы женатъ?... замѣтилъ Дешелеть.—А черезъ шесть мѣсяцевъ снова разрывъ, снова начнутся слезы, отвращеніе къ работѣ, озлобленіе на всѣхъ... Лобъ Каудала нахмурился.

— Да, это правда, ничто не вѣчно подъ луною... Люди сходятся и расходятся...

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же сходятся?

— Ну, а мы?... Что жъ ты думаешь, что вѣкъ проживешь со своею фламандею!...

— О! мы другое дѣло, мы не живемъ по семейному... не правда-ли, Алиса?

— Конечно, отвѣчала кроткимъ и разсѣяннымъ голосомъ молодая женщина, влѣзшая на стулъ, чтобы нарвать глициній и зелени для букета къ обѣду. Дешелеть продолжалъ:

— Между нами не будетъ разрыва, мы просто разойдемся... Мы заключили условіе провести вмѣстѣ два мѣсяца; въ послѣдній день срока мы разстанемся безъ отчаянія и неожиданностей... Я возвращусь въ Испаганъ,—я взялъ уже мѣсто въ спальномъ загонѣ,—а Алиса вернется въ свою маленькую квартиру въ лицѣ Лабрюеръ, которая все еще считается за нею.

— Въ четвертомъ этажѣ, самая удобная для того, кто захочетъ выброситься изъ окна!

Говоря это, молодая женщина улыбалась. При наступающихъ сумеркахъ, она казалась ясною и веселою, съ большою

связкою цвѣтовъ въ рукахъ; но тонъ, которымъ она произнесла эти слова, былъ такъ глубокъ, такъ серьезенъ, что никто ей не отвѣтилъ. Вѣтеръ свѣжѣлъ, домъ по другую сторону улицы казался, выросъ.

— Пойдемте обѣдать,—закричалъ полковникъ,—и станемъ говорить о вещахъ болѣе веселыхъ...

— Да, да, *gaudeamus igitur*... станемъ веселиться, пока мы молоды; не такъ-ли Каудаль?... сказала Лагурнери со смѣхомъ звучавшимъ какъ-то фальшиво.

Черезъ нѣсколько дней, Жанъ снова проходилъ по улицѣ Рима; мастерская была заперта, большая тиковая занавѣсъ опущена, вездѣ, отъ подваловъ до кровли, царствовала полная тишина. Значитъ, Дешелеть уѣхалъ таки въ назначенный часъ срокъ договора его съ Алисою истекъ. И Жану думалось: „Хорошо тому, кто можетъ поступать согласно своей волѣ, кто умѣетъ подчинять себѣ и разсудокъ и сердце... Хватить-ли меня когданибудь на это силы?...“

Кто-то дотронулся до его плеча:

— Здравствуйте, Госсень!...

Дешелеть, съ утомленнымъ видомъ, болѣе желтый и пашурный чѣмъ обыкновенно, объяснилъ ему, что онъ еще не уѣзжаетъ, будучи задержанъ въ Парижѣ нѣкоторыми дѣлами; живеть онъ теперь въ Грандъ-Отелѣ, такъ какъ мастерская внушаетъ ему отвращеніе со времени этой страшной исторіи...

— Какой исторіи?

— Да, правда, вы не знаете... Алиса умерла... Она убила себя... Подождите меня, я только посмотрю, нѣтъ-ли мнѣ еще семь...

Онъ почти тотчасъ же возвратился и, срывая нервнымъ движениемъ пальцевъ бандероли съ газетъ, началъ рассказывать глухимъ голосомъ, словно въ сонambuлизмѣ, не глядя на Госсена, шедшаго рядомъ съ нимъ:

— „Да, она убила, выбросилась изъ окна, какъ говоришь при васъ, тогда вечеромъ... Что жъ дѣлать?... я не зналъ, да; не могъ подозрѣвать... Въ тотъ день, когда я долженъ былъ уѣхать, она сказала мнѣ совершенно спокойно: „Возьми меня съ собою, Дешелеть... не оставляй меня одинокою... я не мо“

больше жить безъ тебя...“ Я только смѣялся этому. Представьте вы меня съ женщиною, тамъ, у Курдовъ... среди пустыни... ночи на бивакѣ...

„За обѣдомъ она мнѣ еще повтoряла: „Я тебя не стѣсню, ты увидишь, какая я буду невзыскательная“... Затѣмъ, видя, что мнѣ это непріятно, она перестала настаивать... Вечеромъ мы поѣхали въ театръ Варіетэ, въ бенуарь... Все это было заранѣе условлено.

„Она казалась довольною, все время держала меня за руку и шептала: „Какъ мнѣ хорошо!...“ Такъ какъ я долженъ былъ уѣхать ночью, то отвезъ ее въ каретѣ на ея квартиру; дорогою мы оба были печальны и не говорили другъ съ другомъ. Она даже не поблагодарила меня за небольшой свертокъ, который я всунулъ ей въ карманъ, чтобы она имѣла возможность прожить спокойно годъ или два. Пріѣхавъ въ улицу Лабрюеръ, она просила меня зайги къ ней... Я не хотѣлъ. „Прошу тебя, проводи меня хоть до дверей,“ взмолилась она. Я, наконецъ, согласился и поднялся вмѣстѣ съ нею въ четвертый этажъ, но здѣсь я собрался съ силами и положительно отказался войти къ ней.

„Мѣсто на желѣзной дорогѣ было уже для меня взято, вещи уложены, и сверхъ того я слишкомъ часто повторялъ, что я уѣду.

„Спускаясь съ лѣстницы, нѣсколько грустный, я слышалъ какъ она мнѣ что-то кричала, какъ будто: „...скорѣе, чѣмъ ты...“ но понялъ я эти слова только внизу, на улицѣ... О!...“

Онъ остановился, опустивъ глаза предъ ужаснымъ видѣніемъ, представлявшимся ему теперь на каждомъ шагу: темная неподвижная масса, лежавшая на тротуарѣ и хригѣвшая въ агоніи...

— Она умерла черезъ два часа, не произнеся ни слова, не жалуясь, глядя на меня своими золотистыми глазами. Страдала ли она? узнала ли она меня?... не знаю.... Мы положили ее, совсѣмъ одѣтую, на кровать, обернувъ ей голову съ одной стороны большою кружевною мантилею, чтобы прикрыть проломленный черепъ. Страшно блѣдная, съ нѣсколькими каплями крови на вискѣ, она была еще такъ хороша, такъ кротка.... Но когда я наклонился, чтобы стереть эту постоянно появляющуюся каплю крови, мнѣ показалось, что ея взглядъ принялъ выраженіе не-

годованія и ужаса.... Это было какъ бы нѣмое проклятіе, посылаемое мнѣ несчастною... И въ самомъ дѣлѣ, что мнѣ стоило остаться съ ней еще нѣкоторое время, или увести ее съ собою, готовую на все и такъ мало меня стѣснявшую?... Но нѣтъ... гордость, упрямство, ради разъ сказаннаго слова... И вотъ, я не уступилъ и она умерла, умерла по моей милости, а я ее любилъ одинаково...

Онъ началъ волноваться и говорить такъ громко, что на него съ удивленіемъ смотрѣли прохожіе, съ которыми онъ ставивался, проходя по Амстердамской улицѣ; а Госсенъ, поровнявшись съ своей прежней квартирой и замѣтивъ ея балконъ, мысленно перенесся къ Фанни, и, вспомнивъ ихъ собственную исторію, почувствовалъ дрожь; въ это время Дешелеть продолжалъ:

— Я одинъ проводилъ ее на Монпарнаское кладбище, безъ друзей, безъ родныхъ... Я хотѣлъ одинъ отдать ей послѣдній долгъ... И вотъ, съ тѣхъ поръ я все еще здѣсь, постоянно думаю объ одномъ и томъ-же, не рѣшаясь уѣхать съ этой гнетущей меня мыслью и убѣгая изъ своего дома, въ которомъ такъ счастливо провелъ съ нею два мѣсяца... Я почти все время на улицѣ, бѣгаю, стараюсь разсѣяться, скрыться отъ этого мертваго глаза, какъ бы осуждающаго меня изъ-подъ стекающей струйки крови...

И остановавъ, терзаемый угрызеніемъ совѣсти, съ крупными слезами, катившимися по его щекамъ, этотъ добрякъ, столь любившій жизнь, продолжалъ:

— Послушайте, любезный другъ, вѣдь я однако жъ не золъ... Но тѣмъ не менѣе это ужасно, — то что я сдѣлалъ!...

Жанъ старался угѣшить его, взвалить все на случай, на судьбу; но Дешелеть, качая головою, со стиснутыми зубами, повторялъ:

— Нѣтъ, нѣтъ... Я никогда не прощу себѣ... Мнѣ бы хотѣлось наказать себя...

Эта жажда искупленія не покидала его. Онъ говорилъ объ ней всѣмъ своимъ друзьямъ; заговорилъ и съ Госсеномъ, за которымъ зашелъ однажды въ министерство.

— Ну, перестаньте-же, Дешелеть... Путешествуйте, работайте, это васъ развлечетъ, повторялъ ему Каудаль и другіе, нѣ-

сколько тревожась его неотступною мыслью и тою настойчивостью, съ которою онъ заставлялъ повторять ихъ, что онъ не былъ злымъ.

Наконецъ, однажды вечеромъ, потому-ли, что онъ хотѣлъ еще разъ увидѣть свою мастерскую, передъ отъѣздомъ, или полная рѣшимость покончить съ собою привела его туда, но онъ вернулся въ свой домъ, а утромъ рабочіе, отправляясь на работу, подняли его съ расколотымъ черепомъ на тротуарѣ, возлѣ его подъѣзда. Онъ покончилъ съ собою также, какъ и его любовница, выбросившись на улицу съ такою-же отчаянною рѣшимостью.

Въ полусвѣтѣ мастерской толкалась громадная толпа художниковъ, натурщицъ и актрисъ; здѣсь были всѣ танцоры и гости его послѣднихъ праздниковъ. Раздавался легкій шумъ шаговъ и шопотъ, напоминавшій часовню при тускломъ пламени горящихъ свѣчей.

Съвозъ лианы и зелень виднѣлось тѣло, положенное на низкомъ шолковомъ диванѣ, украшенномъ золотымъ питьемъ. Онъ лежалъ, вытянувшись во всю длину; страшная рана на головѣ была прикрыта чалмою и бѣлыя руки его были протянуты впередъ, какъ бы съ жестомъ всепрощенія. Его окоченѣвшій трупъ лежалъ на томъ-же низкомъ диванѣ, окруженномъ глициніями, на которомъ Госсенъ впервые познакомился съ Фанни на балу.

(Окончаніе будетъ).

Опытъ жизни.

Не брильянтъ потеряла я цѣнный,
Не рубинъ, не алмазъ дорогой,—
Я утратила даръ несравненный—
Вѣрить честности, правдѣ людской!...

* *
*

Было время,—мнѣ вѣрилось свято
Благодетству и дружбѣ людей;
А теперь,—моя вѣра помята,
Какъ цвѣтокъ средь осеннихъ полей!...

* *
*

Дорогой и тяжелой цѣною
Жизни я за уроки плачу!
Безъ пощады она предо мною
За мечтой разбиваетъ мечту!...

* *
*

Что же дастъ мнѣ она въ воздаянъе
За повергнутый въ прахъ мой еумиръ?
Чѣмъ замѣнить мои упованья,
Чѣмъ наполнить мой внутренний миръ?!...

* *
*

Трудно опытъ житейскій дается,—
Все не хочется вѣрить ему!
По неволѣ въ душѣ остается
Недовѣрье ко всѣмъ и всему...

* *
*

По неволѣ она холодѣетъ
И на жизнь ужъ иначе глядитъ,—
Съ каждымъ годомъ все больше черствѣетъ,
Разучается вѣрить, любить!...

А. —ва.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ПИСЬМА.

Бѣглый взглядъ на прошлое и настоящее французскаго духовенства.—Прелести деспотическаго церковнаго режима.—Система террора.—Неограниченный произволь духовныхъ главъ.—Прискорбные результаты.—Низкій нравственный уровень теперешнихъ служителей алтара.—Ихъ невѣжество.—Омраченіе юношества клерикальною школою.—Сатира на свѣтское обученіе.—Преступность духовныхъ наставниковъ.—*Attentats à la pudeur*.—Образчикъ церковной проповѣди.—Профанация религіи.—Торговля мессами.—Тяжба аббатовъ въ коммерческомъ судѣ.—Отрывокъ изъ одного романа.—Газета — «*Echo du Purgatoire*». — Общество страхованія отъ забвенія послѣ смерти.—Железныя дороги на небо.—«Путеводители» по этимъ дорогамъ. — Общее заключеніе.

Въ одномъ изъ безчисленнаго множества литературныхъ произведеній, — брошюръ, мемуаровъ, памфлетовъ, летучихъ листовъ и т. д., относящихся къ агитаціонной эпохѣ 1788—89 годовъ и обращавшихся тогда среди представителей низшаго французскаго духовенства, мы находимъ слѣдующее краснорѣчивое, исполненное страсти и негодованія, воззваніе къ священникамъ: «Когда-же, наконецъ, вы перестанете трепетать и пресмыкаться передъ вашими епископами?! Вѣдь вы стали притчею во языцѣхъ для всей Европы, предметомъ жалости и презрѣнія для остальной Франціи!.. Пробуждайтесь-же отъ своего позорнаго сна и становитесь свободными!.. Никогда, никогда я не въ состояніи буду повѣрить, чтобы люди, хоть разъ въ жизни прочитавшіе нѣсколько страницъ изъ нашихъ безсмертныхъ писаній о правахъ челоуѣка и гражданина, безъ гнѣвнаго негодованія могли выносить даже мысль о томъ, что ихъ можетъ угнетать, давить, топтать въ грязь горсть людей, чуждыхъ ихъ провинціи, сплошь и рядомъ чуждыхъ даже королевству, обязанныхъ своимъ положеніемъ интригамъ въ Версалѣ и держащихся на своихъ мѣстахъ, благодаря жадному корыстолюбію Рима»... («*Exhortation pressante aux trois Ordres de la province de Languedoc*», 1789). «Пора, давно пора, чтобы кюре перестали быть паріями въ политическомъ отношеніи,—читаемъ мы въ другой брошюрѣ. Нужно, безотлагательно нужно, чтобы они вступили въ обладаніе гражданскими правами и

вышли изъ подъ ига епископовъ»... («Conseils au clergé de Provence», 1789).

Все это писалось и говорилось забитымъ, угнетеннымъ, безправнымъ служителямъ алтаря наканунѣ крушенія стараго режима во Франціи. Прошло съ того времени около ста лѣтъ, Франція пережила цѣлый рядъ революцій, перемѣнила десятка полтора конституцій и правительствъ, прочно установила наконецъ республику, во многомъ покончила счеты со старымъ, заложила фундаментъ для истинно-демократическихъ учреждений... И что же? Измѣнилось-ли къ лучшему, за эти сто лѣтъ, положеніе массы французскаго духовенства? Сдѣлались-ли скромные служители алтаря «людьми» и «гражданами», какъ объ этомъ мечтали ихъ предшественники конца прошлаго вѣка, затронутые вѣявшимъ тогда духомъ соціального обновленія? Перестали-ли они быть «паріями» въ политическомъ и общественномъ отношеніи? Удалось-ли имъ выбиться изъ-подъ гнета епископовъ-депутатовъ?.. Отвѣтомъ на эти и имъ подобные вопросы могутъ служить горькія жалобы и скорбныя сѣтованія современныхъ французскихъ пастырей церкви, приходящихъ къ тому безотрадному заключенію, что переворотъ 1789 года прошелъ для нихъ почти совершенно безслѣдно, что освободительныя вѣянія новаго времени не коснулись ихъ среды, что они по прежнему страдаютъ отъ насилія и произвола своихъ главъ, по прежнему являются беззащитными жертвами деспотическаго режима, сохранившагося въ нѣдрахъ церкви во всей своей неприкосновенности... Правда, священниковъ, неугодныхъ епископу или навлекающихъ на себя немилость вліятельныхъ свѣтскихъ лицъ, не дерутъ теперь плетью, какъ это случалось иногда въ «доброе» старое время; правда, на ихъ головы не сыплются теперь, какъ изъ рога изобилія, позорной памяти «lettres de cachet», отдавашія въ былое время ихъ судьбу въ руки перваго встрѣчнаго проходимца; правда, теперь уже вывѣтрились и рассыпалсь въ прахъ мрачныя стѣны прежнихъ бастилій, въ которыхъ современники «савойскаго викарія» цѣлыми годами, иногда всю свою жизнь, могли въ уединеніи предаваться размышленіямъ о томъ, какъ опасно не гнуть покорно спины даже передъ самымъ ничтожнымъ представителемъ привилегированныхъ, правящихъ классовъ... Но, въ сущности, священники выиграли отъ этого очень немного: для нихъ только слегка измѣнились формы угнетенія, духъ-же системы остался прежнимъ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ получилъ, пожалуй, даже боѣе рѣзкое выраженіе. Прислушайтесь внимательно къ тому, что говорятъ о своемъ положеніи лучшіе изъ современныхъ французскихъ священниковъ, да загляните въ знаменитыя, наполненныя жалобами и требованіями, «cahier» духовенства, предназначавшіяся для національнаго собранія 1789 г., — и вы будете поражены тѣмъ, до какой степени католическая церковь съумѣла уберечься отъ всякихъ новшествъ. Тотъ же языкъ, тѣ же

мотивы жалобъ и сѣтованій, только тонъ иной: дореволюціонное духовенство въ большинствѣ случаевъ говорило въ своихъ «*saliers*» смѣло, рѣшительно, энергично, чего никакъ нельзя сказать о современномъ духовенствѣ, отвыкнувшемъ отъ членораздѣльной рѣчи. Но если не обратить вниманія на разницу въ тонѣ,—разницу, совѣмъ не въ пользу настоящаго,—то иллюзія выйдетъ полная: вамъ можетъ показаться, что въ лицѣ теперешняго кюре ожилъ современникъ аббата Грегуара и Сіейса... Замѣтимъ здѣсь къ слову, что такая неподвижность формъ, такая неподатливость на измѣненія являются очень дурнымъ симптомомъ для католицизма. Все живое, способное къ развитію и прогрессу, какъ извѣстно, непрерывно измѣняется, обновляется, приспособляясь къ постоянно мѣняющимся условіямъ среды. Если же католицизмъ цѣлыми столѣтіями пребываетъ, такъ сказать, въ стаціонарномъ состояніи, оказывается неспособнымъ къ приспособленію, то это несомнѣнно свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что духъ жизни давно уже отлетѣлъ отъ него.

Мы только что сказали, что слѣдуетъ прислушиваться къ голосу временнаго низшаго духовенства. Сдѣлать это однако же не легко, такъ какъ духовенство боится открыто и свободно говорить о своемъ положеніи. Изъ рядовъ его, въ которыхъ насчитывается теперь свыше 10,000 членовъ,—мы пока говоримъ только о бѣломъ духовенствѣ,—ромъ епископскихъ посланій и шаблонныхъ проповѣдей въ церквяхъ, не раздается почти ни одного громкаго звука, по которому можно было-бы судить о томъ, что происходитъ въ нѣдрахъ церкви, и составить себѣ хотя приблизительное понятіе о настроеніи массы кюре, о стремленіяхъ и упованіяхъ послѣднихъ. Безмолвіе это обуславливается истемою террора, которая въ самомъ зародышѣ душистъ малѣйшее рожденіе критики существующихъ отношеній, малѣйшій протестъ противъ непригляднаго *status quo*. Либеральный священникъ, рискующій только заикнуться о злоупотребленіяхъ и неправдахъ despoticкаго церковнаго режима, можетъ быть увѣренъ, что на голову его тотчасъ-же обрушатся епископскіе громы и молніи, защититься въ которыхъ онъ совершенно безсиленъ. Чтобы принудить дерзкаго къ молчанію, въ большинствѣ случаевъ достаточно бываетъ удалить его съ занимаемаго имъ мѣста, перевести въ какой нибудь медвѣжій уголъ, заставить извѣдать прелести административной ссылки, что обыкновенно и практикуется. Аббатъ Рейнуаръ, доведенный въ 1878 г. епископомъ марсельскимъ до крайней степени нищеты, аббатъ Оливь, брошенный въ одинъ изъ самыхъ глухихъ приходоу Безьера; авторъ памфлета: «*Pourquoi le clergé français est-il ultramontain?*» вычеркнутый изъ списковъ духовенства города Парижа и обреченный на голодъ, — могутъ, въ числѣ множества другихъ жертвъ епископскаго произвола, служить живыми примѣрами того, какъ опасно бываетъ французскому священнику «смѣть свое сужденіе. *Google*» и

пытаться выражать это сужденіе публично. При такихъ условіяхъ, ему остается только терпѣть и молчать или же говорить, прибѣгая къ помощи иностранной духовной прессы и тщательно прикрываясь анонимомъ.

Однимъ изъ такихъ анонимныхъ произведеній является письмо неизвѣстнаго французскаго священника, напечатанное недавно въ англійскомъ журналѣ «Modern Review» и трактующее о современномъ состояніи католицизма во Франціи. Письмо это чрезвычайно любопытно и во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Авторъ его, по всѣмъ видимостямъ — человѣкъ весьма почтенный, близко знакомый съ условіями жизни французскаго духовенства, вполне компетентный въ вопросахъ, касающихся католической церкви; говорить онъ въ тонѣ спокойномъ, языкомъ, полнымъ достоинства и умѣренности. Все это, взятое вмѣстѣ, въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что письмо напечатано на страницахъ одного изъ наиболее уважаемыхъ печатныхъ органовъ Англій, свидѣтельствуетъ намъ въ пользу правдивости автора письма, которое, въ виду вынужденнаго безмолвія католическихъ священниковъ Франціи, является весьма цѣннымъ документомъ, проливающимъ яркій свѣтъ на внутреннія отношенія во французской католической церкви.

Указавъ на упомянутую уже нами выше систему террора, огни-мающую у низшихъ представителей французскаго духовенства возможность апеллировать къ обществу, анонимный авторъ письма горестно восклицаетъ: «Что-же намъ остается дѣлать, чтобы голосъ нашъ былъ услышанъ?!». Изолированная попытка свободно говорить или писать приводитъ только къ тому печальному результату, что надъ авторами ихъ немедленно-же разражается епископское мщеніе. Обратиться съ петиціею въ парламентъ?.. Но... на тысячу священниковъ, раздѣляющихъ мои взгляды и мнѣнія, не найдется и десяти, которые согласились бы ее подписать. Да къ тому-же, на сборщика подписей не замедлили-бы донести и онъ испыталъ-бы на себѣ силу епископскаго гнѣва, гораздо раньше, чѣмъ ему удалось бы получить даже половину немногихъ обѣщанныхъ подписей...» Положеніе, какъ видитъ читатель, совершенно безвыходное, если только подавленный произволомъ священникъ не рѣшится сойти съ почвы законности.

Одна изъ главнѣйшихъ причинъ тяжелой конституціональной болѣзни, подтачивающей и разрушающей французскую церковь, заключается въ конкордатѣ, который на мѣсто каноническихъ правилъ, регулировавшихъ внутреннія церковныя отношенія, поставилъ добрую волю, — другими словами, произволъ епископовъ. Да еслибы еще эти послѣдніе подчинялись конкордату!.. А то они, признавая его въ теоріи, на практикѣ знать его не хотятъ. Тамъ напримѣръ, конкордатъ предписываетъ, чтобы кандидаты на священническія мѣста подвергались конкурсному испытанію и чтобы самый конкурсъ производился передъ

заменаціонною комисією, ежегодно избираемою всѣмъ духовенствомъ ннаго діоцеза; епископъ-же имѣеть только право выбирать кандидатовъ по списку, составленному экзаменаторами. Таковъ законный ть замѣщенія вакантныхъ мѣстъ; но законъ этотъ во всѣхъ безъ включенія епархіяхъ остается мертвою буквою. Епископъ обыкновенно мѣ, не спрашиваясь никакихъ комисій, назначаетъ того, кто ему пѣль понравится или кто сѣумѣлъ заручиться вліятельными реко-ндаціями. Личныя достоинства и заслуги претендента на мѣсто не ачатъ при этомъ ничего, благословеніе-же епископа — все. Отсюда юисходитъ то, что каждый епископскій дворъ, какъ и всякій вообще юрь абсолютнаго деспота, является ареною для всевозможныхъ итригъ и происковъ. Легко представить себѣ, на какихъ субъектовъ, ии такихъ условіяхъ, падаетъ въ большинствѣ случаевъ выборъ иископовъ. «Я смѣло утверждаю,—говоритъ авторъ письма, — что иибы практиковался конкурсъ, то громаднѣйшее большинство свя-иенниковъ, занимающихъ теперь лучшіе приходы Франціи, лишилось и своихъ мѣстъ. Въ Парижѣ, изъ шестидесяти кюре, не осталось-бы десяти на своихъ теперешнихъ мѣстахъ...»

Далѣе, по закону, кантональный кюре не смѣняемъ. Это право не-ѣняемости могло-бы служить точкою опоры для серьезнаго сопро-ивления произволу духовныхъ главъ. Что-же дѣлаетъ епископъ? Кан-нальные вакансии онъ замѣщаетъ только такими креатурами, въ зусловномъ повиновеніи которыхъ вполне увѣренъ, да и отъ нихъ-чаще всего беретъ при назначеніи, на всякій случай, заранѣе под-исанное ими прошеніе объ отставкѣ. Оказался священникъ, паче иянія, неугоднымъ,—и тотчасъ-же смѣщеніе его производится съ блюдениемъ всѣхъ законныхъ формальностей, по его-же собственно-ичному прошенію!.. Уловка незамысловатая, но очень дѣйствитель-и... Что-же касается до священниковъ простыхъ сельскихъ ком-иунъ, то они и закономъ предоставлены въ полное распоряженіе сво-иъ духовныхъ владыкъ. Епископы съ ними совѣмъ ужъ не церек-иются. За что-же епископъ смѣщаетъ кюре?.. За малѣйшій намекъ и независимость убѣжденій или-же за то, что несчастный не сѣумѣлъ ить пріятнымъ и угоднымъ той или другой вліятельной особѣ... идавно къ одному епископу обратился богатый землевладѣлецъ съ юсьбою о смѣнѣ кюре. Надо полагать, что просьба эта была моти-ирована ужъ слишкомъ недостаточно, такъ какъ епископъ отказался иовлѣтвить ее. Но, къ несчастію для кюре, его преосвященство италъ страстишку къ бильярду. Однажды упомянутый землевладѣ-иць предложилъ ему сыграть партію, причемъ ставкою долженъ былъ ить кюре. Епископъ не устоялъ противъ соблазна и согласился ирать. Нѣсколько удачныхъ карамболей партнера, и судьба злополуч-иго священника была рѣшена. Этотъ возмутительный фактъ,—фактъ, ие анекдотъ,—наглядно показываетъ намъ, въ какой упизительной

рабской зависимости отъ своихъ деспотическихъ духовныхъ главъ находятся служители алтаря... По закону, епископъ можетъ карать священника не иначе, какъ по приговору спеціального духовнаго трибунала (*officialité*). Въ этомъ трибуналѣ священникъ могъ бы оспаривать справедливость обвиненія, могъ бы защищаться. Но... эти трибуналы существуютъ только на бумагѣ, въ дѣйствительности же судъ вершится и приговоръ постановляется въ большинствѣ случаевъ подъ вліяніемъ интригъ и происковъ, самимъ епископомъ, по слову котораго беззащитный человекъ разомъ лишается и чести, и хлѣба.

Само собою разумѣется, что такая безграничная тиранія должна приводить и дѣйствительно приводить духовенство къ полнѣйшему нравственному упадку. Благодаря ей, въ рядахъ служителей церкви пѣть мѣста энергичнымъ, независимымъ характерамъ. Люди двуличные, низкопоклонные, не гнушающіеся никакими средствами для достиженія личныхъ цѣлей, должны составлять, — и составляютъ, — большинство, такъ какъ только имъ однимъ и есть ходъ, такъ какъ только одни они и могутъ удерживаться на мѣстахъ... Но этого мало. Деспотическій режимъ весьма успѣшно понижаетъ и умственный уровень духовенства. Какая-бы ни была ученость, какія-бы ни были знанія даже знанія чисто теологическія, — они оказываются, при вышензображенныхъ условіяхъ, совершенно излишними и бесполезными для священника. Быть знающимъ, образованнымъ, для него даже прямо таки невыгодно и небезопасно, такъ какъ въ каждомъ развитомъ человекѣ деспотизмъ весьма естественно видитъ себя судью, а потому и относится къ нему недоброжелательно. Вѣдь невѣжество есть, какъ извѣстно, обязательный спутникъ рабства; человекъ интеллигентный, съ болѣе или менѣе широкимъ умственнымъ кругозоромъ, плохой рабъ... Все это прекрасно понимаютъ епископы, одинъ изъ которыхъ восклицалъ недавно: «для чего мнѣ ученые священники»?.. Около года тому назадъ, генеральный викарій архіепископа лонскаго, монсеньеръ Кавро, выражался на одномъ епархіальномъ съѣздѣ еще откровеннѣе и циничнѣе. «Намъ нужны покорногнушія спины, а не думающія головы!» — провозглашалъ онъ во всеуслышаніе. Нетрудно представить себѣ, какъ, при такомъ отношеніи духовныхъ главъ къ образованію, ведется дѣло обученія въ духовныхъ семинаріяхъ. Питомцы, выходящіе изъ этихъ семинарій и опредѣляемые на священническія мѣста, въ огромномъ большинствѣ случаевъ отличаются поразительнымъ невѣжествомъ. Авторъ вышеупомянутаго анонимнаго письма категорически утверждаетъ, что во Франціи очень мало найдется священниковъ, которые бы хотя сколько нибудь основательно были знакомы съ библіей, а еще меньше такихъ, которые бы освоились, даже въ самыхъ общихъ чертахъ съ результатами повѣйшей библейской критики и эгзегетики, и были

бы способны сознательно и разумно истолковывать положенія катехизиса. Одинъ священникъ большаго города, насчитывающаго до 30,000 жителей, совершенно серьезно спрашивалъ у автора: сдѣлалъ ли наука, въ теченіе XIX вѣка, хоть какой нибудь прогрессъ? Другой священникъ, парижскій, признавался, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что такое былъ конвентъ. Третій, желая сказать о греческомъ переводѣ библии семидесятью толковниками, самоувѣренно трактовалъ о переводѣ съ еврейскаго на латинскій, сдѣланномъ, будто-бы, шестидесятью толковниками. Но пока довольно частныхъ примѣровъ,—съ ними мы еще встрѣтимся ниже. Теперь же замѣтимъ только, что невѣжественные, лишенные всякихъ свѣдѣній объ окружающей природѣ, неспособные къ критической мысли, служители алтара первые становятся адептами суевѣрій и жертвами массовыхъ народныхъ заблужденій и галлюцинацій, борются съ которыми они совершенно безсильны. Будь низшее французское духовенство развитѣе и интеллигентнѣе, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ,—и, конечно, пресловутыя «чудеса» въ Лурдѣ, Салеттѣ и тому подобныхъ притонахъ не пользовались бы такимъ кредитомъ, не увлекали бы темныя массы, какъ это мы видимъ теперь. Тогда зло пресѣчено было-бы въ самомъ корнѣ, причѣмъ истинная религія, истинное благочестіе не только не пострадали бы, но много выиграли...

Таковы, въ общихъ чертахъ, положеніе и характеръ какъ бѣлаго, такъ и чернаго, монашествующаго французскаго духовенства, съ тою только несущественною разницею, что для послѣдняго роль епископовъ играютъ главы духовныхъ орденовъ и конгрегацій. Какъ же, спрашивается, представители его проявляютъ себя въ окружающей средѣ? Какъ относятся они къ своей духовной паствѣ? Какое вліяніе на нее оказываютъ? какъ пользуются конфессіоналомъ, церковною кафедрою, прессою, наконецъ школою, которая, не смотря на законъ о свѣтскомъ обученіи, далеко еще не освободилась отъ клерикальныхъ вліяній?.. Обращаясь къ нашей записной книжкѣ, мы находимъ въ ней богатый матеріалъ для отвѣта на поставленные вопросы. Кое-какими изъ собраннаго тамъ фактическихъ данныхъ, относящихся къ самому послѣднію времени, мы и воспользуемся для нижеслѣдующей характеристики.

Начнемъ со школы и посмотримъ, чему и какъ поучаютъ представители религіи подростающее поколѣніе. Хотите вы знать, какъ объясняются явленія окружающей природы въ школѣ, въ которой подвизаются, открыто или подъ личиною свѣтскихъ лицъ, разные святые «отцы», «братья» и «сестры»?.. Извольте. Что такое, на примѣръ, громъ? «Съ давнихъ временъ,—поучаетъ дѣтей одна духовная особа,—люди, не вѣрующіе въ могущество божіе, безуспѣшно стараются объяснить, отчего происходятъ раскаты грома. Знайте, что этотъ страшный шумъ производится дьяволомъ, когда онъ под-

нимается къ небу, чтобы оскорблять Бога. Да, громъ ни отъ кого, какъ отъ самого сатаны... Помните это, дѣти...» Это по части естественной исторіи, а вотъ образчикъ обученія исторіи политической. Инспекторъ, объѣзжая свой школьный округъ, заглядываетъ въ школу, руководимую «сестрами» одной дозволенной конгрегаціи. «Дитя мое,—обращается онъ къ лучшей ученицѣ,—скажите мнѣ, вы знаете про Людовика XVI?»—«Это былъ король, господинъ инспекторъ.»—«Да, конечно... Но что вамъ извѣстно про этого короля?» Молчаніе.—«Ну, какъ-же тебѣ не стыдно, Луиза!—вмѣшивается учительница. Отвѣчай-же! Вѣдь ты это прекрасно знаешь... Увѣрю васъ, господинъ инспекторъ, она знаетъ, но только очень застыдивается бояться говорить...»—«Не бойтесь, дитя мое,—ободряетъ инспекторъ ученицу.—Ну, скажите, знаете-ли вы, какъ умеръ Людовикъ XVI?»—«Да, знаю...» — «И прекрасно. Какъ-же онъ умеръ?» — Онъ былъ убитъ... — «Такъ... Кто же это его убилъ?..» — Разбойники, господинъ инспекторъ.—«Какіе разбойники, дитя мое?»—«Республиканцы, господинъ инспекторъ... Такъ-то вотъ учатъ дѣтей республиканцевъ, при республиканскомъ режимѣ, въ республиканскихъ школахъ. Но, можетъ быть, такія вещи происходятъ гдѣ нибудь въ захолустной глуши, вдали отъ всякихъ умственныхъ центровъ, такъ сказать за предѣлами цивилизаціи?.. Ошибаетесь!.. Разказанный нами фактимъ недавно мѣсто въ одной изъ супрефектуръ въ ближайшихъ окрестностяхъ Парижа...

Да, клерикальное обученіе,—о которомъ можно было-бы разсказать очень много любопытныхъ подробностей, еслибы только дозволяло мѣсто,—является обученіемъ очень оригинальнымъ, выражаясь вѣжливо. А наряду съ этимъ—яростное противодѣйствіе свѣтскому обученію, всяческія клеветы на него... «Всѣ тѣ, которые посылаютъ дѣтей своихъ въ государственныя школы,—говорилъ недавно одинъ коммунальный проповѣдникъ съ церковной кафедры,—исполняютъ волю дьявола. Всѣ либералы одержимы демонами, потому-то они всегда и встаютъ противъ Бога»... Недурна также и слѣдующая сатира на свѣтское обученіе, найденная нами въ одной клерикальной газетѣ. Просимъ читать ее съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой, такъ какъ она представляетъ собою квинтъ-эссенцію аргументовъ противъ правительственной системы народнаго образованія. Вотъ эта сатира, долженствующая изображать характеръ занятій въ свѣтской школѣ:

Министерство народнаго просвѣщенія и изящныхъ искусствъ
Учебный годъ такой то.

Свѣтская школа.

Расписаніе занятій:

Понедѣльникъ. Классъ яростнаго богохульства.

Вторникъ. Классъ обученія пьянству.

Среда. Наука воровскаго взлома и искусство выборовъ.

Четвергъ. Прогулка по свинымъ хлѣвамъ.

Пятница. Урокъ разрушенія крестовъ и вообще религіозныхъ эмблемъ.

Суббота. Практическія упражненія по части дуэлей, самоубійства и разбоя.

Воскресенье. Практическія упражненія въ нарушеніи святости воскреснаго дня и въ искусствѣ оскорбленія священниковъ.

Не правда-ли, читатель, какъ все это остро и ядовито?

Сказать о школѣ, находящейся подъ клерикальнымъ вліяніемъ, что она служитъ очагомъ невѣжества и орудіемъ всяческой реакціи, значитъ сказать далеко еще не все. Говоря о ней, нельзя не отмѣтить того, по истинѣ, ужаснаго факта, что она, омрачая и развращая душу учениковъ, грязнитъ еще ихъ и тѣлесно. Сюжетъ этотъ самъ по себѣ настолько скабретенъ, что мы не считаемъ возможнымъ входить въ какія-бы то ни было подробности и ограничиваемся только самыми общими замѣчаніями и данными, свидѣтельствующими о силѣ и распространенности зла... Католическая церковь, какъ извѣстно, обрекаетъ своихъ служителей на безбрачіе. Но школа и исповѣдальня ставятъ ихъ въ слишкомъ близкое, слишкомъ интимное общеніе съ дѣтски-невинною молодежью обоого пола... Плоть у нихъ сильна, воображеніе съ юныхъ лѣтъ распалено, духъ же немощенъ,—и вотъ, чуть не каждый день, мы читаемъ въ газетахъ, — то въ отдѣлѣ *faits divers*, то въ отчетахъ о судебныхъ засѣданіяхъ,—сообщенія въ родѣ слѣдующихъ: «Викарій Суллана (въ департ. Вандеи), только что заключенный въ тюрьму города Рошсюр-Юннъ, обвиняется въ длинномъ рядѣ преступленій противъ нравственности (*attentats à la pudeur*), совершенныхъ имъ надъ дѣвочками моложе двѣнадцати лѣтъ. Чтобы развращать ихъ, онъ пользовался удобствами исповѣдальни, уединеніемъ ризницы, уроками катехизиса и непостижимымъ довѣріемъ матерей, преклонявшихся передъ его священнымъ званіемъ. Онъ методически дрессировалъ дѣтей для разврата, назначалъ имъ свиданія въ церкви, училъ своихъ жертвъ лгать передъ родителями для объясненія частыхъ отлучекъ и поздняго возвращенія домой», и т. д. «Луи Года, 59 лѣтъ, кюре Вильсьена, близъ Жуаньи, арестованъ по тяжкому обвиненію въ развращеніи многихъ дѣтей обоого пола...». «На ассизахъ въ Блуа приговоренъ къ пожизненнымъ каторжнымъ работамъ нѣкто Серіотъ, кюре изъ Вильерь-Фо. Обвинялся онъ въ изнасилованіи нѣсколькихъ дѣвочекъ въ своей церкви. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ уже судился разъ за *attentats à la pudeur* и, по приговору суда, высидѣлъ два года въ тюрьмѣ...» Фактъ этого рода—до такой-же степени обыкновенный во Франціи, какъ у насъ, напимѣръ, банковыя и всякія иныя хищенія... Недаромъ же въ Парижѣ появилась

недавно очень серьезная брошюра, посвященная этому вопросу и несущая характерное заглавіе—«Le scandale pégréuel». Недаромъ же этимъ вопросомъ занимались и занимаются такіе почтенные люди, какимъ былъ напр. покойный антропологъ Брокъ, интересовавшійся въ данномъ случаѣ фактомъ извращенія извѣстныхъ естественныхъ чувствъ... По статистическимъ даннымъ, собраннымъ профессоромъ Подемъ Беромъ, оказывается, что преступность духовныхъ наставниковъ въ *пять разъ* больше преступности свѣтскихъ!.. Въ виду только что сдѣланныхъ нами замѣчаній, излишне, полагаемъ, и распространяться о томъ, въ силу чего является такая громадная разница. Но лучше какихъ бы то ни было частныхъ примѣровъ, а, пожалуй, и цифровыхъ данныхъ, свидѣтельствуетъ намъ о несовѣмъ безупречной нравственности духовныхъ просвѣтителей слѣдующее формальное предписаніе епископа ліежскаго его подчиненнымъ относительно надзора за преподавателями-конгрегационистами ея діоцеза. «*Совѣтъ 1-й. Слѣдить затѣмъ, чтобы отношенія преподавателей къ учащимся мальчикамъ и дѣвочкамъ не подвигали новода къ извѣстнымъ подозрѣніямъ... Совѣтъ 2-й. Что же касается священниковъ, то блюсти за тѣмъ, чтобы они воздерживались отъ неумѣстной фамильярности съ наставницами, не ходили бы къ нимъ на домъ, какъ можно рѣже принимали-бы ихъ у себя, и никогда, ни подъ какимъ предлогомъ, не оставались бы съ ними подолгу съ глазу на глазъ...*» Какъ вамъ это нравится, читатель?.. Ужь если самъ епископъ нашелся вынужденнымъ заговорить о подозрительныхъ отношеніяхъ учащихся «братьевъ» и «отцовъ» къ учащимся дѣтямъ, да ужь кстати погрозить пальцемъ и штатнымъ священникамъ, то, значитъ, на этотъ счетъ далеко не все обстоятъ благополучно... Видь, по пословицѣ, безъ огня не бываетъ и дыму. Еслибы извѣстныя неудобобазываемыя дѣянія духовныхъ лицъ не повторялись слишкомъ ужь часто, не принимали, такъ сказать, эпидемическаго характера и не волновали собою такъ сильно общественнаго мнѣнія, какъ это происходитъ теперь,—не было-бы, конечно, нужды въ спеціальному архипастырскомъ предписаніи. Какъ хотите, а это предписаніе, опубликованное нѣкоторыми нескромными газетами мѣсяца три тому назадъ, чрезвычайно назидательно и самымъ фактомъ своего появленія проливаетъ яркій свѣтъ на нравы духовенства. Въ виду всего сказаннаго, остается лишь изумляться тому, какъ еще находятся во Франціи родители, рѣшающіеся отдавать своихъ дѣтей на руки черной братіи!..

Каковъ духовный пастырь съ дѣтьми въ школѣ, таковъ-же онъ конечно, и въ церкви, у подножія алтаря, на проповѣднической кафедрѣ, въ своихъ сношеніяхъ съ паствою. Онъ также грубъ, невѣжественъ и неразвитъ, какъ и эта послѣдняя, и потому оказываетъ вполне неспособнымъ вліять на нее цивилизующимъ образомъ. П

слушайте, напримѣръ, какъ онъ проповѣдуетъ: «Братья мои,—торжественно провозглашаетъ одинъ приходскій кюре съ церковной кафедры,—съ глубокимъ прискорбіемъ я вижу, что есть въ нашей коммунѣ люди, которые работаютъ по воскреснымъ днямъ и не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на мои замѣчанія по этому поводу. Знаете-ли вы, на что обрекаютъ себя эти нечестивые люди? Имъ угрожаетъ то же, что и тому человѣку, исторію котораго я вамъ сейчасъ разскажу. Вотъ эта правдивая исторія. Одинъ хозяинъ пошелъ въ воскресенье подковывать своихъ быковъ. Послѣ того, какъ ковка была окончена, быки тотчасъ-же взбѣсались: стали ревѣть, брыкаться и затѣмъ однимъ прыжкомъ вскочили на крышу дома кузница и начали тамъ танцовать... И что же? Подъ ногами бѣснующихся скотовъ крыша провалилась и домъ былъ на половину разрушенъ... Вотъ, братья мои, какъ опасно работать въ воскресенье!..» Не правда ли, убѣдительно?... Располагая такими умственными ресурсами, французскій священникъ едва-ли поможетъ темной народной массѣ освободиться отъ угнетающихъ ее заблужденій, суевѣрій и предрассудковъ. Да онъ самъ первый является жертвою этихъ суевѣрій и заблужденій. Народъ вѣритъ въ чары и колдовство,—а священники не отрицаютъ ихъ... Въ виду такого трогательнаго согласія въ теоріи, весьма естественно ожидать и одинаковой, по существу, практики. И дѣйствительно, если въ одномъ мѣстѣ священникъ, по просьбѣ крестьянки, за нѣсколько су служить *мессу за сорову*, чтобы эта послѣдняя «перешла молокомъ» у сосѣдскихъ козовъ (фактъ!), то въ другомъ, прихожане, чуть-ли не на глазахъ своего духовнаго пастыря, поджариваютъ на кострѣ колдунью или надѣдають суду обвиненіями другъ друга въ чародѣйствѣ, въ колдовской порчѣ скота, полей, виноградниковъ и т. д. (все очень недавніе факты)... Въ одной изъ южныхъ коммунъ Франціи, недалеко отъ Ниццы, произошелъ фактъ, еще болѣе возмутительный. Зима 1879—80 г. была тамъ, какъ и повсюду, очень суровая. Морозы грозили погубить оливковыя плантаціи, являющіяся въ этой области главнѣйшимъ средствомъ существованія для жителей. Жители же эти—народъ, вѣрующій въ каждое слово священника. Отъ этого послѣдняго имъ на каждомъ шагѣ приходилось, между прочимъ, слышать, что отъ Бога исходятъ всякія напасти, въ томъ числѣ и республика, и морозъ, и т. д.,—и вотъ, когда морозъ все крѣпчалъ и крѣпчалъ, эссы-же не оказывали никакого смягчающаго вліянія на погоду, добродушные крестьяне начали сердиться. Съ сумрачными лицами поглядывали они на небо и съ угрожающими жестами обращались къ воздающему тамъ, предполагаемому виновнику постигшей ихъ бѣды: «Бѣжь либо разорять насъ... Ты насъ не хочешь слушать!.. Ладно...» И вотъ, обиженные морозомъ, крестьяне заряжаютъ свои ружья, идутъ въ мѣстную церковь и... разстрѣливаютъ статую Христа!..

Нѣчто подобное, на томъ-же югѣ, случилось, два года тому назадъ, со св. Медаромъ, которому суевѣрие приписываетъ власть надъ дождемъ... Разъ дождь зарядилъ въ такое время, когда, по хозяйственнымъ соображеніямъ крестьянъ, въ немъ не было ни малѣйшей пущды. Взбѣшенные крестьяне, недолго думая, отправляются въ свою церковь, стаскиваютъ съ пьедестала статую св. Медара, пригнувшись въ нишѣ вблизи алтаря, выволакиваютъ ее на улицу, отбиваютъ голову, руки, ноги и съ проклятіями бросаютъ обломки въ колодезь. Какъ все это сродни практикѣ грубѣйшаго фетишизма!.. О какой страшной профанаци, о какомъ крайнемъ униженіи и упадкѣ религіи все это свидѣлствуетъ!.. А кто виновать?.. Въдѣ эта профанаци, это униженіе являются прямымъ, непосредственнымъ результатомъ того, что творятъ и что проповѣдуютъ сами невѣжественные пастыри душъ...

Да и то сказать, какое эгимъ пастырямъ дѣло до достоинства религіи!.. Съ одной стороны, они и сами имѣютъ очень смутное понятіе объ этомъ достоинствѣ; а съ другой, религія для нихъ есть ничто иное, какъ средство эксплуатаціи темнаго люда. Лишь-бы этотъ людъ заказывалъ мессы, да оплачивалъ требы. — а тамъ, какъ онъ относится и къ мессамъ, и къ требамъ, и къ церкви, и къ Богу, не все-ли равно!.. И вотъ мы видимъ, что торгъ религіею, эксплуатація религіознаго чувства массъ ведутся современнымъ французскимъ духовенствомъ на весьма широкую ногу, причемъ на этомъ благородномъ поприщѣ, съ одинаковою беззастѣнчивостью и съ одинаковымъ успѣхомъ, подвизаются и священники, и монахи, и высшіе представители духовенства, и низшіе ихъ собратья. Чтобы не быть голословными, мы постараемся доказать это обвиненіе частными примѣрами, которыхъ могли-бы привести *ad libitum*. Ограничиваемся наиболѣе характерными изъ нихъ.

Слыхали-ли вы когда-нибудь, читатель, о торговлѣ мессами, о томъ, что мессы это — товаръ, какъ и всякій другой, что съ товаромъ этимъ дѣлаются большія дѣла, наживаются большія состоянія? Если нѣтъ, то послушайте, — это очень любопытно, назидательно и характерно для французскаго духовенства, обратившаго алтарь божій въ молочную лавочку... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ сельской коммунѣ Сень-Жюльенъ, близъ Труа, жилъ аббатъ Авія, исправлявшій должность приходскаго священника и ведшій обширную торговлю священническими одеждами, религіозными книгами, церковными украшениями и вообще тѣмъ, что называется «предметами благочестія». Наряду съ этими торговыми операціями, онъ, между прочимъ, учредилъ у себя и агентуру по части мессъ. Компаньономъ его былъ тоже священникъ, аббатъ Гальенъ, проживавшій въ сосѣднемъ департаментѣ, Йоннѣ, гдѣ имъ была устроена специальная мастерская, въ которой набожными молодыми дѣвушками изготовлялись бѣлье, вы

шиванія и вообще предметы, необходимыя для упомянутой комерціи. Получивъ заказъ, Гальенъ отправлялъ затребованныя вещи аббату Авіа, который, въ свою очередь, рассылалъ ихъ бѣднымъ священникамъ своего и сосѣднихъ департаментовъ. Какъ-же, спрашивается, сводили между собою счеты Гальенъ и Авіа, съ одной стороны, и Авіа со своими кліеками-священниками съ другой? Въ этомъ-то именно вопросѣ и заключается весь интересъ дѣла. Чтобы отвѣтить на него, намъ необходимо войти въ нѣкоторыя подробности объ одной остроумной комбинаціи, оцѣнкою котсрой два мѣсяца тому назадъ, и пришлось заняться... комерческому суду.

Каждый священникъ, какъ извѣстно, долженъ отслужить 365 мессъ въ годъ. Священническія мессы въ городахъ почти всегда оплачиваются, такъ какъ онѣ служатся по заказу лицъ, дѣлающихъ съ этою цѣлью вклады въ церковную кассу. Что-же касается до сельскихъ священниковъ, то они стоятъ далеко не въ такихъ выгодныхъ условіяхъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ имъ приходится славить Бога *gratis*. Итакъ, здѣсь—обиліе заказовъ, тамъ—скудость. Въ нѣкоторыхъ религіозныхъ центрахъ, каковы: Римъ, Лионъ, Парижъ, Лурдъ и т. д., заказы приливаютъ въ такомъ громадномъ числѣ, что мѣстные служители алтаря рѣшительно не въ состояніи справляться съ ними, а потому и сдають ихъ провинціальнымъ священникамъ, находящимся въ менѣе привилегированномъ положеніи и разбѣяннымъ по всей территоріи католицизма, причемъ посредничество въ дѣлѣ передачи заказовъ сплошь и рядомъ берутъ на себя спеціальныя агенты. Само собою разумѣется, что лица, уступающія другимъ скончившіеся въ ихъ рукахъ заказы на мессы, дѣлають это не безъ пользы для себя: они удерживаютъ, за комисію, извѣстную долю гонорара. Такъ напр., священникъ, получающій за заказную мессу 1 франкъ, но не имѣющій возможности отслужить ее самъ, передаетъ заказъ агенту, съ уплатою ему всего 75 сантимовъ «штуку»; агентъ же, со своей стороны, экснедируетъ мессу дальше, по адресу какого-нибудь сельскаго кюре, который получаетъ уже только 60—60 сантимовъ. Излишне и прибавлять, что стоимость мессъ и точныя цѣны на нихъ колеблются въ довольно широкихъ границахъ, опредѣляясь обстоятельствами времени и мѣста.

Такая-то вотъ именно спекуляція на мессахъ и практиковалась нашими аббатами. Гальенъ бралъ подряды на мессы на какой то условной биржѣ, получая по 1½, франка и болѣе за «штуку», и передавалъ ихъ цѣлыми партіями аббату Авіа уже по цѣнѣ въ 1 франкъ, выплачивая ему стоимость мессъ то почти даровымъ товаромъ изъ своей мастерской, то деньгами. Аббатъ же Авіа сдавалъ мессы въ разницу сельскимъ кюре, которые и зарабатывали на каждой отслуженной мессѣ по 60 сантимовъ, но не деньгами, а натурой, т. е., необходимыми для нихъ самихъ и для ихъ церквей предметами и

вещами. Такъ, ко взаимному удовольствію, и сводились торговые счета между заинтересованными сторонами. Бѣдняки кюре были рады заработку, хотя и скудному; аббаты наши наживались, взимая въ свою пользу щедрое вознагражденіе за комисію. На какую широкую ногу велась эта оригинальная комерція, объ этомъ можно, между прочимъ, судить по тому, что съ мая 1867 по конецъ 1868 года т. е., въ теченіе 20 мѣсяцевъ, Гальенъ сдалъ аббату Авіа болѣе 30,000 мессъ!.. Посчитайте ка барыши. Гальенъ, удерживая для себя по 50 сант. изъ гонорара за каждую мессу, реализировалъ на упомянутой сдѣлкѣ свыше 15,000 фр., а Авіа, пользовавшійся 40 сант. со «штуки», положилъ себѣ въ карманъ, при дальнѣйшей переуступкѣ товара, свыше 12,000 фр!.. Комерція, какъ видите, очень прибыльная... Такъ наши аббаты вели дѣла и благоденствовали многие годы. Но вотъ, года два тому назадъ, аббатъ Авіа, усиѣвшій уже обратиться въ миллионера, умираетъ, оставляя все свое имущество въ наслѣдство своему племяннику, аббату Милле, одному изъ викарныхъ священниковъ Парижа... Гальенъ заявилъ наслѣднику, что у него остались кое-какіе непоконченные денежные счета съ покойнымъ аббатомъ, и предъявилъ къ нему требованіе объ уплатѣ 14,509 фр. натурой, т. е., совершеніемъ соотвѣтствующаго количества мессъ, которое аббатъ Авіа, по расчету, обязанъ былъ взять на себя, но съ смертью не успѣлъ выполнить своего обязательства. Аббатъ Милле рѣшительно воспротивился такому требованію и отказался отъ уплаты. Тогда Гальенъ обратился съ жалобою... въ *комерческій* судъ Труа. Судьи пришли въ нѣкоторое смущеніе, такъ какъ до того времени имъ ни разу не приходилось встрѣчаться съ такими оригинальными коммерческими сдѣлками, и отклонили жалобу, объявивъ себя некомпетентными. Гальенъ однакоже не унылся,—вѣдь у него, у бѣднаго, осталось на рукахъ 14,509 мессъ, неотслуженныхъ, благодаря смерти компаньона! — и апелировалъ въ слѣдующую судебную инстанцію. Здѣсь ему пришлось имѣть дѣло съ такимъ-же недоумѣніемъ суда, какъ въ первой инстанціи. «Развѣ мессы—товаръ?!.. Развѣ помысленіе душъ—комерческое дѣло?!» Адвокатъ Гальена утверждалъ, что въ спекуляціяхъ его кліента съ мессами нѣтъ ничего ни страннаго ни удивительнаго; что торговля мессами вещь давнымъ давно всѣмъ извѣстная, и въ доказательство своей мысли сослался на романъ Дюма-отца Галеви — «*Madame et Monsieur Cardinal*», въ котораго и прочиталъ на судѣ небольшой отрывокъ. Отрывокъ этотъ такъ характеренъ и имѣетъ такое близкое отношеніе къ интересующей насъ исторіи, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи познакомить съ нимъ читателя.

«Я долженъ признаться, что покинулъ этотъ міръ не безъ котораго безпокойства,—пишетъ герой романа съ того свѣта.—Не чтобы я боялся ада... Нѣтъ, я всю жизнь прожилъ честнымъ, по

дочнымъ человѣкомъ... Но... въ молодости своей я слегка пошаливалъ, на старости-же лѣтъ недостаточно раскаивался, такъ что... Ну, однимъ словомъ, я ждалъ, что мнѣ на короткое время придется остановиться въ чистилищѣ. Предчувствіе не обмануло меня. Я былъ остановленъ какъ разъ на половинѣ дороги между адомъ и раемъ. Это и было чистилище. Тамъ встрѣтилъ меня стражъ.—«Ваше имя»? спросилъ онъ меня. — Адольфъ Робино. — «Ваша профессія»? — Бывшій торговый агентъ. — «Вашъ адресъ»? — Парижъ, 22, улица Notre-Dame de Lorette, въ первомъ этажѣ, на улицу. — «Ладно», — сказалъ онъ и затѣмъ, порывшись немного въ лежавшей передъ нимъ большой книгѣ, прибавилъ: — „нельзя сказать, чтобъ свѣдѣнія, касающіяся вашей личности, были дурны. Въ графѣ противъ вашего имени не стоитъ ничего важнаго, такъ что вамъ недолго придется пробыть у насъ... Имѣете вы какія-нибудь рекомендаціи»? — Рекомендаціи?.. Нѣтъ, не думаю... Могу только сказать вамъ, что на землѣ есть одна дама, которая должна заказать пятьсотъ мессъ за упокой моей души...—«О, въ такомъ случаѣ вы можете быть совершенно спокойны, — замѣтилъ стражъ. Этого даже слишкомъ достаточно... Съ пятьюстами мессами вы отдѣляетесь дешево... Милости просимъ, другъ мой»... И вотъ я въ чистилищѣ... Но—увъ! — ю прошествіи двадцати пяти дней, наступилъ внезапный перерывъ въ служеніи мессъ... Дѣло было такъ... Въ Парижѣ, чтò бы тамъ и говорили, много еще есть благочестивыхъ душъ, такъ что столичные священники почти всегда завалены заказами. Въ Парижѣ нанимается 1,500—1,800 служителей алтаря, а между тѣмъ къ нимъ поступаетъ 10—12,000 требованій мессъ въ день. Очевидно, что при всемъ желаніи священники не могутъ удовлетворить всѣхъ заказчиковъ... По счастью, нашелся умный человѣкъ, который сказалъ себѣ: «въ большихъ центрахъ ужъ слишкомъ густо по части мессъ, въ деревняхъ-же пусто, такъ что почтенные сельскіе кюре добрыхъ три четверти года вынуждены сидѣть сложа руки, безъ работы. Что-же изъ этого выходитъ? Священникъ парижскаго діоцеза получаетъ 20 су, чтобъ отслужить мессу, и не находитъ времени для службы. Если онъ человѣкъ честный, то возвращаетъ эти 20 су обратно, причемъ и церковь теряетъ, да и усопшій не удовлетворится. Если же кюре не особенно совѣстливъ, то кладетъ себѣ 20 су въ карманъ, мессы же не служитъ. Опять нехорошо: съ одной стороны, тутъ серьезно компрометируется честь священника, а съ другой, и грѣшная душа остается безъ молитвъ». Разсудивъ такимъ образомъ, умный человѣкъ отправляется къ обремененному мессами священнику и говоритъ ему: «Вы получили 20 су, чтобъ отслужить мессу за душу Шапотена, и вамъ некогда служить ее, эту самую шапотеновскую мессу»? — Совершенно вѣрно, — отвѣчаетъ священникъ. — «Ну, такъ вотъ что я вамъ скажу. Я нашелъ средство спра-

вить эту мессу, причемъ никто изъ насъ троихъ не останется въ накладѣ, — ни вы, ни я, ни самъ Шапотень, который, надо полагать, страшно томится теперь въ чистилищѣ... Вы получили 20 су?.. Возьмите себѣ 5,—это будетъ вашъ барышъ; остальные 15 отдайте мнѣ; я же, въ свою очередь, удержу изъ нихъ для себя 5 су, а мессу передамъ какому-нибудь сельскому кюре, который съ восхищеніемъ отслужитъ ее за 10 су... Такимъ-то вотъ образомъ и возникли агентства для совершенія мессъ за упокоеніе душъ, обрѣтающихся въ чистилищѣ»... и т. д.

Итакъ, если ужъ беллетристика занимается описаніемъ финансовыхъ предпріятій по части мессъ, то, значитъ, эти предпріятія весьма обыкновенны и... естественны, — убѣждалъ адвокатъ судей. Эти послѣдніе однако же не убѣдились ни краснорѣчивыми доводами адвоката, ни его ссылкой на романъ и, — «принимая во вниманіе, что заказы мессъ не могутъ быть предметомъ сдѣлокъ, какія совершаются между комерсантами, и что аббатъ Гальень не представилъ трибуналу никакихъ документовъ, которые-бы свидѣтельствовали о томъ, что аббатъ Авіа занимался торговлею и покупалъ товары для перепродажи», — постановилъ: оставить въ силѣ рѣшеніе суда первой инстанціи... Такъ, аббатъ Гальень и не сбылъ съ рукъ своихъ лишнихъ мессъ... Не правда ли, читатель, назидательная исторія?—Поминовеніе душъ усопшихъ... мессы... покупка ихъ партіями... перепродажа въ розницу... комисіонный процентъ... тяжба въ *комерческомъ* судѣ!.. Право, вѣдь самый злостный клеветникъ на французское духовенство не въ состояніи былъ-бы выдумать ничего подобнаго!..

Какъ ни далеко по пути безобразій зашли торговцы мессами, но, какъ показываетъ практика, въ этомъ направленіи можно идти еще дальше, лишь-бы только хватило смѣлости и беззаастѣнливости у современныхъ-же представителей французскаго духовенства, вспоминая и вскормленныхъ развращающимъ деспотическимъ режимомъ, недостатка ни въ томъ, ни въ другомъ нѣтъ... Торговля мессами дѣло хорошее, т. е., прибыльное; но вѣдь она можетъ идти только въ томъ случаѣ, если есть достаточное количество заказовъ. А если заказовъ мало, тогда какъ быть?.. Надо, чтобъ заказы были, чтобъ живые не забывали о душахъ умершихъ,—соображаютъ случайные алтары и, въ этихъ видахъ, пускаются на всевозможныя остроумныя выдумки. Такъ, основывается, на примѣръ, специальная газета—«*Echo de Purgatoire*» («Эхо Чистилища»), имѣющая цѣлью побуждать вѣрующихъ къ заказу мессъ, для смягченія участи душъ, томящихся въ чистилищѣ. Возникаетъ затѣмъ «*Общество страхованія отъ забвенія послѣ смерти*» (*Assurance contre l'oubli après la mort*). Каждый платящій членъ этого почетнаго «общества», основаннаго два года тому назадъ предприни-

чивымъ аббатомъ Жюльяромъ, можетъ быть сносно за свою грѣшную душу: за нее, — послѣ смерти владѣльца, конечно, — будутъ ежедневно служить мессы, да еще на «*привилегированномъ алтарѣ*»... Перспектива заманчивая!.. Въ рекламѣ, вышущей инициаторами предпріятія, между прочимъ говорится: «Его свѣтѣйшество, пала Левъ XIII, соблагородилъ дать свое апостольское благословеніе не только директору (аббату Жюльяру), но также всѣмъ и каждому изъ членовъ означеннаго братства, желая, чтобы благословеніе это придадо имъ силы продолжать начатое святое дѣло... Столь высокое одобреніе принесетъ намъ счастье. Оно равнозначительно цѣлому капиталу для нашего желаннаго предпріятія... Мы получили и до сихъ поръ получаемъ пожертвованія изъ многихъ департаментовъ нашей дорогой Франціи, всегда столь отзывчивой на всякую благую мысль... Если дѣло такъ усѣбно пойдетъ и впредь, то въ очень короткое время мы реализуемъ *капиталъ, проценты* съ котораго дадутъ намъ возможность осуществить самое завѣтное наше желаніе — служить въ соборѣ Saint-Flour, на *привилегированномъ* (курсивъ подлинника) алтарѣ Notre-Dame du Suffrage, *ежедневную отличную* мессу за нашихъ умершихъ благодѣтелей и благодѣтельница, ихъ родственниковъ и друзей»... Капиталъ... проценты... Зазыванія въ «привилегированную» лавочку!.. Что-же это такое, какъ не кощунство?

А вотъ вамъ еще образчикъ клерикальныхъ выдумокъ. Зайдите въ Парижъ или въ какомъ нибудь другомъ большомъ городѣ въ лавку, торгующую «предметами благочестія» — такихъ лавокъ очень немало, — вы тамъ найдете среди множества другихъ курьезовъ, „*Путеводитель по желѣзной дорогѣ на небо* (Indicateur de la ligne du ciel), составленный однимъ изъ оберъ-кондукторовъ, достопочтеннымъ отцомъ Д.» На одной сторонѣ этого «Путеводителя» изображенъ желѣзнодорожный поѣздъ, мчащійся среди могилъ въ сторону, «идѣже нѣсть печали», а на другой красуется слѣдующій текстъ: «*Отходь поѣздовъ*. Поѣзда отходятъ каждый часъ. Пассажиры забираются на всемъ протяженіи линіи. *Цѣна билетовъ*, считая тутъ и плату за входъ въ рай. Въ уплату за билетъ принимается все, что угодно, хоть-бы это былъ стаканъ воды, поданный во имя Христа. *N. B.* Обратныхъ билетовъ (aller et retour) не выдается. Да кто разъ попадетъ въ рай, тому и въ голову не придетъ мысль о возвращеніи назадъ. *Багажъ*. Добрыя дѣла. Чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Всякая другая кладь даетъ поводъ къ чрезвычайно неприятной остановкѣ на предпоследней станціи, въ «Чистилищѣ». *Существенное условіе путешествія* — состояніе благодати. Путешественникъ, не запасшійся заблаговременно билетомъ на поѣздъ, все таки можетъ быть принятъ на поѣздъ, если только успѣетъ взять дозволеніе въ кассѣ Покаянія. *Составъ поѣздовъ*. Салоновъ и спальныхъ вагоновъ не

полагается; мягких сидѣній тоже нѣтъ, особенно въ быстрыхъ поѣздахъ: линия на небо подобна пути на Голгофу. Если путешественникъ терпитъ при переѣздѣ слишкомъ много страданій и лишеній, это значить, что онъ летитъ съ курьерскимъ поѣздомъ... *En voiture, messieurs, en voiture!...* Курьезнѣ всего, что на небо проложено, повидимому, нѣсколько желѣзнодорожныхъ линий, конкурирующихъ между собою. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно судить по тому, что есть еще и другіе «Путеводители», въ которыхъ и цѣны мѣстамъ указаны не одинаковыя, да и составы поѣздовъ разные: въ одной «компаніи» имѣются вагоны 1-го, 2-го и 3-го классовъ, въ другой—все пассажиры путешествуютъ въ одномъ и томъ-же классѣ; на одной линіи категорически заявляется, что *trains de plaisir* нѣтъ, въ «правилахъ» же другихъ линій объ увеселительныхъ поѣздахъ не сказано, такъ что, можетъ быть, поѣзда эти и есть; однѣ «компаніи» принимаютъ дѣтей безъ всякихъ условій, тогда какъ другія требуютъ, чтобы дѣти, во время путешествія, непременно сидѣли «на колѣняхъ ихъ матери-церкви» (чѣмъ рискуютъ они въ такой позиціи, объ этомъ мы уже говорили выше). Доставляютъ-ли все эти «компаніи» своихъ пассажировъ до мѣста назначенія, объ этомъ намъ ничего неизвѣстно. Мы только досконально знаемъ, что съ поѣздами на небо, благодаря злостной недобросовѣстности служащаго персонала, сплошь и рядомъ происходятъ жестока «крушенія». Знаемъ также и то, что директоры и члены правленій въ этихъ компаніяхъ сколачиваютъ себѣ кругленькіе капиталы. Судите сами: упомянутые «Путеводители» расходятся во многихъ десяткахъ и даже сотняхъ изданій, а каждый экземпляръ стоитъ 1—2 су!...

Вообще, наглая эксплуатація неба, рая, ада или, точнѣе, религиознаго чувства вѣрующихъ,—эксплуатація, прикрываемая авторитетомъ духовныхъ главъ и проявляющаяся во всевозможныхъ видахъ,—ведется духовенствомъ весьма широко *). Многое мы могли-бы сказать еще по этому поводу, но недостатокъ мѣста заставляетъ насъ остановиться и поспѣшить съ общимъ итогомъ... Въ крайне неприглядномъ видѣ представляется намъ современное французское духовенство. Грубость, невѣжество, безирравственность,—таковы его обычные атрибуты. Корень же зла—въ произвольномъ, деспотическомъ режимѣ, подъ вліяніемъ котораго между служителями церкви совершается своего рода естественный подборъ, устраняющій съ поприма

*) Когда предъидущія строки были уже написаны, мы узнали изъ газетъ о сѣдущей цинкантиной новости: какими-то духовными особами только что пущены въ пролажу «подлинные портреты Спасителя нашего, Иисуса Христа, и Пресвятой Дѣвы Маріи, найденные въ подземельяхъ Рима и снабженные точнымъ описаніемъ примѣтъ изображенныхъ лицъ»...

духовнаго служенія все живое, честное и благородное, и роковымъ образомъ выдвигающей впередъ элементы умственно и нравственно недоброкачественныя, жестоко компрометирующіе достоинство и авторитетъ церкви.

И. Денисовъ.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Новое лжеученіе о «правительствѣ» и «анти-правительствѣ». — Отношеніе этого лжеученія къ высшимъ государственнымъ учрежденіямъ — государственному совѣту и сенату. — «Два нигилизма» и точка ихъ соприкосновенія. — Сенатскія рѣшенія. — Нравственное значеніе ихъ для общества. — Эпизодъ изъ дѣятельности рязанскаго губернскаго земскаго собранія. — Разные виды дискреціонной власти. — Дискреціонная власть по буквѣ закона и въ дѣйствительности. — Власть предсѣдателей земскихъ собраній. — «Законъ» и «система». — Измѣненія въ университетскомъ уставѣ. — Розовыя надежды по этому поводу. — Какъ поднять университетскую науку? — Церковно-приходскія школы и положеніе духовенства.

Нельзя не пожалѣть русскаго читателя. Ему такъ часто, по поводу весьма разнообразныхъ вопросовъ, притомъ всегда совершенно невиннаго свойства, приходится присутствовать при самыхъ возмутительныхъ схваткахъ разныхъ органовъ печати. Какъ ни испытанъ, въ этомъ отношеніи, русскій читатель, какъ ни закалены его нервы, имъ не менѣе и онъ не могъ не испытывать серьезнаго волненія, не прійти въ замѣшательство, присутствуя при послѣднемъ спорѣ газетъ о томъ, что *правительственно* и что *неправительственно*.

Нелегко взять въ толкъ, откуда, какъ и для чего могъ возникнуть такой пространный, неумѣренно-запальчивый и утомительный споръ. Какъ бы ни былъ поверхностно знакомъ русскій человѣкъ съ закономъ, онъ все же знаетъ, что въ государствѣ есть Глава, облеченный *единою и нераздѣльною властью*; что, затѣмъ, всѣ остальные существующія власти и дѣйствующія въ государствѣ учрежденія почерпаютъ свою силу изъ этого источника и дѣйствуютъ на основаніи даннаго имъ, къ руководству и исполненію, закона; наконецъ, законъ точно опредѣляетъ взаимодѣйствіе властей и учреждений, а также и подчиненіе ихъ верховной государственной власти. Все это, взятое вмѣстѣ, и составляетъ *правительство*, какъ привыкъ понимать его русскій человѣкъ.

Такъ все это просто, ясно и, въ то же время, до крайности азбучно. И вдругъ, наперекоръ этой нашей государственной азбукѣ,

нашлись газеты (въ Петербургѣ и Москвѣ), которыя однимъ взмахомъ пера объявили судебныя, земскія и городскія учрежденія, съ правительствующимъ сенатомъ во главѣ — на *анти-правительственномъ* положеніи.

Къ удивленію, и въ первый разъ уже поднимается эта травля высшихъ государственныхъ учрежденій на страницахъ извѣстнаго рода петербургскихъ и московскихъ газетъ. Мы употребляемъ слово „травля“ именно потому, что эта полемика, по своему раздражительному и не всегда приличному тону, весьма существенно отличается отъ *свободной критики*, предоставленной, по закону, русской печати. Такъ, недавно еще государственный совѣтъ былъ объявленъ одною московскою газетою «сборищемъ какихъ-то неизвѣстныхъ генераловъ», причемъ на дѣятельность этого высшаго законодательнаго учрежденія, равно какъ и на его благонадежность, наброшена была черная тѣнь. Мы не придали тогда никакого значенія этой выходкѣ, ибо не имѣемъ обычая, по поводу несочувственныхъ намъ увлеченій прессы — кивать головою въ сторону репрессивныхъ мѣръ и запрещеній, и думаемъ, что эти увлеченія все таки лучше полного молчанія. Мы не оставились бы и теперь на отрицаніи существующаго порядка и закона, еслибы оно не вылилось въ такую невозможную форму, не облетѣло бы всей земли русской, оставивъ, въ то же время, за собою такой характерный слѣдъ, представляющій весьма выразительную смѣсь недомыслия и раздраженія. И немудрено. Горсточка московскихъ и петербургскихъ публицистовъ, какъ ни въ чемъ не бывало, крошитъ и ломаетъ и существующее законодательство, и высшія государственныя учрежденія, не говоря ужъ о земствѣ и всякихъ другихъ учрежденіяхъ, имѣющихъ хоть какую либо тѣнь корпоративности. Какъ тутъ не потеряться робкому русскому „обышателю“, особенно при нѣкоторой трудности оріентироваться, что можно и чего нельзя, что дозволено и что возбранено...

Эта сторона дѣла довольно недурно оттѣнена „Новымъ Временемъ“, которое, въ полемикѣ о „правительствѣ“ и «анти-правительствѣ», заняло сравнительно выгодную и благодарную позицію. Эта газета догадалась, по крайней мѣрѣ, познакомить своихъ читателей съ буквою закона о правахъ, полномочіяхъ и обязанностяхъ сената, причемъ не безъ остроумія свела, такъ сказать, на одну ставку «два нигилизма», разбѣдающіе современную русскую жизнь — «Новое Время», между прочимъ, говорить:

«Съ холерой, обусловленной существованіемъ неизмѣримо малой бакцилы, вотъ справляются, а съ нигилизмомъ нѣтъ — вопросъ, повидимому, крайне странный и

то же время воплѣтъ роковой вопросъ. Намъ кажется, что хладнокровный зритель нашихъ радостей и печалей, легко бы могъ дать на него совершенно категорическій отвѣтъ.—У васъ, скажалъ бы онъ, два нигилизма,—Бодри д'Асонъ во французской палатѣ вопируетъ вмѣстѣ съ Клемансо, въ Москвѣ же Катковъ подкрѣпляетъ свои мысли мыслями П. Лаврова. Это знаменательно, это характерно и совершенно категорически отвѣчаетъ на вопросъ. Представьте себѣ армію, у которой авангардъ находится въ смертельной враждѣ съ арьергардомъ, и такъ какъ они никоимъ образомъ не могутъ столкнуться лично, то и направляютъ свои удары другъ въ друга черезъ самую армію. Развейте аналогію дальше. Представьте, что авангардъ купленъ непріателемъ и, въ дѣлахъ послѣдняго, учиняетъ безпорядки. Съ нимъ главный корпусъ весьма скоро могъ бы справиться, но вотъ только что хотятъ начать энергичныя дѣйствія, какъ въ тылу арміи арьергардъ, движимый патріотизмомъ (?) или честолюбіемъ начальника, начинаетъ свой безпорядокъ, хлопочетъ о чемъ-то, на что-то доносить и инсинуируетъ, распекая командировъ, давая непрошенныя совѣты и ясно показывая, что онъ согласенъ охранять тылъ арміи *только при условіи*, чтобы армія стала зади своего арьергарда и пустила бы послѣдній на свое мѣсто.

■ «Понятно, что при такихъ условіяхъ усердный арьергардъ невольно помогаетъ взбунтовавшемуся авангарду.

«Изъ этой аналогіи, довольно хорошо исчерпывающей внѣшнее положеніе воюющихъ между собою *усердныхъ друзей порядка* съ *сознательными друзьями безпорядка*, и самого общества, случайно оказавшагося между сражающимися, видно, что поведеніе арьергарда—создаетъ большую опасность, ибо бьетъ общество съ тыла, угрожая опасностями и несчастіями, исторически уже миновавшими. Дѣлается ли послѣднее изъ неразумнаго усердія, или также ради цѣлей личнаго честолюбія, это еще вопросъ и тѣмъ болѣе неразрѣшимый, что войска арьергарда и авангарда, по происхожденію, родственны между собою. Кто же поручится за то, что когда дружными усиліями враждующихъ создается окончательный хаосъ въ обществѣ,—ризами послѣдняго они братски между собою не подбѣлится? И тѣ и другіе не любятъ закона, развитія законности, и для колебанія законности считаютъ всѣ средства дозволительными, всѣ способы хорошими».

Мы вполне сочувствуемъ этому взгляду, и еще раньше имѣли случай нѣсколько разъ останавливать вниманіе читателей на томъ, что, какъ ни велико, повидимому, различіе между двумя крайними партіями, но, въ сущности, онѣ взаимно помогаютъ другъ другу, обусловливаютъ существованіе другъ друга и даже непосредственно соприкасаются въ пунктѣ безшабашнаго отрицанія, не справляясь ни съ исторіею, ни съ наукою, ни съ закономъ, ни съ многовѣковымъ опытомъ нашего прошлаго, установившаго данный порядокъ и законъ. Вотъ факты.

По основному русскому закону (томъ I Свода законовъ), „правительствующій сенатъ есть верховное мѣсто“. Ему „принадлежитъ высшій надзоръ въ порядкѣ управленія и исполненія“. Онъ, какъ „хранитель законовъ“, печется „о повсемѣстномъ наблюденіи правосудія“, а также и о *средствахъ* „къ прекращенію всякихъ противозаконныхъ дѣйствій во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ“. Нако-

нецъ, „власть правительствующаго сената ограничивается единою властію Императорскаго Величества; иной же высшей власти онъ надъ собою не имѣть“. И вдругъ находится горсть публицистовъ, посягающихъ на права и власть этого „верховнаго мѣста“, своимъ умомъ додумавшихся до отрицанія „Свода законовъ“ русскаго государства и провозглашающихъ этотъ неслыханный абсурдъ съ апломбомъ, не допускающимъ никакихъ сомнѣній, какъ величайшее, будто бы, благо для государства и населенія. Они, эти публицисты, рѣшаются называть всю корпорацію этого *верховнаго* учрежденія „умами недовольно зрѣлыми и характерами недовольно крѣпкими“, — рѣшаются заподозривать *in concreto* этотъ высшій государственный трибуналъ въ „эфемерныхъ и фальшивыхъ доктринахъ“.

Замѣьте, кстати, что по закону „указы сената исполняются всѣми подчиненными ему мѣстами и лицами, какъ собственные Императорскаго Величества, и одинъ Государь или именной его указъ можетъ остановить сенатское повелѣніе“. Между тѣмъ объявленіе сената „анти-правительственнымъ“ учрежденіемъ вызвано именно его указами или рѣшеніями за послѣднее время, направленными къ исправленію нѣкоторыхъ неправильностей, допущенныхъ въ административномъ порядкѣ. Мы радуемся за полную свободу, которою воспользовалась печать, по отношенію къ сенату, но насъ смущаетъ вопросъ: не имѣтъ-ли эта свобода монопольнаго характера?

Разберемъ однако въ подробности, чѣмъ заслужилъ сенатъ такую позорную диффамачію, какой подвергся онъ со стороны органовъ печати, у которыхъ съ языка не сходятъ выраженія въ родѣ: „авторитетъ власти“, „потрясеніе основъ“ и пр. и пр. Провинности сената оказываются не провинностями, а точнымъ соблюденіемъ смысла закона.

Такъ, напримѣръ, сенатъ не призналъ предосудительнымъ или противозаконнымъ чествованіе с.-петербургскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ памяти И. С. Тургенева. И какъ бы ни раздражало публицистовъ извѣстной категоріи такое рѣшеніе сената, но иная какая нибудь резолюція представляла бы просто *non sens*, въ юридическомъ и нравственномъ смыслѣ. И. С. Тургеневъ не только не былъ замѣченъ въ чемъ нибудь предосудительномъ въ политическомъ отношеніи, но всею своею литературною дѣятельностью прославилъ русское имя, какъ великій художникъ, имѣющій значеніе не въ Россіи только, но и во всемъ образованномъ мірѣ. Мы помнимъ слѣдующую оцѣнку Тургенева на страницахъ „Правительственнаго Вѣстника“ (№ 96), по поводу книги В. П. Буренина — „Литера-

турная дѣятельность Тургенева“. „Немногіе изъ писателей—говорить официальная газета—могутъ выставить такую роскошную галерею большихъ и мелкихъ шедевровъ искусства“ и немногіе могутъ похвалиться такимъ вліяніемъ на общество, какимъ пользовался Тургеневъ, который „въ своихъ произведеніяхъ является однимъ изъ наиболѣе плодотворныхъ и крупныхъ художниковъ, не только въ отечественной литературѣ, но и въ европейскихъ“. Значить, не по общепринятому только взгляду, но и по мнѣнію официальной газеты, служащей во всемъ отраженіемъ и выраженіемъ взглядовъ правительства, заслуги Тургенева передъ родиною такъ велики, что ими не можетъ не гордиться русская нація. Если за городскимъ общественнымъ управленіемъ признавать функціи хоть немного выше ассенизаціонныхъ обязанностей и заботливости о порядкѣ пожарной команды, то столичному русскому общественному управленію было бы непростительно стыдно передъ всѣмъ образованнымъ міромъ, еслибы оно не приняло участія въ чествованіи памяти величайшаго и знаменитѣйшаго изъ современныхъ русскихъ писателей. Если же, по увѣренію нѣкоторой клики, къ чествованію памяти Тургенева присоединились, будто бы, неблагонадежные въ политическомъ смыслѣ элементы, то кто же мѣшалъ элементамъ добронадежнымъ примкнуть къ этому движенію и даже стать во главѣ его?!

Точно также не согласился сенатъ съ казанскимъ губернаторомъ, усмотрѣвшимъ что-то предосудительное въ земской панихидѣ по баронѣ Н. А. Корфѣ, извѣстномъ русскомъ педагогѣ, и неменѣе извѣстномъ земскомъ дѣятелѣ, А. И. Кошелевѣ. И здѣсь тоже нельзя понять, въ силу какихъ соображеній сенатъ могъ бы признать эту панихиду предосудительною и во имя чего ратуютъ публицисты особаго порядка, переименовывающіе сенатъ въ „анти-правительство“. Никакимъ божескимъ и человѣческимъ закономъ никогда не возбранялось молиться о комъ бы то ни было, кромѣ лицъ проклятыхъ и отверженныхъ церковью, которымъ поэтому и нѣтъ мѣста въ собраніи вѣрующихъ. Съ другой стороны, заслуги барона Корфа, какъ педагога, и Кошелева, какъ общественнаго дѣятеля, не подлежатъ сомнѣнію, а тѣмъ болѣе какому-либо произвольному, недостойному заподозриванію, такъ какъ заслуги эти на виду у всѣхъ. Можно смѣло ручаться, что въ числѣ казанскихъ земцевъ, которымъ пришла благая мысль почтить память барона Корфа, наберется немало такихъ, которые и сами освоились съ педагогикой по книгамъ Корфа и по нимъ же научили своихъ дѣтей. Что же касается А. И. Кошелева, то, какъ земскій дѣятель, онъ принималъ всегда слишкомъ горячее

участіе во всѣхъ выдающихся общественныхъ вопросахъ, слишкомъ много способствовалъ ихъ выясненію, чтобы русское земство могло не чувствовать признательности къ памяти этого, во всякомъ случаѣ, крупнаго общественнаго дѣятеля. Мы не знаемъ, съ какого времени, за что и почему А. И. Кошелевъ попалъ подъ замѣчаніе у публицистовъ, состоящихъ въ исключительномъ положеніи. Между тѣмъ Кошелевъ извѣстенъ русской землѣ не только какъ выдающійся общественный дѣятель, но и какъ одинъ изъ самыхъ видныхъ сотрудниковъ статсъ-секретаря Милютина, удостоившійся особеннаго монаршаго вниманія и милостей за свою дѣятельность въ Царствѣ Польскомъ.

Большое несчастье для націи, если она не умѣетъ цѣнить заслугъ своихъ согражданъ, — если она равнодушна къ ихъ дѣятельности. Это признакъ впадка сознанія у націи, — признакъ нравственнаго ея разложенія. И нужно благодарить судьбу, что есть общественныя учрежденія, которыя стараются помнить и посылно чтить заслуги лучшихъ русскихъ людей, есть сенатъ, который съ достоинствомъ и тактомъ, подобающимъ верховному учрежденію, систематически отстаиваетъ это естественное право общества. Отнимите у общества это право, заставьте его сегодня поклоняться тому, что оно презирало вчера, и наоборотъ, — оно разложится, задохнется отъ нравственнаго удушья.

Но больше всего злобствуютъ своеобразные московскіе и петербургскіе публицисты по поводу двухъ сенатскихъ рѣшеній: одно — признаніе за земствомъ права возбуждать передъ правительствомъ ходатайства по вопросамъ, имѣющимъ общее государственное значеніе, и снятіе съ этого рода ходатайствъ губернаторскихъ запрещеній; другое — указаніе рязанскому губернскому предводителю дворянства, г. Муромцеву, на неправильность его распоряженія о недопущеніи мнѣнія князя С. В. Волконскаго до баллотировки. О значеніи перваго сенатскаго рѣшенія, равно какъ и о причинахъ, вызвавшихъ это рѣшеніе, было подробно сказано нами въ предыдущей книгѣ „Наблюдателя“, и мы излишнимъ считаемъ еще разъ говорить объ этомъ. Остановимся на второмъ рѣшеніи сената, затрагивающемъ одно изъ больныхъ, можно сказать, мѣстъ земства.

Правилами о порядкѣ производства дѣлъ въ общественныхъ и сословныхъ собраніяхъ (прилож. къ ст. 1,900, т. II, ч. 1 Св. Закон.) предоставлено право предсѣдателямъ собраній прекращать разсужденія, „удаляющіяся отъ вопроса и существа дѣла“, и не допускать дальнѣйшаго обсужденія предложеній, признанныхъ „несогласными

съ законами или выходящими изъ круга предметсвъ вѣдомства собраній“. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ проявленій такъ называемой дискреціонной власти, противъ которой въ принципѣ ничего нельзя имѣть, если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія правильного примѣненія закона. Но въ томъ-то и бѣда, что законъ и практика дѣла довольно рѣзко расходятся между собою. Весьма не рѣдки случаи, что предсѣдатели собраній не допускаютъ обсужденія и баллотировки такихъ вопросовъ, которые не представляютъ даже ни малѣйшихъ признаковъ «несогласія съ законами» и безусловно входятъ въ кругъ предметовъ вѣдомства собранія.

Проявленія дискреціонной власти въ высшей степени разнообразны. Этою властью облечень, до извѣстной степени, даже простой будочникъ и сельскій десятскій, въ видахъ предупрежденія срамословія, нарушенія общественной тишины и спокойствія и т. д. Еслибы дискреціонная власть во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она признана закономъ необходимою, примѣнялась лишь до той границы, какая установлена закономъ-же—противъ нея не сталъ-бы возражать ни одинъ благоразумный человѣкъ. Возьмемъ, на примѣръ, законы о печати. По этимъ законамъ, печать можетъ обо всемъ говорить, все обсуждать, стоя на почвѣ основнаго нашего законодательства и существующаго порядка. Если практическое примѣненіе дискреціонной власти въ отношеніи печати строго сообразуется съ этими рамками, которыя отведены ей основнымъ закономъ, никому и въ голову не придетъ жаловаться на произволъ и стѣсненія цензуры: эти жалобы были бы также смѣшны и дики, какъ смѣшны и дики стѣванія тѣхъ, которые вздумали бы негодовать, что имъ не даютъ воли въ дѣяніяхъ противозаконныхъ, противныхъ общественному и государственному порядку и безопасности. Поэтому, нельзя не отнестись съ благодарностью къ высшей власти по дѣламъ цензуры за то, что она, въ разсматриваемомъ нами случаѣ, не только не сзузила рамокъ, отведенныхъ закономъ для печати, но даже раздвинула ихъ до предѣловъ, едва-ли мыслимыхъ прежде.

Но въ тѣхъ случаяхъ, когда дискреціонная власть переступаетъ границу, отмежеванную ей закономъ,—она посягаетъ на естественныя права человѣческой личности. Все равно, кто-бы ни нарушалъ эти права — простой-ли будочникъ и сельскій десятскій, или чинъ, занимающій болѣе видный постъ, — это одинаково тяжело и обидно для человѣческаго достоинства. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда дискреціонная власть, такъ или иначе, касается дѣятельности общественныхъ учреждений, нужно еще принять во вниманіе, кромѣ того,

и вредное вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ, если произвольно примѣняется veto, во всѣхъ его разновидностяхъ. Однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ проявленій этого veto представляется произвольное отношеніе предсѣдателей земскихъ собраній къ вопросамъ, возбуждаемымъ и обсуждаемымъ въ собраніяхъ. Къ сожалѣнію и несчастію, предсѣдатели собраній подвергаются за такіе дѣйствія ответственности въ весьма слабой степени. Они подлежатъ только „замѣчаніямъ и выговорамъ въ порядкѣ административномъ, по усмотрѣнію правительствующаго сената“. Это далеко не соответствуетъ размѣрамъ того вреда, который приноситъ обыкновенно недопущеніе къ разсмотрѣнію того или другаго вопроса, какъ въ этомъ можно убѣдиться, между прочимъ, и изъ столкновенія губернскаго гласнаго, князя С. В. Волконскаго, съ предсѣдателемъ земскаго собранія, предводителемъ дворянства, Л. Н. Муромцевымъ.

Столкновеніе это произошло въ январскую сессію, 1883 года, рязанскаго губернскаго земскаго собранія, по вопросу о земской статистикѣ, такъ много надѣлавшей шума въ свое время. Читатели, безъ сомнѣнія, не забыли еще, какую бурю вызвалъ въ рязанскомъ земствѣ выходъ въ свѣтъ мѣстнаго „Сборника статистическихъ свѣдѣній“. Рязанскіе земцы, признавшіе, почему-то, неблагопріятнымъ для себя точный учетъ мѣстныхъ производительныхъ сельскихъ силъ, приговорили неповинный „Сборникъ“ къ уничтоженію. Тогда гласный, князь Волконскій, основываясь на томъ, что „уничтоженіе во все не опредѣляетъ степени достовѣрности данныхъ, заключающихся въ Сборникѣ“, предложилъ, раньше уничтоженія, передать „Сборникъ“ на разсмотрѣніе раненбургскаго и данковскаго уѣздныхъ земскихъ собраній, какъ наиболѣе заинтересованныхъ, для провѣрки фактовъ, вызвавшихъ оскорбительныя для земства пререканія. Когда князь Волконскій просилъ разрѣшенія прочесть свое мнѣніе по этому предмету, предсѣдатель Муромцевъ предложилъ собранію рѣшить— слѣдуетъ-ли разсматривать это предложеніе. „не имѣющее — какъ онъ выразился — никакой связи съ обсуждаемымъ вопросомъ“. На это князь Волконскій возразилъ, что предсѣдатель не можетъ судить, въ какой мѣрѣ его предложеніе имѣетъ связь съ вопросомъ о „Сборникѣ“, не ознакомившись предварительно съ содержаніемъ мнѣнія, предлагаемаго на обсужденіе собранія. Тогда предсѣдатель прочелъ предложеніе и заявилъ, что, „ознакомившись съ предложеніемъ кн. Волконскаго, онъ вновь и уже *вполнѣ сознательно* предлагаетъ къ разрѣшенію вопросъ: угодно-ли допустить къ обсужденію новое предложеніе кн. Волконскаго, не находящееся въ связи съ

обсуждаемымъ вопросомъ“. Собраніе, большинствомъ 28 голосовъ противъ 24, высказалось утвердительно. Затѣмъ, когда пренія были закончены и дѣло дошло до баллотировки, предсѣдатель собранія, г. Муромцевъ, заявилъ, что, „имѣя въ виду уже состоявшееся постановленіе собранія о непригодности „Сборника“ и уничтоженіи его, и имѣя въ виду требованіе г. губернатора о представленіи этого „Сборника“ на его просмотръ, онъ не допускаетъ баллотировки вопроса“.

Отмѣтимъ еще слѣдующую, довольно характерную черту. Когда гласные: Повалишинъ, А. Н. Левашевъ, Климовъ, Мих. Павл. Ремезовъ, Дворжакъ и Офросимовъ заявили, что они подадутъ на такое распоряженіе предсѣдателя собранія жалобу въ правительствующій сенатъ, то предсѣдатель, г. Муромцевъ, отвѣтилъ, что „подобная жалоба будетъ уже не первая и, вѣроятно, не послѣдняя“, что „такое заявленіе не воспрепятствуетъ ему продолжать руководить занятіями собранія, *строго придерживаясь* (?) требованій справедливости и истины“. Чрезвычайно рѣзко и далеко невыгодно для предсѣдателя бросается въ глаза этотъ самоувѣренный тонъ относительно „не первой“ и „не послѣдней жалобы“. Словно, въ самомъ дѣлѣ, земское собраніе и предсѣдатель его—это какія-то двѣ воюющія стороны, поставленныя въ необходимость считаться другъ съ другомъ на почвѣ „жалобъ“.

Къ счастью, однако, сенатъ не призналъ за предсѣдателями собранія права, въ одно и то же время, „вполнѣ сознательно“ предлагать земской корпораціи обсуждать какой-либо вопросъ и, затѣмъ, не менѣе „сознательно“, не допускать его до баллотировки. Предсѣдатель Муромцевъ, въ своемъ объясненіи, доставленномъ имъ въ сенатъ, заявляетъ, что онъ „ошибся, допустивъ пренія по предложенію кн. Волконскаго“. Но сенатъ вполнѣ основательно нашелъ, что такое объясненіе „нисколько не свидѣтельствуетъ того сознательнаго отношенія къ дѣлу“, о которомъ заявлено въ журналѣ рязанскаго губернскаго земскаго собранія XIV чрезвычайнаго созыва,—и потому рѣшили „указать губернскому предводителю дворянства Муромцеву на неправильность его распоряженія о недопущеніи мнѣнія кн. Волконскаго до баллотировки“.

Относясь съ полнымъ уваженіемъ къ этому рѣшенію сената, нельзя, однако, не замѣтить, что послѣдствія предсѣдательскаго произвола остались во всей своей силѣ. Данныя, заключающіяся въ „Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній“ рязанскаго земства, вызвавшій столько нареканій, остались непровѣренными; вмѣстѣ съ вѣмъ остался

открытымъ вопросъ о степени ихъ достовѣрности, а также и общій вопросъ—о довѣрїи къ земскимъ статистическимъ работамъ и о средствахъ для провѣрки данныхъ земской статистики. Это обстоятельство служить, между прочимъ, нагляднымъ доказательствомъ, какаѣ настоящая необходимость ощущается въ сокращенїи правъ, предоставленныхъ предсѣдателямъ земскихъ собранїй, или, по крайней мѣрѣ, въ возможно точномъ опредѣленїи границъ предсѣдательской власти.

Вотъ эти-то рѣшенїя сената, обязательныя для всѣхъ и каждаго, какъ положительный законъ, и привели въ samozабвенїе нашихъ доморощенныхъ мудрецовъ, своимъ умомъ дошедшихъ до отрицанїя „Свода законовъ Россійской имперїи“. Они позволяютъ себѣ бросать въ лицо правительствующему сенату такїе тяжкіе упреки и обвиненїя, что почтенныхъ русскихъ сенаторовъ пришлось бы судить, какъ измѣнниковъ, какъ самыхъ опасныхъ государственныхъ преступниковъ, еслибы въ переименованїи русскаго сената въ „анти-правительство“,—такъ усиленно пропагандируемомъ горстью публицистовъ,—была хоть тѣнь здраваго смысла, не говоря ужъ о правдѣ нравственной, о политическомъ значенїи этой ни съ чѣмъ несообразной пропаганды, о воздѣйствїи ея на нервы общества. Въ своемъ изступленїи, публицисты этого рода, злобствуя на весь мїръ, видимый и невидимый, зарпортовались до такой степени, что стали печатно разглагольствовать, будто бы сенатъ въ своихъ рѣшенїяхъ, имѣющихъ силу закона, не долженъ руководствоваться закономъ!! По ихъ мнѣнїю, органы общественнаго самоуправленїя обязаны строго держаться предѣловъ закона, опредѣляющихъ ихъ функціи; сенатъ же, которому предоставлено высшее наблюденїе за дѣятельностью этихъ органовъ, долженъ дѣйствовать не на основанїи того же закона, а „на основанїи равно для всѣхъ правительственныхъ вѣдомствъ обязательной системы“.

„Законъ“ и „система“!.. Но разъ есть какаѣ-то „система“, можетъ-ли она быть *вне основнаго государственнаго закона*, не заключаѣя въ себѣ болѣе или менѣе существенныхъ элементовъ анти-государственности? И наоборотъ: развѣ можетъ быть основной государственннй законъ *безъ системы*?.. Въ общественномъ и государственномъ смыслѣ, основное государственное законодательство и *система*—равнозначущи; обязательно должны быть всегда равнозначущими.

Очевидно, такимъ образомъ, что, при первой попыткѣ освѣтить это неосмысленное лжеученїе, чуждое всякаго политическаго смысла и азбуки понятїй о государственности,—оно представляется вздоръ

нымъ наборомъ словъ, оскорбительнымъ не столько для сената, сколько для достоинства русскаго печатнаго слова. Въ самомъ дѣлѣ, что такое „система“, въ переводѣ на языкъ законодательства и въ при- мѣненіи къ сенату? „Сенатъ—говорится въ 226 статьѣ Свода учрежденій государственныхъ—*основываетъ опредѣленія свои вездѣ и во всѣхъ дѣлахъ на изданныхъ законахъ, уставахъ и предписанныхъ пра- виллахъ*, не перемѣняя въ оныхъ, безъ доклада Императорскому Величеству, ни единой буквы“. О какой же иной „системѣ“ говорятъ публицисты, такъ неумѣстно выступающіе съ претензіей быть или, по крайней мѣрѣ, казаться выше закона,—съ претензіей однимъ взмахомъ пера освободить сенатъ отъ основнаго его обязательства передъ государствомъ? Гдѣ, когда и къмъ изобрѣтена и узаконена такая-то иная „система“, несогласная, будто бы, съ основнымъ законодательствомъ и, въ то же время, „равно для всѣхъ правительственныхъ вѣдомствъ обязательная“?!

И смѣхъ, и горе разбираетъ, когда серьезно остановишься надъ этимъ предписываніемъ верховному государственному учрежденію „обязательствъ“, идущихъ въ разрѣзъ съ основнымъ государственнымъ закономъ. *Смѣхъ*—потому, что очень ужъ нелѣпа и ни съ чѣмъ несообразна эта претензія предписывать „равно для всѣхъ правительственныхъ вѣдомствъ обязательное“ беззаконіе, *горе*—потому, что замашка говорить тономъ, не допускающимъ сомнѣній и возраженій, привилегія раздавать аттестаты въ „благонадежности“ или въ „анти-правительственности“, не стѣсняясь, въ этомъ случаѣ, даже вторитетомъ государственнаго совѣта и сената,—все это производить нестерпимо горькое впечатлѣніе.

Эти непризнанные оракулы пытаются увѣрить простодушныхъ русскихъ людей, что еслибы сенатъ вторгался въ дѣятельность губернаторовъ, то онъ вносилъ бы въ нашу государственную жизнь „страшную смуту“ и даже „въ концѣ концовъ сдѣлалъ бы правительствомъ совершенно невозможнымъ“. Трудно доискаться положительнаго, практическаго смысла въ этой нелѣпости; но зато ясенъ и точенъ смыслъ закона, опредѣляющаго отношеніе сената ко всѣмъ другимъ правительственнымъ мѣстамъ и лицамъ. „Правительствующій сенатъ—говорится въ законѣ—есть верховное мѣсто, которому въ гражданскомъ порядкѣ суда, управленія и исполненія подчинены всѣ вообще мѣста и установленія въ имперіи, кромѣ тѣхъ, кои особеннымъ закономъ изъяты отъ сей зависимости“. Къ этой категоріи учреждений относятся: министерство императорскаго двора, опекунскіе совѣты императорскаго воспитательнаго дома и т. под. установ-

ленія, но ни въ какомъ случаѣ—не губернаторы. Да и не только губернаторы, но и министры не изъяты изъ подъ контроля и вѣдѣнія сената, какъ это категорически выражено въ слѣдующей статьѣ закона: „Если сенатъ усмотритъ, что по частямъ, управленію министровъ вѣренными, вкрались важныя злоупотребленія, или откроетъ въ донесеніяхъ, министрами Императорскому Величеству поднесенныхъ, обстоятельства, несогласныя съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ въ таковыхъ, заслуживающихъ особенное уваженіе, случаяхъ сенатъ, истребовавъ объясненіе отъ министра той части, до котораго сіе относится, ежели найдетъ оное неудовлетворительнымъ, представляетъ на разсмотрѣніе Императорскому Величеству“.

Вотъ это-то именно и не нравится нашимъ самобытнымъ отрицателямъ „Свода законовъ“. Имъ такъ хотѣлось бы, почему-то, обратить этотъ высшій трибуналъ, это „верховное мѣсто“, эту „власть надъ властями“ въ какой-то „вспомогательный правительству органъ“, въ какое-то побочное учрежденіе, «состоящее изъ нѣсколькихъ назначаемыхъ правительствомъ лицъ», съ болѣе чѣмъ неопредѣленнымъ обязательствомъ какаго-то блюстителя «законной свободы частныхъ лицъ» противъ злоупотребленій со стороны разныхъ властей“.

Неимовѣрно путаются и сбиваются въ самыхъ элементарныхъ понятіяхъ эти престарѣлыя дѣти публицистики, выступающія въ роли привилегированныхъ законодателей. Въ одномъ мѣстѣ они говорятъ, что „губернаторъ есть слуга своего государя и органъ его правительства: онъ можетъ оцѣнивать общественныя явленія не иначе, какъ съ точки зрѣнія правительства“. Короче говоря, губернаторъ *непогрѣшимъ*, не можетъ ошибаться въ оцѣнѣ общественныхъ явленій,—не можетъ только потому, что онъ—губернаторъ. Но, какъ извѣстно, распоряженія губернаторовъ становятся нерѣдко объектомъ судебного слѣдствія, чего ужъ никакъ не могутъ отвергнуть даже и публицисты, которые, рядомъ съ изытаніемъ губернаторовъ изъ-подъ вѣдомства сената, доказываютъ необходимость огражденія «частныхъ интересовъ» отъ произвола мѣстной администраціи вообще,—въ томъ числѣ, разумѣется, и губернаторской. «Высшая центральная власть—изрекаютъ эти самозванные оракулы—не можетъ услѣдить за всѣми дѣйствіями своихъ органовъ по отношенію къ частнымъ лицамъ, а потому и желателенъ *широкій путь* для жалобъ на неправильныя и притѣснительныя дѣйствія властей».

Итакъ, губернаторы, непогрѣшимые въ «оцѣнкѣ общественныхъ явленій», оказываются настолько погрѣшимыми въ отношеніи „част

ныхъ интересовъ“, что „желателенъ широкой путь для жалобъ“. Но куда же долженъ вести этотъ „путь“? Кто долженъ оцѣнивать, разсматривать эти „жалобы“, если вторженіе сената въ дѣятельность губернаторовъ вносило бы въ нашу государственную жизнь «страшную смуту» и «въ концѣ концовъ сдѣлало бы правительство совершенно невозможнымъ»?!... Абсурдъ, ясный до осязательности. Но и это еще не все, если логически прослѣдить мысль отрицателей разсматриваемой нами категоріи. Допустите на минуту, что сенатъ—дѣйствительно «анти-правительство»; вмѣстѣ съ тѣмъ, вы обязаны были бы допустить, что и все, стоящее ниже сената въ іерархіи властей, обязательно должно быть анти-правительствомъ. Иначе, во имя чего же анти-правительственный сенатъ будетъ терпѣть подъ собою что бы то ни было *правительственное*?!... До такой гомерической нелѣпости, кажется, никто еще не доходилъ.—

Такъ называемая университетская реформа, правильнѣе—нѣкоторыя измѣненія въ университетскомъ уставѣ все еще продолжаютъ заботить общество и вызывать самыя противорѣчивыя сужденія. „Русь“, наприимѣръ, находитъ, что со введеніемъ новаго университетскаго устава „измѣнятся сразу и къ лучшему наши студенты“. Другая московская газета, отличающаяся особенно ненавистью къ университетскому уставу 1863 года, увѣряетъ, что, со введеніемъ ожидаемыхъ измѣненій, университеты изъ школъ „ничего-недѣлалія“ превратятся въ плодотворныя разсадники наукъ, подобно германскимъ университетамъ, приобрѣвшимъ въ этомъ отношеніи громкую и почетную извѣстность. Въ чемъ же, однако, заключается магическая сила этихъ измѣненій, на которыя осталъная часть русской печати не только не возлагаетъ такихъ розовыхъ надеждъ, но и относится къ нимъ съ очень серьезною и осмотрительною критикою?

На страницахъ «Наблюдателя» очень подробно разобраны были основныя приципы, которые легли въ основу университетскаго устава 1863 года, и нѣкоторыя неудовлетворительныя его стороны, имѣющія, однако, въ общемъ, второстепенное значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, намѣчено было то направленіе въ дальнѣйшемъ улучшеніи устава, котораго желательно держаться, чтобы не нанести ущерба приципамъ, руководившимъ университетскою дѣятельностью въ теченіе послѣднихъ 20-ти лѣтъ и оказавшимъ большое вліяніе на ростъ русской науки. Поэтому, въ данномъ случаѣ, мы ограничимся лишь нѣкоторыми замѣчаніями по поводу измѣненій университетскаго устава.

Насколько теперь известно, сущность этихъ измѣненій заключаетъ въ слѣдующемъ. Вводится расширение правъ попечителей учебныхъ округовъ въ отношеніи университетовъ и усиленіе власти ректоровъ. Инспекторъ студентовъ и его помощники, подчиняясь въ своихъ дѣйствіяхъ ректору, будутъ назначаться попечителемъ. Штатная доцентура уничтожается и вмѣсто нея вводится приватъ-доцентура такъ что для всякаго, желающаго быть профессоромъ, обязательно пробывать предварительно три года въ должности приватъ-доцента. Факультетамъ рѣшено предоставить положеніе, болѣе независимое отъ университетскаго совѣта. Для присутствованія на экзаменахъ, какъ студенческихъ, такъ и на ученые степени, въ придачу къ профессорамъ и декану, будутъ назначаться министромъ народного просвѣщенія еще другіе ученые, изъ которыхъ одинъ будетъ и предсѣдателемъ экзаменаціонной комисіи.

Прежде всего, въ этихъ измѣненіяхъ нѣтъ ничего такого, что могло бы служить „импульсомъ для развитія нашихъ университетовъ“ и въ виду чего слѣдовало бы предаваться розовымъ надеждамъ. Не видно также, будто бы предстоящія измѣненія „перекладываютъ на русскую почву нѣкоторые порядки германскихъ университетовъ“. Строго говоря, всѣ эти измѣненія представляютъ лишь переименованіе того, что существуетъ уже въ университетѣ. Если въ этомъ переименованіи и есть нѣсколько отдѣльных штриховъ изъ „порядковъ германскихъ университетовъ“, — зато сущность дѣла рѣшительно не можетъ идти въ сравненіе съ германскими „порядками“. Съ другой стороны, и практическое значеніе этихъ измѣненій также представляетъ еще неподтвержденный опытомъ вопросъ.

Охотно допустимъ, что въ должности попечителей учебныхъ округовъ и ректоровъ университетовъ будутъ лица, выдающіяся по уму, энергіи и образованію. Допустимъ, что они будутъ проникнуты стремленіемъ поднять университетскую науку до наивысшей степени. Но развѣ можетъ быть много сдѣлано однимъ только личнымъ починомъ этихъ лицъ, при условіи расширенія ихъ власти, какъ это имѣется въ виду? Слишкомъ ужъ просто было бы регулированіе университетской дѣятельности, еслибы весь секретъ этого, дѣйствительно, очень труднаго дѣла заключался только въ расширеніи предѣловъ вѣдомства попечителя и увеличеніи ректорской власти. Но степень достоинства каждой законодательной мѣры опредѣляется отнюдь не тѣмъ, что данная мѣра можетъ имѣть хорошіе результаты при наиболѣе благоприятныхъ условіяхъ ея примѣненія, а тѣмъ, насколько устра-

яются всевозможныя уклоненія въ дурную сторону. Если смотрѣть на дѣло съ этой стороны, то едва-ли достигнетъ цѣли расширеніе власти попечителей надъ университетами и упраздненіе выборнаго начала. „Кумовство“ возможно вѣдь не только въ университетскихъ корпораціяхъ, но и въ попечительскихъ канцеляріяхъ.

Подчиненіе университетской инспекціи ректору университета, при условіи опредѣленія и увольненія лицъ инспекторскаго надзора попечителями учебныхъ округовъ, можетъ вызвать на практикѣ весьма нежелательныя коллизіи, крайне вредныя притомъ для гармоническаго теченія университетской жизни.

Что же касается экзаменовъ, то эта мѣра вызываетъ недоумѣніе отъ начала до конца. Во-первыхъ, количество бывшихъ до сихъ поръ университетскихъ испытаній остается безъ измѣненія, и сохраняется излишняя степень магистра, не существующая въ западно-европейскихъ университетахъ. Во-вторыхъ, въ дѣлѣ студенческихъ экзаменовъ можно было выбирать только между собственно-университетскимъ экзаменомъ (т. е. посредствомъ профессоровъ университета) и экзаменомъ государственнымъ (т. е. посредствомъ лицъ, не принадлежащихъ къ университетской корпораціи). Никакой середины въ этомъ отношеніи быть не можетъ. Назначеніе министерствомъ просвѣщенія для экзаменовъ другихъ ученыхъ, въ придачу къ профессорамъ и декану, имѣетъ, конечно, добрую цѣль—подвергнуть большому контролю университетское преподаваніе и знанія, приобретаемыя студентами. Но развѣ профессорскія коллегіи не представляютъ собою такихъ же и даже болѣе авторитетныхъ правительственныхъ органовъ, чѣмъ спеціально назначаемые министерствомъ контролеры? Участіе же этихъ контролеровъ въ экзаменахъ на высшія ученые степени является даже мѣрою, выходящею изъ ряда обыкновенныхъ. Присужденіе высшихъ ученыхъ степеней и соединеннаго съ ними права на профессорскую карьеру должно бы остаться за факультетами, какъ это мы видимъ въ западно-европейскихъ университетахъ, не исключая Германіи. Наконецъ, гдѣ найдетъ министерство просвѣщенія столько компетентныхъ контролеровъ по всѣмъ отраслямъ знанія? Во что обойдется государству оплата труда этихъ контролеровъ, и во имя чего будетъ нести оно этотъ расходъ?..

Поднятіе университетской науки—дѣло великое, важное и въ высшей степени благодѣтельное для государства. Но этого нельзя достигнуть однимъ только измѣненіемъ регламентаціи университетскаго устава, хотя бы даже въ самую благоприятную сторону. Въ

живомъ дѣлѣ необходимы и живыя мѣры. А для этого,—какъ справедливо замѣчено было „Русскими Вѣдомостями“,—„нужно прежде всего, позаботиться о лучшей подготовкѣ лицъ, поступающихъ въ университеты, принять мѣры къ снабженію послѣднихъ въ большихъ размѣрахъ научными средствами и пособиями, къ поднятію положенія нашего университетскаго сословія“. Такого рода мѣры, безъ сомнѣнія, оказали бы немедленное и самое рѣшительное воздѣйствіе на подъемъ университетской науки. Къ сожалѣнію, однако, ожидаемыя измѣненія университетскаго устава, повидимому, вовсе не касаются этихъ сторонъ дѣла. Остается безъ измѣненія даже скудное вознагражденіе за профессорскій трудъ. И странно было бы ожидать, что найдется много охотниковъ подвергать себя трехгодичному приватъ-доцентскому искусу, безъ всякаго опредѣленнаго вознагражденія, для того только, чтобы, наголодавшись, намучившись, добиться въ концѣ концовъ полуобезпеченнаго существованія. Въ виду этого, трудно сочувствовать замѣнѣ штатной университетской доцентуры приватъ-доцентами, особенно если принять во вниманіе, что, при нашей русской бѣдности, учащійся въ университетѣ людъ, идущій затѣмъ по ученой дорогѣ, приходится почти исключительно на средній слой общества, наиболѣе интеллигентный и наименѣ обезпеченный въ матеріальномъ отношеніи. Есть и еще обстоятельство, не лишенное значенія въ смыслѣ подъема университетской науки, на которое указала уже газета „Русь“. Это обстоятельство—право на чины, которое насильственно притягиваетъ къ университету сотни людей, алчущихъ только одного—присоединиться поскорѣе къ казенному пирогу.

„Для того именно, говорить „Русь“, чтобы насадилась у насъ истинная, серьезная наука, необходимо обезпечить возможность *добывать себѣ кусокъ хлѣба и поминку университета*, путемъ средняго, не одного классическаго, но и *реальнаго или технического образованія*: тогда только станетъ возможнымъ поднять уровень науки не на словахъ, а на дѣлѣ, не возбуждая никакого ропота, не плоды тысячей несчастныхъ, высаженныхъ изъ своей бытовой колѣи и не попавшихъ на другую,—не заманивая въ университетъ юношей, по своему общественному положенію и личнымъ способностямъ, къ высшему образованію вовсе не призванныхъ. Необходимо, прежде всего, *перекинуть въ противоположную сторону этотъ пагубный гибель общественнои жизни, благодаря которому все и вся тянутся въ „господа“, въ „благородія“, къ кормленію на государственный счетъ, и всякое честное ремесло почитаютъ для себя „низкимъ“*.

„Не заставляйте-же тянуться массы юношества все вверхъ и вверхъ, черезъ силу, и потомъ, вытянувшись, надламываться, когда бы онѣ могли преблагополучно, съ выгодою для своего здоровья физическаго и нравственнаго и съ пользою для страны, удовлетвориться скромнымъ, сравнительно, ростомъ. Откройте имъ перспективу хлѣб-

наго поприща помпозно классицизма и университетовъ, *освободите послѣдніе отъ привилегій и правъ*,—и тогда только насадится у насъ и серьезное образованіе и серьезная наука“.

Но, къ сожалѣнію, эти привилегіи по прежнему остались за университетами.

Изъ того, что говорилось на дняхъ въ печати по поводу ожидавшагося измѣненія университетскаго устава, заслуживаетъ вниманія слѣдующій эпизодъ, очень пикантный въ извѣстномъ смыслѣ. Одинъ изъ московскихъ редакторовъ, извѣстный своею враждою къ университетскому уставу 1863 года, совершенно неожиданно выступилъ съ увѣреніями, что онъ „право, не обскурантъ, не ретроградъ, не врагъ свободы“, что онъ даже не „заслужилъ клички консерватора“ (это правда: нужно отличать *консерватизмъ* отъ *ретроградства*), что онъ „всегда стоялъ на стражѣ интересовъ науки“ и «не только не противъ свободы научнаго изслѣдованія, но ждетъ не дождется, чтобъ у насъ пробудилась эта неутомимо изслѣдующая, самоотверженно ищущая, безконечно преданная своему предмету мысль, не падающая ни усилій, ни труда». Не правда-ли—недурно сказано. Но не торопитесь хвалить: это только «присказка», а «сказка» впереди.

Газета ополчается на историко-филологическій и юридическій факультеты университета за то, что они не „служатъ естественнымъ продолженіемъ гимназическаго образованія“—по его «задачамъ, духу и методу (?)». Она называетъ эти факультеты «азияриями» нашихъ университетовъ и увѣряетъ, что «насущнаго хлѣба науки въ нихъ генеръ нѣтъ, или почти нѣтъ, если же что и окажется, то развѣ для вида, а не для питанія». «Объ изученіи источниковъ права нѣтъ и помину»; «классической филологіи въ нихъ не ищите»; «подъ разными наименованіями: философіи права, государственнаго права, уголовнаго права, исторіи литературы и т. п., тутъ есть и отрывочныя формулы, и бездоказательныя мнѣнія, ни на чемъ не основанныя обобщенія, произвольные подборы фактовъ, безъ научнаго метода и критики». Такое огульное и голословное «обобщеніе» слишкомъ неумѣстно, потому что оно слишкомъ несправедливо отъ начала до конца. Строго говоря, Европа только за послѣднее 20-лѣтіе познакомилась съ русскою наукою и привыкла справляться съ тѣмъ, что дѣлаютъ русскіе ученые. И немудрено. За этотъ промежутокъ времени, не считал десятковъ прекрасныхъ университетскихъ руководствъ, представляющихъ очень цѣнный вкладъ въ русскую науку, появилась масса очень важныхъ научныхъ изслѣдованій, принадлежащихъ

ученымъ тѣхъ именно факультетовъ, на которые съ такою неумѣренною злобою нападаетъ цитированная нами московская газета. Точно также и въ занятіяхъ студентовъ произошла большая пере-мѣна за послѣднее десятилѣтіе. При большей части кафедръ по наукамъ юридическимъ, историческимъ и филологическимъ учреждены семинаріи, обязывающія студентовъ къ самостоятельному изученію источниковъ.

Но, быть можетъ, найдутся такіе простодушные читатели, кото-рые не прочь приписать это явно недобросовѣстное порицаніе исто-рико-филологическаго и юридическаго факультетовъ просто рвенію московской газеты во имя процвѣтанія и блага науки? Нетрудно разуверить въ этомъ простодушныхъ людей подлинными словами московской же газеты. Она говорить, что

„считаетъ своимъ долгомъ, во имя свободы и въ интересъ науки, протестовать противъ *обязательности* тѣхъ ученій, которыя предоставляются свободѣ, а по тому самому подлежать разномыслию и спору... Только бесспорное есть достояніе науки и только оно должно имѣть обязательную силу для претендующаго на обладаніе ею, только это бесспорное можетъ быть требуемо именовъ государствомъ и сообщать признаваемыя имъ права“.

Каждый, безъ сомнѣнія, пойметъ, что соль этого ехидства кроется именно въ упраздненіи высшей университетской науки. Задача высшаго образованія заключается главнымъ образомъ въ томъ, чтобы познакомить учащихся съ методами, направленіями и воззрѣніями, существующими въ наукѣ, и приучить ихъ къ самостоятельному собиранію, анализу и обработкѣ научныхъ данныхъ. Вамъ говорятъ объ оставленіи „*только* бесспорнаго“ въ университетскомъ образованіи. Но гдѣ-же тотъ всеобъемлющій, почти сверхъестественный умъ, который могъ-бы точно опредѣлить это „бесспорное“ и какимъ именно критеріумомъ оно будетъ опредѣляться? Еслибы изъ высшей науки изгонялось все *спорное*, то никогда-бы и не появилось то „бесспорное“, до котораго успѣлъ уже добиться человѣческой умъ. Тамъ, гдѣ мысль человѣческая упирается лбомъ *только* въ „бесспорное“ и боится заглянуть дальше этой заколдованной границы, тамъ—застой, отсутствіе науки въ истинномъ смыслѣ этого слова, замѣна вѣчно живой, развивающейся и совершенствующейся науки просто *выучкою*. Изученіе какой-бы то ни было высшей науки, безъ знакомства съ ея новѣйшими теоріями и воззрѣніями, безъ ознакомленія съ ея специальными деталями, которыя, едва-ли не въ большинствѣ случаевъ, спорны,—представляется дѣломъ совершенно невозможнымъ, такъ какъ, при этомъ условіи, рѣшительно немислимы ни

самостоятельная разработка научныхъ данныхъ, ни пониманіе текущихъ научныхъ вопросовъ. Короче говоря, московская газета, ратуя за оставленіе „только безспорнаго“ въ университетскомъ образованіи, проповѣдуетъ низведеніе высшей науки до степени средне-учебнаго курса. На языкѣ газеты это называется „естественнымъ продолженіемъ средняго гимназическаго образованія,“ въ примѣненіи къ его „задачамъ, духу и методу“. Въ переводѣ-же на общечеловѣческой языкъ, это значитъ—полный *научный застоѣ*.

Отъ университетской науки обратимся къ самой низшей ступени образованія, къ начальнымъ школамъ. Здѣсь тоже есть нововведеніе—школы церковно-приходскія. Насъ, русскихъ, такъ одолѣла тѣма безграмотства, что всякая мѣра, направленная къ уничтоженію этой тьмы, не можетъ быть встрѣчена иначе, какъ съ сочувствіемъ. Не въ первый разъ уже правительство обращается къ православному духовенству съ напоминаніемъ о его обязанности содѣйствовать преуспѣянію образованія массы населенія. Чѣмъ объясняется эта частая, сравнительно, повторяемость напоминаній объ одномъ и томъ-же? Почему православное духовенство не заботилось до сихъ поръ не только о распространеніи грамотности въ сельскомъ населеніи, но даже и объ исправномъ преподаваніи закона божія въ существующихъ уже начальныхъ школахъ?

«Не благоразумнѣ-ли, не правильнѣ-ли было бы,—говорить „Русь“, по поводу юваго узаконенія о церковно-приходскихъ школахъ,—озаботиться напередъ возстановленіемъ, по возможности, самаго пастырства въ его истинномъ видѣ и образѣ, прежде чѣмъ наладывать на приходскаго священника новыя обязанности? Не основательнѣ-ли poradѣть сначала о томъ, чтобы прямыя-то его обязанности, какъ пастыря и учителя своей паствы, исполнялись имъ рачительно, добросовѣстно, какъ повелѣваетъ долгъ его высокаго званія».

Указавъ, затѣмъ, что даже преподаваніе закона божія производится священниками по „рутинной, формальной, безжизненной методѣ“, что „священниковъ-педагоговъ по призванію — болѣе чѣмъ мало“, — газета И. С. Аксакова говоритъ:

«Наши священники—большею частью—совершители таинствъ и требъ, но не пастыри, а потому и не учителя: таковы неумолимыя условія сложившагося быта и еще болѣе—неумолимый законъ нужды, ставящій на первомъ планѣ для каждаго реккомаго пастыря заботу объ охраненіи себя и своего семейства отъ холода и голода, и объ обезпеченія будущности своихъ дѣтей. Священникъ отправляетъ по праздникамъ богослуженіе, совершаетъ таинства, обряды и требы, разъ въ году выслушиваетъ, болѣе или менѣе торопливо, исповѣдь своихъ прихожанъ,—но этимъ болѣею частью и ограничиваются ихъ къ нему отношенія, онъ не назидаетъ ихъ съ церковнаго амвона своей приходской кафедрой живымъ, не затверженнымъ словомъ, — ничего онъ не толкуетъ имъ, ничего не объясняетъ. Едва-ли кому изъ этихъ сельскихъ пастырей при-

ходить даже и въ голову спрашивать: вѣдомы-ли его духовнымъ дѣтямъ, и если вѣдомы, то кому именно—ну хоть Отче Нашъ и Символь Вѣры... Народъ растетъ около своего пастыря, какъ трава; никто его не учитъ, никто не наставляетъ; ему предоставлено обучаться и просвѣщаться вѣрою самому, чрезъ присутствіе въ храмѣ при богослуженіи“.

Все это, полюбимъ, старо, общезвѣстно, но зато и безусловно справедливо. Нельзя не согласиться съ И. С. Аксаковымъ, что, даваясь цѣлью учить и воспитывать народъ посредствомъ приходскихъ священниковъ, нужно, прежде всего, „перевоспитать пастырей“, измѣнить (т. е. улучшить) матеріальныя условія ихъ жизни и разрѣдить духовное сословіе, это своего рода левитство, привлеченіемъ въ него лицъ ипыхъ сословій. Если сдѣлать все это, да къ тому еще призвать къ жизни и «приходскія общины»,—православное духовенство дѣйствительно окажетъ огромную услугу государству въ дѣлѣ обученія и воспитанія массы населенія — и путемъ живаго слова съ церковной каѳедры, и посредствомъ школъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Служать-ли конференція къ устройству или къ разладу дипломатическихъ вопросовъ? — Гладстоновскій фокусъ въ области политики.—Троиняя рѣчь и суданская экспедиція.— Кто такой Махди?—Размолвка между Англійей и Германіей и сближеніе послѣдней съ Франціею. — Колоніальная политика Бисмарка.—Германія въ южной Африкѣ. — Англію болѣе всего беспокоитъ Россія. — Утверженіе республики во Франціи. — Версальскій конгрессъ.—«Необходимый человекъ» во Франціи.—Война съ Китаемъ.— Сраженіе при Лангъ-Сопѣ. — Подвиги адмирала Курбе въ рѣкѣ Минъ. — Китайское правительство и европейскія репрессаліи.—Распространеніе холеры.—Свиданіе двухъ императоровъ въ Ишлѣ.—Толки о трехъ-императорскомъ свиданіи.—Значеніе урожая.— Покушеніе на короля Милана.—Волненія въ Бельгіи.

Дипломатія давно уже приучила насъ къ тому, чтобы за конференціями, устраиваемыми съ цѣлью уладить международныя недоразумѣнія, слѣдовала еще большій разладъ. Но чтобы за мирными трактатами слѣдовала тотчасъ же новая война между тѣми же державами, и даже безъ объявленія войны — такія примѣровъ немного въ исторіи. Война Франціи съ Китаемъ, впрочемъ, понятна послѣ неисполненія небесною имперіею условій заключеннаго съ нею договора, но почему Англія, закрывъ неожиданно лондонскую конференцію, снова начала войну съ Суданомъ, о которомъ, повиднмому, перестала и думать въ по-

слѣднее время — этого нельзя объяснить никакими логическими, ни даже дипломатическими причинами. Также необъяснимы остаются причины не только закрытія, но и открытія конференціи. Мы, конечно, узнаемъ объ нихъ въ свое время, но теперь, какъ говоритъ сатирическая газета «Punch», «вестминстерскій фокусникъ» ловко и быстро эскамотировалъ конференцію. Этотъ гладстоновскій фокусъ былъ сдѣланъ совершенно просто. Конференція собиралась для обсуждения финансовыхъ прозектовъ объ уплатѣ египетскаго долга. Такой прозектъ былъ представленъ Франціей, но вмѣсто его обсуждения, Гренвиль объявилъ прямо, что предложеніе французскаго уполномоченнаго не можетъ быть принято — а поэтому конференція закрывается. Ваддингтонъ, на котораго Англія очевидно желала свалить всю вину неудачи, предложилъ отсрочить засѣданія; англійскій уполномоченный отвѣчалъ, что Англія не можетъ связывать себя отсрочкою. Ваддингтонъ изъявилъ тогда желаніе внести другое финансовое предложеніе, но Гренвиль не позволилъ ему говорить и тотчасъ же закрылъ засѣданіе, а чтобы придать этому рѣшенію безповоротный характеръ, въ тотъ же день объявилъ парламенту о неудачномъ исходѣ конференціи. Изъ обнародованныхъ потомъ протоколовъ ея оказалось однако, что представители другихъ державъ заявили Гренвилю, что въ неудачѣ виновата не настойчивость Франціи, а неуступчивость Англіи. Эта держава, конечно, довольна неудачнымъ исходомъ переговоровъ, такъ какъ онъ возвращаетъ ей свободу распоряжаться въ Египтѣ по своему усмотрѣнію. Изъ преній оказалось, что Англія вовсе и не намѣревалась вводить въ Египтѣ международный контроль, но вошла въ соглашеніе съ другими державами относительно тѣхъ денежныхъ сборовъ, которые необходимы для Египта, и признала необходимость новаго займа. Сторону Англіи на конференціи приняли только Италія и Турція. Россія была на сторонѣ Австріи и Германіи. Послѣднюю державу Гренвиль просилъ повліять на Францію, но получилъ отказъ. Въ парламентѣ Гренвиль не сознался въ этомъ и утверждалъ, что, въ интересахъ Египта, просилъ только содѣйствія Германіи наравнѣ съ другими державами. Русскій уполномоченный, баронъ Сталь, потребовалъ назначенія делегата отъ Россіи въ составъ комисіи египетскаго государственнаго долга, такъ какъ былъ возбужденъ вопросъ о расширеніи атрибутовъ комисіи, хотя при ея учрежденіи Россія формально заявила, что отказывается отъ своихъ правъ. Гренвиль отвѣчалъ, что не можетъ допустить преній по этому вопросу — по случаю закрытія конференціи. Черезъ три дня послѣ этого закрытія, палата уже утвердила кредитъ, потребованный у нея правительствомъ для покрытія издержекъ на новую экспедицію въ Суданъ и для освобожденія генерала Гордона. Сверхъ того, Гладстонъ отправилъ въ Каиръ лорда Нортбрука съ какими-то таинственными полномочіями, о содержаніи которыхъ отказался сообщать парламенту, чтобы никто уже не мѣшалъ ему дѣйствовать въ Египтѣ по своему усмотрѣнію. 14-го августа закрыли до октября сессію парламента. Въ тронной

рѣчи, въ параграфѣ, касающемся египетскихъ дѣлъ, королева заявила, что «будетъ добросовѣстно исполнять обязанности, вытекающія изъ факта присутствія англійскихъ войскъ въ долину Нила, и что особая миссія, которую она рѣшила отправить въ Египетъ, обсудить, какіе совѣты слѣдуетъ дать египетскому правительству и какіе, соотвѣтственно этому, необходимо принять мѣры». Эти дипломатическія, ровно ничего необъясняющія фразы, конечно, никого не успокоят. Относительно намѣреній Англій, но доказываютъ только, что она рѣшилась дѣйствовать энергически, не допуская европейскаго вѣщательства въ дѣла Египта и Судана. Число англійскихъ войскъ, выступающихъ въ Суданъ, доведено до 10,000 часть ихъ отправляется на судахъ по Нилу, на выручку Гордона, съумѣвшаго уже столько мѣсяцевъ удержатъ въ повиновеніи, въ осажденномъ городѣ, египетское войско, склонявшееся на сторону Махди. Вліяніе этого пророка, въ послѣднее время, значительно уменьшилось. Мы не знаемъ причины его продолжительнаго бездѣйствія, но очевидно, что отъ него отложились многія подчинившіяся ему племена и не вѣрятъ болѣе въ его небесное посланничество. Отряды, посланные имъ въ Донголу, были разбиты; блокада Хартума не повела ни къ какому результату, такъ какъ Гордонъ, имѣя въ своемъ распоряженіи 15 пароходовъ и большіе военные и съѣстные запасы, приготовленные еще для арміи Гикса, свободно поднимается на своихъ судахъ по Нилу, отражая нападенія непріятели.

Теперь, когда власть этого мусульманскаго пророка, по всей вѣроятности, приближается къ концу, любопытно ближе ознакомиться съ этой, во всякомъ случаѣ, далеко не заурядной личностью. Махди Могаметь-Ахмедъ представляетъ замѣчательную смѣсь религіознаго, политическаго и социальнаго фанатизма. Онъ высокаго роста, крѣпкаго сложенія, но начинаетъ толстѣть. Цвѣтъ его тѣла темнокрасный. Онъ хорошо знакомъ съ кораномъ и комментаріями къ нему и всецѣло преданъ выполненію религіозныхъ реформъ, для которыхъ, какъ онъ увѣряетъ, назначенъ самимъ небомъ. Реформы эти клонятся къ истребленію пороковъ, какими заражены мусульмане, и въ особенности турки и египетское правительство. Правовѣрные прежде всего не должны быть изжитыми, не носить дорогихъ тканей и красныхъ башмаковъ, не спать въ богатыхъ коврахъ, а довольствоваться циновками изъ пальмовыхъ листьевъ. Нарушеніе этихъ правилъ ведетъ къ конфискаціи предметовъ роскоши и къ казанію провинившагося. Самъ махди не пьетъ ничего, кромѣ воды, и ведетъ непримиримую войну съ пьянствомъ. Онъ запрещаетъ даже табакъ и кофе и строго наказываетъ за употребленіе этихъ веществъ, а тѣмъ болѣе вина и спиртныхъ напитковъ. Одинъ изъ его приближенныхъ бѣжалъ отъ него, потому что, пойманный въ куреньѣ, получилъ полтора десятка ударовъ плетью. Махди ведетъ самую простую жизнь, но у него 39 женъ и нѣсколько несовершеннолѣтнихъ сыновей. Постоянная его резиденція—въ Обейдѣ, гдѣ онъ живетъ

и дворцѣ прогнаннаго оттуда египетскаго губернатора. Здѣсь онъ впрочемъ занимается только правительственными дѣлами, а свободное время и ночи проводятъ въ выстроенномъ имъ въ саду соломенномъ шалашѣ. Домъ считается также роскошью, и солдаты его, разрушивъ всѣ большія зданія въ Обейдѣ, принудили и жителей города жить въ шалашахъ, крытыхъ соломой. Учение Махди принимается охотно бѣдняками, простыми людьми, но люди зажиточные, считающіе себя образованными, смотрятъ на послѣдователей пророка, какъ въ Европѣ капиталисты смотрятъ на коммунистовъ. Но египетскіе богачи, вмѣстѣ съ тѣмъ, и явные грабители. Не говоря уже о пашахъ и начальникахъ всякаго рода, поставленныхъ турками въ Суданѣ, каждый турокъ, являясь въ арабскую деревню, забираетъ силою у населенія все, что понравится, ничего не платя обобраннымъ. Мудрено-ли, что они возстали на призывъ пророка, считая своими врагами всѣхъ бѣлыхъ, къ какой бы національности они ни принадлежали. Махди проповѣдуетъ уничтоженіе владычества турокъ и европейцевъ во всей Африкѣ. Онъ во всемъ подражаетъ Магомету и обладаетъ способностью привлекать людей къ своему ученію и поддерживать ихъ преданность. Четыре калифа, изъ которыхъ состоитъ его верховный совѣтъ, носятъ имена первыхъ четырехъ калифовъ Магомета. Главный между ними—Абдуллахъ, бывший лейтенантомъ Зебера-паши. Тѣлохранители Махди состоятъ изъ 2,000 жителей Донголы, гдѣ родился и самъ Махди. Во всѣхъ важныхъ сраженіяхъ онъ принимаетъ личное участіе и не щадитъ себя въ бою. При разбитіи арміи Гикса-паши, онъ былъ раненъ въ лобъ. Личная храбрость и побѣды, перенесенныя имъ надъ англичанами и египтянами, сильно подняли его значеніе, но послѣдовавшія за тѣмъ пораженія и продолжительное бездѣйствіе снова повредили ему въ мнѣніи массъ, и новая англійская экспедиція въ Суданъ, въ связи съ готовящимся вторженіемъ въ страну абиссинскаго негуша, положить, безъ сомнѣнія, конецъ возстанію фанатизированныхъ арабовъ и политической роли пророка.

Лондонская конференція имѣла послѣдствіемъ охлажденіе между Англійей и Германіей и сильную полемику между вліятельными органами печати этихъ странъ. Товарищъ англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, лордъ Фицъ-Морисъ, съелъ почему-то нужнымъ заявить въ палатѣ общинъ, что правительство выразило благодарность Италіи и Турціи за поддержку Англійи на конференціи. Вслѣдъ за тѣмъ, англійскія газеты начали обвинять Германію въ томъ, что она, принявъ сторону Франціи, увлекла своимъ примѣромъ Австрію и Россію... „Standard“ даже прямо упрекнулъ этимъ берлинскій дворъ и напомнилъ ему, что Германіи не удалось бы захватить Эльзасъ и Лотарингію, еслибы Англійя не осталась нейтральной. Газета прибавила, что Бисмаркъ дѣйствуетъ такъ подъ вліяніемъ досады на Англійю, за то, что она вмѣшалась въ дѣло о колоніи Анга-Пеквена. Отвѣчая газетѣ „Standard“, „Kreuz Zeitung“ смѣется надъ

благосклонностью англійскаго нейтралитета, нисколько не мѣшавшаго Англии поставлять оружіе французамъ. Нѣмецкая газета даетъ понять, что если Англія будетъ создавать затрудненія Германіи, то эта держава соединится съ Франціей и положитъ конецъ англійскому владычеству на моряхъ... „Kölnische Zeitung“ напоминаетъ, что „Англійейправитъ уже нѣсколько лѣтъ министерство, завѣдомо враждебное Германіи“; также высказывается за сближеніе съ Франціей и надѣется, что причины вражды между нею и Германіей можно устранивъ. Къ этому будто стремится и Висмаркъ, почему газета и совѣтуетъ Франціи протянуть руку примиренія. Пора, говоритъ она, прекратить взаимныя вооруженія, разоряющія оба государства и приносящія пользу одной Англии. Препятствія, встрѣчаемыя Франціей на каждомъ шагу, создаются англичанами, а не нѣмцами, въ глубинѣ души весьма симпатизирующими французамъ. Подобныя странныя признанія никогда не появлялись въ нѣмецкихъ газетахъ. Но всего серьезнѣе былъ отзывъ лейб-органа Висмарка на замѣтку „Times“, что „припадокъ дурнаго расположенія духа Германіи скоро пройдетъ“... „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ прямо обвиняетъ Англию въ неблагодарности къ Германіи, постоянно поддерживавшей британскую политику самымъ безкорыстнымъ образомъ. Лондонскій кабинетъ не соблюдаетъ самыхъ элементарныхъ правилъ вѣжливости: вотъ уже восемь мѣсяцевъ, какъ министерство Гладстона оставляетъ безъ всякаго отвѣта вопросъ берлинскаго кабинета: не имѣтъ-ли Англія какихъ нибудь притязаній на Ангру-Пеквену. Англійское правительство упорно молчитъ, но и его дѣйствія, и образъ дѣйствій правительства Капской колоніи доказываютъ ихъ рѣшимость не допускать образованія германскихъ колоній въ Африкѣ. Подобное же недоброжелательство къ Германіи проявляютъ и австралійскія колоніи Англии, а такой образъ дѣйствій не можетъ, конечно, способствовать улучшенію сношеній между обѣими державами. Улучшеніе расположенія Германіи къ Англии проявится только тогда, когда англичане перестанутъ вредить германскимъ интересамъ, а кто вредитъ имъ, тотъ будетъ всегда врагомъ Германіи“. Послѣ такихъ категорическихъ заявленій, „Times“ понизилъ тонъ и выразилъ мнѣніе, что Африка велика, что въ ней достаточно мѣста для колоній всѣхъ націй и что Германія имѣетъ полное право пріобрѣсти Ангру-Пеквену и основать колонію. Органъ лондонскаго Сити высказываетъ надежду, что добрыя отношенія между дружественными державами не будутъ нарушены. Другія англійскія газеты выразились въ томъ же смыслѣ. Эта быстрая перемена тона не могла не броситься въ глаза. Министерство Гладстона никогда не отличалось угодливостью Германіи и страна не обращала никакого вниманія на то, довольна-ли ею нѣмецкая политика. Одною изъ причинъ паденія кабинета Виконсфильда была его излишняя услужливость и всегдашняя уступчивость Германіи. Четыре года англійскія газеты относились къ Берлину холодно и равнодушно. Что же заставило ихъ заговорить иначе? Испугаться союза Франціи съ

Германіей онѣ не могли, зная очень хорошо, что если кабинеты обѣихъ странъ сойдутся, чтобы дѣйствовать союзно въ виду общихъ государственныхъ интересовъ, — народная вражда еще слишкомъ сильна, чтобы забыть надежды и угрозы реванша. Но Англію несомнѣнно тревожитъ нерасположеніе Бисмарка, весьма опасное при извѣстной энергіи имперскаго канцлера. У Англіи, совершенно изолированной въ настоящее время, нѣтъ союзниковъ въ Европѣ. Англійскіе интересы сталкиваются съ французскими всюду: въ Египтѣ, въ Китаѣ, въ Тунисѣ, на Мадагаскарѣ. Россія и Италія примкнули къ австро-германскому союзу. И, не смотря на это, Англія возбуждаетъ противъ себя неудовольствіе всѣхъ главныхъ державъ; съ Франціей она поступила слишкомъ нецеремонно на конгрессѣ, къ Россіи пристаётъ все съ Мервомъ и Сераксомъ, Австріи продолжаетъ напоминать слова Гладстона по поводу ея хозяйничанья на Балканскомъ полуостровѣ: «руки прочь» (hands off!) наконецъ, возстановила противъ себя и Германію изъ-за ея африканской колоніи.

Мы рассказали подробно, въ 6-й книгѣ нашего журнала, исторію Ангры-Пеквены, имѣя въ виду ту значительную роль, которую она будетъ играть въ колониальной политикѣ Германіи. Странно было представить себѣ, чтобы какая нибудь держава, уважающая международныя отношенія, могла помѣщать другой державѣ основывать колоніи и распространять цивилизацію въ странахъ, населенныхъ полудикими племенами. И однако же Англія почему-то присваиваетъ только себѣ одной право колонизировать нецивилизованныя страны. Она даже не сочла нужнымъ отвѣчать на вѣжливый запросъ Германіи, который эта держава могла бы и не дѣлать: не нарушаются-ли британскіе интересы занятіемъ Ангры-Пеквены. Но въ то же время правительство англійской колоніи Мыса Доброй Надежды послѣдило издать постановленіе, которымъ къ колоніи присоединялись — заливъ Кича и смежная съ нимъ территория. А эта территория лежитъ на сѣверъ отъ Ангры-Пеквены въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нею. Въ Капскомъ парламентѣ было сдѣлано предложеніе, еще болѣе имѣвшее видъ демонстраціи: потребовано присоединеніе къ колоніи всѣхъ земель, окружающихъ Ангру-Пеквену, чтобы помѣщать Германіи вести торговлю въ Африкѣ. Отвѣтомъ на эти неумѣстныя притязанія были энергическія дѣйствія Бисмарка. Въ Ангру-Пеквену пришло имперское судно „Лейпцигъ“, водрузившее въ частномъ владѣніи гамбургскаго купца Людерца германскій государственный флагъ и объявившее Ангру-Пеквену, со всею окружающею ее территорію — германской колоніей и неотъемлемою частью имперіи. Одновременно съ этимъ занятіемъ, Германія пріобрѣла на западномъ берегу Африки еще другую колонію. Въ Камерунскую бухту въ Гвинейскомъ заливѣ, противъ острова Фернандо По, прибылъ на военномъ суднѣ германскій генеральный консулъ въ Тунисѣ, извѣстный изслѣдователь Африки Нахтигаль, и занялъ именованъ императора владѣнія бременской фирмы Вермана, пріобрѣтенныя имъ по берегу бухты отъ туземцевъ. Заодно Нах-

тигаль поднялъ германскій флагъ и въ Бимби, на которую давно зарились англичане. Занятіе этихъ мѣстностей еще важнѣе Ангры-Пеквены, которая изобилуетъ только минеральными богатствами и никогда не можетъ сдѣлаться земледѣльческой колонією, тогда какъ Камерунъ чрезвычайно плодороденъ, представляетъ прекрасный портъ и въ бухту впадаютъ рѣки, открывающія путь къ главной артеріи внутренней Африки—Конго, а по западному берегу существуетъ до 60-ти нѣмецкихъ факторій, которыя теперь, подъ защитой германскаго флага, еще болѣе разовьютъ свою торговлю. Висмарку приписываютъ также предположеніе созвать международную конференцію для признанія бассейна Конго открытымъ для торговли всей страны. Канцлеръ не призналъ рѣшенія парламента о присоединеніи къ Англіи территоріи къ сѣверу отъ Ангры-Пеквены.

Въ полемикѣ нѣмецкихъ и англійскихъ газетъ, и тѣ и другія, конечно, не могли обойтись безъ того, чтобы не затронуть Россію. Нѣмецкіе офиціозы, въ отвѣтъ на обвиненія имперскаго канцлера въ честолюбіи и раздражительности, угрожаютъ коалицією континентальныхъ державъ, въ которую войдетъ и Россія, отказавшаяся отъ притязаній на Балканскій полуостровъ по полученіи полной свободы дѣйствій въ Средней Азій. Что Россія не можетъ отказаться отъ вліянія на Балканскій полуостровъ, для освобожденія котораго пролито столько русской крови—это очевидно для всякаго, также какъ очевидно и то, что никто не можетъ пошѣшать ея дѣйствіямъ въ Средней Азій, гдѣ завоеванія дѣлались съ цѣлью уничтоженія разбоевъ, безчеловѣчнаго управленія мелкихъ хановъ, для водворенія безопасности, спокойствія, для защиты мирныхъ племенъ. Англія сама очень хорошо это знаетъ, но увлеченная бязью за свои индійскія владѣнія, можетъ еще больше встревожиться отъ предоставленія Россіи континентальною Европою полной свободы дѣйствій. Даже такое извѣстіе, какъ открытіе новаго пути въ центральную Азію не черезъ Оренбургъ, а отъ залива Каспійскаго моря—Мертвый Култукъ, возбудило сильную тревогу. Консервативная газета „Mornins Doot“ высчитываетъ, что русскіе будутъ теперь доходить до Аму-Дарьи въ 20 дней, а до серакской границы тремя недѣлями скорѣе чѣмъ прежде. Войска, конечно, должны будутъ проходить черезъ Хиву и Бухару, но въ этихъ ханствахъ нѣтъ уже и теперь слѣдовъ независимости. Этотъ путь безконечно увеличитъ наступательную и оборонительную Россію въ Средней Азій. При этомъ, разумѣется, указывается на признаки близкаго возстанія въ Индіи: панику въ мадрасскомъ президентствѣ, волненія между магаратами, угрозы правителя Мизора и т. д.

Франція, въ прошломъ мѣсяцѣ сдѣлала два важные политическіе шага: окончила съ утвержденіемъ республики и начала войну съ Китаемъ. Дѣло о пересмотрѣ конституціи Жюль Ферри велъ съ изумительною ловкостью. Ультра-радикалы давно уже требовали этого пересмотра, стремясь къ восстановленію конвента 1793 года и уничтоженію званія президента. Опасаясь этого, умѣренные рес-

публиканцы были противъ пересмотра, также какъ бонапартисты и орлеанисты, терявшіе надежду, съ утверженіемъ республики, на возстановленіе имперіи или монархіи. Ферри перетянулъ на свою сторону ужѣренную партію, ограничивъ пересмотръ единственно утверженіемъ республиканской формы правленія; радикаламъ онъ сдѣлалъ одну уступку, согласившись на предложеніе Андриѣ внести въ конституцію статью, воспрещающую избраніе въ президенты республики одного изъ претендентовъ на французскій престолъ. Сенатъ согласился на пересмотръ, потому что министръ рѣшилъ взять обратно предложеніе объ ограниченіи права сенаторовъ контролировать финансовыя мѣры палаты. Такимъ образомъ, большинство на конгрессѣ было заранѣе обезпечено за правительствомъ. Вонапартисты, понявъ это, стали заранѣе отрицать законность постановленій, какія будутъ приняты въ Версалѣ. Поль Кассаньякъ прямо объявилъ въ своей газетѣ «Le Pays», что слѣдуетъ скомпрометировать достоинство засѣданій конгресса— всевозможными скандалами. Къ бонапартистамъ пристали и радикалы, и въ первомъ же засѣданіи подняли такой шумъ, что оно было приостановлено. Клемансо и Лагерръ стали кричать, что имъ мѣшаютъ говорить, но чтобы заставить ихъ сойти съ трибуны,— пусть призываютъ жандармовъ. Роялисты, сенаторъ Говарди называлъ конгрессъ постыдною комедіею; другіе роялисты, какъ князь де-Монъ, Бодри д'Асонъ, и радикалъ графъ Дувиль стали просто ругаться, объявивъ, что считаютъ себя не въ національномъ собраніи, а на публичной сходкѣ, и потому не намѣрены церемониться. Слѣдующія засѣданія были также бурны, хотя безобразій на нихъ было меньше. Бародэ требовалъ созванія новаго учредительнаго собранія; другіе внесли 20 разнаго рода поправокъ; но всѣ онѣ были отвергнуты и республика, какъ окончательная форма правленія во Франціи, была принята большинствомъ 602 голосовъ противъ 105. Не смотря на это, католическій епископъ Фреппель объявилъ, что представителемъ древняго королевскаго дома онъ считаетъ графа Парижскаго и что въ 1889 году будетъ возстановлена монархія. Это пророчество, допускаемое свободю трибуны,— съ 11-го августа, въ печати является уже оскорбленіемъ существующей формы правленія, и всякое воззваніе ко введенію во Франціи имперіи или монархіи будетъ уже государственнѣмъ преступленіемъ. Принцу Жерому Бонапарту, выпустившему за два дня до открытія конгресса манифестъ съ предложеніемъ странѣ своихъ услугъ и плебисцита, придется теперь обуздать свое краснорѣчіе, если не хочетъ подвергнуться преслѣдованію закона. Пересмотрѣнная конституція запрещаетъ поднимать вопросъ объ измѣненіи государственнаго строя и монархисты не могутъ теперь вести агитацію противъ республики, не подвергаясь обвиненію въ государственной измѣнѣ и всѣмъ послѣдствіямъ такого обвиненія.

Въ первомъ же засѣданіи палаты депутатовъ, послѣ закрытія версальскаго конгресса, оказалось, какимъ огромнымъ вліяніемъ пользуется Жюль Ферри, этотъ необходимый челоѣкъ, *homme indispensable*, какъ его называютъ теперь во Франціи.

Онъ потребовалъ 38 милліоновъ на военныя дѣйствія въ Китаѣ и палата разрѣшила этотъ кредитъ большинствомъ 350-ти голосовъ противъ 152. Правитель Франціи не удовольствовался и этимъ: два депутата предложили выразить довѣріе твердому рѣшенію правительства заставить уважать тьянь-цзинскій договоръ, т. е. полное одобреніе образу дѣйствій министерства въ тонкинскомъ вопросѣ. Въ тотъ же день вечеромъ назначено было экстренное засѣданіе, на которомъ предложеніе одобренія было принято большинствомъ голосовъ, болѣе чѣмъ втрое превышавшимъ голоса оппозиціи. Въ рѣчи своей къ палатѣ Ферри прямо объявилъ, что принимаетъ на себя отвѣтственность за тьянь-цзинскій трактатъ, что Францію можно упрекнуть скорѣе въ избытокъ долготерпѣнія, чѣмъ въ послѣдности дѣйствій, что назначеніе кредита повліяетъ на пекинское правительство и докажетъ твердую рѣшимость Франціи отстаивать свои права. Объявивъ о занятіи, послѣ непродолжительной бомбардировки, форта Келунгъ на островѣ Формозѣ, министръ потребовалъ, чтобы ему разрѣшенъ былъ захватъ и другихъ китайскихъ территорій, въ видѣ залога. Вслѣдъ затѣмъ, 15-го августа, были назначены парламентскія вакаціи, предоставляющія Ферри полную свободу дѣйствовать, какъ онъ найдетъ нужнымъ по отношенію къ Китаю. А отношенія эти весьма странныя и могутъ повести къ чрезвычайному усложненію и безъ того порядочно запутаннаго положенія. За измѣническое нападеніе на французскій отрядъ, явившійся, въ силу трактата, для занятія крѣпости Лангъ-Сона, Франція требовала уплаты контрибуціи въ 250 милліоновъ франковъ. Китайцы отвѣчали, что, по смыслу трактата, они не обязаны непрежѣнно очистить тонкинскія крѣпости и что генераль Мильо погоропился занять ихъ, не справившись, вышли-ли оттуда китайскіе гарнизоны. Въ видахъ вознагражденія за потери, понесенныя французами по недоразумѣнію, пекинское правительство предложило однако пять милліоновъ. Французы, сбавляя постепенно первоначальное требованіе, довели сумму его до 80-ти милліоновъ, съ разсрочкою уплаты на десять лѣтъ. Китай отказалъ наотрѣзъ. Переговоры было поручено вести Цзо-Цзунгъ-Тангу, главѣ воинственной партіи, поэтому не мудрено, что они не удались. Тогда представитель Франціи въ Пекинѣ выѣхалъ изъ этого города, предоставивъ защиту французскихъ подданныхъ русскому посланнику, а китайскій посолье Ли-Фан-Шао оставилъ Парижъ, но ни та, ни другая враждующая сторона не объявила войны. Это не помѣшало однако адмиралу Леспесу занять, съ потерей шести человекъ, главный портъ острова Формозы (по китайски Тайвань) Келунгъ съ 3,000 жителей. Вслѣдъ затѣмъ, главный начальникъ морскихъ силъ въ китайскихъ водахъ, адмиралъ Курбэ, бомбардировалъ и уничтожилъ арсеналъ города Фу-Чеу, одного изъ самыхъ крупныхъ центровъ имперіи съ 60,000 жителей, самаго важнаго порта на китайскомъ побережьи между Кантономъ и Шанхаемъ. Расположенный на берегу большой рѣки Минъ, городъ извѣстенъ обширною торговлею, въ особенности чаемъ, но еще болѣе своимъ морскимъ арсеналомъ, устроеннымъ въ 1861 году, верстахъ въ 15-ти ниже

города, двумя офицерами французскаго военнаго флота. Прикрытый островомъ, на которомъ, также какъ и на обоихъ берегахъ рѣки, возведены батареи дальнобойныхъ круповскихъ орудій, арсеналь этотъ совершенно разрушенъ бомбардировкою, причѣмъ потоплено нѣсколько китайскихъ военныхъ судовъ и канонерокъ. Лондонскія телеграммы, сообщая объ этомъ, конечно, изъ расположенія къ Франціи, прибавляютъ, что во время бомбардировки не давали пощады судамъ, тонувшимъ и потерявшимъ возможность защищаться, и что французскіе солдаты разграбили въ городѣ даже домъ французскаго консульства, — тогда какъ французы даже не сходили на берегъ. Зато министерскія газеты «Temps» и «Reus» успокоиваютъ Европу завѣреніями, что торговля нисколько не пострадаетъ отъ войны. Но не надо забывать, что для торговли въ Китаѣ открыто 19 портовъ, въ которыхъ востоянно живеть 2,000 европейцевъ, основавшихъ 385 фирмъ и факторій; что въ этихъ портахъ ежегодно бываетъ болѣе 23,000 судовъ и таможенный доходъ съ нихъ идетъ, между прочимъ, на уплату условеннаго вознагражденія Россіи и Японіи. На морѣ Китай, конечно, не опасенъ для Франціи: флотъ его деревянный, кромѣ двухъ броненосцевъ, недавно выстроенныхъ въ Штетинѣ, но на сухомъ пути китайская армія вовсе не такой ничтожный противникъ, которымъ можно пренебрегать. Не говоря о шестидесятитысячной арміи, расположенной вдоль русскихъ границъ, южная армія въ 70,000 прикрываетъ провинцію Печели и служитъ защитой столицѣ. Она организована по европейски, вооружена ружьями Маузера и круповскими пушками, и находилась подъ начальствомъ опытнаго предводителя Ли-Хун-Чанга. Французы увѣряли, что онъ ждалъ случая, чтобы во главѣ вѣрнаго войска низвергнуть съ престола ненавистную народу манчжурскую династію, но расчеты на китайскаго генерала не оправдались и французамъ нелегко будетъ добраться до Пекина, чтобы образумить его безразсудное и упрямое правительство. Для этого нужны сотни милліоновъ франковъ и десятки тысячъ солдатъ — и если-бы деньги нашлись скоро, то сколько нибудь солидный корпусъ войскъ нескоро можно доставить изъ Франціи. А Ли-Хун-Чанга, между тѣмъ, смѣнили, назначивъ на его мѣсто Цзо-Цзунг-Танга. Изъ Кантона выгнали всѣхъ французовъ и за голову каждаго француза назначено правительствомъ значительное вознагражденіе.

О сраженіи при Лангъ-Сонѣ, бывшемъ причиною возобновленія войны, получены официальные свѣдѣнія, доказывающія, что французы имѣли полное основаніе требовать возмездія за вѣроломство китайцевъ. Это — самое кровопролитное дѣло во всей тонкинской кампаніи, въ которой потери французовъ были очень чувствительны. Происходило оно такъ: назначенная для занятія Лангъ-Сона колонна выступила въ полной увѣренности, что не встрѣтитъ никакихъ препятствій. На пути къ крѣпости, у мѣстечка Вакъ-Ле, капитанъ Леконтъ, идя во главѣ отряда, при переходѣ черезъ небольшую рѣчку, къ своему крайнему изумленію, наткнулся на массу солдатъ регулярной ки-

тайской арміи, встрѣтившей его сильнымъ огнемъ. Капитанъ однако не растерялся, выстроилъ свой отрядъ и сталъ отвѣчать на огонь непріятеля, пока подоспѣли остальные части войска. Тогда китайцы подняли парламентарскій флагъ и потребовали пятидневнаго срока для очищенія всей занятой ими территоріи, включая Лангъ-Сонъ. Имъ отвѣчали, что, не смотря на нарушеніе тянь-цзинскаго договора, не прибѣгнутъ къ репрессаліямъ, если отряду будетъ очищенъ путь въ Лангъ-Сонъ. Китайцы согласились и пропустили отрядъ впередъ. Но когда онъ шелъ по чрезвычайно узкой долинкѣ, усѣянной скалами и поросшей густымъ кустарникомъ, новые враги встрѣтили французовъ губительнымъ огнемъ. Въ нѣсколько минутъ семь офицеровъ и болѣе ста солдатъ были убиты; тонкинскіе стрѣлки, бывшіе въ отрядѣ, бѣжали и отрядъ долженъ былъ отступить послѣ двухчасоваго сопротивленія, потерявъ весь обозъ, за исключеніемъ лазарета и боевыхъ снарядовъ. Ночь не положила конца критическому положенію французовъ, непріятель преслѣдовалъ ихъ по пятамъ, причемъ особенно страдали слѣдовавшіе въ колоннахъ раненые врачи и санитары. Нѣсколько врачей было убито, другіе ранены. Когда отрядъ вышелъ изъ долины, возвратный путь ему былъ прегражденъ китайцами, успѣвшими даже воздвигнуть небольшія укрѣпленія. Всѣ попытки пробиться сквозь огромныя массы непріятеля были напрасны и весь отрядъ погибъ-бы неминуемо, еслибы къ нему на выручку не подоспѣлъ генераль Негрѣ съ войскомъ изъ Бакъ Нинга, обратившій наконецъ въ бѣгство китайцевъ. И въ виду такихъ дѣйствій англійскія газеты высказываются противъ французовъ. «Times» говоритъ, что Англія не должна допускать блокады китайскихъ портовъ, чтобы не повредить англійской торговлѣ; «Standard» продолжаетъ толковать о необходимости посредничества, а «Daily Telegraph» прямо заявляетъ, что торговые интересы Англіи могутъ заставить ее принять сторону Китая, не смотря на несочувствіе къ его правительству. Еще любопытнѣе то обстоятельство, что въ Лондонѣ состоялся митингъ крупныхъ негодіантовъ, обратившихся къ министру иностранныхъ дѣлъ съ просьбой освѣдомиться у французскаго правительства: позволить-ли начальнику французской эскадры свободный доступъ въ китайскіе порты англійскимъ судамъ съ оружіемъ и боевыми припасами для китайскаго правительства. Далѣе этого нецеремонность торгашей, повидимому, не могла-бы простираться, еслибы не существовали факты продажи англичанами ружей и пороха афганцамъ, боэрамъ и зулусамъ, съ которыми ихъ отечество вело въ то время войну.

Вслѣдъ за подробной реляціей о сраженіи въ Тонкинѣ, были получены также свѣдѣнія о битвахъ близъ Фу-Чеу. Изъ телеграммъ трудно было понять, какимъ образомъ адмираль Курбэ уничтожилъ сначала китайскій флотъ у арсенала, находящагося въ 40 верстахъ отъ устья рѣки, потомъ разрушилъ арсеналь и фор-

ты по теченію рѣки и наконецъ главный фортъ Конпай, въ самомъ устьѣ. Оказывается, что Курбэ вошелъ въ рѣку Минь съ четырьмя судами и шестью канонерками, еще прежде чѣмъ истекъ срокъ даннаго Китаю ультиматума. Начальники китайскихъ фортовъ, не получивъ инструкцій, не смѣли противиться входу эскадры, которая, ставъ противъ арсенала и флота, сначала уничтожила ихъ, потомъ спустилась внизъ по рѣкѣ и разрушивъ все по пути, соединилась съ тремя броненосцами, которые, какъ слишкомъ глубоко сѣдшіе въ водѣ, не могли войти въ рѣку и стояли у ея устья. Съ 23 августа, въ теченіе шести дней, Курбэ разрушилъ всѣ 13 батарей и 5 фортовъ по рѣкѣ, и 28-го вышелъ изъ нея, уничтоживъ 21 китайское судно. Кромѣ того, въ арсеналѣ былъ огромный складъ оружія (до 200,000 ружей) пороху, военныхъ припасовъ—и если все это не вывезено китайцами заранѣе, то, конечно, погибло. Убытокъ многимъ превышаетъ тѣ 80 милліоновъ, которые Франція требовала отъ Китая, какъ вознагражденіе за нарушеніе договора. И все это достигнуто съ потерю одного убитаго офицера и до 60-ти выбывшихъ изъ строя французовъ, тогда какъ китайцы потеряли болѣе тысячи человекъ. Но дѣло въ томъ, что это истребленіе матеріальныхъ имуществъ не произвело никакого дѣйствія на императрицу Тцу-Ань, управляющую Китаемъ, и на ея совѣтниковъ. Шестеро изъ одиннадцати членовъ цунгъ-ли-ямена (министерства иностранныхъ дѣлъ) потеряли свои мѣста, за то, что совѣтовали заключить миръ съ французами, и правительство рѣшилось, повидимому, на энергическую защиту. Флотъ Китая далеко еще не весь уничтоженъ. Лучшія суда стоятъ въ Ян-Це-Кіангѣ и въ устьѣ Ней-Хо и доступъ къ нимъ не такъ легокъ какъ въ рѣку Минь. Атака Курбэ очевидно ошеломила китайцевъ своею неожиданностью и они не догадались, послѣ бомбардировки арсенала, затопить въ каналѣ, по которому поднялась неприятельская эскадра, нѣсколько джонокъ, нагруженныхъ камнями,—я французамъ нелегко было бы выбраться изъ рѣки. Теперь, проученные опытомъ и потерями, китайцы, конечно, примутъ мѣры предосторожности. Курбэ сознается въ своемъ донесеніи, что не могъ воспользоваться надлежащимъ образомъ плодами своей побѣды; онъ разрушилъ динамитомъ только часть китайскихъ орудій, такъ какъ у него не было достаточно силъ, чтобы вступить въ сраженіе съ массами китайцевъ, производившихъ убійственный огонь изъ-за окоповъ. Еслибы у адмирала былъ десантъ, онъ могъ бы прогнать защитниковъ укрѣпленій и, заклепавъ пушки, разрушить окопы. Но теперь онъ долженъ дѣйствовать только дальнобойными орудіями. На всѣхъ 25 судахъ его эскадры не болѣе 3,000 экипажа и 2,000 войскъ, а съ этими силами нельзя идти на Пекинъ. Поэтому, адмиралу приписываютъ планъ: выждавъ подкрѣпленій, высадиться въ дельтѣ Ян-Це-Кіанга и, занявъ Тция-Кіангъ и Хан-Чеу у входа въ императорскій каналъ, отрѣзать отъ китайской столицы южныя провинціи, служащія ей житницей. А безъ прямого дѣйствія на Пекинъ нельзя будетъ побѣдить упорства старой правительницы Китая, закоренѣлой въ ненависти къ европейцамъ

до того, что когда, въ 1874 году, умиралъ отъ оспы ея сынъ, императоръ Тун-Цзы, то она, вмѣсто врача, присланнаго русскимъ посломъ, приказала принести къ больному уродливую статую бога здоровья. Нѣкоторыя французскія газеты, и во главѣ ихъ „France“, прямо требуютъ продолжать войну до тѣхъ поръ, пока нынѣшняя манчжурская династія, съ которой нельзя имѣть никакого дѣла, не будетъ свергнута съ престола, а самъ Китай „раздробленъ“ между державами, которыя разъ навсегда покончатъ съ китайской отчужденностью отъ европейской цивилизаціи. Державы эти, по мнѣнію газеты—Франція, Россія и Японія. Последняя страна заявила уже Пекину свои права на островъ Лиу-Киу; Россія должна сдѣлать тоже по отношенію къ Кульдждѣ и Амуру. Китайцы, дѣйствительно, не расположены къ своимъ правителямъ, но отъ этой непріязни къ своимъ завоевателямъ манчжурамъ, еще далеко до распаденія такой рутинно-консервативной державы. Правители ея не читаютъ европейскихъ газетъ; полководцы, всюду разбиваемые, будутъ публиковать громкіе бюлетени о своихъ побѣдахъ и увѣрять, что рыжіе варвары бѣгутъ въ ужасѣ отъ непобѣдимыхъ китайскихъ армій; народъ будетъ гибнуть десятками, сотнями тысячъ; но эта убыль будетъ малозамѣтна въ населеніи, считаежомъ десятками милліоновъ. Напрасно также журналистика Европы думаетъ поддѣйствовать на Китай извѣстіями въ родѣ тѣхъ, какое сообщилъ правительственный органъ „Paris“, что цѣль поѣздки въ Варцингъ французскаго посла при берлинскомъ дворѣ состояла въ опроверженіи англо-китайскихъ слуховъ о намѣреніи Германіи вмѣшаться во франко-китайскій споръ. Поѣздка эта ясно доказала, что полный нейтралитетъ Германіи совершенно обезпечиваетъ свободу дѣйствій Франціи въ Китаѣ. Но согласіе во взглядахъ и всѣхъ европейскихъ державъ нисколько не поддѣйствуетъ на китайцевъ и они будутъ драться до тѣхъ поръ, пока правительство не скажетъ, что окончилась война, которую и Франціи и Германіи пора бы перестать называть „конфликтомъ“ и „репрессаліями“, какъ будто слова могутъ сколько нибудь измѣнить ходъ дѣлъ.

Въ то время, какъ на дальнемъ востокѣ война начинаетъ истреблять человѣческія жертвы, въ Европѣ онѣ падаютъ подъ ударами другаго, не менѣе страшнаго врага: холера распространяется во Франціи и почти во всей Италіи, отъ Турина до Неаполя. Никакіе карантинныя и военные кордоны не охранили Апеннинскій полуостровъ отъ вторженія невидимаго врага, и пока доктора спорятъ о томъ, какимъ путемъ проникаетъ онъ въ человѣка: черезъ воздухъ или въ нищѣ — онъ похищаетъ свои жертвы, по счастью, еще не весьма многочисленныя. Борьба съ этимъ врагомъ также ведется довольно успѣшно и средствъ противъ него немало, но въ то время, когда одни предлагаютъ разныя специфическія снадобья: смѣсь сѣры со ртутью, озонъ, вдыханіе паровъ мѣди или другаго металла въ растворѣ азотной кислоты, доктора, встрѣчая холерный случай, считаютъ долгомъ поднимать пренія: азі-

атская-ли это холера, или жѣстная, cholera nostrа, какъ будто больному прежде всего нужно знать, какъ называется его болѣзнь. Италія оградила себя карантинами отъ Швейцаріи и Австріи, гдѣ нѣтъ холеры, а сама не избѣжала эпидеміи. Не логичнѣе-ли поступаетъ Англія, считая бесполезными всякіе карантинны? Въ ней былъ всего одинъ холерный случай — въ Бирмингемѣ. Въ послѣднее время холера появилась и въ Мадридѣ.

Газетнымъ размышленіямъ и обсужденіямъ дало обильную пищу свиданіе двухъ императоровъ — германскаго и австрійскаго. Это ежегодное свиданіе оказываетъ зачастую значительное вліяніе на внутреннее положеніе Австріи, скрѣпляя въ то же время ея внѣшнюю связь съ Германіей. Такъ, въ 1879 году, оно произвело перемѣну цислейтанскаго министерства. Нынче Вильгельмъ I изъявилъ желаніе увидѣть въ свитѣ Франца-Иосифа венгерскаго министра-президента и далъ Тиссѣ весьма продолжительную аудіенцію. Венгерская оппозиція тотчасъ начала кричать „что Тисса нарушилъ конституцію, подчиняясь внушеніямъ иностраннаго государя, отрекаясь отъ либерализма, отъ національной политики и т. п.“ Но этотъ министръ, девять лѣтъ стоящій во главѣ правленія, давно уже превратился изъ непримиримаго въ самаго незлобиваго опортюниста и вполне подчиняется во внутренней и внѣшней политикѣ указаніямъ своего монарха и его могущественнаго союзника. Такъ, послѣ прошлогодняго свиданія императоровъ въ Ишлѣ, онъ укротилъ мадьярскія насилія въ Хорватіи, вступилъ въ столкновеніе съ верхней палатой, съ епископами, талъ дѣйствовать мягче по отношенію къ транслейтанскимъ нѣмцамъ, румынамъ и сербамъ, добился въ палатѣ вотированія всѣхъ кредитовъ имперіи. Поэтому онъ удостоился такого милостиваго приѣма при послѣднемъ свиданіи, на которомъ его поощряли дѣйствовать во томъ же духѣ, слѣдуя программѣ усиленія самостоятельности меньшихъ группъ провинцій и ихъ федераціи, но съ тѣмъ, чтобы центральное правительство располагало всѣми силами для внѣшняго дѣйствія. Въ эту федерацію положено ввести монархіи и провинціи Балканскаго полуострова, съ подчиненіемъ ихъ австрійской имперіи во внѣшней политикѣ, по образцу мелкихъ державъ имперіи германской. Тисса заявилъ при этомъ высшимъ венгерскимъ магнатамъ, что союзъ Австріи съ Германіей, заключенный въ 1879 году, остается во всей силѣ и „нѣтъ никакой опасности превращенія его въ союзъ австро-руско-германскій.“ По словамъ австрійскаго министра, „Россія совершенно отказывается отъ панславистской агитаціи, за что и будетъ вознаграждена въ Азіи“. Органъ вѣнскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, „Fremdenblatt“ заявляетъ прямо, что русско-германскій союзъ не болѣе какъ приближеніе къ австрогерманскому союзу, подобно заключеннымъ уже съ Италією, Румынією и мелкими государствами юговостока Европы. Германскія офиціозныя газеты, какъ болѣе осторожныя и менѣе откровенныя, не говорятъ ничего объ этомъ

скрѣпленіи союза двухъ имперій, но его подтверждаютъ всѣ факты: поѣздка австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ въ Варцинь къ Бисмарку, которому болѣзнь не позволила пріѣхать въ Ишль; посѣщеніе въ Гастейнѣ Вильгельма эрцгерцога, Альбрехтоаъ, представителемъ старыхъ австрійскихъ традицій, который до настоящаго времени не могъ простить Гогенцоллернамъ униженія, какому они подвергли Габсбурговъ—и не скрывалъ этого. Наконецъ, это усиленіе дружбы двухъ имперій доказывается уже недовольствомъ всѣхъ національностей австрійской монархіи; всѣхъ ихъ пугаетъ увеличившееся вниманіе берлинскаго правительства во внутреннія дѣла Австріи, признаваемое самимъ вѣнскимъ правительствомъ: нѣмцы недовольны тѣмъ, что Бисмаркъ почему-то благоприятствуетъ австрійскимъ славянамъ; славяне недовольны тѣмъ, что дѣлается очень мало уступокъ ихъ національнымъ стремленіямъ, мадьяры недовольны тѣмъ, что ихъ дуализмъ грозитъ превратиться въ триализмъ и что нѣмцы не позволяютъ распоряжаться славянами по своему произволу; поляки боятся, что имъ не дозволить хозяйничать въ Галиціи и что канцлеръ рекомендовалъ Австріи—сократить ихъ притязанія. Всѣ вообще народы имперіи, исключая хорватовъ, недовольны распространеніемъ монархіи на Балканскомъ полуостровѣ—а къ этому только и направлена вся вѣшняя политика Габсбурговъ. Одни евреи да іезуиты рады захвату Босніи и Герцеговины: первые завладѣваютъ имуществомъ славянъ, вторые заботятся о томъ, чтобы окатоличить ихъ. Но всѣ эти племена союзы и конгрегаціи единодушно стремятся только къ тому, чтобы уничтожить всякое вліяніе Россіи на своихъ балканскихъ соплеменниковъ.

Австрійскія газеты, а за ними и германскія, посвятили немало столбцовъ различнымъ глубокомысленнымъ соображеніямъ по поводу свиданія императоровъ. Сначала дѣло шло только о двухъ, но потомъ заговорили и о трехъ. Официальныя газеты впрочемъ не подтверждали, хотя и не опровергали возможности свиданія, которое, конечно, успокоило тревожное* опасеніе дипломатіи, снова начавшей беспокоиться за сохраненіе мира въ Европѣ, по поводу столкновенія Англіи съ Германіей въ вопросахъ колоніальной политики. Органы общественнаго мнѣнія высказываютъ по этому случаю такія своеобразныя соображенія, что остается только удивляться неистощимой фантазіи политикановъ, считающихъ себя политиками. Такъ, одна изъ распространенныхъ газетъ, «Soleil» въ лицѣ своего «петербургскаго» корреспондента, прямо утверждаетъ, что между кабинетами петербургскимъ, парижскимъ и берлинскимъ произошло уже соглашеніе. Россіи предоставлено дѣлать пріобрѣтенія по сосѣдству съ Арменіей, Персіей, Джунгаріей, даже Индіей; Франціи—въ Индокитаѣ, Тонкинѣ, Формозѣ; Германіи—въ южной Африкѣ, необходимой для Бисмарка, который собирается переселить туда избытокъ нѣмецкаго населенія, превративъ въ земледѣльцевъ тѣхъ рабочихъ, которыхъ бѣдность толкаетъ въ ряды социалистическаго пролетаріата. Другія газеты сообщаютъ положительно о заключеніи «континентальнаго союза»

я обузданія хищническихъ стремленій коварнаго Альбіона. «Politische Correspondenz» замѣчаетъ очень основательно по этому поводу, что ужъ Россіи-то нѣтъ никакого основанія вступать въ этотъ континентальный союзъ, такъ какъ бинетъ Гладстона всегда былъ расположенъ даже и въ вопросахъ, касающихся восточной Азіи, умѣрять притязанія консервативной партіи въ парламентѣ. Что изданіе императоровъ состоится, доказывало появленіе въ «Journal de S.-Petersbourg» статьи о необходимости сближенія Россіи съ Западомъ и о томъ, что національная задача должна заключаться въ томъ, чтобы усвоить русскому народу приобрѣтенія западной цивилизаціи». «Нашего прошлаго не воскресить никакими человѣческими силами», добавляетъ наша официальная газета, упрямая Аксакова за его «безплодный культъ прошлаго». Повѣрятъ-ли этому заявленію заграничные офиціозы, убѣжденные, что наши руководящія сферы раздѣляютъ мнѣнія Аксакова и Каткова?

Серьезные органы европейской печати озабочены болѣе экономическими, чѣмъ политическими вопросами, и именно урожаемъ нынѣшняго лѣта. Хорошая погода августа благоприятствовала жатвѣ и уборкѣ пшеницы во Франціи, гдѣ пшеница дала средній урожай (до 52¹/₂ милліоновъ четвертей). Въ Англіи цифра сбора пшеницы еще не опредѣлилась окончательно, но она будетъ нѣсколько болѣе 33 года, когда привоза иностранной пшеницы потребовалось на 5¹/₂ милліоновъ четвертей меньше 1882 года. Поэтому, въ нынѣшнемъ году Англія можетъ, не опяся приобрѣтеніемъ дополнительнаго хлѣба, обратиться за нимъ къ тѣмъ странамъ, откуда онъ можетъ быть полученъ по выгоднѣйшимъ цѣнамъ. Для Англіи потребуется пополнить сборъ пшеницы иностраннымъ привозомъ въ количествѣ 9¹/₂ милліоновъ четвертей. Но улучшеніе цѣнъ на пшеницу можетъ быть названо урожаемъ въ Соединенныхъ Штатахъ, доходящимъ до 95 милліоновъ четвертей. Правда, запасы ея и крупчатой муки меньше прошлогоднихъ на 33 процента слишкомъ, но тѣмъ не менѣе цѣна на пшеницу упала до 18% ниже прошлогоднихъ во Франціи, Германіи и Австріи, а въ Англіи до 10%. Заграничные биржевые рынки увѣрены, что Россія можетъ въ нынѣшнемъ году завалить Европу дешевою пшеницею и остановить сбытъ ея изъ Венгріи и даже изъ Соединенныхъ Штатовъ, такъ какъ въ приволжскихъ и низовыхъ губерніяхъ много еще прошлогодней пшеницы у крупныхъ землевладѣльцевъ. (Въ Петербургѣ биржевая цѣна саксонки—до 10 руб. за четверть). Эта увѣренность въ хлѣбныхъ интересахъ Россіи отражается и на крѣпкомъ положеніи нашего вексельнаго курса послѣднее время. Воспользуются-ли наши хлѣбовладѣльцы такимъ настроеніемъ заграничнаго хлѣбнаго рынка—это ужъ ихъ дѣло.

На короля Милана, являвшагося опять съ поклономъ къ своимъ милостивымъ въ Австріи, произведено было покушеніе, во время его поѣздки изъ Пешта въ Вѣну. На желѣзной дорогѣ сняты были закрѣпленія рельсовъ, но королевскій поѣздъ избѣгнулъ опасности оттого, что еще за двѣ станціи до мѣста, гдѣ

могла произойти катастрофа, подготовленная неизвестными злоумышленниками в поезде загорелись колеса, и онъ три часа простоялъ на станціи. Но курьерскій поѣздъ, не дождавшійся прицѣпленія къ нему королевскаго вагона, сошелъ съ рельсовъ на совершенно ровномъ мѣстѣ и вагоны его заградили рельсовый путь. Правленіе дороги прямо заявило, что поврежденіе произошло съ предвзятою цѣлью, тѣмъ болѣе, что незадолго до курьерскаго поѣзда, по этому же мѣсту свободно прошелъ пассажирскій. На Милана это покушеніе произвело сильное впечатлѣніе, и онъ сказалъ пештскому градоначальнику: „Монархи не должны удивляться подобнымъ случайностямъ.“ При этомъ онъ прибавилъ: „среди васъ я чувствую себя въ полной безопасности, могу сказать даже, что здѣсь я чувствую себя безопаснѣе, чѣмъ у себя дома“. Это, конечно, было очень пріятно слышать сербамъ.

Въ маленькой Бельгіи не прекращаются большія волненія. Говоря о перемѣнѣ министерства въ этой странѣ, гдѣ уваженіе къ конституціи лежитъ въ основаніи всякаго правительственнаго дѣйствія, мы подробно изложили исторію закона о народномъ образованіи, изъ-за котораго въ Бельгіи велась такъ упорная борьба между либералами и клерикалами. Послѣдніе, достигнувъ власти, не хотѣли терять времени и тотчасъ же приступили къ уничтоженію закона, избавлявшаго народныя школы отъ подчиненія духовенству. Узнавъ объ этомъ либеральная партія начала составлять митинги для заявленія протестовъ противъ министерства Малу. Въ Брюсселѣ, на одинъ изъ такихъ митинговъ собралось болѣе 10,000 человекъ, въ этомъ числѣ было много депутацій изъ провинцій. Вожди манифестаціи требовали отставки министровъ и распущенія парламента, но делегація вручила палатѣ представителей только адресъ объ отверженіи проекта школьнаго закона, составленнаго нынѣшнимъ кабинетомъ и подчиненія снова школы вліянію духовенства. Въ отвѣтъ на эту манифестацію клерикалы организовали свой митингъ въ Брюсселѣ, но не могли собрать на немъ болѣе 2,000, не смотря на то, что власть въ ихъ рукахъ. Они также составили и поднесли палатѣ адресъ, одобряющій дѣйствія министерства Малу. Подобныя митинги были и въ другихъ городахъ и вездѣ либералы были многочисленны. Антверпенскій бургомистръ разослалъ во всѣ общинныя совѣты Бельгіи, для подписи, резолюцію, которою правительство приглашалось не устранять съ себя контроль надъ школами, не возстановлять принципа выморочнаго права въ пользу духовенства и не уничтожать свѣтскихъ школъ. Подобная петиція была подана и королю; въ ней говорится, что общинныя совѣты, въ числѣ болѣе 800, являющіеся выразителями мнѣнія 2.600,000 гражданъ выражаютъ законодательному собранію свои опасенія, что дѣло школьнаго образованія перейдетъ въ руки духовенства, но палата не желаетъ избавить страну отъ закона, угрожающаго ей свободѣ. Поэтому петиціонеры просятъ спасти Бельгію отъ вредныхъ послѣдствій, какими ей угрожаетъ правительственный законъ.

зкъ. Какъ поступить король? рѣшится-ли онъ распустить парламентъ, или брить дѣйствія кабинета?.. Во всякомъ случаѣ, это столкновение желаній ода съ палатою, избранною законнымъ порядкомъ, можетъ имѣть печальныя дѣдствія и для либерализма, и для конституціи, и для королевской власти.

НОВЫЯ КНИГИ.

Л. И. Пальминъ. Цвѣты и змѣи. Сатира, юморъ и фантазія. Сборникъ юмливыхъ стиховъ и напѣвовъ. Изд. ред. журнала «Осколки». Спб. 1883 г. Риторика, которую преподавали даже въ высшихъ и привилегированныхъ деніяхъ людякъ сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ, вотъ уже болѣе тридцати лѣтъ «не въ авантажѣ обрѣтается» и относиться къ ней принято не иначе, какъ съ пренебреженіемъ и насмѣшкою. А между тѣмъ, и она подчасъ даетъ добрые совѣты и дѣлала вѣрныя замѣчанія, которыми не мѣшало бы воспользоваться современнымъ писателямъ. Такъ, она говорила, въ отдѣлѣ піеки, что писать стихи слѣдуетъ тогда, когда приходитъ вдохновеніе. Наше же, какъ извѣстно, не слѣдуетъ этому старомодному правилу: у насъ сугвуютъ теперь періодическіе листки, въ которыхъ поэты печатаютъ свои отворенія не только еженедѣльно, но и ежедневно. Ежедневное вдохновение—по заказу, съ подряда, по столько-то за строчку—до этого не додумалась старая риторика, и правилъ для составленія такихъ произведеній не подавала. Но потребность въ нихъ развилась, спросъ вызвалъ предложение и у насъ «объявились» вседневные поэты, во главѣ которыхъ стоятъ въ ербургѣ—гг. Минаевъ и Ивановъ (классикъ), а въ Москвѣ—г. Пальминъ. Пишутъ они непрестанно, работаютъ неустанно, какъ однажды заведенная и ценная въ ходъ машина. И отчего не писать имъ, если ихъ читаютъ, или, крайней мѣрѣ, печатаютъ? Но для чего они собираютъ плоды своей подрядной музы и издають ихъ отдѣльными, объемистыми томами—это уже положительно непонятно. Игривое, шуточное стихотвореніе, между скандальнымъ вдетомъ, сценою у мирового судьи и обличительною статейкою о грязномъ рѣ думскаго домовладѣльца—прочтется легко и также легко забудется. Но жели эти поэты думаютъ, что кто нибудь будетъ въ состояніи перечитать рично и залпомъ всѣ 365 произведеній ихъ ежедневнаго вдохновенія и что изведенія эти необходимо сохранить для потомства? На что они ему? Развѣ и того, чтобы убѣдиться въ томъ, что въ наше время, когда не могла разгаться ни серьезная литература, ни истинная поэзія, преобладали стишки

легкой фактуры и еще болѣе легкаго содержанія, и что при скороспѣлой поставкѣ этихъ мелкихъ пьесъ, воспѣвавшихъ мелкіе интересы апатичнаго временнаго общества, мельчали и гибли дарованія, которыя могли бы создать что нибудь болѣе зрѣлое и обдуманное, еслибы ихъ не подгоняла печальная необходимость ежедневнаго заработка.

Тяжелѣе всего встрѣчаться въ сборникахъ, въ родѣ «Цвѣтовъ и Змѣй» на каждомъ шагѣ съ избытыми мотивами, устарѣлымъ содержаніемъ, узкими рамками, въ которыя втиснута наша юмористическая поэзія: это все тѣ же купцы, интенданты, кассиры, думскіе гласные, еврейскіе банкиры, табунныя акціонеры, камелии, адвокаты, чиновники—не выше столоначальника и стенографа. Юморъ мелкой прессы не смѣетъ подняться не только до пошпадури но и до директоровъ департамента; все мундирное сословіе недоступно для русскихъ ювеналовъ. Мудрено-ли, что они повторяются безпрестанно въ такомъ сжатомъ кругу предметовъ ихъ пѣснопѣній. А воспѣвать что нибудь необходимо всякій день. По неволѣ надо себя подбодрять, взвнчивать, вдохновлять. Ну, а извѣстно всѣмъ, гдѣ русскій человѣкъ черпаетъ свое вдохновеніе. Г. Пальминъ нисколько не стѣсняется сознаться въ этомъ и изъ 136-ти его стихотвореній не наберется и десятка, въ которыхъ не упоминалось бы о графинѣ съ ромомъ или коньякомъ, о сивухѣ, водкѣ, травничкѣ и подобныхъ имъ источникахъ вдохновенія. Затѣмъ, предметомъ воспѣванія служатъ Глаши, Ариш, Агаши; сатира ограничивается насмѣшками надъ богами греческой мифологіи, благо хоть древній. Олимпъ доступенъ современной поэзіи; фантазія заключаетъ въ изображеніи чорта въ смѣшномъ видѣ, хотя въ наше время чортъ—уже не сколько щекотливый предметъ пѣснопѣній. По временамъ г. Пальминъ дѣлаетъ оригинальнымъ, воспѣвая свой носъ, шиворотъ, аппетитъ, прыщи, блохъ, паути пишетъ оду свиньямъ. И между этими жалкими потугами расцотѣшиванья напутной веселостью, напускною развязностью, между этими произведеніями дешеваго заказнаго юмора, мелькають удачныя стихи, меткія сравненія, бофразы, проблески дарованія. Форма стиха вездѣ безукоризненна, хотя преобладающій, излюбленный авторомъ размѣръ—шестистопный хорей и четырехстопная анапестъ—очень однообразенъ. Совершенно пошлыхъ пьесъ, въ родѣ баллады „Свадьба на блюдѣ“ или „Воборыкіады“, немного, но волюгѣ выдержанныя нѣтъ ни одной; слегка порнографическихъ—немало, но грязненькихъ,—всѣхъ одна. „Заколдованный домъ“—и та рассказана довольно прилично. Къ лучшимъ пьесамъ, обнаруживающимъ истинное дарованіе г. Пальмина, отнесемъ „Заткнуть или накормить“—рассказъ о томъ, какъ изъ двухъ особъ, странствовавшихъ по голодной губерніи, одна заботилась только о томъ, чтобы заткнуть всѣ рты, а другая о томъ чтобы ихъ накормить; „Кто погибъ?“—не тотъ, кто неравной борьбѣ приобрѣлъ терновый вѣнецъ, а тѣ, кто съ «безславьемъ

зоромъ, передъ подножіемъ тельца, стоятъ покорнымъ рабскимъ хоромъ“; „Журналистика“—гдѣ выдержаны только двѣ послѣднія строфы:

Тенденцій гречневая каша,	А средь журнальнаго простора
Патріотизма кислый квасъ—	Идеи свѣтлыя блестятъ,
Вотъ, вотъ она, словесность наша—	Какъ, съ позволенія гувернера,
Вотъ журналистика у насъ!	Затѣи школьниковъ-ребятъ.

Въ «Легендѣ» отшельникъ отвѣчаетъ фавну, желающему попасть въ рай, но туда не пускаютъ съ козлиными копытами.—Но допускаютъ же иныхъ съ длинными ушами,—замѣчаетъ фавнъ. Въ пьесѣ «Крѣпость» поэтъ говоритъ: Да, вездѣ мила мнѣ крѣпость: въ дружбѣ, въ мышцахъ и въ ногахъ, только въ пюсти боюсь я, что на невскихъ берегахъ». Въ стихотвореніи «13-е декабря, и Спиридоновъ-поворотъ», поэтъ выражаетъ желаніе:

О Боже! какъ бы хорошо-то,	Когда-жъ, скажи мудрецъ безвѣстный,
Когда-бъ дождалися и мы	Тотъ Спиридоній-поворотъ?
Дня Спиридона-поворота,	И солнце правды, мысли честной
Подъ игомъ сумрачнаго гнета,	Надъ горизонтомъ жи окрестной
Среди литературной тьмы.	У насъ на лѣто повернетъ?

Наконецъ, въ пьесѣ «Дитя», называя нашу публику тысячелѣтнимъ ребенкомъ, который ищетъ лишь игрушекъ, потѣшныхъ блескокъ, погремушекъ, да свистковъ и дудочки смѣшной,—поэтъ такъ оканчиваетъ это стихотвореніе:

Пусть гадины дитя забли,	Кричать, боясь мытья пеленокъ
Пускай заткали пауки,—	И въ нихъ задѣхнется, шутя.
Безиечно ищетъ въ колыбели	Вотъ что такое тотъ ребенокъ—
Оно свистульки и звонки;	Тысячелѣтнее дитя.

Подъ гнетомъ. Повѣсти и рассказы. *К. Баранцевича.* Спб. 1884.

К. С. Баранцевичъ принадлежитъ къ числу нашихъ молодыхъ беллетристовъ и занимается между ними одно изъ первыхъ мѣстъ. Двѣнадцать разазовъ его, собранные въ вышедшей нынѣ книгѣ, были помѣщены, въ поѣднее время, въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ и обратили на себя вниманіе публики и критики. Въ этихъ рассказахъ видно несомнѣнное, неподдѣльное дарованіе; въ нихъ много молодой силы, свѣжести, увлеченія; но то же время они страдаютъ недостаткомъ, присущимъ почти всѣмъ намъ журнальнымъ произведеніямъ, недостаткомъ, губящимъ столько талантлихъ начинаній—отрывочностью, недодѣланностью, спѣшностью работы. Г. Баранцевичъ страдаетъ еще меньше своихъ собратовъ этою печальною болезнью вѣка, но и у него, въ этой книгѣ, есть только одна вполне законченая и отдѣланная повѣсть «Чужакъ»; все же остальное—очерки, эскизы, отрывки, странички изъ дневника; они также хорошо написаны, читаются съ овольствіемъ, въ иные вложена честная, свѣтлая мысль, но она не развита, разработана и оттого не оставляетъ надлежащаго впечатлѣнія. Намъ скажутъ, что въ литературѣ всѣхъ народовъ встрѣчаются произведенія отрыв-

вочныя, эскизные, неоконченныя, которыя однако цѣннѣе многотомныхъ увражей. Да; только такіе примѣры стоятъ авторамъ гораздо больше труда, чѣмъ объемистыя статьи, и не пишутся для органовъ мелкой прессы. Для того, чтобы такія страницы остались въ памяти читателя и въ исторіи литературы, необходимо, чтобы они заключали въ себѣ оригинальную мысль, выраженную въ красивой формѣ. Но вотъ, на примѣръ, очеркъ на девяти страницахъ и въ шести сценахъ, подъ названіемъ «Власьева». Умираетъ талантливый композиторъ. Дѣти спрашиваютъ мать, не напишетъ-ли она Власьевѣ, чтобы она пріѣхала. Мать не знаетъ, гдѣ она живетъ, и объясняетъ знакомымъ, что Власьева—кормилица покойнаго, которую онъ очень любилъ. Власьева является, потому что всегда пріѣзжала изъ деревни въ это время. Она плачетъ надъ гробомъ своего вскормленника, съ которымъ ей не удалось проститься, плачетъ, и во время похоронъ ее забываютъ на его могилѣ (правдоподобно-ли это?) а она рассказываетъ кладбищенскому сторожу, пріютившему ее, что ребенокъ былъ всегда болѣзненный и слабый, что мать не любила его. Въ слѣдующей сценѣ рассказывается, какъ Власьева часто ходила на его могилу, на которой поставили мраморный памятникъ; потомъ она умерла и ее похоронили далеко отъ церкви, у забора, гдѣ хоронятъ бѣдныхъ людей; поставили крестъ и забыли объ ней; забыли и о композиторѣ. Все это очень обыкновенная исторія, которую не стоило рассказывать, но авторъ видитъ въ ней, вѣроятно, что-нибудь особенное и оканчиваетъ ее фразами вычурными и странными: «зачѣмъ судьба не привела его лечь тамъ подлѣ деревенской старухи, у разваливагося забора»? Что-же бы вышло изъ этого, еслибы онъ лежалъ подлѣ старухи у забора? «Пришла-бы вновь золотая весна и волнистой зеленой муравою покрыла его могилу». Ну, и что же изъ этого? Отчего могила должна быть непременно подъ муравой, а не подъ камнемъ? «Выросла-бы въ головахъ у него развѣсистая верба (если выросла-ли бы на нашей болотистой почвѣ?), въ вѣтвяхъ ея птицы распѣвали-бы свои пѣсни (или каркали воробьи), утомленный прохожій не разъ отдохнулъ-бы подъ ея благодатною тѣнью». Прохожіе не выбираютъ для отдыха кладбища, да и пускаютъ туда не всякаго. Все это пахнетъ риторикой и далеко отъ правды, но заключительная фраза очерка уже совершенно парадоксальна: «быть можетъ, память о талантливомъ человѣкѣ дольше сохранилась-бы въ сердцахъ людей». Это оттого-то, что онъ лежалъ-бы подъ вербою и подъ заборою? Да вѣдь памятникъ воздвигаютъ именно для того, чтобы объ умершемъ дольше помнили живые. Подъ вербою могила скорѣе сравняется съ землею...

Такой безцвѣтный, безцѣльный и безсодержательный очеркъ у г. Баранцевича, впрочемъ, всего одинъ. Въ остальныхъ же есть если не глубокое содержание, то выдержанный типъ, или вѣрно подмѣченная и обрисованная кар-

тина петербургской жизни. «У креста» — прекрасная сцена на кладбищѣ между двумя братьями, изъ которыхъ бѣднякъ содержитъ въ порядкѣ, чиститъ и убираетъ могилу своего отца, а другой, богатый мерзавецъ, позоритъ грязными словами и поступками и отца и брата. «Мятель» — тяжелая, неоконченная, но талантливо набросанная сцена изъ жизни интеллигентнаго пролетарія, едва не замерзающаго въ холодный зимній вечеръ на петербургскихъ улицахъ. «Нелли» — простая исторія дѣвушки, отказывающейся выйти за любимаго человѣка, для того чтобы поддерживать существованіе полусумашедшаго отца, изобрѣтателя неосуществимыхъ машинъ. «Гусли» — нѣсколько идеализированная исторія сторожа на желѣзной дорогѣ, у котораго сбѣжала дочь и бѣдный старикъ развлекаетъ грусть своего одиночества игрою на гусяхъ. «Теодоръ» — недурной типъ барскаго зазнавашагося лакея въ средѣ мелкихъ, но болѣе его честныхъ людей. «Шестнадцатый номеръ» — художественно изображенная сцена смерти раненаго солдата въ госпиталѣ. «Кляча» — вполне естественный, интересный типъ жены пьяницы-портнаго въ бѣдной обстановкѣ быденной жизни бѣдняковъ. Наконецъ «Цвѣтокъ» — страничка изъ дневника — раціозный, хотя и грустный рассказъ о разрывѣ между двумя любовниками.

Г. Баранцевичъ хорошо знаетъ и изображаетъ дѣтей. Два рассказа его: «На волю божь» и «Одни» — изъ жизни заброшенныхъ дѣтей — полны чувства, интереса и горькой правды. Въ первомъ рассказѣ мелкій чиновникъ живетъ съ своей кухаркой-солдаткой; у нихъ родится сынъ; въ няньки ему берутъ изъ деревни старшаго сына кухарки, Тишку, который работалъ на фабрикѣ, дѣлается негодяемъ, воруетъ, и, по наущенію еще болѣе развращеннаго мальчишки, хочетъ отравить чиновника. Тотъ выгоняетъ кухарку вмѣстѣ съ мальчишкой. Она умираетъ въ больницѣ, а сынъ ея замерзаетъ подъ заборомъ, убѣжавъ отъ чиновника, снова взявшаго его къ себѣ по смерти матери. Психическій процессъ постепеннаго паденія мальчика, которое легко можно бы было превратить, представленъ авторомъ поразительно вѣрно и вообще весь рассказъ полонъ глубокой жизненной правды. Другой отрывочный рассказъ состоитъ собственно изъ одной сцены, выхваченной изъ дѣйствительной жизни: мужикъ, схоронивъ жену, запираетъ въ избѣ троихъ дѣтей, между которыми младшій ребенокъ, и отправляется въ кабакъ поминать покойницу. Напившись съ горя, онъ засыпаетъ, идя черезъ лѣсъ, и замерзаетъ; а дѣти его едва не умираютъ отъ голода и холода. Двоихъ изъ нихъ спасаетъ добрый солдатъ отъ страшной смерти.

Лучшая и вполне законченная повѣсть г. Баранцевича, „Чужакъ“, занимаетъ болѣе трети книги. Это — прекрасно обработанный, выдержанный этюдъ, въ которомъ проведена серьезная мысль. Молодой энтузіастъ, студентъ Радунцевъ, влеченный господствовавшимъ направлениемъ — слияніемъ съ народомъ, какъ высшей цѣлью жизни, — женится на простой крестьянкѣ, но съ перваго же дня

свадьбы убѣждается, что „расчистка почвы оказалась дѣломъ гораздо труднѣе, чѣмъ онъ думалъ, требовала массу такого упорнаго, мелкаго труда, въ который онъ совершенно не былъ способенъ“. Товарищъ его Рѣзцовъ, въ день свадьбы, произноситъ слѣдующую рѣчь, стоя на стулѣ, въ сизыхъ клубкахъ табачнаго дыма:

«Некрасовъ, нашъ національный поэтъ, двумя строками охарактеризовалъ наше время, назвавъ его „подлымъ“. Метче названія не придумаешь. Оглянемся, что и видимъ? Эксплуататорства, травли, доносы, подлоги и кражи, кражи безъ конца. И все-таки въ эти „подлые“ времена бывають факты, заставляющие думать, что не все еще потеряно, что есть люди, носящіе въ себѣ признаки наступленія лучшихъ временъ. Эти люди поставили себѣ цѣлью практическое сліяніе съ народомъ, и идутъ къ этой цѣли твердо и неуклонно. Это не худосочное платоническое любованье пейзажемъ Маниловыхъ сороковыхъ годовъ; это и не снисходительно-брезгливое либеральничанье съ меньшимъ братомъ, не гражданская скорбь о мужикѣ, оплачиваемая пятачками розничной продажи;—нѣтъ это признакъ наступленія торжественнаго времени, времени обновленія ветхаго интеллигентнаго человѣка и похороны отжившаго драбана барства».

Эти горячія, правдивыя фразы, однако, такъ и остаются одними фразами. Необразованная крестьянка, конечно, не можетъ понять и оцѣнить ни ихъ, ни своего мужа. Она скоро жѣняется его на гулящаго парня, и жизнь Радунцевъ дѣлается настоящимъ адомъ, пока онъ не порываетъ съ женою всѣхъ связей. Это повѣсть, по вѣрности и художественности картинъ, по мастерской отбѣлкѣ деталей, по глубокому техническому анализу—общающа въ г. Баранцевича виднаго дѣятеля въ нашей литературѣ.

Стихотворенія А. Яхонтова. Спб. 1884.

Въ пятидесятихъ годахъ г. Яхонтовъ приобрѣлъ извѣстность, какъ хороший переводчикъ драмъ и классическихъ произведеній Гёте. Съ тѣхъ поръ менѣе стихотворенія его, оригинальныя и переводныя, появлялись по временамъ въ нашихъ журналахъ. Не принадлежа къ числу талантовъ, горажающихъ блестящею оригинальностью мыслей и формы, онъ съ честью занималъ мѣсто въ разрядѣ поэтовъ, которому римляне придавали названіе «Poetae minores». Въ стихахъ его не встрѣчалось никогда отступничества, униженія передъ силами міра, ни потворства дурнымъ инстинктамъ. Онъ не льстилъ, не воспѣвалъ стигшихъ успѣха, не издѣвался надъ павшими. Но онъ мало отзывался на прелесть минуты, на злобу дня: часто обходилъ «проклятые вопросы», и въ сѣнѣ глуши, на лонѣ природы, пѣлъ больше всего красоты этой природы, на инстинктивныхъ, инстинктивныхъ чувствахъ, отвлеченныя ощущенія; повторялъ сродные всѣмъ мотивы общія мѣста поэзіи. Сто четырнадцать пьесъ написаны имъ въ теченіе 35 лѣтъ, но бѣольшая часть этихъ пьесъ даже вскользь не касается вопросовъ современности и насъ и все человѣчество въ эти годы, полныя мировыми событіями. Къ поэту какъ нельзя больше подходитъ эпитетъ „не отъ міра сего“. Р.

своихъ произведеній онъ начинаетъ тѣмъ, что въ 1849 году, когда вся Европа взволновалась, приходитъ въ лицейскій садъ, гдѣ протекла его первая молодость и просить тишины и спокойствія у генія этого мѣста, которому первокурсники лица воздвигнули памятникъ. Затѣмъ онъ описываетъ природу, сцены любви, обольщеніе свиданій, забвеніе, прощаніе, Афродиту, южную ночь, красоту и пр.; переводитъ Гейне, Гёте, Шекспира, Мицкевича, Фредро. Все это не выдается изъ уровня общихъ мѣстъ, и только въ двухъ пьесахъ звучитъ истинно-поэтическая нота. Въ одной: «Пробираюсь я узкой межою», изображая прекрасными стихами рабочихъ на нивѣ, поэтъ проситъ, чтобы небо облегчило имъ тяжелый трудъ—«вѣдь они, изъ насущнаго хлѣба, спины съ утра до вечера гнутъ». Въ другой пѣснѣ «Безвѣтріе», онъ обращается къ родному кораблю, засѣвшему на мели, среди пустынь и мертваго молчанья, и спрашиваетъ его:

«Когда же твой желанный часъ придетъ?
И мощный вихрь на парусъ твой дохнетъ,
Зньб сонную расшевелитъ потокомъ
И встанетъ валя—и, на хребтѣ широкомъ
Поднявъ тебя, высоко вознесетъ...

Этотъ отдѣлъ сборника озаглавленъ: «Старья-молодыя пѣсни»; второй называется — «Сатирическія пѣсни». Первая сатира: «Окно въ Европу» относится къ 1863 году; въ 1861-мъ и 62-мъ—поэтъ не писалъ ничего. У этого окна, говоритъ поэтъ, «сидимъ мы слишкомъ полтора столѣтъя, дожили до тысячелѣтъя, достигли совершеннолѣтъя, а Русь-то все еще темна» Пьеса оканчивается вопросомъ: не лучше-ли намъ завалиться на печь, заколотивъ окно въ Европу? Очень недурны стихотворенія этого отдѣла: „Послѣ крымской войны“, „Рѣчь губернатора при открытіи земскаго собранія“, „Наши города“, „Вѣглыя замѣтки“, „Реакціонеры“, „Статистическій комитетъ“, и пр. Лучшая изъ этихъ пьесъ—„Яровая страда“, гдѣ меткими стихами обрисовано зло, какое приносятъ нашему народу праздники въ такое время, когда надо жать, а работать въ полѣ нельзя—то по случаю уськновенія главы; а то три дня Флора и Лавра ублажаютъ. Весь этотъ отдѣлъ посвященъ разнымъ злобамъ дня, но этихъ пьесъ всего 16, а третій отдѣлъ „Отголоски жизни“ опять не имѣетъ никакого отношенія къ интересамъ дѣйствительной, серьезной жизни, кромѣ немногихъ пьесъ: „Земская школа“, „Побѣдителя“, „Сила земская“ „Народъ“ и „Левъ“—превосходное сравненіе со льномъ народа, который и мяти и трепали, но онъ все таки не сгубилъ своей силы—даже позорнымъ рабствомъ. Счастливыхъ выраженій, отдѣльныхъ прекрасныхъ стиховъ, меткихъ фразъ у г. Яхонтова немало. Закончимъ нашу рецензію звучными стихами изъ пьесы „Народъ“:

«Темна среда, невзраченъ образъ твой
Въ годину рабства и томленья!

Ты жертвой былъ ошибки роковой
И вѣковаго преступленья;
Въ невѣжествѣ, въ грязи ты брошенъ былъ
На произволь грабителей и барства,
Ты на цѣпи наслѣдственной изнылъ,
Безсмысленный стражъ полуночнаго царствя .

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Холера на югѣ Франціи.—Родина холеры.—Предшествовавшія холерныя эпидеміи въ Европѣ.—Условія возникновенія холеры въ устьяхъ Ганга.—Холера на животныхъ.—Холерный микробъ.—Опыты Летро и Онимуса.—Изслѣдованія Галлера.—Родство холернаго грибка съ рисовымъ паразитомъ.—Работы Коха.—Общія мѣропріятія противъ холеры.—Несостоятельность карантинной системы на сушѣ.—Докладъ д-ра Бруардеса въ парижской медицинскій академіи.—Противохолерныя презервативы.—Мѣды холера.

Въ публикѣ и печати, въ академіяхъ, ученыхъ обществахъ и муниципалитетахъ, однимъ словомъ, повсюду только и рѣчи теперь, что о холерѣ, неожиданно ставшей злобою дня на европейскомъ западѣ. Этой-же «злобѣ» посвящаемъ и мы настоящую хронику.

Нынѣшняя холера, появившаяся первоначально въ Тулонѣ и почти тотчасъ же перекинувшаяся въ Марсель, есть несомнѣнно холера азиатская, какъ это почти единогласно утверждаютъ всѣ авторитетные представители медицинскій науки. Въ настоящее время, кромѣ двухъ, только что поименованныхъ пунктовъ, она распространилась по многимъ городамъ юга Франціи, добралась до Гренобля, Ліона, Парижа, куда она была завезена марсельскими и тулонскими бѣглецами, проникла въ Испанію, Португалію и Италію; отъ нея же, по слухамъ, умерло двое въ Женевѣ; были, судя по телеграммамъ, холерные случаи въ Амстердамѣ и Бирмингамѣ... Вообще, область распространенія страшнаго бича становится все шире и шире... Правда, снчти во всѣхъ названныхъ мѣстностяхъ, за исключеніемъ двухъ первоначальныхъ гнѣздъ и Италиі, болѣзнь появилась только въ отдѣльныхъ, зпорадическихъ случаяхъ и, покуда дальше не развивается; но кто онаетъ, что достаточно одного холернаго больнаго, для того чтобы заразить цѣлый городъ, цѣлую страну и даже весь континентъ, — для того станетъ понятно, почему вся Европа находится теперь подтвліяніемъ страха передъ опустошительною эпидемією. Европейскія правительства одно за другимъ учреждаютъ карантинны, принимаютъ

сезонныя мѣры предосторожности на случай занесенія заразы. асколько всё эти мѣры могутъ считаться цѣлесообразными и дѣйствительными, объ этомъ мы будемъ говорить ниже; теперь же затѣмъ только, что, по мнѣнiю нѣкоторыхъ компетентныхъ ученыхъ, сей Европѣ на этотъ разъ не миновать эпидемiи. Будемъ надѣяться, что это грозное пророчество не исполнится.

Холерою, какъ извѣстно, угрожаетъ насъ Азiя и, главнымъ образомъ, Индiя, гдѣ болѣзнь эта, подъ именами *Vedi-Vandi*, *Mageshi*, *Morduchim*, извѣстна была съ давнихъ поръ. Когда въ П вѣкѣ нашей эры арабы завладѣли Индостаномъ, врачи ихъ не нашли тамъ холеру и описали ее подъ именемъ *Nachiasa*. одну изъ жестокихъ мѣстныхъ эпидемiй наблюдалъ, въ XVII в., *Anticus*, врачъ индiйской компании. Наконецъ, въ XVIII в. англичанамъ три раза пришлось серьезно считаться съ холерою въ Индiи, именно, въ 1757, 1769 и 1781 годахъ. Въ послѣдней изъ названныхъ годовъ, изъ 5,000 солдатъ, бывшихъ подъ начальствомъ лковника Пирса и находившихся въ походѣ, въ какой нибудь часъ гибло болѣе 500 человекъ. Среди войскъ болѣзнь получила тогда гразительное названiе «собачьей смерти». Черезъ два года послѣ того затихнувшая было эпидемiя, благодаря огромному скопленiю пиримовъ въ Гурдваарѣ, вспыхнула съ новою силою, причемъ въ одну нибудь недѣлю погубило болѣе 20,000 индусовъ. До какой степени свирѣпа была другая эпидемiя, 1817 года, объ этомъ читатель жетъ судить по слѣдующему факту: дивизiя маркиза Гастингса, состоящая изъ 10,000 европейскнхъ и 80,000 туземныхъ солдатъ, въ свое короткое время потеряла $\frac{3}{4}$ своего служебнаго персонала. Болѣзнь разлила людей съ быстротою молнiи; часовые гибли, какъ мухи; каждомъ изъ караульныхъ постовъ, въ теченiе двухъ часовъ, пришло «истрачивать», среднимъ числомъ, по четыре человекъ; слуги, носившіе больныхъ въ госпитальные бараки, падали на доль; каждый день выбывало изъ строя по 1,000 человекъ!... Во этой Индiи холера унесла въ этотъ страшный годъ болѣе 60,000 ртвъ... Достигнувъ такой степени интенсивности, болѣзнь не могла, конечно, остаться въ предѣлахъ, которыми до того времени ограничивалось ея распространенiе и въ которыхъ она имѣла эпидемическiй характеръ. Неожиданно разразившись въ 1818 году въ Калькуттѣ, она чрезвычайно быстро охватила весь внутрениій Индостанъ, также и все побережье до Мадраса, Нагпура и Бомбея, перешла въ слѣдующемъ году на Цейлонъ, Коромандельскiй берегъ, полуостровъ Лакку, въ Бирманiю, Суматру, даже острова св. Маврикія и Соединенiя. Въ 1820 году, холерою уже были захвачены голландскiя владѣнiя, а въ 1821 году болѣзнь добралась до Китая, Персіи и Сирiи; въ слѣдующіе два года перебралась на Кавказъ, черезъ европейскую границу, и распространилась вдоль западнаго берега Каспійскаго моря,

вплоть до Астрахани. Здѣсь она, мало по малу ослабѣвая, оставалась до 1829 года, когда послѣдовалъ новый, страшный взрывъ ея. На этотъ разъ эпидемія охватила всю Сибирь, а затѣмъ и Европейскую Россію. Въ сентябрѣ 1830 года появился первый холерный больной въ Москвѣ, по которой зараза и распозлмась въ очень короткое время, причеъ въ два мѣсяца изъ 10,000 заболѣвшихъ умерло около половины. Въ теченіе этой первой пандеміи, въ Европейской Россіи заболѣло всего 561,135 человекъ, изъ которыхъ умерло 243,117 чел., т. е. 43%... Въ апрѣлѣ 1831 года холера свирѣпствовала уже въ Варшавѣ, а въ августѣ того-же года зараженными оказались вся Пруссія и Австрія;—въ Берлинѣ погибло при этомъ около 1,400 ч., а въ Вѣнѣ до 2,000 ч. Азіатская гостья не замедлила затѣмъ водвориться въ прибалтійскихъ провинціяхъ, а вскорѣ перешагнула и Сѣверное море. Въ январѣ 1832 года она была уже въ Эдинбургѣ, а въ февралѣ добралась и до Лондона. Отсюда до Франціи рукой подать,—и вотъ, въ мартѣ, мы встрѣчаеъ холеру въ Кале, а черезъ недѣлю и въ Парижѣ, гдѣ въ четыре первые дня она поглотила 300 жертвъ. Всего за время эпидеміи, тотчасъ-же распространившейся по всей Франціи и длвшейся почти полгода, Парижъ изъ 646,000 тогдашняго своего населенія потерялъ около 19,000 ч... Съ европейскаго запада зараза перенеслась и черезъ Атлантическій океанъ: въ срединѣ 1832 года холера опустошала уже Квебекъ. Затѣмъ, она снова вернулась въ Европу, проникла въ 1833 году въ Португалію, охватила Испанію, перекочевала на югъ Франціи, гдѣ, въ 1835 году, и угасла окончательно. Таковъ былъ первый дебютъ холеры на европейскомъ континентѣ.

Вторая холерная эпидемія имѣла исходнымъ пунктомъ ту-же Индію, распространилась, въ теченіе 1848 года, тѣмъ-же путемъ, какъ и предыдущая, и добралась черезъ годъ до Африки. Третья возникла въ 1851 году самопроизвольно или, вѣрнѣе, возродилась изъ плохо погашеннаго очага въ сѣверной Германіи; въ 1854 году холера охватила Францію, въ которой унесла 150,000 жертвъ, и въ первый разъ, черезъ Ирландію, С. Америку и Антильскіе острова, добралась до Бразиліи. Въ Россіи, строго говоря, она не прекращалась съ 1848 г. и длилась до 1859 г., погубивъ за это время изъ 2.589,800 заболѣвшихъ 1.032,864 ч... Четвертая эпидемія шла инымъ путемъ: начавшись въ 1865 году въ Египтѣ и С. Африкѣ, зараза перенеслась черезъ Средиземное море и почти одновременно распространилась по Италіи, Испаніи, Франціи; заглянула и въ Россію. Пятая, т. е. эпидемія 1873 года, проникла въ Европу опять по сѣверовосточному пути и на этотъ разъ не вышла за предѣлы нашего материка. Выбѣсъ съ предыдущею, она унесла въ Россіи около 327,000 жертвъ. Она была несравненно слабѣе прежнихъ, и въ этомъ отношеніи можетъ быть поставлена наряду съ теперешнею эпидеміею, по счету—шестю...

Вообще, нужно замѣтить, что съ каждымъ новымъ появленіемъ холера становится какъ будто бы все слабѣе и доброкачественнѣе. Такъ, статистика показываетъ, что, по крайней мѣрѣ, въ Парижѣ смертность отъ холеры все болѣе и болѣе понижается. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1832 г. въ этомъ городѣ умерло отъ нея около 19,000 ч., въ 1849 г. столько-же, въ 1853—54 гг.—7,626 ч., въ 1865—66 гг.—5,751, а въ 1873 г. всего только 854 человекъ. Такъ какъ нѣтъ никакихъ основаній думать, что самъ холерный ядъ, заносимый къ намъ изъ Индіи, вырождается, дѣлается слабѣе, то ослабленіе европейскихъ эпидемій нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, какъ улучшеніемъ гигиеническихъ условий жизни, благодаря которому почва для развитія заразы становится все менѣе и менѣе благопріятною.

Какъ мѣстная болѣзнь, холера господствуетъ въ Кохинхинѣ, въ дельтѣ рѣки Сайгона, и въ Тонкинѣ, откуда она, какъ предполагаютъ, и была завезена теперь въ Тулонъ. Но главная ея резиденція находится въ дельтѣ Ганга, гдѣ мѣстность заражена убійственными миазмами, обязанными своимъ происхожденіемъ священной рѣкѣ индусовъ. Рѣка эта наноситъ, въ нижнемъ своемъ теченіи, массу животныхъ и растительныхъ остатковъ, которые разлагаются подъ палящими лучами солнца и наполняютъ атмосферу ядовитыми испареніями. «Болотистые лѣса, разросшіеся при слияніи Брамапутры и Ганга, совершенно непроницаемы,—говоритъ по этому поводу Лебазейль въ своей книгѣ—«Fogê». Тамъ кишатъ крокодилы и змѣи... Мѣсто это считается колыбелью холеры... Еслибы лѣса дельты Ганга и были менѣе неприступны, то человекъ все равно не могъ-бы отважиться проникать въ нихъ. Воздухъ тамъ до крайности удушливъ, насыщенъ парами, зараженъ миазмами, отдѣляющимися изъ почвы, покрытой разлагающимися органическими массами и безчисленными бактеріями почти совсѣмъ стоячей воды. Жить тамъ совершенно невозможно; провести въ этихъ дѣряхъ хотя-бы только одну ночь—значитъ, подвергнуться вѣрной смерти...» Нѣтъ ничего удивительнаго, что упомянутые миазмы породили интересующую насъ болѣзнь среди мѣстнаго населенія, живущаго въ крайней нищетѣ, отличающагося поразительною нечистоплотностью и неряшливостію, и не имѣющаго понятія даже о самыхъ элементарныхъ гигиеническихъ мѣрахъ... Но разъ болѣзнь эта волякла, она, не смотря на свой специально мѣстный характеръ, не щадитъ уже ни одной человѣческой расы, хотя и нужно замѣтить, что не всѣ расы одинаково сильно страдаютъ отъ нея; такъ, негры оказываются несравненно болѣе воспріимчивыми къ холерѣ, чѣмъ расы азіатскія и въ особенности раса желтая. Замѣчательнѣе всего то, что наравнѣ съ людьми отъ холеры гибнутъ и животныя. Эпидемія 1832 года унесла во Франціи множество домашней птицы; въ Индіи отъ холеры околѣваютъ верблюды и козы; въ Алжирѣ, въ 1859 году, эпидемія сильно опустошила свинья стада...

Утверждаютъ даже, что громадная смертность рыбъ въ долину Арпажана (1832 г.) и въ Каспійскомъ морѣ (1855 г.) зависѣла ни отъ чего иного, какъ именно отъ той-же холеры.

Въ настоящее время стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній тотъ фактъ, что болѣзнетворный агентъ, распространяющій холеру, заключается главнѣйшимъ образомъ въ изверженіяхъ холерныхъ больныхъ. Уже въ 1849 г. въ этихъ изверженіяхъ доказано было присутствіе вибрионовъ (Пуше); но всѣ попытки произвести холеру искусственно, путемъ непосредственной прививки этихъ паразитовъ, долгое время оставались вполне безуспѣшными; — и только съ тѣхъ поръ, какъ начали экспериментировать надъ кишечною жидкостью, выведенною изъ организма больного за нѣсколько дней до опыта, стали получаться положительные результаты. Такъ, 70 мышей, которымъ давали пить эту жидкость въ свѣжемъ состояніи, всѣ остались цѣлы и невредимы, между тѣмъ какъ другія 34 мыши, попробовавшія холерныхъ изверженій, простоявшихъ на воздухѣ около шести дней, всѣ до одной заразились и погибли отъ холеры. Нѣкоторыми учеными фактъ этотъ объясняется тѣмъ, что взрослые микробы, находящіеся въ свѣжихъ изверженіяхъ, сами по себѣ не заразительны и что переносчиками холернаго яда служатъ ихъ споры, для размноженія которыхъ требуется извѣстное время. Это весьма вѣроятное объясненіе подтверждается, повидимому, и слѣдующимъ любопытнымъ опытомъ Летро и Онимуса. Одна изъ больничныхъ залъ, въ которой помѣщались холерные больные, была наполнена парами воды, которые и были затѣмъ подвергнуты сгущенію. Если холера дѣйствительно передается при посредствѣ споръ, выдѣляемыхъ въ атмосферу грибами холерныхъ изверженій, то водяные пары должны были, при своемъ сгущеніи, увлечь ихъ съ собою и дать жидкость, способную вызывать болѣзнь. И дѣйствительно, вводя полученную изъ паровъ жидкость въ вену собаки, Летро и Онимусъ вызвали у послѣдней характерное холерное заболѣваніе.

Дальнѣйшія наблюденія и изслѣдованія заподозрѣнныхъ въ произведеніи холеры микроорганизмовъ дали, между прочимъ, слѣдующій любопытный результатъ. Врачъ Галлеръ, изъ Іены, подмѣтилъ большое сходство между грибами, находимыми въ холерныхъ изверженіяхъ, и грибами вида *urocystis*, которые, при своемъ развитіи, подвергаются извѣстнымъ метаморфозамъ и въ одинъ изъ періодовъ своей эволюціи живутъ на пшеницѣ и рисѣ. Желая провѣрить, насколько близко родство между упомянутыми грибами, Галлеръ оросилъ холерными изверженіями зерно риса, находившагся въ состояніи ферментаціи, и черезъ нѣсколько дней пашель, что всѣ эти зерна покрылись разросшимися трубочками мицелія *urocystidis*. Наблюденіе это, устанавливающее тѣсную родственную связь между холернымъ и рисовымъ грибомъ, получить въ нашихъ глазахъ еще большее значеніе, если мы сопоставимъ его съ тѣмъ фактомъ, что вели-

кая холерная эпидемія 1817 года,—въ первый разъ, благодаря своей необычайной силѣ, распространившаяся за свои естественныя границы,—какъ разъ совпала съ болѣзнью риса въ Индіи... Въ виду всего этого, имѣются серьезныя основанія предположить, вмѣстѣ съ Бордье, что паразитъ, производящій холеру, подвергается ряду метаморфозъ, причемъ каждой изъ послѣднихъ соотвѣтствуетъ определенная среда: влажная почва, рисъ, животный организмъ... А если это такъ, то рисовыя плантаціи, разводимыя всегда въ мѣстностяхъ сырыхъ, необходимы для развитія и, такъ сказать, сохраненія холернаго яда. Гипотеза эта могла-бы объяснить намъ и тотъ фактъ, что холера господствуетъ эндемически только тамъ, гдѣ существуютъ болота, занятые культурою риса.

Послѣ Галлера не было сдѣлано почти ничего для рѣшенія вопроса о генезисѣ холеры. Въ прошломъ году, когда эта послѣдняя свирѣпствовала въ Египтѣ, экспериментальными изслѣдованіями по этому вопросу занимались, какъ извѣстно, французская и нѣмецкая ученые комисіи, послѣдняя подъ личнымъ руководствомъ Коха,—но результаты работъ этихъ комисій были отрицательный. Правда, Кохъ открылъ въ кишечникѣ холерныхъ больныхъ, среди другихъ микробовъ, особенный видъ бациллъ, которыя, повидимому, имѣютъ непосредственное отношеніе къ занимающей насъ болѣзни; по путемъ прививки эти т подозрительныхъ микроорганизмовъ ему однако же ни разу не удалось вызвать холеры ни у одного животного. Неудача въ данномъ случаѣ можетъ быть объяснена тѣмъ, что Кохъ прибылъ въ Египетъ слишкомъ поздно; а извѣстно, что холерный ядъ постепенно ослабляется къ концу каждой эпидеміи и, наконецъ, совсѣмъ перестаетъ дѣйствовать на животный организмъ.

Вышеприведенными данными, и ограничиваются наши свѣдѣнія о холерѣ, дѣйствительная природа которой, по нашему мнѣнію, можетъ быть открыта только на мѣстѣ происхожденія, въ ея колыбели, въ Индіи. На Индію-же, изъ которой этотъ бичъ распространяется по всему свѣту, должно быть обращено преимущественное вниманіе и санитаровъ, и правительствъ. Потушится главный холерный очагъ на берегахъ Ганга, и другія страны будутъ гарантированы отъ неприятныхъ сюрпризовъ, подобныхъ нынѣшнему тулонскому. Все это однакоже дѣло будущаго; а что-же предпринимать теперь, когда холерный микробъ безпрепятственно разгуливаетъ по бѣлу свѣту и наводитъ панику на все человѣчество? Возможно-ли защищаться отъ заразы, разъ она появилась гдѣ нибудь по сосѣдству? Есть-ли какія нибудь мѣры для предупрежденія заболѣванія холерою? Поддается-ли, наконецъ, холера лѣченію и насколько можно рассчитывать на такъ называемыя противохолерныя средства?

Хотя холерный микробъ до сихъ поръ еще и не констатированъ съ точностью, но тѣмъ не менѣе никто въ настоящее время не со-

мѣвается въ его существованіи. Выше нами было уже замѣчено, что болѣзнь распространяется главнѣйшимъ образомъ при посредствѣ холерныхъ изверженій, изобилующихъ болѣзнетворными микробами. Изъ изверженій они поступаютъ,—какъ это доказывается, между прочимъ, опытами Лелро и Онимуса,—въ атмосферу, откуда попадаютъ въ воду, въ пищевые продукты, и такимъ образомъ заражаютъ организмъ черезъ пищеварительные, а, можетъ быть, также и черезъ дыхательные органы. Въ виду такого способа развитія и распространенія холерной заразы, какъ и всякихъ другихъ заразъ, обусловливаемыхъ микроорганизмами, мы уже à priori можемъ заключить, насколько дѣйствительны и цѣлесообразны тѣ общія мѣры, которыя принимаются обыкновенно ради огражденія той или другой страны отъ эпидеміи. Легче всего констатируется переносъ или разносъ заразы по путямъ сообщенія,—и вотъ устраиваются карантинныя, устанавливаются санитарныя кордоны; люди и вещи, прибывающіе изъ зараженныхъ или подозрительныхъ мѣстностей, подвергаются дезинфекціи. На первый взглядъ, такой способъ дѣйствія можетъ показаться вполне рациональнымъ и достигающимъ предполагаемой цѣли: заразный очагъ такимъ образомъ изолируется отъ окружающаго міра и, слѣдовательно, распространенію заразы полагается предѣлъ. Но такъ-ли это въ самомъ дѣлѣ? Для того, чтобы изоляція дѣйствительно могла служить предохранительною мѣрою, безусловно необходимо, чтобы она была полною, чтобы здоровая страна была на самомъ дѣлѣ строго обособлена, отрѣзана отъ страны зараженной. Но вѣдь мы хорошо знаемъ, что это практически невыполнимо. Извѣстно, что санитарныя строгости, въ виду ихъ стѣснительности, всегда обходятся, что сообщенія съ больною страной или мѣстностью всегда продолжаются, несмотря ни на какіе карантинныя и кордоны. Но допустимъ на минуту, что людское движеніе между данными странами дѣйствительно удалось прервать не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Спрашивается, достаточная-ли эта гарантія, что зараза не перешагнетъ черезъ поставленный для ея остановки барьеръ? Ни въ какомъ случаѣ. Вѣдь помимо людей, есть всевозможныя наземныя животныя, птицы, насекомыя, которыя легко могутъ переносить заразу съ мѣста на мѣсто и передвиженіе которыхъ стоитъ уже внѣ всякаго контроля. Пробѣжить черезъ охраняемую демаркаціонную черту собака, прошмыгнетъ мышъ, пролетитъ какой нибудь воробей, голубь или муха,—вотъ вамъ и пошли прахомъ всѣ усилія, потраченныя на огражденіе и изоляцію. А мы еще ни слова не сказали ни о водѣ, ни о воздухѣ, которые, какъ извѣстно, служатъ прекрасными проводниками заразы и движеніе которыхъ опять таки невозможно регламентировать... Во что же, при такихъ условіяхъ, обращается изоляція при помощи карантинныхъ и кордоновыхъ?!.. Не есть-ли она только голая фикція, безъ всякаго реальнаго содержанія?!.. И дѣйствительно, опытъ всѣхъ странъ-

и время, не исключая и самоновѣйшихъ, показываетъ намъ, что разъ та или другая эпидемія появилась въ извѣстномъ пунктѣ и обнаруживаетъ при этомъ наклонность къ распространенію, то, не смотря ни на какіе барьеры и загражденія, она неудержимо расплзается вдоль и поперекъ... Разобщеніе, если оно примѣняется строго, имѣетъ разумное основаніе развѣ только для странъ, отдѣленныхъ одна отъ другой океаномъ; но какъ только губительный микробъ переплылъ (на корабляхъ) океанъ и водворился въ какомъ нибудь уголкѣ нашего континента, всѣ страны этого континента находятся въ серьезной опасности подвергнуться зараженію, какъ-бы усердно онѣ ни изолировались одна отъ другой. Въ виду всего вышесказаннаго, намъ станетъ понятно, почему многіе компетентные люди, изъ числа которыхъ мы укажемъ для примѣра на доктора Коха, предсказываютъ распространеніе теперешней южно-французской холерной эпидеміи на всю Европу.

По мѣрѣ того, какъ развивается и крѣпнетъ современное ученіе о паразитарномъ характерѣ заразныхъ болѣзней и распространеніи ихъ, все болѣе и болѣе падаетъ и кредитъ старыхъ традиціонныхъ способовъ и мѣръ огражденія отъ эпидемій. Извѣстно, что число противниковъ сухопутныхъ карантинныхъ и кордоновыхъ постоянно растетъ. Въ числу такихъ противниковъ, кромѣ извѣстнаго профессора Петенкофера, относится, между прочимъ, и профессоръ Бруардель, которому парижская медицинская академія, въ виду запроса со стороны министерства торговли, поручила составить докладъ по вопросу о предохранительныхъ мѣрахъ противъ эпидеміи. Вотъ главнѣйшіе пункты этого доклада, вотированные послѣ преній въ засѣданіи гигиенической секціи академіи 15-го іюля. „Сухопутные карантинны, въ какомъ-бы видѣ ихъ ни устраивать, практически неосуществимы во Франціи“. Положеніе это,—говоритъ Бруардель,—есть ничто иное, какъ простое констатированіе факта. Карантинныя мѣропріятія, практиковавшіяся въ Пруссіи, Австріи и другихъ странахъ, приводили только къ тому, что сами санитарные кордоны обращались въ очаги заразы. Никогда, ни въ единомъ случаѣ они не могли воспрепятствовать распространенію холеры. „Дезинфекція пассажировъ и багажа, въ томъ видѣ, какъ она практикуется теперь на вокзалахъ желѣзныхъ дорогъ, не дѣйствительна“. На главнѣйшихъ вокзалахъ должны быть устроены медицинскіе посты для поданія помощи заболѣвающимъ путешественникамъ и для изоляціи ихъ. И наконецъ: „дѣйствительными предохранительными мѣрами могутъ считаться только тѣ, которыя принимаются каждымъ жителемъ для себя и своего дома“. Далѣе слѣдуютъ параграфы объ обязанностяхъ муниципалитетовъ наблюдать за строгимъ исполненіемъ законовъ, декретовъ и регламентовъ относительно общественной гигиены.

Члены академіи, не пожелавшіе обманывать публику рекомендаціей мѣръ, въ дѣйствительность которыхъ они сами не вѣрятъ, и воти-

ровавшие вышеприведенныя положенія Бруарделя, подверглись строгому реприманду со стороны общей печати. „Какой толкъ, — завопили газеты, — въ этомъ ученомъ ареопагѣ, предоставляющемъ обывателя на произволъ судьбы и взывающемъ къ его собственной инициативѣ, къ его личнымъ усиліямъ!.. Дѣйствительными, дескать, могутъ быть только тѣ мѣры, которыя каждый приметъ на свой рискъ и страхъ... Что можетъ быть безсодержательнѣе и бесполезнѣе такой „ученой“ рекомендаціи!..“ Въ самомъ дѣлѣ, такая рекомендація дѣйствительно не Богъ вѣсть что такое. Но что-же дѣлать „ученому ареопагу“, если наука, расшатавшая вѣру въ старые приемы и средства борьбы съ эпидеміею, не указала еще никакихъ новыхъ, болѣе дѣйствительныхъ и цѣлесообразныхъ, мѣръ?!.. Кто, спрашивается, выигралъ-бы отъ того, что представители знанія, не желая „компрометировать“ свою ученую репутацію въ глазахъ профановъ, стали-бы прикрывать своимъ авторитетомъ мѣры, потерявшія научный *raison d'être*?!.. Не желая останавливаться долѣе на этомъ вопросѣ, мы, слѣдуя совѣту академіи, обратимся къ мѣрамъ личной профилактики и скажемъ, въ заключеніе, нѣсколько словъ о томъ, въ какомъ положеніи стоитъ вопросъ о частныхъ способахъ борьбы съ холерною заразою.

Чистота, опрятность, умѣренность въ пищѣ и питъѣ, — однимъ словомъ, гигиеничный образъ жизни, — вотъ, какъ извѣстно, наилучшій презервативъ, какъ отъ холернаго, такъ и отъ всякаго другаго заразнаго заболѣванія. Что-же касается до специальныхъ презервативовъ, специфическихъ антихолерныхъ средствъ, то рядъ ихъ удлиняется съ появленіемъ каждой новой эпидеміи, хотя всѣ они, — за исключеніемъ, можетъ быть, одной мѣди, настойчиво рекомендуемой докторомъ Бюркомъ, — оказываются безсильными на дѣлѣ. Кромѣ препаратовъ опиума и подкожныхъ впрыскиваній морфія, наилучшіе результаты даетъ, повидимому, вдыханіе кислорода... На основаніи невыдерживающей критики аналогіи между холернымъ микробомъ, съ одной стороны, и мускардиной шелковичнаго червя, а также о *i d i u m* омъ, поражающимъ виноградники, съ другой, — нѣкоторые рекомендуютъ сѣру, какъ „вѣрный“ (!) презервативъ отъ холеры. Въ напечатанномъ въ „Figaro“ письмѣ къ академику Пальерону, г. Клячко обращаетъ вниманіе компетентныхъ людей на тотъ фактъ, что тѣ многочисленныя мѣстности въ Галиціи, въ которыхъ производится добываніе петроля, никогда не поражаются холерою... Итакъ, значитъ, выдвигается на сцену еще одинъ новый „презервативъ“, — петроль.

Судя по сообщеніямъ доктора Бюрка и множества другихъ наблюдателей, прекраснымъ, — какъ предохранительнымъ, такъ и лѣчебнымъ, — средствомъ противъ холеры служить мѣдь. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ, имѣвшіе случай наблюдать рабочихъ въ мѣдномъ производствѣ, единогласно утверждаютъ, что эти рабочіе и вообще лица, постоянно имѣющіе дѣло съ мѣдью, почти совершенно застрахованы отъ холер-

наго заболѣванія. Въ виду этого, Бюркъ предлагаетъ пропитывать организмъ мѣдью, употреблять ее какъ снаружи, такъ и внутри. Для наружнаго употребленія могутъ служить пояса, сдѣланные изъ мѣдныхъ пластинокъ и надѣваемые прямо на тѣло. Подъ вліяніемъ кожной влажности, подъ такимъ поясомъ будетъ образовываться мѣдная зелень, которую не слѣдуетъ смывать съ тѣла, такъ какъ она-то именно, всасываясь черезъ поры кожи, и обуславливаетъ невосприимчивость къ болѣзни. Кромѣ мѣднаго пояса, можно носить также рубашку или жилетъ, пропитанные растворомъ какой нибудь мѣдной соли. Внутри назначаются пилюли изъ черной окиси мѣди. Лицамъ, особенно склоннымъ къ заболѣванію, Бюркъ рекомендуетъ, помимо всего сказаннаго, дѣлать ежедневно влистіры изъ тепловатой воды, содержащей въ растворѣ небольшое количество сѣрнокислой мѣди. Затѣмъ, онъ совѣтуетъ въ холерное время готовить пищу въ нечуженой мѣдной посудѣ и обкуривать тою-же мѣдью жилища помещенія. Для этой послѣдней цѣли, по его словамъ, съ удобствомъ могутъ служить обыкновенныя жестяныя спиртовыя лампы, наполненныя спиртовымъ растворомъ двухлористой мѣди... Замѣтимъ въ заключеніе, что, по наблюденіямъ того-же Бюрка, мѣдь можетъ оказать большія услуги и при лѣченіи холерныхъ больныхъ. Такъ, наложеніе мѣдныхъ арматуръ на члены останавливаетъ и предупреждаетъ развитіе судорогъ, являющихся, какъ извѣстно, однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ припадковъ въ ходѣ болѣзни.

И. Д.

ФОНОГРАФЪ.

(Фельетонъ „Наблюдателя.“)

Фантастическій край.

Край проворныхъ интендантовъ,
Образованныхъ воровъ,
Ярыхъ классиковъ-педантовъ,
Ошалѣлыхъ обскурантовъ,
«Подтасовки мастеровъ»...
Край господства оперетокъ,
Неуспѣха дѣльныхъ книгъ,
Гибкихъ лозъ для малолѣтокъ,
Съ подлымъ запахомъ газетокъ,
И подвоховъ и интригъ...
Край валетовъ черной банды;
Роль играющихъ «свиной»,
Прощѣтанья контробанды,
Спиритизма пропаганды,
И унылыхъ сѣрыхъ дней...
Край тевтонской алчной моли,
Иудейской саранчи;
Кабаковъ, мужицкой голи...
Край, гдѣ мрутъ въ когтяхъ недоли
Язвъ общественныхъ врачи...
Край разнузданности, спячки,
Гдѣ болванамъ—просто рай,
Жизни мелки такъ задачи,
Гдѣ растутъ, растутъ болячки...
Вотъ онъ, вотъ волшебный край!

Эндимионъ Вампировъ.

Въ современномъ стилѣ.

«Мужикъ, мужикъ!...» твердили годы;
Ему слагали чуть не оды!..
Мужикъ давилъ, на насъ садился...
Мужикъ мнѣ кумомъ приходился!
Училъ меня пахать и сѣять,
Хлѣбъ молотить и тутъ же вѣять...
Довольно съ насъ!.. Пора, пора
Его гнать въ шею со двора!

Возились съ нимъ мы четверть вѣка
 И въ немъ признали человѣка;
 Съ собой за столъ его сажали,
 Его чуть-чуть не обожали..
 Мужикъ возмнилъ... Скорѣе въ шею
 Ведите гнать его лакею!..

Довольно шутокъ! Ужь пора
 Прогнать нахала со двора!

А. Аленторовъ.

Странная судьба.

Давноль-ль средь этихъ пустырей
 Носился витязь угорѣлый
 И, свирѣпѣя какъ Борея,
 Пускалъ клеветъ тушья стрѣлы?
 Соваль «доклады» всѣхъ родовъ,
 Подъ видомъ причитаній слезныхъ,
 И распинался за «жидовъ»,
 За королей дорогъ желѣзныхъ.
 Въ грязи нещадно волочилъ
 Вопросъ военный злополучный,
 Pamфлеты дикіе строчилъ
 Или «прожектъ» пустой, докучный.
 Все было здѣсь полно тоски,
 Такой, что дохла даже муха,—
 И какъ сыпучіе пески
 Въ Сахарѣ—такъ все было сухо...
 А нынѣ, въ этихъ-же мѣстахъ,
 Инымъ—веселымъ—духомъ вѣтеть;
 Гаменъ, съ улыбкой на устахъ,
 Усердно здѣсь «клубничку» свѣтеть.
 Здѣсь нынѣ бьетъ каскадомъ рѣчь
 О шляпкахъ, юбкахъ и турнюрахъ,
 О формахъ женскихъ ножекъ, плечъ,
 И неизвѣданныхъ «амурахъ».
 Нерѣдко здѣсь идетъ пальба
 Изъ-за Камиллы иль Сюзеты...
 Ахъ, что за странная судьба
 Академической газеты!...

Духъ.

СОДЕРЖАНІЕ № 9-го

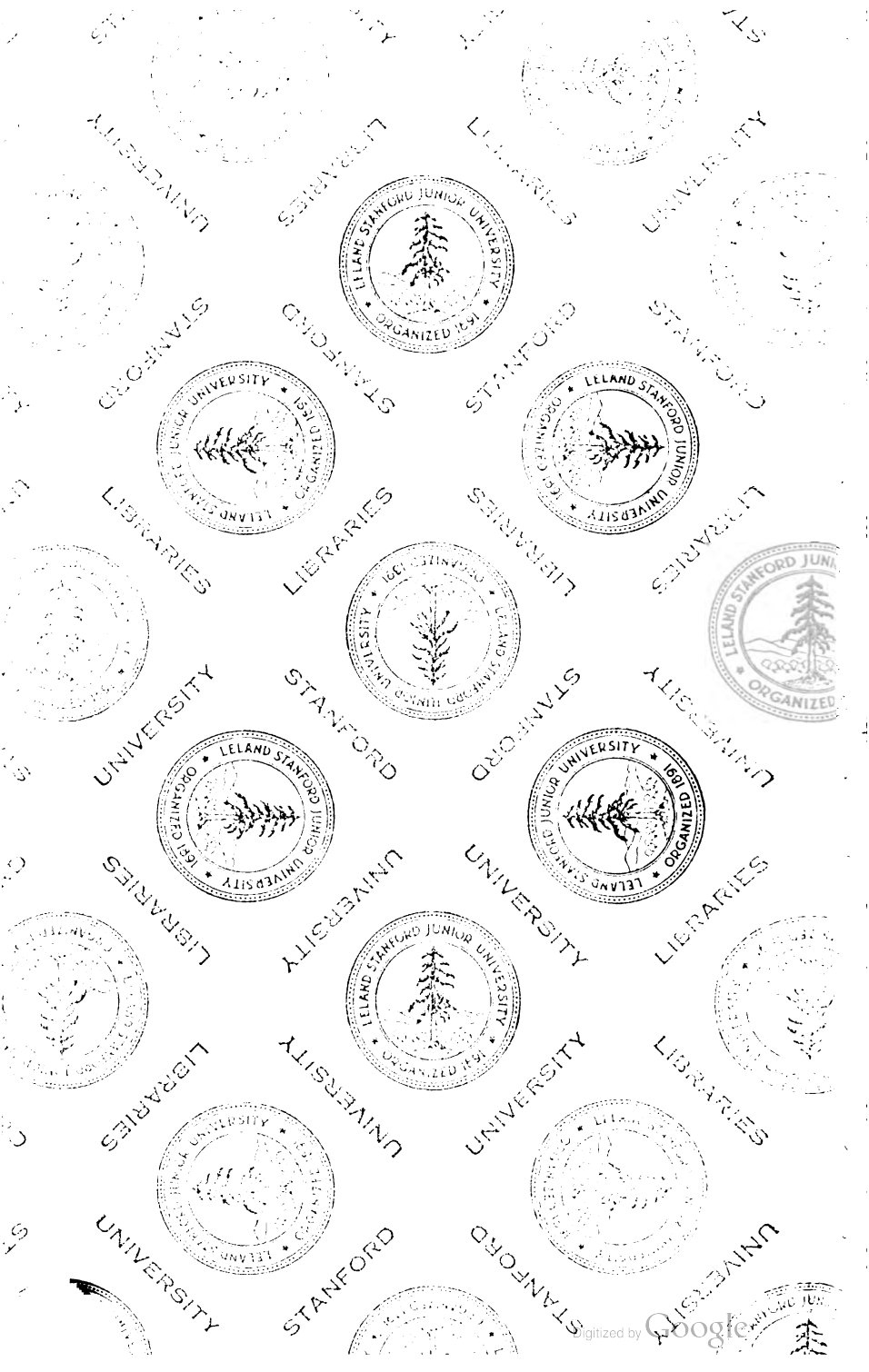
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА:

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“.

I. Призраки счастья. Комедія В. Крылова	3
II. Два поколѣнія. Стихотвореніе Омуревскаго.	68
III. Новыя театральныя дѣла. П. Д. Боборыкина	71
IV. Жанъ Рокелэнъ. Разсказъ Джоржа Кэбля.	87
V. Петербургскій съѣздъ представителей городскихъ обществъ взаимнаго отъ огня страхованія	110
VI. Лиза Флѣронъ. Романъ Онэ	118
VII. Знакомые люди. Романъ В. Л. Маркова	209
VIII. Два стихотворенія А. Орлова	231
IX. Послѣднія десять лѣтъ жизни барона Брамбеуса. А. В. Старчевскаго.	233
X. Сафо. Парижскіе нравы, Романъ Альфонса Додэ.	248
XI. Опытъ жизни. Стихотвореніе А.—вой	294

Современное обозрѣніе.

XII. Заграничныя письма. И. Денисова.	1
XIII. Наши внутреннія дѣла.	19
XIV. Политическая хроника	36
XV. Новыя книги	55
XVI. Научная хроника. И. Д.	62
XVII. Фонографъ (фельетонъ „Наблюдателя“)	72

**Stanford University Libraries
Stanford, California**

Return this book on or before date due.

AP
50
N33
V3
no. 9
18

